

С. Гопал

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Биография том I

1889-1947

Прогресс.

Sarvepalli Gopal

**JAWAHARLAL
NEHRU**
A Biography

Volume One
1889-1947

BOMBAY
OXFORD UNIVERSITY PRESS
DELHI CALCUTTA MADRAS
1976

Сарвепалли Гопал

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Биография

том I
1889-1947

Общая редакция П. В. Куцобина

Издательство · Прогресс ·
Москва

ББК63.3(5Ид)

Г66

Перевод с английского — И. М. КУЛАКОВСКОЙ-ЕРШОВОЙ
и М. Х. ТАРХОВОЙ

Общая редакция — П. В. КУЦОБИНА

Редактор — И. С. КОРНЕЕВА

Гопал С.

Г66 Джавахарлал Неру. Биография: В 3-х т. Т. I.
1889—1947: Пер. с англ./Общ. ред. П. В. Куцобина.—
М.: Прогресс, 1989.— 448 с.: с ил.

Известный индийский историк посвятил свое трехтомное исследование анализу политической деятельности Дж. Неру. Это самая основательная биография великого сына индийского народа.

В первом томе показана деятельность Неру в период колониального британского владычества, когда происходило становление его как политического деятеля, активного участника борьбы за национальную независимость Индии, ставшего одним из лидеров партии Индийский национальный конгресс и ближайшим сподвижником М. Ганди.

Расчитана на специалистов, преподавателей, студентов и читателей, интересующихся проблемами Индии.

Г $\frac{0801000000-239}{006(01)-89}$ —51—89

ББК63.3(5Ид)

ISBN 5—01—001567—6

© Sarvepalli Gopal, 1975

© Перевод на русский язык,
издательство «Прогресс», 1989

Как вождь индийского народа, представитель новых устремлений Азии, выразитель совести мира, Джавахарлал Неру сыграл выдающуюся роль в истории двадцатого столетия. Поскольку он был столь неординарной личностью, любое исследование его жизни не может ограничиваться рамками простого жизнеописания великого человека. Первый том, охватывающий период его борьбы за освобождение Индии, становится, благодаря важному месту, которое он в ней занимал, чуть ли не историей последних тридцати лет индийского националистического движения. Хотя основное внимание уделяется только одному человеку, а события, в которых его роль была второстепенной, не освещаются, охват главных событий по необходимости весьма широк. В следующих двух томах, посвященных семнадцатилетнему пребыванию Неру на посту премьер-министра, применяется тот же подход.

На протяжении этого тома я называю Неру просто Джавахарлалом, а не Джавахарлалом Неру. Это дает возможность не путать его с его отцом Мотилалом Неру, которому много места уделено в первой половине тома. Но, кроме того, есть и другое объяснение этой вольности. В данном томе рассматриваются прежде всего события, происходившие в Индии, участие в них ее народа, а для народа Индии, в сердцах которого Неру занял прочное место, он был и остается Джавахарлалом.

Написать эту книгу оказалось нелегко. Джавахарлал был героем моей юности. Затем почти десять лет я служил в министерстве иностранных дел и довольно длительное время — с апреля 1959 года до декабря 1962 года — видел его почти ежедневно. Он тогда занимал пост премьер-министра, а я принадлежал к числу самых младших служащих. Но в моей памяти сохранилось множество примеров его душевной щедрости и теплоты. Поэтому до сих пор его яркий образ живет в моем сердце.

Мне поэтому трудно быть объективным, когда речь идет о Джавахарлале Неру. Но тем не менее я пытался сохранять объективность, и в этом мне помогло убеждение в том, что именно этого он хотел бы. Он всегда подвергал критике биографическую лите-

ратуру Индии за то, что в ней наблюдалась тенденция к восхвалениям и неумение дать оценку действий безличных исторических сил.

Эта книга обязана своим появлением госпоже Индире Ганди, которая предоставила автору возможность пользоваться бумагами отца и ничем не стесняла меня в выражении мнений и суждений. В настоящее время эти архивы вплоть до 1946 года открыты для изучения и находятся в Мемориальном музее и Библиотеке Неру в Дели. Если нет специальных ссылок, цитируемые мной отрывки взяты из этих архивов. Документы, находящиеся в Ананд-бхаване — резиденции Джавахарлала Неру в Аллахабаде, называются здесь бумагами из Ананд-бхавана. Документы, относящиеся к периоду после 1947 года, упоминаются просто как документы Неру. Многие из его писем, статей и выступлений публикуются в «Избранных сочинениях Джавахарлала Неру», издаваемых Мемориальным фондом Джавахарлала Неру, и в этой книге приводятся ссылки на них.

К официальным документам, использованным здесь, в тех случаях, когда нет специальных отсылок, относятся документы правительства Индии, хранящиеся в Национальном архиве Индии в Нью-Дели.

Я признателен Мемориальному фонду Джавахарлала Неру, поручившему мне этот труд и предоставившему необходимые для его выполнения условия. О Неру со мной беседовали многие люди, имена которых даются в примечаниях. Сэр Олаф Кароэ разрешил мне познакомиться с имеющимися у него материалами. Госпожа Айзобель Криппс — с теми бумагами Криппса, которые хранятся в Оксфорде, в Наффилд-колледже, а леди Беатриса Ивесон — с бумагами ее отца. Я благодарю А. В. Александера из Черчилль-колледжа в Кембридже, Робина Хэллета, предоставившего мне бумаги своего отца сэра Мориса Хэллета в библиотеке министерства по делам Индии, а также сотрудника Британской библиотеки политических и экономических наук Лондонской школы экономики, разрешившего мне использовать дневники Беатрисы Вебб из архива Пассфилда. Дороти Вудмен разрешила мне просмотреть бумаги Кингсли Мартина и Ласки, находившиеся в то время у нее.

Рукопись книги любезно согласился просмотреть Кристофер Хилл, сделавший много полезных замечаний. Прочитать гранки помог мне Мартин Гилберт. Я широко воспользовался доброжелательными услугами моих коллег в Центре исторических исследований Университета Джавахарлала Неру. Всем им я весьма благодарен.

Годы после разгрома восстания в 1858 году явились апогеем английского владычества в Индии. Англичане считали себя высшей расой, правящей по праву завоевания, и полагали, что могут вечно оставаться в Индии. Такой взгляд разделяли почти все. Даже Гладстон, который обычно говорил об Индии как о «доверенном имуществе» и о подготовке индийцев к самоуправлению, в один из моментов откровенности написал: «Когда мы уйдем, если мы когда-нибудь уйдем...»¹ Казалось, что для того, чтобы в интересах англичан Индия оставалась в империи, нужно лишь умелое управление. Англичане играли ведущую роль в торговле и промышленности, а Индия прекрасно вписывалась в систему их мирового господства. Там к большой выгоде английских вкладчиков капитала и промышленников, но без всякой пользы для экономического развития Индии строились железные дороги. Стало меньше производиться зерна, но стимулировалось выращивание хлопка и джута, требовавшихся для фабрик в Англии, а также индиго и опиума, которые продавались по высоким ценам за границей. Доходы от индийского экспорта использовались для восполнения дефицита в торговле Англии с Европой и Соединенными Штатами, однако английский капитал вкладывался главным образом в страны «белых поселенцев». Значительная часть банков в Индии принадлежала иностранцам, не прилагавшим никаких усилий, чтобы привлечь индийский капитал и направить его на развитие индийской промышленности. Нежелание допустить хоть какое-либо развитие индустрии не только приостановило всякий прогресс, но и привело к уродливым явлениям в экономике, увеличив нагрузку на землю со всеми такими сопутствующими отрицательными явлениями, как крестьянская задолженность, помещики-абсентисты, резкий рост числа безземельных батраков и сезонная безработица. В 1875 году годовой доход на душу населения, по официальным данным, составлял 2 фунта стерлингов. Считалось, что в 1834—1901 годах от голода в Индии погибло почти 29 миллионов человек.

Само собой разумеется, что умелое управление означало такое, когда индийцы не могли занимать никаких более или менее важных должностей. В школах было введено обучение на английском языке, а в 1857 году, когда вспыхнуло восстание, в трех крупнейших городах — Калькутте, Бомбее и Мадрасе — открылись университеты. Но их выпускники допускались лишь на низшие должности клерков. Теоретически индийцы имели право участвовать в конкурсах на замещение более высоких должностей, но на практике это было почти невозможно. Все ответственные посты на гражданской службе были закрыты для индийцев, в армии совсем не было индийских офицеров. Индийцам не разрешалось даже вступать в добровольческий корпус.

Однако такую монополию на власть приходилось поддерживать в стране, находившейся далеко от метрополии, с помощью гражданской службы и войск, чрезвычайно малочисленных по сравнению с теми, кем они должны были править. Восстание породило у большинства англичан жгучую ненависть к индийцам, но также и признание целесообразности укрепления своей власти с помощью тех же индийцев, если этого можно было достигнуть, не ослабляя своего контроля. Выход виделся в достижении договоренности с феодальными классами. В Индии существовало 662 местных князя, владения которых были разбросаны по всей стране. Некоторые из этих владений, например Хайдарабад, достигали размеров индийских провинций, другие же представляли собой небольшие поместья. Но для всех этих князей общей была зависимость от англичан, которые в обмен на преданность разрешали им осуществлять деспотическую власть над их подданными. В самой же Британской Индии существовал класс землевладельцев — заминдаров в Бенгалии, талукдаров в Соединенных провинциях и помещиков в других частях страны. Налоги, которые они платили правительству, устанавливались либо навечно, либо на длительные сроки. На этих людей, чьи экономические интересы были связаны с интересами колониальной системы, и опирались англичане. Из их среды выбирались члены не имевших никакой власти законодательных советов. Были созданы и другие, столь же недейственные, но пышно называвшиеся учреждения, чтобы привязать консервативные элементы индийского общества к империи, не предоставляя им ни власти, ни даже влияния. Королеву провозгласили императрицей Индии, в Дели собиралась имперская ассамблея, все крупнейшие индийские князья получили звания советников императрицы, а необразованная молодежь знатного происхождения пополняла ряды низших чинов гражданской службы.

Однако в Индии появился новый класс, небольшой, но растущий — индийская элита, получившая образование на английском языке. В 1885 году он составлял не более 50 тысяч человек. Некоторые его представители поступали на государственную службу, но большинство — юристы, врачи и журналисты, знакомые с английской политической литературой, — стремились получить более широкий доступ к общественной деятельности. Они не были революционерами, говорили о своей лояльности и лишь хотели иметь больше возможностей для поступления на государственную службу, для административных реформ, занятия торговлей и добивались введения хоть какой-то системы выборов в законодательные советы. После 1880 года, когда премьер-министром стал Гладстон, англичане сделали попытку опереться вместо высших классов на этот класс. Но усилия эти не принесли даже кратковременных результатов. Местное самоуправление так и не стало реальностью, а попытка завоевать поддержку средних классов для центрального правительства оказалась безрезультатной из-за слабости властей и враждебности англичан, живших в Индии. Единственным ее следствием явилось дальнейшее пробуждение политического сознания и создание различных обществ, завершившееся образованием в 1885 году Индийского национального конгресса.

Английскому правительству это не понравилось, но оно не сумело найти разумных доводов для возражений. Конгресс представлял собой не столько оппозиционную партию, сколько настойчивого просителя. Его сторонники надеялись, что англичане, которые, исходя из своих собственных интересов, способствовали объединению Индии, начнут внедрять новую технику и экономическую организацию, а также создадут представительное правительство. То, что их правители отвергали подобные предложения, относились к Конгрессу как к никому не представляющей горстке людей и стали поощрять раскольнические тенденции в политической жизни страны, явилось большим разочарованием для создателей Конгресса.

Основные события первых лет жизни Джавахарлала Неру сейчас хорошо известны. Он сам в своей «Автобиографии» посмотрел на свое прошлое ясным взглядом и нарисовал довольно объективную, даже критическую картину, которую с тех пор позднейшие авторы неоднократно пересказывали, иногда украшая новыми деталями. Джавахарлал родился 14 ноября 1889 года в 11 часов 30 минут вечера в Аллахабаде, куда его отец Мотилал Неру переехал за три года до этого из Канпура. Джавахарлала — это имя тому, кто его носил, никогда особенно не нравилось — родители обожали, что было неудивительно, так как Мотилал потерял первую жену и ребенка, снова женился, опять потерял сына до рождения Джавахарлала, который одиннадцать лет оставался единственным ребенком.

Поэтому ему ни в чем не отказывали. Маленького Джавахарлала, избалованного, окруженного роскошью, имевшего собственный бассейн и теннисный корт, любовь и богатство легко могли испортить. Хотя вспыльчивость Мотилала нередко мешала ему еще больше баловать сына, обожание матери, Сварупрани Неру, не знало никаких пределов. Как часто в то время случалось в индийских семьях, отсутствие общих интересов у мужа и жены вело к тому, что сын стал центром жизни матери, отдававшей ему всю свою любовь.

Влияние матери обеспечило Джавахарлалу индийское окружение. В доме Неру царила атмосфера индуистских обычаев и народных сказаний, и мальчик почерпнул у женщин множество легенд, посещал храмы и совершал омовения в Ганге. Когда в 1900 году отец купил дом, позднее названный Сварадж-бхаваном, мальчику, несомненно, не раз говорили, что он построен на месте, где, согласно легенде, риши Бхарадваджа создал свой университет, и что на другой стороне улицы, где некогда протекал Ганг, будто бы останавливался Рама по пути в изгнание. Однако семья Неру так и не вошла полностью в круг индусов высоких каст Аллахабада, поскольку Мотилал не только поселился там недавно, но и подвергся отлучению в 1899 году за отказ принести покаяние

на путешествие за границу. Это отгородило семейство Неру от идей индуистского возрождения, в то время широко распространенных в ортодоксальных кругах в Аллахабаде, и даже поставило их вне общества ортодоксальных кашмирских пандитов. Даже в 1919 году все еще возникали проблемы всякий раз, когда женщинам из семьи Неру приходилось обедать вместе с другими кашмирками на свадьбах и других празднествах¹.

Однако кашмирские пандиты пользовались некоторыми преимуществами, выделявшими их из среды других индусов. У кашмирских индусов не существовало каст ниже браминов², и, хотя пандиты весьма болезненно относились к своему статусу, межкастовый антагонизм не оказывал сильного влияния на их жизнь. Кроме того, они большей частью не противопоставляли себя мусульманам. Небольшая община составляла какие-то пять — семь процентов населения княжества, где большинство были мусульмане, и многие из ее членов знали персидский язык и стремились занять официальные посты. Эта эклектическая, космополитическая тенденция сохранялась и у тех, кто переселился на юг, на равнины. Как и его предки, Мотилал лучше знал арабский, персидский и урду, чем другие индийские языки. Старшим слугой в его доме был мусульманин, и от него — Мубарака Али — Джавахарлал услышал множество рассказов о героических и трагических годах восстания.

Благосостояние рода Неру на протяжении многих поколений зависело от мусульманских покровителей. Свидетельств того, что в начале XVIII века могольский император Фарруксияр пригласил Радж Кауля к своему двору в Дели, нет. Нам лишь известно, что Радж Кауль приехал в Дели, и постепенно Каули стали называться двойным именем Кауль-Неру, потому что, как говорили, их дом находился на берегу канала (на урду — набар)³. Потом, после восстания 1858 года и окончательного упадка могольской империи, Каули-Неру переселились в Агру. Они покинули канал, но постепенно отпала первая часть их фамилии — Кауль. Фамилии в Индии появились в результате влияния англичан, и возможно, что, по мере того как все больше Каулей-Неру оказывалось на службе у английской администрации, они стали пользоваться той частью своей фамилии, которая меньше напоминала об их кастовой принадлежности. Если дело действительно обстояло так, то тут не обошлось и без иронии. Пользование фамилией Неру стало обычным гораздо позднее⁴, и даже после того, как это произошло, и отца и сына было принято называть пандитом Мотилалом и пандитом Джавахарлалом. Как ни старался Джавахарлал, ему так и не удалось избавиться от этого титула, который он очень не лю-

бил, но соотечественники уважительно называли его Пандитджи⁵.

Неру представляли собой одну из многих индийских семей, которые извлекали пользу из условий и возможностей, предоставленных английским правлением. В Дели их земельные владения постепенно уменьшались, а отец Мотилала Ганга Дхар Неру был мелким полицейским чиновником. На его сохранившемся портрете он изображен в могольском костюме. Скончался он в 1861 году, за три месяца до рождения Мотилала, но два его старших сына, служившие либо у англичан, либо в соседнем княжестве, позаботились о том, чтобы Мотилал получил надлежащее образование на английском языке. Он был способным учеником, но не окончил никакого учебного заведения и занялся адвокатской практикой сначала в Канпуре, а затем в Аллахабаде. Бесчисленные тяжбы, которые в Северо-западных провинциях породили система *талукдари*, долги, отчуждения, наследование и передача имущества, а также законы о налогообложении превратили провинцию в рай для честолюбивых праведов⁶. Специализируясь в этих областях гражданского права, имея множество клиентов среди заминдаров и талукдаров и несомненные связи с кашмирскими пандитами, осевшими в различных поместьях⁷, Мотилал вскоре стал одним из ведущих фигур аллахабадской адвокатуры.

Хотя рос Мотилал в бедности, еще с молодости нес бремя главы большой индуистской семьи и обладал лишь профессиональными навыками, а не образованием, он не испытывал никакого чувства стеснения. Человек жизнерадостный и общительный, уверенный в себе, он отличался душевным равновесием — результат достигнутого благодаря собственным усилиям успеха — и вел жизнь английского джентльмена. На фотографии, снятой в 1894 году, он одет в английский костюм, жена его, происходившая из ортодоксальной лахорской семьи, — в традиционное кашмирское платье, а пятилетний сын в матросский костюмчик. Так могла бы сфотографироваться буржуазная английская семья, приехавшая в Брайтон.

Даже то, что его страна находилась под чужеземным господством, не угнетало Мотилала. Он был занят тем, что зарабатывал деньги, и наслаждался благами, которые эти деньги давали. Как только появился достаток, он переселился из района, где по традиции проживали индусы — представители средних классов, и, пока не построил собственного дома, жил на Сивил-лайнз, по соседству главным образом с англичанами. Он принимал много гостей, и его врожденная благожелательность помогла ему преодолеть ограничения англо-индийского общества и завоевать много друзей среди англичан. Дом Мотилала был оборудован новейшими быто-

выми приспособлениями, привезенными из Европы. Подобно большинству представителей индийской образованной элиты, он, когда позволяло время, интересовался политикой и неуклонно присутствовал на съездах Индийского национального конгресса. Но это были годы, когда Конгресс представлял собой лояльную организацию, в которую попадали не из стремления свергнуть власть англичан или получить от них уступки, а с целью занять высокую должность.

Поэтому было естественно, что Мотилал хотел, чтобы его сын получил наилучшее английское образование. Сначала он нанял двух английских гувернанток, а затем на несколько месяцев отправил Джавахарлала в местный монастырь, решив затем в конце концов обучать его дома. Выдающийся знаток санскрита пандит Ганганатха Джха попытался, без особого успеха, научить Джавахарлала этому языку⁸. Но главная задача была возложена на английского учителя. Образованием Джавахарлала в период 1901—1904 годов занимался молодой пылкий теософ ирландско-французского происхождения Ф. Т. Брукс, рекомендованный Анни Безант. Брукса, очевидно, больше интересовало распространение теософии в Аллахабаде, где он основал три ложи⁹, чем занятия с учеником. Однако он оказал сильное влияние на впечатлительного мальчика, познакомив Джавахарлала с английской поэзией и прозой, и пробудил в нем интерес к науке, устроив в его комнатах небольшую лабораторию. Разрешая мальчику присутствовать на своих регулярных беседах о теософии, Брукс заронил в его ум мысль о том, что религия — это не только мифы и чудеса. Вероятно, у Джавахарлала сложилось какое-то не совсем ясное представление об этических нормах, когда по настоянию Брукса он прочитал нелегкие для понимания «Упанишады» и «Бхагавадгиту». В 13 лет, будучи достаточно сильно увлечен теософским учением, Джавахарлал попросил у отца разрешения стать теософом, и сама Анни Безант на церемонии в Бенаресе посвятила его в теософы. Мотилал был прав, не придав этому увлечению серьезного значения, и вскоре после того, как Брукс перестал оказывать на него влияние, Джавахарлал забыл об этом эпизоде. Однако это не было лишь игрой и говорило об утонченности его молодого ума и духа. Теософия, очевидно, также оказала на него и более длительное, хотя и не решающее, и, возможно, подсознательное влияние, чем то, в котором признавался он сам. Например, Джавахарлал, в отличие от отца, всегда соблюдал умеренность в еде.

Мотилала не удовлетворило домашнее образование, и в частности Брукс, и в мае 1905 года он повез свою семью в Англию и добился принятия сына в Харроу (школьный кадетский корпус).

Джавахарлалу уже исполнилось пятнадцать лет. Он был невысок, строен и красив, со светлой кожей, тонкими чертами лица, хорошо причесанными черными волосами, правда, не особенно густыми. На какое-то время Джавахарлал отпустил усы, не потому, что они ему шли, а лишь для того, чтобы доставить удовольствие отцу, которому не нравилось его чисто выбритое лицо. «Другими словами, ты выглядишь дураком»¹⁰. Джавахарлал прилично учился и производил хорошее впечатление на учителей. «Он выглядит весьма неплохо и кажется счастливым,— писал директор школы отцу мальчика¹¹,— очень хорошо успеваешь по всем предметам, занимает первое место в классе, учителя высоко отзываются о его прилежании и способностях». В школьном табеле за октябрь 1906 года отмечалось: «Не в ладах с французской грамматикой, плохо с латынью, но готовится хорошо. По английским предметам — отлично. Успехи хорошие — умен». И действительно, Джавахарлал был умен и старателен и лучше всего учился именно в это время. Позднее, в Кембридже и изучая юриспруденцию, он не оправдал ожиданий, которые возлагали на него в Харроу. В отличие от отца он никогда не жаждал наград и учился хорошо лишь потому, что в школе не было ничего другого, что интересовало бы его. Он выполнял обязанности младшего ученика при старшем ученике, вступил в шахматный клуб, играл в футбол и крикет, участвовал в беге на полмили и милю, а также в кроссе по пересеченной местности, часто посещал гимнастический зал и каток, но все это не доставляло ему особого удовольствия. Охотно он занимался только военной подготовкой.

Джавахарлал не чувствовал себя несчастным в Харроу, и когда через два года покидал эту школу, то ночью, как он нам рассказывает, поплакал в подушку. Никто из учителей не оказал на него серьезного влияния, а сам «Джо» Неру, хотя все к нему хорошо относились, не оставил там настоящих друзей. Своему однокашнику лорду Александеру Тунисскому он запомнился только «как посредственный, пользовавшийся популярностью юноша, ничем не выдающийся и не имевший ни близких друзей, ни врагов»¹². Единственное, что мог сказать о нем сэр Джеймс Батлер, вместе с Джавахарлалом живший в доме директора,— это что он ничем не выделялся и не произвел большого впечатления на соучеников¹³. Джавахарлал был тихим и немного одиноким юношей, хотя, привыкнув к школе, не очень тосковал по дому; он так и не сошелся со своими соучениками и никогда не чувствовал себя с ними в своей тарелке. Английские мальчики показались ему незрелыми и инфантильными, а несколько индийцев из княжеских семей, учившихся в той же школе, ему активно не нравились. Поэтому он с нетерпением ждал посещения индийцев, с которыми мог бы свободно беседовать на

понятном им всем языке, и тоска по всему индийскому объясняет его тогдашнюю привычку жевать листья бетеля, которые ему присылала мать из дому, привычку, от которой впоследствии отказался. Став взрослым, Джавахарлал часто вспоминал Харроу. В тюрьме в тридцатые годы он вклеил фотографии Харроу в свой дневник и составил список поэтов и политических деятелей, обучавшихся там. Он даже ощущал какое-то родство с Байроном, потому что он учился в Харроу и в Тринити-колледже, и вместе с младшими членами семьи распевал школьные песни. Будучи премьер-министром, Джавахарлал присутствовал на обеде выпускников школы в Лондоне, а в 1960 году посетил школу, где ему был оказан восторженный прием. Но все это выглядело не очень естественно, и он совершенно явно чувствовал себя более счастливым в роли выпускника Харроу, чем когда там учился.

Поступление Джавахарлала в Харроу совпало с важными событиями в Индии и за ее пределами, и тогда он впервые стал интересоваться политикой и международными делами. В 1904 году вместе с отцом он присутствовал на съезде Конгресса в Бомбее, который, что не удивительно, не произвел на него никакого впечатления. Сейчас же положение резко изменилось. В 1905 году вице-король, лорд Керзон, произвел насильственный раздел Бенгалии и тем самым положил начало перехода Индии от периода просьб к периоду давления. Массовая кампания в Бенгалии нашла энергичную поддержку во всех других районах Индии, ибо к разделу отнеслись не как к второстепенной административной реформе, а как к сознательной попытке ослабить растущую силу индийского национализма. Поэтому движение *свадешии*, то есть за то, чтобы все носили только одежду индийского производства и бойкотировали английские товары, начатое в Бенгалии, распространилось по всей стране и, к удивлению Джавахарлала, охватило даже далекий Кашмир. Мотилал, который обычно не питал приязни к «напомаженным бабу» Бенгалии, тоже отнесся к движению с сочувствием и дал ему высокую оценку, считая его оправданным. «В Бенгалии повсюду господствует бенгальский язык... Мы переживаем самый критический период истории Британской Индии... «Банде матарам»¹⁴ стала обычной формой приветствия даже в Аллахабаде... Если это движение будет хотя бы продолжаться, по возвращении ты найдешь Индию совсем не такой, какой ты ее покинул»¹⁵. Джавахарлал с нетерпением ожидал новостей и просил отца регулярно присылать ему индийские газеты, но не «Пайонир»¹⁶. Однако увлечение Мотилала было недолгим, и вскоре он стал осуждать движение против раздела как самое неразумное и бесчестное из всего, что он знал¹⁷, но на Джавахарлала это не повлияло.

Движение против раздела Бенгалии выявило расхождения в Конгрессе между экстремистами — сторонниками таких выступлений и умеренными — сторонниками конституционных методов. Относительно целей у этих двух групп не было разногласий. Экстремисты во главе с Тилаком стояли на революционных позициях, стремились положить конец английскому правлению с помощью силы. Но даже их конечным идеалом было лишь создание конфедерации индийских провинций с определенной степенью автономии при сохранении всех общеимперских вопросов в ведении английского правительства. А непосредственную цель они видели лишь в том, чтобы показать общественному мнению Англии, что в Индии не все благополучно, и в этом их цели совпадали с целями умеренных. Единственное различие заключалось в методах достижения этих целей. В то время как Гокхале и его сторонники произносили речи, устраивали собрания и посылали депутации, Тилак выдвинул лозунг опоры на собственные силы. Джавахарлал симпатизировал экстремистам и видел в Тилаке воплощение индийского национализма, ведущего борьбу за освобождение¹⁸. Но его симпатии оставались расплывчатыми. Убеждения у него еще не сформировались и эмоции не обрели четкости, не выходили за пределы головокружительных фантазий, рождаемых чтением «Гарibaldi» Тревельяна. Политические увлечения юноши все еще представляли собой лишь нечто вроде идеализированного рыцарского романтизма.

Однако интерес у Джавахарлала вызывали не только события в Индии. Он гораздо внимательнее других учеников Харроу следил за ходом всеобщих выборов в Англии в 1905 году, в результате которых к власти пришла либеральная партия, сформировавшая правительство во главе с Кэмпбелл-Баннерманом. Еще более увлекательными казались ему изменения, происходившие в Азии. В тот день, когда Джавахарлал сошел на берег в Англии, поступили сообщения о решающей победе Японии над Россией в морском бою при Цусиме. Он чувствовал себя более или менее чужим в английской частной закрытой школе, голова его была занята сообщениями о растущем отчуждении между английскими правителями и индийским народом, поэтому это свидетельство новой силы азиатской страны привело его в восторг. Как раз в это время ему попала книга Мередита Таунсенда «Азия и Европа», сделавшая его особенно восприимчивым к таким событиям. Ведь основная мысль этой книги, если отбросить как шелуху такие утверждения, что каста является формой социализма и что Индия постепенно станет мусульманской страной, заключалась в том, что Азия и Европа во всех отношениях отличны друг от друга. Ни та, ни другая не в состоянии покорить друг друга надолго, что настоящее сближение между народами

обоих континентов невозможно, ибо у них существует врожденная неприязнь друг к другу. Европа никогда не оказывала длительного влияния на Азию и вряд ли сумеет когда-либо его оказать. Фактически она получила от Азии гораздо больше, чем дала ей. Говоря, в частности, об Индии, Таунсенд твердо придерживался мнения, что англичане не добьются настоящей преданности ни от каких слоев населения и что их империя, возникшая за один день, исчезнет за одну ночь. Усилия, которые англичане приложили в 1857 году, чтобы сохранить свою власть, им никогда больше не удалось предпринять, ибо английский народ утратил энергию и неразборчивость в средствах, необходимые для того, чтобы осуществлять управление с помощью массовых убийств. Но Джавахарлал хотел быть уверенным в том, что Индию англичане не смогут удержать и другими способами.

Пребывание в Харроу надоело Джавахарлалу, и в 1907 году, на год раньше, чем планировали его отец и директор школы, он решил держать экзамены в Кембриджский университет, и отправился в октябре в Тринити-колледж. До этого летом он провел несколько недель в Ирландии, где попал в Белфаст, когда волнения там уже закончились, и был разочарован тем, что все время его пребывания там в Дублине царило спокойствие. Но он лично убедился в силе националистических выступлений, и на него произвело сильное впечатление движение шинфейнеров. Он рекомендовал отцу прочитать только что вышедшую книгу «Новая Ирландия» Сиднея Брукса, который считал, что в Ирландии возродилась древняя нация, и давал высокую оценку движению шинфейнеров, восставших против «мелочной политики» и уверенных в том, что у Англии нельзя ничего вырвать жалостливыми мольбами. Все то, чего Ирландии удалось добиться в прошлом, ей пришлось вымогать. Единственно правильной политикой шинфейнеры считали такую, которая доставляла Англии наибольшие неприятности. Однако силу они полагали ненужной. Для того чтобы разрушить планы чужеземного правителя, требовалось лишь игнорировать его существование и бойкотировать его товары. Параллель с Индией была очевидной, а поездка Джавахарлала в Ирландию и знакомство с ее политической жизнью, по-видимому, усилили его симпатии к экстремистам. В результате он стал более критически относиться к позиции отца в политике. Он обвинил Мотилала в «чрезмерной умеренности»¹⁹, а его последующее легкомысленное заявление о том, что правительство продемонстрировало свое удовлетворение позицией Мотилала, сделав «оскорбительное предложение о титуле «рай бахадура»²⁰, настолько обидело Мотилала, что Джавахарлалу пришлось перед ним извиняться.

Однако экстремизм Джавахарлала проявлялся только в его письмах отцу. Джавахарлал не принимал участия в политической деятельности студентов Кембриджа. Он никогда не выступал в студенческом союзе, хотя был его членом и пользовался комнатами его клуба. Он стал членом дискуссионного общества своего колледжа «Мэгпай энд стамп» через неделю после поступления, а его кандидатуру предложил Сент-Джон Филби и поддержал Чарльз Дарвин. Однако, хотя отказ выступать на протяжении семестра влек за собой уплату штрафа, за три года Джавахарлал выступил только один раз, 29 мая 1908 года, по поводу резолюции, гласившей: «Собрание одобряет существующую систему частных школ». Его выступление продолжалось две с половиной минуты²¹. К сожалению, из протокола не ясно, выступил ли он за или против предложения. Не принимал он, по-видимому, участия и в шуточных судебных процессах, празднествах и камерных концертах, организуемых этим клубом.

Что же касается других студенческих обществ, то Джавахарлал был членом «Маджлиса», общества индийских студентов, в которое он вступил, невзирая на недовольство отца. По-видимому, он посещал многие из его собраний и обедов, но опять-таки выступал редко. Единственное имеющееся у нас сообщение касается его речи на обеде по случаю праздника Ид, на котором он выступил неохотно, но как говорили, хорошо²². Палм Датт, в то время бывший еще школьником, вспоминал, что Джавахарлал иногда посещал собрания «Маджлиса», которые устраивались в доме его отца, но на него Джавахарлал производил скорее впечатление эстета, чем человека, интересующегося политикой²³.

В этом, пожалуй, частично заключается объяснение его поведения. Джавахарлал был страшно стеснителен, и, очевидно, выступать на людях было для него мучением. Но, кроме того, страстные споры, которые велись индийскими студентами относительно сравнительных достоинств умеренной и экстремистской позиций, казались ему несколько банальными. В своих письмах он, например, горячо защищал одного из руководителей экстремистов — Бепин Пала, которого Мотилал иронически назвал «великим доморощенным героем из Барисала»²⁴. Но выступление Пала в Кембридже, когда тот не только проповедовал чисто индуистские идеи и называл Индию избранной богом страной, но и в маленькой аудитории говорил громовым голосом, так, как будто находился на большом митинге, вызвало у Джавахарлала сильное раздражение. Поэтому он в письме в Аллахабад приветствовал раскол Конгресса на съезде в Сурате и выразил твердую уверенность в том, что через пару лет в нем вообще не останется умеренных. Однако в Кембридже ему удавалось держать свои мнения при себе.

Следует добавить, что эти мнения еще окончательно не сложились и не влияли на его мировоззрение как таковое. Они представляли собой естественное отражение общей дилетантской позиции, которую намеренно культивировал в себе Джавахарлал. Хотя он эти мнения никому, кроме отца, не высказывал, ему доставляло удовлетворение время от времени в них утверждаться. Но этим дело и ограничивалось. Других признаков бунтарских настроений у себя или во взглядах на свое будущее он не обнаруживал. В то время у него не наблюдалось никаких проявлений горячности или выдающихся качеств, и он ничем не выделялся из своего поколения. Джавахарлал разделял идеалы и устремления своего класса и прекрасно чувствовал себя в скучном, полном условностей индийском буржуазном обществе. Несмотря на свой эпистолярный экстремизм, он не стремился обмануть надежды, которые с самого начала питал его отец, собираясь замуровать сына на индийской гражданской службе. Фактически именно сам Мотилал в начале 1920 года отказался от намерения заставить Джавахарлала сдать экзамен для поступления на эту службу, главным образом потому, что не мог перенести мысли, что его единственный сын в течение длительного времени будет служить далеко от дома, а также потому, что у него зрело подозрение, что экзаменаторы предвзято относятся к кандидатам-индийцам. Но ни отец, ни сын, что выглядит особенно странным в свете последующих событий, не имели ничего против того, чтобы служить английским правителям. Они еще не осознали необходимость освобождения. В 1912 году, выслушав речь Феннера Брокуэя, призывавшего Индию к борьбе за независимость, Джавахарлал в частной беседе критиковал оратора за его экстремизм²⁵.

Джавахарлал-студент производил впечатление еще не полностью проснувшегося человека, нуждающегося в большем опыте и понимании. На первом курсе он присутствовал на лекции Бернарда Шоу о социализме и «университетском человеке», но пошел на нее скорее для того, чтобы увидеть писателя, чем послушать его. Пьесы Шоу и еще больше его предисловия к ним уже начали пробуждать у Джавахарлала интерес, и до конца жизни «Шоу занимал место в моем уме, и я искал его общества к большой пользе для себя»²⁶. Но возникает подозрение, что Шоу привлекал Джавахарлала не как политический реформатор, а как борец за социальные идеалы. Фабианство и его надежды на перестройку капитализма и незаметное скольжение к социализму в то время пользовались популярностью в Кембридже, но Джавахарлала, как кажется, они не очень привлекали, и нет никаких оснований полагать, что он был членом Кембриджского фабианского общества²⁷. Хью Дальтон, в то время тоже учившийся в Кембридже и игравший видную роль

в Фабианском обществе и студенческом союзе, был немного знаком с Джавахарлалом, но больше ничего о нем не помнит²⁸. Очевидно, Джавахарлал не произвел большого впечатления на левые круги. Однако, как нам известно, он интересовался Уильямом Моррисом и купил полное собрание его сочинений, издание которого началось в 1910 году²⁹. Явно Моррис был ему ближе Шоу. Бунт Морриса против уродств промышленного капитализма и свойственного ему обеднения человеческих отношений перерос во фронтальную атаку на классовую эксплуатацию и пороки империализма. Жизнь Морриса — это история эволюции революционера, путь от эстетства к важнейшей проблеме классовой власти, и Джавахарлал, возможно, по-своему двигался в том же направлении. Его моральная чувствительность и утонченность начинали приобретать социальную окраску. О его понимании существования проблемы классов говорит одна мелкая деталь — стремление потанцевать с официанткой, чтобы узнать, о чем она будет говорить.

Вспоминая эти годы, Джавахарлал характеризовал свои взгляды на жизнь как нечто, похожее на гедонизм³⁰. Но даже усердная погоня за удовольствиями казалась лишь поверхностной. Жизнь в Кембридже в то время была насыщенной, но Джавахарлал никогда в нее полностью не окунался. В собственном колледже, довольно большом — в нем обучалось около 600 студентов, — его почти совсем не замечали. Первый год пребывания там он снимал квартиру в доме № 40 на Грин-стрит, а затем в Хьюел-корт, где занимал, как он сам выражался, «наверно, самые отвратительные комнаты во всем колледже», единственным преимуществом которых было то, что они находились близко от бань. Он хорошо ладил со своим наставником, сэром Уолтером Флетчером, но ни Флетчер, ни другие преподаватели университета не оказали на него глубокого влияния. Джавахарлал решил специализироваться по химии, геологии и физике, но вскоре заменил последнюю ботаникой, а на заключительном экзамене на степень бакалавра с отличием получил степень второго разряда второго класса. Этот разряд далеко не соответствовал его способностям, но Джавахарлал не имел склонности к научным занятиям и, по-видимому, учился не слишком усердно. Однако он так тщательно подготовил свою семью к мысли о своем возможном провале, что результаты экзамена она отметила шампанским. Ему казалось, что образование, которое давалось в Кембридже и Оксфорде, приносило мало пользы индийцу. Поэтому предложение ограничить прием индийцев в Кембридж его мало тронуло, и он не принял никакого участия в бурных спорах, которые велись в университете в годы его пребывания там. По его мнению, было бы хорошо, если бы такое ограничение вынудило индийцев поступать в университеты

в Европе и других странах и таким образом лучше подготовиться для жизни.

За стенами лабораторий и лекционных залов Джавахарлал вел активную, хотя ничем не выделявшую его из других жизнь. Он играл в теннис, много ездил верхом и подал заявление о вступлении в университетский отряд конных стрелков. Его вызвали на испытания по верховой езде, но он на них не явился, якобы из-за недостатка времени, а на самом деле, очевидно, зная, что, поскольку он — индеец, его заявление не будет удовлетворено, так как в то время индийцев туда не допускали. Джавахарлал вступил в лодочный клуб Тринити-колледжа, и, поскольку весил всего восемь стоунов четыре фунта, его назначили рулевым. Ему этого не хотелось, но со своими обязанностями он справился. На соревнованиях в третьем туре его шлюпка легко выиграла. «Неру хорошо правил», — сказано в протоколе³¹. На соревнованиях в Лент-колледже в 1908 году его шлюпка, однако, не добилась больших успехов. «В целом, — писал Джавахарлал более пятидесяти лет спустя³², — мне это дело нравилось, хотя моя шлюпка... не совершала никаких чудес. Единственное, что нам удалось, — это закончить гонки с достоинством и избежать столкновений». Тут его память великодушна. В действительности его шлюпка сталкивалась трижды. Больше Джавахарлал на реку не ходил.

Он имел много знакомых, но у него не было своего узкого круга близких друзей, с которыми он не испытывал бы стеснения. По-видимому, он не водил знакомства с женщинами. Его пребывание в закрытой частной школе помогло ему обходиться без них. Но временами, признавался он отцу, «меня совсем одолевает чувство одиночества»³³. Что касается каникул, то их он большей частью проводил на водах, где гостиницы предназначались в основном для инвалидов. Где же здесь эгоистический гедонизм, сознательные поиски удовлетворения чувств? По-видимому, это было позой, долженствовавшей скрыть пустоту его жизни. У Джавахарлала были свои мнения, но не хватало какого-нибудь дела. Его ждало обеспеченное будущее, но будущее без цели. Из-за отсутствия чего-то более заманчивого он соглашался на скуку буржуазной стабильности. Он послушно проучился в Кембридже, хотя тот мало чем его привлекал.

Еще до заключительных экзаменов на звание бакалавра с отличием Джавахарлал поступил во «Внутренний темпл», и его любящий отец полагал, что сын последовал по его стопам. Мотилал был уверен в его успехах. «Если мое знание человеческой природы не изменяет мне, я думаю, что он добьется успеха на отцовском поприще. Оно уже начинает ему нравиться, и, решив, что он должен посвятить себя изучению юриспруденции, я лишь следовал его собственным

склонностям»³⁴. Мотилал считал, что ему осталось работать лишь пять-шесть лет, и за это время он хотел объединить свою профессиональную деятельность с деятельностью сына, отказаться от части клиентов, передав их ему, и прочно утвердить Джавахарлала на пути к успеху³⁵. Он не понимал, что Джавахарлал относился к юриспруденции без энтузиазма и поступил во «Внутренний храм» лишь из-за свойственной ему в то время склонности плыть по течению. Ему надоел Кембридж, где появилось «слишком много индийцев», и он жаждал перемен. Однако Лондону он предпочитал Оксфорд. А когда Мотилал высказался против такого шага, ибо хотел, чтобы Джавахарлал, помимо изучения юриспруденции, поработал в конторе опытного адвоката и посещал суды, ему наконец стало понятно настроение сына. Джавахарлал писал отцу, что предпочел бы отказаться от успеха на адвокатском поприще, чем вести жизнь простого юриста, не интересующегося ничем, кроме общих мест и тонкостей юриспруденции.

Однако в этом случае Джавахарлал подчинился желанию отца и поехал в Лондон. Единственной уступкой, которой он добился, было разрешение посещать занятия в Лондонской школе экономики. «Политика неотделима от права, а экономика — душа политики»³⁶. Но, будучи не в силах поступить так, как ему хотелось, Джавахарлал, как и следовало ожидать, повел праздную жизнь. Но до этого он чуть не погиб. В Норвегии, где он проводил каникулы с другом, он во время прогулки где-то севернее Бергена³⁷ решил искупаться и нырнул в фьорд с ледяной водой, которая тут же сковала его тело. Он поскользнулся, и поток понес его. Его спутник сумел вытащить его уже на краю водопада. Но Джавахарлал всегда был человеком большого мужества, и опасность смерти не столько напугала его, сколько возбудила.

Следующие два года он провел в водовороте лондонской жизни. Возобновил знакомство с несколькими бывшими соучениками и стал одним из веселящихся модников, «очень хорошо одетым, с хорошими манерами, почти европейцем»³⁸. Концерты, гольф в Кроссбороу, теннис в Куинс-клуб, посещение игр в крикет у Лорда и вальсирование на катках вместо присутствия на лекциях в Лондонской школе экономики и прилежного изучения права поглощали все его время. В этих занятиях не было ничего дурного, но стоили они дорого. У Джавахарлала никогда не было много денег, и теперь он часто брал в долг, вынужден был заложить часы и цепочку, а иногда не имел денег даже на проезд в автобусе или метро и все чаще и чаще обращался к отцу с просьбами дополнительных переводов. Он никогда не умел экономить. «Если бы у меня было 5 тысяч фунтов в год, я уверен, что легко потратил бы их и еще влез бы в долги»³⁹.

В 1911 году его расходы составляли 800 фунтов, на которые индийские студенты могли бы три года жить в Лондоне. Мотилал встревожился. Вместо того, чтобы получать стипендию и награды на экзаменах в адвокатуре, Джавахарлал лишь с трудом их сдавал и проявлял больше интереса к концертам. «Твои сочинения на последнем экзамене, очевидно, были очень музыкальными. Надеюсь, что экзаменаторы сумели по достоинству оценить их. Вероятно, было бы лучше, если бы в будущем музыкальные развлечения следовали за экзаменами, а не совпадали с ними»⁴⁰. А когда в следующем году Джавахарлал сдал последние экзамены на звание адвоката, Мотилал написал с чувством облегчения: «Я не считаю это большим достижением. Но тебе удалось придать этому событию значение, которым оно не обладает»⁴¹.

Этот откровенный сарказм вызвал у Джавахарлала раздражение, и, когда отец в резком письме потребовал прислать ему его счета, сын ответил столь язвительно, что теперь наступила очередь Мотилала извиняться. Дело в том, что Джавахарлал тратил много, но удовольствия от этого получал мало. Им владело чувство скуки и апатии, он вовсе не предавался экстравагантным развлечениям, и веселье, которое он демонстрировал, было скорее показным. Он никогда не чувствовал себя своим в английской обстановке и с радостью в августе 1912 года возвратился, говоря словами Мотилала, «в нашу страну сожалений». В «Автобиографии» Джавахарлал называл себя, тогда молодого человека двадцати трех лет, «самонадеянным педантом, о котором можно было сказать мало хорошего»⁴². Это весьма самокритичное высказывание. На самом деле он был неустоявшимся и непрактичным человеком, находившимся в подчинении у обожавшего и даже подавлявшего его личность решительного отца. Джавахарлал исполнял все, что от него требовали, но без особого удовольствия. Его глубокая любовь к отцу имела ту отрицательную сторону, что сделала его чуть ли не пассивным. Он был готов подчиняться и предоставить отцу принимать все решения, касавшиеся его жизни. Семь лет он провел в Англии, получил там традиционное рутинное образование, не приобретя ни чувства уверенности в себе, ни интереса к окружающему миру. Но его ум и характер получили подготовку, причем не для профессиональных занятий, а для выполнения той миссии, которая выпала на его долю в будущем. Два сделанных походя замечания в его письмах домой уже таят в себе будущие задатки. «Я,— писал он отцу⁴³,— горячо верю в ребенка или же взрослого, наделенного огромным воображением, и не могу представить себе большего зла, чем человек, начисто лишенный его. Конечно, чрезмерное воображение — недостаток, но я предпочел бы страдать от этого недостатка, чем от его отсутствия».

И снова, вспоминая годы, проведенные в Англии, он в конце своего пребывания там писал: «Мне кажется, образование не состоит в сдаче экзаменов или знании английского языка или математики. Это состояние ума, и если такого состояния нет, неважно, сколько экзаменов выдержал человек»⁴⁴. Быть может, другие были разочарованы тем, что Джавахарлал не оправдал надежд, которые подавал в Харроу, и не завоевал ученых отличий, но сам он не видел никаких причин для сожалений и раскаяния. Он возвратился в Индию с развитым умом и воображением.

Кроме того, он привез с собой чувство привязанности к Англии и ценностям, которые считал английскими, и это чувство сохранил навсегда. Они сформировали его мировоззрение, поддерживали в борьбе, влияли на его политику, когда он находился у власти. На протяжении всей его жизни Англия оставалась для Джавахарлала страной, с которой его многое связывало как личность. Он сам это признавал:

«Менее чем три года назад, — говорил он судье на своем процессе в мае 1922 года⁴⁵, — я вернулся из Англии после длительного пребывания там. Я прошел обычный курс обучения в закрытой частной школе и университете. Я усвоил большинство предрассудков Харроу и Кембриджа, и по своим вкусам я был, вероятно, больше англичанином, чем индийцем. Я смотрел на мир чуть ли не глазами англичан. И вот я возвратился в Индию с такими добрыми чувствами к Англии и всему английскому, какие только может питать индиец».

Ему казалось, что его реакция на чужеземное господство была бы такой же, какой, при сходных обстоятельствах, была бы реакция среднего англичанина, не зараженного духом империализма. Выступая перед школьниками, Джавахарлал советовал им подражать любви к приключениям и патриотизму, свойственным английским школьникам, и рассказывал им, как предки англичан рисковали жизнью в прошлом. Такой дух — черта свободных народов, но в Индии он исчез за последние полтора столетия рабства⁴⁶.

БЕСЦЕЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

В Индии Джавахарлал, не сопротивляясь, включился в пустую, паразитическую жизнь верхушки буржуазного общества в Аллахабаде. Он стал работать в конторе отца, а Мотилал позаботился о том, чтобы он не оставался без дел. «Один очень довольный клиент прислал денежный перевод в 500 рупий на твоё имя в качестве твоего гонорара, и деньги эти переадресованы в Массури. Первый гонорар, полученный твоим отцом, равнялся 5 рупиям (всего лишь пяти). Ты, по-видимому, во сто раз лучше отца. Хотел бы я быть моим сыном, а не самим собой. У Рао Махараджсингха несколько дел будут рассматриваться в высшем суде, и я не знаю, какое из них он намерен поручить вести тебе. Но деньги — твои...»¹ Ясно, что, хотя отцовская гордость не позволяла Мотилалу в этом сознаться, Джавахарлалу щедро платили для того, чтобы доставить приятное его отцу. Джавахарлал достаточно много работал, пользуясь покровительством Мотилала и преимуществами светского общения с судьями, видными юристами — Сапру и Раш Бихари Гхошем, крупными помещиками и промышленниками Соединенных провинций. Но юриспруденция по-прежнему не вызывала у него интереса, он стеснялся выступать, и занятие его казалось ему скучным. «Чтение книг, написанных видными юристами, — писал он значительно позже, — заставляет думать о сложных и крупных делах. Но обычная судьба адвоката, особенно младшего, — вести мелкие и довольно-таки скучные тяжбы»². Поэтому, даже если бы политика не увлекла его, Джавахарлал вряд ли стал бы одним из ведущих адвокатов Соединенных провинций или Индии. Вероятнее всего, как он сам считал, он, оставаясь в адвокатуре, повел бы спокойное существование и закончил свой путь судьей, «весьма уважаемым и важным»³, но, вероятно, ничем не выделяющимся.

Помимо профессиональных занятий Джавахарлал продолжал вести в Аллахабаде светскую жизнь, подобную той, что вел в последние годы пребывания в Лондоне. Он присутствовал на пышных приемах, устраиваемых его отцом, и имеются также сообщения о его собственных вечеринках и пирушках, оканчивавшихся далеко за полночь. Неглубокие симпатии, которые он проявлял к экстремис-

там в Кембридже, не мешали ему участвовать в светской жизни англо-индийского общества. Он оставлял свои визитные карточки в домах английских судей и чиновников, и те в свою очередь нанесли ему визиты. «Нанес визиты восьми английским семьям», — записано в его карманном дневнике 27 марта 1916 года, а сделанная тремя днями позже запись гласит: «Посетил девять английских семей».

Важным событием этого, 1916 года явилась свадьба Джавахарлала, состоявшаяся 8 февраля. Мотилал и его жена думали о ней уже с той поры, когда их сын отправился в Харроу. Хотя мальчику тогда было всего пятнадцать лет, Мотилал боялся, как бы у него не проснулся интерес к женщинам, особенно в связи с историей одного из его друзей. Обращаясь к Джавахарлалу не как родитель, а как ближайший друг, Мотилал просил все ему рассказывать, предупреждал против мимолетных увлечений и осуждал идею любви с первого взгляда⁴.

Но причин для беспокойства у Мотилала не было. Его сын не только не проявлял большого интереса к женщинам, но заявил, что никогда не женится на европейской девушке, и в то время, пока жил в Англии, не видел причин менять свое убеждение⁵. Иногда он высказывал идеализированные взгляды на брак:

«Неужели ты хотела бы, чтобы я женился на девушке, которая всю жизнь, возможно, не будет нравиться мне и которой не буду нравиться я? Чем жениться таким образом, лучше останусь холостым. Ведь мне придется прожить с женой всю жизнь. Так удивительно ли, что я хочу вступить в брак по душе? Я не обязан любить девушку из хорошей семьи, нельзя также считать само собой разумеющимся, что любая образованная девушка будет отвечать моим требованиям. Я признаю, что девушка, выбранная тобой и отцом, будет весьма достойной, но тем не менее я ведь могу с ней не поладить. Я же считаю, что, если нет какой-то степени взаимопонимания, брак не должен заключаться. По-моему, несправедливо и жестоко тратить жизнь лишь на то, чтобы плодить детей»⁶.

Но в письмах, которые он писал по этому вопросу, мало свидетельств того, что он искал сильных романтических приключений. Однажды, еще в Харроу, у него начало проявляться какое-то беспокойство, которое весьма удивило Мотилала.

«Чем скорее это свершится, тем лучше. Я не спешу жениться или даже обручиться, но очень тяжело и неприятно не знать, что должно произойти. Если бы никто никогда ничего не говорил о моей женитьбе, я бы чувствовал себя вполне довольным и счастливым, но теперь, когда затеяли весь этот шум, я не смогу успокоиться, пока что-нибудь не будет предпринято»⁷.

Фактически это было раздражение, а не нетерпение. Джавахарлалу надоели разговоры на эту тему, и он хотел, чтобы с ними покончили. Заняв странную позицию стороннего наблюдателя, он хотел, чтобы его отец все устроил и чтобы больше о женитьбе не говорили.

Это вполне устраивало Мотилала, который считал своим естественным правом принимать с согласия Джавахарлала решения как по вопросу о его браке, так и по всем другим, касавшимся жизни сына важнейшим вопросам. «Все хорошо, мой мальчик. Ты можешь оставить свое будущее счастье в моих руках и быть уверен, что цель моя — его обеспечить»⁸. Жизнь в Индии, уверял он сына, настолько отлична от жизни в Европе и других местах, что счастье его невозможно, если ему разрешить действовать самостоятельно от родителей⁹. Джавахарлал настаивал только на двух условиях, но и то не очень упорно: он не должен жениться обязательно на девушке из кашмирской общины и обручение не должно состояться, пока он находится в Англии и не может познакомиться с невестой. «Надеюсь,— поспешил он добавить¹⁰,— что ты учтешь мои возражения до того, как примешь решение, которое, конечно, принадлежит тебе». Но кашмирские пандиты, даже те, кто переселился в Аллахабад, обладали сильно развитым чувством своей исключительности¹¹, и в этом отношении Мотилал ничем не отличался от других. Поэтому он предпочитал, чтобы женой сына стала кашмирка, если он сумеет найти подходящую, и взялся искать невесту среди кашмирских девушек по всей Индии, даже в Мадрасе. Он хотел, чтобы это была образованная девица, а не неграмотная красавица, но и не уродливый синий чулок, чтобы в ней красивая внешность сочеталась с образованностью. «Я спросил Джавахарлала, что предпочитает он — книжность красивой внешности или наоборот. Тот ответил, что с тем же успехом я мог спросить его, предпочитает ли он нос глазам или наоборот, ведь и нос и глаза одинаково необходимы»¹². Вряд ли легко было найти «синюю птицу», которой не требовалось бы пройти специальный курс подготовки и обучения, необходимых, чтобы стать достойной Джавахарлала женой, но Мотилал не находил более подходящей кандидатуры и за пределами кашмирской общины, и это усилило его нежелание породниться с некашмирцами, которое превратилось у него чуть ли не в предубеждение против них¹³. Однако отсутствие подходящей невесты облегчило Мотилалу согласие на второе условие Джавахарлала — увидеть девушку до принятия окончательного решения.

После нескольких лет поисков в 1912 году, как раз накануне возвращения Джавахарлала в Индию, Мотилал остановил свой выбор на Камале Кауль, тринадцатилетней девушке из буржуазной кашмирской семьи, владевшей мельницей в Дели. Будучи на десять

лет старше, Джавахарлал считал, что она слишком молода для него. Кроме того, он полагал, что не сможет жениться на ней еще шесть-семь лет, пока ей не исполнится хотя бы восемнадцать или девятнадцать лет. Но это его не тревожило, поскольку, как он писал, «сейчас я не расположен вступать в брак»¹⁴. Мотилала это тоже устраивало, так как давало ему время на воспитание из молодой девушки подходящей жены для Джавахарлала. Камала получила домашнее образование, говорила на хинди и урду, а после обручения ее привезли в Аллахабад, чтобы обучить хорошим манерам. Когда ей исполнилось семнадцать, в Дели отпраздновали пышную свадьбу, и специальные поезда доставляли гостей в «свадебный лагерь Неру».

Это лето Джавахарлал провел в Кашмире. Он ездил на охоту на медведей и застрелил одного, а также множество голубей и сурков. Там он вторично чуть-чуть не простился с жизнью. Поднявшись на вершину Зоджи-ла по очень крутому склону длиной примерно в три с половиной мили, он попытался перебраться через Амаранатский выступ в верхнюю часть долины над пещерой. Из Матаяна он с друзьями направился к Гумбе и поднялся к Гумбскому ущелью и леднику. После подъема по очень крутому и длинному склону они добрались до вершины ледника, а затем, находясь на высоте почти в 17 тысяч футов, при плохой погоде попытались пересечь большое ледяное поле, покрытое только что выпавшим снегом. Перепрыгивая через расселину, Джавахарлал поскользнулся и провалился в нее, и оттуда его вытянули на веревке. Поскольку таких расселин там было много, а снег все шел, путешественники повернули обратно¹⁵.

Наряду со светскими развлечениями и охотой приходилось выполнять различные формальные общественные обязанности. Три или четыре года Джавахарлал занимал должность одного из провинциальных секретарей Санитарной ассоциации Сент-Джона. Кроме того, он исполнял обязанности секретаря Южноафриканского комитета Соединенных провинций по сбору средств для движения пассивного сопротивления, развернутого Ганди в Южной Африке. Это не было антиправительственной деятельностью, поскольку правительство Индии не раз выражало поддержку индийской общине в Южной Африке. Джавахарлал хотел вступить в индийские войска обороны, организованные по принципу территориальной армии, и побуждал других молодых индийцев последовать его примеру. Было решено учредить в Аллахабаде для этой цели большой и представительный комитет, и приглашение всем, кого это интересовало, было напечатано в местных газетах¹⁶.

Однако через неделю положение резко изменилось. На протяжении многих лет в индийском националистическом движении наблюдался застой. В Конгрессе господствовали умеренные, которые

удовлетворялись ежегодным принятием носивших чисто формальный характер резолюций. Джавахарлал и другие подобные ему индийцы в Соединенных провинциях не питали большого интереса к такой деятельности и не участвовали в кампаниях экстремистов. Тилак и госпожа Безант, не добившись возвращения экстремистов в Конгресс, создали лиги гомруля. Госпожа Безант стремилась вести кампанию по образцу английских радикальных движений XIX столетия и в апреле 1915 года председательствовала на провинциальной конференции в Соединенных провинциях¹⁷. У Джавахарлала это мероприятие не вызвало интереса. Свою первую публичную речь он произнес 20 июня 1916 года, протестуя против закона о печати и требования, предъявленного г-же Безант в соответствии с этим законом¹⁸, но его выступление было подсказано скорее личной преданностью г-же Безант, с которой он был знаком с детства, чем возмущением по поводу покушений на свободу печати. Речь эту не назовешь впечатляющей, и, прочитав сообщение о ней в газетах, отец Джавахарлала сказал лишь, что, хотя в ней содержится очень много информации, она все же обладает тем редким достоинством, что в ней нет тех общих мест, которыми изобилуют выступления индийских ораторов, по крайней мере в Соединенных провинциях¹⁹. На съезде Конгресса в Лакхнау в декабре 1916 года Джавахарлал ограничился ролью молчаливого наблюдателя. Но того, чего г-жа Безант и Тилак не сумели добиться, добилось правительство.

Лиги гомруля, созданные г-жой Безант, должны были выполнять главным образом просветительскую функцию — разъяснять необходимость самоуправления, устраивать курсы и семинары, распространять литературу и оказывать помощь населению. Однако правительство опасалось влияния г-жи Безант. Сначала ее выселили из Бомбея, затем из Центральных провинций, и, наконец, в июне 1917 года правительство Мадраса интернировало ее в горный лагерь. Этот панический шаг вызвал возмущение по всей Индии, и среди недовольных находился и Джавахарлал. Наконец-то он нашел себя. Собрание, назначенное для обсуждения вопроса о расширении индийских войск обороны, было тут же отменено²⁰, и Джавахарлал взял обратно свое заявление о зачислении его туда. В Соединенных провинциях была образована Лига гомруля, председателем которой стал Мотилал, а одним из секретарей Джавахарлал. Он считал интернирование г-жи Безант признаком безумия, овладевшего чиновничьим аппаратом и предсказывавшего его крах. «Пришло самоуправление, и нам лишь надлежит воспользоваться им, если мы поведем себя как мужчины и не станем колебаться». Простые собрания протеста и представления — политика трусов и опиоманов. Не-

сотрудничество с правительством необходимо до тех пор, пока оно не пересмотрит свое безрассудное поведение²¹.

Такая горячность свидетельствовала о том, что, несмотря на легкомысленный образ жизни, дух Джавахарлала не погиб, и он стремился действовать. Его глубоко взволновало выступление Роджера Кейзмента на суде. «Оно, — говорил Джавахарлал спустя многие годы²², — пожалуй, наглядно показало, что должен чувствовать угнетенный народ». В августе 1917 года, когда Мотилал обратился к английскому общественному мнению — «единственному трибуналу, назначенному провидением», — с призывом стать посредником между индийским народом и бюрократией, кто-то в аудитории крикнул: «Вопрос!» Мотилал вышел из себя и потребовал, чтобы крикун вышел на сцену. Ответом ему было полное молчание²³. Самое интересное тут то, что, как теперь нам известно, этим робким крикуном был Джавахарлал²⁴. Но какие действия следовало предпринять, какую форму придать несотрудничеству, он не знал. Собственных свежих идей у него не было. Его не привлекали ни англосаксонский подход г-жи Безант, ни ортодоксальный экстремизм Тилака, и, хотя он говорил о необходимости захвата Конгресса²⁵ сторонниками самоуправления, он не думал о том, как надо будет действовать, когда эта организация перейдет в их руки. Фактически, из-за отсутствия каких-либо других идей ум Джавахарлала попал в плен умеренных представлений, и он возражал против отказа правительства разрешить поездку в Англию депутатов с просьбами о предоставлении самоуправления²⁶. В этот раз, в отличие от прошлых лет, более революционные мысли высказывал Мотилал, который говорил сыну, что перед ними в Индии стоит задача гораздо более важная, чем то, чего могут добиться депутаты в Англии²⁷.

Таким образом, Джавахарлал, даже ближе к тридцатым годам, еще толком не знал, чего хочет, был недоволен своей зажиточной и спокойной жизнью, не получал удовлетворения от того, что лишь помогал издавать газету «Индепендент», основанную его отцом в феврале 1919 года, чтобы знакомить Соединенные провинции со взглядами Конгресса, искал такого приложения своим силам, которое дало бы ему интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение. Поэтому, когда раздался призыв Ганди, он откликнулся на него не только как политик, но и как человек. Спустя много времени, вспоминая эти бесплодные годы, Джавахарлал заметил, что человека сделали из него признание руководства Ганди, последовавшие за этим кампании гражданского неповиновения и пребывание в тюрьмах²⁸. Теперь жизнь приобрела для него смысл в служении Делу.

Газета «Индепендент» начала свою деятельность с резкой критики законов Роуллетта, которые облекали правительство правом прибегать к упрощенным процедурам в борьбе с политическими кампаниями. Поэтому Джавахарлал не исключал возможности своего ареста. «А это предпочтительнее теперешнего состояния сомнений и отчаяния»¹. Однако его не тронули. Он вместе с другими подписал клятву *сатьяграхи*, сочиненную Ганди, обещая отказаться соблюдать определенные законы, и стал членом одного из комитетов, образованных в Аллахабаде для проведения *сатьяграх* в этом округе и для сношений с другими районами с целью организации провинциального комитета². После амритсарского расстрела Джавахарлал оказывал помощь следственной комиссии Конгресса, совершил поездку в Амритсар и Пенджаб для снятия показаний и сбора материалов для выступлений отца и пандита Малавии, умеренного деятеля Конгресса, в законодательном собрании по поводу расстрела, зверств, совершенных после введения военного положения, и «общего безобразного поведения томми»³. Он также участвовал в оказании помощи пострадавшим, хотя правительство считало всякое различие между такой гуманитарной деятельностью и политическими выступлениями надуманным⁴. Аллахабадская организация по оказанию помощи — *Сева самити* — собрала около ста тысяч рупий для этой цели, и с Джавахарлалом в Пенджаб поехали несколько добровольцев, чтобы помочь в оказании такой помощи⁵. Случайная встреча с генералом Двайером в поезде послужила причиной появления следующего красочного описания: «В купе, в которое я вошел, все полки, кроме одной верхней, были заняты спящими пассажирами. Я забрался на свободную полку. Утром оказалось, что все мои спутники — офицеры. Они громко переговаривались, и я не мог не слышать, о чем они говорили. Один из них разглагольствовал в вызывающем и торжествующем тоне, и я скоро убедился, что это — Двайер, герой Джаллианвала-Баг⁶, и что описывает он свои действия в Амритсаре. Он заявил, что весь город был в его власти и у него было желание обратить этот мятежный город в груды пепла, но что он сжалился над ним и воздержался от этого. Он, очевидно, возвра-

щался из Лахора после дачи показаний следственной комиссии Хантера. Меня возмутили его речи и грубые манеры. Он сошел в Дели, одетый в халат, под которым была пижама в ярко-красную полоску»⁷.

Когда пенджабские власти заявили, что Малави и Мотилалу не удалось подтвердить выдвинутое ими против ряда полицейских чинов обвинение во взяточничестве, Джавахарлал выступил в их защиту в печати, прибегнув к несколько высокопарному слогу. «Было бы весьма утомительно опровергать все неверные заявления, которые господин Томпсон сумел втиснуть в свои две речи в Совете»⁸. 5 сентября Джавахарлал по поручению отца встретился с заместителем комиссара в Амритсаре и заявил, что имеющиеся у Мотилала свидетельства о взяточничестве полицейских будут переданы ему при условии, если тем, кто эти свидетельства представил, будет публично обещана неприкосновенность. Однако пенджабское правительство согласилось дать такие заверения лишь в частном порядке. Джавахарлал также оспорил официальную цифру убитых на Джаллианвала-Баг — 291 человек. Через несколько дней он направил еще одно письмо в газеты, указав, что «приказ ползти» не был, как утверждал Ганди, приказом «ползти на четвереньках». В действительности же людей заставляли ползти «на животе, подобно змеям и червям»⁹.

В том же месяце на политической конференции Соединенных провинций в Сахаранпуре Джавахарлал внес резолюцию протеста против назначения официальной комиссии Хантера, содержавшую призыв заменить ее независимой королевской комиссией. А если же комиссия Хантера будет сохранена, говорилось в резолюции, то в ее состав необходимо ввести хотя бы одного представителя комитета Конгресса, поскольку члены комиссии Хантера — индийцы — не знакомы с местной обстановкой. Кроме того, необходимо предоставить людям полную возможность изложить свои жалобы, и адвокаты должны выступать от обеих сторон. Выбирать, кого нужно заслушать, следует не комиссии, право вызывать свидетелей и вести перекрестный допрос должны иметь адвокаты, ибо под судом находится не кто иной, как правительство. Если же эти условия не будут выполнены, комиссии Хантера будет объявлен бойкот¹⁰.

Однако, как и в случае с Махатмой Ганди и многими другими в Индии, официальная комиссия расследовала не то, что произошло в Амритсаре, и не поведение Двайера во время этих событий и после них. Это, так же как и реакция в Англии на эти события, расстраивало Джавахарлала. «Такое хладнокровное одобрение этого поступка,— писал он много лет спустя¹¹,— меня сильно потрясло. Оно выглядело абсолютно безнравственным, неприличным; выражаясь

жаргоном закрытых школ, это был верх непристойности. Тогда я яснее, чем когда-либо раньше, понял, как жесток и аморален империализм и как он разъял души высших классов Англии». До этого он следовал индийской умеренной традиции, ожидая милостей от английских правителей; перемена, происшедшая в нем, отражала всеобщее осознание того, что свобода может быть только плодом борьбы и сопротивления и никогда — даром.

В феврале 1920 года Джавахарлал принял участие в аллахабадской окружной конференции в Бахадургандже, а в июле его избрали заместителем председателя аллахабадского окружного комитета Конгресса. В это время Ганди выступил в поддержку борьбы за халифат. Люди, подобные Джавахарлалу, приветствовали активную оппозицию правительству, однако для их секулярной политической позиции такая откровенно религиозная постановка вопроса была неприемлема. Поэтому «Индепендент» попыталась найти политические доводы в пользу халифатистского движения. Утверждалось, что халиф был отстранен от власти потому, что Англия и другие европейские державы стремились разделить Турецкую империю между собой и что халифатистское движение представляет собой часть политической борьбы за освобождение Азии. Движение в самом Аллахабаде было весьма сильным. Между индусами и мусульманами началось братание¹², и власти Соединенных провинций сообщали, что «большая часть города, по-видимому, на стороне экстремистов»¹³.

Однако Мотилалу явно не нравилась идея бойкота советов, и, не надеясь на то, что Конгресс согласится на программу несотрудничества, предложенную Ганди, он занялся планированием избирательной кампании Конгресса в Соединенных провинциях в противовес умеренным. Джавахарлал помог ему в составлении предвыборного манифеста¹⁴, и Мотилал стал серьезно подумывать о поисках подходящего избирательного округа для сына. «Ты должен выбрать избирательный округ, в котором тебе победа обеспечена. Я больше хотел бы видеть в совете тебя, чем самого себя (sic!)»¹⁵. В конце концов он остановился на Фатехпуре и был огорчен, когда Джавахарлал отказался от этого предложения, предпочитая идти по пути, намеченному Ганди. «По поводу того, что ты собираешься подчиниться просьбе Гандиджи, сказать нечего. Ведь речь, пожалуй, идет о чувствах, которые чужды моей натуре»¹⁶.

22 августа комитет Конгресса Соединенных провинций собрался на заседание в доме Мотилала и большинством голосов, лишь при двух или трех голосовавших против, принял решение, в котором признавал, что обычные методы, которым он следовал до сих пор, в невыносимых условиях, созданных отношением властей к пробле-

ме Пенджаба и халифатистского движения, оказались полностью несостоятельными, и искренне рекомендовал воплотить в жизнь принцип несотрудничества с правительством «с самыми большими жертвами». Что касается шагов, которые должны были быть приняты на первом этапе несотрудничества, то после длительного обсуждения было решено рекомендовать отказываться от титулов, прибегать к арбитражу вместо слушания дел в судах, способствовать развитию национального образования путем открытия национальных школ и колледжей и постепенного сокращения числа учащихся в государственных учебных заведениях, уходить в отставку со всех почетных невыборных должностей в общественных органах, не приобретать облигации государственных займов, не посещать официальные мероприятия и бойкотировать английские товары. После этого комитет рассмотрел вопрос о бойкоте законодательных советов. По мнению Джавахарлала, такой бойкот означал отказ присутствовать на заседаниях советов даже с целью обструкции, отказ участвовать как в выборах, так и в работе советов после выборов. Он высказался даже за бойкот выборов, но в конечном итоге комитет большинством только в два голоса рекомендовал лишь бойкот советов, тем самым оставив открытым вопрос об участии в выборах.

Джавахарлала это удовлетворило. «Главный принципиальный вопрос заключался, как я считал, в том, что мы не должны были появляться в советах и приносить присягу в верности. Остальное же — вопрос тактики». Однако он сожалел о том, что комитет не пошел по пути, указанному Ганди, и не рекомендовал полностью отказаться от адвокатской практики, немедленно покинуть учебные заведения и уйти в отставку даже с выборных постов в официальных органах. «Я горячий сторонник несотрудничества и всего, что оно означает, и твердо убежден, что даже одно лишь несотрудничество принесет нам победу. Эта победа не наступит ни через день, ни через год, но она должна быть и будет одержана»¹⁷. Позднее, на специальном съезде, Конгресс подавляющим большинством голосов решил объявить полный бойкот законодательным советам и призвал избирателей воздержаться от участия в голосовании.

Мотилал подчинился этому решению без особого энтузиазма. Он знал, что его собственная судьба и судьба его сына теснейшим образом связаны друг с другом, но это не всегда было ему по душе. Аскетизм и пуританизм не импонировали ему, и то, что Джавахарлал подвергал себя проповедуемым Ганди лишениям, причиняло Мотилалу сильное огорчение. «Наступило время,— заявил он со слезами на глазах, видя, как Джавахарлал садится в купе третьего класса,— когда ему следовало бы наслаждаться жизнью, а он отказался от всех ее радостей и превратился в *садху*»¹⁸. Мотилал оставил адво-

китскую практику в то время, когда его услуги требовались в различных частях страны, и будущее стало пугать его. «Нашлось ли у тебя время позаботиться о бедных коровах в Ананд-бхване? Конечно, речь идет не о настоящих коровах, но они низведены до состояния коров из-за преступного невнимания с твоей и моей стороны. Я имею в виду твою мать, твою жену, твою дочь и твоих сестер. Не знаю, какие у нас основания утверждать, что мы трудимся ради блага народных масс, всей страны, если мы самым вопиющим образом не заботимся об удовлетворении насущных нужд тех, кто плоть от плоти и кровь от крови наши, тех, чья плоть и кровь — мы сами»¹⁹. Закрытие «Индепендент» в следующем году стало неизбежным, и пришлось рассчитывать на сбережения.

«Мне не нравится жить за счет благотворительности общества даже ради высших интересов родины. Я могу с легкостью отказаться от сотен и сотен тысяч, предлагаемых мне, но готов тысячу раз умереть, прежде чем дойду до такого состояния, когда буду зависеть от других. Я готов пойти на любые жертвы и жить на то, что мы имеем, но нам надо иметь на что жить... Тебе нетрудно понять, какие чувства меня бушуют, как беспокоят меня все эти проблемы и перспектива нищеты после того, как я поверну прочь от себя поток золота, текущий у самых моих ног»²⁰.

Когда Джавахарлал попросил разрешения передать свои военные облигации на сумму 10 тысяч рупий в тилакский фонд *свараджа* и объявил об этом в газете «Индепендент», не называя своего имени, Мотилал разгневался и заявил, что возобновит свою адвокатскую деятельность.

«*Сварадж* или не *сварадж*, но единственное, на что я ни за что не соглашусь,— это чтобы мое дитя или внучка материально зависели от каких-то других людей, как бы близки и дороги они ни были, или же чтобы их содержала страна. Если для того, чтобы избежать этого, необходимо заработать больше денег, я сейчас же возобновлю свою адвокатскую практику, несмотря на все, что произошло... Я не считаю, что человек, способный обречь на голодную смерть собственных детей, может принести пользу стране».

И он, не церемонясь, напомнил, что именно благодаря его состоянию Джавахарлал смог участвовать в политической борьбе. «Нельзя одновременно настаивать на том, что у меня не должно быть денег, и ждать, что я буду ими тебя снабжать»²¹.

Однако Джавахарлал предоставил отцу заботиться о финансовых средствах. Ганди, наконец, показал Индии путь к действию, и Джавахарлал был в восторге. Его главным занятием стала организация несотрудничества в Соединенных провинциях, и вскоре он стал одним из признанных вождей этого движения. Для придания движе-

нию какой-то дисциплинированности Джавахарлал организовал обучение добровольцев и намеревался объединить различные местные организации в одну. Его избрали председателем конференции отделения Конгресса в округе Этах, и, хотя правительство запретило процессию и пыталось сорвать конференцию, Джавахарлала повсюду приветствовали огромные толпы людей, и он произнес свою речь в назначенное время²². Сообщений об этой речи не существует, но о ее общей направленности можно судить по его выступлению перед студентами Аллахабада несколькими неделями позднее. Сейчас, говорил он, не время взвешивать потери и приобретения. Включаться в движение, рассчитав все с математической точностью, — значит только погубить его. Существующую систему необходимо уничтожить, среднего пути нет; нужно идти либо со страной, либо с ее врагами, либо с Ганди, либо с правительством. Если из-за отсутствия у нас энтузиазма движение потерпит поражение, будущие поколения проклянут нас²³.

Притягательная сила, которой обладал Ганди и которую он никогда не утрачивал, на первый взгляд может показаться абсурдом. Ганди своей властью над людьми походил на Христа, однако его влияние на Джавахарлала поддается рациональному объяснению. Больше всего молодому человеку импонировала сила духа Ганди, его непоколебимая преданность делу освобождения Индии, то, как он совершенствовал свой характер и личность, чтобы стать действенным орудием политических перемен в Индии — «орудием индийского руководства в индийском стиле». И самое главное — он был человеком действия, чрезвычайно подвижным и энергичным, обладал волей к власти и в какой-то мере был даже безжалостен. Ганди быстро ориентировался в обстановке, в которую попадал, какой бы сложной она ни оказывалась, он был святым, который поставил свой ореол святости на службу мирским чаяниям. Ганди неоднократно повторял, что бог являет себя не в людях, а в делах. Всю свою жизнь он действовал главным образом в сфере политики и если, полный любопытства к своему телу и к своему духу, непрестанно экспериментировал, то признавался при этом, «что именно из экспериментов в духовной области я почерпнул ту силу, которой обладаю, для политической деятельности».

Вот этот приоритет действия, к тому же действия успешного, и зачаровывал Джавахарлала на всем протяжении жизни Ганди. В то время он был очень увлечен им и наряду с политическим руководством Ганди охотно воспринял и все другие аспекты его учения. С годами Джавахарлал понял, что Ганди не признавал необходимости систематической разработки экономических вопросов и что, хотя он приобрел влияние на широкие массы, потому что жил и трудился

среди них, стал их частицей, он не прилагал никаких усилий, чтобы вдохновить и поднять их на борьбу за другие цели, кроме политических и социальных реформ. Но тем не менее Джавахарлала тянуло к Ганди, и в основе их тесных взаимоотношений, которые так хорошо умел устанавливать Ганди по принципу «один на один», лежал призыв к борьбе с иноземным владычеством, с которым выступил Ганди.

Однако первое непосредственное столкновение Джавахарлала с правительством произошло совершенно случайно и не имело никакого отношения к Ганди. В конце лета 1920 года он повез свою семью в горный курорт Массури, где занимался образованием своей жены и сестер. И тут, как он писал отцу²⁴, правительство прославило его. В той же гостинице остановилась афганская делегация, и властям было прекрасно известно, что за две недели, которые Джавахарлал провел там, он ни разу не встречался с нею. И все же к нему вдруг явился начальник полиции и потребовал либо дать твердое обязательство не вступать в сношения с афганской делегацией, либо по доброй воле уехать из Массури. Фактически полицейский выполнял указание правительства Индии. Департамент внутренних дел встревожился из-за распространившихся в Пенджабе слухов о том, будто афганская делегация прибыла в Индию, чтобы оказать поддержку халифатистскому движению, которое, как полагали, пользовалось симпатиями эмира. Даже такие чрезвычайно консервативные последователи Ганди, как Раджагопалачарья, подозревались в пробольшевистских симпатиях и тайных связях с индийскими эмигрантами в Афганистане и Советском Союзе²⁵, и, будучи обеспокоен донесениями полиции о том, что недовольные индийцы стекаются в Массури, департамент составил список двадцати трех лиц, которых надлежало не допускать в этот город²⁶. Имя Джавахарлала было в этом списке, а он уже находился в Массури. Полиция тут же пришла к выводу, что цель его поездки туда — встретиться с афганцами. Отсюда внезапный визит полицейского офицера.

Перед лицом этой ненужной провокации Джавахарлал отказался давать обязательство не встречаться с афганцами или добровольно уехать из Массури. Он покинул город после того, как был издан приказ о его выдворении. Он подчинился не сопротивляясь, а вернувшись на равнину, не сделал попытки нарушить приказ и снова поехать в Массури, что весьма понравилось его отцу.

«В последние шесть месяцев мы, по правде говоря, достаточно много пережили, и я не стал бы провоцировать новые неприятности. Последствия настолько очевидны как с общественной, так и с личной точки зрения, что вряд ли стоит их обсуждать. Они привели бы к окончательному распаду семьи и нарушению всякой личной,

общественной и профессиональной деятельности. Одно действие влечет за собой другое, и наверняка случилось бы что-нибудь такое, что заставило бы меня последовать за тобой в тюрьму или сделать что-нибудь похожее. Я бы все оставил как есть. Пока что мы, несомненно, выиграли, и нам следует ждать дальнейших событий»²⁷.

Трудно поверить, что Джавахарлал более поздних лет так покорно подчинился бы столь «бессмысленному»²⁸ приказу и удовлетворился бы простым отказом дать требуемое обязательство. Но даже в то время, поскольку здоровье его матери ухудшилось, он готов был вернуться в Массури, невзирая на приказ, и подвергнуться аресту, если бы правительство Соединенных провинций, как всегда «любезное», само не отменило этот приказ, как оно объяснило, ввиду состояния здоровья женской части семьи.

Более серьезное значение для эволюции Джавахарлала, чем его выдворение, имело участие в крестьянских волнениях в Соединенных провинциях. Важность вовлечения крестьян в национально-освободительное движение и превращения их традиционных выступлений в его часть была подчеркнута успешно организованным Ганди сопротивлением владельцам плантаций индиго в Чампаране, в Бихаре, в 1917 году. К концу этого года Малавия и несколько других аллахабадских деятелей создали *кисан сабху* (крестьянский союз) Соединенных провинций. Фамилии его организаторов уже сами по себе говорят об умеренности целей этого союза, и, как сообщалось, Лига гомруля предоставила ему 4 тысячи рупий¹. Объявленные им цели включали прекращение растущего антагонизма между крестьянами и *заминдарами* (землевладельцами), установление между ними дружественных отношений, образование крестьян, разъяснение им их политических и социальных прав, принятие законов, благоприятных для крестьян, и внесение поправок в законодательные акты, ущемляющие их интересы, защиту крестьян от противозаконных действий, создание деревенских *панчаятов* (советов), установление взаимного доверия и сердечных отношений между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, принятие конституционных мер, которые способствовали бы росту благосостояния крестьян. Отделения *кисан сабхи* были созданы во многих деревнях и *техсилах* (налоговых участках). Прилагались усилия, чтобы создать аналогичные организации и в других провинциях и связать их с Индийским национальным конгрессом. Много крестьянских делегатов было послано на съезды Конгресса 1918 и 1919 годов, и к этому времени Ганди провел еще одну крестьянскую кампанию, на этот раз против правительства, в Кайре, в Гуджарате. На съезде Конгресса 1919 года *кисан сабха* Соединенных провинций внесла свой проект резолюции, как ни удивительно, довольно радикальный, в котором среди прочего содержался призыв к правительству провозгласить крестьян повсюду в Индии фактическими владельцами обрабатываемых ими земель.

Однако Конгресс ограничился лишь указанием своему всеиндийскому комитету изучить существующие системы налогов и условия жизни крестьян.

Главной причиной недовольства крестьян в Авадхе (Ауд) был закон 1886 года об арендной плате, строго запрещавший помещикам повышать арендную плату больше чем на одну анну на рупию² и не чаще чем раз в семь лет. Поскольку цены на товары широкого потребления быстро росли, помещики старались обойти этот закон, прибегая к другим поборам, а отсутствие у крестьян права на землю давало помещикам возможность собирать эти налоги под угрозой сгона с земли. Сгон с земли стал частым явлением не только потому, что помещики в связи с ростом цен на зерно сочли выгодным самим обрабатывать землю, пользуясь своим обычным правом на бесплатную или низко оплачиваемую рабочую силу, но и потому, что из-за реальной перспективы изменения закона, которое должно было гарантировать длительность аренды, сочли целесообразным прерывать аренду, рассчитанную на более или менее долгие сроки. Например, в округе Пратабгарх в 1906—1907 годах 936 арендаторов получили извещения о сgone с земли. В 1911—1912 годах их число выросло до 1238, в 1916—1917 годах — до 1403 и в 1919—1920-м — до 2593. Но чаще всего угроза сгона с земли использовалась для того, чтобы заставить арендатора в дополнение к арендной плате платить более высокие подати — *назарана*. Эти поборы стали обычным способом получения доходов помещиками. Арендаторы могли добиться продления аренды, лишь уплатив *назарана*, а для этого им приходилось брать большие суммы в долг у ростовщиков, родственников или же у самих помещиков. «Отцы продавали дочерей в замужество старикам, чтобы получить деньги для уплаты *назарана*»³. Иногда надел делили на две части, которые отдавали двум конкурентам, причем оба они должны были платить значительный *назарана*, и нередко договор об аренде расторгался потому, что другой арендатор предлагал более выгодные условия.

Однако эти *кисаны* (крестьяне), всегда обладавшие какой-то силой, по крайней мере в некоторых поместьях⁴, уже знали, что существует и лучшая доля, поэтому росло их нежелание работать на находящегося далеко незнакомого им помещика, платить ему большие подати по требованию щедрых на брань посредников. Кроме того, уже пропала вера в действенность судов как средства восстановления справедливости. Утвердилась непоколебимая уверенность в том, что бедняку не под силу бороться с богачами в суде, «и кто же станет утверждать, что в этом нет какой-то

доли правды при системе гражданского и уголовного судопроизводства, утвердившейся в Индии?»⁵

Положение было особенно тяжелым в округе Пратабгарх. Плотность сельского населения там была чрезвычайно велика — 1,82 человека на акр обрабатываемой земли, в то время как в Файзабаде она составляла 1,68, а в Султанпуре — 1,7 человека. Эта цифра выглядит особенно внушительной, если вспомнить, что в округе Пратабгарх с населением более 6 тысяч человек не было городов. С другой стороны, большие земельные площади там оставались незасеянными, а обрабатывалось лишь 53,3% земель (55,9% в Султанпуре и 61,8% в Файзабаде). Поэтому спрос на землю был велик, что давало помещикам, которые, по признанию местного комиссара⁶, вели себя в этом округе особенно плохо, возможность требовать непомерный *назарана*.

Социальный состав населения этого округа тоже отличался от других. 11,3% составляли курмии — низшая каста, неспособная сопротивляться непомерным поборам помещиков, в отличие от крестьян, принадлежавших к более высоким кастам. Им приходилось платить более высокую арендную плату, чем браминам или кшатриям⁷. Не выступали там и субвладельцы в роли буфера между помещиками и арендаторами из низших каст. Если, например, в Султанпуре многие арендаторы принадлежали к той же касте, что и помещики, и пользовались в какой-то мере защитой главы рода, то в Пратабгархе курмиям приходилось иметь дело непосредственно с помещиками.

Однако наряду с тем, что крестьяне в Пратабгархе больше страдали от гнета, чем в других округах Авадха, существовали и другие причины, обусловившие возникновение крестьянских волнений именно там. У курмий издавна существовала традиция борьбы: еще в 1867 году они подняли восстание, и их всегда отличала социальная сплоченность и способность к организации. Безусловно, легче организовать совместные выступления одной касты, какой бы низкой она ни была, чем вовлечь арендаторов, принадлежащих и к высоким, и к низким кастам, в единое движение. Кроме того, крестьяне-курмии Пратабгарха не могли не видеть, что в соседних Аллахабадском и Джаунпурском округах (входивших в район Агры) земледельцы после двенадцати лет непрерывной обработки своих участков получают право на владение ими, и члены их касты в этих округах не хотели вступать в брак с людьми, которые в любой момент могли по прихоти своих помещиков превратиться в нищих⁸. Близость города Аллахабада тоже служила источником большей уверенности в себе, поскольку арендаторы Пратабгарха могли рассчитывать на то, что найдут

там руководство и получают советы у политических деятелей города, которые к этому времени уже начали понимать важность поддержки крестьян для своего движения.

Волнения в Пратабгархе вспыхнули и в апреле 1920 года, с началом сезона вручения извещений о сгоне и выселении с земли. Вначале руководство курмиями Пратабгарха взял на себя Баба Рамачандра, человек низкого происхождения, веривший в наступление золотого века. Он выступал перед огромными толпами крестьян, призывая их подняться на защиту своих прав, против помещиков, платить только арендную плату, а не незаконные поборы. Затем в июне 1920 года он привел 500 своих сторонников в Аллахабад в надежде встретиться с Ганди. Однако Ганди они не нашли, но зато встретились с Джавахарлалом, который оказался в городе, поскольку его выдворили из Массури. Они уговорили Джавахарлала отправиться вместе с ними назад в Пратабгарх. Таким образом случай столкнул Джавахарлала с проблемами, стоявшими перед индийским крестьянством, и открыл перед ним новые горизонты. Спокойная стойкость крестьян, живших подчас в условиях полной нищеты, произвела на Джавахарлала глубокое впечатление.

«На мою долю выпала честь работать вместе с ними, общаться с ними, жить в их глинобитных хижинах и есть, проявляя при этом должное уважение, их непритязательную пищу. И вот меня, человека, который длительное время верил в доктрину меча, крестьяне обратили в иную веру — я поверил в доктрину ненасилия. Я начал верить, что ненасилие заложено в них и составляет неотъемлемую часть их натуры»⁹.

Теперь Джавахарлал стал писать о бедах крестьян, возражая даже против взносов помещиков на создание университета Лакхнау под наблюдением суда по опеке. «Достаточно плохо, что неграмотные и корыстные талукдары во владениях, которыми они сами управляют, подвергают крестьян незаконным поборам и гнету. Гораздо хуже, когда правительство, представленное судом по опеке, поощряет такие действия»¹⁰. Однако пребывание в Пратабгархе, куда Джавахарлала сопровождал Гаури Шанкар Мишра, последователь пандита Малавии, гораздо более консервативный, чем Джавахарлал того времени, привело к тому, что, как признавал комиссар, «ряд расплывчатых требований получил более четкое и в какой-то мере более умеренное выражение»¹¹. Джавахарлал и его спутник призывали крестьян создавать деревенские *кисан сабхи* и выдвигать требования об ограничении сгонов с земли и принудительного труда, о четырнадцатилетней аренде, уплате налогов только в установленном обычае размере, прекращении

взимания штрафов и свободном доступе к помещикам, — требования, которые вряд ли можно считать далеко идущими. Когда власти арестовали нескольких крестьян за «произвол», Джавахарлал вместе с еще одним деятелем из Аллахабада — Пуршоттамом Дас Тандоном — посетил заместителя комиссара и, хотя он не одобрял поведения арестованных, предложил не возбуждать против них дела, чтобы не ухудшить отношения между *заминдарами* и арендаторами¹².

Однако к этому времени движение несотрудничества уже было в полном разгаре, и Джавахарлал начал думать, что некоторые из его коллег занимают слишком уж умеренную позицию. С благословения окружных властей они создали *кисан хиткарини сабху* якобы для того, чтобы она играла роль форума, где помещики и крестьяне могли бы обсуждать свои проблемы. Джавахарлал считал этот орган ненужным. «Его единственная задача, пожалуй, заключается в том, чтобы собрать вместе несколько талукдаров и зависящих от них крестьян, затем с должными церемониями предать проклятию безответственных смутьянов, которые имели наглость посетить арендаторов. Не сомневаюсь, что это — успокоительная, хотя и несколько бесполезная операция. К сожалению, на смутьянов она мало действует. Они по-прежнему преуспевают¹³. Джавахарлал возлагал надежды на другое — на связь крестьян с националистическим движением. Он не изучал экономических и аграрных проблем, и ясного представления о том, какую форму должно принять участие крестьян, у него не было. Он не собирался придавать индийскому национализму революционный характер. Но его общение с крестьянами принесло ему психологически большое удовлетворение, ибо вызвало в нем чувство, что он заново индизируется и действует в чисто индийской обстановке, что с политической точки зрения было важно, поскольку давало ему возможность делать в своей провинции то, что Ганди делал в других районах Индии, мобилизуя крестьян на борьбу в интересах Конгресса.

Прабхагарх и Раэ-Барели больше подходили для такой деятельности Джавахарлала, чем Аллахабадский округ, где наличие многочисленных помещиков-мусульман придало бы любым выступлениям крестьян религиозно-общинную окраску, а это было весьма нежелательно в то время из-за разгара халифатистского движения. На митинге, созванном в Прабхагархе в октябре для объединения многочисленных деревенских *сабх* в единую *кисан сабху* Ауда, были определены довольно невинные цели — способствовать улучшению положения крестьян, согласию между крестьянами и *заминдарами*, всеми силами помогать успеху дела,

за которое ведет борьбу страна, создавать *панчаяты* для решения всех споров между арендаторами. На митинге присутствовал заместитель комиссара, но он был вынужден покинуть его, когда Джавахарлал посоветовал крестьянам бойкотировать выборы в советы и подчеркнул, что события в Пенджабе и халифатистское движение подсказывают единственный вывод: правительство, которое мало заботится о жизни, чести и даже религии индийского народа, — правительство несправедливое. *Сабха* одобрила программу несотрудничества, и Конгресс призвал «придерживаться» ее¹⁴. Но эта попытка связать *кисан сабхи* с программой Конгресса привела к расколу в самой *кисан сабхе* Соединенных провинций. На заседании 24 октября 1920 года большинство членов ее исполкома отказались поддерживать движение несотрудничества и приняли решение оставаться нейтральными¹⁵, а к февралю 1921 года уже существовали две *кисан сабхи* Соединенных провинций, каждая из которых претендовала на то, что только она является законной.

На протяжении зимы 1920/21 года продолжались усилия вовлечь арендаторов в движение несотрудничества. Джавахарлал выступал на больших собраниях крестьян, где больше всего его поразила их дисциплинированность¹⁶. Сам Ганди посетил Пра-табгарх в ноябре, хотя утверждали, что он приехал не столько для того, чтобы вовлечь в свое движение крестьян, сколько для того, чтобы напугать помещиков и побудить их поддерживать Конгресс¹⁷. Крестьянский съезд, собравшийся в Файзабаде в декабре, привлек больше участников из нескольких округов, чем съезд Национального конгресса в Нагпуре со всей Индии. Помещики помогли также тем, что использовали последнюю, по их мнению, возможность повысить цены. Это возмутило беднейших арендаторов, к которым теперь присоединились безземельные батраки, внезапно оказавшиеся перед лицом повышения цен и сокращения возможностей найти работу¹⁸.

Недовольство, которое, даже по мнению «проницательных» властей, было обоснованным и очень сильным, начало приобретать политическую окраску.

«Индийские крестьяне представляют себе войну в основном так: они поставляют людей и деньги, а в заслугу это идет заминдарами. Правительство берет деньги и взамен выдает бумажки. Следует отметить, что эти представления сильно отдают большевизмом, и было бы интересно знать, являются ли они в какой-то мере косвенным результатом большевистской пропаганды или же возникли в силу тех же причин, которые действуют в других странах. Быстро распространяется также большевистская идея...

что пашут, сеют, поливают и собирают урожай земледельцы, которые поэтому имеют полное право на все, что производит земля. В заминдарах нет никакой необходимости, и нет никакого оправдания для их существования. В этом случае утверждения земледельцев тоже очень трудно опровергнуть, так как нельзя отрицать того, что индийские помещики удивительно далеки от выполнения своих обязанностей»¹⁹.

Однако в то время крестьяне надеялись не на Конгресс и не на свои собственные силы, а на то, что их положение улучшит правительство. Их недовольство касалось целиком и полностью помещиков и ни в коей мере не носило антианглийского или антиправительственного характера. Испуганным чиновникам их требования могли казаться большевистскими, но методы их пока были далеко не революционными. «У них есть жалобы и беды, и правительству долженствует исправить положение. Другой силы на земле, способной спасти их, не существует»²⁰. Подавляющее большинство земледельцев все еще ожидали облегчения своего положения от властей²¹. Крестьяне, пожалуй, не проявляли интереса к несотрудничеству, и, когда на их собрании в Лакхнау Джавахарлал начал свое выступление с разъяснения значения несотрудничества, присутствующие, согласно официальным донесениям²², стали расходиться. Самое большее, на что способны были *кисан сабхи*, — это добиться поражения некоторых кандидатов-заминдаров на выборах в декабре 1920 года. Но правительство Соединенных провинций не воспользовалось сложившейся ситуацией и своим неразумным поведением лишь в значительной степени способствовало усилению движения, в результате чего к концу 1921 года многие районы Авадха оказались охваченными крестьянскими волнениями.

В начале декабря местные хулиганы в округе Раэ-Барели воспользовались беспорядками и подожгли урожай на землях «сир», лично обрабатывавшихся заминдарами, разграбили лавки на базарах, и были основания считать, что некоторых из них подстрекали сами заминдары, чтобы скомпрометировать крестьян и их организации. 5 декабря власти арестовали трех руководителей крестьян. В надежде увидеть этих руководителей в Раэ-Барели направилась большая толпа. Сделать это их побудило обещание заместителя комиссара, что в Раэ-Барели он выслушает их жалобы на тяжелое положение, которое еще больше ухудшилось из-за неурожая в сезон *хариф* (осенний) и задержки зимних дождей. Однако 6 декабря полиция открыла огонь по толпе, собравшейся в Фурсатгандже, в десяти милях к востоку от Раэ-Барели. Четыре или шесть человек были убиты, а на следующий день стрельба

началась в Муншигандже, в двух милях южнее города, в результате погибли не менее девяти человек, многие были ранены.

В обоих случаях власти явно поддались панике. В Муншигандже ни заместитель комиссара, ни начальник полиции не отдали приказа открыть огонь, и, по общему мнению, стрельбу затеял местный *талукдар*, причем стреляли по толпе, которая вовсе не собиралась грабить и ограничилась лишь тем, что бросила несколько камней. Лейтенант-губернатор Батлер доложил правительству Индии, что «заместитель комиссара — поэт и совсем потерял голову»²³, а для того, чтобы избежать перекрестного допроса в суде, правительство Соединенных провинций решило возбудить дело против газеты «Индепендент» за ее разоблачительные статьи об этом событии. Иначе было бы трудно объяснить то, что признал даже заместитель комиссара, а именно что большинство ранений крестьяне из толпы получили в спину²⁴. Для широкой публики дело попытались представить так, будто только благодаря этому расстрелу весь район к югу от Раэ-Барели был спасен от массовых грабежей и быстрого воцарения анархии, а Батлер направил окружным властям и *талукдару* поздравительную телеграмму.

Прямое столкновение крестьян с властями произошло в результате ничем не оправданного расстрела их 7 декабря около Раэ-Барели. Даже толпу крестьян, прибывших в Фурсатгандж 6 декабря, называли теперь «бунтовщиками, собравшимися, чтобы пограбить»²⁵. В сообщении из первых рук, опубликованном в «Индепендент», утверждалось, что *кисан сабхи* не имеют никакого отношения к беспорядкам, устроенным несколькими профессиональными бродягами и уголовниками²⁶. Однако в глазах многих чиновников разница между разбойниками, крестьянами и участниками движения несотрудничества начала все больше и больше стираться. «Невежественных крестьян,— указывалось в одном правительственном сообщении,— бродячие смутьяны убеждают, что не только *талукдары*, но и английское правление вскоре перестанет существовать и что при благотворном правлении господина Ганди они вступят в золотой век процветания и смогут покупать хорошие ткани за 4 анна за ярд и другие предметы первой необходимости по такой же дешевой цене»²⁷.

Смятение властей устраивало *талукдаров*, но оно тревожило представителей крестьян, часть которых пришла к Джавахарлалу в Аллахабад 5 декабря и попросила его посетить округ Раэ-Барели. Джавахарлалу не хотелось этого делать, поскольку он только что возвратился с нагпурского съезда Конгресса. Кроме того, он не желал, чтобы Конгресс и крестьянские организации связывали

с грабежами. Но, узнав на следующий день от одного известного жителя Раз-Барели о серьезности положения и зная, что у местных крестьян нет способного руководителя, он сел в ночной поезд и прибыл в Раз-Барели в два часа ночи 7 декабря. Тогда ему рассказали о расстреле в Фурсатгандже в предыдущий день и о столкновении между властями и большой толпой крестьян в Муншигандже. Он тут же отправился на место происшествия, с тем чтобы убедить толпу разойтись, и уговаривал встречавшихся ему на пути крестьян вернуться домой. Но тут ему передали написанную карандашом записку от заместителя комиссара: «Пандиту Джавахарлалу Неру. Настоящим сообщается, что ваше присутствие в этом округе нежелательно — вам надлежит уехать следующим же поездом». Джавахарлал написал ответ на обороте записки: «Хотел бы я знать, является ли это официальным приказом или простой просьбой. Если это приказ, то он должен быть составлен в официальных выражениях с указанием раздела и т. п. Пока я не получу такого приказа, я намереваюсь оставаться здесь». Полицейские преградили ему путь к мосту на другой берег, где происходил расстрел. Джавахарлал побеседовал с теми крестьянами, которые ему встретились, убеждая их в необходимости не применять насилие и не испытывать страха. У него все это, очевидно, вызвало глубокое переживание.

«Они вели себя перед лицом опасности как смелые люди, спокойно и невозмутимо. Я не знаю, что они чувствовали, но знаю, какие чувства испытывал я сам. На мгновение кровь бросилась мне в голову, и я чуть не забыл о ненасилии, но это только на мгновение. Мысль о великом вожде, посланном нам богом, чтобы повести нас к победе, возникла в моем уме, я увидел вокруг себя стоящих и сидящих крестьян, менее возбужденных и более мирно настроенных, чем я, и минутная слабость миновала. Я смиренно говорил им о ненасилии, я, который нуждался в таком уроке больше, чем они, и они слушались меня и мирно разошлись. Однако на другом берегу лежали мертвые и умирающие. Там собралась такая же толпа, с той же самой целью. Но она, прежде чем разойтись, пролила свою кровь»²⁸.

Заместитель комиссара, который к этому времени вернулся, послал за Джавахарлалом и сообщил ему, что собрания запрещены. Хотя власти знали, что Джавахарлал использует свое влияние, чтобы предотвратить насильственные действия, они тем не менее не хотели, чтобы он выступил перед толпой, поскольку, как ему было заявлено, власти существуют не для того, чтобы повышать его авторитет²⁹. Джавахарлал подчинился этому приказу и распустил митинг, сказав предварительно несколько слов. Заместитель комиссара поблагодарил его за это выступление, которое благотворно повлияло на крестьян, и увез Джавахарлала

в своем автомобиле вместе с местным *талукдаром* к себе домой, где у них состоялся несвязный и ни к чему не приведший разговор. Когда Джавахарлалу сказали, что все попытки заставить крестьян разойтись ни к чему не привели, он ответил, что ему, вероятно, лучше бы удалось это сделать³⁰.

Расстрел в Раэ-Барели имел важнейшие последствия. К протесту у арендаторов прибавилось сознание своей силы. «Впервые в истории они начали понимать силу объединенного крестьянства, понимать, что они сами обладают средством избавления от самых ужасных из своих бед — незаконных поборов помещиков, что оно у них в руках. Если они будут держаться вместе, взимание *назара*, *бегари* и других тяжких податей само собой прекратится»³¹. Применяя эту вновь обретенную силу они теперь могли под руководством Конгресса, влияние которого на крестьян выросло благодаря правительству: «Здесь на местах не нужно выбирать между митингами, проводимыми под руководством *кисан сабхи* или под руководством халифатистского комитета. Оба движения, похоже, полностью подчинены несотрудничающей партии, и в настоящее время разворачивается лишь единственное движение — движение несотрудничества»³².

На следующий день к Джавахарлалу присоединился его отец и они вместе посетили раненых в больнице, а затем уехали в Аллахабад. Корреспонденции Джавахарлала в «Индепендент», подписанные и безымянные, содержали резкую критику правительства и местного *талукдара*, но его личное поведение в Раэ-Барели отнюдь не было поведением того «смутьяна», каким ожидал его увидеть заместитель комиссара до его приезда³³. Полагали, что Джавахарлал будет подстрекать крестьян к новому насилию и предложит им более далеко идущие цели. Но в это время у него не было экономической программы, которую он мог бы им предложить, и наверняка отсутствовало намерение снабдить крестьян оружием, чтобы усилить их бунт. Все свое влияние он использовал для того, чтобы призвать к умеренности, убедить крестьян не нарушать спокойствия и мира, подчиниться приказам местных властей и разойтись по домам. Спустя несколько дней, когда волнения начались в Файзабадском округе, где, как и в Пратабгархе, мелкие арендаторы принадлежали к низшим кастам, нанимавшимся на работу *заминдарами-браминами*, Джавахарлал отправился в Унчахар, чтобы отменить митинг, назначенный задолго до этого, сообщить крестьянам о решении нагпурского съезда Конгресса и уговорить крестьян, собравшихся из различных частей Авадха, разойтись³⁴; комиссар же организовал их бесплатную доставку домой поездом³⁵. Начальник финансового департамента прави-

тельства Соединенных провинций самодовольно заявил, что «похоже на то, что смутьяны испугались»³⁶.

Затем, когда стали поступать сообщения об отдельных случаях грабежей, местные руководители попросили Джавахарлала поехать в Файзабадский округ. Там он выступил на больших митингах, призывая крестьян дать обещание не прибегать к силе и не заниматься грабежами, если они действительно и по-настоящему хотят *свараджа*³⁷. Часто после его выступлений люди вставали и признавались в совершении грабежей, хорошо при этом зная, что их за это арестуют. В Акбарпуре, критикуя «баба» или же «мессий» вроде Рамачандры и его подражателей, проповедовавших экстремизм, Джавахарлал объяснял крестьянам, что не всякий, кто обрядился в цветные одеяния — *садху*, является посланником Ганди, ибо Ганди никогда не стал бы призывать к выступлениям против религии и закона. Те, кто принимал участие в разбойничьих нападениях, должны очиститься от грехов, выразив сочувствие к ограбленным и ненависть к грабителям. Все крестьяне должны дать клятву никого не грабить и никого не обижать³⁸. Джавахарлал восхвалял крестьян как смелых людей, не испорченных городской жизнью или обучением по учебникам, но их тяжелое экономическое положение его не волновало глубоко. Он видел в них стойкое крестьянство, которое явится костяком успешного националистического движения, и стремился полностью вовлечь их в политическую борьбу, которую вел Конгресс. Он не замечал взаимосвязи между отдельными вспышками протеста против собственной нищеты и развитием массового крестьянского движения или даже, возможно, революции. Джавахарлал соглашался с Ганди и другими деятелями Конгресса, что крестьяне должны вносить свою арендную плату и активно участвовать в ненасильственной борьбе за *сварадж*. Когда один местный агитатор посоветовал крестьянам не вносить арендную плату, *кисан сабха* сообщила властям, что не имеет к нему никакого отношения³⁹. Впоследствии Джавахарлал даже стал выступать за единство крестьян и *заминдаров*⁴⁰, а по вопросу о сгоне арендаторов с земли, который больше всего волновал крестьян в Соединенных провинциях, он заявил лишь, что этот вопрос — второстепенная сторона более важной проблемы изгнания англичан из Индии⁴¹.

В это время Джавахарлал не уделял большого влияния вопросу о том, должны ли быть экономические и социальные преобразования частью политической революции или же происходить параллельно с ней. Он был готов, не особенно задумываясь, принять утверждение, что экономические вопросы не должны препятствовать политической борьбе. Его представление об освобождении

носило чисто политический характер — нужно избавиться от контроля англичан над финансами, армией и полицией. Освобождение означало прядение, ношение одежды из тканей ручной работы, справедливость, сухой закон, отмену неприкасаемости и другие подобные нравственные добродетели, отрицание которых несло с собой чужеземное господство⁴². Интересы к экономике почти не было. Но даже эта концепция «командных высот политики» была очень узкой и ограниченной. Конгрессистские *кисан сабхи* этого периода кардинально отличались от крестьянских союзов, созданных Мао Цзэдуном в Китае несколькими годами позднее. Эти союзы не занимались радикальными земельными реформами, но хотя бы организовывали крестьян и боролись против господства помещиков в обществе. Политические идеи Джавахарлала тех лет носили примерно тот же характер и представляли собой своеобразную и туманную смесь анархизма и деревенского правления, Ганди и Бертрана Рассела. Представительные институты и демократия западных стран доказали свою непригодность, и речь шла о том, чтобы освободить демократию от порочного влияния капитала, собственности, милитаризма и чрезмерно разросшейся бюрократии. Ортодоксальный социализм тоже не вселял больших надежд, а война показала, что всемогущее государство отнюдь не является поборником индивидуальной свободы. Жизнь при социализме представлялась безрадостной и бездуховной, регулируемой до мельчайших деталей бюрократическими правилами и распоряжениями. В то время Джавахарлал был горячим сторонником передачи права управлять и как можно меньшей централизации. Для него *сварадж* означал *панчаят радж*, и он выступал за то, чтобы предоставить деревенским советам больше полномочий, даже в вопросах гражданского и уголовного права⁴³. Но все это виделось в будущем. Сейчас же ему не приходило в голову предпринять какие-либо немедленные шаги, например открыть деревенские школы и кооперативы или потребовать хотя бы минимальной компенсации за зло, причиняемое арендаторам.

Понимал ли это Джавахарлал или нет, но его позиция в то время означала неофициальное сотрудничество с правительством в поддержании законности и порядка, и правительство Соединенных провинций не преминуло это заметить. Оно докладывало: «Хотя эти (крестьянские) волнения достаточно серьезны, они, несомненно, были бы еще более серьезными, если бы их руководители не сочли, что время для крайних действий еще не наступило»⁴⁴. Такое же мнение высказывала и газета «Индепендент»: «Со своей стороны мы полагаем, что, если бы пандит Джавахарлал Неру своевременно не появился на месте действия, положение

стало бы более сложным». Глава финансового департамента сэра Лоуренс Портер, не отличавшийся большой проницательностью, легко поддался убеждениям *талукдаров* и запретил митинги, на которых должны были выступить Джавахарлал и его друзья, но Батлер отменил его решение⁴⁵.

В феврале 1921 года, когда Баба Рамачандра подвергся аресту, вспыхнули сильные беспорядки. Ганди и Джавахарлал в это время находились в Бенаресе, и Джавахарлал стал убеждать возбужденную толпу послушаться Ганди и позволить без шума арестовать Рамачандру⁴⁶. К этому времени правительство Соединенных провинций уже запретило проведение митингов в пяти округах Авадха и решило предать суду трех местных бунтарей и членов деревенских панчаятов, но не Джавахарлала и других видных деятелей. С точки зрения правительства, положение создавалось критическое. Крестьянские волнения охватили обширные районы, а в ряде мест Файзабадского округа в них участвовало большинство сельского населения. В этих районах лишь немногие оставались на стороне правительства. Руководители движения могли в самый короткий срок собирать огромные толпы людей, готовых беспрекословно выполнить любые их указания. Там, где существовали *кисан сабхи*, авторитет *талукдаров* сразу же переставал действовать, и большинство их запиралось в своих домах или же уезжало в ближайший город. У крестьян исчез чуть ли не всякий страх перед полицией, а Конгрессу удалось добиться того, что крестьяне теперь были готовы бросить вызов не только помещикам, но и правительству. Власти полагали, что руководители партии несотрудничества создали огромную организацию, которую могли пустить в ход, как только им это понадобится, и что они использовали свое влияние для того, чтобы посеять ненависть к европейцам и индийским чиновникам. Власти больше не могли уже утешаться мыслью о том, что у крестьян к ним нет никаких претензий, что они ищут у властей помощи в восстановлении справедливости⁴⁷. В одной деревне — Таджуддинпуре — несколько недель действовало самоуправление⁴⁸.

Правительство почуствовало себя в тупике. «В основе всего движения, несомненно, лежит заговор, раскрыть который нам пока не удалось. Департамент уголовных расследований ничего, пожалуй, не знает»⁴⁹. Это подозрение, хотя и не имевшее под собой оснований, укрепило желание правительства в том, чтобы движение оставалось под руководством таких людей, как Ганди и Джавахарлал, которые советовали арендаторам вносить арендную плату, и не попадало под влияние бродячих *садху*, приказывавших земледельцам ничего не платить. Усиление влияния Конгресса

представляло собой часть той же политики, что и ввод войск в округ. И то и другое было направлено на то, чтобы помешать крестьянам попасть под безраздельное влияние экстремистов.

Арест бунтовщиков способствовал усилению влияния Конгресса среди крестьян. Правительство с облегчением обнаружило, что, хотя Конгресс выступил с официальным протестом против этих арестов, он делал меньше упора на подстрекательскую пропаганду и концентрировал внимание на вопросах организации и сборе средств. В Файзабадском округе арендаторам советовали сохранять спокойствие, избегать беспорядков и не устраивать собраний; их задача — платить взносы и предоставить Ганди добиться *свараджа* за несколько месяцев⁵⁰. Мотилал Неру сочинил листовку для распространения среди крестьян с призывом вступать в Конгресс, заниматься прядением, решать споры в своих *панчаятах*, а не в суде, делать взносы в фонд *свараджа* и способствовать кастовой и религиозно-общинной гармонии. В листовке ничего не говорилось об арендной плате или сгоне с земли и содержалось ясное указание не собираться на собрания в тех районах, где они были запрещены. «Больше же всего необходимо, чтобы все крестьяне пошли по пути праведности, говорили правду, не занимались грабежами, воздерживались от всякого насилия как на словах, так и на деле, и не совершали никаких эксцессов»⁵¹.

Эти указания, далеко не революционные, шли на пользу властям. И тем не менее последние арестовали шесть юношей, раздававших эти листовки, и приговорили их к шестимесячному тюремному заключению, утверждая, будто листовки возбуждали недовольство, ненависть и презрение к правительству. Такая жесткая мера явно имела целью показать, что правительство пришло в себя и больше не намерено терпеть какого-либо вмешательства Конгресса в дела крестьян. Впоследствии листовка была запрещена, но показательно, что против ее автора — Мотилала Неру — никаких мер не было принято, как и против Джавахарлала, который распространял листовку даже в зале заседаний суда и обратился официально к судье с заявлением, что он будет и впредь всячески пропагандировать листовку, в которой выражены его взгляды⁵².

Тот факт, что его не подвергли аресту в то время, когда его последователям были вынесены суровые приговоры за выполнение его распоряжений, чрезвычайно смутил Джавахарлала, чье замешательство еще больше усилилось в связи со статьей Ганди в газете «Янг Индия», осуждавшей все радикальные требования крестьян. «Нет никаких сомнений в том, что крестьяне... не используют разумно свою вновь обретенную силу. Хотя мы не колеб-

лясь посоветуем крестьянам, когда для этого наступит время, прекратить платить налоги правительству, мы не предполагаем, что на каком-то этапе движения несотрудничества выступим за то, чтобы лишить *заминдаров* их платы за аренду земли. Крестьянское движение не должно выходить за рамки улучшения положения крестьян и отношений между *заминдарами* и ними»⁵³. Пересмотр закона об арендной плате в Ауде, несмотря на все возлагавшиеся на него надежды, не привел к значительному улучшению условий жизни арендаторов; с другой стороны, он укрепил положение помещиков, дав им право стогнать с земли «нежелательных» или не проживающих на ней арендаторов, увеличивать площадь под своими собственными посевами и приобретать землю с целью «развития». «Поборы продолжают, а некоторые помещики отказываются выдавать расписки в получении арендной платы, поскольку они получают больше, чем указывается в деревенских ведомостях»⁵⁴. В ноябре 1921 года Всеиндийский комитет Конгресса санкционировал кампанию полного гражданского неповиновения, включавшую неуплату налогов (но не арендной платы), и, хотя Конгресс не имел почти никакого отношения к движению «Эка» в Хардое, Ситапуре и Лакхнау, представлявшему собой возобновление крестьянских выступлений в новой форме, союзы «Эка» вскоре стали принимать политические резолюции. Однако сам Джавахарлал не принял участия в этом возрожденном крестьянском движении, будучи занят другими делами.

УМЕРЕННЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ГАНДИ

К этому времени Джавахарлал начал проявлять интерес к общеиндийским делам. Он намеревался сопровождать Ганди в его поездке по Соединенным провинциям, а в январе 1921 года посетил Калькутту, чтобы выступить в Союзе почтовых работников и рассказать им о том, каким образом профессиональный союз может быть использован в качестве политического орудия против правительства¹. Одновременно он уделял пристальное внимание разрыванию кампании несотрудничества в своей собственной провинции, что не приносило ему большого удовлетворения. «Боюсь, все, что мы можем сделать, — это постараться продолжать кампанию. Условия эксперимента таковы, что Соединенным провинциям очень трудно их выполнить»². Правительство придерживалось того же мнения и поэтому чувствовало себя уверенным. Правда, там наблюдался дух беспокойства и волнения, который в какой-то мере ослабил власть, законность и порядок и привел в уныние чиновников и тех, кто был им верен. Но в целом кампания несотрудничества оказалась неудачной, и правительство Соединенных провинций не сочло необходимым принимать особые меры для борьбы с ней или арестовать руководителей общеиндийского масштаба. Представлялось достаточным запретить собрания, оградить лояльных деятелей от общественного бойкота, повести пропаганду против несотрудничества во всех округах и полагаться на превентивные положения обычных законов³. Фактически и эти меры не всегда считались необходимыми, и правительство разрешило проведение одной политической, одной халифатистской и ряда других конференций в Дехрадуне⁴.

Джавахарлал председательствовал на политической конференции и призвал присутствующих не прекращать борьбу, пока не будет установлен *сварадж*. По важнейшим вопросам, говорил он, полумеры и компромиссы недопустимы. В стране царит новый дух свободы, самопожертвования и самоочищения, и правительство в панике. Проводимые им репрессии — верный признак приближения победы⁵. Джавахарлал призвал учащихся не посещать государственных школы и колледжи, пополнить ряды добровольцев

или отправиться в деревни на помощь крестьянам. «Но если плоть слаба, а обстановка тяжелая, тогда все могут заниматься одним — крутить колесо прялки»⁶. Это звучит комически, но упор Ганди на прядение преследовал множество целей. Оно давало дополнительный доход голодающим миллионам в деревне, помогало возродить их уверенность в себе, а использование *чакры* — колеса прялки — всеми членами Конгресса могло сыграть роль связующего звена между горожанами и крестьянами. Для того чтобы обеспечить рынок сбыта для ручной пряжи, Ганди объявил обязательным ношение *кхаддара* — ткани, сотканной из этой пряжи. *Кхаддар*, как позднее выразился Джавахарлал, стал «одеянием свободы».

Джавахарлал организовал конференцию Аллахабадского округа, на которой председательствовал маулана Мохамед Али и присутствовали Ганди и другие руководители, и предложил, чтобы не менее 50 тысяч человек из этого округа зарегистрировались в качестве членов Конгресса, причем особые усилия прилагались, чтобы привлечь женщин⁷. Однако Джавахарлал не был готов предложить проведение в городе Аллахабаде кампании неуплаты налогов без консультации с местными руководителями, пока не были решены другие вопросы кампании несотрудничества, так как считал, что организовать это мероприятие надлежащим образом нельзя⁸. После этого он отправился в поездку по различным округам Соединенных провинций, чтобы помочь укреплению конгрессистского и халифатистского движений. Он путешествовал в поездах, автомашинах и тележках «эчка», а однажды ему пришлось перебираться из одного места в другое даже бегом⁹, что он повторил во время избирательных кампаний спустя много лет во всех частях Индии. Однажды он прибыл на железнодорожную станцию слишком поздно, когда поезд уже ушел. Начальник станции — чиновник, но патриот, предоставил в его распоряжение дрезину, чтобы добраться до следующей станции в двадцати или тридцати милях от этой, за что был уволен¹⁰.

Несмотря на энергичные действия Джавахарлала и его товарищей, кампания несотрудничества не получила должного размаха в Соединенных провинциях. Более 3 тысяч *панчяятов* выполняли функции судов и рассматривали споры, однако почти 7 тысяч *панчяятов* в северо-восточной части Авадха подпали под действие закона об антиправительственных сборищах. В окружных судах, пустовавших в начале 1921 года, теперь снова толпились люди, правда, главным образом друзья и родственники обвиняемых. Правительство Соединенных провинций применило как превентивные, так и карательные меры, и многие работники испугались его недовольства и таких мер. Возымела действие также официаль-

ная пропаганда¹¹. Поэтому правительство могло успокоиться, и даже Конгресс признавал, что с конца августа официальная политика стала явно меняться¹².

В это время Джавахарлал стал уже горячим сторонником *свадеши* и сильно отличался от прежнего «розовощекого хорошенького» юноши, который носил только шелковое белье¹³ и волновался по поводу того, сможет ли передвигаться в носках из ручной пряжи¹⁴. Начиная с июля 1921 года организация Конгресса в Соединенных провинциях сконцентрировала усилия на производстве пряжи с помощью *чакры* и тканей из нее. Большинство окружных комитетов создали специальные отделы *свадеши*, поставив во главе их лучших работников. *Чакры* широко раздавали, и ткачей поощряли использовать пряжу, полученную на этих *чакрах*. Открывались образцовые курсы ткачества, и почти при всех национальных школах действовали прядильные и ткацкие отделения. Значительное количество пряжи посылалось и в другие провинции. Другой стороной этой пропаганды *свадеши* явилась кампания против тканей иностранного производства. В большинстве городов и крупных деревнях устраивались костры из таких тканей. Купцов и портных просили дать клятву не продавать чужеземные ткани и не пользоваться ими. Успех в этом деле тоже был немалым, причем достигался он без усиленного пикетирования¹⁵.

Проведение этого бойкота поглощало все внимание Джавахарлала. Хотя он все еще требовал активных действий и заявлял, что место каждого индийца — в тюрьме¹⁶, тем не менее упор делался на бойкот иностранных тканей. В Аллахабаде он был одним из тех, кто ходил из дома в дом, собирая иностранную одежду¹⁷.

На политической конференции Соединенных провинций в октябре 1921 года Джавахарлал внес резолюцию о *свадеши*. Будучи в то время убежденным гандистом, он утверждал, что, поскольку достижение *свараджа* зависит от ношения *свадеши*, народу следует предложить выбросить, сжечь или вывезти из страны иностранные ткани и пользоваться вместо них тканями местного производства. Он, как и другие, горел желанием скорее изгнать англичан из Индии, но пока что еще не открыл никакого другого нового способа сделать это, кроме *свадеши*. Он не соглашался с теми, кто выступал за борьбу с помощью меча. В конечном итоге, считал он, все придут к выводу, что достижение *свараджа* возможно только с помощью тканей *свадеши*¹⁸.

Это была поистине умеренная позиция, против которой правительство не могло иметь никаких серьезных возражений, и ее умеренность подчеркнули резолюции, принятые в ноябре на ок-

ружной конференции в Раэ-Барели, на которой председателем был Джавахарлал. Абсолютное ненасилие, сохранение индусскомусульманского единства и уничтожение неприкасаемости назывались в них условиями подготовки к кампании гражданского неповиновения.

«Поскольку достижение *свараджа* возможно лишь в том случае, если люди всех профессий будут жить в единстве, и поскольку арендаторы и *заминдары* могут быть по-настоящему довольны лишь тогда, когда будет достигнута независимость, данная конференция выражает пожелание, чтобы арендаторы и *заминдары* жили в согласии, проявляя добрую волю и сочувствие, и считает, что, хотя недавно изданный закон об арендной плате ухудшил их положение, они все же должны терпеливо сносить все тяготы, вносить арендную плату и заботиться о благосостоянии страны».

Конференция обратилась с призывом к *заминдарам* и *талукдарам* не поддаваться соображениям мелкой личной выгоды и всячески помогать своим арендаторам в достижении *свараджа*. *Талукдаров* призвали также бойкотировать визит принца Уэльского в Лакхнау. В одной из конкретных резолюций настойчиво требовалось «немедленно и повсеместно пользоваться» *кхаддаром* и производить его в значительных количествах¹⁹.

В это время Джавахарлал также всячески старался не нарушать различные распоряжения правительства. Он был далек от открытого неповиновения. Например, в Шикарпуре собранию, на котором он выступал, было передано распоряжение о его запрещении в соответствии с приказом С-144, и Джавахарлал тут же прекратил свое выступление и занялся сбором иностранной одежды и средств в фонд *свараджа*²⁰. Когда же аналогичное распоряжение он получил в Бхити, он вместе со всеми участниками собрания, а их было около тысячи, прошел четыре с половиной мили в соседний округ и провел собрание там.

Однако правительство Соединенных провинций какое-то время уже собирало материал для возбуждения судебного дела против газеты «Индепендент» за публикуемые в ней статьи и против Джавахарлала за подстрекательские выступления. Но, поскольку более обоснованным показалось дело против братьев Али, возбуждение дела против Джавахарлала было задержано до принятия правительством Индии решения по делам Али и «Индепендент». В Симле высказывалось мнение, что газете надо предоставить возможность выразить сожаление, а правительство Соединенных провинций (за исключением одного министра), хотя и считало, что, кроме суда, другого выхода нет, решило предоставить Джавахарлалу аналогичную возможность²¹. И вот 16 июня 1921 года Джавахарлалу сооб-

щили, что против него дело не будет возбуждено, если он даст обязательство не выступать с речами, прямо или косвенно подстрекающими к насилию или рассчитанными на то, чтобы создавать атмосферу готовности прибегнуть к насилию. Аналогичные извещения в тот день были направлены редактору «Индепендент» и владельцу печатавшей ее типографии.

Джавахарлал обещал начальнику Аллахабадского округа, который вручил ему извещение правительства, в течение недели ответить на него. Но его отец, в то время находившийся в горах в Рамгархе поблизости от Наинитала, телеграфировал прямо начальнику округа, что ответ будет направлен после должного рассмотрения²². Мотилал был все еще склонен считать сына (которому уже исполнилось тридцать два года) непослушным школьником. Он решил, как он заявил Джавахарлалу, вести себя как босс, поскольку считал, что имеет полное право на это и на исправление «по праву старшего» ошибки Джавахарлала, давшего такое обещание²³. Теперь Джавахарлал с особой тщательностью составил ответ — существуют по крайней мере три его черновика — и повез его в Рамгарх, чтобы показать отцу. Мотилал, конечно, хорошо понимал, что он и Джавахарлал рано или поздно окажутся в тюрьме, и от своей позиции не отступил. Он отклонил предложение встретиться с Малькольмом Батлером или же поехать в Симлу к вице-королю²⁴. «Ни за что на свете я не обращусь к сэру Х. в интересах Джавахара, моих собственных или кого-нибудь еще... Мы с Джавахаром знаем, что нас ждет, и совершенно готовы к этому»²⁵. Но он не видел никаких причин для облегчения задачи правительства и сделал формулировки ответа еще более жесткими, чтобы придать им больше четкости, не ослабляя при этом вызывающего тона, и исключить всякую возможность того, что кто-то, кроме него самого, может считать Джавахарлала «впечатлительным юнцом, легко увлекающимся всем, что читает»²⁶. Точность полицейских донесений о речах Джавахарлала была поставлена под сомнение, в просьбе об извинении или взятии обязательства отказывалось. Если Джавахарлал совершил ошибку, сказав что-либо, что является неправдой или преувеличением, или производит впечатление, будто он осуждает весь английский народ, он извинится, но только публично²⁷.

Начальник департамента внутренних дел и его чиновники согласились с правительством Соединенных провинций, что настало время отдать Джавахарлала под суд²⁸. Но вице-король, как и ожидал Мотилал, подошел к этому решению с общеиндийской точки зрения и решил, в соответствии с тактикой затяжек, которую применял к Конгрессу, не обращать внимания на Джавахарлала. Правительство Соединенных провинций получило указание возбудить дело

только против редактора «Индепендент» и владельца печатавшей ее типографии. Батлеру пришлось согласиться.

«Если они начнут кампанию гражданского неповиновения, то в трудное положение попадут они сами, а если мы подвергнем заключению видных руководителей, мы можем вызвать большое сочувствие к ним. Нужно выбрать одно из зол, и я думаю меньшим злом будет пока что воздержаться»²⁹.

К ноябрю 1921 года правительство Индии* было готово принять решительные меры против кампании несотрудничества, которая теперь проводилась в новых формах и часто вела к насилию. К числу этих мер относилось решение расправиться с движением добровольцев Соединенных провинций³⁰. Там, благодаря главным образом Джавахарлалу, отряды добровольцев были хорошо обучены и успешно проводили полные *харталы* (забастовки) в Лакхнау, Аллахабаде, Канпуре и других крупных городах и пикетирование лавок, торговавших иностранными товарами. Даже вице-король признал их успехи, особенно в Аллахабаде.

«Участники движения несотрудничества пустили в ход всю мощь несомненно сильной организации и тем не менее повсюду, кроме Аллахабада, не добились успеха, хотя, если оценивать обстановку беспристрастно, я вынужден признать, что в некоторых местах им удалось помешать визиту (принца Уэльского), который, не будь этого, был бы весьма успешным и триумфальным»³¹.

Организация Конгресса в Соединенных провинциях объявила также о намерении подготовить отдельные *техсилы* к гражданскому неповиновению³², и, хотя правительство не отнеслось к этому намерению серьезно³³, было ясно, что если бы такая кампания была начата, то для ее проведения имелись хорошо обученные добровольцы. Все окружные комитеты Конгресса получили распоряжение немедленно учредить бюро добровольцев. Поэтому организация добровольцев Соединенных провинций была объявлена вне закона, а Джавахарлал — организатор и секретарь бюро добровольцев Соединенных провинций — и его отец 5 декабря были арестованы за связь с этой организацией. Мотилал был рад находиться в тюрьме вместе с сыном и отправился туда в восторженном настроении. Джавахарлал тоже обрадовался приговору к шести месяцам тюремного заключения и штрафу в 100 рупий или еще одному месяцу пребывания в тюрьме и чувствовал себя рыцарем патриотизма. Отец и сын и несколько других заключенных, с которыми обращались гораздо лучше, чем с арестованными рядовыми членами Конгресса, написали

* Имеется в виду английское колониальное правительство.

начальнику тюрьмы об отказе от этих привилегий. «Мы не хотим признавать никаких классовых различий в нашей армии *сва-раджа*»³⁴. Один конгрессист, посетивший обоих Неру в тюрьме через неделю, сообщал, что «на фоне находящихся в заключении выделялось улыбающееся и счастливое лицо пандита Джавахарлала Неру»³⁵. Джавахарлал продолжал из тюрьмы руководить работой организации Конгресса Соединенных провинций и составлял планы того, что ей делать, чтобы не свертывать работу, несмотря на официальный запрет, и укреплять свой авторитет, заполняя тюрьмы³⁶.

Из-за каких-то неточностей в формулировках приговора Джавахарлал, к своему удивлению, был освобожден в марте 1922 года, отсидев только половину срока. К этому времени Ганди прекратил кампанию гражданского неповиновения из-за участившихся случаев применения насилия. Джавахарлал, как и многие другие, испытывал горькое разочарование, особенно потому, что кампания в его провинции набирала силу. Даже правительство стало проявлять беспокойство по поводу повсеместно усиливавшейся напряженности обстановки и подготовки к разворачиванию гражданского неповиновения. «Положение быстро ухудшается и все больше выходит из-под контроля. У его превосходительства в Совете нет сомнений, что, если не будут приняты меры, чтобы прекратить движение в его центре, ухудшение будет продолжаться и приведет к угрожающим событиям»³⁷. Отряды добровольцев, одетых в форму, пытались заменить полицию, а члены Конгресса в некоторых округах открывали собственные школы и суды и устраивали загоны для скота. Комиссар Аллахабата сообщал, что создание Конгрессом *тхан* (полицейских участков), персонал которых выполнял постовые и другие полицейские обязанности, «представляло собой не столько организованное, возглавляемое официальными руководителями движение, сколько стихийную инициативу низших каст, в частности магометан. Это создало возможность его дальнейшего распространения, и комиссар полагал, что существует опасность превращения его во всеобщую забастовку или бойкот европейцев»³⁸. Поэтому правительство Соединенных провинций предложило принять законы, предотвращающие узурпацию функций полиции.

Решение Ганди дало правительству возможность вздохнуть с облегчением и чрезвычайно затруднило выполнение задачи Джавахарлала поддерживать на высоте дух Конгресса. «Могу сказать лишь следующее: продолжайте бороться, продолжайте трудиться ради независимой Индии, не останавливайтесь. Не отказывайтесь от своей веры. Не идите на ложные компромиссы. Продолжайте следовать за

своим великим вождем Махатмой Ганди и оставайтесь верными Конгрессу. Будьте умелыми, хорошо организованными и, самое главное, не забывайте о *чакре* и *ахимсе*»³⁹. Джавахарлал присутствовал на суде над Ганди в Ахмадабаде, а затем вернулся к себе, чтобы организовать прядение, бойкот и пикетирование в Соединенных провинциях. Его отцу, который все еще находился в тюрьме, понравилось предложение о том, чтобы Джавахарлал поехал в Англию в качестве члена халифатистской делегации.

«Я действительно приветствовал бы возможность для тебя провести некоторое время в море и в Европе в интересах всех нас — твоих, моих и всей страны в целом. Как ты знаешь, я не могу воспринять политико-религиозную философию Гандиджи дальше определенного предела... во всяком случае, по-моему, какое-нибудь разумное служение извне гораздо предпочтительнее весьма сомнительной чести гнить в тюрьме, чтобы искупить преступление, совершенное в Чаури-Чауре»⁴⁰.

Однако Джавахарлалу не пришлось по душе мысль покинуть Индию в такое время. Как бы сильно он ни осуждал последнее решение Ганди, он, в отличие от отца, не признавал никаких оговорок относительно руководства Ганди и считал, что дела много и помимо политических выступлений.

«Тебе будет приятно узнать, что работа двигается. В этот раз мы закладываем прочные основы. Если на то будет воля божья, наш следующий бросок вперед закончится победой. Уверяю тебя, что наша деятельность не будет ослаблена, не будет свернута и, что самое главное, мы не пойдем на ложные компромиссы с правительством. Мы стоим за истину. Как же мы можем иметь дело с чем-либо, что осквернено прикосновением лжи?»⁴¹

Как признавало правительство, «ненавязчивая пропагандистская работа», организованная Джавахарлалом в Аллахабаде, приобрела широкий размах⁴². Джавахарлал выступал на митингах в городе и других местах и раздавал листовки на хинди. Высказывавшиеся им мысли были гандистскими. Он говорил, что атмосфера в стране спокойная, но это не означает, что несотрудничество больше не существует. Оно никогда не прекратится, пока не будет достигнута цель, и великая война, которая ведется в стране, может иметь лишь один результат — победу индийцев. Поэтому нужно идти вперед, полагаясь на господу бога. Непосредственная работа должна заключаться в поощрении *свадешии*, прядении, уничтожении неприкасаемости, взносах в Фонд Тилака, вступлении в отряды добровольцев и в члены Конгресса, возрастной ценз для которых снижен с двадцати двух до восемнадцати лет. Но необходимо избегать всякого насилия, принудительного закрытия лавок. Учащиеся не должны

подвергать себя опасности ареста, но, если их арестуют, им следует встретить это с радостью.

Совету, данному им учащимся, Джавахарлал какое-то время следовал сам. Хотя его деятельность носила открытый характер и приносила определенные плоды, он вначале не прилагал усилий к тому, чтобы его арестовали. По его предложению утром 6 апреля, в начале «национальной недели» печали по поводу отсутствия свободы, и 13 апреля в память событий на Джаллианвала-Баг были проведены *харталы*. Однако Джавахарлал посоветовал организаторам политической конференции в Дехрадуне соблюдать правительственное запрещение. Правда, Джавахарлал начал думать, что концентрация внимания на конструктивной деятельности становится почти невозможной из-за правительственных репрессий и террора. Вместе с одним своим коллегой он посетил округ Ситапур, чтобы расследовать одно такое обвинение⁴³. Совершенные там зверства, заявил он в публичном выступлении, затмевали то, что произошло в Пенджабе⁴⁴. Поэтому, возможно, придется возобновить индивидуальное гражданское неповиновение⁴⁵. А для этого нужно совершенствовать организацию, спланировать поездки и постараться посетить все важные города и поднять там народ. Правительство в ответ на это 5 мая произвело обыск в помещении Конгресса и в Ананд-бхаване. Арест явно казался неизбежным, и Джавахарлал направил комитетам Конгресса еще один циркуляр, написанный во время обыска, «чуть ли не под носом у полиции». Народ откликнулся с энтузиазмом и мужеством, и для успеха нужна была только организованность. Несотрудничество завоевало Индии новый авторитет в глазах мира. «Это было достижением, завоеванным за несколько месяцев. Поистине прекрасный результат, за который мы со всем смирением должны благодарить Того, кто дарует все»⁴⁶.

Через неделю, 12 мая, Джавахарлала арестовали по обвинению в организации пикетирования и за пропаганду его в письменном виде и в выступлениях. Как сторонник несотрудничества, он отказался отвечать на обвинения, подвергать перекрестному допросу свидетелей или же защищать себя, однако выступил с пространным заявлением. В нем он указал, что, хотя его судят за преступное запугивание и давление, обвинение не в состоянии представить ни одного свидетеля, который утверждал бы, что пикетирование проходило немирно. С другой стороны, именно правительство виновно в запугивании и терроре, проводимых по всей провинции. Однако он признателен властям за выдвижение против него данного обвинения, ибо благодаря этому широкую гласность получил бойкот иностранных тканей. Жители Аллахабада и Соединенных провинций «узнают, что для спасения Индии и ее голодающих миллионов требуется пользование

чакрой и производство *кхаддара*, выбросят все ткани иностранного происхождения и либо сожгут их, либо отправят на мусорную свалку».

Джавахарлал также остановился на более широкой проблеме английского владычества. Хотя он любил Англию, а может быть, именно из-за этого своего отношения к ней, он стал теперь бунтарем и всю свою деятельность направил на достижение одной цели.

«После того как был осужден наш святой и любимый вождь, тюрьма стала для нас поистине раем, священным местом паломничества. Я поражаюсь своей удаче. Служить Индии в битве за свободу — уже достаточно высокая честь. Служить ей под руководством Махатмы Ганди — честь вдвойне. Но страдать ради любимой родины! Есть ли лучший удел у индийца, если не считать гибели за дело родины или ради полного осуществления нашей прекрасной мечты!»

Его горячая речь, полная патриотической страстности и романтических отзвуков итальянского Рисорджименто, выражавшая верность руководству Ганди, была услышана далеко за пределами окрестного суда и родной провинции Джавахарлала. Правительство же тешило себя иллюзией, будто дело Джавахарлала не получило широкой огласки, хотя торговцы мануфактурой, вызванные в качестве свидетелей, почтительно приветствовали подсудимого⁴⁷. Джавахарлал рассчитывал на более широкую аудиторию, и первое из его выступлений в суде нашло слушателей по всей стране и стало манифестом образованной молодежи Индии. Когда позднее в этом же году Мотилал отправился в поездку по Индии, он, к собственному удовольствию, обнаружил, что сын пользуется широкой известностью, и был глубоко тронут, когда в Дели его с женой горячо приветствовала большая толпа как отца и мать Джавахарлала⁴⁸. С точки зрения Мотилала слабой стороной заявления сына была юридическая, которую, как он считал, можно было бы улучшить. Недостаточно говорить, что пикетирование было мирным, для того чтобы опровергнуть обвинение в оказании давления, ассоциация торговцев хлопком взимала штрафы с тех, кто продавал ткани иностранного производства, и Джавахарлалу следовало доказать, что он и Конгресс не имели никакого отношения к этой организации. Но эти недостатки юридической аргументации еще больше подчеркивали душевные качества Джавахарлала и его горячий патриотизм и усиливали ценность заявления с точки зрения Конгресса и движения несотрудничества. «Прочитав твое заявление, я почувствовал себя самым гордым отцом в мире. Твердое и открытое чувство достоинства, выраженное в нем, дает основания сравнивать его с лучшими произведениями самого Мастера»⁴⁹.

Джавахарлал ожидал и надеялся, что его приговорят к длитель-

ному заключению⁵⁰. Его несколько выбило из колеи его прежнее досрочное освобождение, особенно потому, что отец все еще оставался в тюрьме. «За стенами тюрьмы чувствуешь себя чуть ли не одиноким, и эгоизм подсказывает, что нужно туда побыстрее вернуться». В данном случае его не постигло разочарование — его приговорили к восемнадцати месяцам тюрьмы строгого режима и штрафу в 100 рупий, а также к дополнительным трем месяцам заключения в случае неуплаты штрафа. Джавахарлала поместили в окружную тюрьму Лакхнау, что встревожило его отца, который считал, что Джавахарлал плохо переносит сильную жару, и предпочитал, чтобы сын вместе с ним отбывал наказание в тюрьме Наинитал или Алморе. В то время Джавахарлал не отличался крепким здоровьем и продолжал в тюрьме лечиться гомеопатическими средствами, в основном мышьяком и серой. Ел он немного, притом вегетарианскую пищу — простоквашу, хлеб с маслом, молоко и фрукты в дополнение к рису, *чапати* (лепешки), *дал* и овощам на обед, во время которого он только и потреблял более или менее значительное количество пищи.

Поскольку начальник тюрьмы и надзиратели плохо обращались с посетителями и подвергали их мелким оскорблениям, Джавахарлал и его товарищи по заключению на протяжении нескольких месяцев отказывались от свиданий и не видели ни одного дружеского лица извне. В этот период он даже не посещал другие тюремные бараки. Но в целом Джавахарлал был доволен своей жизнью. Один лишь факт пребывания в заключении увеличил его уважение к себе. Кроме того, он надеялся, что пребывание в тюрьме и связанные с ним лишения закалят его, и поэтому полностью наслаждался своим вынужденным бездельем.

«Заслуживают сочувствия те, кто работает и трудится на воле, а не мы, которые ничего здесь не делаем, только едим и спим. Скоро наступят приятные осенние дни, и как чудесно будет находиться под деревьями! А что может быть приятнее отсутствия забот? Нам не надо ни с кем встречаться, у нас не накапливается работа, с которой невозможно справиться, не нужно произносить речи, спешить. Время почти потеряло всякое значение, и жизнь течет, как тихо бегущая река»⁵¹.

Помимо физических упражнений — ходьбы и бега и ежедневной работы на прялке, большую часть времени он уделял чтению. Ему разрешили получать две ежедневные газеты — «Лидер» и «Инглишмен» до 15 ноября, после чего тюремные власти прекратили их доставку. Джавахарлал начал учить урду. Он получал журналы «Нейшн», «Нью стейтсмен» и «Модерн ревью». Но происходившее за стенами тюрьмы его мало волновало. Круг его интересов был широ-

ким, и он исполнился решимости пополнить свои знания, чего не делал после возвращения из Англии. Его не очень интересовали философия или религия, и знакомство с ними никогда не выходило за рамки поверхностного. В тюрьме он прочитал Коран и «Свет Азии» Арнольда, а также Бхагавадгиту в переводе г-жи Безант, но оставался в то время обычным, нерассуждающим индусом-теистом. Его отношение к этим вопросам было почти что банальным и лишенным юмора. «Радуется, что тюремное начальство не обладает властью не допускать в тюрьму бога и природу». Джавахарлал был благодарен за то, что его родители и близкие родственники приобщили его к высоким идеалам и всегда старались сделать его сильным и укрепить его дух. Он пребывал в уверенности, что жизнь, которую он вел в тюрьме, гораздо лучше той жизни, от которой он отказался. «Сейчас, — писал он, — я немного понимаю, что имел в виду Иисус, когда просил нас уйти из мира и спасти наши души». Он отметил свой день рождения в тюрьме так, как учила его мать, и даже отложил пять рупий для раздачи бедным.

Больше всего его интересовали история, путешествия и поэзия. Именно в то время он начал собирать факты и записывать мысли, которые впоследствии легли в основу его «Взгляда на всемирную историю». В числе книг, с просьбой о которых он обращался, были «Правление ариев в Индии» Хейвелла, которая привлекала его идеализацией прошлого Индии, и «Священная Римская империя» Брайса, мемуары Бабура и путевые заметки Бернье. Он читал также произведения Свена Хедина и, создав для себя свой собственный мир мечтаний, составил маршрут путешествия, которое намеревался предпринять после завоевания *свараджа*: он пролегал через Кашмир и Ладакх в Манасаровар, Кайлаш и знаменитые города Центральной Азии, а затем через Афганистан, Иран и Аравию в Европу.

В поэзии Джавахарлал предпочитал романтиков — Китса, Шелли, Суинберна, «Королевские идиллии» Теннисона, и на его длинных письмах семье также лежал налет романтизма. Стремясь быть в гуще националистической борьбы, Джавахарлал искал примеры для подражания в Италии. «В золотые дни будущего, когда история нашего времени и нашей страны будет написана, славное место в ней займет настоящее. Разве не надлежит нам вспоминать добрые старые времена? Вспоминать великих людей, которые показали нам путь и вселили в нас огонь веры?» После этого он цитирует Мередита, заменяя «Италию» Индией:

Мы, видевшие Индию в муках,

Поднявшуюся наполовину, чтобы быть брошенной на землю;

Столь же обильную, как и прекрасную, подобную полям зрелой пшеницы,

Где однажды прошелся плуг,
И теперь мы думаем о тех,
Кто вдохнул в нее жизнь.

Мы видим здесь юношескую экзальтацию, которой еще предстояло превратиться в серьезную мысль. Во всех письмах Джавахарлала того времени чувствуется отзвук юношеских переживаний, самоуверенность и отсутствие сомнений. Он был настолько возбужден положением, в котором оказался, так влюблен в самопожертвование и лишения, так остро ощущал окружающую обстановку, что не думал о том, каким путем и к какой цели идти. Он уложил себя в колыбель эмоционального национализма и укачивал себя в ней. Специальный корреспондент «Манчестер гардиан», которому начальник тюрьмы разрешил повидать Джавахарлала, не погрешил против истины, когда написал, что больше всего его поразило в рассказе Джавахарлала о его жизни неуклонно растущее стремление что-то сделать для своей страны, что именно — он не знал, и глубокое удовлетворение, которое он почувствовал, когда Ганди наконец показал ему, что конкретно можно сделать; но это были акты самопожертвования.

«Стремление к самопожертвованию, по-видимому, было и, я думаю, все еще остается сильным у него... Но, хотя ум, утонченность и патриотизм этого человека совершенно очевидны, я не мог получить от него ясного представления о том, каким образом он собирается добиться *свараджа* и что будет делать после того, как его завоюет»⁵².

Эгоиста, писал Джавахарлал, вряд ли устроило бы быстрое освобождение из тюрьмы⁵³. Однако его снова освободили до истечения срока приговора. Он вышел из тюрьмы 31 января 1923 года в порядке общей амнистии, провозглашенной властями Соединенных провинций без консультации с правительством Индии⁵⁴ во исполнение резолюции провинциального законодательного совета, содержавшей такую рекомендацию. Приветствуя освобождение 107 политических заключенных, газета «Лидер» писала: «Величайший среди этих патриотических умов, подлинный последователь г-на Ганди — пандит Джавахарлал Неру, который, несомненно, придерживается самого благородного образа мыслей, ни к чему не питает ненависти, но любит свою страну со страстью чистой природы и чувствительного сердца»⁵⁵.

Далее «Лидер» выражала надежду, что Джавахарлал откажется от бессмысленного самопожертвования и самоубийственных действий и займется политической деятельностью. По-видимому, газета имела в виду, что Джавахарлал должен присоединиться к умеренным и поддерживать существование двоевластия.

«Суть несотрудничества состоит в том, чтобы научить народ то-

му, как следует самому помогать себе. Такой урок не может быть усвоен, если упор делать только на ручное прядение или на проповедь ненависти. В области сельского хозяйства, промышленности, кооперации, образования, местного самоуправления и социального обслуживания существует неограниченное поле для проповеди евангелия самопомощи».

Аналогичную мысль высказал доброжелательный сэръ Гримвуд Мирс, председатель высшего суда Аллахабада. За три дня до освобождения Джавахарлала он написал Мотилалу, что хотел бы установить дружественные отношения с его сыном, и добавил: «Искренне верю, что мог бы облегчить ему жизнь, если бы он разрешил мне попытаться это сделать»⁵⁶. Затем, когда он встретился с Джавахарлалом, Мирс намекнул ему на возможность его назначения на пост министра, если тот того захочет⁵⁷.

Поразительно, что о таком могли даже помыслить, а интерес это представляет лишь потому, что показывает, что, несмотря на тюремное заключение Джавахарлала, его, во всяком случае в родной провинции, считали умеренным националистом. Разумеется, он вовсе не был революционером-экстремистом, но не был он также и потенциально преданным правительству деятелем и вряд ли взял бы за образец карьеру Сурендраната Баннерджи, который вышел из Конгресса и стал ведущим деятелем умеренного направления и министром в Бенгалии. У Джавахарлала еще отсутствовали твердые идеологические убеждения, и насильственные методы представлялись ему неприемлемыми, однако официальный пост при англичанах, безусловно, не мог привлечь его. Ридинг проявил проницательность в оценке Джавахарлала, назвав его «фанатически враждебным правительству»⁵⁸.

Поэтому Джавахарлал, не долго раздумывая, вежливо отклонил это предложение. Больше беспокоили его острые разногласия в самом Конгрессе. Ганди находился в тюрьме, и в руководстве Конгресса чуть не произошел раскол по вопросу об участии в советах. Комиссия по гражданскому неповиновению, созданная Конгрессом, изложила аргументацию двух лагерей — тех, кто выступал за участие в выборах, намеченных на 1923 год, и тех, кто был против. Сторонники участия в выборах считали, что с прекращением кампании гражданского неповиновения было бы неразумно позволить умеренным получить монопольное представительство в советах. Конгрессу следует одержать победу на выборах и контролировать деятельность этих органов, утверждали они. «Ударьте эти советы по голове, и вы достигнете того, чего не могли достигнуть миллионы, потраченные на иностранную пропаганду». Однако противники этой тактики утверждали, что такой шаг лишь повысит

авторитет правительства, что борьба против государственного механизма должна вестись извне. Во главе группы, отстаивавшей участие в советах, стояли Ч. Р. Дас и Мотилал, считавшие такое участие новой формой несотрудничества. По их мнению, конгрессистам следовало принять участие в выборах и защищать законные интересы страны в советах. Если же их требования не будут в разумные сроки удовлетворены, им надлежит прибегнуть к политике единообразной, непрерывной и последовательной обструкции с целью сделать управление страной с помощью советов невозможным. На ежегодном съезде Конгресса в декабре 1922 года эта тактика была отвергнута довольно значительным большинством. Председателя съезда Даса уговорили не подавать в отставку, но он вместе с Мотилалом образовал в Конгрессе свараджистскую партию для борьбы за участие в деятельности советов. При этом надеялись, что это побудит сторонников конституционных методов вроде М. А. Джинны, вышедших из Конгресса в 1920 году, вернуться в его ряды⁵⁹.

Трудность положения Джавахарлала заключалась в том, что, хотя эмоциональные узы связывали его с руководителями свараджистской партии, он больше был согласен с противниками участия в деятельности советов. В первом своем выступлении после освобождения он заявил, что всё еще придерживается убеждения, что несотрудничество является единственным путем, который приведет к самоуправлению. Нужно продолжать борьбу и даже усилить ее и вести до тех пор, пока цель не будет достигнута. По поводу конкретного вопроса об участии в работе советов он не пожелал высказаться, объясняя это оторванностью от текущих событий политической жизни. При этом он, однако, подчеркнул, что обе группы имеют в виду одну и ту же цель и один и тот же путь, хотя средства ее достижения у них разные⁶⁰. Джавахарлала также тревожило то, что разногласия внутри Конгресса могли его ослабить. Поэтому он вместе с несколькими другими стал предлагать не столько компромисс, ибо позиции обеих группировок были несовместимыми, сколько создание «атмосферы благожелательности и доброй воли»⁶¹, в которой могли бы действовать обе стороны. На заседании Всеиндийского комитета Конгресса в Аллахабаде в конце февраля он и Маулана Азад убедили обе группировки прекратить всякую пропаганду до конца апреля. Сам же Джавахарлал провел этот период перемирия в поездке по ряду округов Соединенных провинций, где занимался сбором средств для Конгресса и призывал соблюдать дисциплину и носить одежду из *кхаддара*. Но в выступлениях его было мало огня, и даже власти провинции считали их сдержанными⁶². 6 апреля он высту-

пил в Аллахабаде на собрании, посвященном началу Национальной недели, и, как сообщалось, ограничился лишь высказыванием о том, что все должны сами разобраться в событиях прошедших четырех лет и молиться о путеводной звезде. Поэтому неудивительно, что его избрание председателем Аллахабадского муниципального совета не вызывало тревоги в официальных кругах. «Сообщают, будто он склонен вести себя разумно, но настаивает на том, что его долг перед националистическим движением важнее его ответственности перед налогоплательщиками»⁶³.

Фактически же в это время Джавахарлал был на распутье, не имел ясного представления о том, что ему надлежит делать. В ответ на просьбу одного своего коллеги предложить более революционную программу он написал:

«Полностью с Вами согласен. Но какой ей долженствует быть? Не надо забывать, что многие люди говорят о революции и прямых действиях, но не имеют никакого желания участвовать в них. Те из нас, кто действительно верит в прямые действия, должны оставаться верными этому идеалу и говорить о нем широкой публике. Если у Вас есть какие-либо конкретные идеи, напишите мне о них»⁶⁴.

Сам он в одном письме для печати заявил, что является чем-то вроде своеобразного миссионера⁶⁵, но это был миссионер без миссии. В Конгрессе тоже снова надвигалось столкновение. Перемирие закончилось, и в первые дни мая и Мотилал и Раджагопалачарья — руководитель так называемых противников изменения политики Конгресса — выступили с манифестами, определившими водораздел между ними. Джавахарлал стремился избежать этого столкновения, хотя бы для того, чтобы сохранить Конгресс, который, по его мнению, в последние четыре месяца фактически прекратил всякую деятельность. «Эффективная политическая работа не ведется ни в одной провинции, и, если такое положение на какое-то время сохранится, Конгресс перестанет существовать. В настоящее время самая насущная необходимость — это, безусловно, восстановить прежний престиж Конгресса»⁶⁶. Того же мнения, что и Джавахарлал, придерживался и вице-король, который с удовлетворением докладывал примерно в это же время, что несотрудничества как действенной силы фактически не существует⁶⁷.

Джавахарлал был сторонником такого решения конфликта, при котором, по существу, удовлетворение получила бы свараджистская партия, а ее противники остались бы в проигрыше. Оно гласило, что принятое Конгрессом в декабре 1922 года решение не участвовать в советах должно по-прежнему оставаться в силе,

но пропаганда этого решения не должна вестись. Иначе говоря, выполнение решения на время приостанавливается, и те, кто хочет баллотироваться на выборах, могут это сделать. Эта формулировка никого не обманула, но ее одобрил комитет организации Конгресса Соединенных провинций⁶⁸, а затем в последнюю неделю мая и Всеиндийский комитет Конгресса в Бомбее. Шесть членов Рабочего комитета — противники участия в деятельности советов тут же подали в отставку. Джавахарлал, который хотел оттянуть принятие окончательного решения, разрешая в то же время свараджистам вести свою линию, предложил не принимать их отставку. Внесенная им резолюция была утверждена подавляющим большинством голосов, но противники перемен оставались непреклонными. В этих условиях была достигнута договоренность, что Дас тоже уйдет с поста председателя, а в исполнительные органы партии будут введены люди, не принадлежащие ни к одной из фракций, такие, как Джавахарлал.

Это решение было достижением Джавахарлала, который такого оборота даже и не ожидал⁶⁹. Впервые он решительно действовал на общенациональном уровне, и мы располагаем интересным рассказом очевидца о том, как реагировала аудитория.

«Он — не оратор, не владеет никакими приемами речи. Экономен в выборе слов, но слова отбирает тщательно, что, вероятно, является результатом образования, полученного в Харроу и Кембридже. У него тихий и низкий голос, и чтобы говорить громче, ему приходится прилагать особые усилия, что возможно, ведь вряд ли его слушатели сделают невероятное и напрягут слух. Когда он говорит, из его слов проступает искренность, как пот из тела в мае месяце в Бомбее. Ему удастся произвести впечатление на слушателей, вероятно, благодаря тому, что он не пытается намеренно это сделать. Стремится он только разъяснить свою позицию и обнажить процесс работы своего ума, и в этом он излишне усердствует. Ему следует помнить, что людей большей частью интересует готовый продукт, а не процесс его производства. Его скромность — добродетель, и ему не следует дать ей превратиться в порок. Подчас, когда аудитория не в состоянии подняться до его интеллектуального уровня, он проявляет нетерпение, но ему необходимо помнить, что в мире существуют тысячи людей, которым приходится обходиться более бедным умственным багажом, чем тот, которым обладает он сам, и ему следует их понимать»⁷⁰.

Джавахарлал не был искусным оратором, но оратором, думающим прямо по ходу речи, скромным, чрезвычайно искренним и умеющим передавать эту искренность — эти черты были свойственны его публичным выступлениям на протяжении всей его

жизни. Изменился он лишь в одном отношении, притом к лучшему: непрерывный контакт с массами помог ему избавиться от привычки обращаться к аудитории свысока. В более поздние годы люди смогли слушать его без всякого напряжения, шаг за шагом следить за его аргументацией, и никогда у них не появлялось чувство, что он читает им нотацию.

Однако компромисс, достигнутый Джавахарлалом, вскоре оказался непрочным. Раджагопалачарья отказался от него, когда Дас находился в Южной Индии, родных местах Раджагопалачарьи, где агитировал за свараджистскую политику. Джавахарлал не считал, что участие в деятельности советов принесет существенные или важные результаты, но обвинил Раджагопалачарью в срыве соглашения⁷¹. Один из противников перемен — Валлабхаи Пател — указал на противоречивость позиции Джавахарлала, который соглашался с ними, сочувствуя в то же время партии Даса: «Хотел бы я знать, почему Вы не разрешаете тем, кто прав, делать так, как они считают нужным, но предпочитаете разрешать поступать так тем, кто не прав... Как можете Вы ожидать, что мы будем спокойно наблюдать быстрое разрушение великолепного здания, воздвигнутого благодаря общим жертвам столь многих граждан нашей страны?»⁷² В июле в Нагпуре Всеиндийский комитет Конгресса большинством в два голоса отклонил предложенную Джавахарлалом резолюцию о вынесении дисциплинарных взысканий тем провинциальным комитетам Конгресса, которые нарушили принятую в мае компромиссную резолюцию. После этого Джавахарлал вместе со своими коллегами вышел из Рабочего комитета и, как сообщалось, выразил желание уйти и из Всеиндийского комитета⁷³. «Хотел бы я,— заметил он одному своему другу,— чтобы мы не ранили сердца друг друга с такой легкостью и так часто»⁷⁴. До этого, 30 июня, он уже подал в отставку с поста секретаря провинциального комитета Конгресса Соединенных провинций.

Джавахарлал оказался, таким образом, свободным человеком, не связанным с борьбой внутри партии, которая вызывала у него сильное отвращение. Так же, как отсутствие дисциплины у противников перемен, его раздражало нежелание сваражистов действовать с помощью аппарата Конгресса. «Что вы собираетесь делать: оставлять Конгресс таким, какой он есть, или допустить, чтобы он развалился?»¹ В сентябре на съезде Конгресса в Дели противники изменения политики партии признали свое поражение, согласившись на участие в советах тех конгрессистов, «у которых нет возражений против него по религиозным или другим соображениям морального порядка», но Джавахарлал не играл никакой роли в принятии такого решения. Он все свое внимание уделял тем возможностям для «хладнокровных действий»², которые выпадали на его долю. «Я устал,— писал он другу в августе³,— и мной владеет уныние. Нагпурский съезд оказался для меня очень тяжелым. Я приехал сюда с намерением побродить какое-то время вдали от людей». Укрепление партийной организации, расширение числа ее отделений, обучение и приучение к дисциплине добровольцев и создание в стране общей атмосферы сопротивления и индифферентного отношения к правительству — вот что он считал важными задачами. Он понимал, что какое-то время массовая кампания гражданского неповиновения останется нереальной, но помогал организовать *сатьяграху* в Нагпуре в связи с отказом окружного судьи разрешить нести на демонстрации, устроенной Конгрессом, национальный флаг. Отряды добровольцев прибыли из различных районов страны, чтобы помогать местным работникам Конгресса, пока власти не пойдут на уступки и не разрешат его демонстрацию с флагом. Потом Джавахарлал в поисках, чем бы еще заняться, отправился в княжество Набха для ознакомления на месте с кампанией, проводившейся партией Акали.

Сикхи длительное время представляли собой группу населения, к которой английское правительство благоволило. Оно хотело, чтобы они оставались отдельной общиной и не растворялись среди

индусов. Сикхским солдатам надлежало носить пять отличительных знаков, и предпочтение, оказываемое им при наборе в армию, побуждало многих индусов обращаться в сикхизм⁴. Реформы 1919 года расширили самостоятельное представительство сикхов. Однако в конце первой мировой войны в определенных кругах сикхской общины появилось стремление к реформе управления сикхскими храмами (*гурдварами*), которые, согласно общему мнению, превратились в «притоны, где царят пьянство, порок и безобразия»⁵. Сторонники реформы хотели, чтобы управление этими храмами перешло в их руки. Пенджабское правительство усмотрело в этом движении Акали угрозу законности и порядку, и оказанное им сопротивление лишь способствовало его превращению в действительно массовое движение. План религиозных реформ сам собой перерос в политическую кампанию. Полувоенная организация Акали Дал была образована не только для того, чтобы изгнать разложившихся настоятелей сикхских храмов, но и для борьбы с правительством.

Вполне естественно, что на этом этапе движение Акали вызвало интерес у Национального конгресса. Это объяснялось не тем, что Конгресс, как позднее заявил сэр Малькольм Хейли, всегда искал партию, способную организовать движение вместо его собственной «несколько бесхребетной кампании», и был бы рад обеспечить участие Акали «в качестве авангарда своих весьма шатких рядов»⁶. Объяснение скорее следует искать в том, что сикхи под влиянием руководства Ганди кампанией несотрудничества тоже стали сторонниками ненасилия и придерживались его, несмотря на сильные провокации. Утверждалось, что в феврале 1921 года настоятели храма Нанкана, места рождения Гуру Нанака, будто облили бензином и сожгли заживо около двухсот сикхских паломников, а находившиеся поблизости чиновники не вмешались. Однако это не остановило добровольцев Акали Дал, и они устроили у этого и других храмов демонстрации протеста против плохого управления ими. В 1922 году *джатха* — отряд из ста недовольных сикхов ежедневно направлялся к храму Гурука-Баг, где их избивала полиция. Это продолжалось почти три недели, в результате чего около двух тысяч сикхов были избиты, не оказывая при этом никакого сопротивления. Затем полиция, уставшая работать бамбуковыми палками, стала произвольно арестовывать добровольцев, и со временем в тюрьмах оказалось около шести тысяч сикхов.

Таким образом, независимо от того, какими были первоначальные мотивы, Акали Дал стала действовать в духе кампании, проводившейся Конгрессом, и последний в свою очередь начал

проявлять к ней интерес. Особенно заинтересовало это движение Джавахарлала, который придавал большое значение дисциплине и на которого произвела глубокое впечатление организованность Акали Дал, поддерживавшей порядок среди своих сторонников и помогавшей семьям раненых и арестованных. В июне и июле 1923 года Джавахарлал присутствовал на проходивших в Лахоре и Амритсаре конференциях Конгресса, халифатистов и Сикхской лиги и призывал их не отвлекать силы на такие беспредметные проблемы, как представительство общин в окружных управлениях и муниципалитетах. Конгресс считал принцип такого представительства порочным, и местные органы управления в его глазах не имели никакого значения, но если бы можно было достигнуть соглашения на основе такого принципа в Пенджабе, Конгресс выражал готовность одобрить его с тем, чтобы способствовать быстрому успеху борьбы против бюрократии⁷. В сентябре, приехав в Дели на чрезвычайный съезд Конгресса, Джавахарлал услышал о том, что *джатхи* сикхов ежедневно отправляются в княжество Набха, где в июле за плохое управление был отстранен от власти махараджа, что вызвало сильное недовольство сикхов, и он решил поехать туда и своими глазами увидеть, как действуют Акали.

Ночью 19 сентября Джавахарлал в сопровождении Гидвани и Сантанамы выехал из Дели в один из центров Акали — Муктесар, где 20 сентября выступил на собрании по вопросу о борьбе Акали⁸, а утром 21-го прибыл в Джайто, княжество Набха, вместе с сикхской *джатхой*. Там он и его два спутника уселись под деревом и стали наблюдать происходившее, намереваясь вечерним поездом вернуться в Дели. Английский чиновник Уилсон Джонстон, исполнявший обязанности администратора княжества, узнав, что Джавахарлал направляется в Набху, получил разрешение вице-короля и начальника департамента внутренних дел вручить ему на границе Набхи предписание, запрещающее въезд в княжество в течение двух месяцев⁹, но Джавахарлал прибыл верхом по другой дороге, чего этот чиновник не ожидал. В результате Джавахарлал находился уже на территории княжества, когда получил предписание не въезжать туда на том основании, что он и его спутники — члены Всеиндийского комитета Конгресса и их присутствие может привести к нарушению мира. Джавахарлал ответил, что он уже находится в княжестве и, будучи не в состоянии просто так испариться, не намеревается покинуть Набху. Он и его два друга, получившие устное предписание, уселись в ближайшем постоялом дворе. Запретительное предписание, не могущее быть выполненным, *ipso facto** теряло силу, а устное распоряжение вообще ничего

* В силу этого факта (лат.).

не стоило. Однако правительство Набхи, хотя теперь его возглавлял английский чиновник, не придавало значения букве закона. Хотя присутствие Джавахарлала не вызвало никаких беспорядков, его и его спутников арестовали, на них надели наручники, сковали вместе одной цепью и отвели на железнодорожную станцию. Ночным поездом, в переполненном купе третьего класса их привезли в город Набху, а наручники и цепь сняли только через двадцать часов, в полдень следующего дня, после того как поместили в тюрьму Набхи.

Условия в этой тюрьме, даже по признанию властей, были «ужасными»¹⁰, и Уилсон Джонстон сообщал, что, хотя управление тюрьмами нуждалось в большом улучшении, сделать что-либо немедленно невозможно, поскольку у правительства и так полно дел в связи с кампанией Акали¹¹. Заключенным не разрешались свидания, запрещалось общаться с кем бы то ни было, получать книги и газеты, а два дня им не разрешали даже помыться и переодеться. Суд над ними происходил при закрытых дверях, вел заседание судья, который не знал английского языка и, не стеснясь, по всем требовавшим решения вопросам обращался к Уилсону Джонстону. Последний же теперь уже понял, что даже в Набхе Джавахарлала нельзя осудить за въезд в княжество до того, как ему запретили это делать, и решил изменить обвинение, поставив ему в вину пребывание вместе с сикхской *джатхой*, в силу чего он якобы являлся участником незаконного собрания¹². 24 сентября началось новое судебное заседание с участием другого судьи, и Джавахарлалу и его спутникам предъявили обвинение в участии в *джатхе* и применении силы при сопротивлении ее разгону. «Самым простым,— писал Джавахарлал в черновике своего заявления¹³, которое позднее отредактировал его отец, вычеркнувший эти фразы,— было бы отдать под суд за подстрекательство к мятежу, и я бы с радостью и охотой признал себя виновным. Но власти Набхи не знают простых путей. Они бесчестны».

Как только Мотилал узнал об аресте сына, он поехал в Набху, известив вице-короля, что единственная цель его поездки — повидать Джавахарлала. Сам он пока что не принимал никакого участия в кампании Акали и ожидал, что «никто не станет мешать ему воспользоваться своим естественным правом»¹⁴. Администратор Набхи издал приказ, запрещающий въезд Мотилала, но правительство Индии его приказ отменило и распорядилось разрешить Мотилалу приехать в Набху при условии, что он даст обязательство не заниматься политической деятельностью в княжестве и немедленно покинуть его после свидания с сыном¹⁵. Это требование тоже было недопустимым и говорило о том, что Уилсон Джонстон

не один нес ответственность за произвол правительства Набхи. Мотилал, разумеется, отказался дать такое обязательство и, когда ему приказали покинуть княжество, подчинился, так и не повидав Джавахарлала. Уилсон Джонстон назвал реакцию Мотилала «скрытой дерзостью», однако министр по делам Индии лорд Оливье позднее заметил, что тот вел себя так, как повел бы себя в его положении любой уважающий себя человек в любой другой цивилизованной стране¹⁶. Правительство Индии действительно тут же поняло, что зашло слишком далеко, и изменило условия: от Мотилала теперь потребовали не заниматься политической деятельностью в Набхе и покинуть ее, как только закончится процесс над Джавахарлалом¹⁷. Беспокойство Мотилала было настолько сильным, особенно после того, как он узнал о нездоровых условиях в тюрьме Набхи, что он согласился на это требование, хотя и непомерное, и возвратился в Набху.

27 сентября Мотилал увиделся с сыном в тюрьме. Свидание, продолжавшееся более двух часов, закончилось ничем. Чиновники в Набхе поздравляли себя с успехом, полагая, что и отец и сын выглядели расстроенными потому, что Мотилал пришел к выводу, что юридически действия Джавахарлала были неправильными и оставалось мало надежды на то, что его не осудят¹⁸. В действительности же причина безрезультатного исхода свидания была иной. Джавахарлал показал, что раздражен вмешательством отца, что сильно расстроило Мотилала. Поэтому он покинул Набху.

«Мне причинило боль, что вместо того, чтобы облегчить твоё положение, мой вчерашний визит нарушил ровное течение твоей счастливой тюремной жизни. После долгих, полных беспокойства раздумий я пришел к заключению, что не могу принести пользы ни тебе, ни себе, если повторю свой визит. Совесть моя чиста перед богом и людьми за то, что я сделал после твоего ареста, но, поскольку ты думаешь иначе, нет смысла заставлять противоположности встречаться... прошу тебя, ничуть не беспокойся обо мне. Я так же доволен жизнью, находясь за пределами тюрьмы, как ты в ее стенах... Не хочу, чтобы у тебя сложилось впечатление, будто ты обидел меня. Право же, я искренне считаю, что такое положение сложилось против нашей с тобой воли, в силу обстоятельств, над которыми ни ты, ни я не властны»¹⁹.

Теперь Джавахарлал испытывал глубокое сожаление. «Признаюсь, что мысль о том, что я причинил тебе боль, весьма огорчает меня и не покидает меня ни на минуту. Я горячо стремлюсь служить тебе и по возможности облегчить тяжелую ношу, которую ты несешь»²⁰. Но он вовсе не возражал против заключения в тюрьму Набхи по приговору суда. «Это будет новым переживанием,

и в нашем пресыщенном мире новое переживание всегда интересно»²¹. Однако Мотилал направил сыну через секретаря сильно переделанный текст заявления для оглашения в суде. Джавахарлал написал эмоциональное заявление, в котором критиковал администрацию Набхи и превозносил движение Акали.

«Я рад тому, что меня судят за дело, которое сикхи объявили своим. Я находился в тюрьме, когда сикхи мужественно сражались за Гур-ка-Баг и победили. Я поражался мужеству и жертвенности Акали и желал, чтобы у меня была возможность каким-то образом выразить мое восхищение ими. Сейчас такая возможность мне предоставлена, и я искренне надеюсь, что окажусь достойным их благородных традиций и отваги. *Сат Шри Акал*»²².

Мотилал заменил эти абзацы тщательно сформулированным заявлением, написанным холодным пером юриста, и Джавахарлал зачитал именно его вариант.

Тем временем суд шел своим чередом. Правительство Индии распорядилось, чтобы по делу Джавахарлала был вынесен приговор, но при этом было объявлено, что правительство Набхи приостанавливает его исполнение без каких-либо условий и высылает Джавахарлала из княжества. Это давало возможность избежать отказа осужденных согласиться на какие-либо условия; но в случае же их возвращения в княжество приговор надлежало привести в исполнение. Такой исход дела не понравился Уилсону Джонстону, который хотел, чтобы Джавахарлал отсидел свой срок в тюрьме, и утверждал, что его высылка серьезно пошатнет доверие к правительству преданных ему людей, ибо создаст впечатление, что одни законы существуют для Акали, а другие для членов Конгресса. Однако, по мнению правительства Индии, такая дискриминация сама по себе уже была выгодна, поскольку ослабила бы союз между Акали и Конгрессом²³. Поэтому Джавахарлала и его двух спутников присудили к 30 месяцам строгого заключения, но исполнение этих приговоров было приостановлено, и им приказали покинуть княжество и больше не появляться в нем. В тот же вечер все трое покинули Набху.

Однако о том, что приговор вступит в силу, если они вернутся в Набху, объявлено не было, и у Джавахарлала не было оснований считать его условным. Поэтому позднее он опротестовал заявление администратора о том, что, если они откажутся покинуть княжество, им придется отсидеть срок, указанный в приговоре, и выразил при этом надежду, что в случае, если интересы их борьбы потребуют возвращения в Набху, он и его товарищи это сделают²⁴. Когда же через год Гидвани вернулся в Набху, его заключили в тюрьму, и Джавахарлал потребовал от администратора предо-

ставить ему копию предписания о приостановлении исполнения приговора и сообщить ему, подвергнут ли его тоже аресту, если он вернется в Набху²⁵. Ему ответили, что приговор был только приостановлен, а не отменен, на что Джавахарлал возразил, что приостановление его исполнения не сопровождалось условиями²⁶.

Спустя много лет в «Автобиографии» Джавахарлал признал, что ему, вероятно, следовало бы сделать смелый шаг, особенно поскольку Гидвани снова был заключен в тюрьму, и вернуться в Набху. Но «как это часто бывает со всеми нами, я предпочел мужеству благоразумие»²⁷. По возвращении в Аллахабад, где его встретили как героя, он заболел брюшным тифом с высокой температурой и, по собственному признанию, давно не чувствовал себя таким физически слабым²⁸. Ганди отговорил его от возвращения в Набху²⁹, а отец постарался сделать так, чтобы Джавахарлал больше не вмешивался в ее дела. Он даже не разрешил Джавахарлалу встретиться с махараджей Набхи. «Ты уже однажды обжегся в Набхе, и я не хочу, чтобы ты опять пошел на риск»³⁰. Правительство Индии, которое разрешило администратору Набхи творить произвол, больше не попало в затруднительное положение. И министр по делам Индии³¹, и лорд Керзон, который вовсе не считал себя обязанным соблюдать законы и выступал от лица оппозиции в палате лордов, считали, что проблема не была решена так успешно, как этого хотелось бы. Однако правительство, хотя и незаслуженно, гордилось легкой победой. «Неру и его сын, несомненно, по существу, потерпели поражение в Набхе и хорошо это понимают»³².

УХОД В АДМИНИСТРАТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Когда Джавахарлал очутился снова на свободе после двухнедельного пребывания в тюрьме, ему, теперь больному, пришлось ограничиться лишь писанием речей. Во вступительной речи на провинциальной конференции Соединенных провинций, которая была за него зачитана, он выразил сожаление по поводу утраты твердости и веры, вдохновлявшей Конгресс в 1920 и 1921 годах. «Мы не занимались спорами и рассуждениями, мы знали, что наше дело правое, и шли вперед от победы к победе. В наших душах царил правда, каждая наша жилка трепетала при мысли о том, что мы ведем борьбу за правое дело, борьбу, не знающую себе равных, славную борьбу». Однако теперь сторонники и противники изменения политики Конгресса «набрасываются друг на друга, и рядовые противники перемен не отстают от их сторонников, предавая забвению главнейший урок ненасилия и милосердия и приписывая самые низкие побуждения людям, думающим иначе». Их точки зрения резко отличны друг от друга, указывал он, и поэтому между ними не может быть настоящего или длительного компромисса. В результате благородное движение распалось на две группировки, занятые лишь тем, как обеспечить себе поддержку в ущерб другой.

Делийский съезд Конгресса, говорил Джавахарлал, ознаменовал собой отход от прямых действий. Но ненасильственное несотрудничество не может погибнуть, и его долг — продолжать борьбу, пока основные силы отдыхают или заняты мирными делами. До того как настанет время развернуть новую массовую кампанию гражданского неповиновения, нужно постоянно напоминать народу о мирной революции, ее идеалах и практических действиях. Джавахарлал все еще оставался убежденным гандистом.

«Я думаю, что спасение Индии, как и всего остального мира, наступит благодаря ненасильственному несотрудничеству. У насилия в мире достаточно длительная история, к нему прибегали неоднократно, но оно не приносило удовлетворения. Теперешняя обстановка в Европе красноречиво говорит о непригодности насилия для решения каких-либо вопросов. Я считаю, что насилие в Евро-

не будет вызывать к жизни всё новые эксцессы, погибнет в огне, им самим зажженным, и превратится в прах».

На Западе существуют большевизм и фашизм; фактически между ними есть сходство, и они представляют различные стадии неистового насилия и нетерпимости. «Нам надлежит выбрать между Лениным и Муссолини, с одной стороны, и Ганди — с другой*». Так могут ли быть какие-либо сомнения относительно того, кто сегодня воплощает душу Индии?» Ненасилие — не слабость, для него необходимо мужество. Лучше честный человек, несущий зло и насилие, чем трус — приверженец ненасилия. Однако никакие обстоятельства не могут служить оправданием терроризма или насилия исподтишка, кинжала убийцы или удара, нанесенного в темноте.

Помимо восхваления ненасилия, Джавахарлал в гандистском же духе превозносил достоинства несотрудничества.

«Зло процветает лишь потому, что мы терпим его и способствуем ему. Самые деспотические и тиранические правительства могут существовать только потому, что люди, которыми они управляют так недостойно, сами покоряются им. Англия держит Индию в рабстве потому, что индийцы сотрудничают с англичанами и тем самым укрепляют господство Англии. Откажите им в этом сотрудничестве, и здание чужеземного господства рухнет».

Политическое освобождение — дело недалекого будущего и будет достигнуто если не благодаря силе индийцев, то благодаря слабости Европы и Англии. Европа переживает время бурных перемен, а Англия при всем ее кажущемся могуществе не может не испытывать на себе влияния краха, переживаемого континентом. Однако Джавахарлал опасался, снова высказывая чисто гандистскую точку зрения, что к этому времени Индия, возможно, станет не блистательным примером для всего остального мира, а дешевой и ни на что не пригодной копией западных стран. «Давайте же смотреть вперед и попытаемся избежать такого исхода, построим великую и сильную Индию, достойную великого вождя, которого ниспослал нам бог».

Двумя месяцами позже, на съезде Конгресса в Какинаде, он снова, как и подобает гандисту, подчеркнул, что между индийскими и западными добровольцами мало общего, что ведущим прин-

* Эти слова написаны Дж. Неру в самом начале 20-х годов. В тот период молодая Советская республика напрягала все силы, чтобы защитить себя и отразить натиск сил контрреволюции и иностранной интервенции. В Италии картина была иной: Муссолини при поддержке монополий захватил власть и установил в стране фашистскую диктатуру.

ципом для индийской организации добровольцев должен служить принцип ненасилия. Индия нуждается в приверженных ненасилию дисциплинированных солдатах, говорил Джавахарлал. «Мы встречаемся как солдаты свободы и должны быть людьми дела, а не слова». Добровольцам надлежит мало интересоваться словесными битвами, которые ведутся сейчас, и посвятить себя подготовке как можно большего числа людей для решительных действий, ибо без такой подготовки силы будут тратиться зря, а мужество не принесет плодов. Но как бы ни стремился Джавахарлал действовать, он никогда не сомневался в том, что такие действия должны вдохновляться и направляться учением Ганди. В его речах даже содержался явный намек на то, что бесполезные споры, ведущиеся в Конгрессе, стали возможны лишь благодаря отсутствию Ганди, который находился в тюрьме. Для Джавахарлала ненасильственное несотрудничество было позитивной программой, а ее приверженцы — людьми действия.

Однако сам Джавахарлал на том этапе не был в состоянии активно действовать, и ему пришлось тратить свою энергию на различные административные обязанности. «Я превращаюсь в нечто вроде фактотума»¹. Он был уже председателем комитета Конгресса города Аллахабада и активно занимался делами провинциальной организации Конгресса. На съезде в Какинаде председатель Конгресса Маулана Мохамед Али настоял на том, чтобы Джавахарлал стал одним из генеральных секретарей Конгресса. А поскольку он был самым активным из трех секретарей, это назначение значительно увеличило его нагрузку. Джавахарлал попытался внести организованность и порядок в руководство Конгрессом, которое осуществлялось нерегулярно, от случая к случаю. А это означало, что ему приходилось уделять много внимания мелочам. Он также тщательно проверял финансовую отчетность, требовал, чтобы все, от председателя до рядовых членов руководства, представляли подробные отчеты, и сам регулярно составлял отчеты о финансах партии. Поддерживал он и связь с зарубежными комитетами — в Англии, Японии и Соединенных Штатах, которые хотели стать отделениями Конгресса. Джавахарлал много ездил по своей провинции, занимаясь сбором средств для провинциальной организации Конгресса, у которой в январе 1924 года на счету в банке имелось лишь двадцать рупий².

Поскольку Джавахарлал проявил непосредственный интерес к кампании Акали и совершил поездку в Набху, Конгресс назначил его также одним из уполномоченных по связям с воинственными сикхами, а в качестве генерального секретаря в его обязанности входило выполнение резолюции Конгресса об оказании

им посильной помощи, включая посылку людей и денег. В Амритсаре было создано «Акали сахаяк бюро» (бюро помощи), и хотя Джавахарлал не мог, как предлагал Раджагопалачарья³, возглавить это бюро, он поддерживал тесные связи с Гидвани, назначенным на этот пост, а после ареста последнего — с его преемником К. М. Паниккаром. У Конгресса не было денег, и Джавахарлал полагал, что лучшей помощью с его стороны будет укрепление своей собственной организации и использование ее в полной мере в момент кризиса, а пока, считал он, следовало широко освещать деятельность Акали, делая упор на ее политическую сторону и вопросы, затрагивающие другие общины⁴. Джавахарлал считал, что Конгресс может также помочь вовлечению индусов и мусульман в кампанию Акали, которая должна рассматриваться как часть общего освободительного движения. Шаукат Али, например, обещал полную поддержку со стороны мусульман. «Я хочу заявить Акали, что ведущаяся ими война напоминает проблему халифата, поднятую мусульманами, и проблему *свараджа*, за который борются индусы... Пока эта война будет продолжаться, в ней готовы участвовать сотни и сотни тысяч индусов и мусульман»⁵. Однако сами сикхи не проявляли желания воспользоваться такой поддержкой даже индусов, не говоря уже о мусульманах, и Конгресса⁶. Явно их помыслы сводились к тому, чтобы добиться уступок от правительства, которые они и получили в 1925 году. А усилия Джавахарлала улучшить взаимоотношения между индусами и сикхами не вызвали отклика даже у индусов Амритсара, поскольку, приехав в этот город, он остановился в гостинице, где поварами работали мусульмане⁷.

Работа эта занимала все время Джавахарлала и вынуждала его не обращать внимания на болезнь, которой страдал Конгресс. Он даже стремился вернуться в тюрьму, пусть по ложному обвинению, потому что одно время казалось вероятным, что правительство собирается арестовать его за то, что он вместе с пандитом Малавией игнорировал запрещение совершать омовение на *сангаме* в Аллахабаде во время празднования *Кумб мела* в январе. В том году Ганг несколько изменил свое русло, и течение стало настолько сильным, что купаться в нем без необходимых мер предосторожности стало опасным. Поэтому с финансовой помощью правительства добровольцы подготовили другое место для совершения омовений, однако окружные власти не разрешили вообще подходить к *сангаму*. «Вопрос об опасности купания отодвинулся на второй план, и проблема превратилась в вопрос престижа. Опасность можно обсудить и преодолеть, с престижем этого сделать нельзя»⁸. Поэтому Малавия, Джавахарлал и несколько других

добровольно пошли на риск ареста, перелезли через забор и окунулись у *сангама*. Однако правительство их не тронуло. «Очевидно, меня вряд ли арестуют из-за событий во время *Кумб мела*. Как жаль!»⁹

Однако вскоре Джавахарлалу пришлось порадоваться тому, что он не в заключении, ибо 5 февраля 1924 года Ганди был освобожден по состоянию здоровья. Повидав его в Пуне, Джавахарлал провел несколько недель в Джуху, где Ганди вел переговоры с руководителями свараджистов Мотилалом и Дасом. На выборах в ноябре 1923 года они добились немалого успеха и обратились вскоре за одобрением своей тактики к Ганди. Получить его им не удалось, и дело выглядело так, что в Конгрессе вот-вот произойдет раскол. Все, да и он сам, писал Ганди Джавахарлалу¹⁰, потеряло устойчивость, и Джавахарлал полагал, что ему, возможно, придется уйти с поста секретаря. «Наверняка Вы можете представить себе ситуацию, когда для меня, как и для других, окажется невозможно оставаться на своем посту. Все, как Вы выразились, бурно меняется, так почему я должен не поддаваться влиянию этих изменений и не меняться?»¹¹

На заседании Всеиндийского комитета Конгресса в Аллахабаде в июне 1924 года Ганди внес резолюцию, требующую, чтобы все члены Конгресса занимались прядением. Против нее выступили Мотилал и Дас, и резолюция была одобрена без того пункта, в котором предусматривалось освобождение членов Конгресса от занимаемых ими должностей, если они не будут изготовлять достаточное количество пряжи. Ганди счел, что потерпел поражение. Почувствовав себя униженным и осознав, что свараджисты пользуются большой поддержкой в партии и стране, он решил оставить им поле боя. Но английское правительство отвергло предложение свараджистов о сотрудничестве. Мотилал ожидал, что первое лейбористское правительство пригласит его и Даса в Лондон¹², а Дас, как говорили, сделал щедрый взнос в фонд лейбористской партии. Надежды Мотилала не оправдались, а Дас все же ожидал многого от Биркенхеда. Однако и эти ожидания ни к чему не привели. Биркенхед писал в секретном письме Ридингу¹³, что рекомендовал бы кабинету министров в ближайшие четыре года проводить политику отказов. Поэтому существование свараджистской партии потеряло всякий смысл, и достигнуть чего-либо она оказалась не в состоянии. Лишившись в июне 1925 года руководства Даса, она была к тому же значительно ослаблена борьбой за пост главы партии, в которой стало принимать участие все большее число ее членов.

Тем временем внимание Ганди привлекла усилившаяся напря-

женность в отношениях между индусами и мусульманами. Мусульмане, составлявшие, согласно переписи 1921 года, почти четверть населения Индии, до появления англичан жили в согласии с другими религиозными общинами. И это неудивительно, ведь большинство индийских мусульман были когда-то индусами, обращенными в эту веру, и у них сохранилось много общего с их соседями-индусами. Однако во время правления Ост-Индской компании неравномерность социально-экономического развития различных районов страны привела к тому, что наибольшие выгоды от английского господства выпали на долю классов, преимущественно состоявших из индусов. А к тому времени, когда внутренние районы страны также подверглись влиянию Запада, национальное самосознание, особенно в Бомбее, а также в Бенгалии во все большей степени приобретало индуистскую окраску. Англичане не преминули извлечь из этого политическую выгоду. Ганди в поисках массовой поддержки также выступал с индуистских позиций и вместо укрепления национального единства разработал программу, исходящую из как бы самих собой разумеющихся различий между двумя общинами, но приемлемую для обеих. Таким образом, официальная политика, нашедшая выражение в существовании отдельных избирательных курий или разных избирательных округов, где главным критерием для кандидатов и избирателей была религия, реакция на нее Конгресса, развернувшееся халифатистское движение в сочетании с различным уровнем развития двух общин, упадком, переживаемым высшими классами мусульман, и отсутствием у них новых классов (появившихся среди индусов) способствовали усилению религиозной направленности индийской политической жизни. Это нашло свое отражение в религиозно-общинных столкновениях. В период 1900—1922 годов произошло шестнадцать таких столкновений, а за три года с 1923 по 1926-й — число их достигло семидесяти двух.

Чтобы снизить накал религиозных страстей, Ганди в сентябре 1924 года начал трехнедельную голодовку как в качестве епитимьи, так и для молитвы. Но в данном случае ее цель заключалась и в том, чтобы пробудить совесть его соотечественников. Когда Джавахарлал, посетивший район Самбхала, где происходили такие столкновения, получил «потрясшее его известие, о последствиях которого страшно было подумать», он обратился с призывом ко всем городам и деревням Соединенных провинций немедленно провести конференцию всех общин и партий и найти путь к единству. «Руководители всех общин собираются в Дели 23-го, для того чтобы, да поможет нам бог, найти выход из создавшегося тупика. Но время идет, с каждым днем опасность возрастает»¹⁴.

На следующий день после начала голодовки Ганди писал Джавахарлалу¹⁵:

«Дорогой Джаварлал! /sic/ Не удивляйся. Лучше порадуйся тому, что господь дает мне силы и указывает, как мне лучше выполнить мой долг. Я не мог поступить иначе. На мне как на авторе несотрудничества лежит большая ответственность. Прошу тебя, напиши мне о своих впечатлениях от Лакхнау и Канпура. Пусть я выпью чашу до дна. Я вполне в мире с самим собой».

По возвращении с конференции единства, принявшей ряд тривиальных резолюций, но не сумевшей убедить Ганди прекратить голодовку раньше установленного им срока, Джавахарлал сам заболел, но послал Ганди пространный отчет о столкновениях, имевших место в Аллахабаде. Будучи на личном опыте знаком с религиозно-общинной враждой, он заявил на провинциальной конференции Соединенных провинций, что гордость силой и пробуждением нации, которую он испытывал, теперь пошатнулась и им владеет не только чувство унижения, но и стыда. Сами они причинили больше вреда своей стране, чем любой чужеземец¹⁶. Всепартийная конференция, состоявшаяся в январе 1925 года, окончилась провалом, и выступления на ней, по мнению Джавахарлала, больно было слушать¹⁷. Поэтому оставалось лишь одно — говорить о единстве и ненасилии, о прядении и ношении домотканой одежды из *кхаддара*. Когда к Джавахарлалу обратился один юноша, изъявивший желание сделать что-нибудь для страны, единственное, что тот мог предложить ему, заключалось в изготовлении *кхаддара*¹⁸.

Удивительно, что Джавахарлалу не пришло в голову использовать таких молодых людей для укрепления межобщинного единства. Ганди предложил создать летучий отряд индусских и мусульманских добровольцев, готовых в любой момент направиться в места беспорядков для расследования их обстоятельств и оказания помощи¹⁹. Но Джавахарлал, очевидно, пребывал в таком унынии, что не откликнулся на это предложение. Проблема религиозно-общинной розни так не вязалась с главной кампанией борьбы против англичан и была настолько связана с вопросами, лишенными, как ему представлялось, реального значения, что он не мог заставить себя принимать энергичные меры для ее решения. В его родном городе Аллахабаде усилилась агрессивность индуистских фанатиков, вдохновляемых, по утверждению местного судьи, главным образом желанием показать семье Неру, что она не пользуется влиянием среди индусов²⁰. «Что касается нашей политической и общественной жизни,— писал Джавахарлал²¹,— то мне она опротивела, и я устал от нее».

Кроме того, для Джавахарлала наступили месяцы больших

личных трудностей и неприятностей. В ноябре 1924 года у его жены случились преждевременные роды, ребенок погиб, а у нее вскоре появились признаки туберкулеза. Затем в марте 1925 года самому ему пришлось подвергнуться небольшой операции, сделанной доктором Ансари в Дели. Глубокая привязанность к Ганди и отрицательное отношение к политике свараджистов осложнили отношения Джавахарлала с отцом, и пришлось вмешаться Ганди.

«В этом, как и в предыдущем письме, я прошу за Джавахарлала. Он — один из самых одиноких знакомых мне молодых людей в Индии. Мысль о Вашем душевном разладе с ним причиняет мне боль. Физический разлад я считаю невозможным. Нет нужды упоминать, что мы с Манзаром Али часто говорили об обоих Неру, когда мы находились в Иеравде. Он однажды сказал, что Вы живете прежде всего ради Джавахара. Мне кажется, он совершенно прав. Я не хочу прямо или косвенно быть причиной малейшего ослабления этой чудесной любви»²².

Разногласия с отцом заставили Джавахарлала остро почувствовать свою материальную зависимость от него. Ганди предложил устроить ему какую-нибудь платную работу либо газетного корреспондента, либо преподавателя колледжа²³, но из этого ничего не вышло. Позднее Ганди предложил, чтобы Джавахарлалу платил Конгресс как своему генеральному секретарю или чтобы личным друзьям разрешили изыскать средства для оплаты его работы. «Я не стал бы возражать, даже если бы ты решил заняться коммерцией. Мне нужен твой душевный покой. Я знаю, что ты будешь служить стране, даже будучи управляющим какой-нибудь фирмы»²⁴. Бомбейская компания «Тата» предложила Джавахарлалу место, и Мотилал настоятельно рекомендовал сыну поехать в Бомбей и навестить «Тата»²⁵. Однако и это предложение не материализовалось, возможно, из-за отсутствия у Джавахарлала желания служить в коммерческой фирме. В конце концов, чтобы заработать деньги, необходимые для оплаты поездки в Европу, которую он с Камалой намеревались совершить, Джавахарлалу пришлось вернуться к ненавистной адвокатской практике, и за подготовку одного дела Мотилал добился для него значительной суммы в 10 тысяч рупий — суммы, которую клиент, несомненно, заплатил за то, чтобы его делом наверняка занялся сам Мотилал.

Однако имелась одна область деятельности, которая в эти годы приносила Джавахарлалу определенное удовлетворение. В течение двух лет, с апреля 1923 по апрель 1925 года, он был председателем муниципального совета Аллахабада. Этот период его жизни интересен тем, что дал ему возможность познакомиться с государственным управлением. А это тоже имеет определенное значение, пото-

му что многие из черт, характерных для его деятельности на посту премьер-министра, можно в зародыше найти здесь: его главенство над своими коллегами, требование эффективной работы, доброе отношение к хорошо работающим подчиненным, стремление во все вносить новые идеи. Даже чиновники были вынуждены признать, что он придал новое направление муниципальному управлению и занимался делами Аллахабада конструктивно и компетентно. В 1923 году комитет организации Конгресса Соединенных провинций решил принять участие в муниципальных выборах на основе конгрессистской и халифатистской программ и войти в состав этих местных органов не для срыва их работы, а для ее честного и действенного выполнения. Джавахарлала против его воли уговорили выступить в качестве одного из кандидатов Конгресса от Аллахабада, а поскольку Конгресс получил большинство мест, он вскоре был избран председателем на три года. До этого предполагалось, что пост председателя займет Пуршоттам Дас Тандон, но тот решил снять свою кандидатуру в пользу конгрессиста-мусульманина, поскольку несколько лояльных правительству мусульман возражали против председателя-индуса. Однако, когда стало ясно, что этим мусульманам нужен не столько их собрат по религии, сколько верный правительству человек, и поскольку конгрессист-мусульманин заболел, неожиданно была предложена кандидатура Джавахарлала, который и был избран двадцатью голосами против одиннадцати, поданных за кандидата, поддерживаемого властями²⁶.

Джавахарлал выдвинул свою кандидатуру весьма неохотно. Главной задачей он считал борьбу за *сварадж* и решил остаться секретарем провинциального комитета Конгресса, ибо, с его точки зрения, это был пост более важный, чем пост председателя муниципального совета, и им, как он заявил, он больше гордился.

«В тот день, когда я увижу, что работа на посту председателя муниципалитета мешает моей работе в Конгрессе, я подам заявление об отставке с этого поста. Ведь этот пост для меня лишь возможность служить стране, с тем чтобы ускорить *сварадж*. Лучший метод — это идти прямо вперед по пути, указанному нашими руководителями, и не отклоняться в темные переулки и закоулки конституционной деятельности. У меня революционный склад ума. Я верю в революцию, прямые действия и битву. Я знаю, что много раз нам придется наступать, вступать в бой с врагом и платить неизбежную цену за свободу, прежде чем мы наконец захватим цитадель... Я не забываю истории и мук Индии последних нескольких лет и не собираюсь проводить большую часть моего времени в кабинете, когда мой любимый вождь сидит в тюрьме. Я буду

давать бой всегда, когда смогу. Буду бороться и наносить тяжелые удары всегда, когда это будет возможно. Такова моя главная задача, пока не достигнут *сварадж*. Все остальное — лишь тренировка и подготовка»²⁷.

Получив приглашение от начальника городского округа Аллахабада прийти к нему и обсудить вопрос об исключении политики из деятельности муниципалитета, Джавахарлал ответил, что он постарается проводить в жизнь политику Конгресса и подаст в отставку, если между ним и Советом возникнут разногласия по принципиальным вопросам или же если того пожелает комитет Конгресса. «Сожалею, что не могу разделиться на разные отделения — одно для «общей политики», другое — для «муниципальных дел» и т. д.»²⁸. На протяжении следующих двух лет, до окончательного принятия его отставки правительством, он неоднократно предлагал отказаться от этого поста, никогда не допускал того, чтобы эта должность мешала его более широкой деятельности, и даже пошел на арест в Набхе.

Однако, хотя у Джавахарлала никогда не было колебаний относительно первоочередности задач, его отвращение к муниципальным делам постепенно ослабело, и он стал получать удовольствие от своей работы. «То, чего я боялся и что было не по душе, стало мне нравиться, и работа в муниципалитете приобрела для меня некоторый интерес. Мне кажется, что наш совет в состоянии сделать жизнь для жителей Аллахабада более терпимой и менее тяжелой»²⁹. Джавахарлал навсегда сохранил интерес к своему родному городу, продолжал все время следить за его развитием и даже в более поздние годы, будучи занят общенациональной деятельностью, умел выкраивать время для того, чтобы протестовать против вульгарных плакатов и шумных духовых оркестров³⁰.

Будучи председателем, Джавахарлал много работал. Когда бы он ни приезжал в Аллахабад, он регулярно посещал заседания, которые собирались не реже двух раз в неделю. Он осуждал стремление членов муниципалитета считаться только с собственным удобством, призывал их жертвовать интересами своей основной профессии, если в том появится нужда, ради муниципалитета³¹. Он просто-напросто принуждал своих коллег работать так же прилежно, как он сам, и, вместо того чтобы распускать заседания из-за отсутствия кворума, заставлял членов совета ждать, тем самым вынуждая их посылать за своими неявившимися коллегами. Вскоре после занятия поста председателя Джавахарлал выступил с публичным заявлением, в котором укорял некоторых из своих коллег в бездеятельности³². Это возымело действие, и впоследствии он воздерживался от такой публичной критики. Председате-

лям и членам постоянных комиссий в дополнение к их повседневным обязанностям вменялось периодически инспектировать свои отделы и обеспечивать их эффективную работу. Им предлагалось также добиваться такого положения, чтобы жителям не на что было жаловаться, а когда это оказывалось невозможно, давать удовлетворительные объяснения авторам жалоб. «Члены совета включаются в состав комиссий не напоказ, а для усердной работы. Если кому-то из них трудно уделять достаточно времени своей комиссии, то лучше ему выйти из ее состава и уступить место другому, у кого есть на это необходимое время»³³. Джавахарлал также запретил членам муниципального совета оказывать протекцию при назначениях на должности, заключении муниципальных контрактов или же в получении любых других услуг от муниципалитета³⁴. Вскоре он завоевал авторитет у всех членов совета и мог вести работу так, как считал нужным. Один назначенный член муниципалитета, англо-индеец, который голосовал против кандидатуры Джавахарлала, всего только спустя два месяца попросил у него подтверждения, что слухи о его отставке являются ложными³⁵, а в 1924 году совет единодушно обратился к правительству с просьбой не принимать отставку Джавахарлала, а если это невозможно, то разрешить совету вновь избрать его на пост председателя³⁶.

Секрет влияния Джавахарлала заключался в его абсолютной честности. Однажды один из заместителей председателя — Захур Ахмед устно заявил о своем желании уйти в отставку, но затем, после получения согласия Джавахарлала, взял свое заявление обратно. Поняв, что он совершил ошибку, согласившись на удовлетворение заявления, сделанного в устной форме, Джавахарлал попросил совет наложить на него взыскание. «Думаю, что совет поступил бы правильно, выразив неудовольствие моим поступком, и я могу заверить его, что буду благодарен ему. Я верю в дисциплину, она обязательна для всех»³⁷. Совет отказался удовлетворить просьбу Джавахарлала и поддержал его действия, но тот убедил его отменить результаты вотума доверия и разрешить Захур Ахмеду остаться на своем посту³⁸. Хотя Джавахарлал не скрывал своих взглядов по важнейшим вопросам, он никогда не позволял конгрессистскому большинству доходить до крайности и по второстепенным вопросам голосовал, как и ожидалось от председателя, против каких-либо изменений. Джавахарлал отклонил просьбу служащих муниципалитета разрешить им не работать в годовщину событий на Джаллианвала-Баг, потому что знал, что их интересовал только лишний выходной день. Он добился отклонения предложения одного из членов совета — конгрессиста, чтобы из по-

мещения совета были убраны стулья и заседания проводились сидя на полу, указав ему, что это не имеет никакого отношения к *свадеш*³⁹. Джавахарлал поощрял ношение одежды из *кхаддара* служащими муниципалитета и использование языков хинди и урду в официальном делопроизводстве, но не согласился с предложением сделать это обязательным⁴⁰. Он поддержал резолюцию, в которой осуждалось обращение с индейцами в Соединенных Штатах и английских колониях, но отверг нереальное предложение о принятии таких ответных мер, как увеличение в два раза муниципальных налогов для англичан и американцев или запрещение им покупать землю⁴¹.

От муниципальных служащих Джавахарлал требовал эффективной работы, но всегда поддерживал тех, кто хорошо служил делу (тем, кого удивила его поддержка сотрудников индийской гражданской службы после 1947 года, следовало бы ознакомиться с его поведением на посту председателя муниципального совета в предшествующие годы). У Джавахарлала не было иллюзий относительно гражданских служащих. «Чиновники на постоянной службе, не находящиеся под народным контролем, что, как мы знаем, нам дорого обходится, представляют собой опасность, о которой нам нельзя забывать. Они слишком негибки, абсолютно оторваны от народа, лишены чувства меры или широты видения. Они всегда стремятся образовать свою собственную корпорацию, занимаются взаимными восхвалениями и совершенно нетерпимы к людям, отличным от них»⁴². Джавахарлал, занимаясь делами муниципалитета, был готов сотрудничать с государственными служащими, если не возникало при этом угрозы интересам общества и принципам Конгресса⁴³. Он заявил начальнику округа, что он и его коллеги-конгрессисты баллотировались на выборах не для того, чтобы получить возможность создавать трения с правительством. «Мы с господином Ноксом пришли к согласию, что вряд ли сможем убедить друг друга в правоте своих точек зрения по более общим вопросам. С этими разногласиями следует считаться, но в повседневной работе совета они вряд ли кому-нибудь будут мешать»⁴⁴. Он распорядился, чтобы руководители отделов избавились от плохих работников как можно скорее и не проявляя жалости⁴⁵. Через неделю после вступления в должность Джавахарлал отстранил от работы экспедитора и курьера за задержку в доставке письма. «Буду весьма обязан, если вы разъясните всем сотрудникам, что если что и нельзя терпеть, то это неумение и нежелание работать и что по каждому такому случаю будут приниматься суровые меры... Никакая эффективная работа невозможна, если наше учреждение не будет работать по-деловому»⁴⁶.

Узнав, что технический штат укомплектован компетентными работниками, но что они несвоевременно представляют отчеты, Джавахарлал записал: «Боюсь, что этим работникам придется преодолеть свою нелюбовь к перу и бумаге. Любая подобная нерадивость вызывает большие возражения и является родным братом некомпетентности. Нерадивый человек не может хорошо работать, а я хочу, чтобы муниципальные служащие не отличались нерадивостью»⁴⁷. Задержки в работе, сообщил Джавахарлал совету⁴⁸, допустимы, но редко могут быть оправданы. Он требовал быстрых результатов. «Критерии, которые надлежит применять, — это успех и неуспех. В случае последнего никакие оправдания не найдут отклика у совета и последуют незамедлительные и решительные меры. На службе останутся лишь те сотрудники, которые готовы взять на себя такую ответственность»⁴⁹. Те же, кто работал хорошо, пользовались полной поддержкой председателя, даже если их подвергали публичной критике и устраивалась *сатьяграха*⁵⁰. Ни один бюрократ не сделал бы такого резкого замечания комиссии по народному здравоохранению, как Джавахарлал: «Слышала ли комиссия когда-либо о дисциплине? Каков, по моему мнению, будет результат, если она выступит вместе с некоторыми служащими совета против одного из ответственных работников... Таким работникам трудно хорошо выполнять свои обязанности, если они получают замечания подобного рода и подвергаются порицанию за мелочи»⁵¹.

Но самое главное — Джавахарлал был выше религиозных предрассудков. Благодаря его руководству, совет единогласно отклонил предложение о запрещении убоя скота⁵², и на следующей неделе Джавахарлал напомнил его членам о том, что, хотя христианские миссионеры первоначально, несомненно, приезжали в Индию, чтобы обращать индийцев в свою веру, их цель заключалась и в том, чтобы принести Индии как можно больше пользы⁵³.

Подобная сдержанность и беспристрастность обеспечили Джавахарлалу непререкаемый авторитет. Сначала он занялся разработкой плана расширения круга избирателей, участвующих в выборах муниципалитета, и обеспечения честных выборов. Он добился отмены множественных избирательных округов и замены общинного представительства пропорциональным. Для того чтобы избежать использования подставных лиц, он предложил уменьшить размер избирательных округов и ввести личную регистрацию избирателей⁵⁴. Однако избирательная реформа не входила в компетенцию муниципального совета, и Джавахарлалу пришлось довольствоваться внедрением, когда это было возможно, духа национализма в деятельность муниципалитета и осуществлением конст-

руктивных просветительных программ Конгресса. Пение «Хиндустан хамара» («Наш Индостан») Икбала было включено в учебную программу школ. День Тилака (1 августа), годовщина его смерти, День Ганди (18 марта), когда ему был вынесен приговор о тюремном заключении, были добавлены к списку знаменательных дат, объявленных нерабочими днями, причем День империи в него включен не был. В день освобождения Ганди в феврале 1924 года муниципальные здания были иллюминированы. Руководителям Конгресса Дасу, Аджмал-хану и Шаукат Али вручили почетные адреса. Правительство Соединенных провинций пыталось предотвратить такие вызывающие действия, распорядившись, чтобы почетные адреса вручались только вице-королю и губернатору провинции, но муниципальный совет по инициативе Джавахарлала единодушно отклонил это распоряжение, назвав его «оскорбительным и неуместным». Иными словами, даже назначенные советники и члены совета, не входившие в Конгресс, поддержали Джавахарлала, когда он заявил, что совет в таких вопросах действует самостоятельно⁵⁵. Джавахарлал объяснил своим коллегам, что они должны быть готовы нести ответственность за последствия своего непослушания, но уступить пришлось не им, а провинциальному правительству⁵⁶.

За этим случаем вскоре последовало решение муниципального совета бойкотировать приезд в Аллахабад вице-короля. Когда Ридинг прибыл, Джавахарлал был болен, но разослал членам совета записку, в которой решительно протестовал против вручения адреса вице-королю, который распорядился об аресте Ганди и многих других индийцев и подавлял движение сикхов в Пенджабе.

«Я считаю публичный прием вице-короля позором для всех, кому дорога честь Индии. Я не хочу, чтобы к лорду Ридингу проявлялась личная неучтивость. Но у нас есть глаза, чтобы видеть и иногда проливать слезы, уши, чтобы слышать, и сердца, чтобы чувствовать, чувствовать особенно сильно, поскольку у нас слабые руки и нам не хватает сил, чтобы стоять выпрямившись и защищать своих близких... Лорд Ридинг, уверенный в своей силе и гордый своим могуществом, бросил вызов сикхам и индийскому народу и хотел бы, чтобы мы аплодировали ему за это и тем самым довершили свое унижение. Я слаб и не обладаю властью, но у меня тоже есть немного гордости, возможно, гордости слабого, но я скорее предпочел бы быть растоптанным солдатней лорда Ридинга, чем кланяться ему и приветствовать человека, несущего ответственность за столь огромное горе, причиненное моей родине и моим соотечественникам»⁵⁷.

Джавахарлал также добился введения в школах прядения и ткачества и отверг возражение комиссара района Аллахабада против этой меры, представлявшей тому конгрессиистской.

«Мы сделали большой упор на прядение в наших школах потому, что верим в его экономическую ценность. Не сомневаюсь, что, если бы Вы рассмотрели этот вопрос, исходя из достоинств прядения и без предвзятости, обусловленной политическими взглядами, Вы оценили бы попытки возродить прядение и поставить его на прочную основу. Если Вы возьмете на себя труд и тоже сядете за прялку, то через несколько дней почувствуете прелесть этой работы и удовольствие от жужжания колеса. Прядение — отнюдь не партийная проблема, связанная лишь с определенной группой людей»⁵⁸.

Большинство учителей, девочек и мальчиков стали носить домотканую одежду из *кхаддара*.

Джавахарлал стремился улучшить качество преподавания в муниципальных школах, повысить жалование учителям, сделать образование обязательным и воспитывать из детей добрых граждан, которым чужды низкопоклонство и хвастовство. «Я думаю, что физическое и умственное развитие молодежи должно быть особой задачей государства и муниципалитета, и в этом отношении нам следовало бы извлечь урок из опыта Советской России»⁵⁹. Мальчикам было предложено стать бойскаутами, а для всех учащихся ежемесячно устраивались выезды за город для изучения природы. Но поскольку правительство отказалось выделить дополнительные ассигнования для нужд образования, направленного на воспитание «нового духа», совет мог удовлетворять их только после финансирования основных коммунальных служб — улучшения санитарных условий, водоснабжения и содержания дорог. Был увеличен штат санитарных инспекторов и упорядочена уборка мусора. Поскольку водопроводное оборудование оказалось сильно изношенным, значительно улучшить водоснабжение не представилось возможным, но даже при этом было проложено много новых водопроводных труб. Что же касается дорог, то Джавахарлал отмечал, что, несмотря на то, что на них тратилось больше средств, чем когда-либо раньше, многие дорожные покрытия в городе пришли в такое плохое состояние, что вскоре по ним невозможно будет ездить⁶⁰. «В некоторых местах трудно получить медицинскую помощь, поскольку туда нельзя проехать, не подвергаясь опасности, а врачи отказываются идти пешком, особенно когда утопаешь при этом в грязи»⁶¹. Причина этого, по мнению Джавахарлала, заключалась в том, что большая часть средств, отпускаемых муниципалитетом на содержание дорог, использовалась для улучшения и украшения района Сивил-стейшн, где жили европейцы и богатые индийцы. Поэтому он предложил

вести налог на большие усадьбы, которые были расположены главным образом в этом районе, где, как он считал, следовало увеличить застройку и сократить участки при домах, уход за которыми нужно было улучшить. Благодаря такому налогу выросли бы также и доходы муниципалитета и общий вид Аллахабада улучшился бы. Он также предлагал обложить налогом пустыри, владельцы которых, заинтересованные в спекуляции землей, их не застраивали. Нужен был налог как на землю, так и на здания и производимые там улучшения, но взимать его следовало так, чтобы стимулировать последние⁶². Однако из этих предложений ничего не вышло. Не смог Джавахарлал осуществить и свои архитектурные идеи из-за позиции Аллахабадского треста городского планирования, где ведущее место принадлежало чиновникам и лицам, верным правительству.

Значительно больших результатов Джавахарлал смог добиться в улучшении финансового положения муниципалитета. Он был убежден в необходимости повышения ставок налогов, но такого, при котором это увеличение затрагивало бы только богатых. Не желая изыскивать средства за счет бедных классов, он отклонил предложение о введении налога на велосипеды⁶³ и освободил от платы за воду малоимущие дома⁶⁴. Джавахарлал также отменил практику взимания внутренних таможенных сборов с товаров иностранного происхождения по стоимости, указанной в «счете-фактуре», в то время как индийские товары облагались по рыночной стоимости, часто более высокой, в результате чего за индийские товары платили больше. Было установлено, что рыночная норма применяется только в оптовой, а не в розничной торговле, хотя это означало сокращение доходов. Джавахарлал предлагал взимать более высокий налог с иностранных товаров, для того чтобы создать стимул для индийских промышленников⁶⁵, однако совет принял решение о полном бойкоте английских товаров, если они не были произведены в других странах или не имелись в Индии⁶⁶.

Тем не менее, несмотря на эти решения, муниципальный совет, руководимый Джавахарлалом, благодаря более упорядоченному сбору налогов, увеличению налогов на железные дороги, проходившие через город, и введению нового налога с пассажиров улучшил свое финансовое положение, впервые за много лет погасил часть займа, полученного от правительства, и сделал своей целью самофинансирование.

Деятельность Джавахарлала привлекала широкое общественное внимание, и не только благодаря его высокому авторитету, но и потому, что раз в две недели он издавал муниципальный бюллетень, освещавший работу совета и его комиссий и каждые три месяца, в дополнение к годовым отчетам, сообщавший подробные данные

о деятельности муниципалитета. Бюллетень выходил также на хинди и урду. Кроме того, рядовые жители Аллахабада впервые почувствовали, что у них есть председатель муниципалитета, к которому они могут обращаться и который заботится об их благополучии. Например, *экавалы* (извозчики) однажды обратились к Джавахарлалу со своими жалобами, и, расследовав их, Джавахарлал, к своему удивлению, обнаружил, что за три месяца полиция возбудила против них около 1400 судебных дел. Это непосредственно не входило в функции муниципального совета, но Джавахарлал, установив, что где-то существует большой беспорядок, убедил совет сделать все, что можно, чтобы облегчить жизнь этих извозчиков⁶⁷.

Кроме того, Джавахарлал с самого начала поддерживал тесные связи с десятью другими конгрессистами — председателями муниципальных советов Соединенных провинций и обменивался с ними идеями⁶⁸. Его избрали председателем муниципальной конференции Соединенных провинций, собравшейся в Алигархе в декабре 1924 года. Эта конференция одобрила предложение Джавахарлала включить подготовку скаутов в программу физической подготовки в школах, избирать муниципалитеты всеобщим голосованием и охранять автономию муниципальных советов. Давая эти рекомендации, он исходил из мнения, что муниципалитеты можно использовать для улучшения просвещения в стране и для проведения конструктивной национальной и политической деятельности. Он считал, что настоящая борьба должна вестись в другом месте. В феврале 1924 года Ганди отговорил его от ухода с поста председателя⁶⁹. Но на декабрьском съезде Конгресса, на котором председательствовал Ганди, Джавахарлал выступил против резолюции, рекомендовавшей, чтобы члены Конгресса забрали, когда это можно, в свои руки местные органы управления и муниципалитеты. Его собственный опыт убедил его в том, что члены Конгресса в этих органах настолько стеснены в своих действиях, что такая попытка ни к чему не приведет. По возвращении со съезда Конгресса в Белгауме он подал в отставку с поста председателя и отказался оставаться членом муниципального совета на том основании, что у него слишком мало времени для того, чтобы посвятить себя муниципальной деятельности. Через три года, в 1928 году, он опять дал себя втянуть в муниципальную политику и, несмотря на совет Ганди⁷⁰, даже разрешил, чтобы его выдвинули в качестве кандидата на пост председателя. Но в этот раз, как это ни удивительно, он потерпел поражение от верного правительству кандидата, получившего на один голос больше⁷¹. Два года пребывания Джавахарлала на посту в муниципалитете не принесли ему большого удовлетворения. Человек, считавший, что деятельность муниципалитета должна не ограничивать-

ся такими вопросами, как жилищная проблема и улучшение санитарных условий, а в первую очередь касаться проблем общественного благосостояния, не мог не испытывать разочарования. Но просто поразительно, как много он сумел сделать, несмотря на ограниченность его полномочий и интерес к более широким проблемам. Даже комиссар был вынужден отметить, правда неохотно, что «улучшение управления в основном произошло благодаря председателю пандиту Джавахарлалу Неру и нескольким активным членам совета, заботившимся об общественных интересах»⁷². Следует также упомянуть заявление правительства Соединенных провинций в момент отказа Джавахарлала от поста председателя: «Пандит Капилдео Малавия,— сообщили власти в апреле 1925 года,— был избран председателем муниципального совета Аллахабада большинством в два голоса, сменив на этом посту пандита Джавахарлала Неру, который постарался доказать, что свараджист может быть администратором и джентльменом, и комиссар считает, что положение новичка будет очень трудным»⁷³.

1 марта 1926 года Джавахарлал вместе с женой и дочерью отплыл в Европу. Поездка эта была предпринята в основном из-за состояния здоровья его жены. Надеялись, что длительное пребывание в Швейцарии поможет ей излечиться от туберкулеза, который находился еще на ранней стадии, а муж ее посвятит свое время занятиям и путешествиям. Но проведенные в Европе два года принесли мало пользы Камале, однако сыграли важную роль в развитии Джавахарлала. До этого он был обыкновенным националистом, беспрекословным последователем Махатмы. Правительство Соединенных провинций, докладывая о своем решении выдать ему паспорт, сопровождало его следующим объяснением: «Он — преданный последователь Ганди, пользуется большим уважением и большим влиянием в своей партии»¹. Один слишком усердный окружной судья предложил Джавахарлалу для облегчения получения паспорта дать заверение в том, что он едет в Европу не с политическими целями. Но ни в Лахнау, ни в Симле отказ Джавахарлала дать такое заверение не вызвал колебаний относительно выдачи разрешения на отъезд. Его не считали особенно опасным и стремились не раздражать его отца. Но именно во время этого пребывания в Европе, а не в предыдущие годы в Харроу и Кембридже, Джавахарлал получил свое политическое образование, и на этот раз снова Ганди проявил большую проницательность. «Я ожидаю, — написал он Мотилалу накануне отъезда его семьи, — больших результатов от этой поездки не только для Камалы (sic!), но и для Джавахарлала»².

Покидая Индию, Джавахарлал чувствовал себя кем-то вроде дезертира:

«Я с удовольствием жду поездки в Европу, но меня не оставляет тревога. Вполне вероятно, что, когда я попаду туда, я буду думать об Индии! Хорошо, когда меняешь обстановку и получаешь отпуск, но нужно при этом опираться на прочную основу достигнутого. Идея уехать именно сейчас, когда твоя мать — председатель Конгресса, а Гандиджи как всегда весь в трудах, не особенно приятна. В целом, наверно, хорошо, что я уезжаю, но сомневаюсь, буду ли я счастлив там. Индия так похожа на женщину — одновременно притягивает и отталкивает»³.

Однако по мере того, как время шло, им овладевало чувство облегчения. В то время в индийской политической жизни наблюдался застой, и она представляла собой мрачную картину. Конгресс разрывали разногласия, и даже в свараджистской партии Мотилал вел бесплодную борьбу с приспособленчеством. Усиливалась религиозно-общинная рознь, и многие старые конгрессисты реагировали на события скорее как индусы или мусульмане, чем как националисты. Ганди не впадал в уныние, но даже он соглашался с тем, что обстановка, вместо того чтобы начать улучшаться, сильно ухудшилась. «Должен признаться, — писал Джавахарлал отцу в конце года⁴, — что чувствую удовлетворение от того, что в настоящее время я не в Индии. Будущее выглядит так мрачно, что с политической точки зрения возвращение в Индию далеко не приятно». Поселившись в Женеве в дешевой квартире, он занимался, помимо ухода за женой и проводов дочери в школу и домой, главным образом изучением французского языка, усиленным чтением и посещением различных курсов и лекций.

«Чем старше я становлюсь, тем больше я убеждаюсь в том, как много еще нужно узнать и как мало для этого времени. Большинство из нас после получения поверхностного образования воображает, что выучило столько, сколько надо, и не пытается расширить свои знания. Это плохо, ибо прогресс придет лишь вместе со знаниями, а те немногие годы, которые мы проводим в школе и колледже, дают нам их очень мало»⁵.

Большое впечатление на Джавахарлала произвели книги Бертра-на Рассела, особенно «Об образовании» и «Во что я верю».

«Мне кажется, что больше всего Индии нужно изучать книги Бертра-на Рассела или хотя бы некоторые из них. Ни одна страна и ни один народ — рабы догмы или догматических взглядов — не могут рассчитывать на прогресс, а, к сожалению, наша страна и наш народ стали чрезвычайно догматичными и ограниченными. Щедрое сердце — вещь хорошая, но нужна не эмоциональная вспышка щедрости, а хладнокровно рассчитанная терпимость»⁶.

Подобно Ганди, Джавахарлал видел отдаленное будущее Индии в оптимистическом свете и был в этом провидцем: «Перспективы Индии достаточно мрачны, однако я почему-то не смотрю на них столь пессимистично, как следовало бы, исходя из получаемых новостей. Не падайте духом. Мы еще увидим *сварадж*. Что бы Индия ни сделала или чего бы не сделала, я уверен, что Англия не сумеет долго удерживать ее»⁷. Известия, приходившие из Индии, о религиозно-общинных столкновениях расстраивали Джавахарлала, но он был убежден, что единственный выход заключался в том, чтобы освободиться от власти так называемой религии, сделать хотя бы

интеллигенцию сторонницей секуляризма и вести политическую борьбу на секуляристской основе. «Сколько для этого потребуется времени, я не знаю, но религия убьет Индию и ее народы, если ее не подавить». Европа, по мнению Джавахарлала, избавилась от влияния религии с помощью массового образования, последовавшего за индустриализацией, в результате чего происходившие там конфликты носили не религиозный, а экономический характер, и тот же процесс должен был обязательно иметь место и в Индии⁸. Конечно, это было слишком легкое и оптимистическое решение вопроса, основанное на несколько упрощенном понимании событий, происходивших в Европе. Но Джавахарлал все еще оставался в достаточной мере оптимистом, который верил, что религиозные разногласия в Индии автоматически исчезнут в результате экономического развития, и поэтому серьезно о них не задумывался.

К концу года стало ясно, что лечение вакциной Шпаллингера мало помогло Камале, и Джавахарлал решил перевезти ее из Женевы в клинику доктора Стефани в Монтане (Вале), где климат был более бодрящим. Переезд в горную местность дал Джавахарлалу возможность учиться ходить на лыжах и кататься на коньках. Но он уже начал ощущать беспокойство, стремление уехать в широкий мир, в Индию. Возвратиться в Индию он пока не мог, жена его чувствовала себя все еще неважно, а Мотилал планировал поездку на Запад. И вот семья начала свои путешествия по Европе. Джавахарлал посещал музеи Лондона, Парижа, Берлина и Гейдельберга, заводы и фабрики, встречался с индийскими эмигрантами и революционерами. В парижском аэропорту Джавахарлал, держа дочь на плече⁹, ожидал, когда Линдберг, который произвел на него большое впечатление своей смелостью и решимостью, завершит свой перелет через Атлантический океан. Он всегда хотел летать и в свое время совершил два коротких перелета из Лондона в Париж и в Остенде. Он призывал своих соотечественников больше думать о воздушном сообщении¹⁰.

Однако подлинное значение этих путешествий заключалось в том, что Джавахарлал установил контакты с европейскими политиками и движениями, что придало новую глубину его мыслям и делам. Чтение, которым он занимался в Швейцарии, развило его ум; теперь он был готов воспринять новые семена, которые пока что еще не были посеяны. Он опубликовал в газете «Журналь де Женев» письмо явно националистического характера, в котором содержались обычные утверждения о традиционном единстве Индии, об унижении и раздробленности, которые принесло ей английское правление¹¹. В нем не было и намека на попытку дать новое толкование этим явлениям. В статье, опубликованной в Индии, Джавахарлал

отстаивал идею полной ее независимости, т. е. полной свободы как во внешних, так и внутренних делах, и выступил за создание в Конгрессе группы давления, чтобы противостоять тем, кто пытался мешать ему идти вперед¹². Эта статья получила широкую огласку и, как жаловался Мотилал, была истолкована как критика свараджистской партии и ее руководства: «Это самый известный документ в Индии в настоящий момент, и его используют в разных целях, о которых ты даже и не помышлял»¹³. Джавахарлал в равной мере был рассержен как на либералов-свараджистов, так и на противников изменения курса, которые придерживались более или менее одинаковых умеренных взглядов:

«Их пугает упоминание независимости, и они прилагают всяческие усилия, чтобы их не связывали с этой идеей или с тем, что она несет в себе. Индийские княжества и внешняя политика представляют собой запретную тему, обсуждать которую нельзя; армия и вопросы обороны нас не касаются, и поэтому мы посвящаем всю свою энергию протестам различной силы против тюремного заключения, интернирования, различных правил и т. п. Боюсь, что эта очень скромная, конституционная, законная, порядочная и разумная деятельность не вызывает у меня восторга»¹⁴.

Но наряду с преданностью делу и нетерпеливостью у него для толкования событий не было свежих идей.

Поворотным моментом в интеллектуальном развитии Джавахарлала явилось приглашение помочь в организации Международного конгресса против колониального гнета и империализма, который должен был состояться в Брюсселе в феврале 1927 года, и принять в нем участие в качестве представителя Индийского национального конгресса. Главным организатором конгресса был Вилли Мюнценберг, фактический изобретатель термина «попутчик»¹⁵. Советский Союз держался строго в стороне, и ни один его представитель не присутствовал на конгрессе, хотя, как понимал Джавахарлал уже в то время¹⁶, цели конгресса полностью отвечали советской внешней политике и предусматривали объединение антиколониальных сил и рабочего движения против империализма, особенно британского. Это не испугало Джавахарлала, и он предложил Конгрессу послать из Индии большую делегацию, включив в нее одного экономиста и одного специалиста по военным вопросам¹⁷, но остался его единственным делегатом.

Конечно, на конгрессе, главной темой которого был британский империализм, официальный представитель Индийского конгресса играл видную роль, и Джавахарлала включили в состав президиума. Он приехал в Брюссель 6 февраля, принял участие во всех неофициальных заседаниях, председательствовал на одном из официаль-

ных заседаний и сыграл важную роль в составлении многих резолюций. «Я смертельно устал,— писал он из Брюсселя 16 февраля¹⁸,— после девяти дней работы конгресса. С тех пор как я здесь, я ни разу не выпался ночью и почти ничего не ел». На конгрессе был пестрый состав делегатов — европейские коммунисты, профсоюзные деятели и пацифисты, националисты из Азии, Африки и Латинской Америки, агенты секретных служб, причем многие делегаты были и теми и другими. Однако некоторые мужчины и женщины, с которыми Джавахарлал там познакомился, не могли не произвести на него сильного впечатления. К их числу относились Анри Барбюс, Джордж Лансбери, Эллен Уилкинсон, Феннер Брокуэй, Гарри Поллит, Реджиналд Бриджмен, Эдо Фиммен, Вилли Мюнценберг, Эрнст Толлер, Мохаммед Хатта и Роджер Болдуин, не говоря уже о многочисленных делегатах из Китая, Африки, Мексики и Латинской Америки, и его молодой ум оказался восприимчив к марксистским и радикальным идеям.

В своем первом заявлении для печати Джавахарлал только подчеркнул общее в борьбе против империализма в различных частях мира. Здание империализма выглядело внушительным и казалось прочным, но любая трещина в нем неизбежно привела бы к его полному разрушению. Джавахарлал утверждал, что в основе индийского национализма лежит ярко выраженный интернационализм, что проблема освобождения Индии — это проблема мировая. Как в прошлом, так и в будущем положение в Индии будет оказывать сильное влияние на другие страны и народы. Однако его выступление на открытии конгресса имело более глубокий подтекст. Джавахарлал указал, что Индия — самый наглядный пример жертвы империализма. Англичане ее постоянно эксплуатировали и терроризировали, ее рабочих и крестьян все время подавляли. «Для того чтобы убедить вас, что Индия на протяжении жизни последних нескольких поколений пришла в ужасающий упадок, дошла до такого состояния, что, если ничего не будет сейчас сделано, чтобы остановить этот процесс, она может перестать существовать как нация, не требуется статистических данных, фактов или цифр». Политика англичан, говорил Джавахарлал,— сеять рознь между индийцами или же там, где эта рознь уже существует, обострять ее, сохранять власть феодальных князей, оказывать поддержку богатым помещикам и поощрять позорный союз английских и индийских капиталистов. «Поэтому естественно,— добавлял Джавахарлал, развивая мысль о взаимосвязи экономики и политики,— что со своей капиталистической и империалистической точки зрения они хотят во что бы то ни стало удержать Индию». Впервые Джавахарлал, вместо того, чтобы ограничиться осуждением британско-

го империализма, попытался раскрыть мотивы, характер и методы его деятельности. Его ум сделал новый шаг вперед.

Резолюция об Индии, написанная Джавахарлалом, выражала горячую поддержку конгресса освобождению Индии от чужеземного господства и всяческой эксплуатации как важнейшего шага в деле освобождения народов всего мира. В ней говорилось, что народы и трудящиеся других стран должны тесно сотрудничать в выполнении этой задачи и, в частности, принимать эффективные меры, чтобы воспрепятствовать отправке войск в Индию и пребыванию там оккупационной армии. Все это Джавахарлал фактически адресовал индийцам, чтобы «помочь им избавиться от психологии, побуждающей их цепляться, несмотря ни на что, за связь с англичанами» и считать пребывание английских войск естественным. Подобным же образом, стремясь побудить Индийский национальный конгресс выйти за рамки задачи политического освобождения, Джавахарлал в последнем пункте резолюции выразил надежду конгресса на то, что индийское национальное движение положит в основу своей программы полное освобождение крестьян и рабочих Индии, «без которого не может быть настоящей свободы», будет сотрудничать с освободительными движениями в других частях мира.

Помимо Индии, конгресс уделил большое внимание Китаю и Мексике. В то время в Китае Гоминьдан поднялся на волне национализма и в кратковременном союзе с коммунистами старался объединить страну. Китайская делегация на Брюссельском конгрессе, в значительной мере официальная, рассчитывала завоевать если не поддержку, то хотя бы симпатии общественного мнения и рабочих организаций других стран. Совместная декларация индийской и китайской делегаций, явно вышедшая из-под пера Джавахарлала, несла на себе отпечаток мировоззрения, которое оставалось неизменным более тридцати лет. Дружба с Китаем составляла ядро его панasiatских воззрений. В декларации, в соответствии с господствовавшим в Индии культурным национализмом и упором на древние цивилизации Востока, говорилось о тесных культурных связях между народами Индии и Китая, существовавших более трех тысяч лет, и на англичан возлагалась вина за раздувание недоброго отношения к Индии в Китае путем использования наемных индийских войск для «поддержки бандитизма британских капиталистов». Поэтому, указывалось в ней, настоятельно необходимо рассказать индийскому народу правду о Китае и вести борьбу против британского империализма одновременно на двух фронтах. «Мы должны сейчас возобновить древние личные, культурные и политические отношения между двумя народами. Британский империализм, который в прошлом старался разлучить нас, сейчас представляет

собой как раз ту самую силу, которая нас объединяет в общей борьбе за свержение его власти». После этого индийская и китайская делегации убедили английскую делегацию, представлявшую Коммунистическую партию Великобритании, независимую рабочую партию и определенные круги лейбористской партии, выразить поддержку борьбе угнетенных стран за «полную независимость» (это выражение англичане предпочли словам «разрыв связей с Англией»), выступить против всех форм принуждения, применяемого против колониальных народов, голосовать против всех кредитов для содержания вооруженных сил, используемых против угнетенных народов, и вести соответствующую пропаганду среди английских войск. В частности, английская делегация обещала выступить за прямые действия, включая стачки и эмбарго, чтобы помешать доставке военного снаряжения и войск в Китай, и потребовала безоговорочного признания его националистического правительства, аннулирования неравноправных договоров и экстерриториальных прав и отказа от иностранных концессий.

Китайская делегация выразила желание развивать контакты между Гоминьданом и Индийским национальным конгрессом и познакомить индийское общественное мнение с китайскими проблемами. Джавахарлал понимал, что английское правительство может помешать обмену любыми визитами, но считал, что следует попытаться их организовать. «Мы, в Индии, должны сделать что-нибудь для Китая. Туманные резолюции с выражением сочувствия никого никуда не ведут». Он имел в виду отправку в Китай санитарного отряда в составе двадцати—двадцати пяти добровольцев¹⁹. Такая поездка планировалась не только для того, чтобы способствовать установлению сердечных отношений между Индией и Китаем: Джавахарлал также стремился расширить горизонты индийского национализма. Он видел также важность для мира будущего Китая, тем более что в то время Гоминьдан и китайская коммунистическая партия действовали вместе. Поэтому то, что происходило в Китае, представляло собой не просто наступление на чужеземный империализм, но и прямую атаку на капиталистическую систему.

«Победа китайцев означает создание на Востоке великой советской республики, связанной тесным союзом с Россией и наряду с ней постепенно устанавливающей свое господство над Азией и Европой. Это не значит, что Китайская республика будет целиком и полностью строиться на основах, определенных Марксом. Даже Советской России под давлением крестьянства пришлось несколько изменить политику, а в Китае, где мелкий крестьянин играет решающую роль, отход от коммунизма как такового будет более значительным»²⁰.

Это предвидение, понимание того, что если союз китайских партий выстоит, то будущее определит не кто иной, как коммунистическая партия, а не значительно более многочисленный Гоминьдан, признание того, что в китайском коммунизме будет ярко выраженный национальный элемент, могут считаться паразитическими, особенно если принять во внимание, что в то время в китайской компартии определенную роль играли «сталинские агенты». Но и это не все. Джавахарлал подчеркивал, что Англии, даже с помощью других европейских стран, не удастся нанести большой урон великому континентальному блоку России и Китая. «Более вероятно, что Англия, чтобы спасти себя от исчезновения, станет сателлитом Соединенных Штатов и будет подстрекать империализм и капитализм Америки к борьбе на ее стороне». И именно в Брюсселе Джавахарлал впервые, быть может под впечатлением встреч с делегатами Мексики и других американских стран, понял, что Англия быстро уступает руководство Соединенным Штатам.

«Большинство из нас, особенно представителей Азии, абсолютно ничего не знало о проблемах Южной Америки и о том, как поднимающийся империализм Соединенных Штатов, обладающий колоссальными ресурсами и не опасющийся нападения извне, постепенно усиливает власть над Центральной и Южной Америкой. Но мы не имеем права дольше оставаться в неведении, ибо важной проблемой ближайшего будущего, еще больше, чем империализм британский, станет американский империализм. Или же, судя по имеющимся признакам, возможно, что оба империализма объединятся, чтобы создать могущественный англосаксонский блок для господства над миром».

В условиях китайской угрозы империализму Джавахарлал полагал, что через пять лет, а может быть и раньше, начнется мировая война. В любой такой войне главным местом сражения явится северо-западная граница Индии, и похоже было, что англичане строили свои планы, именно исходя из этого. Кроме того, под предлогом поощрения развития индийской промышленности они стремились сделать так, чтобы Индия сама снабжала себя военным снаряжением и другими военными материалами. Джавахарлал хотел, чтобы Индийский национальный конгресс учитывал эти моменты и разработал свою собственную политику и программу, исходя из них. По его мнению, нужно было провести широкую кампанию против английского вмешательства в Китае и использования для этой цели индийских войск.

Предсказания Джавахарлала оправдались не сразу, хотя бы потому, что Гоминьдан поссорился со своим коммунистическим партнером. Но через двадцать лет после того, как он написал этот

доклад, победа коммунистов в Китае, заключение китайско-советского союза, разработка китайского варианта коммунизма и установление «особых отношений» Англии с Соединенными Штатами показали, что Джавахарлал был одним из самых прозорливых пророков нашего столетия в международных делах.

Брюссельский конгресс завершился принятием манифеста, в основе которого лежала марксистско-ленинская теория империализма. В нем утверждалось, что европейский капитализм держится на эксплуатации стран Азии, Африки и Америки. На последней стадии финансового капитализма несколько стран, а в этих странах несколько человек контролируют мир. Однако мировая война и ее последствия со всей ясностью показали, что империалистический капитализм — свой собственный могильщик. Мир захлестнула волна движений за национальное освобождение, сильный толчок которым дала русская революция и образование Советского Союза. Но империалисты не желают легко отказаться от своей добычи, что было доказано деятельностью «величайшего авантюриста наших дней» Уинстона Черчилля. Поэтому Брюссельский конгресс решил основать Лигу борьбы против империализма, за национальную независимость, организовать сотрудничество между националистическими движениями в колониальных странах с рабочим и антиимпериалистическими движениями в эксплуатируемых колонии странах.

Очевидно, Джавахарлал не принимал активного участия в составлении этого манифеста, первоначально написанного на французском языке, и ему не понравилось то, как его поспешно приняли на конгрессе. Но к этому времени у него уже не было серьезных возражений против содержания документа. В существенных вопросах он уже стоял на марксистских позициях. Джавахарлал соглашался с тем, что империализм и капитализм идут рука об руку и что ни один из них не исчезнет, пока не будет покончено с обоими. Он признавал необходимость координации действий сил, выступающих против империализма и капитализма, для их взаимного усиления. В колониальных странах главенствующая роль среди различных идеологий автоматически переходила к национализму, но у него должна быть широкая база, и ему надлежало черпать силу в массах и обязательно защищать их интересы.

Джавахарлал был назначен одним из почетных председателей Лиги и членом ее исполнительного комитета, а от должности секретаря он отказался по той причине, что остальную часть года будет находиться далеко, в Индии. Но в Европе он регулярно присутствовал на заседаниях исполнительного комитета. Хотя коммунисты составляли меньшинство в этом органе, они стреми-

лись диктовать ему свою волю, и Джавахарлал встал во главе тех, кто этому воспротивился. Он часто раздражался, но никогда не сердился²¹ и разъяснял, что, хотя в основных чертах он согласен с социалистической теорией государства, он решительно возражает против того, чтобы его водили на поводу русские или кто-либо еще²². Однако он не считал, что такая опасность действительно существует, и, поскольку Советский Союз пытался использовать Лигу в не вызывавших возражения целях, Джавахарлал не видел никакого вреда в сотрудничестве с ней против британского империализма. Поэтому он рекомендовал Рабочему комитету Конгресса вступить в Лигу в качестве ассоциированного члена. Существовала возможность того, что Лига, в отличие от Лиги Наций, превратится в мощную Лигу народов. Но не это послужило причиной того, что Джавахарлал рекомендовал Конгрессу вступить в нее. Будучи реалистом, он не очень-то верил в такие фантазии. Кроме того, он не особенно полагался на поддержку английского рабочего движения и рабочих движений других стран: «Почти все англичане, как бы развиты они ни были политически, в вопросах, касающихся Индии, остаются чуть-чуть империалистами»²³. В целом он, пожалуй, соглашался с Ганди, что Индии нечего ждать от таких организаций, как Лига, потому что большинство европейских государств были партнерами в эксплуатации Индии, и в разгар борьбы их сочувствия ожидать не приходилось²⁴; Джавахарлал писал Ганди²⁵:

«Я мало чего жду от нее и вполне, конечно, уверен, что ни одна так называемая империалистическая или угнетающая страна не окажет нам ни малейшей помощи, когда ее интересы придут в столкновение с нашими. У меня нет иллюзий относительно их альтруизма. Однако я приветствую все легальные методы установления контактов с другими странами и народами с тем, чтобы быть в состоянии понять их взгляды и международную политику в целом. Я не считаю желательным и, конечно, возможным для Индии прокладывать одинокую борозду сейчас или в будущем. Я стремлюсь к контактам с внешним миром только с целью самообразования и самосовершенствования. Боюсь, у нас очень узкие взгляды, и, чем скорее мы избавимся от этой узости, тем лучше. Наше спасение придет только благодаря внутренней силе, это несомненно, но одним из методов создания такой силы должно быть знакомство с другими народами и их представлениями».

Связь с Лигой помогла бы Конгрессу, по мнению Джавахарлала, использовать ее для своей пропаганды за рубежом, без обязательного принятия социалистической программы и ограничения его свободы действий в Индии и за ее пределами. Кроме того, чле-

ны Лиги, представлявшие Азию, могли бы через нее поддерживать тесные сношения друг с другом. В Брюсселе многие делегаты из Азии, несмотря на недовольство организаторов, собирались на неофициальные встречи и говорили об образовании «Азиатской федерации». Но ее создание было сочтено преждевременным, и было решено пока что концентрировать усилия на укреплении Лиги и установлении двусторонних отношений.

Однако к этому времени Джавахарлала стал особенно занимать Советский Союз, который незримо играл ведущую роль на Брюссельском конгрессе. Он прочитал все, что мог достать, о событиях и обстановке в этой стране, книги как почитателей, так и критиков, и нашел там многое, что вызвало его восхищение. По его убеждению, какая бы враждебность традиционно ни существовала между Англией и Россией, свободной Индии она будет чужда, и, даже если бы свободная Индия оказалась противницей коммунизма, она могла бы поддерживать хорошие отношения с Россией. Джавахарлал считал, что Советская Россия по мере своего усиления может создать некий новый тип «империализма». Но он полагал, что этого долгое время не случится, а пока что по причине собственных интересов Россия шла на дружбу с угнетенными народами²⁶. Поэтому для него казалось логичным поехать в Советский Союз до возвращения в Индию. Такая возможность представилась после приезда Мотилала осенью в Европу, когда отец и сын получили приглашение на празднование десятой годовщины революции 1917 года. Когда они находились в Берлине, советский посол передал им это приглашение, и, хотя времени оставалось мало, они после некоторых колебаний решили принять его²⁷.

Приглашение это было получено в последний период советской политики поддержки национально-освободительных движений в Азии, независимо от их идеологической направленности. Эта политика была унаследована от Ленина, который считал, что колонии вроде Индии должны пережить свою буржуазно-демократическую революцию, прежде чем думать о взятии власти пролетариатом, и что поэтому долг коммунистов на этом этапе — действовать совместно с буржуазным руководством. Таким образом, в глазах Ленина Ганди был революционером, и он не соглашался с М. Н. Роем, утверждавшим, что индийская буржуазия ничем не отличается от традиционных феодальных классов. Это ленинское положение легло в основу официальной политики Советского Союза и Коминтерна, и, хотя к концу 1922 года в Индии появились первые коммунистические организации, общий план заключался в том, чтобы коммунисты укрепились в Конгрессе, а не создавали

свою самостоятельную массовую революционную партию. Правда, в мае 1925 года Сталин одобрил позицию Роя и выступил за создание в Индии революционного блока во главе с пролетариатом, руководимым коммунистами, в который входили бы революционные слои буржуазии²⁸. Однако линия на сотрудничество с буржуазией продолжала действовать до конца 1927 года. Брюссельский конгресс показал, какую важность Советский Союз все еще придавал буржуазным националистическим движениям, и за разрывом дипломатических отношений с ним Англией в 1927 году последовали слухи о подготовке англичан к военному вторжению с использованием Пешавара в качестве базы²⁹, что вызвало в Советском Союзе опасения, что вот-вот начнется война. Тогда еще больше, чем раньше, казалось чрезвычайно важным заручиться если не активной поддержкой, то хотя бы сочувствием партии Индийский национальный конгресс.

Изменения в советской политике наступили к концу 1927 года. Неудачи в Китае и провал попыток добиться сближения с западными державами нервировали авторов советской политики и политики Коминтерна, и Сталин, который теперь окончательно вышел победителем в борьбе с Троцким, рассматривал колониальный вопрос только в свете европейских событий и более узко подходил к проблеме безопасности Советского Союза. На XV съезде партии Бухарин заявил, что индийскую буржуазию нельзя больше поддерживать. VI конгресс III Интернационала в 1928 году официально отказался от политики единого фронта против империализма и рекомендовал индийской коммунистической партии выступать самостоятельно и вести дело к «вооруженному восстанию», поскольку буржуазные националистические партии превратились в сторонников империализма, приобрели «реформистский характер, встали на позиции классового сотрудничества» и не в состоянии руководить революцией.

Таким образом, в ноябре 1927 года представилась последняя возможность получения семьей Неру приглашения в Москву. Неру оставались в России всего несколько дней, но статьи, которые Джавахарлал писал для «Хинду» о своей поездке, позднее вышедшие в виде книги³⁰, говорят о том, какое глубокое впечатление произвела на него «эта необычная евроазиатская страна серпа и молота, где рабочие и крестьяне сидят на тронах власть имущих и срывают тщательно разработанные планы всех врагов»³¹. Мы находимся, писал он своей сестре из Москвы, «в стране, где все перевернуто вверх дном. Все прежние ценности потеряли значение, и жизнь носит необычный характер»³². Джавахарлал знал, что их поездка была тщательно подготовлена, что видели они лишь

то, что им хотели показать. Он знал также, что положение в обширных провинциях вряд ли похоже на то, что можно было увидеть в Москве и вокруг нее. И тем не менее он был убежден, что Советский Союз достиг быстрого прогресса в сельском хозяйстве, ликвидации неграмотности, улучшении положения женщин, решении проблемы меньшинств и уничтожении резких различий между роскошью и бедностью и классовой иерархии. Кроме того, он был уверен, что Индия — тоже большая сельскохозяйственная страна с бедным и неграмотным населением — многому может научиться у Советского Союза. Его настроение нашло выражение в строках, которые он предпослал своей книге в качестве эпиграфа:

Блаженство быть живым на заре,

А быть молодым — райское счастье.

Звучит восторженно? Возможно, но следует помнить, что Россия, которую посетил Джавахарлал, все еще в значительной степени оставалась Россией Ленина, даже хотя Ленин уже умер за три года до того. Сталин еще не стал бесспорным диктатором, и Советская власть пользовалась большой массовой поддержкой. Действовала еще новая экономическая политика. «Обогащайтесь», — советовал Бухарин крестьянам в 1925 году, а крестьяне все еще играли ведущую роль в деревне и обеспечили значительный рост производства продовольствия. Для них это был золотой век советского правления. Число единоличных хозяйств в 1927 году выросло до 25 миллионов, и они обрабатывали 98,3% посевных площадей³³. Сталин, как и Ленин, пока еще говорил о добровольной коллективизации сельского хозяйства. Лишь после 1927 года восторжествовало мнение, что союз большевизма с крестьянами не только недопустим, но и нереален. Нехватка продовольствия в крупных городах летом 1927 года, создавшаяся, несмотря на хороший урожай, показала, что без массового производства товаров широкого потребления крестьян нельзя побудить продавать зерно. Доля урожая, направляемого на городские рынки, была даже меньше, чем до 1917 года. С другой стороны, промышленное производство, которое до 1927 года быстро росло благодаря восстановлению производственных мощностей, существовавших до 1917 года, начало сокращаться. Поскольку индустриализация и особенно создание тяжелой промышленности считались необходимыми в связи с неизбежностью войны, нужно было настоять на том, чтобы крестьяне расстались со своими запасами, а это означало быструю и принудительную коллективизацию. Поэтому в декабре 1927 года, через месяц после визита семьи Неру, съезд партии принял решение о наступлении на кулака, открыв тем самым новую главу советской истории.

Таким образом, Джавахарлал увидел Советский Союз в последние дни первого мирного и счастливого периода жизни страны. Если его реакция была идеалистичной, то объяснялось это частично тем, что идеализм еще витал в воздухе. Знакомство с марксизмом на Брюссельском конгрессе и после него сейчас привело чуть ли не к обращению Джавахарлала в коммунизм, увиденный на практике. Особенно сильное впечатление произвели на Джавахарлала руководство Ленина, его реализм и стойкость и более всего его упор на важнейшую роль профессиональных революционеров. Необходимость в таких освобожденных рабочих в Индии была явно еще большей, и Джавахарлал сейчас, несомненно, считал себя одним из них. Отплыв из Индии как преданный последователь Ганди, он возвратился туда как сознательный революционный радикал. Продолжая всегда находиться под сильным влиянием Ганди, Джавахарлал больше уже никогда не мог быть полностью пленником гандизма. Но примечательно, что эта перемена произошла не из-за революционной ситуации в Индии, а в результате того, что он увидел, услышал и прочитал в Европе. Джавахарлал был всегда радикалом европейского типа, стремившимся применить и приспособить европейские теории к своей собственной стране. Это можно в равной мере считать и его силой, и его слабостью.

ДВИЖЕНИЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

I

И вот в таком настроении, буруемаемый не идеями книжного романтизма, а продуманным стремлением к революционным изменениям, Джавахарлал возвратился в Индию. Английское правительство тоже заметило перемену в его взглядах и, как было известно Джавахарлалу, в 1927 году установило слежку за ним в Европе, а в Симле начальник департамента внутренних дел заявил отцу Джавахарлала, что сын его «ведет себя неосторожно»¹. Именно после этого дружественного предупреждения Мотилал решил поехать в Европу, чтобы смотреть за сыном и благополучно доставить его домой.

Однако Джавахарлал с женой и дочерью приехали в Индию до его отъезда и достигли Мадраса как раз вовремя, чтобы успеть на съезд Конгресса, собравшийся в декабре 1927 года. Джавахарлалу не терпелось начать действовать. Он считал, что в качестве первого шага следовало признать целью достижение полной независимости. Он думал об этом уже долгое время и теперь окончательно пришел к убеждению, что Конгрессу нужно решительно выдвинуть эту цель. Он не мог согласиться с обычными утверждениями, что между статусом доминиона и независимостью фактически нет никакого различия, поскольку первый предусматривал право на отделение. Теоретически это было так, но на деле статус доминиона означал сохранение связей с Англией и ее господства во всех важных областях. Этот статус мог устраивать такие страны, как Австралия и Канада, но не годился для Индии. Индия должна была либо выйти из империи, либо остаться в ее составе в качестве зависимой страны, каким бы названием это ни прикрывалось. Третьего пути не существовало. Сотрудничество между ягненком и львом всегда кончалось тем, что ягненок оказывался в желудке льва. Но независимость не означала враждебных отношений с Англией. В то время как дружба с ней в рамках империи была невозможна, после избавления от имперской хватки Индия могла бы сотрудничать с Англией как равная.

Психологические последствия бескомпромиссной позиции представлялись Джавахарлалу еще более важными, чем политические

и экономические. Согласие на статус доминиона само по себе уже означало психологическую деградацию, потому что в его основе лежало признание неизбежности присутствия англичан в стране. Тот факт, что Конгресс решил выдвинуть такой статус в качестве своей цели, свидетельствовал о его безумной боязни оказаться вне закона, если он потребует большего, а также о том, что в нем господствовали элементы, которые в целом были заинтересованы в связях с англичанами. В паутину империализма, очевидно, попали даже члены Конгресса. Но если бы Конгресс провозгласил своей целью независимость, он избавился бы от пораженческих настроений и состояния уныния, которые воцарились в нем после прекращения движения несотрудничества, отменил бы сваражистскую приспособленческую тактику, обрел бы новую силу и снова сумел бы поднять широкие массы на борьбу. Пребывание в Европе утвердило Джавахарлала в мнении, что Индия не должна ждать милостей от Англии. Потенциально индийский национализм не был относительно слабым, а Англия с каждым днем, несмотря на ее кажущуюся силу, все больше теряла почву под ногами, причем не имело значения, какая партия находилась там у власти. Встречи с деятелями английской лейбористской партии наполнили Джавахарлала особенно сильным презрением к «этим лицемерным и неискренним ханжам»².

Поэтому Джавахарлал стремился к настоящей борьбе, без расчета на пощаду ни одной из сторон. Его новые радикальные взгляды не ослабили, а усилили его горячее стремление к политическим действиям. Ликвидация империалистического господства означала для Индии прекращение капиталистической эксплуатации и избавление от бедности. Однако мираж статуса доминиона ослаблял в Индии сопротивление англичанам и в целом способствовал укреплению реформистских сил, противостоявших силам революционным. Подлинная сила англичан в Индии заключалась в покорности индийцев «статус-кво» — английскому правлению, установившимся представлениям, старым обычаям и традициям. И Джавахарлал признавался Ганди: «Как национальная организация может иметь в качестве идеала и цели статус доминиона — выше моего понимания. Одна мысль об этом душит и терзает меня»³.

Но главным препятствием был, разумеется, Ганди. Он не присутствовал на съезде Конгресса в Мадрасе, на котором Джавахарлал добился принятия резолюции о выдвижении Конгрессом независимости в качестве своей цели. Но там было достаточное число последователей Ганди, которые настояли на исключении из резолюции тех ее положений, в которых разъяснялось, что неза-

висимость означает полный контроль над обороной, финансами, экономической и внешней политикой, и выдвигалось требование немедленной передачи такого контроля индийцам и, в частности, полного вывода английской оккупационной армии. Таким образом партия заявила лишь о своей приверженности цели полной национальной независимости, но даже эта формулировка не была включена в устав Конгресса. В нем по-прежнему целью провозглашался *сварадж*, что давало возможность тем, кто не поддерживал идею полной независимости и разрыва всех связей с Англией и не хотел немедленного вывода английской армии, оставаться в рядах партии.

Таким образом, к резолюции, внесенной Джавахарлалом, как он сам признавался⁴, фактически не отнеслись с должной серьезностью, и она была принята лишь для того, чтобы доставить ему удовлетворение. Но Ганди не скрывал своего недовольства тем, что он считал шутовским героизмом. В «Янг Индия» он назвал резолюцию «поспешно задуманной» и «бездумно принятой» и заявил, что Конгресс в целом опустился до уровня школьного дискуссионного клуба⁵. Кроме того, в частном письме он заявил Джавахарлалу, что тот слишком спешит⁶. Когда же Джавахарлал упрямо ответил, что получил значительную поддержку, что Ганди руководит нерешительно и неэффективно и что они придерживаются совершенно различных точек зрения⁷, Ганди предложил опубликовать эту переписку. Другими словами, он был готов к открытому разрыву. Для старшего из них их взаимоотношения еще не стали абсолютно необходимыми. Но Джавахарлал отступил. Твердость убеждений у него не исключала эмоциональной податливости, и он, говоря словами Ганди, старался оставаться в состоянии «оцепенения»⁸. Он хотел избежать дальнейшей огласки их расхождений, которые, заверял он Ганди, касались лишь нескольких вопросов и не распространялись на многие другие проблемы, где между ними существовало согласие. Джавахарлал питал личную привязанность и уважение к Ганди, которые для него много значили: «Ведь в более общем смысле я — Ваш питомец в политике, хотя, быть может, и сбившийся с пути и непослушный питомец»⁹.

Таким образом, не порывая полностью с Ганди и старым руководством Конгресса, Джавахарлал повел кампанию за независимость как конечную цель. Она явилась своего рода бунтом в ограниченных пределах. Этот вопрос снова встал на повестку дня на всепартийной конференции и на заседаниях учрежденного на ней комитета, председателем которого был назначен Мотилал и в задачу которого входило разработать для Индии конституцию в ответ на замечание министра по делам Индии лорда Бир-

кенхеда, что индийские политики не в состоянии предложить ничего конструктивного. Хотя Джавахарлал не вошел в состав этого комитета, он принимал активное участие в его заседаниях и помогал отцу в секретарской работе. Но в атмосфере споров и компромиссов он чувствовал себя плохо. «Очевидно, вина лежит на мне, но у меня всегда появляется чувство, что я для всех чужой, что я не на своем месте. Я чувствую себя очень одиноким»¹⁰. На его предложение о том, чтобы в конституции предусматривалось провозглашение демократической социалистической республики и чтобы выборы вначале проводились по экономическим организациям¹¹, комитет не обратил даже мимолетного внимания. Для того чтобы добиться максимально возможного согласия в органе, многие из членов которого не были конгрессистами, Мотилал выступил за статус доминиона и уделил главное внимание поискам решения религиозно-общинной проблемы. Последнее ему удалось, и в «Докладе Неру» в качестве уступки мусульманам рекомендовались не отдельные избирательные курии, а резервирование мест, превращение Синда в самостоятельную провинцию и проведение реформ 1919 года в Северо-западной пограничной провинции и Белуджистане. Пожелания Джавахарлала и многих других о том, чтобы включить положение об отмене резервирования мест через десять или меньше лет с согласия заинтересованных сторон¹², не нашли места в докладе. Но даже такая степень согласия представляла собой немалое достижение, и не один только Джавахарлал надеялся, что доклад нанесет последний удар по коммунизму¹³. Однако согласие на статус доминиона не отвечало его желаниям. Он неоднократно высказывался против него, и ему нередко приходилось вступать в публичные споры с отцом. Но Джавахарлал знал, что шансов на пересмотр этого решения нет, и отступил, продолжая настаивать на достижении независимости в качестве главной цели. Тот факт, что Конгресс одобрил «Доклад Неру», не означал, что он отказался от своих собственных целей.

Поэтому Джавахарлал создал Лигу независимости Индии прежде всего как группу давления внутри Конгресса. Зная, что Ганди и другие видные конгрессисты не одобряют идеи независимости и все, что она с собой несет, Джавахарлал подал в отставку с поста генерального секретаря, однако Рабочий комитет ее не принял¹⁴. Формально это было сделано потому, что резолюция мадрасского съезда делала правомерной пропаганду идеи независимости, а фактически потому, что большинство конгрессистов придавало мало значения усилиям Джавахарлала. С их точки зрения, единственная ценность требования независимости в это время заключалась в том, что оно облегчало борьбу за предоставление

статуса доминиона. Если бы возникла опасность того, что Лига независимости изменит линию Конгресса, ей, без сомнения, поспешно заткнули бы рот. Лига предназначалась для пропаганды не только независимости, но и республиканских и социалистических идей. В глазах Джавахарлала независимость не была чисто политическим вопросом. Разрыв связей с Англией влек за собой также ущемление интересов привилегированных групп, которых англичане поддерживали в Индии, и основа борьбы была экономической. Будущее правительство республиканской Индии должно было опираться не на эксплуатацию масс, а на социальное равенство¹⁵. Поэтому задачи Лиги независимости заключались как в достижении независимости, так и в перестройке индийского общества, изменении его капиталистического и феодального базиса. «Это означает, что Лига хочет создания социалистического демократического государства, в котором у всех будет полная возможность для развития, а у государства — контроль над средствами производства и распределения»¹⁶. Вместо нескольких лиц, наживающих огромные богатства с помощью других, государство должно быть организовано на широкой кооперативной основе и действовать в интересах всех и каждого, а это в свою очередь приведет к созданию «великого мирового кооперативного содружества»¹⁷.

Поэтому независимость являлась многогранным идеалом, и Джавахарлал считал, что в ее достижении должен участвовать не один только Конгресс. По его замыслу Лиге надлежало быть как активной частью Конгресса, так и общим стимулирующим фактором для всей страны. Пусть Конгресс возглавит политическую кампанию и сыграет ведущую роль в составлении конституций, но экономические и социальные перемены могут быть осуществлены только с согласия эксплуатируемых классов. А для такой цели необходимо будет создать в стране революционную атмосферу и организовать массы¹⁸. Однако для этого требовалась экономическая программа. Ганди вовлек широкие массы в политическую борьбу так, как не сумел бы сделать никто другой, и поэтому Джавахарлал считал его руководство абсолютно необходимым. Но удержать массы можно было, только вложив в *сварадж* экономическое содержание, что Ганди никогда не пытался сделать. Ганди говорил, что в принципе он против этого не возражает, но считал это преждевременным. «Я полностью разделяю твое мнение, что когда-то нам придется начать интенсивное движение без богатых и без активных образованных классов. Но это время еще не наступило»¹⁹. Однако Джавахарлал не успокоился и разработал четкую программу. Хотя он ставил своей целью

социализм, начать он хотел с малого. В Соединенных провинциях особенно казалось, что без отмены помещичьего землевладения не обойтись, но производить ее следовало с выплатой частичной компенсации и заменой его мелким землевладением без права отбирать землю у крестьян-собственников. Предполагалась не национализация, а социализация земли, и роль государства ограничивалась управлением только образцовыми хозяйствами. Сельскохозяйственную задолженность следовало аннулировать после частичного ее погашения. Государство постепенно должно было взять под свой контроль ключевые отрасли промышленности, обеспечить прожиточный минимум и ввести резко возрастающие в зависимости от облагаемой суммы подоходный налог, налоги на наследство и на сельскохозяйственные доходы²⁰.

Джавахарлал понимал, что подобная программа когда-нибудь неизбежно приведет к возникновению проблемы классовой борьбы и к столкновению интересов рабочих и капиталистов, помещиков и арендаторов. Однако с этим нужно было мириться. Отрицать существование конфликтов или отказываться признавать их было бы неразумно. С такими конфликтами следует бороться и преодолевать их. Поэтому Джавахарлал готов был признать возможность насилия как такового и вероятность того, что конечной целью, исходом борьбы явится коммунизм. Если бы Индия пришла к убеждению, что может стать свободной с помощью насилия, она, как и другие страны, несомненно, имела бы право прибегнуть к нему. Джавахарлал выступал за активное ненасильственное сотрудничество лишь потому, что в условиях Индии массовое насилие было нереально, а индивидуальные террористические акты приводили к контрреволюции и вредили делу национального освобождения²¹. Насилие противоречило логике не этики, а политики, а терроризм представлял собой тактику поражения. Что же касается конечной цели, то, выступая на студенческой конференции в Калькутте, Джавахарлал публично признал, что, хотя он лично не согласен со многими из методов коммунистов и далеко не уверен в том, в какой мере коммунизм подходит для индийских условий, он тем не менее верит в коммунизм как общественный идеал, ибо по существу это — социализм, а социализм представляет собой единственный путь, дающий возможность обществу избежать катастрофы²².

В организационной работе Джавахарлал полагался на молодежь Индии. Под впечатлением увиденного в Советском Союзе и прочитанного о достижениях Ленина и большевиков он размышлял о привлечении молодых кадров индийцев. Активисты-коммунисты ему не нравились хотя бы потому, что в Индии среди

них не было образованных марксистов, да и он себя таковым не считал. Более того, националистическая идеология не могла не занять в Индии ведущего места, и любая программа экономических и социальных преобразований должна была строиться на ее основе. Поэтому, хотя Джавахарлал и продолжал содействовать деятельности *Хиндустан и сева дал*, он также смотрел далеко вперед. Через несколько месяцев после возвращения он через печать обратился к тем, кто выступал за независимость, возмущался ростом влияния религии в политической жизни и хотел ликвидации классового, кастового и имущественного неравенства, с призывом устанавливать контакты друг с другом и с ним²³. Однако революционные батальоны не появляются в результате писем редактору, и обращение Джавахарлала было примечательно лишь как показатель его собственных устремлений. На протяжении всего года он уделял большое внимание молодежным союзам и конференциям и был готов пожертвовать всей другой работой ради организации молодежи. Но общеиндийский корпус, преданный идеям социализма и ведущий борьбу в различных частях страны, так никогда и не появился на свет.

Не оправдала надежд своего создателя и Лига независимости Индии, что вскоре с огорчением признал Джавахарлал. В нее входили несколько политических деятелей, либо недовольных Ганди и Мотилалом, либо надеявшихся использовать популярность Джавахарлала в своих интересах. Кроме того, люди нередко вступали в Лигу для того, чтобы развалить ее²⁴. Джавахарлал сам был слишком честен и не мог вовремя раскрыть такие махинации, но стали поговаривать, что он все больше и больше поддается лестии²⁵. Это обвинение необоснованное; скорее он был жертвой собственной наивности. Но в результате всего этого Лига независимости Индии так никогда и не стала хорошо организованным и имеющим четкую идеологию авангардом революции. В течение года она действовала более или менее активно, а в начале 1929 года ее существование потеряло всякий смысл, поскольку Конгресс единогласно провозгласил своей целью (при определенных обстоятельствах) независимость. Историческое значение Лиги состояло в том, что она явилась свидетельством незапятнанного идеализма Джавахарлала. Однако его горячее стремление бороться за благородную цель не было подкреплено организационными возможностями.

II

Не сумев найти способ мобилизовать страну для будущей революции, Джавахарлал преуспел в организации демонстраций по всей стране в ответ на оскорбление, нанесенное ей объявлением

о создании в 1927 году только из членов английского парламента комиссии для рассмотрения вопроса о том, действительно ли Индия готова для новых конституционных реформ. Придумали это вице-король лорд Ирвин и его аппарат. Вскоре Ирвин понял, что допустил ошибку, но убедил себя и свое окружение, что серьезной угрозы бойкота комиссии нет. Считалось, что Конгресс слаб и расколот, что в нем господствуют свараджисты, которые во все большей степени превращаются в конституционную оппозицию²⁶, а, поскольку Конгресс относится к бойкоту комиссии без энтузиазма, другие партии вряд ли займут враждебную позицию. Следовательно, через несколько месяцев положение само собой выправится, особенно если удастся придумать какие-нибудь умиротворяющие меры²⁷. Правительство Индии и сэр Джон Саймон, возглавивший комиссию, предложили несколько уступок, чтобы облегчить индийским политическим партиям отказ от бойкота и сотрудничество с комиссией. Ганди опасался, что так и случится²⁸, а Мотилал, разделявший его опасения, решил отправиться летом в Канаду, чтобы не тратить зря свое время в Индии²⁹.

Однако бойкот состоялся. Либералы, подобные Сапру, которые рассчитывали на добрую волю англичан, настолько сильно были возмущены, что на этот раз не повели себя как положено умеренным. Правительство не смогло также завоевать на свою сторону Джинну, в результате чего мусульманские руководители, готовые сотрудничать с англичанами, не смогли претендовать на то, что представляют всех мусульман. Джавахарлалу отсутствие в составе комиссии индийцев представлялось лишь второстепенным проявлением имперской власти. По его мнению, бойкотировать нужно было не только комиссию Саймона, но и всю концепцию, лежавшую в основе ее деятельности: Индия навсегда останется частью Британской империи, и английский парламент имеет право давать Индии то, что ему заблагорассудится, и лишать ее того, что он сочтет нужным³⁰. Свобода была основным правом Индии, а поскольку все комиссии, направлявшиеся из Англии, отрицали существование этого права, они не могли ждать пощады в Индии. «Наша цель — полностью свободная Индия, и обсуждать что-либо мы можем только на этой основе»³¹. Но приезд комиссии Саймона мог быть использован хотя бы как повод для единых действий, для объединения членов различных партий ради общего дела. Бойкот не продвинул бы Индию далеко по пути к независимости, но он, безусловно, помог бы создать здоровую атмосферу, способствующую ускорению мобилизации страны на борьбу³². Возможность нанести ответный удар оказала на Джавахарлала чуть ли не целебное воздействие, и, будучи генеральным секретарем

Конгресса, он взялся за организацию бойкота по всей стране. 3 февраля, в день, когда комиссия должна была прибыть в Индию, был объявлен не днем траура, а днем радости, ибо именно в этот день должна была быть возобновлена борьба за независимость³³.

Общенациональный *хартал* оказался более успешным, чем ожидал Джавахарлал³⁴, и после него на протяжении всего года всюду, куда отправлялась комиссия, устраивались демонстрации, которые оканчивались нападением полиции и стрельбой. В Лахоре сильно избили видного пенджабского деятеля Конгресса Ладжпат Рая. Джавахарлал и его товарищи теперь ждали приезда комиссии в Соединенные провинции. Вначале правительство провинции решило занять либеральную позицию и разрешить демонстрации при условии, что их организаторы обратятся за разрешением и согласятся на маршрут, определенный полицией. Очевидно, такая умеренная позиция объяснялась предположением, что демонстрации не будут иметь большого размаха, поскольку мусульмане не примут в них участия. Местные организаторы бойкота тоже решили придерживаться поставленных властями условий, поскольку не хотели вступать в конфликт с полицией, и 23 и 24 ноября демонстрации проходили с разрешения властей. 25-го Джавахарлал прибыл в Лакхнау, и темпы выступлений тут же возросли. Не нарушающие законность и порядок процессии его мало устраивали. «Я останусь только до 28-го, если для меня будет дело. В противном случае я не собираюсь тратить дорогое время для того, чтобы размахивать маленьким флажком»³⁵. Известие о смерти Ладжпат Рая 18 ноября уже разожгло страсти по всей Индии, и Джавахарлал призвал молодежь Лакхнау откликнуться на его гибель³⁶. Разрешенная властями демонстрация 26 ноября была настолько многолюдной, что никаких сомнений относительно настроений против комиссии не оставалось, и хотя она прошла без инцидентов, власти поняли, что такие демонстрации помогают организовать и отрететировать выступления, запланированные на день прибытия комиссии.

Когда комитет по проведению бойкота обратился за разрешением на проведение демонстрации 28 ноября, разрешение это было дано при условии, чтобы она не проходила по торговому району европейцев, где в тот день губернатор должен был присутствовать на приеме на открытом воздухе³⁷. Организаторы демонстрации ответили, что уже слишком поздно менять ее маршрут, и, когда демонстранты двинулись, на них набросилась конная полиция. Джавахарлал, очевидно не ожидая крупного столкновения, к этому времени уже уехал из Лакхнау, однако, услышав о нападении полиции, 29-го вернулся в город. Полиция, считавшая, что комитет по

проведению бойкота 28 ноября не подчинился распоряжению по инициативе Джавахарлала³⁸, отказалась разрешить новые демонстрации. Полицейские остановили группу из двенадцати человек во главе с Джавахарлалом и Говиндом Баллабх Пантом, направлявшуюся на митинг, и спросили, есть ли у них разрешение на демонстрацию. Джавахарлал ответил, что ввиду поведения полиции в предшествующий день он больше не желает иметь с ней дела, и полицейские стали разгонять его группу с помощью палок. Сам Джавахарлал получил два удара. Несмотря на это, группа отказалась разойтись. Тем временем вокруг нее собралась большая толпа, полицейским пришлось разрешить Джавахарлалу и его спутникам проследовать на митинг, хотя впереди них в качестве авангарда ехали конные полицейские³⁹.

На следующее утро комиссия Саймона прибыла в Лакхнау. Конгрессу, который обратился за разрешением устроить демонстрацию с черными флагами, выделили площадь почти в 500 ярдах от вокзала с тем, чтобы собравшиеся не бросались в глаза Саймону и его спутникам. Огромная процессия во главе с Джавахарлалом (Мотилалу, который приехал из Аллахабада, сын не дал принять в ней участие) подошла к вокзалу и намеревалась остановиться не там, где ей разрешили, а ближе к тому месту, где должна была проехать комиссия. Находилось оно недалеко от пустыря, и конная полиция, используя как палки, так и пики, набросилась на толпу в более чем 30 тысяч человек. Многие были избиты, многие растоптаны, однако огромная толпа не двигалась с места, не отступала и не наступала, пока полиция, после того как комиссия проехала, не отошла назад. Джавахарлала, получившего с полдюжины ударов палками по спине, плечам и ногам, окружили студенты, которые защитили его от нового нападения⁴⁰. И тогда один молодой человек, вероятно студент, а на самом деле, как выяснилось позднее, полицейский агент, предложил снабдить Джавахарлала двумя револьверами⁴¹. Тот от его предложения вежливо отказался, однако этот случай говорил о попытках осложнить обстановку и поставить Джавахарлала под серьезный удар. Он дал Джавахарлалу еще больше оснований обвинять полицию, разгневанную потерей престижа в два предыдущих дня, в стремлении отомстить, причем в первую очередь Джавахарлалу.

Известия о нападениях полиции 29 и 30 ноября и о ранах, нанесенных Джавахарлалу, вызвали возмущение по всей Индии. Заместитель комиссара Лакхнау попытался смягчить истинный ход событий. В сообщении о столкновении, которое произошло 29 ноября, он писал, что если Джавахарлала и Панта и избili, то совсем легко, а что касается действий полиции на следующий

день у вокзала, то «они фактически напоминали то, как очищают футбольное поле в Англии, когда на него врывается толпа болельщиков. В печати все подано с большим преувеличением, а сообщение Джавахарлала настолько нелепо и гиперболизировано, что не требует опровержения»⁴². Однако все верили именно версии Джавахарлала, подкрепленной рассказами других очевидцев и помещенной в печати. Считали, что *радж* (английское правление) оскалил зубы и что его действия, подсказанные кровожадностью и нервозностью, напоминали события 1919 года в Амритсаре. Джавахарлал не преминул провести эту параллель:

«События в Лакхнау со всей ясностью показывают, что власти Соединенных провинций по меньшей мере подражают старому пенджабскому образцу и «хейлизм» начинает значить почти то же самое, что и «одвайеризм». За «одвайеризмом» последовало движение несотрудничества и самое сильное национальное пробуждение, какое только знала Индия в новое время. Это пробуждение потрясло все здание английского правления. Индия сегодняшнего дня отлична от Индии девятилетней давности, и «хейлизм», вероятно, вызовет еще более сильную реакцию в стране, которая может помочь нам добиться нашей цели»⁴³.

III

Действия полиции в Лакхнау, помимо их значения для общего сопротивления английскому правлению, укрепили авторитет Джавахарлала как руководителя общенационального масштаба. Он перестал быть политическим деятелем только Соединенных провинций, его популярность во всей Индии чрезвычайно выросла, и он рассматривался как безусловный лидер своего поколения. Ганди это понял и приветствовал. «Я всем сердцем с тобой. Ты вел себя смело, и впереди тебя ждут еще более смелые дела. Пусть господь сохранит тебя на многие годы и сделает своим избранныком в освобождении Индии от гнета»⁴⁴.

В ответ на растущую популярность Джавахарлала правительство задумало его арестовать. Еще в сентябре, когда Джавахарлал основал Лигу независимости Индии, пошли слухи, что его вскоре заключат в тюрьму⁴⁵, хотя сам он не придавал им никакого значения⁴⁶. Однако в октябре вице-король распорядился, чтобы его речи тщательно просматривались⁴⁷, а в декабре, когда Джавахарлал приехал в Пуну после полицейской расправы в Лакхнау, чтобы выступить на молодежной конференции Бомбейского президентства, его встретили с таким энтузиазмом, что правительство встревожилось. «С начала и до конца,— докладывала бомбейская полиция,— на конференции господствовала явно комму-

нистическая и революционная атмосфера»⁴⁸, а речь Джавахарлала министр внутренних дел назвал не случайным выступлением, а умышленной проповедью насильственного мятежа, за которой должна была последовать его организация⁴⁹. На деле же эта речь мало чем отличалась от других выступлений Джавахарлала: в ней он бичевал британский империализм как порождение мирового капитализма, давал яркое описание тяжелого положения в Индии и призывал восстать против зла, создать кооперативное социалистическое содружество в мировой федерации социалистических государств. Как и надлежало речи, адресованной студентам, это выступление носило более академический характер, чем другие его выступления этого периода. Тем не менее напуганное правительство Индии попросило бомбейское правительство подумать о возбуждении против Джавахарлала судебного преследования и пришло в себя, только когда последнее заметило, что нельзя не согласиться со многим, что сказал Джавахарлал, и что будет трудно доказать, что он выступал за коммунизм и революцию, а не просто за социализм⁵⁰.

Возможность отдать Джавахарлала под суд правительство получило в Джхари, где состоялся ежегодный съезд Всеиндийского конгресса профсоюзов. Антиимпериалистическая лига поручила У. Дж. Джонстону представлять ее на этом съезде, и полиция ворвалась в зал заседаний, чтобы арестовать его. Джавахарлал распорядился прогнать полицейских, выступил с пламенной речью, а затем призвал возмущенных делегатов вступить в Антиимпериалистическую лигу. Когда на следующий день Джонстона арестовали за пределами помещения, где проходил съезд, Джавахарлал произнес еще одну речь, осуждавшую империализм, и призвал к единым действиям против англичан⁵¹. Однако вместо того, чтобы арестовать его, правительство предпочло дожидаться решений Национального конгресса, который должен был собраться на свой очередной съезд через несколько дней в Калькутте.

Мотилал надеялся добиться в Калькутте одобрения Конгрессом «Доклада Неру» и согласия на статус доминиона без ущерба для конечной цели — полной независимости. Таким образом он рассчитывал сохранить прежнюю направленность и поддержку умеренных, не теряя поддержки сына и других членов Лиги независимости Индии. Ганди приехал в Калькутту специально для того, чтобы обеспечить именно такой исход съезда. Джавахарлал оказался в трудном положении. Концепции, лежавшие в основе «Доклада Неру», были ему чужды. «В Конгрессе явно имеются две, если не больше, группы, между которыми нет ничего общего, и чем скорее они разделятся, тем лучше»⁵². Но если такое разде-

ление произошло бы, Ганди и его отец оказались бы на другой стороне, и, как часто случалось в его общественной жизни, чувство привязанности взяло верх над логикой. Он самым решительным образом выступил против статуса доминиона. Согласие на него, которое предлагал Ганди, означало бы, что Конгресс заявляет о своей готовности позволить, чтобы британский империализм продолжал эксплуатировать Индию. При одной мысли о статусе доминиона Джавахарлалом овладевало ощущение безнадежности⁵³. Однако он пошел на то, чтобы придать понятию независимости несколько менее радикальный смысл и свести его к разрыву всех отношений не с англичанами, а с британским империализмом, и рекомендовал одобрить «Доклад Неру» наряду с резолюцией о независимости, принятой на съезде Конгресса в Мадраसे. Это означало как стремление найти общую почву, так и готовность согласиться и на то, и на другое.

Ганди тоже хотел избежать раскола. Он, разумеется, предпочитал статус доминиона, но не был в восхищении от «Доклада Неру». «Путь к конституционному *свараджу*, возможно, лежит через Лакхнау; путь к органичному *свараджу*, который синонимичен *рамараджье*, лежит через Бардоли»⁵⁴. Если он и поддержал доклад, то только из уважения к Мотилалу. Однако, пытаясь сохранить единство партии, Ганди не был готов целиком отказаться от своей позиции. Возможно, что выход ему подсказала заключительная фраза в выступлении Джавахарлала: «Пусть это собрание будет готово к любому компромиссу по любому вопросу, но оно ни при каких обстоятельствах не должно отказаться от своей подлинной и определенной цели — независимости». Тут содержался намек на готовность Джавахарлала временно отложить выдвижение требования о предоставлении независимости. Поэтому Ганди рекомендовал поступить следующим образом: если правительство в течение двух лет не предпримет никаких действий по «Докладу Неру», Конгресс вновь выдвинет цель полной независимости. Подобный гибкий подход не влек за собой никаких длительных компромиссов, затрагивавших принципы, и, поскольку никто серьезно не верил в то, что правительство примет «Доклад Неру», уступка была формальной. В качестве следующего шага, направленного на то, чтобы успокоить Джавахарлала, указанный срок в результате дискуссии был сокращен до одного года. Поэтому Джавахарлал и его друзья могли согласиться с резолюцией. Однако, чтобы выразить свое неодобрение даже компромиссу, на который пошли только на бумаге, Джавахарлал не явился на заключительное заседание, когда принималась эта резолюция. Ганди объяснил его отсутствие:

«Он считает, что эта резолюция сама по себе выражает далеко не то, что он хочет, но, будучи человеком благородной души, он не желает вносить ненужную горечь... да как он может чувствовать удовлетворение? Он не был бы Джавахарлалом, если бы не наметил для себя единственную в своем роде и совершенно своеобразную линию поведения, отвечающую пути, по которому он следует. Он не считается ни с кем — ни с отцом, ни с женой, ни со своим ребенком. Для него важны лишь его страна и его долг перед ней, и ничего больше»⁵⁵.

IV

Таким образом, Конгресс выразил поддержку «Докладу Неру» и требованию о статусе доминиона, действующую в течение года, после чего он снова должен был прибегнуть к несотрудничеству как средству достижения независимости. Поскольку надеяться на положительный отклик правительства на эту резолюцию не приходилось, 1929 год явно должен был стать годом подготовки к действиям. Исходя из этого, Джавахарлал и вел свою работу на посту генерального секретаря Конгресса, и Ганди поощрял его. «Я хотел бы, чтобы Джавахар смог объехать все провинции и позаботиться о том, чтобы организации Конгресса оживили свою деятельность»⁵⁶. Он попросил Джавахарлала провести реорганизацию провинциальных комитетов Конгресса, потребовать выполнения указаний Рабочего комитета и распорядиться о том, чтобы они полностью выполнили программу конструктивной деятельности⁵⁷. Всеиндийский комитет Конгресса также поручил Джавахарлалу вместе с Субхасом Босом подготовить план обучения добровольцев работе в деревне и среди городских рабочих. И Джавахарлал взялся за оживление деятельности Конгресса и обеспечение надлежащего руководства им.

«По-видимому, существует общее мнение, что все, что связано с Конгрессом, можно делать спустя рукава. Право же, ни одна деловая фирма не смогла бы выжить при отсутствии методичности в работе, с которой приходится мириться бедному Конгрессу. Я лично целиком и полностью за методичность и тщательность. Чем меньше я вижу их в помещениях Конгресса, тем больше расстраиваюсь»⁵⁸.

Самому ему не хватало денег, но он тратил на нужды Конгресса сколько мог из своих личных средств⁵⁹. Он добился от Рабочего комитета полномочий производить инспекцию провинциальных комитетов своими силами и силами выбранных им самим представителей и давать рекомендации об улучшении их работы. Джавахарлал также организовал поездки ревизоров в эти коми-

теты для ознакомления с их финансовой отчетностью. Инспекция была проведена почти во всех провинциальных комитетах, получивших предложения об улучшении их деятельности, и их финансы были приведены в порядок.

Хотя Джавахарлал старался публично выступать как можно меньше и питал большой интерес к конструктивной программе прядения и бойкота, он уделял много внимания и добровольческому корпусу Конгресса — *Хиндустани сева далу*, молодежным союзам и студенческим организациям. Он хотел воспитать преданных делу юношей и девушек, которые занимались бы организацией крестьян и рабочих, пробуждали бы сознание масс при подготовке к будущей борьбе. Главным вопросом, волновавшим народ, был вопрос о хлебе, и, когда голод подтолкнет бедняков на борьбу за свободу, можно будет достигнуть *свараджа*⁶⁰. Джавахарлал замыслил создать Индийскую национальную службу как общеиндийскую и провинциальную организацию и собирал средства для оплаты освобожденных работников в Соединенных провинциях. Кроме того, он стремился оживить деятельность Лиги независимости Индии, разработать для нее экономическую и социальную программу, хотя Лига никогда не была особенно жизнеспособной, и к концу года должна была отпасть необходимость в особой группе давления для отстаивания независимости в качестве главной цели, поскольку к этому времени весь Конгресс должен был признать эту цель.

Такая деятельность Джавахарлала встревожила правительство. Оно считало калькуттскую резолюцию, принятую главным образом для того, чтобы успокоить Джавахарлала и его единомышленников, явной победой экстремистов. Поскольку никто не ожидал, что английское правительство выполнит предъявленный ему ультиматум, резолюция представляла собой заявление о том, что через год будет начата кампания гражданского неповиновения. «Если исходить из решений калькуттского съезда Конгресса, то определение будущей политики, очевидно, почти полностью ляжет на более молодых деятелей, в частности на пандита Джавахарлала Неру и бабу Субхаса Чандра Боса, и можно ожидать, что их намерения и действия в значительной степени определят будущие события»⁶¹. В то время правительство придавало больше значения стараниям Джавахарлала и его коллег поднять массы, и особенно, как считало правительство, крестьян и студентов, уничтожить *радж*, чем коммунистической программе развертывания движения промышленного пролетариата, наступления на экономическую организацию общества, направленного главным образом непосредственно против предпринимателей и лишь косвенно против империализ-

ма. Правительство признавало, что между двумя движениями существуют точки соприкосновения и в определенных отношениях тесная связь. «У революционеров политического и коммунистического толка налицо тенденция объединить усилия, и пандит Джавахарлал Неру, националист экстремистского направления, которого в то же время по-настоящему влекут к себе некоторые коммунистические доктрины, находится в точке их соприкосновения»⁶². Однако тактики из департамента внутренних дел полагали выгодным подчеркивать различия между коммунистами и националистами:

«В коммунизме заложена серьезная опасность для тех классов, которые поддерживают экстремистское националистическое движение, и нашей целью должно быть не делать ничего, что приведет к созданию искусственного союза между двумя движениями, в которых, если их предоставить самим себе, будут проявляться тенденции к разногласиям. Это подсказывает вывод, что мы должны быть весьма осторожными в своих действиях против коммунизма, которые способны породить сочувствие к коммунистам у националистов или же дадут последним в руки то, что они ищут в настоящее время, т. е. общие лозунги для усиленной антиправительственной кампании»⁶³.

Сначала власти собирались возбудить судебное дело против Джавахарлала⁶⁴. Потом они решили перекинуться на другой фронт и заняться вначале коммунистами. Однако вместо того, чтобы попытаться уничтожить коммунистов, перейдя в наступление на коммунистические организации по всей Индии и испросить для этой цели специальные полномочия, правительство предпочло арестовать ведущих коммунистов в различных частях страны и привлечь их к суду за участие в заговоре с целью свержения английского правления. Власти надеялись, что суд вынесет приговор, который даст им возможность остановить дальнейшее распространение коммунизма и помешать движению оправиться от удара, которое нанесет ему арест его руководителей. Кроме того, это, возможно, дало бы и политические выгоды, так как убедило бы общественность в том, что коммунизм не представляет собой движения, которому должны сочувствовать националисты⁶⁵. А против последних никаких действий принимать не предполагалось.

Процесс над коммунистическими руководителями был устроен в Мируте, выбранном для этой цели для того, чтобы помешать участию присяжных, которые могли бы сорвать вынесение обвинительного приговора. Хотя Конгресс в принципе был против ведения защиты в английских судах, он тут же образовал комитет для защиты обвиняемых, в состав которого вошел Джавахарлал.

Этот комитет нанял адвокатов для ведения защиты. Впервые Конгресс, как чрезвычайную меру, санкционировал также выделение 1500 рупий для оплаты адвокатов, а Джавахарлал обратился за финансовой и другой помощью за границу. На протяжении многих месяцев все, включая Мотилала и самого Джавахарлала, считали, что Джавахарлала вскоре тоже арестуют⁶⁶. В пространном обвинительном заключении, представленном обвинением, специально упоминалась Антиимпериалистическая лига как одна из организаций, действовавших по указке коммунистов. Переписка Джавахарлала с Вирендранатхом Чаттопадхьей и другими в Европе постоянно перехватывалась⁶⁷, а разведывательное управление и департамент внутренних дел придавали большое значение подложному письму М. Н. Роя, в котором Джавахарлал назывался «агентом, поддерживавшим связь между Москвой и Индией»⁶⁸. Однако после тщательного изучения его личного дела обвинение пришло к заключению, что достаточных доказательств его вины нет⁶⁹. Обвинение приводило выдержки из ряда писем, полученных Джавахарлалом из-за границы, но не смогло найти письма, написанные им самим, и хотя его книга о Советской России была представлена в суде в качестве доказательства, стало ясно, что основывать обвинение на ней одной нереально. Судья, ведший дело, потребовал, чтобы Джавахарлал представил все письма, полученные им от определенных людей из-за границы. Вначале Джавахарлал, с одобрения Ганди, решил отказаться это сделать, исходя из того, что обвинению ни в чем помочь не следует. Однако, поразмыслив не без помощи отца, он ответил, что свои личные письма он либо уничтожил, либо выбросил, а его корреспонденция в качестве генерального секретаря Конгресса находится в делах последнего, но обнародовать ее он может только с разрешения Конгресса. Мотилал опасался, как бы не последовало нового предписания, в результате которого произвели бы обыск в помещении Конгресса и суд получил бы требуемые им документы, а Джавахарлала заключили бы в тюрьму на шесть месяцев. «Мне кажется, что Джавахар только поставит себя в смешное положение, оказав всю помощь, которая в его силах, правительству и попав за это в тюрьму»⁷⁰. Однако Джавахарлала попросили только удостоверить, что у него не сохранились личные письма. Джавахарлал так и сделал, а для того, чтобы избежать вызова в суд в качестве свидетеля обвинения, Мотилал посоветовал его защитникам не возражать против представления косвенных доказательств существования этих писем⁷¹. Позднее, когда обвинение выразило намерение вызвать Джавахарлала в качестве свидетеля в суд, судья признал, что тот, очевидно, был представителем Индии в Антиимпериалистической

лиге и его показания могли бы быть полезными, однако вызов его в качестве свидетеля лишь привел бы к ненужной затяжке, а он хотел, чтобы начались выступления сторон⁷². Поэтому Джавахарлал не фигурировал в суде ни как свидетель, ни как подсудимый.

Таким образом, отсутствие прямых доказательств и стремление изолировать коммунистов от общего националистического движения, а отнюдь не влияние, которым якобы пользовался Мотилал у властей, хотя он, конечно, испытывал чувство большого облегчения, послужили действительной причиной явного нежелания правительства втянуть Джавахарлала в свои сети. Ганди, проницательный как всегда, понял это с самого начала. Он писал встревоженному отцу: «Как похоже на Джавахара, что он бросил курить, готовясь к встрече с Хейли. Не думаю, чтобы Хейли удалось расправиться с ним так легко, как Вам представляется»⁷³. Хотя Джавахарлала привлекала коммунистическая идеология, он не участвовал в деятельности коммунистической партии. Правда, как явствует из списка арестованных, правительство не постояло бы перед привлечением к суду невиновного. Во время своего последнего посещения мирутской тюрьмы Джавахарлал заметил: «Как мало эти обвиняемые знают о Коммунистическом Интернационале. Я знаю гораздо больше них»⁷⁴. Однако правительство не смогло найти достаточных прямых улик против него, а сами коммунисты находили мало общего с тем, кого они считали «робким реформистом»⁷⁵. Как оценивали Джавахарлала в то время коммунисты, не вызывает никаких сомнений. Один автор в статье в журнале Коминтерна осудил Лигу независимости Индии как «верхушечную интеллигентскую организацию, частично уже проявляющую фашистские тенденции», и назвал Джавахарлала человеком, «который обещает все блага социализма без революционной борьбы»⁷⁶. Джавахарлал, писал один английский коммунист, «создал Лигу независимости Индии, и в то же время он — председатель Социалистического союза молодежи. Лига независимости Индии — просто фикция. Социалистический союз молодежи еще большая фикция. Он выдвигает самые прекрасные лозунги, выступая за коммунизм и диктатуру пролетариата, и не делает ничего, чтобы их осуществить. Эти организации — лишь средство получить поддержку пролетариата и задержать движение вперед... Ясно, что английское правительство понимает разницу между молодым Неру и рабоче-крестьянской партией и что последней не сделают послаблений, на которые может рассчитывать Джавахарлал Неру»⁷⁷.

Ганга Дхар Неру — дел Джавахарлала.

Джавахарлал в детстве с матерью и отцом.

В Харроу, 1907 год.

В форме члена школьного кадетского корпуса Харроу.

Среди членов лодочного клуба Тринити-колледжа в Кембридже (сидит на земле справа).

Свардж-бхаван — дом, где жила семья Неру до 1928 года.

Ананл-бхаван - дом, построенный Мотилалом Неру в Аллахабаде.

Аресты после бойни в Амритсаре, 1919 год.

Джавахарлал в возрасте 32 лет,
1921 год.

Принц Уэльский во время пребывания
в Индии, 1922 год, когда ему было
28 лет.

Английское правление в Индии: принц Уэльский получает подарки от махараджи Колханпура, 1921 год.

Принц Уэльский на Малакандском перевале, 1922 год.

Показательное прядение Ганди в Калькутте, 1921 год.

Волнения в Бомбее, 1929 год.

Джавахарлал, 1929 год.

Демонстрация в Мадрасе в поддержку бойкота комиссии Саймона, 1928 год.

Джавахарлал и Камала во главе
демонстрации против
соляного налога
в Аллахабаде, 1930 год.

Полиция разгоняет толпу на соляных выработках в Вадале, 1930 год.

Последователи Ганди в Еравадской
тюрьме около Пуны, 1930 год.

Выборы в Бомбее, 1930 год. Столкновение демонстрантов с полицией.

Джавахарлал с отцом после помещения в тюрьму Наини, 1930 год.

Джавахарлал в тюрьме, 1932 год.

Камала Неру.

С Ганди, 1938 год.

Джавахарлал вручает своей дочери Индире экземпляр «Автобиографии» с дарственной надписью.

Выступление во время предвыборной кампании, 1936 год.

Выступление на Трафальгарской
площади в поддержку кампании
помощи Испании, 1938 год.

Джавахарал, Кришна Менон и генерал Листер в штабе Листера в Испании,
1938 год.

С дочерью и внуком, 1946 год.

Вот при таких обстоятельствах Ганди и Мотилал стали уговаривать Джавахарлала стать председателем Конгресса. Мотилал давно уже хотел, чтобы его сын занял этот высокий пост, и обсуждал такую возможность с Ганди еще за два года до этого. В 1927 году Ганди отнесся к этой идее без энтузиазма и, проконсультировавшись с Джавахарлалом, который в то время находился в Европе, остановил свой выбор на Ансари, надеясь, что последний сумеет улучшить отношения между индусами и мусульманами.

«То, как дела складываются в Конгрессе, подтверждает мнение, что еще не время Джавахарлалу брать на себя это бремя. Он слишком благороден, чтобы выдержать анархию и хулиганство, которые, как кажется, усиливаются в Конгрессе, и было бы жестоко ожидать, что он вдруг сделает так, что из хаоса родится порядок. Однако я уверен, что скоро анархия сама себя изживет и хулиганам самим потребуется человек, который установит дисциплину. Тогда наступит очередь Джавахарлала»⁷⁸.

В следующем году Мотилал снова обратился со своим предложением к Ганди, и тот дал на него согласие, но тогда руководители организации Конгресса в Бенгалии, где должен был состояться съезд, настояли на том, чтобы избрать на пост председателя Мотилала. Хотя исходили они из соображений местного характера, возражения против кандидатуры Джавахарлала, как он сам считал, вызывались не его молодостью и не соперничеством, а боязнью его радикальных идей⁷⁹. В 1929 году десять комитетов Конгресса проголосовали за Ганди, пять — за Валлабхая Пателя и только три за Джавахарлала⁸⁰. По общему мнению, он был еще недостаточно опытен, чтобы стать председателем Конгресса. Сам Джавахарлал к этому не стремился:

«Мои личные склонности заключаются в том, чтобы не связывать себя какой-либо должностью. Я предпочитаю оставаться свободным и иметь время для того, чтобы действовать так, как я желаю... Я не представляю никого — только себя самого. Я не разделяю стремления политиков создавать группы и партии. Моя единственная попытка такого рода — образование Лиги независимости Индии в прошлом году, — по-моему, окончилась полной неудачей... Большинство тех, кто выдвигает мою кандидатуру на пост председателя, делают это потому, что не хотят допустить избрания кого-то другого. Я — меньшее зло. Подобная негативная поддержка вряд ли приемлема... Если я, к несчастью, стану председателем, Вы увидите, что те самые люди, которые меня им

сделали, или же многие из них, будут готовы бросить меня на растерзание волкам»⁸¹.

Однако Ганди «вырвал» у него согласие и затем объявил, что «носить корону» будет Джавахарлал. Деятели старшего поколения свой срок уже отслужили, и теперь один из них должен ввести в бой молодых. С откровенностью, весьма нелестной для его жертвы, Ганди добавил, что его отношения с молодым Джавахарлалом таковы, что Джавахарлал на посту председателя — всё равно, что он. Ганди, сам занимает этот пост⁸². Джавахарлал снова попросил Ганди не настаивать на его кандидатуре⁸³, в то время как Мотилал, хотя он очень хотел, чтобы его сын был избран, указал Ганди на то, что навязывать Джавахарлала стране против ее воли было бы несправедливо по отношению и к Джавахарлалу и к стране⁸⁴. Но Ганди уже принял решение, и 29 сентября 1929 года Всеиндийский комитет конгресса неохотно избрал Джавахарлала председателем следующего съезда Конгресса, который должен был состояться в Лахоре в декабре.

Таким образом, справиться с обстоятельствами и волей Ганди оказалось не под силу Джавахарлалу. «Самому мне было совершенно ясно, что избрание меня председателем ограничит мою деятельность во многих отношениях. Но судьба распорядилась иначе, и я, несмотря на мои научные убеждения и взгляды, чувствую, что, в конце концов, мы в какой-то степени — игрушки в руках судьбы»⁸⁵. С точки зрения конгрессистов старшего поколения, в конечном счете было совсем неплохо иметь на председательском месте податливого основателя движения за независимость. Его мнения соответствовали истинности их намерения начать кампанию гражданского неповиновения; в то же время они были уверены, что в случае необходимости он будет послушен Ганди. С другой стороны, соратники Джавахарлала по Антиимпериалистической лиге ожидали, что он использует свое положение для раскола Конгресса и предложит стране настоящую революционную программу⁸⁶. Только Джавахарлал знал, в какое трудное положение он попал, знал, что ему придется разрываться между преданностью Ганди и организации Конгресса, с одной стороны, и своими идеологическими симпатиями — с другой. Он написал одному старому другу: «Боюсь, что придется пойти на то, чтобы мне подсказывали, что мне делать, так как я не хочу полностью утратить доброе расположение духа и душевный покой»⁸⁷.

Трудности не заставили себя ждать. Джавахарлал готовился к кампании гражданского неповиновения. «Кровь уже кипит в жилах, и призыв к действию звучит все громче и громче»⁸⁸. Однако линия фронта борьбы внезапно потеряла четкость из-за заявления

вице-короля, сделанного по возвращении из Англии в конце октября. Вице-король сказал, что английское правительство готово встретиться с представителями Британской Индии и индийских княжеств, чтобы обеспечить как можно больше согласия по окончательным предложениям, которые надлежит представить парламенту, и что естественным результатом конституционного разнития Индии является статус доминиона. Само по себе это заявление ничего не значило, но Ганди был убежден в искренности лорда Ирвина⁸⁹ и вместе с либералами и другими счел, что Конгресс должен откликнуться на эту искренность. В Делийском манифесте англичанам предлагалось сотрудничество при условии, что правительство встанет на позиции примирения, объявит амнистию всем политическим заключенным, обеспечит должное представительство на конференции прогрессивных политических организаций при ведущей роли Конгресса. При этом полагали, что конференция созывается не для обсуждения того, когда будет предоставлен статус доминиона, а для того, чтобы определить рамки конституции доминиона, отвечающие нуждам Индии.

Однако, несмотря на эти условия, манифест означал отступление Конгресса. Вместо того чтобы готовиться к борьбе за независимость или же хотя бы настаивать на полном принятии «Доклада Неру», Конгресс под руководством Ганди был готов пойти на переговоры с англичанами, не получив от них никаких предварительных обещаний. Джавахарлал отчаянно боролся против этой позиции. Если нельзя было добиться отклонения предложений вице-короля, то он хотел хотя бы ужесточить условия, выдвигаемые Конгрессом. Но добиться своего он не сумел и, к удивлению своих друзей, подписал манифест. Субхас Чандра Бос, отказавшийся подписать манифест, усмотрел в этом торжество Ганди над принципами Джавахарлала. «Джавахарлал отказался от цели независимости по настоянию Махатмы»⁹⁰. В действительности же Джавахарлал не изменил своих взглядов, но его убедили поставить подпись под манифестом, взывая к его чувству дисциплины. Утверждали, что как член Рабочего комитета и генеральный секретарь он обязан следовать желаниям большинства его членов. Но, подписав манифест, он вышел из состава Рабочего комитета, ушел с поста генерального секретаря⁹¹ и серьезно подумывал об отказе от должности председателя. «Я сам — сторонник дисциплины. И все же думаю, что иногда ее значение преувеличивается. Позавчера вечером во мне что-то оборвалось, и я не могу восстановить целое»⁹².

Однако Ганди, Мотилал и Ансари уговорили Джавахарлала остаться на посту председателя, в основном мотивируя тем, что

англичане все равно не примут четырех условий, выдвинутых Конгрессом⁹³, и 19 ноября Рабочий комитет, подтвердив Делийский манифест, пересмотрел проект резолюции, предложенный Ганди, в которой теперь, явно к удовольствию Джавахарлала, исключалась сама возможность сомнений в том, что это подтверждение действует только до следующего съезда Конгресса⁹⁴. Джавахарлал вздохнул с облегчением. «Достаточно ясно, что английское правительство не согласится на выдвинутые четыре условия, и даже у умеренных конгрессистов не останется иного выхода, как потребовать независимости»⁹⁵. Некоторые уступки тем, кто выступал за компромисс, давали возможность лучше подготовиться к предстоящей борьбе. Хотя правительство не могло принять «Доклад Неру», оно, вероятно, сумело бы обеспечить какое-то сотрудничество со стороны Ганди, пойдя на такой жест, как освобождение заключенных⁹⁶. Ведь, как отметил Хейли⁹⁷, для Ганди статус доминиона был не конституционной целью, а умонастроением, политической игрой. Однако наличие воображения не принадлежало к числу достоинств правительства Ирвина, и к середине декабря Ганди думал, что в январе уже окажется в тюрьме⁹⁸. Когда он, Мотилал, Сапру, Джинна и Витхалбхай Патель 23 декабря встретились с вице-королем, разрыв был очевиден. Ганди объявил, что, если непосредственным результатом конференции не явится немедленное предоставление статуса доминиона, он в ней участия не примет. Свое будущее должна определять сама Индия, а не британский парламент. Он добавил, что в целом сомневается в искренности целей Англии, хотя признает искренность отдельных лиц. Вице-король ответил, что, очевидно, общего языка они не нашли⁹⁹. Внимание теперь переключилось на Лахор.

VI

Подтвердилась правота Джавахарлала. Уступив в первом случае, он все же добился своего. Надежда должностных лиц на то, что заявление вице-короля вызовет раскол в Конгрессе¹⁰⁰, не оправдалась. Но хотя у националистов — сторонников Джавахарлала в Индии теперь уже не было причин для недовольства, ему пришлось иметь дело со своими радикальными друзьями за границей. Поскольку частые упоминания Антиимпериалистической лиги в центральном законодательном собрании во время дебатов по законопроекту об общественной безопасности и мирутский процесс убедили его в том, что правительство решительно настроено против Лиги, он летом 1929 года приложил немало усилий для того, чтобы доказать индийской общественности, что Лига не яв-

ляется коммунистической организацией, хотя в нее и входит много коммунистов, что она представляет собой ассоциацию, цель которой — устанавливать сношения между всеми движениями в мире, поддерживающими борьбу против империализма. Если Конгресс постепенно переходил на более широкую и интернационалистскую позицию, то это явилось прямым следствием его связи с Лигой. Коммунисты, несомненно, самые решительные противники империализма, и поэтому все националисты приветствуют сотрудничество с ними. К ним не следует относиться как к неприкасаемым. Сотрудничество с ними, как и с империалистскими державами, кроме Англии, например с Соединенными Штатами, возможно в случае совпадения интересов, хотя осуществляться оно должно на собственных условиях. Однако Джавахарлал был убежден, что коммунисты ни в коей мере не занимают господствующего положения в Лиге. Кроме того, для Конгресса, который лишь поддерживал связь с Лигой, ее решения или программа вовсе не были обязательными.

Но к концу года уверенность Джавахарлала пошатнулась — он узнал, что коммунисты захватили центральное руководство Лиги и оттеснили некоммунистов типа Джеймса Мэкстона на второй план. Теперь он сам уже явно не хотел иметь ничего общего с Лигой, ибо она перестала быть организацией, которой он себе ее представлял — большим всепартийным союзом движений за национальное освобождение и социальное равенство. Поэтому тот факт, что люди, вставшие во главе Лиги, выразили неодобрение его согласию с Делийским манифестом, его мало тронул.

«Считать, что единство Конгресса важнее жизненных интересов масс, — серьезная политическая ошибка. После того как Вы стали несомненным руководителем молодежи страны и завоевали даже доверие рабочих масс, Вы в момент необъяснимой слабости и душевного смятения покинули своих сторонников в беде»¹⁰¹.

Возможно, Джавахарлал пытался объяснить свои недостатки и склонность к тому, что Субхас Чандра Бос называл «сентиментальной политикой», претензией на то, что он придерживается продуманной тактики и хочет, чтобы сам ход событий показал неизбежность столкновения с правительством. Однако, поступая таким образом, он, безусловно, не обращал внимания на упреки коммунистов. Скорее, он все больше укреплялся во мнении, что политическая борьба за освобождение стоит на первом месте и что в ней руководство Ганди играет важнейшую роль. Ему казалось, что будущие успехи зависят от признания именно этого, а не от сотрудничества с коммунистами. А его первый неудачный опыт совместной работы с коммунистами показал ему, что равноправ-

ное сотрудничество вряд ли можно считать само собой разумеющимся.

Таким образом, путь был расчищен, и Джавахарлал мог действовать по своему усмотрению, без помех со стороны своих умеренных коллег и не испытывая давления своих бывших друзей левого толка. В последнюю неделю ноября, до того как все это разрешилось, он председательствовал на ежегодном съезде Всеиндийского конгресса профсоюзов в Нагпуре. Его избрали в предыдущем году в его отсутствие. Джавахарлал согласился стать председателем потому, что, хотя и не имел опыта профсоюзной работы, понимал важность вовлечения рабочего класса в национально-освободительную борьбу. Однако за год пребывания на посту председателя он почти не имел возможности восполнить пробел и приобрести опыт профсоюзной работы. Помимо того, что правительство с помощью законодательства, произвольных арестов и судебных процессов развернуло широкое наступление на все рабочее движение, последнее страдало от сильных разногласий между коммунистами и представителями других групп. Джавахарлалу приходилось много работать, притом, как оказалось, безрезультатно, лишь для того, чтобы не дать профсоюзному объединению распасться. Умеренные во Всеиндийском конгрессе профсоюзов во главе с его генеральным секретарем Н. М. Джоши стремились изолировать рабочих от политических течений, существовавших в Индии и за рубежом, и добиваться улучшения условий труда в сотрудничестве с правительством. Джавахарлал, разумеется, инстинктивно выступал против этого, и поэтому создалось мнение, что он действует вместе с коммунистами. Джавахарлал опасался, что раскол неизбежен, но не хотел ускорять его¹⁰². Однако, когда летом 1929 года в Англии к власти пришла лейбористская партия, ее победа укрепила стремление умеренных профсоюзных деятелей сотрудничать с правительством и усилило разногласия в движении. Радикалы просили Джавахарлала занять пост председателя крупнейшего профсоюза железнодорожников в Бомбее, в котором доминировали коммунисты, и, хотя у него и так было много работы, он склонен был согласиться, если бы это помогло найти компромисс¹⁰³. Поскольку коммунисты критиковали Джавахарлала как одного из «опасных врагов рабочих»¹⁰⁴, можно было ожидать, что его кандидатура окажется приемлемой для консервативных профсоюзных деятелей, но предложение это не реализовалось.

Сама по себе критика эта, очевидно, не была оправданной. Главным занятием Джавахарлала была политика, и основные его интересы были связаны с Конгрессом, который вовсе не являлся рабочей организацией. Но когда дело касалось рабочих,

никаких сомнений относительно его симпатий не оставалось, и в борьбе за единство профсоюзного движения он выступил против умеренных. К огорчению этих людей, стремившихся к сотрудничеству с королевской комиссией по вопросам труда, назначенной правительством, Джавахарлал публично призвал к бойкоту этой комиссии¹⁰⁵. Это вызвало такое негодование, что он подумывал об уходе с поста председателя, но решил, что, поскольку год подходил к концу, этого делать не стоило¹⁰⁶.

Вот в такой обстановке разногласий, когда обе стороны вступали в яростные схватки даже по таким малозначимым вопросам, как даты собраний, профсоюзный конгресс собрался на свой ежегодный съезд. Со вступительной речью Джавахарлала не могла полностью согласиться ни одна из фракций, но это была речь, как всегда характерная для него. Он возложил ответственность за тяжелое положение индийских рабочих на систему, являющуюся естественным порождением капитализма и империализма, и призвал профсоюзное движение включиться в национально-освободительную борьбу против империализма даже наряду с усилиями вовлечь националистов в собственную борьбу против капитализма. По его мнению, главную проблему представлял собой захват власти, свержение как чужеземных правителей, так и эксплуататоров, а цель — социалистическое устройство общества, где главными будут интересы рабочих и источники богатства будут принадлежать не отдельным лицам, а всему обществу.

Все это очень понравилось коммунистам, присутствовавшим на съезде, но Джавахарлал закончил выступление, предложив, чтобы конгресс профсоюзов не вступал ни во II, ни в III Интернационалы. Ко II Интернационалу он относился отрицательно потому, что тот был занят главным образом борьбой не против капитализма, а против коммунизма. Однако и у III Интернационала имелись, по его мнению, свои недостатки. Лично он всячески одобрял общее направление политики Советского Союза, страны, которая, несмотря на серьезные ошибки и многочисленные прегрешения, больше, чем любая другая страна, несла миру в целом и трудящимся в частности светлую надежду на лучшее будущее.

«При всей моей симпатии к взглядам коммунистов, я, однако, должен признать, что не одобряю многие из их методов. История последних нескольких лет в Китае и других странах показала, что эти методы не обеспечивают успеха и часто вызывают к жизни реакцию. Вступление в III Интернационал означало бы принятие их методов целиком и полностью. Я не считаю, что это желательно для нас».

Этому высказыванию умеренные аплодировали. Но они усмот-

рели в этом несогласии с московским руководством признак того, что их председатель поддержит их и во всех остальных вопросах. Но вскоре их постигло разочарование. Фактически один позитивный шаг Джавахарлала изменил направление всего съезда. Он проголосовал за признание профсоюза текстильщиков Бомбея Гирни камгар юнион (Союз красного флага) — организации, имеющей 40 тысяч членов, а это, согласно уставу Всеиндийского конгресса профсоюзов, предоставляло ему и профсоюзу железнодорожников, руководимым коммунистами, большинство на пленарных заседаниях. В остальном Джавахарлал хранил молчание на заседаниях исполкома, на которых принимались резолюции, отвергавшие «Доклад Неру», осуждавшие Делийский манифест, выдвигавшие требование независимости, а не статуса доминиона, создания республики рабочих и вступления в Антиимпериалистическую лигу. Тот факт, что он и Конгресс все еще обязаны были вести переговоры о статусе доминиона, очевидно, его не беспокоил, а свои личные сомнения относительно Лиги он держал при себе. Дело не в том, что Джавахарлал считал себя, по существу, номинальным председателем, а в том, что, какую бы позицию он ни занимал публично, в душе он одобрял все эти решения. Он не предпринял также решительных мер, чтобы помешать выходу умеренных из конгресса профсоюзов и образованию отдельной Всеиндийской федерации профсоюзов.

Если в Нагпуре Джавахарлалу пришлось смотреть сквозь пальцы на осуждение политики, которую в своем официальном качестве он обязан был поддерживать, в Лахоре в конце года у него была полная свобода действий. Театрально восседая на белом жеребце в процессии Конгресса, он имел полное право называться, как предсказывал Ганди, юным Галлахадом мятежа. К этому времени Конгресс уже взял на вооружение требование о предоставлении независимости и гражданское неповиновение. Как говорили¹⁰⁷, вице-король на каком-то этапе хотел запретить это шествие, но потом решил не вмешиваться. Такая акция с его стороны, даже если бы она предпринималась якобы в интересах поддержания законности и порядка в городе, была бы безрассудной. Как отмечал один объективный наблюдатель, шествие являло собой демонстрацию не вражды к англичанам, а любви к Индии, веры в своих руководителей и нового духа жертвенности, овладевшего его участниками, готовыми пойти на страдания и потери¹⁰⁸. Такой же вывод сделал и один англичанин, безусловный сторонник империализма: «Нынешнее движение — чисто общеиндийское. Не надо делать вид, будто оно — дело рук индийской «интеллигенции»... Время и образование могут лишь усилить стремление к то-

му, чтобы Индия принадлежала индийцам; любовь к Индии как идее — одна из самых благородных и самых непредсказуемых сил страны»¹⁰⁹. Вступительная речь Джавахарлала отвечала этой атмосфере непослушания и мятежа. Он начал ее писать в десятых числах декабря¹¹⁰, но и тогда уже понимал, что переговоры с вице-королем обречены на провал.

Джавахарлал рассматривал проблему Индии в свете международной обстановки. Весь мир находился в состоянии брожения, все страны и народы переживали период перемен. Казалось, для мира наступило время родовых мук, в результате которых должен был родиться новый порядок. Каким он будет? В этом процессе, считал Джавахарлал, Азии и даже Индии принадлежала важнейшая роль, потому что недолгое господство европейцев уже близилось к концу, и будущее принадлежало Америке и Азии. Но если Индия несла миру надежду, она должна была также многому научиться и много получить от других народов.

Затем, обращаясь к проблемам Индии, Джавахарлал подчеркивал, что, хотя ее социальная структура оказалась удивительно прочной, она страдает от одного серьезного недостатка: не предлагает решения проблемы равенства и намеренно опирается на неравенство. Однако для того, чтобы политическая и социальная структура сохраняла прочность и чтобы исчезла рознь между различными общинами, необходимо найти решение этой проблемы, исходя из индийского духа, индийской мысли и культуры. И Джавахарлал взывал к вере и великодушию, которые уничтожат страх и подозрительность в отношениях между этими общинами. «...По праву рождения я осмеливаюсь предложить руководителям индусов показать пример в проявлении великодушия». Это будет хорошо с точки зрения не только морали, но и политики и здравого смысла. Скоро наступит время, когда такие ярлыки, как «индусы», «мусульмане», «сикхи», потеряют всякий смысл и когда борьба будет носить экономический характер. А до этого неважно, какая взаимная договоренность будет достигнута, если только она не явится препятствием на пути будущего прогресса.

Английская оккупационная армия, продолжал Джавахарлал, держит Индию железной хваткой, и кнут господина всегда готов опуститься на плечи лучших из индийцев, осмелившихся поднять голову. Ответ на калькуттскую резолюцию был ясен. Но только при очень большом воображении можно истолковать заявление вице-короля как какой-то отклик на эту резолюцию. Однако он, Джавахарлал, и подобные ему подписали Делийский манифест потому, что нужно было использовать все возможности для заключения почетного мира, прежде чем начинать общенациональную

борьбу. Однако теперь у них лишь одна цель — независимость, полное освобождение от английского господства, независимость, которая одна лишь может привести к мировому сотрудничеству, к международному содружеству равных. Британская империя не является таким содружеством, она не может стать подлинным сообществом, пока в ее основе лежат империализм и эксплуатация других народов как главное средство для поддержания своего собственного существования. В любом таком сообществе положение Индии было бы подчиненным. Мир при империализме и капитализме невозможен, а поскольку Британская империя выступает за империализм и капитализм и опирается на эксплуатацию широких масс, Индия не желает находить в ней для себя место. Многие проблемы Индии — результат существования привилегированных групп, в большинстве своем созданных и поддерживаемых английским правительством. И пока существует Британская империя, в какой бы то ни было форме, в Индии эти привилегированные группы будут укрепляться и новые группы будут создаваться.

С точки зрения Джавахарлала, споры по вопросу о независимости и статусе доминиона фактически были спорами по вопросу о захвате власти, и он не считал, что статус доминиона в той или иной форме в применении к Индии даст ей подлинную власть. Ее показателем явился бы полный вывод чужеземной оккупационной армии и контроль над экономикой страны. Индия требует полной свободы. Она отдает себе ясный отчет в своей слабости, но не надо преуменьшать и силу решимости ее народа. Пути назад нет. Нельзя долго препятствовать осуществлению чаяний великого народа, если он преисполнен твердой решимости добиться освобождения.

«Должен откровенно признать,— продолжал Джавахарлал,— что я — социалист и республиканец, что я не верю в королей и князей, в порядок, при котором появляются современные короли промышленности, обладающие еще большей властью над жизнью и судьбой людей, чем короли прошлого, применяющие методы столь же хищнические, как и методы феодальной аристократии». Джавахарлал признавал, что Конгресс, при его тогдашнем составе, быть может, окажется не в состоянии принять полностью социалистическую программу, но указал, что философия социализма постепенно пронизывает всю структуру общества повсюду в мире и споры вызывает фактически лишь один вопрос — темпы и способы продвижения вперед. Индии тоже придется пойти по этому пути, говорил Джавахарлал, если она хочет избавиться от бедности и неравенства, хотя она может изобрести свои собственные методы и приспособить идеал к своему духу.

По двум конкретным проблемам Индии — меньшинств и княжеств — Джавахарлал не сказал ничего особенно нового. Он хотел бы, чтобы меньшинства получили заверения в том, что их культура и традиции сохранятся. Князья являются порождением порочной системы, от которой в конечном счете придется отказаться. Только население княжеств может определять их будущее, и, хотя Конгресс полон готовности вести переговоры с теми правителями, которые согласны пойти на них, и найти способы облегчить переход власти, население княжеств нельзя ни в коем случае игнорировать. Что же касается крестьян и рабочих, то тут Джавахарлал обратился к Конгрессу с призывом добиваться ликвидации господства одного класса над другим и разработать программу преобразований, к которым следует приступить немедленно. Патернализм и опека — теории, в равной мере бесплодные. Все работающие в поле или на заводе имеют право по меньшей мере хотя бы на минимальную заработную плату и отвечающий человеческим возможностям рабочий день. В конечном же итоге Конгресс должен добиваться контроля рабочих над промышленностью на кооперативных началах и установления системы крестьянского землевладения.

Однако первоочередной задачей, отмечал Джавахарлал, остается завоевание власти и создание условий для торжества воли нации. У Конгресса нет материальных предпосылок и подготовки, необходимых для организованных насильственных действий, а индивидуальные и спорадические акты насилия есть выражение отчаяния.

«Я полагаю, что большинство из нас судит об этом не на основе морали, а исходя из практических соображений, и если мы отвергаем насилие, то делаем это потому, что оно не обещает существенных результатов. Однако, если наш Конгресс или страна в целом когда-нибудь в будущем придут к выводу, что с помощью насилия мы освободимся от рабства, тогда мы — у меня нет сомнений на этот счет — применим насильственные методы. Насилие дурно, но еще хуже рабство».

Сам Ганди говорил, что лучше сражаться, чем отказываться от сражения из трусости. Но, помимо случаев организованного восстания, все массовые движения должны обязательно носить мирный характер. Основная идея несотрудничества должна быть сохранена, а Джавахарлал не считал правильным в самом начале объявлять бойкот школам и судам. Программа должна предусматривать политический и экономический бойкот, сведение до минимума всякого общения с английским правительством. Это высвободит энергию народа и привлечет должное внимание к настоящей борьбе, которой следует придать форму неуплаты налогов и, когда возможно, всеобщих забастовок. В этих условиях возникает «открытый заговор»,

к которому должны примкнуть все, чтобы освободить страну от чужеземного господства.

Вступительная речь Джавахарлала свидетельствует как о его силе, так и об отрицательных чертах, характерных для него в то время. Его нетерпеливое и горячее стремление к свободе было очевидным. Он не признавал политических компромиссов. Он хотел изгнать англичан из Индии и затем выйти из Британской империи. В кампании гражданского неповиновения, которая должна была начаться, Джавахарлал признал руководство Ганди, но дал при этом ясно понять, что принимает ненасилие как метод, а не как моральную самоцель, и не исключал возможности насильственных действий в будущем. В нем еще оставалось очень много от романтика, он все еще был, несмотря на приобретенную зрелость и опыт, все тем же эмоциональным националистом начала двадцатых годов. Идеологическое влияние, которому он подвергся во время пребывания в Европе в 1926—1927 гг., легко прослеживалось, но оно не стало определяющим. Он мужественно объявил себя социалистом и республиканцем, но как бы извинялся за это. Социализм, который он видел в будущем, носил туманный и робкий характер, и Джавахарлал говорил о том, что Индия создаст свои собственные методы и приспособит социализм к своим традициям. В социализме Джавахарлала было мало от марксизма и научного социализма, о которых он так много слышал в Европе. Он склонялся, скорее, к утопическому, гандистскому социализму, хотя и продолжал критиковать концепцию опеки. Хотя он понимал, что главная проблема Индии — экономическая, что религиозно-общинная рознь создается искусственно, он все же предлагал найти временное решение, которое было бы типично индийским по своему характеру. Такие путаные взгляды явились, возможно, результатом нежелания сделать четкий выбор, инстинктивного стремления сохранять индийские особенности, даже когда разум не принимал их, и ощущения, что все эти вопросы не являются срочными. Все они должны были отступить на задний план перед главной задачей завоевания власти, а основным орудием борьбы за власть был Конгресс. Чуть ли не одновременно с изложением своих личных взглядов Джавахарлал добавил, что он не рассчитывает на то, что Конгресс как организация средних классов пойдет на принятие революционной программы. Поскольку его верность Конгрессу была несомненной, он, не отказываясь от своих принципов, готов был на них не настаивать. Экстремизм его целей не сопровождался целеустремленностью и настойчивостью в поисках средств их осуществления. Поэтому, хотя авторы передовых статей английских и индийских газет вздымали руки к небу в ужасе от воцарения в степенном Конгрессе человека, казавшегося

революционером, у Ганди это беспокойства не вызывало. Он не забывал о том, что автор этой радикальной речи подписал также Делийский манифест и что для Джавахарлала дисциплина важнее революции, что политическое освобождение занимает более важное место, чем экономические и социальные изменения. Человек, которого Ганди назвал убежденным социалистом, который хотел для своей страны лишь того, чего можно было реально добиться, государственный деятель практического склада, приспособивший свои идеалы к обстановке, не мог вызывать опасений¹¹¹. С другой стороны, было выгодно иметь на посту председателя известного и честного деятеля, который удержит в рядах Конгресса своих многочисленных последователей из числа студентов и интеллигенции. В следующие десять лет никто не сделал так много для понимания Конгрессом важности экономических вопросов, как Джавахарлал, но он послужил также и наилучшим щитом, ограждавшим Конгресс от левых групп и организаций.

НАПРЯЖЕНИЕ И СПАД

После лахорского съезда Конгресса Джавахарлал мог забыть о беспокоившей его проблеме разрыва между идеями и практикой и с удовольствием заняться практической деятельностью. Во время волнующей церемонии на берегу реки Рави он поднял флаг независимости и в предновогоднюю ночь танцевал вокруг его флагштока¹. Теперь Конгресс призывал своих членов сосредоточить все усилия на достижении независимости. Всеиндийский комитет Конгресса получил разрешение начать, когда он сочтет это нужным, кампанию гражданского неповиновения, предусматривающую неуплату налогов в отдельных районах или по всей стране на условиях, которые он посчитает необходимыми. На деле это означало, что определение тактики борьбы возлагалось на Ганди.

Пока Ганди раздумывал над тем, как лучше начать кампанию, Джавахарлал, будучи председателем Конгресса, занимался мобилизацией сил, хотя каждую минуту ждал ареста. И действительно, правительство Пенджаба предложило отдать Джавахарлала под суд за его выступление в Лахоре, однако правительство Индии предпочло выжидать и наблюдать за событиями, оставляя инициативу Конгрессу². Благодаря этому Джавахарлал смог организовать по всей Индии празднование 26 января как Дня независимости, в который предлагалось дать клятву бороться за независимость. Текст клятвы был написан Ганди и им. Джавахарлал распорядился, чтобы это происходило утром, в момент поднятия национального флага, а днем устраивались бы шествия и митинги³, однако Ганди запретил шествия и речи. Он не хотел ускорять события до того, как можно будет начать движение гражданского неповиновения⁴. Со своей стороны правительство, тоже стремившееся избежать столкновения, не наложило запрет на собрания. Конгресс счел отклик на свой призыв в День независимости чрезвычайно впечатляющим, а правительство предпочло придерживаться мнения, что за пределами Пенджаба, Соединенных провинций, Бомбея и Дели особого энтузиазма не наблюдалось⁵.

Таким образом, правительство отказывалось брать инициативу в свои руки, Ганди продолжал бездействовать, и обе стороны выра-

жали удовлетворение результатами такого положения. В таких условиях Джавахарлал мог продолжать работу по укреплению Конгресса в ожидании великой борьбы. Его явно возмутил инцидент, который произошел 26 января в Бомбее, когда несколько рабочих попытались заменить национальный флаг красным знаменем, что произошло вслед за настойчивыми попытками Антиимпериалистической лиги скомпрометировать Конгресс и его руководство. «Оскорбительное поведение кажется намеренной политикой коммунистов. В Индии фактически настоящих коммунистов очень мало. Многие из тех, кто выдает себя за коммунистов, на самом деле английские агенты»⁶. Джавахарлал сообщил Лиге и ее сторонникам в Индии, что не позволит коммунистам ослабить ряды Конгресса. Конгресс готов сотрудничать с коммунистами или поддерживать сношения с какой-либо антиимпериалистической организацией, но он ни в коем случае не намерен подчиняться приказам Лиги или быть связанным с нею, если она будет действовать как чисто коммунистическая организация. Конгресс никогда ранее не придерживался столь передовых взглядов, политических и социальных, как теперь, и нападать на его руководителей, не имея ни малейшего представления об обстановке в Индии, в то время, когда там начинается серьезная революционная борьба, означает фактически помогать английскому правительству. Джавахарлал также направил Лиге заявление о выходе из ее исполкома, если в положение некоммунистов в Лиге не будет внесена ясность⁷.

Сделав все, что он мог, чтобы дать отпор коммунистическим критикам, Джавахарлал попытался обеспечить Конгрессу поддержку меньшинств, особенно мусульман. Ведущие члены Конгресса — мусульмане, и в их числе Ансари, Тассадук Шервани и Кхаликуззаман (за исключением Азада), выразили недовольство кампанией несотрудничества⁸, выдвинув на первое место задачу создания атмосферы согласия между религиозными общинами. На заседании Рабочего комитета 15 февраля Сайед Махмуд утверждал, что мусульмане в целом безразлично относятся к борьбе, и выразил опасение, что гражданское неповиновение при подстрекательстве властей быстро переродится в индуско-мусульманские столкновения. Как сообщалось, Ганди на это заявление ответил, что учитывает такую опасность, но считает, что ничего с этим не поделаешь. Нужно, сказал он, идти вперед, другого выхода нет⁹. Пока им не удалось добиться индуско-мусульманского единства, так как они шли по неверному пути. Единство нужно создавать на экономической основе и в ходе борьбы за освобождение. Такой путь изолировал бы и третью сторону — англичан¹⁰. Однако Джавахарлал лучше, чем Ганди или Мотилал, понимал опасения меньшинств и рекомендо-

вал дать заверения, что Конгресс ни при каких обстоятельствах не потерпит какого-либо принуждения или подавления религиозных общин и гарантирует им благоприятствование в экономических делах. Политическое представительство, считал он, тоже должно строиться на экономической основе, ибо это гораздо больше отвечает современным условиям и автоматически покончит с общинными избирательными куриями. Срок действия «Доклада Неру» уже истек, но его бесспорные разделы все еще были обязательны для Конгресса, и Джавахарлал надеялся, что роль Конгресса в борьбе за освобождение убедит всех в его добросовестности¹¹.

Тем временем Рабочий комитет уполномочил Ганди начать кампанию гражданского неповиновения тогда, когда он сочтет нужным, и выступил за проведение бойкота школ и судов после того, как движение станет массовым. В это время Ганди уже было ясно, что делать, и он решил устроить поход к морю и нарушить соляные законы. Джавахарлал не был доволен одиннадцатью пунктами, выдвинутыми Ганди ранее. Сухой закон, сокращение земельного налога, военных расходов и высоких окладов, отмена налога на соль, снижение обменного курса рупии, разрешение на ношение оружия, введение пошлин на ткани иностранного производства, резервирование за индийским флотом прибрежного судоходства, политическая амнистия и ликвидация тайной полиции представлялись ему недостаточными для полной независимости. Сам он думал о введении общественной собственности на основные отрасли промышленности, крестьянского землевладения, об отмене сельской задолженности, введении минимума заработной платы, прогрессивно возрастающем налоге, высоком налоге на наследство и отмене косвенных налогов¹². Но нарушение законов само по себе являлось эффективным средством борьбы, и он теперь поддержал Ганди без каких-либо угрызений совести. «Хотел бы я присоединиться к Вашей отважной группе или хотя бы увидеть, как она смело отправится в путь утром 12-го»¹³. Поход Ганди к морю в Данди с небольшой группой крепких и дисциплинированных мужчин и женщин занимает видное место в истории индийского и даже мирового освободительного движения как одно из его важных событий и как легенда. Он захватил воображение людей и в Индии, и в других странах, а нежелание правительства Ирвина арестовать Ганди, поскольку оно считало, что поход не встретит отклика у народа, говорит о том, как плохо оно знало обстановку. Тысячи людей выстраивались вдоль дорог, по которым шли участники похода, на всех остановках устраивались массовые митинги, многие должностные лица в деревнях и округах уходили в отставку, а остальная Индия с нетерпением ждала новых подробностей о продвижении Ганди. Джавахарлал с несколькими

друзьями отправился в Гуджарат и вместе с Ганди прошел один отрезок пути, что оставило у него глубокое и неизгладимое впечатление. Через двадцать лет он написал¹⁴:

«Перед моим умственным взором много раз предстает образ этого человека, чьи глаза часто смеялись, не переставая при этом излучать глубочайшую печаль. Но больше всего он запомнился мне, когда с посохом в руке шел в Данди во время соляного похода в 1930 году. Это был паломник в поисках истины, спокойный, миролюбивый, решительный и бесстрашный, готовый продолжить свое паломничество, невзирая ни на какие последствия».

После этого похода вряд ли можно было ожидать, что Джавахарлал, несмотря на идеологические разногласия и различие в темпераменте, когда-либо полностью порвет со своим руководителем.

Поскольку правительство не арестовало Ганди, Джавахарлалу и другим конгрессистам оставалось лишь нетерпеливо ждать, когда он достигнет моря и станет варить соль, а потом уж самим начать массовую кампанию гражданского неповиновения, прибегая к нарушению соляных законов. Джавахарлал обратился с особым призывом к молодежи, побуждая ее включиться в борьбу¹⁵, и уговорил комитет Конгресса в своей провинции организовать, где только возможно, кампанию неуплаты земельных налогов или арендной платы¹⁶. Он совершил множество поездок в деревни, где настроение крестьян вселяло в него новую уверенность.

«Нет никаких сомнений в том, что Индия проснулась и что мы дадим настоящий бой английскому правительству. Правительство, разумеется, попытается сделать все, чтобы разбить нас. Но весьма вероятно, что, стараясь расколоть орех, щелкунчик расколется сам. Мною владеет мысль, что дни Британской империи сочтены и что на нашу долю выпадет честь и счастье помочь ее концу»¹⁷.

6 апреля, в годовщину бойни на Джаллианвала-Баг, Ганди варил соль, а Джавахарлал призывал страну развернуть массовую кампанию гражданского неповиновения. Сам он занялся организацией кампании в Аллахабадском округе. Поскольку там не было возможности варить соль, то для того, чтобы подвергнуться аресту, изобретались другие способы нарушения законов. 9 апреля Джавахарлал продавал пакеты контрабандной соли в городе, а на следующий день он и его жена возглавили большую процессию и выбирали соль из земли особого состава, специально привезенной для этой цели. «Я никогда не видел Аллахабад в таком возбуждении», — писал он¹⁸. Однако правительство Соединенных провинций, получившее разрешение от правительства Индии в случае необходимости арестовать Джавахарлала¹⁹, не пожелало сделать это, потому что, как оно заявило в коммюнике, которое Джавахарлал назвал «на удивле-

ние идиотским»²⁰, соль там не варили, а привозили в бутылках. После этого Джавахарлал организовал сбор соли в различных частях города, а также в повозках, где ее изготавливали и продавали под аккомпанемент подобающих песнопений. Властей больше беспокоила его деятельность в округе Раэ-Барели и создание союзов арендаторов для невнесения арендной платы²¹. 14 апреля на пути в Райпур, где он должен был присутствовать на конференции местной организации Конгресса, Джавахарлала арестовали за оказание помощи в добыче соли 11 апреля в Чеоки, в нескольких милях от Аллахабада, судили в тюрьме Наини и приговорили к шести месяцам обыкновенного заключения.

«Великий день», — записал Джавахарлал в своем дневнике, когда за ним закрылись тюремные ворота. Его поместили в одиночную камеру в бараке, предназначенном для опасных преступников, окруженном стеной высотой почти в пятнадцать футов. Эта стена создавала у Джавахарлала ощущение более полной изоляции, чем четырехугольная ограда, потому что, помимо создания чувства оторванности от внешнего мира, она днем закрывала большой кусок неба, а ночью звезды, смотреть на которые составляло для Джавахарлала главное удовольствие в тюрьме. «Какая бесполезная трата кирпича и цемента, — записал он в своем дневнике²², — лишь для того, чтобы лишить людей свободы! Только из материалов, которые пошли на сооружение одной лишь моей стены, можно было бы построить удобный просторный дом».

Джавахарлала включили в категорию «А», что разрешало раз в две недели иметь свидания, отправить письмо и получить одно. В качестве особой привилегии ему было разрешено спать во дворе, но его койка была прикована цепью к стене, чтобы помешать ему воспользоваться ею для того, чтобы перелезть через стену. Он мог также получать два еженедельника, один на английском языке, второй на хинди, но еженедельные газеты ему были запрещены. Одному из заключенных поручили готовить для него пищу, и, кроме того, ему разрешалось получать еду и фрукты из дому. Несколько слуг прикрепили к нему, чтобы крутить *пункху*. Однако Джавахарлал был недоволен этими послаблениями, особенно когда узнал, что другие заключенные, брошенные в тюрьму за участие в соляной *сатьяграхе*, подвергаются жестокому обращению. Поэтому он отказался от услуг тех, кто крутил *пункху*, и написал начальнику тюрьмы, против желания отца, что не хочет никаких особых поблажек²³. Когда ему ответили, что он в любое время может отказаться от них, он вернул сладости, присланные из дома, и попросил, чтобы больше ему не приносили фрукты.

«Даже еженедельной порции новостей, которая тонкой струйкой

проникает через массивные стены и железные ворота, на страницах «Бхарат» на хинди, достаточно, чтобы дать нам какое-то представление о том, что происходит снаружи. Частые расстрелы, нападения, военное положение, порка юношей, заключение в тюрьму женщин и т. д. и т. п. говорят о таком положении дел, которое весьма далеко от нормального, и в моем состоянии мне трудно получать удовольствие от изысканной пищи. Один вид этих угощений оказывает на меня отнюдь не приятное действие. Если тюрьма Наини лишает возможности что-то делать, когда по всей стране совершаются варварские акты, я по крайней мере не могу устраивать здесь пиршества»²⁴.

Джавахарлал решил, что будет есть немного, два раза в день, и потому часто оставался голодным.

Однако хуже голода была скука. Жизнь в тюрьме текла без всяких происшествий, как рост обыкновенной репы на грядке.

«Задача тюрьмы, очевидно, заключается в том, чтобы, во-первых, лишить человека тех человеческих черт, которые ему свойственны, а затем подавить в нем даже животное начало и в конце концов превратить в растение. Да и удивительно ли, что заключенный превращается в растение, если он привязан к земле, отрезан от внешнего мира и того, что там происходит, лишен надежды, что у него стараются развить единственную «добродетель» — послушание, и внушить, что сила духа — величайший грех»²⁵.

Чтобы избежать томительной скуки, Джавахарлал построил свою жизнь по строгому расписанию. Вставал он с рассветом, пробегал с милю вдоль главной тюремной стены, потом покрывал то же расстояние быстрым шагом, а остальную часть дня проводил главным образом за прялкой, ткацким станком и чтением. Поскольку вначале иметь прялку ему не разрешили, он, стремясь заняться каким-нибудь ручным трудом, принялся ткать покрывало *невар* и продолжал это занятие и позже. Но так как он был дисциплинированным конгрессистом, больше всего его привлекало ручное прядение²⁶.

Джавахарлалу разрешалось одновременно иметь только шесть книг, и было неясно, входят ли в это число справочники и словари и считается ли многотомный труд за одну или несколько книг. Поэтому он отказался от мысли продолжать писать Индире письма об истории человечества. В 1928 году, когда она находилась в Массури, а он путешествовал по равнине, он в своих письмах знакомил ее с происхождением Земли, рассказывал о появлении жизни на Земле и предыстории человечества. Он дошел в них до возникновения классов, появления организованной церкви,

нашествия ариев, после чего занятость общественными делами вынудила его прекратить их сочинение²⁷. Теперь же, в тюрьме, хотя времени у него было много, ему нужно было больше книг, а может быть, и вдохновения: «Мой ум слишком занимал процесс истории, ежедневно творимой в Индии, и я не мог думать о прошлом»²⁸. Но он много читал и делал обширные записи, а прочитанные им книги говорят о широте его интересов. Он жадно глотал работы Шпенглера, Бухарина, книгу Рассела «Азбука отнесенности», наряду с «Ариелем» и «Дизраэли» Моруа, «Жаном-Кристофом» Ромена Роллана (по-французски), речами Ллойд Джорджа, Шекспиром и антологией французской поэзии в перерывах в серьезном чтении. Интерес к Индии и Азии не угасал. «Я редко перечитываю сделанные записи, но суть книги остается у меня в памяти. Я должен поразмыслить над тем, о чем в ней говорится, записать это, и такая запись становится для меня справочной библиотекой»²⁹.

Изоляция Джавахарлала никогда не бывала полной. Ее с самого начала нарушало присутствие многочисленных тюремщиков и уборщиков из числа заключенных, которые якобы должны были прислуживать ему, но и смотреть за ним и которым не разрешалось общаться с другими заключенными, чтобы помешать передаче ими записок. Кроме того, большое число тюремщиков и слуг ежедневно приходило, чтобы поглядеть на Джавахарлала и поговорить о *сварадже*. Заключенные передавали ему тайком цветы, а один служащий тюрьмы почти каждый день приносил ему несколько небольших плодов манго. «Он приносил немного,— писал Джавахарлал, глубоко тронутый этой заботой,— но дар его достоин того, чтобы быть принесенным богам. Ведь это очень бедный человек»³⁰. Его часто посещали также тюремное начальство и представители городских властей. Через месяц после ареста Джавахарлала в тот же барак поместили еще одного члена Конгресса, арестованного за гражданское неповиновение. Но лишь появление 30 июня арестованных Мотилала и Сайеда Махмуда нарушило монотонное течение жизни Джавахарлала. Теперь главным его занятием стала забота об отце, что продолжалось до тех пор, пока они, все еще находясь в тюрьме, не оказались втянутыми в переговоры по политическим вопросам.

Несмотря на запрет говорить о политике во время свиданий и отказ в разрешении получать газеты, Джавахарлал всегда был в курсе событий и быстро узнавал о том, что происходило за стенами тюрьмы от тюремщиков и вновь поступавших заключенных. «События в Пешаваре» — записано в его дневнике 23 апреля, из чего следовало, что, находясь в одиночном заключении,

он с восторгом узнал, что власти фактически потеряли контроль над этим городом. Особенно обрадовало Джавахарлала то, что жители Северо-западной пограничной провинции в основном были мусульманами и своим мятежом опровергли опасения относительно того, что мусульмане не примут участия в движении. Известие о расширении и усилении движения гражданского неповиновения так взволновало Джавахарлала, что он стал сожалеть о своем бездействии и потерял сон. 5 мая он узнал, что несколько часов назад в далеком Бомбее арестован Ганди, и очень этому известию обрадовался. «Все идет хорошо. Ведется настоящая война до победного конца. Хорошо!»³¹

Ничего не могло бы быть хуже, думал он, чем преждевременный компромисс. Эта позиция заранее обрекла на неудачу усилия профессиональных посредников — Сапру и Джаякара, старавшихся добиться договоренности между правительством и Конгрессом. Джавахарлал презирал всех либералов и открыто писал об этом в своем дневнике³².

«Некоторые умеренные пробуждаются, а другие ведут себя как старухи — рыдают и вопят, считая, что их во всем притесняют! «Лидер», по-видимому, принадлежит к числу рыдающих вдов. Если у них не хватает мужества, чтобы что-либо делать, то почему бы им не замолчать? Их похвалы Ирвину и Бенну с компанией вызывают тошноту! Трудно представить себе больших глупцов в политической игре, чем умеренные в Индии. Ничто не может служить лучшим основанием для осуждения английского правления Индией, чем этот поразительный его продукт!»

Поэтому Джавахарлал был поражен, когда два видных либерала ухватились за несколько нечетко сформулированных заявлений Ганди и Мотилала одному английскому журналисту в качестве основы для достижения договоренности в то время, когда и кампания гражданского неповиновения, и усилия правительства, направленные на ее подавление, достигли своей наивысшей точки. Вооружившись несколькими банальными высказываниями вице-короля, они отправились к Ганди в тюрьму в Иеравде и сочли, что он готов сотрудничать. Однако, хотя Ганди, казалось, был готов пойти на достижение договоренности по конституционным вопросам, на самом деле он серьезно над ними еще не задумывался и утверждал, что решающий голос принадлежит Джавахарлалу³³. Поэтому эти миротворцы проследовали в тюрьму Наини для встречи с Джавахарлалом и Мотилалом.

«Масса времени пошла на то, чтобы выслушать их рассказ о том, что делают Ирвин и Джинна и к каким интригам при-

бегают Фазл-и-Хуссаин. Ничего важного и вселяющего надежду. Записка Бапу³⁴ разочаровала, хотя ясно, что даже это не устроит вице-короля. Мы ничего не предложили. Сказали лишь, что без полной консультации с коллегами, особенно Ганди, не можем сделать никаких предложений. Мы не высказали никакого мнения, хотя и намекнули на необходимость жесткой линии. Однако в последние два-три дня я испытывал беспокойство. Хотелось, чтобы мы прекратили все разговоры о «мире». Они вредны, т. к. отвлекают внимание. Мира нигде не предвидится»³⁵.

Однако впечатления этих сверхоптимистических парламентаров были совсем иными. Сапру докладывал вице-королю³⁶:

«К своему приятному удивлению, мы нашли вчера пандита Джавахарлала Неру в благожелательном настроении. И он, и его отец выслушали нас внимательно и терпеливо. Однако, что касается вопроса о конституции, наша задача оказалась не так легка, как при встрече с господином Ганди, в то время как по вопросу о соли и одиннадцати пунктах господина Ганди, на которые он так упирал в Пуне, оказалось, что их взгляды не совсем совпадают с взглядами господина Ганди».

Таким образом, несмотря на письмо Джавахарлала Ганди³⁷, переданное через них, в котором Джавахарлал сообщал, что позиция Ганди по вопросу о конституции ни его, ни отца не убедила и что сам он стоит за продолжение кампании, Сапру уговорил вице-короля перевести обоих Неру в Иеравду для консультаций с Ганди. Хотя Джавахарлалу делать этого не хотелось, Мотилал заявил, что у них нет возражений³⁸, и обоих отправили повидаться с Ганди, для чего пришлось пересечь всю страну на поезде. Тем временем Джаякар, который отвез письмо Джавахарлала Ганди и виделся с тем наедине, выразил уверенность в том, что Ганди стремится к достижению договоренности³⁹.

Однако переговоры Ганди и обоих Неру с Сапру и Джаякаром не дали никаких результатов. Конгресс сформулировал свои условия твердо и недвусмысленно: создание подлинно национального правительства с правом на отделение и передача всех претензий Англии в независимый трибунал. Эти условия были явно неприемлемы для правительства, и, хотя неутомимые Сапру и Джаякар продолжали «глупые переговоры о мире»⁴⁰, совершая челночные поездки из Симлы в Наини и Пуну и обратно, никто не разделял их иллюзорных надежд на компромисс. Но что действительно поразило министра по делам Индии, так это «уважение Ганди к Джавахарлалу и гордость последнего тем, что уже достигнуто, а также его заявление о приверженности ненасилию. На меня угнетающе подействовала именно эта явная гор-

дость, потому что она говорила о том, что человек не сдается»⁴¹.

Спустя несколько дней Мотилала освободили из-за плохого состояния здоровья, и шестимесячный срок пребывания Джавахарлала в тюрьме тоже подходил к концу. Однако правительство Соединенных провинций не собиралось долго оставлять его на свободе⁴². Да и сам Джавахарлал на это не рассчитывал. Его освободили 11 октября, и он тут же возобновил деятельность на посту председателя Конгресса, тем самым поставив себя под угрозу ареста, поскольку организация была объявлена вне закона, и распорядился, чтобы все провинциальные комитеты развернули новое наступление. Следовало решительно продолжать акции, которые составляли основу движения, такие, как добыча соли и бойкот английских товаров, особенно тканей. В дополнение к ним предлагалось приложить старания и начать кампанию неуплаты налогов в Гуджарате⁴³.

«Ясно, что Индия, хоть она и велика, все же велика недостаточно для того, чтобы в ней находились и индийский народ и английское правительство. Одному из них необходимо уйти, а кому именно — сомнений не вызывает... мы исполнены решимости, мы сожгли наши корабли, мы приняли решение раз и навсегда, и пути назад для нас нет»⁴⁴.

В его собственной провинции, где на протяжении года наблюдалось резкое падение цен на сельскохозяйственные продукты, кампания неуплаты налогов наверняка встретила бы благоприятный отклик, и Джавахарлал объявил, что окружные и городские комитеты Конгресса вскоре организуют кампанию неуплаты земельного налога, арендной платы и подоходного налога⁴⁵. Хотя такая кампания, казалось, должна была бы вовлечь в политическую борьбу против правительства все слои общества — землевладельцев, арендаторов и интеллигенцию, — в основном она означала призыв к крестьянам-земледельцам не вносить арендную плату помещикам, и ее взрывоопасность заключалась в разгорании классового конфликта и распространении его на деревню. На следующий же день Джавахарлала арестовали, судили за подстрекательство к бунту, добыче соли и неуплате налогов и приговорили к двум годам тюремного заключения строгого режима плюс пять месяцев за неуплату штрафов. Он находился на свободе меньше десяти дней.

Будучи лишен возможности действовать⁴⁶, Джавахарлал повел в Наини обычную тюремную жизнь. Боль в плече мешала ему много заниматься прядением и тканьем *невара*. Однако он жадно поглощал книги. Он перечитал «Индуистский взгляд на жизнь» Радхакришнана и сделал выписки, в частности из работ Троиц-

кого, Шоу, Метерлинка, Кропоткина и Кейзерлинга. Он также вновь принялся писать письма дочери, опираясь на свою память и записи, потому что теперь уже стало ясно, что впереди — много лет пребывания в тюрьме, да и писать он мог только в тюрьме, а если бы он надеялся на помощь справочников, то вообще никогда не сумел бы писать. Однако его любознательность помогла ему собрать большое количество разнообразных сведений. Письма дочери Джавахарлал писал с большим старанием, записывая на листочках бумаги свои мысли, а затем формулируя их в понятной для тринадцатилетней девочки форме. С языком он справлялся легко, но стиль его еще не сложился и подчас грешил аффектацией. Подобно Рали и Кондорсе, Джавахарлал писал историю мира, сидя в тюрьме. Каждое письмо посвящалось одной теме или одному событию, а вся работа, охватывающая историю мира, начиная от Мохенджо-Даро и Древней Греции и кончая современным автору периодом, заняла у него три года. Когда эти письма были изданы в виде «Взгляда на всемирную историю», для них оказались характерны концептуальное единство и знание фактов, которые сделали бы честь любому профессиональному автору, а то, что они писались без какой-либо научной помощи, в попытке скрасить монотонность тюремной жизни, делает эту работу выдающимся достижением.

Известие о том, что его день рождения — 16 ноября, когда ему исполнился сорок один год, отмечался по всей стране, глубоко взволновало Джавахарлала. «День Джавахара! Аресты, приговоры и избиения палками повсюду в стране!»⁴⁷ Около двадцати миллионов человек в 384 городах и деревнях (включая Коломбо) приняло участие в праздновании; полиция открыла огонь в одном месте и прибегла к избиению палками в двадцати шести. Один человек был убит, примерно 1500 ранены и 1679 арестованы. Это говорило о том, что моральный дух участников движения был все еще высок, и Джавахарлал задумался о его будущем. Революционный динамизм, даже в политике, можно было сохранить, только если будет поставлена цель экономической революции и поднято массовое восстание, считал он.

«В конечном итоге это единственное, что принесет плоды. Несмотря на большой успех нашего движения, мы еще не подошли достаточно близко к тому, чтобы поднять массы на революционные выступления. Они сочувствуют нам, но не больше. И если мы не будем бдительны, даже это сочувствие постепенно сойдет на нет»⁴⁸.

С этой точки зрения важной представлялась кампания неплаты налогов, и поэтому следовало уделить внимание опре-

делению ее задач. Призывы экономического характера были гораздо более понятны крестьянам, чем одна лишь задача завоевания политического *свараджа*, и цель кампании неуплаты налогов должна была, по мнению Джавахарлала, заключаться в продвижении вперед в экономической области, а не в освобождении нескольких руководителей из тюрем. Даже идея учредительного собрания, которое решило бы политическое будущее Индии, возникшая у Джавахарлала в это время, не смогла бы поднять крестьян. В мае 1929 года, вслед за организацией Конгресса в Соединенных провинциях, его центральный руководящий орган тоже выразил согласие с тем, что нищета и страдания индийского народа вызваны не только чужеземной эксплуатацией, но и экономической структурой общества, нуждающейся в «революционных изменениях». Благодаря Джавахарлалу Конгресс если не переходил на социалистические позиции, то начинал хотя бы понимать значение экономических проблем. Однако о том, какими должны быть эти «революционные изменения», никто не думал. Нельзя было ожидать, что Конгресс в разгар борьбы разработает четкую экономическую и аграрную программы, но он должен был хотя бы сформулировать какие-то предварительные идеи. Джавахарлал задумывался над ними, «не с социалистических позиций, — как говорил он, — а с позиций Конгресса с некоторым уклоном в сторону социализма». Он считал, что крупные помещичьи хозяйства должны перейти к государству с выплатой компенсации всем, кроме тех, кто встал на сторону англичан и выступил против национального движения. Их заменят крестьянское землевладение и большие государственные фермы, где земледельцы смогут проводить широкие опыты, получая их в коллективную аренду. Предусматривались также налог на наследство и земельный налог, равный 25% сельскохозяйственного дохода, превышающего определенный минимум, а ниже этого минимума взимаемый подобно прогрессивному подоходному налогу. Арендаторам следует предоставить право владения, покупки, передачи, улучшения и наследования земель, а для арендной платы должен быть установлен максимум. Для всей Индии время радикальной аграрной программы, как полагал Джавахарлал, еще не наступило, и ведущие деятели Конгресса не согласятся на нее. Однако Соединенные провинции могли показать пример. Хотя не следовало без нужды раздражать *заминдаров* и капиталистов и увеличивать число своих врагов в разгар великой борьбы, но, если придется выбирать, Конгресс должен бесстрашно встать на сторону масс — крестьян, безземельных батраков и мелких помещиков, ибо они — главные слои населения. Конгресс поступает мудро, избегая обост-

рения классовой борьбы, но необходимо всегда помнить, что такая борьба ведется и ее нельзя целиком и полностью не принимать во внимание. Конечная цель должна быть ясной, ее не следует рекламировать, но и не надо держать в секрете.

Эти идеи, весьма похожие на манифест 1928 года, принятый в Соединенных провинциях, ни в коей мере не были революционными. Но в глазах Джавахарлала даже их осуществление зависело от продолжения революционной борьбы, и в этом смысле он вырвался далеко вперед. Даже в тюрьме он и его товарищи стремились оказывать сопротивление, и в первый раз Джавахарлал нарушил тюремные правила, организовав трехдневную голодовку в знак протеста против избияния плетьюми политических заключенных и жестокого обращения с ними в других тюрьмах. Его чрезвычайно обрадовало известие об аресте его жены в день Нового года и присланная ею в связи с этим записка: «Я безгранично счастлива и горда тем, что следую по стопам мужа. Надеюсь, что народ по-прежнему будет высоко нести наше знамя». Но в целом, как с грустью должен был признать Джавахарлал, настроение падало и появлялось стремление к компромиссу.

«К сожалению, эра *харталов*, наступление которой провозгласили Махатма и Конгресс, принесла ряд дурных последствий. Ее результатом стали постоянные *харталы* в головах и умах некоторых людей. Верхний этаж заперт, и ключи потеряны. Это грустный, достойный сожаления результат, но полагаю, нам всем надлежит смириться с этой дополнительной бедой»⁴⁹.

Пользуясь этой усталостью, английское правительство направляло соблазнительные предложения об урегулировании. Первое заседание Конференции круглого стола показало, что обсуждать индийские проблемы с кем-нибудь, кроме Конгресса, бесполезно: «Ни одну индийскую делегацию,— писал индийский корреспондент «Таймс»,— не состоящую из Ганди на одном крыле, двух Неру посередине и Малавии или Пателя на другом, нельзя считать представительной»⁵⁰. Вице-король тоже стал понимать, что фактически существуют только две альтернативы: управлять, не имея на это согласия, или пойти на договоренность с Ганди. Поскольку идея «нокаута» оказалась бесплодной, нужно было идти на какое-то соглашение⁵¹. 17 января 1931 года вице-король, следуя новому, христианскому стилю империализма, обратился к Ганди с призывом о сотрудничестве на основе взаимного доверия, а двумя днями позднее премьер-министр Рамсэй Макдональд предложил провинциальную автономию, центральную исполнительную власть, ответственную перед федеральным законодательным собранием, с определенными гарантиями прав мень-

шинств в переходный период, а также реформы существующей конституции, пока не принято решение об окончательных изменениях. Мысль о том, что это «пение сирен» может как-то подействовать на Конгресс, приводила Джавахарлала чуть ли не в ярость. Все эти заявления, убеждал он отца, даже если бы речь шла о полной независимости, не следует принимать во внимание, и нужно продолжать борьбу. И действительно, заявление Макдональда ничего не значило. «Английское правительство — великий мастер искусства политического крючкотворства и обмана, а мы просто дети в этой игре». Одна лишь мысль Рабочего комитета о компромиссе означала бы игру с огнем, — огнем, который поглотит страну в недалеком будущем и ослабит дух народа. «Быть может, кто-то и устал. Но есть также люди, обладающие железной волей и готовые, если это необходимо, пройти через все муки ада, но не согласиться на бесчестный компромисс». Необходимо было, чтобы правительство поняло, что борьба, если понадобится, будет продолжаться не месяцы, а годы и Конгресс не уступит, а если уступит, то только на своих собственных условиях. «В тот день, когда мы убедим противника, что нас нельзя сдвинуть, так же как Гималаи, что нас так же трудно раздавить, что ничто в мире не может заставить нас покориться, что мы сумеем вынести все, что он станет делать против нас, в этот день противник падет духом». Да и международное положение тоже требовало того, чтобы Англия пошла на мир с Индией⁵².

Но Мотилал лежал на смертном одре и не мог обеспечить руководство Рабочему комитету, члены которого были уже освобождены из тюрем. Ганди не хотел сразу же отвергать предложения правительства, поскольку видел в вице-короле родственную душу, а также потому, что считал, что усталость от борьбы была более сильной, чем думал Джавахарлал. Последний был готов преодолеть застой в городах, подняв на борьбу деревни, но Ганди такой путь не нравился. Поэтому расхождения с Ганди и глубокое горе, причиненное смертью отца, скончавшегося 6 февраля, помешали Джавахарлалу принять активное участие в обсуждениях. Умея скрывать свои чувства, он присутствовал на заседании Рабочего комитета. Однако его сдержанность не могла скрыть глубину его горя. Его личность еще до конца не сформировалась, и он все еще нуждался в направляющей руке. Это был человек, все еще находившийся в процессе становления и поэтому зависевший от крепкой поддержки семьи, сильного отца. Мать на него никакого влияния не имела. Расхождения между отцом и сыном по многим политическим вопросам, постепенное сближение взглядов Мотилала с точкой зрения сына и

многочисленные легенды о его амбициозных устремлениях в отношении сына и всепрощающей любви к нему не могут затушевать того факта, что он оказывал на Джавахарлала самое сильное влияние. Еще долго после кончины Мотилала Джавахарлал ощущал необходимость в его мудрой защите и советах, и это, несомненно, сыграло большую роль в усилении влияния на него Ганди.

Однако в описываемое время позиция Ганди была для Джавахарлала неприемлемой. Переговоры, которые Ганди по собственному почину вел с вице-королем, и достигнутая в результате их договоренность представлялись Джавахарлалу полной и совершенно неоправданной капитуляцией. Он еще не понял того, что Ганди своей политикой переговоров с англичанами об уступках ничем не отличался от умеренных; он лишь стремился заручиться большей массовой поддержкой⁵³. Как говорил Фейнон⁵⁴, «все эти действия одновременно были направлены как на то, чтобы оказать давление на силы колониализма, так и на то, чтобы использовать энергию народа». Поскольку Джавахарлал полагал, что Конгресс по-прежнему придерживается позиции, которую Ганди и другие его деятели определили год назад в Иеравде⁵⁵, и почти до самого конца думал⁵⁶, что переговоры провалятся, условия, о которых на них договорились, явились для него тяжелым ударом. Ганди согласился прекратить кампанию гражданского неповиновения в обмен на частичную амнистию, объявляемую тем, кто не обвинялся в применении силы, и разрешение мирно пикетировать и добывать соль при определенных условиях. От имени Конгресса он дал обязательство принять участие в Конференции круглого стола, чтобы рассмотреть план создания федерации и ответственного правительства Индии с гарантиями для «интересов Индии» в таких вопросах, как оборона, внешние сношения, положение меньшинств, кредиты и погашение обязательств. В нем и речи не шло о полной независимости и праве на отделение и даже о позиции, занятой Конгрессом на переговорах, которые вели Сапру и Джаякар летом 1930 года. Кроме того, Ганди не настоял на всеобщей амнистии, расследовании полицейских эксцессов, которые Джавахарлал считал предварительным условием участия в Конференции круглого стола⁵⁷, возвращении недвижимого имущества, на которое был наложен арест, и праве беспрепятственно добывать соль.

«Тысячи бедняков дали клятву потреблять только не облагаемую налогом соль или соль, которую они добудут сами. В последние несколько месяцев сотни пролили кровь, отстаивая это право. Руководители связаны клятвой, данной народом. Уни-

жение народа и его руководителей и предложение, чтобы народ нарушил клятву, вряд ли могут считаться средством достижения мира»⁵⁸.

Большинство членов Рабочего комитета, и прежде всего Джавахарлал, решили, что Ганди обвели вокруг пальца и что он в обмен на несколько пустых фраз, в которых признавалась необходимость участия Конгресса в любом урегулировании, касающемся Индии, уступил по всем важнейшим вопросам и игнорировал конечные цели. Однако Ганди пригрозил, что уйдет в отставку, если соглашение будет отклонено, и потребовал если не одобрения, то хотя бы личной лояльности по отношению к нему. Джавахарлал плакал, ведь он еще острее ощутил, что потеря отца — не только его личное горе. Никогда еще не были так нужны пронизательность и твердость, с которыми Мотилал вел переговоры. Спустя год, находясь в тюрьме, Джавахарлал написал: «Всегда, когда думаешь о перемирии, начинаешь гадать, как могли бы повернуться события, будь отец жив, и все согласны с тем, что события приняли бы совсем другой оборот. Я имел глупость сказать это в Дели через несколько часов после заключения перемирия. Какую же боль я причинил этим Бапу!»⁵⁹

Однако несмотря на разочарование, Джавахарлал внес на съезде Конгресса в Карачи резолюцию, одобряющую эту договоренность. Нередко утверждали, будто Ганди добился этого, согласившись в свою очередь на резолюцию, составленную и отредактированную Джавахарлалом, в которой Конгресс обещал при разработке будущей конституции предусмотреть не только основные гражданские свободы, всеобщее избирательное право и бесплатное начальное образование, но и «настоящую экономическую свободу». Однако утверждение, будто Джавахарлал в обмен на одобрение политического компромисса получил признание своих политических целей, опровергается перечнем основных прав, содержащихся в резолюции. В области промышленности речь шла лишь о прожиточном минимуме и надлежащих условиях труда, ликвидации рабского труда или условий труда, приближающихся к рабским, хорошем обращении с работающими женщинами, запрете использовать труд детей школьного возраста, праве создавать профсоюзы и создании механизма для урегулирования споров путем арбитража. Предусматривался контроль государства над природными богатствами и ключевыми отраслями промышленности. Эти права нельзя считать частью «революционных изменений», которые Конгресс назвал необходимыми в 1929 году. Но с сельским хозяйством дело обстояло еще хуже. В принятой в Карачи резолюции говорилось лишь о значительном сокращении земельного

налога и арендной платы с полным освобождением от них убыточных владений только на определенные периоды времени, о введении прогрессивного налога на сельскохозяйственные доходы выше определенного уровня и налога на наследство. В ней не упоминалась отмена помещичьего землевладения или же обобществление земли и хотя бы частичная отмена сельской задолженности. С другой стороны, в нее вошли многие из 11 пунктов Ганди 1930 года — сокращение гражданских и военных расходов, отказ от пользования иностранными тканями и пряжей, сухой закон, отмена налога на соль и снижение обменного курса рупии.

Из этого следует, что резолюция вовсе не явилась оболочкой, подсластившей политическую пилюлю. В ней не было ничего социалистического. Только тайной полиции могло прийти в голову, что М. Н. Рой, находившийся в Карачи, помог написать эту резолюцию, которую он позднее назвал путаной, говорящей о компромиссе с иностранным империализмом и местным феодализмом, и «орудием обмана»⁶⁰. Джавахарлал тоже понимал, что в этой резолюции он не пошел дальше прежних документов, принятых после 1928 года, в которых формулировал экономическую программу, исходящую в какой-то мере из интересов крестьян и рабочих Индии. Но он выступил автором этой резолюции потому, что для Конгресса она была хотя бы еще одним, правда неуверенным, шагом вперед если не по пути к социализму, то по пути к признанию необходимости разработки экономической политики. В ней отмечалось, что «наше национальное движение постепенно склоняется влево. Мне кажется, что это желательное явление, которое само по себе поможет более полному развитию передовой идеологии. Оно послужит основой для развития этой идеологии»⁶¹.

Следовательно, резолюция об основных правах не компенсировала поражение, нанесенное политическим урегулированием. И хотя Джавахарлал публично поддержал последнее, он поступил так потому, что это отвечало и его политической линии, и его характеру. После того как договоренность была достигнута, «одиноким и почти совсем безучастным», как выразился Ганди⁶², Джавахарлал сообщил своим коллегам, что не может согласиться или примириться с упоминанием гарантий и оговорками. Правда, при этом он добавил: «Я, однако, не хочу, чтобы мои возражения стояли на пути других, которые толкуют эти слова иначе, чем я, и рассчитывают получить независимость, опираясь на них. Перемирие объявил Рабочий комитет, и я полагаю, что все мы подчинимся ему и будем выполнять его указания, касающиеся этого решения»⁶³. Другими словами, Джавахарлал был недоволен заключением соглашения, но не собирался даже подавать в отставку,

как он сделал в 1929 году, а намеревался выполнять соглашение. Однако противоречие между его внутренним настроением и решением подчиниться не было неразрешимым. Его нельзя в данном случае сравнивать с «юнцом» средних лет, который верит в экстремизм, а действует как умеренный. С точки зрения Джавахарлала, соглашение представляло собой поражение, нанесенное Конгрессу самим Конгрессом. Но он не согласился с Ирвином, который по возвращении в Лондон на закрытом собрании консервативной партии утверждал, что он соорудил волнолом против могучих аграрных сил, которые использовал Джавахарлал, тем, что обеспечил себе поддержку политиков старшего поколения, стоящих на стороне «консерватизма»⁶⁴. Индийскому национализму не был нанесен непоправимый ущерб. Ганди не уничтожил, а лишь игнорировал логику освободительной борьбы. Борьба эта могла завершиться только достижением независимости. Поэтому заключенное соглашение означало не мир, а лишь перемирие. Вскоре должно было наступить другое время, и борьба возобновилась бы. И тогда снова народ стал бы испытывать нужду в руководстве человека, который пробудил угнетенных к жизни и действию. А пока что, в период ни мира, ни войны, долг Джавахарлала заключался в том, чтобы не дать угаснуть боевому духу, заботиться о сплоченности партии и следовать руководству Ганди. Опасения английского правительства⁶⁵ относительно того, что он может порвать с Ганди и самостоятельно повести кампанию гражданского неповиновения, говорят о том, как плохо оно знало Джавахарлала. А тот писал одному молодому конгрессисту:

«Мы не можем позволить себе увлечений в политике. Нам нужно сохранять благоразумие и не действовать очертя голову. Принимаемые нами действия не должны быть, насколько это возможно, индивидуальными. Иначе мы утратим преимущества коллективных действий и наличия у нас организации»⁶⁶.

АГРАРНЫЙ КРИЗИС В СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЯХ

Речи, с которыми Джавахарлал выступил сразу же после подписания соглашения, носили несколько воинственный характер, что в какой-то мере смущало Ганди¹. Джавахарлал призывал членов Конгресса не терять боевого духа, поскольку наверняка должно было наступить время, когда им придется возобновить борьбу, а пока что, говорил он, им надлежит соблюдать соглашение, заключенное их руководителем, и широко использовать его для таких действий, как пикетирование винных лавок, добыча соли, бойкот тканей иностранного производства и пропаганда *свадешии*². Кроме того, оставалась еще возможность действовать в беспокойных районах Гуджарата и Соединенных провинций, где движение 1930 года переросло в крестьянские кампании неуплаты за аренду. Эти кампании проходили более успешно в Гуджарате, но там они и быстрее шли на убыль, поскольку носили преимущественно политический характер, охватывали небольшой район, не превышавший половину любого округа Соединенных провинций, и участвовали в них более или менее зажиточные земледельцы, откликнувшиеся на призыв Ганди и Валлабхая Пателя не вносить никакой платы, пока правительство не отменит произвольное повышение налога. Властям волей-неволей пришлось признать, что повышение это было непродуманным, и после заключения соглашения главным вопросом стала проблема возвращения конфискованных земель и восстановления на работе уволенных чиновников. Но в Соединенных провинциях положение было совсем другим. Там между правительством и земледельцами стоял класс посредников — около 160 тысяч помещиков, однако земельные наделы были настолько раздроблены, что подавляющее большинство их владельцев платило ежегодно в виде земельного налога менее 100 рупий. Если большинство помещиков влечило жалкое существование, то еще более тяжелым было положение арендаторов. Плотность аграрного населения непрерывно росла, а арендная плата, вносимая арендаторами, повышалась быстрее налога, который платили правительству помещики. В период 1900—1931 годов арендная плата выросла на 66,9 млн. рупий, а земель-

ный налог всего лишь на 7,5 млн. Цены на сельскохозяйственную продукцию, и без того низкие в январе 1930 года, к декабрю упали еще на 50% и достигли самого низкого после 1901 года уровня. Урожая не хватало даже на то, чтобы покрыть растущие издержки, не говоря уже об арендной плате. После 1927 г. положение усугубилось из-за следовавших один за другим неурожаев. Почти 40% крестьян и беднейших *заминдаров* были по уши в долгах. Через два года после аграрных волнений 1921 года пожизненная аренда получила законодательное подтверждение в Авадхе (Ауд) и в 1926 году в Агре. Однако это признание права на аренду имело и свою отрицательную сторону, ибо арендная плата стабилизировалась как раз тогда, когда она была высокой. Однако в Авадхе не существовало права на «защищенную аренду»; положение было несколько лучше в Агре, хотя сгон с земли получил широкое распространение по всей провинции, поскольку помещики стремились избавиться от «защищенных» арендаторов.

Поэтому аграрный вопрос в Соединенных провинциях носил не политический, а экономический характер, и даже после перемирия, заключенного в марте 1931 года, помещики с помощью полиции часто сгоняли с земли и подвергали притеснениям арендаторов, чтобы заставить их вносить арендную плату. Сообщалось даже, что некоторые деревни оказались покинутыми напуганными жителями³. У Джавахарлала сложилось впечатление, что, заверив Ирвина в том, что даже если он не будет присутствовать на Конференции круглого стола, он во время ее работы не возобновит кампанию гражданского неповиновения, Ганди дал понять, что это заверение не относится к местным выступлениям по экономическим вопросам, с которыми Конгрессу по необходимости придется иметь дело⁴. В официальных документах ничего об этом не говорится, но косвенно это впечатление подтверждается, а в более поздней (августовской) переписке Ганди с правительством об этом говорится прямо. Таким образом, в марте 1931 года, когда цены продолжали падать, а урожай *раби* (весенний) оказался плохим, весь характер движения в Соединенных провинциях изменился: как писал Ганди⁵, кампания неуплаты за аренду превратилась в движение за улучшение экономического положения. Арендаторам советовали вносить в счет арендной платы сколько они могут, что, как правило, составляло 50% для «защищенных» арендаторов и 40% для арендаторов с фиксированными правами, причем при условии выдачи помещиками расписок в получении полной суммы. Организации Конгресса в *техсилах* на переговорах с помещиками выступали в роли представителей крестьян. Джавахарлал встречался с рядом ответственных должностных лиц пра-

вительства Соединенных провинций, а провинциальный комитет Конгресса открыл для переговоров с правительством свое представительство в Лакхнау, поставив во главе него Говинда Баллаха Панта⁶.

Однако правительство, признавая тяжесть экономического положения крестьян и понимая, что в позиции Конгресса нет ничего, что могло бы вызывать возражения, опасалось, что посредничество Конгресса укрепит его влияние в деревне, и поэтому не хотело допустить, чтобы Конгресс играл в этом движении какую-нибудь роль. Ему казалось, что речь идет больше чем о престиже:

«Джавахарлал и его последователи, разумеется, пользуются большим влиянием на местах и, несомненно, уже долгое время обуреваемы идеей создания чего-то вроде советской организации крестьянских работников, которая прежде всего отменит помещиков, а затем, вероятно, советизирует правительство. Принятый сейчас метод выбран удачно, и с ним трудно бороться. Конгресс объявляет, что он фактически является крестьянским профсоюзом и не может бросить арендаторов в беде. Он больше не настаивает на кампании невнесения арендной платы как политическом мероприятии, а требует права быть арбитром между помещиком и арендатором и решать, какую арендную плату последний в состоянии вносить. Помещики страшно недовольны, и мы считаем, что без помощи указов обойтись будет трудно, а они могут нарушить делийскую договоренность»⁷.

Зная, что Ганди горячо стремился к тому, чтобы делийское соглашение успешно осуществлялось, власти попытались вбить клин между ним и Джавахарлалом. В этом они частично преуспели. Эмерсон докладывал, что Ганди полностью поддерживал мысль о том, что неверно называть соглашение перемирием и говорить о будущей войне, считать правительство врагом и рассматривать соглашение как победу Конгресса. «Он был весьма лоялен по отношению к пандиту Джавахарлалу, но, насколько я понял, не исключал полностью возможность того, что раньше или позже ему придется проводить свою собственную линию»⁸. На деле же чиновники напугали Ганди возможностью того, что Джавахарлал развяжет классовую войну. Ему понравилась идея использования комитетов Конгресса в *техсилах* в качестве представителей арендаторов, но он не одобрил рекомендацию не вносить арендную плату даже частично, назначение конгрессистских *техсилдаров* и нападения арендаторов на *заминдаров*⁹. К радости правительства, он фактически даже запретил Конгрессу выступать посредником между правительством и народом¹⁰.

В это время состояние здоровья Джавахарлала достигло кри-

тической точки, и ему пришлось сделать перерыв в работе; пока он находился на Шри Ланке и в Южной Индии, проблемами Соединенных провинций занимался Ганди. Правительство сочло, что у него появилась возможность настоять на своем и побудить Ганди использовать свое влияние против «буйных голов» в Конгрессе¹¹. Губернатор Хейли, вернувшийся в конце апреля из Лондона, с Конференции круглого стола, проявил больше мудрости, чем другие должностные лица в Лакхнау. Он понял, что экономический кризис действительно существует и что одного лишь давления на арендаторов и их запугивания, с тем чтобы заставить вносить арендную плату, недостаточно. Было объявлено о сокращении суммы налога примерно на 6,7 млн. рупий и одновременном снижении арендной платы в сезон *раби* примерно на 22 млн. рупий. Однако, хотя правительство, сокращая налог, вернулось к уровню 1901 года, размер арендной платы был снижен лишь до уровня 1915—1916 годов, а сокращение налога составило лишь 2 анны на рупию. Если бы арендная плата тоже была снижена до уровня 1901 года, то традиционные союзники правительства *талукдары* потеряли бы большие суммы денег, а правительство этого не хотело. Снижение арендной платы было недостаточным для уплаты очередного взноса, а о недоимках и об урожае *хариф* (осеннем) вовсе ничего не говорилось, на что указывали многие чиновники окружной администрации и большинство *заминдаров*¹². В Барабанки, Раэ-Барели и в некоторых частях округов Лакхнау и Пратабгарха помещики фактически не получили никакой арендной платы, и аналогичное положение возникло во многих частях округов Агры, Мирута и Аллахабада. Однако правительство Соединенных провинций на этом этапе ничего больше делать не желало. С другой стороны, районным комиссарам было приказано направлять полицию для оказания помощи *заминдарам* в сгоне с земли и конфискации имущества в счет долга¹³. Такой путь казался властям единственным способом подорвать то огромное влияние, которым Конгресс стал пользоваться в некоторых округах, и сохранить лояльность *талукдаров*. А видимость примирения, хотя и минимальная, представлялась достаточной для переговоров с Ганди.

Министр внутренних дел Эмерсон встретился с Ганди в Симле в середине мая. Ганди не был готов согласиться на отрицание за Конгрессом права вмешиваться в отношения между правительством и налогоплательщиками: даже не будучи официально признанным посредником, Конгресс играл роль друга бедняков, дававшего им советы по вопросам арендной платы. Но Ганди решительно осудил давление, которое оказывалось на помещиков, призывы не вносить арендную плату, предложение о ее общем пяти-

десятипроцентном снижении и отказу платить меньше, чем мог каждый арендатор. После этого его пригласили к Хейли в Наини-Тал для более детального обсуждения положения, и там ему рассказали об арендаторах, вообще отказывающихся вносить арендную плату и прибегающих к силе, когда помещики оказывают на них нажим. Когда Ганди предложил выяснить точный размер арендной платы, чтобы установить, возможно ли ее внести, Хейли ответил, что это приведет к такой задержке уплаты, на которую правительство согласиться не может¹⁴. Губернатор был достаточно умен, чтобы не потребовать от Ганди конкретных обязательств, но о том, что он сумел убедить последнего, говорит манифест, опубликованный Ганди сразу же после встречи. Игнорируя резолюцию политической конференции Соединенных провинций, принятую за несколько недель до этого, в которой говорилось, что арендная плата не должна ни при каких обстоятельствах превышать уровень, установленный в то время, когда цены на сельскохозяйственную продукцию были такими же, как теперь, Ганди призвал арендаторов как можно раньше уплатить столько, сколько они смогут, и, во всяком случае, не менее 8 анн на рупию для «незащищенных» арендаторов и 12 анн для «защищенных» арендаторов, другими словами, больше, чем рекомендовала организация Конгресса Соединенных провинций. При этом он добавил, что арендаторы не должны прислушиваться к советам не вносить никакой арендной платы и прибегать к насильственным действиям¹⁵.

Правительство, ободренное половинчатой позицией Ганди, усилило нажим, но не пошло на открытое аннулирование соглашения, а стало принимать меры, направленные на то, чтобы помешать союзу Конгресса в Соединенных провинциях с крестьянами и его деятельности в деревне. Если бы влияние Конгресса в деревне стало таким же, как в городе, то в любой будущей кампании гражданского неповиновения он получил бы поддержку всего населения, и как бы серьезны ни были волнения в Бардоли, они оказались бы незначительными по сравнению с любой кампанией неплаты за аренду, которая могла бы охватить все Соединенные провинции. Всякое управление провинцией практически стало бы невозможным, нельзя было бы поддерживать законность и порядок или даже видимость управления, и в самом сердце Индии 49 миллионов человек полностью вышли бы из повиновения. Вот почему Хейли и другие проникательные чиновники считали важным не только уничтожить базу Конгресса в деревне, но и убрать Ганди из Соединенных провинций. Это, несомненно, явилось одной из главных причин стремления правительства не дать Ганди воз-

возможности изменить свою позицию и уговорить его принять участие в Конференции круглого стола в Лондоне.

«Думаю, это просто счастье, что они сосредоточили внимание на одном *техсиле* в Бомбее, когда могли бы устроить невесть что с шестью-семью миллионами крестьян в Соединенных провинциях. Я не хочу сказать, что все они испытывают сильное недовольство, но в некоторых округах помещики их достаточно сильно притесняют и обижают, что создает хорошую почву для волнений. Джавахарлал и его друзья делают все, что могут, но им, конечно, не хватает того ореола, который окружает непрезентабельный лик Махатмы»¹⁶.

Поэтому, когда Джавахарлал в середине июня возвратился в Соединенные провинции, положение там было гораздо хуже, чем в марте. *Талукдары* терроризировали крестьян с помощью полиции, добровольцы Конгресса подвергались избиениям во многих местах, и кое-где чересчур ретивые окружные власти запрещали даже мирное пикетирование, разрешенное соглашением. Джавахарлал не собирался покорно мириться с таким положением вещей, несмотря на письма Ганди¹⁷, просматривавшиеся на почте властями, в которых тот осуждал вспышки насилия в рядах Конгресса и призывал самого Джавахарлала не нарушать законов и постараться попасть на прием к губернатору или Эмерсону. «У вас, — писал Ганди одному конгрессисту из Соединенных провинций¹⁸, — все будет хорошо, пока вы сумеете держать крестьян в узде. Присутствие Джавахарлала должно сейчас облегчить положение. Он не испытывает трудностей в общении с крестьянами и умеет их сдерживать». Отвечая как Ганди, так и правительству, Джавахарлал утверждал, что правительство нарушает перемирие и использует *заминдаров* для подавления крестьян и что Конгрессу следует прибегнуть к решительным ответным действиям. Для *талукдаров*, которые тоже предпочитают греться в лучах официального солнышка, чем поддерживать добрые отношения со своими арендаторами, нет места в Индии, а те, кто виновен в притеснениях, должны будут ответить за это перед страной¹⁹.

Джавахарлал был слишком предан Ганди, чтобы признаться даже себе, что их вождь наносит ущерб делу, и поэтому послушно попросил встречи с Хейли, в чем ему, однако, было отказано. Но он высказал мнение, что Ганди предложил арендаторам уплатить не минимум, а максимум и что делать такой взнос не нужно, если для этого придется влезть в долги, продать скот и плуги или если крестьян подвергнут жестокому обращению²⁰. Конгресс в Соединенных провинциях образовал комиссию, которой надлежало посетить различные округа, чтобы установить факты репрессий со сто-

роны властей и *заминдаров*. Со своей стороны правительство провинции заявило, что больше никаких отмен и снижений не последует и что оно собирается даже рассмотреть вопрос об аресте и предании суду Джавахарлала за его поддержку крестьян или даже за организацию мирного пикетирования в Аллахабаде²¹. Трудно представить себе, что Хейли, пожалуй умнейший из должностных лиц его поколения в Индии, говорил об этом серьезно; возможно, эти заявления предназначались для того, чтобы помешать правительству Индии, о котором, когда его возглавлял Уиллингдон, он был не очень высокого мнения²², пойти на уступки Ганди в вопросе о Соединенных провинциях. Ведь такой неумный шаг, как арест Джавахарлала, наверняка побудил бы Ганди пойти дальше. Как бы горячо Ганди ни стремился, по мнению властей в Симле, сохранить договоренность и поехать в Лондон, он вряд ли пошел бы на это, если бы один из его главных помощников оказался в тюрьме, а открытая война с Конгрессом на том этапе вряд ли принесла бы пользу правительству. К удовольствию властей, Джавахарлал уехал из Соединенных провинций на заседание Рабочего комитета, а затем вместе с Ганди отправился в Симлу. Там Ганди предложил вице-королю и его аппарату, чтобы размер налога и арендной платы устанавливала администрация округов после консультации с работниками Конгресса, а в случае, если это окажется неприемлемым для правительства, распорядиться провести детальное расследование с тем, чтобы облегчить временное урегулирование. Правительство Индии выразило готовность рассмотреть это предложение, но правительство Соединенных провинций его решительно отклонило. Джавахарлал тоже встретился с рядом представителей властей, включая вице-короля. «С Джаваралалом (sic!) у меня тоже состоялась короткая встреча, с ним приятно беседовать, он гораздо практичнее Г.», — записал Уиллингдон с глупой надменностью²³.

Серьезные беседы состоялись у Джавахарлала с Эмерсоном, на которого произвела впечатление его искренняя озабоченность тяжелым экономическим положением, ограничивавшим возможности для конструктивной деятельности и социальных реформ. Джавахарлал не скрывал того, что в его планах нет места помещикам, но заявил, что предпочитает выкупить, а не конфисковать у них землю, и то лишь тогда, когда Конгресс придет к власти конституционным путем, а не в результате крестьянского восстания. В Соединенных провинциях, сказал Джавахарлал, Конгресс выступает лишь в роли организации крестьян, которая советует, вносить ли им арендную плату и какую именно. По словам Эмерсона, на этих беседах сам он занял наступательную позицию, а Джавахарлал выступал как умеренный политик. Эмерсон утверждал, что

правительство никогда не пошло бы на заключение соглашения, если бы знало об аграрной программе, которую Конгресс принялся осуществлять в Соединенных провинциях, а когда Джавахарлал спросил его, как следовало поступать Конгрессу, если крестьяне обратились к нему со своими жалобами, наивно ответил, что Конгресс должен был отказаться от вмешательства. Когда же Джавахарлал задал ему вопрос о том, что он скажет, если крестьянин, которого сгоняют с земли, хочет ее обрабатывать с тем, чтобы она не оставалась незасеянной, Эмерсон будто бы заявил, что отказывается ему на этот вопрос отвечать. Очевидно, он не смог переубедить Джавахарлала или побудить его изменить линию поведения, но ему было ясно, что он имеет дело отнюдь не с пылким революционером.

«Он не желал признавать, что в целом деятельность Конгресса предосудительна, но его позиция в этом вопросе была менее бескомпромиссной, чем позиция г-на Ганди... Мне показалось, что пандит лучше, чем г-н Ганди, понимает сложность проблемы, и, хотя он, конечно, стремился добиться от местного правительства некоторых уступок касательно существующих сборов, он, вероятно, понимал их неосуществимость. Его больше интересовало окончательное решение проблемы или по крайней мере облегчение положения»²⁴.

Конечно, в каком-то смысле эти беседы были бесполезными, поскольку и у Джавахарлала и у Эмерсона хватало ума, чтобы понимать: каковы бы ни были кратковременные договоренности и сделки, окончательное соглашение между империалистическим правительством и Конгрессом, добивающимся независимости, невозможно. Эмерсон признавал, что, даже если бы Ганди намекнул Джавахарлалу, что следует несколько ослабить активность Конгресса в Соединенных провинциях, и если бы даже Джавахарлал захотел это сделать, он вряд ли смог бы справиться с обстановкой. По возвращении в Лакхнау Джавахарлал встретился с главным секретарем и попытался доказать ему, что, поскольку сезон сбора арендной платы миновал, а арендаторы уже уплатили от 9 до 12 анн на рупию, а то и больше, дальнейшие поборы и притеснения должны быть прекращены. Это сразу же разрядило бы обстановку и создало бы подходящую атмосферу для изучения возможности новых договоренностей. Однако правительство, утверждая, что арендную плату перед этим нарочно задерживали, по-прежнему настаивало на продолжении сбора арендной платы в течение более длительного времени, чем в обычные годы. Сгон с земли продолжался, и предпринимались попытки найти на освободившиеся земли новых арендаторов. Особенно сурово за

проявление интереса к этим вопросам наказывались члены Конгресса, а арендаторам, заявлявшим о том, что они против Конгресса, делали особые скидки²⁵.

Джавахарлал при поддержке Тассадука Шервани — *заминдара* и председателя провинциального комитета Конгресса и пандита Малави, отнюдь не радикала, доложил обо всем Ганди, тот попросил разъяснений у Хейли и получил спокойный, но уклончивый ответ. Ганди не выдвинул никаких конкретных требований, а Хейли очень хотелось, чтобы Конгресс в Соединенных провинциях вел себя тихо; Рабочий комитет не стремился разорвать соглашение и отменить поездку Ганди в Лондон из-за такого взрывоопасного, связанного с классовыми интересами вопроса²⁶. На первый план Рабочий комитет выдвигал проблему Бардоли и проводившихся там принудительных мер, и Джавахарлал не захотел ставить его в тяжелое положение, упирая на кризис в Соединенных провинциях. Когда Ганди потребовал от него четкого ответа, должен ли он отказаться от участия в Конференции круглого стола из-за ситуации в Соединенных провинциях, Джавахарлал и другие деятели из этой провинции ответили, что, хотя в Соединенных провинциях имеется много случаев нарушения перемирия, они попытаются добиться улучшения обстановки и не хотят, чтобы она помешала поездке Ганди в Лондон²⁷. Джавахарлалу стало ясно, что, хотя он сам выступает за отмену помещичьего землевладения, другие члены Рабочего комитета (включая Ганди), независимо от ранее принятых резолюций, не хотят допустить даже возможность радикальных социально-экономических изменений. Кризис в Соединенных провинциях действительно существовал, и консерваторы вроде Шервани и Малави не могли закрывать на него глаза, но деятели Конгресса из других частей Индии не желали заниматься проблемой, которая могла бы привести в действие непредсказуемые силы, и предпочитали ставить перед правительством менее опасные вопросы, связанные с Гуджаратом. По этим вопросам в последнюю минуту было достигнуто соглашение, и Ганди отплыл в Англию, предоставив Джавахарлалу заниматься Соединенными провинциями.

Однако еще до его отъезда Джавахарлал, по-видимому, пришел к выводу, что на руководство Ганди в делах, касавшихся Соединенных провинций, полагаться нельзя. Правительство Соединенных провинций образовало комиссию для выработки будущей аграрной политики и предложило Говинду Баллабх Панту войти в ее состав. Ганди посоветовал Панту согласиться, но его совету не вняли, и Пант отказался стать членом комиссии без согласия провинциального комитета Конгресса²⁸. Демонстративная преданность

Джавахарлала Ганди не исключала отдельных проявлений непослушания. Официальная комиссия предложила сложную систему снижения арендной платы в соответствии с падением цен, но не больше чем на 50% и не ниже среднего уровня 1901—1905 годов. Арендную плату не следовало снижать и в том случае, если будет доказано, что ее повышение вызвано такими причинами, как использование орошения или лучших сортов семян, а не ростом цен²⁹. Правительство приняло рекомендации комиссии, в результате которых общая сумма арендной платы в 180 млн. рупий сокращалась на 41 млн. рупий. Однако воплощение в жизнь этой громоздкой системы зависело от множества мелких налоговых чиновников, легко поддававшихся давлению на местах и влиянию *заминдаров*. Сгон с земли, судебные иски и аресты членов Конгресса продолжались, как прежде, хотя «более спокойно и без шума»³⁰. В одном лишь Аллахабадском округе было зафиксировано 5 тысяч случаев сгона с земли, а в округе Муттра в августе были вручены 2 тысячи повесток в суд. За десять месяцев — с октября 1930 года по июль 1931 года — было больше выселений, продаж имущества, судебных процессов и обвинительных приговоров выселенным арендатором за незаконное вторжение на землю, чем за двенадцать месяцев предыдущих 1928/29 и 1929/30 финансовых годов³¹. Чиновники как в Симле, так и в Наини-Тале советовали Джавахарлалу проявлять терпение и дать им время для восстановления арендаторов в правах³², но фактически у них такого намерения не было и в помине. Требование о том, чтобы за невнесение арендной платы не сгоняли с земли, представлялось правительству Соединенных провинций неприемлемым, равнозначным предоставлению арендаторам прав владения³³. С другой стороны, оно было готово к тому, что Джавахарлал в качестве последней меры организует ответные действия, т. е. кампанию гражданского неповиновения, о чем Конгресс уже предупреждал правительство³⁴. Поэтому, хотя центральное правительство заняло внешне дружелюбную позицию и, казалось, стремилось помочь усилиям Конгресса соблюдать соглашение³⁵, провинциальное правительство даже вида не делало, что придерживается той же линии. Сделанное Ганди предложение³⁶, чтобы Хейли пригласил к себе Джавахарлала, было холодно отклонено. Правда, это не значило, что власти шли на открытое столкновение с Конгрессом, но они надеялись, что если Джавахарлал и провинциальная организация Конгресса окажутся вынужденными пойти на крайние меры, то в отсутствие Ганди соперники Джавахарлала, не желающие возобновлять кампанию гражданского неповиновения, возьмут верх и в организации произойдет раскол³⁷.

ДАнные о выселениях и других действиях
в соединенных провинциях

	1928/29 финансо- вый год (с 1 октяб- ря 1928 г. по 30 сен- тября 1929 г.)	1929/30 финансо- вый год (с 1 октяб- ря 1929 г. по 30 сен- тября 1930 г.)	1930/31 финансо- вый год (с 1 октяб- ря 1930 г. по 31 июля 1931 г.)
1) Число исков о взимании не- доимок	271.919	340.249	288.465
2) Число выселений за недоим- ки	42.280	53.421	64.076
3) Площадь, с которой произво- дились выселения (в акрах)	117.517,874	149.071,254	189.362,960
4) Число заявлений о доброволь- ном отказе от прав на аренду или уступках этих прав	25.182	26.188	94.800
5) Число случаев фактической продажи имущества за долги	8.880	10.897	13.337
6) Число исков по разделу 447 Индийского уголовного ко- декса против выселенных арендаторов за занятие или попытку занятия их земель- ных наделов, число обвини- тельных приговоров, см. раз- дел 95 Закона об аренде Агры			
Число исков	818	982	1.054
Число обвинительных при- говоров	284	267	345

Понимая, что правительство Индии в то время стояло на менее непреклонных позициях, чем местные власти, во всяком случае в Соединенных провинциях, Джавахарлал уговорил председателя Конгресса Пателя обратиться к центральному правительству с просьбой вмешаться³⁸. Но из этого ничего не вышло, а тем временем и общая позиция правительства Индии тоже стала более жесткой. В тюремном лагере Хиджли в Бенгалии расстреливали заключенных, соляная уступка, распространявшаяся на весь район соляных копей в Шахпурском округе Пенджаба, была аннулирована, большое число членов Конгресса подверглось аресту в этой провинции. В самих Соединенных провинциях сгон с земли и притеснения продолжались, мужчин и женщин избивали, чтобы заставить их погасить самую незначительную недоимку в две или пять рупий³⁹. Однако провинциальный комитет Конгресса под руководством Джавахарлала не стал рассматривать просьбу окруж-

ного комитета Раэ-Барели о разрешении начать кампанию гражданского неповиновения и вместо этого призвал все отделения Конгресса пока что воздержаться от подобных действий⁴⁰. Комиссия, назначенная провинциальной организацией Конгресса для ознакомления с положением в деревне, как раз в это время представила доклад, в котором публично заявила, что Конгресс вовсе не против *заминдаров* и не хочет развязывать классовую войну⁴¹. У Джавахарлала не было никакого желания ставить Ганди в Лондоне или своих коллег по Рабочему комитету в затруднительное положение, да и Конгресс не находился в боевой готовности.

Во время поездки по округу Джавахарлал увидел, что обстановка в различных его районах различна в зависимости от поведения местных властей. Его больше интересовало истинное положение вещей, чем возможность его использования. Даже провинциальное правительство признало, что его выступления «были менее предосудительными, чем обычно»⁴². Но в целом обстановка оставалась тяжелой. Крестьяне, потеряв всякую надежду на помощь правительства или Конгресса, изо всех сил старались раздобыть денег, чтобы избежать сгона с земли и потери урожая. Они продавали скот, везли зерно на рынок, тем самым еще более снижая цены на него, брали в долг у ростовщиков и вносили не только всю сумму текущей арендной платы, но нередко и какую-то часть недоимок и оплачивали высокие издержки. Тем, кого уже согнали с земли, чтобы получить землю обратно, приходилось платить гораздо больше, чем полную сумму арендной платы до первоначального снижения, и они теряли свои права на «защищенную» аренду и превращались в пожизненных арендаторов⁴³. Более того, эти прямые сделки рассматривались властями как взаимная договоренность между помещиками и арендаторами, благодаря которой отпадала необходимость в снижении арендной платы. Чтобы помешать Джавахарлалу посещать деревни в округе Гонда, где выдвигались серьезные обвинения в притеснениях, поперек дороги туда были вырыты канавы, а чтобы не допустить присутствия крестьян на проводившихся Джавахарлалом собраниях в округе Бахраич, им было приказано в определенные дни не покидать деревни, где им должны были вручить извещения о снижении арендной платы⁴⁴. Во многих округах крестьянам сообщили, что указанные снижения будут отменены, если в течение месяца не будет внесена арендная плата за текущий сезон *хариф*. Кроме того, им было заявлено, что все их жалобы будут рассматриваться только после уплаты полной суммы. Однако всем было ясно, что, если деньги внесут, их никто не вернет, и цель этих распоряжений заключалась явно в том, чтобы запугать крестьян

и заставить их уплатить все, что они могли. В Аллахабадском округе население неуклонно росло, а посевная площадь сокращалась, поэтому число людей, приходившихся на уже и так неэкономичные наделы, увеличивалось. Из-за несвоевременно выпавших дождей урожай *хариф* тоже оказался ниже среднего. Но невзирая на все это, а также на общественное мнение, интересовавшееся положением в округе, начальник округа Р. Ф. Мюди дал указание о снижении общей суммы арендной платы, составлявшей в 1931 году 5,7 млн. рупий, только на 950 тысяч в оба сезона — *хариф* и *раби*, в то время как в 1930 году снижение для одного лишь сезона *раби* составило 1,1 млн. рупий⁴⁵. Основанием для этого послужили утверждения, что большое число арендаторов в последние годы вообще не вносило арендной платы. Начальник округа также утверждал, что сумма арендной платы в 1915—1916 годах была такой же, как в 1901 году, взятом правительством Соединенных провинций за базовый год, и на основании этого неверного утверждения, не проверив и не опубликовав цифры, еще больше уменьшил размер снижений⁴⁶. В результате они составили лишь 17%, или 2 анны 7 пай на рупию⁴⁷, хотя цены на зерновые упали на 55%, и зерно, ранее стоившее одну рупию, теперь продавалось лишь за семь анн.

В конце концов Джавахарлал оказался вынужденным прибегнуть к кампании невнесения арендной платы. Он писал главному секретарю: «Виды на будущее у арендаторов чрезвычайно мрачные, и выхода нет. Если правительство будет проводить в жизнь свою политику, они обречены на страдания еще большие, чем те, которые уже выпали на их долю. Мы думаем об этом с беспокойством, и Аллахабадский окружной комитет Конгресса пришел к заключению, что не может участвовать в продолжающихся притеснениях крестьян, ведущих к их разорению». Поэтому, указывал Джавахарлал, придется, вероятно, рекомендовать крестьянам приостановить внесение арендной платы до той поры, пока не будет найдено удовлетворительное решение. Хотя не хотелось бы принимать такое решение, чреватое столь далеко идущими последствиями, без исчерпывающих консультаций, другого пути, кажется, нет. Однако комитет созывает представительную конференцию крестьян для рассмотрения этого вопроса, а также связывается с провинциальным и Всеиндийским комитетами Конгресса.

«Чрезвычайно сожалею, что пришлось подумать о таком шаге, особенно в то время, когда Гандиджи находится на Конференции круглого стола. Однако вопрос об уплате или неуплате является срочным и не может ждать результатов заседания Конференции круглого стола или возвращения Гандиджи. Мы попытались не

поднимать вопросов, которые могут вызвать трения, и будем и впредь поступать также. Но, очевидно, судьба распорядилась иначе»⁴⁸.

Джавахарлал сообщил о сложившемся кризисном положении также вице-королю и Ганди. Правительство Индии ограничилось тем, что просто переслало его письмо провинциальному правительству, а Ганди уполномочил Джавахарлала поступать так, как он сочтет нужным⁴⁹. И Аллахабадский окружной комитет, и крестьянская конференция рекомендовали перестать вносить арендную плату⁵⁰. «Это война,— будто бы сказал Джавахарлал,— война сейчас, война навсегда, до конца наших дней»⁵¹. Не меньше, чем тяжелое положение арендаторов в Соединенных провинциях, его возмущало неучтливое обращение с Ганди в Лондоне.

К этому времени правительство Индии уже было готово к борьбе. «Джаварлалал (sic!) снова встал на тропу войны, а последняя речь Ганди, явно вышедшего из себя и давшего себе волю, заставляет думать, что вскоре у нас будет полно дел»⁵². Однако на этом этапе отступило правительство Соединенных провинций. Хейли полагал, что Джавахарлал пытается его запугать и что его телеграфная переписка с Ганди предназначалась не только для них самих, но и для официальной цензуры⁵³. Однако губернатор не был склонен считать это только запугиванием. Мюди перевели из Аллахабада, найдя ошибку в его расчетах, и объявили о снижении арендной платы еще на 100 тысяч рупий. Руководителей Конгресса пригласили обсудить эту проблему с соответствующими должностными лицами. Это дало возможность Рабочему комитету отложить принятие окончательного решения, передать рекомендацию окружного комитета на рассмотрение провинциального комитета и уполномочить председателя Конгресса Пателя либо одобрить, либо запретить кампанию невнесения арендной платы по своему усмотрению⁵⁴.

Переговоры, однако, закончились ничем, поскольку власти отказались обсуждать предложения Конгресса о дальнейшем снижении арендной платы, аннулировании недоимок, отмене выселений и снижении процента на долги ростовщикам. Они сочли любое изменение ранее объявленных решений нереальным и предложили лишь дополнительную информацию о своей политике⁵⁵. Комитет организации Конгресса Соединенных провинций, все еще не хотевший идти на столкновение, в котором больше всего пострадали бы арендаторы, предложил возобновить переговоры⁵⁶. Однако даже отдаленных шансов на их успех не было, потому что власти не собирались идти ни на какие уступки. Им лишь нужно было решить, стоит ли провести переговоры. Центральное и местное

правительства считали, что переговоры давали лишь то преимущество, что помогли бы укрепить в Конгрессе силы, противостоявшие Джавахарлалу.

«Как Вы говорите в своем письме, сам Джавахарлал, вероятно, выступит за немедленное провозглашение кампании гражданского неповиновения, если получит достаточную поддержку других руководителей Конгресса. Он всегда был против Делийского пакта. Он явно весьма недоволен тем, что Конгресс согласился участвовать в Конференции круглого стола. Он, безусловно, чрезмерно тщеславен и хочет привлечь к себе то внимание, которое до сих пор оказывалось Ганди и в какой-то мере Пателю»⁵⁷.

На деле же эта оценка была неверной и предвзятой. Джавахарлалу, так же как и всем другим руководителям Конгресса, не улыбалось проведение кампании невнесения арендной платы, главным образом из-за отсутствия Ганди. В отличие от 1921 года он теперь понимал суть крестьянской проблемы, знал, что она составляет часть классовой борьбы, но предпочитал изображать ее как часть борьбы против англичан, однако и тут стараясь избежать открытого столкновения. Необходимость в нем постепенно отпала. Правительство выразило готовность начать переговоры, но подчеркнуло, что принципиального пересмотра прежнего решения не будет. А пока что приближалось 15 ноября — срок сбора арендной платы за текущий сезон, и провинциальный комитет с разрешения Пателя дал указание крестьянам Аллахабадского округа не вносить арендную плату и налог, пока не начнутся переговоры⁵⁸.

В этом указании была своя логика, потому что казалось бессмысленным вносить арендную плату и налог, когда вопрос об их размере еще только обсуждался. Однако правительство воспользовалось этим указанием, чтобы отменить переговоры. По выражению Хейли, правительство Индии «загорелось»⁵⁹ и захотело, чтобы он, используя все свои силы, незамедлительно перешел в наступление на Конгресс. Конгресс и примыкавшие к нему организации надлежало запретить, указ о подстрекательстве вновь ввести в действие, а руководящих деятелей Конгресса арестовать⁶⁰. В Англии к власти вернулись консерваторы, вторая Конференция круглого стола не имела успеха, и поэтому правительство Индии решило отойти от соглашения, заключенного Ирвином. Жесткий указ о Бенгалии и решительная политика, выбранная для Соединенных провинций, явились частью возобновленной политики репрессий. Уиллингдон и Эмерсон направились в Лакхнау, чтобы ускорить события, однако Хейли отказался пойти у них на поводу. Конференции круглого стола предстояло работать еще две недели, взносы арендной платы задержались из-за сильных дождей, и вряд

ли ее стали бы платить до 1 декабря, а Конгресс еще не выступил с открытым вызовом. Таким образом, во всяком случае в Соединенных провинциях, продолжалось то, что Джавахарлал назвал «невозможным положением». «Мы можем понять, что такое мир, и к войне мы тоже привыкли, но это гибридное состояние нам непонятно»⁶¹. Конгресс получил из частных источников в Дели сведения, что правительство Индии готовится к бою⁶², но в Соединенных провинциях ничего еще не предпринималось.

Однако это явно было лишь временное затишье. Дни перемирия были, очевидно, сочтены, и Джавахарлал и его коллеги готовились к борьбе, которую они так старались оттянуть. «Если нам суждено умереть, то мы умрем, лишь дав бой. Я не хочу половинчатого соглашения и половинчатой борьбы»⁶³. Он ожидал, что через несколько дней его арестуют, и не надеялся увидеться с Ганди, когда тот возвратится в Индию⁶⁴. «Пайонир», имевший доступ к официальным источникам, писал о возможности высылки⁶⁵, и Уиллингдон наверняка пошел бы на это, если бы мог. «Об одном во всем этом деле я очень жалею — о том, что у нас нет права на высылку из Индии. Было бы огромным преимуществом, если бы мы могли взять 15 или 20 этих деятелей, отправить их прямо в Вест-Индию или еще куда-нибудь вместо того, чтобы держать их под наблюдением в той или иной провинции»⁶⁶.

6 октября окружные комитеты Конгресса Раз-Барели, Этавы, Канпура и Унао в дополнение к аллахабадскому получили разрешение начать кампании невнесения арендной платы⁶⁷. Взносы арендной платы в этих округах почти полностью прекратились⁶⁸, а другие округа тоже начинали следовать их примеру; стало ясно, что, единожды начавшись, это движение охватит всю провинцию. Власти Соединенных провинций получили разрешение правительства Индии арестовать Джавахарлала, если он появится в каком-либо из этих округов⁶⁹. Однако, хотя Джавахарлал и посетил некоторые из них, его не тронули. Хейли понимал слабость своей позиции и, несмотря на нетерпение властей в Симле, «не посмел» это сделать⁷⁰. В отличие от прошлогодней эта кампания невнесения арендной платы явно не имела политической окраски и определялась экономическими причинами. Во многих европейских странах за проведение такой кампании вряд ли прибегли бы к репрессиям, которые оттолкнули бы умеренное общественное мнение как в Индии, так и за рубежом. В отличие от правительства Индии Хейли не считал, что Конгресс под руководством Джавахарлала стремится во что бы то ни стало решить вопрос в отсутствие Ганди: «Похоже на то, что Конгресс действительно хочет дождаться возвращения Ганди и не ускорять события»⁷¹. Поэтому, чтобы

укрепить свое положение, правительство Соединенных провинций снизило плату за воду, внесло законопроект о защите от сгона с земли арендаторов, погасивших две трети недоимок за предшествующие четыре года, и предложило рассмотреть, какие меры следует незамедлительно принять для облегчения положения арендаторов при уплате долгов, которые оказались просроченными из-за падения цен.

Но тут Хейли наконец решился нанести удар. Его на это подтолкнул не столько нажим Симлы, сколько боязнь того, что положение выйдет из-под контроля и что если Ганди по возвращении решит поддержать кампанию, то нельзя будет собрать ни арендной платы, ни налогов⁷². Но даже тогда он смягчил формулировки указа, составленного правительством Индии⁷³, и издал его с разъяснением, которое фактически представляло собой пространное извинение. В нем утверждалось, что Конгресс использовал экономический кризис для того, чтобы увеличить число своих сторонников среди крестьян, что он не проявил желания соблюдать дух перемирия и что Джавахарлал проповедовал идею классово-войны⁷⁴. Согласно указу, который даже в измененном виде оставался достаточно суровым, против членов Конгресса были приняты меры. Джавахарлалу и другим деятелям Конгресса были вручены извещения, запрещающие им выступать или писать в поддержку кампании. Был также произведен обыск в Ананд-бхаване и многих помещениях Конгресса. Арест Джавахарлала был отложен, поскольку он в это время посещал Бомбей и Карнатаку.

Но даже на этом этапе Конгресс не имел намерения провести всеобщую кампанию гражданского неповиновения. Министр по делам Индии сэр Сэмюэль Хор нашел, что Ганди в Лондоне настроен весьма положительно. Ганди не предполагал немедленно возобновить всеобщую кампанию гражданского неповиновения и обещал, прежде чем принять решение о таком шаге, связаться с Хором и Уиллингдоном: «Самым приятным во время этой беседы было искреннее дружелюбие старика»⁷⁵. В Бомбее председатель Конгресса Патель публично предложил, чтобы какой-нибудь беспристрастный судья решил, какая сторона нарушила соглашение, а Джавахарлал высказался за то, чтобы это расследование провел судья-индиец или европеец, назначенный правительством⁷⁶. Возвратившись в Аллахабад, он получил извещение о запрещении покидать город без официального разрешения, а провинциальная конференция, назначенная на 26 декабря, была запрещена. Конгресс, все еще стараясь избежать столкновения, отложил конференцию⁷⁷. Но 26 декабря сам Джавахарлал был арестован за нарушение запрета покидать Аллахабад. Местный судья счел, что

этот запрет преследовал лишь цель помешать Джавахарлалу развернуть кампанию неуплаты налогов в своей родной провинции, и сообщил правительству, что готов разрешить Джавахарлалу поехать в Бомбей, если сам Джавахарлал известит его о таком намерении⁷⁸. Хотя Джавахарлал официально об этом не поставил в известность, все знали, что он уезжает из Аллахабада, чтобы встретить Ганди, возвращавшегося из Лондона, а не для того, чтобы организовать кампанию невнесения арендной платы. Однако правительство Соединенных провинций распорядилось об его аресте. Его подвергли аресту и сняли с поезда в Ирадатнагаре и спустя неделю приговорили к двум годам тюрьмы. Он должен был также уплатить штраф в размере 500 рупий, и в залог был наложен арест на автомашину, записанную на имя его дочери.

Вскоре арест Джавахарлала перестал быть лишь акцией провинциального масштаба — он оказался частью общего наступления на Конгресс. Уиллингдон и его правительство считали, что Ирвин, пойдя на переговоры с Конгрессом и подписав перемирие, совершил ошибку, повторять которую они не намерены. Вице-король со всей откровенностью заявил: «Как я всегда говорил, Ганди представляет собой нечто вроде Джекилла и Хайда: с одной стороны, он может быть и святой, а с другой — самый хитрый и изворотливый политический обманщик из всех, кого я когда-либо знал»⁷⁹. Когда Ганди обратился с просьбой о встрече с вице-королем, от него сначала потребовали, чтобы он отмежевался от своих коллег и согласился не обсуждать события в Бенгалии, Соединенных провинциях и Северо-западной пограничной провинции, где также вступили в силу суровые указы и был арестован Абдул Гаффар-хан. Такие условия Ганди явно не мог принять, да никто и не ожидал, что он их примет, и, когда Рабочий комитет решил возобновить кампанию гражданского неповиновения, Ганди, Пател и другие ведущие деятели Конгресса были арестованы. «Ударная тактика»⁸⁰ правительства Индии удивила почти всех без исключения. Министр по делам Индии был не очень доволен, но поддержал того, кто находился на месте событий⁸¹ и «превращался,— по его собственному признанию,— в нечто вроде индийского Муссолини»⁸². На этот раз, сколько бы для этого ни потребовалось времени, Конгрессу нужно было сломать хребет. «По моему мнению,— писал начальник департамента внутренних дел после года репрессий,— мы можем обойтись без доброй воли Конгресса, и я ни на минуту не поверю, что он ее проявит; но мы не можем обойтись без доверия тех, кто оказывал нам поддержку на протяжении долгой борьбы с Конгрессом»⁸³. Таким образом, было решено продолжать политику, рассчитанную на разгром на-

ционалистического движения, и одной из ее главных мишеней, очевидно, стал Джавахарлал. Считали, что он исповедует какую-то форму ленинизма, стремится к созданию «ленинского директората»⁸⁴. «Джавахарлал — фанатик. Существует угроза попытки возобновить кампанию невнесения арендной платы в Соединенных провинциях. Джавахар Лал Неру — автор этой политики, и его освобождение, несомненно, послужило бы для нее новым толчком»⁸⁵.

Поэтому было ясно, что Джавахарлалу предстояло длительное пребывание в тюрьме, и на этот раз тюремная жизнь впервые стала сказываться на его здоровье. У него заболели зубы, и в целом состояние было неважным. По вечерам начала повышаться температура, но смотритель тюрьмы месяцами сам не пытался выяснить причину и не разрешал врачам со стороны осмотреть Джавахарлала. В конце концов после перевода в другую тюрьму врачи Бидхан Рой и Ансари получили разрешение осмотреть его и установили вспышку правостороннего плеврита. Постепенно Джавахарлал поправился, но ему пришлось отказаться от бега, физических упражнений и даже ходьбы и довольствоваться лишь солнечными ваннами.

Вначале условия его содержания также были не очень хорошими. После нескольких недель в тюрьме Наини его перевели в Барейли, где и помещение и заключенные оказались отвратительными. Пол его камеры находился не менее чем на шесть футов ниже земли, в результате чего высота окружающей ее стены превышала двадцать четыре фута. «Стена напротив меня,— писал Джавахарлал дочери¹,— имеет, вероятно, нечто общее, по крайней мере по высоте, с Великой китайской стеной». Кроме того, впервые после Набхи не только камера, но и весь барак запирался на ночь. Свидания с семьей каждые две недели проходили под пристальным надзором не только тюремщика, но и полицейского, который во время их что-то записывал. Другие заключенные, кроме Говинда Баллабх Панта, тоже раздражали его. Так что Джавахарлал затосковал. «В целом я не сумел приноровиться к тюрьме, как раньше. Может быть, из-за небольшого нездоровья, а может быть, из-за переводов из одной тюрьмы в другую или же из-за отсутствия прежних товарищей по несчастью. Возможно, это объясняется неудовлетворенностью из-за положения дел и событий вообще и, вероятно, многими другими причинами»².

Его тоска усиливалась и из-за других происшествий. В апреле его мать избили палками и сильно поранили. Эта пожилая женщина была полна мужества и силы духа. «Я горжусь тем, что меня избили за то, что я выступаю за интересы моей родины... Когда

меня избивали, я думала о тебе и твоём отце и не издала ни звука... Мать отважного сына тоже немного походит на него. Меня били лишь палкой, но будь это винтовка, я обнажила бы грудь для выстрела»³. Но это происшествие усилило отчаяние Джавахарлала. Затем, во время свидания в тюрьме с Ранджитом Пандитом, когда Индира показала ему школьный табель его детей, тюремный надзиратель оскорбительно обошелся с матерью и женой Джавахарлала, которые при этом присутствовали, после чего правительство отдало распоряжение об отмене на один месяц их свиданий с Джавахарлалом. Это чрезвычайно его рассердило, и он вообще отказался от свиданий даже по истечении месячного срока, поскольку, как он заявил, он ни в коем случае не был готов идти на малейший риск нового оскорбления матери и жены⁴. Лишь в начале 1933 года, после восьмимесячного перерыва, Ганди убедил его снова принимать посетителей.

Отказ от свиданий, которые были единственным светлым лучом в тоскливой тюремной жизни, лишил его удовольствия, которое давало их ожидание.

«Дни, недели, месяцы проходят, сливаясь друг с другом и ничем друг от друга не отличаясь. И прошлое похоже на расплывчатую картину, на которой ничего нельзя различить. Вчера означает здесь день, когда ты был арестован, так как между этим днем и сегодняшним почти пустота, не оставившая никаких впечатлений. Это растительная жизнь, приросшая корнями к месту, прозябание без размышлений и споров, в безмолвии и без движения. И порой активная деятельность во внешнем мире начинает казаться странной и вызывает недоумение у человека в тюрьме, она кажется чем-то далеким и нереальным, каким-то призрачным зрелищем. Итак, у нас двойственная природа, два образа жизни, в нас две личности, наподобие доктора Джекила и мистера Хайда»⁵.

В июне 1932 года Джавахарлала перевели в тюрьму в Дехраду-не. Там был мягкий климат и более удобные тюремные помещения. Начальник тюрьмы — ирландец капитан Фалви, имя которого заслуживает того, чтобы его помнить, был учеником де Валеры и делал все, чтобы облегчить условия содержания. Джавахарлалу даже разрешалось гулять за воротами тюрьмы. Но все это не могло успокоить внутренней взбудораженности. Узнав о жестоком обращении с политическими заключенными в других тюрьмах в Соединенных провинциях, Джавахарлал испытал чувство стыда за те хорошие условия, в которых он сам находился, и обратился к правительству с просьбой поместить его в такие же условия, как и других⁶.

Кроме того, он беспокоился о жене и матери, которым прихо-

дилось обходиться одним, без всякой помощи, и о двух сестрах, томившихся в тюрьме. Но больше всего его волновала мысль о растущей дочери, о которой он очень часто думал. А поскольку, когда он писал ей, перед ним вставал ее образ, он продолжал сочинять свои небольшие лаконичные очерки, рассказывая в них дочери о последовательных этапах прошлого человечества, хотя не мог посылать их ей и должен был отложить передачу их на будущее.

Джавахарлал не был профессиональным ученым, ставившим для своего исследования строгие и четко определенные рамки. Охватывая сразу, как он говорил, целые столетия и мельком останавливаясь на тех или иных континентах, он пропускал то, что казалось ему скучным, и фиксировал внимание на тех моментах истории, которые вызывали у него интерес. Так, например, его захватывали судьбы великих исторических личностей, вовсе не обязательно высоко добродетельных и идеальных. Чингисхану и Наполеону он уделил столько же места, сколько Ашоке, Леонардо или Ленину. Его внимание привлекала к себе сила, даже доходившая до жестокости. А этого следовало ожидать от человека, который счастливее всего чувствовал себя, когда испытывал влияние более сильных характеров. Однако такое пристрастие было также следствием временного ощущения утраты. Джавахарлал был в своей стихии, когда действовал, а обреченный в тюрьме на бездействие, он прославлял энергичные деяния других независимо от того, какие результаты они приносили.

В написанном в январе 1934 года предисловии он отмечал: «...даже пока писались письма, моя точка зрения на историю постепенно менялась. Сегодня, если бы мне пришлось заново переписывать их, я бы написал иначе или подчеркнул другие моменты». Он, вероятно, поставил бы под сомнение веру в то, что история рассказывает о росте и прогрессе и говорит о возможности бесконечного движения человека вперед.

«История не является чем-то приятным. Человек, несмотря на прогресс, которым он хвастает, все еще неприятное и эгоистичное животное. И все же сквозь толщу длинного и безрадостного повествования об эгоистичности, неуживчивости и бесчеловечности человека, вероятно, можно увидеть луч надежды — признаки прогресса»⁷.

Джавахарлал, вероятно, несколько изменил бы и свое восторженное отношение к некоторым личностям. А в остальном он на всю жизнь сохранил свой полулиберальный, полумарксистский взгляд на историю, который придает его книге целостность. История человека представляла собой одно взаимосвязанное целое,

и единственной историей, которую можно было бы надлежащим образом написать, была история мира. Ее творцами были не отдельные люди, и она не являлась плодом национальных особенностей, ее творили мировые силы, и события в отдельных странах развивались примерно одинаково. Даже «поверхностные наброски», которые Джавахарлал «едва связал между собой»⁸ и которые касались по большей части Европы и Азии, имели своей целью показать, что история — это не то, что совершалось вождями или правительствами, а то, что происходило с народами в результате взаимодействия идей, экономических интересов и социальных взаимоотношений. Хотя у Джавахарлала отсутствует глубокий анализ, он считал, что именно класс, владеющий средствами производства, является правящим классом и что история человечества — это история классовых конфликтов и социальной борьбы. Понимание этого давало возможность понять прошлое и с уверенностью смотреть на будущее, быть готовым к эффективным действиям.

Не англичане, а взгляд на историю как результат действия безличных мировых сил, а не деяний отдельных личностей, которых можно за это корить или хвалить, привел Джавахарлала к критике империалистической системы и к стремлению беспристрастно рассматривать даже проблемы, относящиеся к Индии, как и надлежит ученому, исследующему какой-то факт. Джавахарлал не мог не быть самим собой. Он был азиатским националистом с обостренной реакцией, и, как бы ни старался быть справедливым по отношению к англичанам, какая-то «придиричивость» все время ощущалась⁹, особенно когда речь шла о делах, не имевших отношения к Индии. Но он относился к национализму с опаской, как к «ненадежному другу» и «недостовверному историку»¹⁰ и описывал недостатки своего собственного народа в такой же мере, как и недостатки его правителей. Со времени возвращения из Европы в 1927 году Джавахарлал всегда резко отрицательно относился к фетишизации различных институтов. Он не переставал восхищаться великими священными произведениями индуизма. «Бхагавадгиту» он называл «драгоценной поэмой», а о «Рамаяне» и «Махабхарате» писал: «Кто, как не величайшие люди, мог их сочинить?»¹¹

Но впечатляли они его скорее как литературные произведения и описания исторических событий, чем как откровения. Он не любил посещать храмы, презирал обрядовость, и молитвы его отталкивали. Но в 30-е годы, когда он писал свои письма, еще была свежа память о беспорядках в Канпуре, во время которых погиб его друг Ганеш Шанкар Видьяртхи, и его особенно сильно волно-

вала жестокость, проявляемая во имя религии. Он считал необходимым освободить Индию от цепей сложнейшей идеологии, опиравшейся на обычаи, условности и предрассудки. Он старался убедить своих соотечественников, что ислам не одобряет религиозные преследования и что человек, подобный Махмуду Газнийскому, которого вся Индия считала архииконоборцем, фактически был всего лишь удачливым воином. Он пришел в Индию, чтобы завоевывать и грабить, и делал бы это независимо от того, какую религию исповедовал. Наилучшей чертой индийской культуры является синтез. От него мало что осталось, и необходимо восстановить его на более прочной основе свободы и социального равенства в соответствии с лучшим мировым порядком.

Когда Джавахарлал сильно уставал и не был в состоянии писать, он всегда мог браться за книги. К счастью, в этот раз их число не ограничивалось, и он мог их читать и держать у себя; ему также разрешалось получать в неограниченном количестве газеты и журналы. Поэтому, помимо газет «Стейтсмен» и «Пайонир», он читал «Ливинг эйдж», «Манчестер гардиан уикли», «Нью лидер», «Нью рипаблик», «Модерн ревью», «Нейшн» и «Спектейтор». Список газет, которые он просматривал, говорит о том, что он был так же хорошо начитан и осведомлен о текущих событиях, как и культурный житель Лондона или Нью-Йорка, имеющий много свободного времени. Среди авторов, которых он читал, были Тойнби, Морис Добб, Леонард Вулф, Тоуни, Ласки, Луис Фишер, Джулиан Хаксли, Г. Дж. Уэллс, а также Свен Хедин, Тагор, Чарльз Морган, Моруа, Лоуз Диккинсон и Л. А. Г. Стронг. Они, как говорил Джавахарлал, не только спасали его от скуки и уныния, но и питали его ум и вселяли в него энергию.

Итак, Джавахарлал включился в монотонную тюремную жизнь, и разговоры об освобождении всех политических заключенных его раздражали. Он даже накинулся на одного из заключенных, который просил об освобождении под честное слово для лечения. «Я почти настроил себя таким образом, что и десятилетнее заключение для меня ничего бы не значило. Жизнь на свободе при существующей обстановке мало привлекательна, так почему же меня должна пугать тюрьма?»¹² Охватывающая его временами тоска по *la douceur du vivre** — приятному окружению, добрым друзьям, симпатичным женщинам, интересным беседам — быстро исчезала, когда он вспоминал о раздорах в семье и мелочном соперничестве в Конгрессе, об ухудшении положения в нем и, что самое главное, о растущем отчуждении от Ганди и недовольстве его методами. Проблема *хариджанов*

* Прелестям жизни (фр.).

и вопрос об их допуске в храмы настолько поглотили Ганди, что главный вопрос — об английском владычестве — отошел на второй план. Голодовка Ганди, объявленная в 1932 году в знак протеста против общинного закона, согласно которому списочные касты рассматривались как самостоятельная курия на выборах, явилась большим потрясением. Мысль о том, что Ганди может умереть, притом из-за такой незначительной причины, что единственная в его жизни охранительная сила может исчезнуть, на какое-то время серьезно нарушила душевное равновесие Джавахарлала: «Мой маленький мир, в котором он занимает такое большое место, колеблется, дрожит, рушится; кажется, повсюду воцарились мрак и пустота. Неужели я его больше не увижу? И к кому же я пойду, когда меня будут одолевать сомнения и я буду нуждаться в мудром совете или если я буду огорчен, опечален и мне понадобится утешение чуткого, любящего друга?»¹³ Джавахарлал плакал, охваченный смешанным чувством гнева и любви к человеку, который мог так своенравно вызвать кризис, чувством горечи по отношению к людям, которые разрешают своим героям рисковать жизнью таким образом. Ганди в разгар своих собственных трудностей представил себе, какой будет реакция Джавахарлала, и послал ему ободряющую телеграмму, которая, вкупе с известием о том, что голодовка прервана, помогла восстановить душевное равновесие последнего. Однако вся эта история была им пережита тяжело. Его существование целиком и полностью зависело от силы духа, чувств и воспоминаний. Находясь в одиночестве часами, которые казались бесконечными, он часто поддавался тоске. Ему сильно не хватало отца, и, вспоминая о нем еще и еще раз, он испытывал чувство незащитности.

«Ах, если бы отец был жив! Мой ум бессознательно обращается к нему, я вспоминаю его и чувствую пустоту при мысли, что его больше нет. На протяжении месяцев и лет, когда я жил в Европе, мы находились далеко друг от друга, но тогда это мало значило. Меня никогда не покидало чувство, что он со мной, и всегда можно было обратиться к нему за помощью и советом. Теперь осталась пустота...»¹⁴

Его другая трогательная и искренняя запись в дневнике говорит о том, сколь сильной была его боль от потери отца:

«Я читал газету — в ней рассказывалось об открытии бюста или статуи отца в индусском пансионате в Аллахабаде. Покрывало с него снял Хирдай Натх Кунзру. Я хотел прочитать его выступление, но ничего не увидел. К моему удивлению, совсем помимо моей воли, глаза мои наполнились слезами»¹⁵.

В следующем году Ганди предпринял очистительную голодовку, и снова причинил Джавахарлалу и миллионам своих соотечествен-

ников сильные страдания. Ганди, находясь вдалеке, понимал это, и написал Джавахарлалу бодрое письмо, которое предназначалось для его утешения. Две посланные в ответ телеграммы Джавахарлала говорили о его замешательстве и боязни личной утраты. «Что я могу сказать о делах,— телеграфировал Джавахарлал, первоначально охваченный раздражением,— которые я не понимаю. Я чувствую себя потерянным в незнакомой стране, где единственной известной мне вехой являетесь Вы; я пытаюсь нащупать путь в темноте и спотыкаюсь. Что бы ни случилось, моя любовь и мои думы с Вами». Но спустя несколько часов он почувствовал, что должен отправить Ганди менее грустное послание, и вечером телеграфировал снова: «Теперь, когда Вы взялись за свое великое предприятие, разрешите мне снова выразить Вам мою любовь и заверить, что я сейчас яснее понимаю: что бы ни произошло, все будет благом и, что бы ни случилось, Вы победите»¹⁶.

В начале голодовки правительство освободило Ганди, который прекратил кампанию гражданского неповиновения на шесть недель. Для Джавахарлала это явилось полной неожиданностью, но, все еще опасаясь смерти Ганди, он не возражал. Однако после прекращения голодовки Джавахарлал уже смог лучше оценить поведение Ганди, чем когда-либо в прошлом и чем когда-либо в будущем. На короткое время пелена спала с его глаз. Он понял, что Ганди придерживался позиции возрождения старых методов, против которой холодный рассудок был бессилён. Политические акции самого Ганди часто определялись безошибочным инстинктом, и поэтому он не поощрял других действовать по велению рассудка. Сам Ганди, как он нередко с гордостью говорил, удовлетворялся каждым следующим шагом и не задумывался о конечной цели. Его упор на бога и веру, приятие существующего общественного строя, стремление к компромиссу, опора на помощников, считавшихся реакционерами,— все это не нравилось Джавахарлалу, и любовь к Ганди не могла заставить его закрывать глаза на то, что он все больше и дальше отходил от своего наставника. «У меня зародилась растущая уверенность в том, что между мной и Бапу не может больше быть политического сотрудничества. Во всяком случае, не того рода, которое существовало раньше. Нам лучше пойти разными путями. Мой путь лежит через тюрьму. Это тяжелый и гнетущий путь, но, может быть, это и к лучшему»¹⁷. Очевидно, за стенами тюрьмы его ждали столкновения между соперничающими группировками, и, поскольку эта перспектива его не радовала, Джавахарлал не рвался на свободу. Но тут случилось так, что как раз тогда, когда он закончил последнее письмо дочери, его перевели в тюрьму Наини, а через неделю, 30 августа, за двенадцать дней до истечения срока приговора, освободили.

Мать Джавахарлала серьезно заболела, положение в провинции было спокойным, Конгресс с помощью Ганди, казалось, сумел связать себе руки, а правительство считало (ошибочно), что Джавахарлал тоже за прекращение кампании гражданского неповиновения. Из его писем, которые читались цензорами, был сделан вывод, что у него нет ясного плана дальнейших действий, а, кроме того, ожидали, что всемирная история, которую он писал, какое-то время еще будет занимать его внимание. Поэтому, учтя все это, правительство Соединенных провинций (в отсутствие Хейли, который находился в Лондоне) сочло, что может пойти на риск освобождения Джавахарлала, и правительство Индии одобрило это решение¹⁸.

Заявление Джавахарлала по выходе из тюрьмы о том, что он не придает значения движениям *свадеш* и *хариджанов*, сообщения о его беседах с коллегами в Соединенных провинциях и его выступления в печати, в которых он говорил, что главная проблема Индии экономическая и что новое общественное устройство неизбежно, породили надежды, что он официально порвет с Ганди и старым Конгрессом и создаст новую партию, которая в качестве цели выдвинет достижение независимости¹⁹. И действительно, между взглядами, провозглашаемыми Ганди и Джавахарлалом, было мало общего. Последний, находясь в тюрьме, занимался тщательным изучением положения в мире и рассматривал Индию как часть мировых сил, расстановка которых определялась неудачами капитализма, появлением нацизма, ростом диктаторских тенденций даже в Англии²⁰ и Соединенных Штатах и начинающейся борьбой между фашизмом и коммунизмом. По мнению Джавахарлала, происходил неизбежный и всеобщий сдвиг не обязательно в сторону советской модели, но к общим положениям советской концепции. По существу, перед миром стоял выбор между какой-то формой коммунизма и какой-то формой фашизма, и Джавахарлал целиком и полностью был на стороне первого. Среднего пути не существовало: следовало выбрать одно из двух, и Джавахарлал без колебаний выбрал коммунистический идеал. С этого времени он возненавидел фашизм и ненавидел его всю жизнь, в это время в нем зародилось убеждение в том, что, хотя коммунизм должен быть приспособлен к различным условиям в различных странах, его идеология, общее мировоззрение и научное толкование истории правильны. Близость к левым, возникшая во время поездки в Европу в двадцатых годах и усилившаяся благодаря чтению, укрепляла противостоявшая им философия, которая получила распространение в Италии и Германии²¹.

В Индии усилия англичан, направленные на то, чтобы защитить не только свои интересы, но также и интересы своих союзников — *заминдаров*, князей и капиталистов, не имели, по мнению Джава-

харлала, шансов на успех, потому что противоречили действию могучих экономических сил, определявших будущее мира. Но и националистам тоже не следовало надеяться на то, что они сумеют ограничиться борьбой за интересы своей родины, против интересов чужеземной державы, и стремиться избегать нарушения существующей расстановки классовых сил и социального статус-кво. Джавахарлал считал, что социалистическое государство и независимость неразделимы и если место английского правительства займет индийское правительство, которое сохранит все привилегированные группы, то не наступит и видимости свободы. Конгресс как авангард индийского националистического движения, считал он, нуждается в новой идеологии, ориентирующейся на первоочередные экономические задачи и учитывающей положение в мире. Это, по его мнению, было важнейшей задачей, ибо нищее крестьянство, которое муштруется голодом, вынуждено искать путь к немедленному облегчению положения.

«Жареный барашек в мятной подливе, быть может, кажется вкусным тем, кто его ест, но вряд ли бедный барашек поймет убедительность наилучших аргументов, говорящих о благородстве самопожертвования ради блага избранных и радости тесного общения, хотя и в неживом состоянии, с мятной подливой»²².

Джавахарлал предусматривал коренную смену режима, политическую, экономическую и социальную, и все эти три аспекта должны были быть неразрывно связаны. Согласно его плану, английское имперское правление ликвидировалось, автократическая власть в индийских княжествах уничтожалась, вся система землевладения менялась, промышленность переходила под государственный контроль, а богатство делилось между всеми. Каждое из этих мероприятий являлось частью общей проблемы.

Эти взгляды были весьма далеки от мировоззрения Ганди, который стремился возобновить мирные переговоры с англичанами и с помощью голодовок обеспечить лучшее общественное поведение своих соотечественников. Его политическая линия строилась на интуиции, не требуя ни рассуждений, ни логики. Джавахарлал же следовал разуму, применял законы истории и перемен. Разрыв казался неминуемым, и когда Джавахарлал направился в Пуну для свидания с Ганди, тоже только что вышедшим из тюрьмы, вероятно, он также был готов к нему. Но Джавахарлал не мог забыть, что, как бы сложно ни было положение, главным фронтом борьбы оставался фронт политический и что, пока англичане не будут изгнаны, продвижение к социализму вряд ли реально. Борьба с экономическими трудностями при сопротивлении государственной власти являлась бесполезной тратой энергии. Но в политической борьбе руководство

Ганди, хотя и неустойчивое, все еще казалось совершенно необходимым, а Конгресс пока что представлял собой самую боевую организацию Индии. Сам Джавахарлал оставался, по существу, представителем высших классов, и даже его радикализм, базировавшийся на европейском опыте, временами казался ему не более как плодом его глубоко укоренившегося классового сознания, взгляда сверху вниз. Таким образом, и Ганди, и партия были ему необходимы, и разрыв с ними снова исключался не только из-за слишком глубокой личной преданности и привязанности. Увидевшись с Ганди после двухлетнего перерыва, Джавахарлал публично заявил о признании руководства Ганди, состоялся обмен письмами, в которых он изложил свою позицию в приемлемой для Ганди форме. Достижение независимости предусматривало полный контроль над армией и внешними сношениями, а также финансово-экономический контроль, как можно более быстрое, но осторожное лишение привилегированных групп их привилегированного положения. Конференция круглого стола оказалась ненужным мероприятием, а проблему освобождения Индии нельзя было отделять от важнейших международных вопросов. Фактически различия в точках зрения свелись чуть ли не к пустякам, поскольку Джавахарлал сделал упор на разногласия с Ганди по таким несущественным вопросам, как отличие индивидуального гражданского неповиновения от массового, а тайные действия считались всегда нежелательными. Ганди прекратил споры, объявив, что разногласия вызываются только различием в темпераментах и недоразумение возникло из-за склонности Джавахарлала к повторениям одного и того же²³. Через несколько месяцев Ганди не колеблясь выдал Джавахарлалу «доверенность» на изложение позиции Конгресса и откровенно заявил о причинах, побудивших его это сделать:

«Я не думаю, что собственные взгляды Джавахарлала достаточно четко выкристаллизовались, чтобы привести к серьезному отходу от политики Конгресса. Он — твердый приверженец социализма, но его представления о том, как лучше применить социалистические принципы в индийских условиях, все еще не сформировались. Поэтому его коммунистические взгляды никого пугать не должны»²⁴.

Отказ от разрыва с Ганди, конечно, огорчил радикально настроенных сторонников Джавахарлала, и, когда вслед за обменом письмами с Ганди последовало заявление Джавахарлала о том, что он очень доволен тем, как ведется борьба, и не видит нужды в созыве заседания Всеиндийского комитета Конгресса²⁵, даже его друзья были вынуждены протестовать. Несмотря на все прекрасные слова, он не предлагал никакой новой политической линии,

не подумал и о демократии, так как не пожелал проконсультироваться с другими конгрессистами.

«Фактически пандит Джавахарлал и его друзья сами полностью оторваны от действительности. Иначе нам пришлось бы предположить, что они намеренно сами себя обманывают, считая, что нынешняя политика принесла успех, а это невероятно... Предлагать индийцам радикальную экономическую политику бесполезно, если не сказать им, как ее следует проводить в жизнь... Если пандит Джавахарлал в существующих сейчас плачевных условиях ничего другого, кроме повторения старых избитых истин и утверждения, что лишь он, он один связан с Конгрессом и широкими массами, предложить не может, то ясно, что бразды руководства, как это ни жаль, нужно передать другим, тем, кто восстановит прежнюю репутацию Конгресса как главной политической силы страны»²⁶.

Критики Джавахарлала не понимали, что, решив не порывать с Ганди и Конгрессом, он не мог поднять мятеж изнутри — это противоречило бы его натуре. Как бы резко он ни выражал свое несогласие в частных беседах, он был полон решимости официально признавать политику и решения Конгресса и отзываться о них по возможности самым положительным образом²⁷. Когда-нибудь в его лояльности могла появиться трещина, но пока она сохранялась, она была безусловной. Взлеты и падения в массовом национальном движении были неизбежны, а затишье, которое он теперь не должен был нарушать, могло быть с успехом использовано для размышлений о методах и целях. Нереально было ожидать, что Конгресс при своем составе станет настоящей социалистической организацией, но существовала надежда, что он постепенно будет приобретать все более и более социалистическую направленность. «Не вижу, почему я должен уйти из Конгресса, предоставив свободу действий социальным реакционерам. Поэтому я считаю, что нам надо оставаться в нем, попытаться ускорить движение вперед и тем самым заставить других либо пойти за нами, либо расстаться с Конгрессом». Раньше или позже наступит время, когда в Конгрессе из-за новых идей произойдет раскол, а пока что необходимо использовать национальное движение и, насколько возможно, помогать его развитию. Вместо того чтобы создавать самостоятельные и бесплодные учебные центры, социалистическим элементам нужно вывести Конгресс из тихой заводи чистой политики, и они для этого могут использовать его программу массовых действий. Ведь хотя по своей идеологии Конгресс — отсталая партия, он остается самой революционной организацией страны, и необходимо лишь придать ему новую ориентацию, а не поры-

вать с ним связи. Желательны отдельные организации для защиты интересов рабочих или крестьян, но не политические организации, противостоящие Конгрессу или действующие параллельно с ним. «Много говорят о социалистической партии или о чем-то вроде нее, но я убежден, что по большей части эти разговоры направлены на то, чтобы прикрыть бездеятельность или служить средством самовозвеличения»²⁸.

План организации курсов идеологической подготовки для членов Конгресса требовал, чтобы Джавахарлал оставался на свободе, а у него таких надежд не было. Он полагал, что через неделю после освобождения снова окажется в тюрьме. Пребывание там превратилось в часть повседневного бытия, и ему явно предстояло вернуться туда и размышлять «о земном рае и различных решетках, железных и интеллектуальных, которые закрывают нам путь туда»²⁹. Со временем Джавахарлал даже начал скучать по тюрьме. Жизнь на свободе, в обстановке репрессий, была тяжелой. В таких районах, как Бенгалия, условия существования были еще более унижительными, чем в других местах, но фактически все индийцы попали под жернова и оказались раздавленными ими. Конечно, говорил Джавахарлал, было бы проще, если бы вместо множества указов, распоряжений и правил был принят всеобщий закон, закрывающий все школы и колледжи, запрещающий все газеты и книги и указующий, что все индийцы должны считать, что находятся в тюрьме (класса С), каждое утро отдавать честь английскому флагу и дважды в день на божественной службе распевать британский гимн; «вечера же можно было бы с пользой посвятить слушанию вдохновляющих речей о достоинствах английского правления»³⁰.

Поэтому у страны оставался один выбор, и другого не было. «Мне совершенно ясно, что я должен делать, и это дает мне душевный покой. Со дня моего освобождения я был совершенно готов вновь отправиться в тюрьму. А теперь не только готов, но просто стремлюсь туда попасть. Мой инстинкт говорит мне, что я должен сделать шаг вперед, а на инстинкт в этом вопросе я могу вполне положиться»³¹. Конфискация правительством его акций на сумму 20 тысяч рупий освободила его от лежавших на нем, как он считал, обязательств; после этого он продал за небольшую сумму семейные драгоценности. Джавахарлал в отличие от Ганди гораздо больше размышлял, но в имущественных делах он был таким же политическим аскетом.

Оставаясь на свободе, Джавахарлал стремился продолжать борьбу, хотя и не так активно, — ведь единственной альтернативой борьбе был компромисс с империализмом, неприемлемый как для него лично, так, конечно, и для индийского народа. Разъезжая по стра-

не, Джавахарлал убедился в том, что никогда ранее, во всяком случае после 1857 года, не существовало такого сильного недовольства правительством и такого страстного желания от него избавиться³². Поэтому он сосредоточил внимание на продолжении борьбы и не желал отвлекаться на такие второстепенные вопросы, как улучшение положения в деревне и движение *хариджанов*. «Неопасная и благочестивая деятельность такого рода может быть предоставлена старым дамам»³³. Речь шла не только о трате времени и энергии, но и о создании психологического климата. Национальная борьба должна была продолжаться, и превращение ее в социальную и экономическую борьбу масс и освобождение от индусского и мусульманского коммунизма придало бы ей новую силу.

До сих пор Джавахарлал умышленно старался не придавать значения растущей роли религиозно-общинных настроений в политической жизни Индии в надежде, что внимание общественного мнения можно будет отвлечь от них и сосредоточить на положительных сторонах национальной борьбы. Голод, нищета и эксплуатация не имели никакого отношения к религии. Но теперь наступило время для фронтальной атаки на религиозно-общинную рознь, которой прикрывалась политическая реакция³⁴. В выражениях, которые даже Ганди нашел слишком сильными³⁵, Джавахарлал бичевал Хинду махасабху за ее реакционную и антинациональную политику сотрудничества с правительством и поддержку привилегированных групп³⁶. Индуистские коммуналисты не хотели радикального изменения политической и экономической структуры и добивались официальной поддержки для увеличения своей популярности. Такая критика относилась, разумеется, и к мусульманским коммуналистским организациям, и Джавахарлал считал их в полном смысле реакционными и антинациональными³⁷. Однако их он осуждал в более мягких выражениях. Страхи меньшинства, отсталого и экономически, и по уровню образования, были оправданными и по крайней мере понятными, и от коммунизма, рожденного страхом, не следовало отмахиваться, с ним нужно было бороться с помощью убеждения. «Честный коммунизм — это страх; фальшивый коммунизм — политическая реакция». По мнению Джавахарлала, в мусульманском коммунизме наличествовало и то и другое. Более того, в то время как Конгресс вовлек в свои ряды большинство влиятельных представителей индуистской общины, среди мусульман господствующую роль в политике играли коммуналисты. Пока что не было создано никакой другой организации, которая оспорила бы их право выступать от имени мусульман, и их агрессивно коммуналистский характер ставил их в более выгодное положение, чем значительное число мусульман-националистов в Конгрессе³⁸.

Джавахарлал явно не питал иллюзий относительно организаций, действовавших под руководством столь реакционной личности, как феодал Ага-хан. Их позиция на Конференции круглого стола, где они сводили на нет все попытки Ганди предложить английскому правительству согласованное решение проблемы религиозно-общинной розни, явилась лишь еще одним свидетельством их опоры на узкую классовую верхушку и стремления подчиняться имперским властям и сотрудничать с ними. Единственным способом выявить пожелания мусульман было предложить им избрать своих представителей в Учредительное собрание при самом широком участии в выборах, или же, в случае необходимости, на основе отдельных избирательных курий. Тогда экономические требования, естественно, выступили бы на первый план, а религиозно-общинная проблема оказалась бы пустой фикцией. Однако пока что Джавахарлал в заявлениях, которые могли быть истолкованы как оправдание мусульманского коммунизма, приблизился к признанию силы влияния коммуналистских партий на мусульманскую общину и правомерности их позиций. Подобно Ганди, он всегда придерживался той точки зрения, что именно индусы, как религиозное большинство, должны идти на уступки, пока существует проблема религиозно-общинной розни. Такая позиция сама по себе, несмотря на призыв к великодушию, приобретала, пусть бессознательно, коммуналистскую окраску. Этот довод строился на убеждении, что религиозное большинство — привилегированная часть населения и у меньшинства есть основания для коммуналистских настроений. Правда, Джавахарлал не занялся тщательным исследованием этой проблемы, и его раздражали нападки Махасабхи на Ганди и Конгресс и ее откровенное заигрывание с правительством. Но даже и в этом случае в намеке на возможность выбора между индуистским и мусульманским коммунизмом таились опасные последствия.

Однако вся эта общественная деятельность продолжалась недолго. Правительство так же горячо, как и сам Джавахарлал, стремилось поскорее упрятать его в тюрьму. В его беседах с Ганди оно усматривало не диалог учителя и ученика — кем они и являлись, — а макиавеллевскую попытку успешнее мобилизовать силы против англичан. Они считали, что Ганди собирается совершить поездку по стране не для того, чтобы помочь осуществлению своих планов оказания помощи *хариджанам*, а для того, чтобы заложить основу для новых выступлений в рамках движения гражданского неповиновения, в то время как Джавахарлал, чьи социалистические убеждения еще больше «покраснели», постарается заручиться поддержкой крестьян, особенно в Соединенных провинциях, для своей программы экспроприации помещиков. «В настоящее время существу-

ет одна реальная угроза для нашего политического будущего, — сообщил вице-король, — опасность того, что Джавахарлал Неру начнет вести тайную пропаганду в деревнях в чисто социалистическом и коммунистическом духе, а с этим справиться будет нелегко». У правительства Соединенных провинций оставалось мало сомнений в том, что основная цель Джавахарлала — организовать массы и «вспрыснуть им вирус коммунизма». По мнению директора разведывательного бюро, в результате этого во время следующей кампании гражданского неповиновения Ганди сумеет собрать огромную армию *хариджанов*, а Джавахарлал множество стойких земледельцев³⁹. Бенгальское правительство пошло еще дальше и публично заявило, что Джавахарлал под прикрытием борьбы против неприкасаемости и с помощью денег, собранных для оказания помощи *хариджанам*, ведет революционную агитацию⁴⁰.

Все это не имело значения, поскольку Ганди выступил с разъяснением, что только те члены Конгресса, которые слишком слабы, чтобы подвергать себя аресту, или потеряли веру в гражданское неповиновение, должны участвовать в движении *хариджанов*, и запретил использовать это движение для усиления политической активности Конгресса или его влияния в народе. Что же касается того, что Ганди и Джавахарлал действовали в сговоре, то Эндрюс посетил начальника департамента внутренних дел и заверил его, что Ганди не разделяет взглядов Джавахарлала⁴¹. Относительно двоедушия Джавахарлала можно отметить, что спустя год, будучи в Англии, он выразил резкий протест против этого обвинения, и правительство Бенгалии оказалось вынуждено «позорно»⁴² отступить и снять его. «Английское чиновничество в Индии, — писала «Манчестер гардиан»⁴³, — очевидно, страдает от сильного приступа глупости... всякому, кто хоть что-то знает о Неру, это обвинение покажется смехотворным; с тем же успехом можно представить себе Саванаролу грабящим денежный ящик». Однако разговоры о наступлении Конгресса в двух направлениях представлялись полезными, так как они оправдывали безусловную враждебность, с которой правительство относилось к партии после 1932 года и преодолеть которую не хотело⁴⁴.

Деятельность Джавахарлала изображалась особенно опасной, чтобы поскорее посадить его в тюрьму. Все местные правительства получили указания арестовать его при первой же возможности, но не из-за какой-нибудь несущественной причины, а по серьезному обвинению, которое влекло бы за собой суровое наказание⁴⁵. «Я единственно надеюсь на то, что Джавахарлал так темпераментен, что вскоре потеряет власть над собой, и мы сумеем вновь заключить его в тюрьму, которая является самым безопасным местом для

человека его политических взглядов»⁴⁶. Сейчас правительство беспокоила не столько деятельность Джавахарлала в деревне, сколько влияние его книг, статей и выступлений на низшие слои средних классов. Материальное положение этих слоев было чрезвычайно тяжелым, и предлагаемая Джавахарлалом новая революционная идеология могла легко найти у них отклик. «Никогда нельзя сказать, как сильно эмоциональные люди могут быть увлечены программами этого типа. Ваш собственный де Валера кажется мне человеком, несколько похожим на Дж. Л. Н. В данный момент я, безусловно, не вижу другого деятеля, у которого было бы столько последователь, ибо остальная часть Индии никогда не пойдет за бенгальцем»⁴⁷. Если Джавахарлал порвет с Конгрессом и возглавит собственное движение, в этом уже будет заложена серьезная опасность, но еще более опасно, если он, как намекнул Ганди⁴⁸, перестанет подчеркивать свои симпатии к коммунизму и ограничится тем, что призовет Конгресс обратить внимание на экономические проблемы. Его открытый отказ от кампании невнесения арендной платы⁴⁹ уже свидетельствовал о такой возможности, и это побудило правительство действовать. «Честно говоря, я думаю, что лучше его убрать, и лишь надеюсь, что суды признают его виновным и вынесут удовлетворительный приговор»⁵⁰. В декабре главного комиссара Дели спросили, нельзя ли арестовать Джавахарлала за речь, осуждающую английскую эксплуатацию и феодальное самодержавие князей. Но, хотя власти в Дели согласились с тем, что речь эта была весьма предосудительной, они не надеялись, что его можно будет привлечь за нее к ответственности и добиться осуждения⁵¹. Тогда все местные органы власти получили распоряжение снова тщательно изучать речи Джавахарлала с тем, чтобы отдать его под суд по какому-нибудь серьезному обвинению, предусматривающему длительное тюремное заключение⁵². Начальники департаментов внутренних дел и права сочли, что выступление Джавахарлала на профсоюзном конгрессе в декабре в Канпуре, в котором он призывал к свержению власти британского империализма, дает наибольшие возможности для судебного преследования, и правительству Соединенных провинций было предложено возбудить дело. «Правительство Индии считает его самым опасным человеком в стране из тех, кто находится на свободе, и, по его мнению, настало время для того, чтобы, действуя в соответствии с общей политикой принятия мер на ранней стадии с целью предотвращения попыток поднять массовое движение, возбудить против него дело»⁵³. Однако Хейли, хотя он хорошо знал о растущем влиянии Джавахарлала, колебался, и в конце концов взялся за это рискованное предприятие согласилось правительство Бенгалии. В январе при посещении Калькутты Джавахар-

лал, не стесняясь в выражениях, осудил империализм и подчеркнул, что между национализмом и империализмом середины быть не может. Он также обрушился на террористов за выбор бесплодной и устаревшей тактики. Но правительство не нуждалось в таком союзнике против терроризма. 12 февраля в Аллахабаде Джавахарлал был арестован и препровожден в Калькутту, где его судили за подстрекательство к бунту и 16 февраля приговорили к двум годам нестрогого тюремного заключения.

«Отдельные люди,— заявил Джавахарлал в суде перед тем, как ему запретили говорить,— иногда плохо ведут себя в нашем несовершенном мире. Так же плохо могут вести себя и должностные лица, и те, кто стоит у власти. Толпа людей тоже подчас теряет контроль над собой и ведет себя плохо. Это достойно сожаления. Но ужасно, когда организованное правительство начинает вести себя подобно возбужденной толпе, когда жестокое, мстительное и нецивилизованное поведение становится нормой для правительства». Несомненно, в то время правительство Индии, считая, что схватило Конгресс за горло, готовилось его убить. Репрессии и зверства не знали предела, и считалось, что они дают результаты. Поскольку Джавахарлал был одним из тех руководителей, кто не поддался запугиваниям и не покорился, власти охотились за ним, пока он снова не оказался за решеткой. Очувтившись «на излечении» в своем «втором доме»⁵⁴, на этот раз в центральной Алипурской тюрьме в Калькутте, Джавахарлал снова включился в обычную тюремную жизнь, приспособился к пребыванию в маленькой камере и голом барачном дворе в обществе одного лишь клерка, осужденного за растрату. «Дни проходят, а также и ночи, и так мы живем. Как быстро привыкаешь к тому или иному образу жизни!»⁵⁵ Бенгальские власти не поощряли чтение и писание, и какое-то время, после того как Джавахарлал прочитал все романы из тюремной библиотеки, единственной остававшейся у него книгой была грамматика немецкого языка. Позднее это положение было исправлено. Однако он так и не привык к Алипурской тюрьме и был рад, когда в мае его перевели в знакомый барак тюрьмы в Дехрадуне.

Поступавшие все эти месяцы известия извне были печальными. Плохое состояние матери и жены вызывали у Джавахарлала постоянное беспокойство. Политические новости были не менее грустными. Сделанное Ганди в апреле заявление об отмене кампании гражданского неповиновения явилось тяжелым ударом. «Это — эпоха не только в нашем освободительном движении, но и в моей личной жизни. Уже пятнадцать лет я иду своим путем, быть может одиноким и не ведущим далеко. А пока у меня тюрьма и одинокое существование»⁵⁶. Незаконченная записка без даты, очевидно написанная в

это время, свидетельствует о том, что Джавахарлал опять приблизился к признанию того, что ему предстоит пойти иным путем. Между ним и Ганди не оставалось почти ничего общего, и он ошибался, подчиняя свои разногласия с ним более общим интересам национального освобождения. «У нас различные цели и различные идеалы, и наши методы тоже, вероятно, различны». Конгресс теперь занял активную антисоциалистическую позицию и, настаивая на конституционных методах, в политическом отношении стоял на более отсталых позициях, чем в период активной деятельности свараджистской партии. Заявление Ганди о прекращении кампании гражданского неповиновения, приведенные им причины и его мировоззрение вообще «показались мне чуть ли не оскорбительными для нации, Конгресса и всех, кто обладал хоть каким-то разумом. С болью ощущал я, что узы верности, связывавшие меня с ним на протяжении многих лет, порвались». Концентрация внимания на политических вопросах, осложнения личного характера и создававшиеся им самим трудности, которые побудили Ганди бросить товарищей в разгар борьбы, были поразительно неразумными и могли оказаться фатальными для движения.

В августе, когда состояние здоровья Камалы ухудшилось, правительство Соединенных провинций выпустило Джавахарлала из тюрьмы; он воспользовался этой возможностью и в документе, который даже Уиллингдон, ознакомившись с его копией, снятой полицией, назвал «чрезвычайно человечным»⁵⁷, излил душу Ганди. То, что кампания гражданского неповиновения была прекращена, писал Джавахарлал, уже само по себе плохо, но выдвинутая Ганди в оправдание этого причина и предложения относительно будущей деятельности его потрясли.

«У меня внезапно возникло отчетливое ощущение, будто внутри меня что-то сломалось, оборвалась некая жизненно важная для меня нить. Я почувствовал себя страшно одиноким в этом огромном мире. Всегда, почти с детства мне было знакомо чувство одиночества. Но появившиеся вокруг люди придали мне силу, крепкая поддержка некоторых из них не позволяла мне упасть. Ощущение одиночества никогда не исчезало, но стало не таким сильным. А теперь мне показалось, что я совершенно один, один-одинешенек на необитаемом острове».

Решения, последовавшие за прекращением кампании гражданского неповиновения, — одобрение создания парламентской фракции и участия в выборах — наносили один удар за другим; они лишили Джавахарлала душевного покоя и превратили жизнь в тюрьме в еще большее, чем когда-либо раньше, испытание для его нервов. То, что произошло, представляло собой не временное отступление,

обычное в периоды всякой великой борьбы, а духовное поражение и отказ от прежних идеалов. Конгресс превращался во фракционную группировку, и в нем торжествовал оппортунизм, а резолюция Рабочего комитета, осуждающая социализм, говорила о таком позорительном незнании даже основ социализма, что чтение ее и мысль о том, что ее могут прочесть за пределами Индии, причиняли боль. «Похоже на то, что комитет в угоду различным привилегированным группам готов даже нести какую угодно чепуху»⁵⁸.

Помимо этого личного письма, которому Ганди не придавал большого значения⁵⁹, Джавахарлал откликнулся на жест освободившего его правительства и не включился в политическую борьбу. Хотя в частном порядке он соглашался с критикой руководства Конгресса, с которой выступил его сторонник Рафи Ахмад Кидваи, публично он отмежевался от нее. Члены Конгресса, объявившие себя социалистами, в мае, в противовес его расплывчатым программам, образовали конгресс-социалистическую партию и не скрывали, что ищут и черпают вдохновение у Джавахарлала. Они полагали, что повторяют его идеи, называя Конгресс потенциально величайшей революционной силой и заявляя о стремлении объединить национальную борьбу с социализмом⁶⁰. Решение этой партии оставаться в Конгрессе тоже опиралось на опыт Джавахарлала, когда он создал Лигу независимости Индии. И все же Джавахарлал, выйдя из тюрьмы, отказался поддерживать их⁶¹. Он разделял их социалистические воззрения, но утверждение⁶², будто он полностью был согласен с решением создать эту партию, неверно. Джавахарлал считал этот шаг преждевременным, способным отвлечь внимание от первоочередной задачи — достижения политической независимости. Социалисты не пользовались поддержкой народа, и представлялось гораздо более важным подтолкнуть Конгресс в целом, пусть медленно, к определению экономических задач, чем уделять внимание догматическим идеям горстки людей. Джавахарлал был скорее радикалом, чем идеологом. Опыт Лиги независимости Индии оказался не очень обнадеживающим. Правда, можно утверждать, что Джавахарлал слишком быстро отступал, что после того, как он усвоил в Европе социалистические взгляды, ему не хватило настойчивости сформулировать конкретные программы, которые отвечали бы условиям, существовавшим в Индии, и энергично заняться воспитанием кадров и созданием организации; иначе говоря, ему не хватало «революционной перспективы»⁶³. Такую оценку следует рассматривать с учетом того, что, как бы сильно ни было разочарование Джавахарлала в Ганди и Конгрессе, он все равно был уверен, что и тот и другой необходимы для борьбы за изгнание англичан. Кроме того, он не мог относиться к пестрому сборищу марксистов,

фабианцев, гандистов и ортодоксальных индусов, возглавивших конгресс-социалистическую партию, иначе как с «насмешливым презрением»⁶⁴.

Однако власти Соединенных провинций опасались того, что социалистическая партия — «величайшая угроза миру в сельской местности», — имевшая примерно пятнадцать центров в провинции, из которых лишь немногие были по-настоящему активными, получит огромный импульс для развертывания своей деятельности, когда Джавахарлал выйдет из тюрьмы⁶⁵. Правительство Индии боялось, особенно накануне выборов в центральное законодательное собрание, освобождения именно того человека, которого оно с полным основанием опасалось и из которого сделало пугало — «верховного жреца коммунизма»⁶⁶. Поэтому правительство дало со всей ясностью понять, что ни о каком сокращении срока наказания не может быть и речи⁶⁷, и через одиннадцать дней, когда здоровье жены Джавахарлала немного улучшилось, его снова заключили в тюрьму, в этот раз в Наини, откуда его раз или два раза в неделю отпускали навестить Камалу. Затем, в октябре, когда ее поместили в санаторий в Бховали, Джавахарлала перевели в находившуюся по соседству тюрьму в Алморе.

Болезнь жены оттеснила все остальное на второй план. С годами их отношения, которым вначале было свойственно безразличие, вылились в глубокую привязанность. В тюрьме Джавахарлал часто в мыслях обращался к Камале, ждал ее писем и свиданий с ней. «Очень обрадовался, увидев ее, — гласит характерная для него запись в дневнике. — Я слишком сильно ее люблю»⁶⁸. А теперь, когда она оказалась на пороге смерти, он превратился в комок нервов, и скорее всего для того, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, засел за написание книги, которой суждено было стать его величайшим литературным произведением. В июне 1934 года он начал свое жизнеописание, которое закончил 14 февраля 1935 года. Менее чем за девять месяцев он написал труд объемом в 976 страниц. Названный сначала «В тюрьме и за ее стенами», он позднее вышел в свет под незамысловатым заголовком «Автобиография».

Тагор, Эндрюс, Сапру и множество менее известных людей, а также вся националистическая печать, Эттли, Лансбери и другие деятели лейбористской партии в Англии, никто из которых не разделял политических взглядов Джавахарлала, обратились с просьбами к правительству проявить великодушие и окончательно освободить его. Но правительство Индии считало, что об этом не может быть и речи, ибо не верило, что Джавахарлал будет «вести себя хорошо», т. е. воздерживаться от политической деятельности. Сам же Джавахарлал был слишком гордым, слишком преданным своему делу

националистом, чтобы просить об особом одолжении. Даже когда его в августе все-таки выпустили из тюрьмы, он отказался дать правительству какое-либо обязательство⁶⁹. Поблагодарив правительство Соединенных провинций за оказанную ему любезность, он больше ни о чем просить не стал.

«Говоря совершенно откровенно, я думаю, что правительство Соединенных провинций слишком уж отступило от своих правил ради одного конкретного лица, и несколько смущен этой особой заботой. Было бы неверно и абсурдно ожидать, что правительство будет менять свою политику из-за тех или иных отдельных случаев. Личные причины не могут и не должны влиять на принципы и общие правила. Я сам пытался действовать именно так, и да будет мне разрешено сказать, что я очень хорошо понимаю, что правительство не может поступать иначе»⁷⁰.

Когда один аллахабадский адвокат подал ходатайство в высший суд об освобождении Джавахарлала и вслед за этим послал меморандум правительству, Джавахарлал немедленно осудил непрошеное вмешательство в его личные дела. В августе он сказал Камале, что его, возможно, освободят в декабре, после выборов⁷¹. Когда же этого не случилось, он считал дни и недели, оставшиеся до конца срока приговора, но не просил ни о каких поблажках.

Лечение в Бховали не помогло Камале, и было решено отправить ее в Европу. Впервые Джавахарлалу пришлось побеспокоиться о деньгах. У него был ежегодный доход от издания книг и от оставшихся акций — что-то около девяти тысяч рупий. На эти деньги ему нужно было содержать большой дом — Ананд-бхаван, оплачивать большие счета врачей, поездку и пребывание Камалы в Европе⁷². Очевидно, в это время один представитель богатой семьи финансистов Бирла, узнав о трудностях Джавахарлала, предложил выплачивать ему довольно значительное месячное содержание, подобное тому, которое получали многие ведущие деятели Конгресса. Но Джавахарлал выразил удивление и отклонил это предложение⁷³. Он собрал все свои сбережения, и Камала вместе с Индирой и личным врачом в мае отплыла в Европу. Правительство Индии не проявляло желания сократить срок приговора Джавахарлала для того, чтобы он вместе с женой отправился в Швейцарию, боясь, что это уже само по себе усилит социалистическое крыло Конгресса и огорчит чиновников и верных правительству деятелей⁷⁴. Оно надеялось, что после официального выхода Ганди из Конгресса в сентябре эта партия под руководством Пателя и Раджагопалачарьи превратится в умеренную конституционную организацию. Для этого нужно было держать

социалистов в узде, что больше всего облегчалось пребыванием Джавахарлала в тюрьме⁷⁵.

В какой-то мере такое решение казалось приемлемым. Камала хотела поехать в Европу не только для того, чтобы сменить климат и поправить здоровье, но и потому, что их близость с Джавахарлалом в то время действовала на нервы им обоим. Зависимость друг от друга порождала свои трения. В 1933 году, посещая Джавахарлала в тюрьме в Дехрадуне, Камала обратилась к одной бенгальской *саньясини*. Они беседовали недолго, но Камалой овладел глубокий покой. Потом она несколько раз приходила к этой женщине, и влияние последней стало расти⁷⁶. Джавахарлал делал вид, что его это не трогает, но общение с таким человеком было чуждо его духу, и он был недоволен вмешательством посторонней.

«Какой К. ребенок! Меня это часто раздражает, и все же я думаю, что в этом частица ее очарования. Как меняется мое настроение, когда я думаю о ней. Как много она для меня значит, и как мало она понимает или пытается понять мои идеи. Вот это-то и раздражает, раздражает то, что она не пытается их понять и отдалается от меня»⁷⁷.

После отъезда Камалы и Индиры в Европу Джавахарлал почувствовал себя в тюрьме еще более чем когда-либо одиноким. Он теперь уже не писал никакой крупной работы, которая занимала бы его ум, сочинял лишь статьи на английском языке и хинди и читал много самых различных книг, но это не могло ослабить эмоционального напряжения. Его стали мучить ночные кошмары, он часто плакал и, что для него было удивительно, начал терять интерес к жизни. Все эти годы его увлеченность делом освобождения Индии поддерживала его даже в моменты, когда его личные дела совсем не ладились. Как он однажды сказал одному высокопоставленному английскому чиновнику в счастливые двадцатые годы, его единственное стремление заключалось в том, чтобы быть похороненным в основании свободной Индии⁷⁸. Но сейчас он утратил надежду даже на это. Конгресс превратился в осторожную, чуть ли не лояльную к правительству организацию, скорее опасавшуюся коммунизма и классовой борьбы, чем враждебную англичанам. Субхас Бос в изгнании за границей воображал себя будущим фашистским диктатором, а Ганди отдавал все свое время таким вопросам, как сравнительные достоинства коровьего молока и молока буйволиц. «Даже Бапу,— записал все понимающий Джавахарлал в своем дневнике,— выступает то как противник сотрудничества, то как его ярый сторонник. То горение, то тахта, хотя тахта — вряд ли подходящее для него место.

Он может мыслить даже крайностями — либо крайний эротизм, либо полный аскетизм. Кажется, Олдос Хаксли сказал, что аскет — это оборотная сторона Дон Жуана»⁷⁹. Народные массы Индии, охваченные бурными религиозно-общинными волнениями, казалось, лучшего не заслуживали. «Какой мы отвратительный дикий народ! Политика, прогресс, социализм, коммунизм, наука — что они значат перед лицом страшной религиозной дикости?»⁸⁰ В безводной пустыне индийского народа существовало лишь несколько оазисов разума и воли, и в уме Джавахарлала поселились сомнения относительно того, можно ли чего-то добиться с таким народом. В довершение всего известия от Камалы из Европы действовали угнетающе. Она хорошо перенесла сложную операцию на легких в Берлине, но ей не становилось лучше, и она пала духом. «Она медленно угасает, и мысль об этом невыносима, ужасна»⁸¹. Стихотворение, записанное в дневнике⁸², говорит о его боли и одиночестве:

Где голос твой пел, там поют
лишь печальные ветры.
Где сердце мое — там остались лишь
горькие слезы.
И вечно со мною, да, навеки со мною,
дитя,
Молчание там, где когда-то
теплилась надежда.

СМЕРТЬ КАМАЛЫ НЕРУ

2 сентября лечащий врач телеграфировал Джавахарлалу, что состояние Камалы стало угрожающим, и действие приговора было приостановлено для того, чтобы дать ему возможность немедленно поехать к больной. «Значит, это — конец», — записал он в своем дневнике; но даже в этот момент выдержка не покинула его. Он попросил разъяснений и был уведомлен, что до момента отъезда его передвижения в пределах Индии, как, впрочем, и в Европе, не будут ограничены, но если он возвратится на родину до истечения срока приговора в феврале 1936 года, он снова будет заключен в тюрьму¹. От него также потребовали не выступать с политическими речами до отъезда из Индии. На этих условиях, которые никак не ущемляли его достоинства, Джавахарлал выехал из Алмору в Аллахабад и первым же самолетом вылетел в Европу.

Камала находилась в клинике в немецком городе Баденвейлере в Шварцвальде. Джавахарлал сразу же увидел, что ее состояние сильно ухудшилось, однако считал, что шансы на медленное выздоровление все же не столь малы. Избегая соприкосновения с нацистами и демонстрируя свои взгляды только тем, что делал покупки в магазинах, принадлежавших евреям, Джавахарлал проводил время у постели жены, правил гранки «Автобиографии», иногда беседовал с посетителями — Эндрюсом, Субхасом Босом, Раджа Рао. Но долгие часы в больнице действовали угнетающе, и, как он писал много позже, «подобное существование угнетало меня, и в еще большей мере — самих больных. С той поры я всем советовал не оставаться подолгу в клиниках»². Камала тоже, помимо физических страданий, причиняемых болезнью, испытывала сильное психологическое напряжение. Она очень хотела вернуться в Швейцарию, и поэтому Джавахарлал в самом начале 1936 года перевез ее в клинику в Лозанне. «Непосредственной угрозы нет, — сообщал он в январе, — но тянется своего рода полукризис, и появились кое-какие осложнения, главным образом в результате крайней слабости. Сердце у нее не в таком хорошем состоянии, как прежде. Теперешнее положение не может продолжаться долго. В течение ближайших трех-четырех недель, не больше, оно либо ухудшится, либо улучшится»³. Состояние Камалы каждый

день менялось в ту или иную сторону, и Джавахарлал цеплялся за минутные проблески надежды на выздоровление. Но в действительности положение больной было безнадежным, и в 5 часов утра 28 февраля она скончалась.

Короткая жизнь Камалы — ей еще не исполнилось тридцати семи лет, когда она умерла, — была омрачена острой болью и страданиями. Рожденная в социальной среде, гораздо более скромной, чем Джавахарлал и его окружение, она с самого начала столкнулась с сопротивлением некоторых родственников мужа, которые третировали ее как представительницу чуждого мира, нарушившую их право на особые отношения с Джавахарлалом. Эти жестокие и бесчувственные снобы давали ей понять, что она — чужая в их кругу, неподходящая жена для Джавахарлала и, кроме того, некрасива и лишена хорошего вкуса. Тонкая по своей душевной организации и сильная духом Камала постоянно подвергалась унижениям именно как женщина, и это в результате привело к тому, что у нее развилось ощущение своей бесполезности и ненужности.

В эти первые годы напряжения и подавленности отношения Камалы с Джавахарлалом тоже не были безоблачными. Их любовь не походила на весеннюю идиллию. Он и не подозревал об огорчениях Камалы и ее опасениях, что она не годится ему в жены. А начиная с 1920 года был настолько поглощен общественной деятельностью, что личная жизнь отступила на задний план. Удивительно, как редко жена упоминается в его дневниках двадцатых годов. Чтобы их брак стал счастливым, при всем различии темпераментов и воспитания, они оба должны были приспосабливаться друг к другу, причем особые усилия требовались от Камалы — ей предстояло подняться как личности до уровня мужа. Но с первых же дней ее преследовала болезнь. В ноябре 1917 года у них родилась дочь Индира; после этого здоровье Камалы стало медленно, но неуклонно ухудшаться. Туберкулез у нее впервые обнаружили в 1919 году, и, несмотря на всевозможные процедуры и лекарства и длительные периоды пребывания в Европе, он не поддавался излечению. В 1925 году у Камалы случились преждевременные роды: она родила сына, который через два дня умер. Еще через три года у нее был выкидыш.

Ко всему этому надо добавить стрессы, вызванные политическими причинами: семья часто оказывалась в разлуке, Джавахарлал отбывал длительные сроки тюремного заключения, в доме неоднократно производились обыски, имущество описывалось. Нет ничего удивительного, что начиная с 1932 года не только резко ухудшилось общее состояние Камалы, но и появились все нарастающие признаки нервного расстройства⁴.

И все же вопреки всем этим стрессам и неурядицам жизнь Камалы была по-своему счастливой и приносила ей удовлетворение. Она никогда не была всего лишь покорной супругой. Медленно, но верно она поднималась над средой, из которой вышла, развивала свой ум и характер, пока не наступил момент, когда замужество стало приносить ей радость и взаимопонимание. Она сумела преодолеть чувство жалости к себе, периоды тоски и жажды смерти, мучившие ее, когда долгие месяцы она была прикована к постели. Болезнь перестала быть причиной безразличия и превратилась в стимул к энергичным действиям. Она остро чувствовала, как ей мешает отсутствие систематического образования. «Сегодня в нашем мире уважением пользуются только образованные. Люди не хотят разговаривать с теми, кто необразован; близкие родственники и даже мужья не хотят разговаривать с ними. В таких условиях жизнь девушек становится невыносимой, и вообще, что это — жизнь или проклятие?»⁵ Это препятствие в своей собственной жизни она тоже преодолела, но борьба за женское образование стала для нее частью борьбы за свободу.

«С каждым днем во мне крепнет решимость, когда я вернусь, вместе с Вашей женой призывать индийских женщин с верой в бога бороться за свою свободу и давать образование своим дочерям, чтобы они не оказались в беде, как мы, и могли завоевать независимость для своей родины и положить конец индуско-мусульманской розни»⁶.

Силы для служения этому делу Камала черпала не только в вере в бога и в филантропических делах Миссии Рамакришны и других подобных учреждений. Она вступила в эту Миссию, но только как мирянка⁷, и не приняла обета затворничества. Ее более привлекала общественная деятельность, и она научилась не только переносить долгие разлуки с Джавахарлалом, но и участвовать в борьбе. Несмотря на болезнь, мужество никогда не покидало ее. Один из случаев, когда Джавахарлал испытал особенно глубокое чувство удовлетворения, был связан с ее поведением при аресте в 1931 году: идя в тюрьму, она сделала заявление, в котором, пусть безотчетно, сочетались пробудившееся самосознание и чувство преданности ему. Даже в последние месяцы жизни она произвела на Палма Датта впечатление женщины сильной и способной разобраться в сути явлений: «замечательная женщина», обладавшая необычайной прямоотой, ясностью политического видения и жгучим желанием служить делу, притом оказавшая такое влияние на своего мужа, что, как считал Палм Датт, «с ее смертью он утратил часть своей силы и твердости»⁸.

Со временем их отношения постепенно приобрели зрелость.

На смену прежнему отсутствию серьезного интереса пришли сначала желание защитить и помочь, а вслед за ним преданность, более сильная, чем страсть, и согретая более теплым чувством, чем простая заботливость. В 1931 году они вновь открыли друг друга на Шри Ланке и поняли, что брак их не только не потерял смысла, но и сохранил свежесть чувств. Ощущая свою вину за пренебрежение к жене в прошлом, Джавахарлал повел себя так, что Камала постепенно нашла свое место не на обочине его жизни, как прежде, а в ее центре и в такой мере, что даже лишенный воображения департамент полиции признал Джавахарлала «преданным мужем»⁹. Немало женщин, привлеченных его обаянием или же из снобизма, претендовали на его внимание и — в особенности после смерти Камалы — пытались войти в его жизнь. Что ж, он не всегда отвергал их пылкие притязания. И все же, несмотря на случайные связи, Камала была единственной женщиной, которая что-то значила для него: ее образ навсегда остался для него незапятнанным. «Пятая годовщина Камалы» — только эта строчка написана в его дневнике 28 февраля 1941 года. В своей спальне или в тюремной камере вместе с фотографией жены он хранил немного ее пепла и завещал, чтобы этот пепел смешали с его собственным после его смерти. Рана, нанесенная ему смертью жены, так и не зажила, но, конечно, незаживающие раны — это обычно те, которые разъедаются угрызениями совести.

Так с годами Камала достигла полного равенства в отношениях с мужем. Через два года после ее смерти Джавахарлал писал, что наибольшее влияние на него на протяжении его жизни имели Камала, его отец и Ганди. «Жена оказывала на меня большое влияние во многих отношениях, но делала это всегда ненавязчиво»¹⁰. Это была крупная, глубоко нравственная, эмоционально сильная личность. Она стала борцом за освобождение женщин задолго до того, как эта борьба превратилась в девиз и движение¹¹, и, будь она жива, она могла бы занять в общественной жизни такое же место, как Элеонора Рузвельт. Если успешная борьба за самопознание и внутреннее освобождение может служить критерием величия, Камала имеет право стоять в одном ряду с величайшими представителями семьи Неру.

Погок соболезнований буквально захлестнул Неру. Они приходили и от министра по делам Индии, и от скромных работников Конгресса, и от друзей со всех концов света. «Как мне утешить тебя? — телеграфировал Ганди. — Сердцем мы все с тобой, пусть бог даст тебе покой, с любовью. Бапу». Стоит вспомнить еще одно послание. Наоми Митчисон писала: «Вы не сделаете ошибки и не

станете наделять вселенную такими человеческими качествами, как чувство справедливости и милосердия. Необходимо искать более глубокие принципы, которые понять труднее». Это не были обычные, общепринятые соболезнования, ибо для Джавахарлала потеря была жестокой. Жена-девочка, которую он взял по воле отца, стала за двадцать лет смелым и верным товарищем, чья смерть оставила его одиноким и безутешным¹².

Выход в свет «Автобиографии» Джавахарлала весной 1936 года, всего через несколько недель после смерти Камалы, дал миру некоторое представление о нем и позволил разделить его скорбь. Все рецензии на книгу в Англии, в том числе напечатанные в журнале консервативной партии, сразу же признали ее значение и литературную ценность. Нет ничего удивительного в том, что такие друзья, как Эллен Уилкинсон, Эдвард Томпсон и Г. Н. Брейлсфорд, приветствовали «Автобиографию» как изложение основных взглядов одного из великих людей своего времени. Но даже те, кто не одобрял политических взглядов Джавахарлала, хвалили книгу. Сама его жизнь, его личность, его свидетельства о событиях заставляли покорно молчать критиков. «Любое представление, — писал «Экономист»¹³, — о последних пятнадцати годах в Индии будет неполным без чтения этой книги». Сэр Стенли Рид считал «Автобиографию» редкостной книгой¹⁴; «Книга, которую нужно прочесть, — писала «Таймс», — как бы ни расходился читатель с автором во взглядах»¹⁵. Это был важнейший документ того времени, ключ к пониманию идей и политики целого нового мира. Перед читателями предстал человек, говоривший и думавший на языке современности и разума, человек, которого, в отличие от Ганди, люди Запада могли понять, человек, такой же, как они сами, просто оказавшийся на другой стороне. Его личное видение представляло всеобщий интерес и имело общечеловеческую ценность. В этом первом важном повествовании непосредственного участника событий о современном этапе национализма в Азии Джавахарлал показал, что в Индии национализм представляет собой цивилизованное, ответственное движение, которое в такой же мере опирается на принципы европейской революции и английский либерализм и нонконформизм, как и на реальности Индии. Таким образом, «Автобиография», несмотря на то что это серьезная и пространная книга, стала бестселлером и за несколько недель выдержала много изданий, хотя, к несчастью для Джавахарлала, выпустившее ее издательство «Бодли-Хед» вскоре закрылось¹⁶.

Книга характерна для Джавахарлала. Это — честное произведение, отмеченное самоанализом. Глядя как бы со стороны, он откровенно говорит об эпохе и обществе, в которых живет, о лю-

дах, которых знал, и о своем собственном духовном становлении. «Автобиография» — вовсе не сухой перечень событий; она также не представляет собой, подобно автобиографии Ганди, образец исповедальной литературы. Джавахарлал слишком не любил демонстративных поступков, ему слишком претил даже намек на выставление себя напоказ, чтобы он стремился заинтересовать мир прежде всего своей персоной. «Автобиография» в известном смысле своего рода *tour de force**, ибо после прочтения более чем шестисот убористо напечатанных страниц, внутренний мир автора остается для читателя закрытым. Это — раздумья о сплетении обстоятельств, в которых он оказывался, и о его реакции на них. Если в результате постепенно возникает портрет личности ищущей, сложной, внутренне напряженной, чья цельность порой скрывает ее самое, то этот портрет — всего лишь побочный продукт повествования. Джавахарлал поставил своей целью рассказать о положении Индии и об английском правлении, которое оскорбляло и его чувства, и его разум, ибо вынуждало огромное большинство его соотечественников жить в жестокой нищете и бедствовать. Читатель оказывается в кругу важнейших нравственных и исторических проблем, увиденных глазами высококультурного и гуманного человека.

Завоевать для «Автобиографии» широкую читательскую аудиторию помог также ее стиль. Это ясная, легко читаемая книга — «великолепный заменитель романа»¹⁷, написанная точным языком, где элегантно каждая выверенная фраза и ощущается прекрасное знание английской литературы, старой и современной.

В книге воссоздан облик человека высокого интеллекта и морали, чуждого стереотипных эмоций, чей духовный мир, напротив, привлекает тем, что в нем много полутонов и сомнений, что он способен на тончайшие нюансы восприятия. В более поздние годы Джавахарлал часто говорил, что «Автобиография» устарела. Она, конечно, «устарела» в том смысле, что в ней говорится о периоде, ушедшем в прошлое. Но книга не утратила своей свежести, как работа мастера и как самовыражение чуткого и восприимчивого человека.

Кроме того, Джавахарлал писал отстраненно. В книге есть самоанализ, самокритика, но нет жалости к себе. Трудности, которые он избрал для себя, принимались как нечто само собой разумеющееся. Он пытался не оправдаться перед читателем, а найти оправдание своим поступкам для себя самого. Отчужденный от своего народа тем, что вобрал в себя культуру эксплуататоров, он стоял как бы на распутье, стремясь найти свои корни и стара-

* Ловкая штука (*фр.*).

ясь определить свою судьбу. Измученный сомнениями, трогательный в своей нерешительности, мучительно размышляющий над всеми сторонами любого вопроса, все время спрашивающий себя, зачем нужна эта долгая изматывающая борьба, он являл собой воплощение ранимой и трепетной человечности. Джавахарлал не претендовал на исключительность. Он, скорее, был прирожденным учеником, всегда ищущим героя для подражания. Он держался тех, кто мог разрешить его интеллектуальные сомнения. Мотилал и Ганди — главные действующие лица его книги. Джавахарлал признавал, сколь многим он им обязан, и опирался на них, даже если ясно видел, особенно когда речь шла о Ганди, в чем их ограниченность. Вера друг в друга, связывавшая его с Ганди, рассматривалась им также как своего рода железный корсет, который поддерживает, но и ограничивает движения. Он признавался в неоднократных проявлениях слабости в критические минуты, в том, что часто подчинял свое здоровое суждение личной преданности и отдавал предпочтение целям и принципам перед доктринами и дефинициями. Джавахарлал был несилён как аналитик, и в книге нет глубоких идей и философских теорий. Идеи, которые у него были, можно назвать скорее интеллектуальными импульсами, чем логическими построениями. Даже его марксизм был расплывчатым и путаным, потому что его идейные воззрения основывались в большей степени на сочувствии, чем на убеждениях. Но он является примером страстной приверженности национализму, хотя и не в узком смысле, образцом верного понимания расстановки сил в мире и совершенной цельности как личность. Рожденный в богатстве, для легкой жизни, он был выброшен обстоятельствами во внешний мир. Разносторонний по природе, с богатой внутренней жизнью, широким диапазоном умонастроений, чуткий к красоте природы, влюбленный в горы, способный откликнуться на любое проявление бытия, Джавахарлал тем не менее предпочитал проводить целые годы в тюрьме. Требовательный и замкнутый по натуре, он отдался политике и стал безразличен ко всему остальному, потому что его волновала жизнь людей и огорчали уродство и глупость окружающего мира. Глубокие личные чувства, на которые он был способен, он почти подавил. Его умение выбирать главное оттеснило личную жизнь на задний план и привело к сознательному отказу от эмоций. Со страниц «Автобиографии» встает, кажется, против воли самого Джавахарлала, история медленного развития отношений, превратившихся в конце концов в счастливый брак; о трагическом его конце рассказано в коротких словах посвящения «Автобиографии»: «Камале, которой уже нет».

Вся книга была написана в тюрьме, когда работа над ней была

и актом самодисциплины, и удовольствием, и утешением. Но в ней нет ожесточения против англичан. Она не содержит резких обличений, лишена театральности и погони за внешним успехом. Джавахарлал в ссоре не с иностранными правителями, а с общественными системами — империализмом, капитализмом, с социальным злом, которое несут религии. Горечь и презрение, которые он открыто высказывает в своей книге, адресованы некоторым из его соотечественников. Жестоко осмеиваются либералы, которые, как он считает, скрывают за банальностями и компромиссами оппортунизм самого низкого сорта. Ганди, читавший книгу в рукописи, предложил пересмотреть эти главы¹⁸, но Джавахарлал оставил их без изменений. Либералы, естественно, были недовольны. «Невыносимая книга, — писал Джаякар в письме к Сапру¹⁹, — полная самовосхвалений. В ней нет ничего познавательного или вдохновляющего... излияния незрелого политика». Конгрессистов правого крыла, чьи убеждения и поведение были ему чужды, Джавахарлал просто не касался в своей книге. Так, ничего не говорится на протяжении всего повествования о Раджагопалачарье. Их реакция суммирована в рецензии К. М. Мунши, который написал, что Джавахарлал едва ли в ладу с «душой Индии» (что бы ни означал этот образ), и критиковал его за то, что он неоднократно отказывался от возможности сиюминутных успехов, настаивая на независимости и социализме²⁰.

Но большинство индийских читателей, принадлежавших к среднему классу, могли увидеть себя в Джавахарлале, который выражал надежды целого поколения и стоявшие перед ним трудности. После смерти жены Джавахарлал вернулся в Индию, отвергнув по дороге заигрывания Муссолини, который прислал личное письмо с выражением сочувствия и пытался добиться встречи с ним, когда самолет сделал посадку в римском аэропорту. «Я оказался в чрезвычайно затруднительном и деликатном положении, но сумел выйти из него, проявив твердость и такт»²¹. Джавахарлал привез с собой прах Камалы и опустил его, кроме горсточку, которую оставил себе, в воды у Сангама в Аллахабаде. «Несмотря на свое мужество, пандит Джавахарлал был заметно взволнован, когда погружал пепел в воды двух великих рек»²².

Джавахарлал стремился заполнить внутреннюю пустоту работой. Много лет спустя он писал другу, перенесшему такую же утрату: «Те, кто пережил подобное, а я — один из них, могут в некоторой мере понять горе, которое Вы испытываете. Единственный способ справиться с ним, как я обнаружил, — это с еще большим усердием отдать делу, за которое стоишь»²³. И все же сдерживаемые эмоции могли в любой момент вырваться наружу²⁴.

Во время пребывания Джавахарлала в Европе он был избран председателем Конгресса на 1936 год. Это решение, как обычно, принадлежало прежде всего Ганди. Главная проблема, стоявшая перед Конгрессом, заключалась в том, участвовать ли в выборах и принимать ли посты в провинциях в соответствии с новым Законом об управлении Индией. Взгляды Джавахарлала на этот вопрос были широко известны. Он рассматривал новый закон как продуманное средство усиления капиталистических и реакционных элементов в Индии и полагал, что занятие министерских постов в соответствии с этим законом явилось бы шагом назад, могущим привести к распаду Конгресса и к срыву кампании гражданского неповиновения, если она начнется в ближайшее время. Ганди, по-видимому, придерживался подобной же точки зрения, несмотря на уговоры Раджагопалачарьи и Ансари; именно поэтому Ганди очень хотел, чтобы Джавахарлал снова взял на себя обязанности руководителя, даже если многие более зрелые деятели не сочтут для себя возможным работать под его руководством. «Избрание тебя председателем — шаг самый правильный и полезный для страны»¹. Рабочий комитет принял предложение Ганди как единственный путь избежать острых разногласий. Новый устав Конгресса давал Джавахарлалу право назначать Рабочий комитет по своему выбору, и даже те, кто не считал возможным поддерживать его, согласились остаться в стороне и дать проводимой им политике справедливую и непредвзятую оценку².

В Европе враждебное отношение Джавахарлала к Закону об управлении Индией усилилось, так же как и его радикальные взгляды. Он ненадолго ездил в Англию в 1935 и в январе 1936 года, когда временное улучшение в состоянии Камалы позволило ему оставить ее. Он не хотел ехать, ибо его разум протестовал против общения с теми, кто нес ответственность за кошмарные годы угнетения в Индии³, но Ганди посоветовал ему совершить эти поездки⁴.

В отличие от Парижа, где он с удовольствием обсуждал проблемы индуизма с Мальро и обстановку в России — с Жидом,

в Лондоне ему не удалось избежать политики. Он отказывался от всяких встреч с членами английского правительства и не пытался видаться с кем-нибудь, кроме немногих личных друзей. Но даже при этом несколько дней, проведенных им в Лондоне, были буквально забиты беседами с разного толка политиками. На Джавахарлала произвело большое впечатление проявленное дружелюбие лично к нему⁵ и всеобщая усталость от индийского вопроса. То, что с момента высадки в Дувре его повсюду сопровождал сотрудник Скотленд-Ярда, все время напоминало Джавахарлалу, даже если бы он хотел это забыть, что в известном смысле он здесь «по увольнительной» и часть приговора все еще висит над ним. Однако английская общественность оказала ему теплый прием. Все и всюду высоко ценили его как личность. Репортер, представлявший «Трибюн», писал в лирическом тоне:

«Когда он сошел с поезда, воцарилась почти полная тишина. Я увидел прекрасное бледное лицо с чертами, будто высеченными резцом античного скульптора, безусловно, одно из самых величавых и аристократических лиц, какие мне довелось видеть; услышал мягкий звучный голос. Я почувствовал, как должен почувствовать каждый, кто встречался с ним, что Джавахарлал прежде всего явление и в неизмеримо большей мере, чем политик»⁶.

Скромность Джавахарлала, отсутствие ожесточения, его преданность идеалам, печальное выражение лица, отражающее предстоящее ему горе и прошлые страдания, трудности, которые он испытывал даже при произнесении своих речей после почти четырех лет тюрьмы, из-за ослепительного света после долгой тьмы,— все это производило глубокое впечатление на окружающих.

«Казалось, немногих в Палате общин это интересовало,— писал Хэннен Суоффер в журнале «Джон Буль»,— но когда на днях Вы вошли в зал, в стенах Вестминстерского дворца будто появился сам дух мужества, заключенный в Вашем хрупком теле, мужества, какое редко встретишь теперь в нашем мире. Хотя в Англии Вас слышали лишь немногие, Вы послужили великим вдохновляющим примером. Если бы реформаторы в нашей стране обладали Вашей спокойной отвагой, новые надежды забрезжили бы в умах угнетенных миллионов». Но Джавахарлал знал, что улыбки, добродушие и личная симпатия далеко не ведут. Даже члены лейбористской партии, при всем их отрицании империализма в теории, в массе своей вращаются по его орбите и не в силах сойти с нее. Таким образом, оказывалось невозможным избежать столкновения с англичанами, и все, на что можно было надеяться,— это на чуть большую вежливость в повседневной жизни и меньшую жестокость в бою⁷. Поэтому ему легче было раз-

говаривать с людьми умственного труда и с писателями, чем с политиками. Проницательный рассказ Леонарда Вулфа о пребывании Джавахарлала в Лондоне подтверждает это:

«Неру очень нравился мне как личность. Это был интеллигент из интеллигентов, по внешности мягкий и печальный. Он обладал огромным обаянием, и, хотя в нем чувствовалась врожденная замкнутость, я не испытывал затруднений, беседуя с ним. Разговор наш был несколько странным и неопределенным. Я думал тогда и думаю до сих пор, что он имел намерение обсудить со мной вопросы политики, и в частности имперской политики, под углом зрения лейбористов. И в известном смысле, хотя и очень неопределенно, мы говорили о политике, о проблемах Индии и Цейлона. Но беседа наша была расплывчатой, и каким-то образом мы соскользнули на обсуждение жизни вообще и книг, а не падения империи или империй»⁸.

Наиболее запоминающееся впечатление на Джавахарлала произвели не его английские собеседники, а Кришна Менон, с которым он тогда встретился впервые. «Это очень способный и энергичный человек, пользующийся высокой репутацией среди интеллигенции, журналистов и в кругах левых лейбористов. Он обладает добродетелями и недостатками настоящего интеллигента»⁹. Однако случилось так, что в Лозанне Джавахарлал встретил Бена Брэдли, который лечился в той же клинике, что и Камала, и Палм Датта, пришедшего навестить Брэдли. Палм Датт и Джавахарлал провели вместе три дня, и английский коммунист нашел, что «профессор» — так называли Джавахарлала в коммунистических кругах — очень восприимчив. Джавахарлал согласился, что Конгресс в целом, несомненно, движется вправо, но он лично хотел бы работать в тесном сотрудничестве с коммунистами. Он сказал, что недостаточно знаком с марксистской литературой, но убедился в обоснованности марксизма и симпатизирует ему. Он также испытывал глубокое восхищение достижениями Советского Союза. Россия — страна будущего. «При всех своих недостатках, ошибках и жестокости она обретает на глазах жизнеспособность, порой спотыкаясь, но все время двигаясь вперед»¹⁰.

Джавахарлал надеялся, что какой-то вариант политической и экономической системы, существующей в России, будет пригоден и для Индии, но не был готов ввести его методами принуждения. «Я не хочу, чтобы положение в Индии как-то изменялось с помощью муштры и силы, потому что цена такой муштры слишком велика, она не оправдывает себя, она нежелательна со многих точек зрения»¹¹.

Гражданские свободы имели для Джавахарлала непреходящую ценность, и коммунисты должны были считаться с этим. Джавахарлал не был марксистом в обычном смысле слова. Он принимал марксистское истолкование истории, представление о бесклассовом обществе, но, безусловно, отрицал революционную диктатуру. Воспитанный Ганди, он ненавидел насилие, несмотря на то, что в теории не отвергал его; он был сторонником демократических и мирных, хотя и неконституционных действий. Но с этими оговорками Джавахарлал, как понял Палм Датт, обещал в качестве председателя Конгресса сделать все, чтобы содействовать укреплению Коммунистической партии Индии; он даже перечислил конкретные мероприятия, которые попробует с этой целью провести¹².

Коммунисты теперь были, разумеется, готовы сотрудничать с Конгрессом. В 1931 году Джавахарлал — «кандидат, вполне подходящий для того, чтобы стать индийским Керенским»¹³, — был исключен из Антиимпериалистической лиги. «Джавахарлал Неру, — гласила ее резолюция, — превратился в предателя дела освобождения народа Индии от британского империалистического ига. Она (Лига) клеймит его перед лицом широких масс индийского народа как дезертира в лагерь контрреволюции и исключает его из своих рядов». В последующие годы в духе своей политики отказа сотрудничать с буржуазными националистическими партиями коммунисты яростно осуждали Джавахарлала за его «левый реформизм» и как одного из «наиболее опасных врагов в борьбе за независимость». Сам Брэдли критиковал Джавахарлала за попытку помешать подъему крестьянского движения расплывчатыми разговорами о социализме и коммунизме¹⁴. Но к лету 1935 года произошел сдвиг в советской и международной коммунистической политике. Теперь лозунгом дня стал народный фронт. В Индии, говорил Димитров, выступая на VII конгрессе III Интернационала, коммунисты должны поддерживать любые антиимпериалистические выступления масс, расширять их и участвовать в них, в том числе не исключая тех, которые проводятся под руководством националистов-реформистов. Теперь с одобрением упоминалось интервью, данное Джавахарлалом за два года до того, где он заявил, что выбор стоит между коммунизмом и фашизмом и что он предпочитает коммунизм¹⁵.

Более ясно понять, что именно коммунисты ожидали от Джавахарлала в Индии, можно из статьи Палм Датта и Брэдли¹⁶. В ней признавалось, что Конгресс — главная массовая организация, объединяющая различные элементы, стремящиеся к национальному освобождению Индии, но это еще не единый фронт

индийского народа. Чтобы Конгресс им стал, требуется пересмотреть его устав и программу и усилить руководство. Союзы рабочих и крестьян и другие подобные объединения должны быть вовлечены в совместную борьбу либо в форме единого фронта либо в качестве примыкающих к Конгрессу организаций. Устав Конгресса следует изменить таким образом, чтобы сделать возможным такое коллективное присоединение к нему на местах — в провинциях, округах — и на общенациональном уровне, причем эти объединенные органы должны быть учреждены немедленно. Следовало бы также предусмотреть возможность более широкой инициативы для рядовых членов Конгресса вместо иерархической структуры, при которой полнота власти находится в руках Рабочего комитета. Централизованное руководство, конечно, совершенно необходимо, когда идет борьба, но оно должно основываться не на диктатуре личности, а на принципах демократического централизма. Догма ненасилия представляет собой слабое место в идеологии Конгресса и должна быть из нее исключена, но, хотя по этому вопросу нужно вести острую идейную борьбу, он не настолько важен, чтобы допустить из-за него раскол национального фронта. Единый фронт должен вести избирательную борьбу таким образом, чтобы обеспечить достаточное представительство левым элементам и дать возможность четко выразить требования масс. Главным таким требованием, основным лозунгом фронта является созыв Учредительного собрания, свободно избранного всеобщим голосованием.

Эта статья, несомненно, была написана после бесед с Джавахарлалом в Лозанне, и в ней излагалось то, что, с точки зрения Палм Датта и Брэдли, являлось приемлемым для Джавахарлала как общая программа, за которую он стал бы бороться. Джавахарлал стоял за единый фронт против империализма; по существу, он рассматривал Конгресс под руководством Ганди в главных его чертах именно как такой фронт, требовалось только расширить его. Он продолжал быть сторонником Учредительного собрания¹⁷, и коммунисты, отказавшись от своего прежнего отрицательного отношения к идее Собрания, теперь тоже поддерживали ее¹⁸. Но Джавахарлал не был готов отказаться от руководства Ганди и ненасилия. Помимо своего чисто этического аспекта, ненасилие помогло Индии избежать гражданского конфликта и умерить сопротивление местной оппозиции националистическому движению. Уступка, на которую пошли в статье Датт и Брэдли, заявив, что, хотя ненасилие устарело, отказ от него не является основным вопросом, очевидно, сделана с учетом отношения к этой проблеме Джавахарлала. Что касается Ганди, то, как пишет Палм Датт¹⁹,

Джавахарлал сознавался, что чувствует себя аристократом; ему жаль индийский народ, его трогает, что народ обратился к нему за руководством, но ему не хватает чувства общности с ним, он не может сходитья с людьми так близко, как Ганди, хотя и сам Ганди — не выходец из народных масс. Эти обстоятельства, как говорил Джавахарлал, — источник его безграничного уважения к Ганди, и те, кто слушает его выступления, в силу самого своего происхождения понимают это. От такого отношения нельзя отказаться, руководствуясь одними лишь соображениями интеллектуального порядка. Есть данные, подтверждающие, насколько сильны были у Джавахарлала в то время подобные эмоции. Он осуждал империализм за ужасы, которые тот несет с собой, за его подлость и вульгарность в той же мере, как за его эксплуататорскую сущность, и ценил Ганди прежде всего за психологическое преобразование, которое он принес индийскому народу²⁰. В статье, написанной примерно в этот период в ответ на критику Ганди слева, Джавахарлал утверждал, что Ганди сыграл революционную роль в Индии, потому что он дошел до самого сердца народа, в то время как организации с более передовой идеологией действовали главным образом в вакууме²¹.

Теперь Конгресс ждал от Джавахарлала руководства. До его возвращения в Индию не принималось никаких серьезных решений, и партия, как выразился Ганди, «буквально теряет курс»²². Джавахарлалу предстояло положить конец политике «бездействия и бездумности»²³. Встретившись с Ганди и ведущими деятелями Конгресса перед отъездом в Лакхнау, Джавахарлал обнаружил, что очень многие выступают за принятие министерских постов и что он находится в изоляции в Рабочем комитете²⁴. Затруднения, однако, для него не возникли, так как окончательное решение по этому вопросу, который должен был встать только после выборов, было отложено. А пока, отражая новые идеи Джавахарлала, почерпнутые в Европе, Рабочий комитет согласился, что желательно добиться более тесной связи между массами и Конгрессом, с тем чтобы массы могли принять широкое участие в выработке политики партии. Было также решено пересмотреть устав Конгресса, чтобы превратить его в единый фронт всех антиимпериалистических сил и обеспечить более тесное сотрудничество с крестьянскими и другими организациями²⁵. Эти резолюции, так же как и резолюция об отказе Индии участвовать в любых империалистических войнах, были составлены Джавахарлалом и, как он позже писал, придали ему веры в себя. В них не было ничего нового по существу, но они намечали новую ориентацию, и общий тон их был более радикальным и убедительным, чем прежде²⁶. Кроме

того, они очень понравились социалистам, и тот факт, что Джавахарлал, хотя и воздержался от формального вступления в конгресс-социалистическую партию, стал теперь социалистом в полном смысле слова²⁷, давал социалистам большие надежды на то, что они сумеют увеличить свое влияние в Конгрессе. Джавахарлал мог считать, что сами социалисты не имеют достаточной поддержки в массах, чтобы возглавить Конгресс, но он, разумеется, в любом случае не позволил бы Конгрессу превратиться в чисто парламентскую организацию. Конгресс попал в «колею, проложенную идиотскими идеями некоторых людей», и ему нужно было дать новое направление с помощью идей социалистических²⁸.

Однако вскоре выяснилось, что социалисты в своих расчетах преувеличили влияние Джавахарлала как председателя и его обязательств по отношению к ним. Ни в одной из резолюций не содержалось ни малейшего намека на социализм. Несмотря на открытые возражения Джавахарлала, руководящий комитет съезда одобрил резолюцию Рабочего комитета, отвергающую пропорциональное представительство при выборах руководящих органов Конгресса, тем самым лишив социалистов каких-либо шансов на замещение руководящих должностей. Положение было исправлено только на самом съезде Конгресса²⁹. Джавахарлал выступал за отказ от министерских постов, за революционное мышление в противовес мышлению реформистскому, но не поддержал предложенные социалистами поправки, которые направили бы Конгресс по революционному пути, так как стремился избежать раскола³⁰. Джавахарлал упорно уклонялся от принятия решений как для себя лично, так и в Конгрессе. Он считал, что, ясно формулируя собственную точку зрения, он все же не должен доводить дело до разрыва. Он долго отсутствовал, находясь в тюрьме или за границей; стремление получить министерские посты среди его коллег усилилось, и его нельзя было побороть одним только желанием сделать это; да и Ганди, хотя и не считал правильными подобные настроения конгрессистов, не хотел бороться против них. Джавахарлал мог использовать свой пост председателя для того, чтобы в дальнейшем усилить радикальные элементы и завоевать поддержку партии, но на данной стадии прямое столкновение не сулило надежды на успех. Находить удовлетворение в одних только смелых идеях — значило бы пойти по легкому пути интеллектуального оппортунизма. Истинный социалист — это не кабинетный политик, а человек действия, использующий свои философские и научные взгляды для достижения определенной цели. Непосредственной задачей являлись выборы, и они могли быть использованы для расширения базы националистического движе-

ния и установления широких контактов с массами. По существу, единственным положительным моментом в законе 1935 года являлось увеличение числа избирателей. Расколоть Конгресс в такое время по вопросу, относящемуся к далекому будущему, и ослабить его шансы у избирательных урн было бы нелепостью с тактической точки зрения. Джавахарлал не был готов примириться с тем, что успех на выборах и возможность формировать правительства еще более ослабят позиции тех членов Конгресса, которые разделяли его точку зрения. Было бы гораздо проще добиться поддержки в вопросе об отказе от министерских постов, пока эта приманка не стала близкой реальностью. Отложить решение этого вопроса по самому характеру обстановки — значило уступить преимуществу противной стороне.

В своей вступительной речи Джавахарлал проанализировал, как это теперь от него требовалось, международную обстановку и положение Индии в мире. Две большие группы противостоят одна другой, говорил он, загнивающий капитализм, империализм и фашизм, с одной стороны, и прогрессивные силы, социалистические и националистические — с другой. Британский империализм в Индии, хотя он еще силен, тоже обнаруживает признаки загнивания и в своем стремлении удержать власть все в большей мере приближается в идейном отношении к фашизму. Нет необходимости распространяться об усилении гнета, продолжал он, но следует особо упомянуть об ужасающем подавлении гражданских свобод. Все это лишь увеличило решимость Джавахарлала положить конец этому бесчестию и не иметь ничего общего с теми, кто готов идти на компромисс с колониальной администрацией. Но в самом националистическом движении ощущается отсутствие единства, нездоровая обстановка, излишнее внимание к мелким внутренним распрям. Разумеется, у руководства должен стоять средний класс, но он потеряет силу, если не будет черпать ее и вдохновение у народных масс. Конгресс должен быть организацией не только для масс, но и самих масс, лишь тогда он сможет по-настоящему служить массам.

Таким образом, Джавахарлал выступал за установление новых связей, которые дали бы возможность развиваться массовому сознанию внутри Конгресса; с этой целью он предлагал пересмотреть устав организации. Главной задачей было объединить все антиимпериалистические силы внутри страны, сплотить их в широкий фронт, включающий народные массы, так же как и подавляющее большинство средних классов. Необходимо оживить деятельность низовых организаций Конгресса, как это, судя по книге супругов Уэбб, делается в Советской России, а организации про-

изводителей — профсоюзы и крестьянские ассоциации — должны либо присоединиться к Конгрессу, либо непосредственно и полностью сотрудничать с ним. В качестве членов в Конгресс могли бы входить не только отдельные личности, но и организации. В ближайшее время не планируется никаких выступлений и не предполагается проведения кампании гражданского неповиновения; выборы поэтому могут быть использованы для прямого обращения Конгресса к народу. Программой-минимум является ликвидация социального и экономического бремени и созыв Учредительного собрания для выработки конституции; всего этого нельзя добиться через Закон об управлении Индией или через законодательные собрания, учрежденные в соответствии с ним.

Принять посты в правительствах, созданных в соответствии с законом, который они отвергли, было бы равносильно самоосуждению, возвращению к застою и бесцельному существованию, к возрождению бесплодной идеологии реформизма. Такое положение неприемлемо для национальной гордости и самоуважения, ибо оно неизбежно привело бы в какой-то мере к сотрудничеству с империалистическим аппаратом угнетения и к партнерству в эксплуатации индийского народа. Цена принятия постов — капитуляция. Это — падение в глубокую яму, из которой Конгрессу будет трудно выбраться. Единственной целью участия в законодательных собраниях провинций должно быть создание там тупиковых ситуаций, чтобы сорвать предложения о федерации и сделать невозможным проведение в жизнь Закона об управлении Индией.

Речь была написана 31 марта, когда Джавахарлал еще не знал наверняка, насколько сильно в партии стремление к принятию министерских постов; то обстоятельство, что он придерживался написанного текста даже после того, как был фактически забаллотирован по этому вопросу, свидетельствует о его мужестве; этот факт, однако, столь же ясно показывает, как велика была пропасть между председателем и теми, кем он руководил. Речь в целом отражала противоречия в мировоззрении Джавахарлала и ряд слабых моментов в его политической позиции. Он подтвердил свой марксистский подход, свое понимание индийской проблемы как части мировой проблемы империализма, порожденного капитализмом. Надо было осмыслить законы исторического развития, чтобы понять органическую взаимосвязь событий и перемен. «Попробуем развить в себе чувство истории, чтобы увидеть текущие события в их верной перспективе и понять их подлинное значение».

«Единственный ключ к решению мировых проблем и проблем

Индии — это социализм, и, когда я произношу это слово, я имею в виду не какой-то расплывчатый гуманитарный его смысл, а его научное и экономическое значение». Но тут же, буквально в следующей фразе, Джавархарлал отошел от четкой марксистской точки зрения. «Социализм, однако,— это даже нечто большее, чем экономическая доктрина; это философия жизни, и как таковая он тоже привлекает меня». Это не просто конец нищете, господству привилегированных групп и частной собственности; это — иные внутренние побуждения, привычки и желания, новая цивилизация, подобная той, которая формируется в Советской России. Но это и не просто коммунистическая утопия, смоделированная по русскому образцу, не цель, достижение которой оправдывает любые средства. В Индии социалистический подход должен применяться в соответствии с индийскими условиями, и говорить при этом нужно на языке страны. Для Джавахарлала социализм являлся скорее тенденцией, нежели твердо определенным учением. Он всегда критиковал индийских коммунистов за то, что их видение ограничено шорами догм и они слепо следуют советскому примеру. «Для вас,— говорил он часто,— история начинается в 1917-м». Многие из того, что происходило в Советском Союзе, не импонировало Джавахарлалу, и он избегал слова «коммунизм» потому, что оно практически воспринималось как синоним понятия «Советская Россия». Он был марксистом, исповедовавшим свободу воли, чья идея социализма включала в себя на всех этапах большую и неизменную меру гражданской свободы. Вера в демократию составляла сердцевину его социалистических убеждений. Он отвергал любого рода механистический подход к человеческой природе и верил в социалистическое общество, которое, устранив экономические и социальные помехи и препятствия, обеспечит условия для расцвета индивидуальности. Именно такое понимание социализма лежало в основе его вступительной речи.

Сразу же после съезда Конгресса он создал на непартийной основе Индийский союз гражданских свобод, членами которого стали представители политических взглядов всех оттенков и люди, стоящие вне политики. То, что творилось во многих частях Индии, выходило за рамки даже «общепринятых приличий», и долгом каждого, кто обладал гражданским чувством, было поднять голос протеста. Ибо когда подавляются гражданские свободы, нация теряет свою жизнеспособность и не в состоянии совершить что-нибудь значительное³¹.

Отдельные пункты его программы действий были тоже сформулированы так, что не могли полностью понравиться социалистам, не говоря уже о марксистах и коммунистах. Он ясно пока-

зал, что не намерен на посту председателя навязывать социализм Конгрессу, хотя это и «живое учение, которое я поддерживаю умом и сердцем». Он хотел бы, чтобы Национальный конгресс стал социалистической организацией, но понимал, что большинство его членов не готово пойти так далеко; он не собирался насильно навязывать эту проблему организации, которая являлась в основном националистической, и таким образом создавать трудности в борьбе за независимость. Социализм был для него личным делом; он поэтому считал, что в конгресс-социалистической партии ему делать нечего, а в качестве председателя Национального конгресса он в состоянии, не поступаясь своими убеждениями, действовать как политический руководитель, ведущий большинство по пути, который оно само для себя избрало. Он разделял точку зрения Бланки: «Я их вождь, поэтому я должен следовать за ними». И что самое главное, Джавахарлал не собирался, как дал ясно понять в Европе Палм Датту и Брэдли, отходить от Ганди, и речь заканчивалась обычным славословием в его адрес.

Джавахарлал действительно поддерживал два главных предложения, в то время выдвинутых коммунистами, — создание антиимпериалистического фронта и присоединение к Конгрессу профессиональных и крестьянских союзов. Это принесло коммунистической партии большое удовлетворение. «В этой вступительной речи антиимпериалистический голос Неру, хотя он и спотыкался на некоторых важнейших вопросах, все же звучал в полную силу, когда он говорил о многих других проблемах. В ней слышался самый ясный антиимпериалистический призыв, когда-либо произнесенный с председательской трибуны Конгресса»³². Однако осуществление и этих предложений на практике сильно отличалось от того, чего ожидали коммунисты. Представление Джавахарлала о едином фронте не сводилось только к союзу Конгресса с политическими организациями, более левыми, чем он сам. Джавахарлал в той же мере имел в виду привлечение к Конгрессу и более консервативно настроенных групп, как это было во время бойкота комиссии Саймона в 1928 г., и стремился, чтобы единый фронт стал «постоянно заседающей конференцией всех партий»³³. Он был готов сотрудничать со всеми, кто выступал против империализма, независимо от их идеологических воззрений. И в течение тех нескольких дней, пока длился съезд в Лакхнау, начал переговоры с пандитом Малавией, придерживавшимся в политике откровенно религиозно-общинных взглядов, о союзе на выборах с его Националистической партией³⁴.

Отсутствие у Джавахарлала интереса к религиозно-общинным проблемам и его уверенность, что они отойдут на задний план,

когда внимание будет перенесено на вопросы экономики, затрагивавшие народные массы в целом, позволили ему игнорировать религиозную окраску организаций, которые в остальном выступали против британского владычества и были готовы участвовать вместе с Конгрессом в кампаниях борьбы за гражданские права. Что касается крестьянских и рабочих союзов, то тут Рабочий комитет ограничился созданием небольшой комиссии для рассмотрения возможностей установления более тесных контактов между Конгрессом и массами. Это в свою очередь вызвало необходимость предоставить больше прав низовым организациям Конгресса, чтобы сделать их жизнеспособными и действующими³⁵.

Таким образом, левые силы имели основание быть разочарованными съездом в Лакхнау. Речь Джавахарлала завоевала сердца, в партии и в стране он занимал положение, уступавшее только положению Ганди, но он даже не собирался использовать это для укрепления своих позиций. К концу съезда он обдумал возможность отставки и сообщил делегатам, что, проведя на высокой трибуне три дня, он понял, что хотел бы теперь отойти от дел и быть преданным забвению. Однако позже он решил не торопить события. Таким образом, успеха добилась «старая гвардия». Это был, как с восторгом заявил конгрессист из Мадраса Сатьямурти, триумф гандизма над социализмом³⁶. Г. Д. Бирла торжествовал³⁷: «Махатмаджи сдержал свое обещание и, не произнеся ни слова, сделал так, что *не было взято никаких новых обязательств*. В известном смысле речь Джавахарлалджи была выброшена в мусорную корзину, так как все принятые резолюции противоречили духу этой речи... Он мог вызвать раскол, уйдя в отставку, но не сделал этого... Джавахарлалджи похож на типичного английского демократа, умеющего принимать поражение в спортивном духе. Он, очевидно, стремится высказывать свои идейные взгляды, но, понимая, что практические действия невозможны, не настаивает на них».

Как заметил сам Ганди в письме³⁸, которое показал Джавахарлалу, они шли разными путями, и Ганди фактически не принимал ни одного из методов, предложенных Джавахарлалом. Ганди готов был приложить все силы, чтобы избежать классовой войны; возможно, что и Джавахарлал разделял подобное отношение, но полагал, что избежать ее невозможно. «Несмотря на то что он доходит до крайностей в формулировке своих методов, поступает он здраво... Что бы он ни делал, он делает это с благодарством. Хотя пропасть между нами во взглядах на жизнь, безусловно, становится все шире, мы, вероятно, никогда еще не знали большей сердечной близости, чем теперь».

Джавахарлал закрепил победу своих противников, назначив в Рабочий комитет, состоящий из 14 членов, не менее десяти человек, не согласных с ним, отвергавших социализм и стоявших за принятие министерских постов. Субхас Бос находился в тюрьме, и только три члена комитета — Нарендра Дева, Джаяпракаш Нараян и Ачют Патвардхан — являлись социалистами. Но даже они были обязаны своим назначением не Джавахарлалу, а Ганди, который полагал, что эти социалисты будут полезны и смогут ослабить поддержку, которой пользовались террористы среди молодежи. Эти трое были избраны еще и потому, что оказались приемлемыми с социальной точки зрения³⁹. Джавахарлал считал вульгарным и неуместным навязывать свои взгляды, как бы твердо он их ни придерживался, партии, где он и его последователи находились в меньшинстве, и отвел себе роль во многих отношениях бездействующего председателя. Предполагалось, что Рафи Ахмад Кидвай, человек, преданный Джавахарлалу и разделявший его взгляды, но не являвшийся членом социалистической партии, сменит правого конгрессиста Ачарию Крипалани на посту генерального секретаря; однако он даже не был включен в состав комитета. Паттабхи Ситарамая, единственный член Рабочего комитета старого состава, который иногда поддерживал Джавахарлала в вопросе о непринятии министерских постов, теперь не вошел в комитет. Как это ни удивительно, в комитет не включили ни одной женщины. Три члена комитета — социалисты понимали, что будут иметь незначительное влияние на его деятельность, но согласились работать из личной лояльности к Джавахарлалу⁴⁰.

Хотя его вступительная речь содержала сильнейшее обличение империализма, правительство понимало, что не может на этом основании возбудить против него судебное дело. В последующие месяцы, когда Джавахарлал разъезжал по стране, выступая на десятках митингов и «одновременно ведя войну на различных фронтах»⁴¹, представители властей, рассматривавших его как «потенциальную опасность первой величины»⁴², следовали за ним с блокнотами, тщательно, но безрезультатно выискивая какое-нибудь его выступление, могущее оправдать арест и обеспечить ему длительный срок заключения. Единственное, чем они могли утешаться, — это надеждой, что его проповедь социализма ослабляет Конгресс и что это отразится на результатах выборов⁴³. «По существу, мы должны держать его в вате, холить и нежить, ибо он, сам того не понимая, разрушает Национальный конгресс изнутри»⁴⁴. Этой надежде не суждено было сбыться. Но власти оказались правы в том смысле, что речи Джавахарлала испугали многих в Конгрессе и вне его. Он начал поистине обще-

национальную избирательную кампанию с бурного митинга в Бомбее. Конгресс принял участие в выборах, и конгрессисты вошли в состав законодательных собраний, чтобы бороться против Закона об управлении Индией и помешать его проведению в жизнь. О том, как этого добиться, еще не было единого мнения, но сам Джавахарлал придерживался убеждения, что принятие постов в колониальной администрации ослабит конгрессистское движение. Важнейшим и неотложным был вопрос политический — развитие революционного сознания для достижения независимости. Джавахарлал был убежден, что без социализма нельзя решить жизненно важные проблемы Индии — ликвидацию нищеты и деградацию, но он не хотел навязывать такое решение силой. Если он сейчас говорил о нем, то исключительно ради просвещения народа, чтобы люди, когда встанет этот вопрос, были лучше подготовлены для принятия решения.

Социализм — и здесь расхождения Джавахарлала с коммунистами выступали особенно ясно — не мог быть навязан Индии. Насилие было отвратительно Джавахарлалу, и он надеялся, что социализм будет достигнут в результате поддержки широкого большинства народа и с минимальным ущербом для кого-либо. Владельцам собственности и привилегированным группам нужно будет выплатить пусть и не полную, но хотя бы частичную компенсацию. Однако возможны сильные столкновения, если возникнет сопротивление экономическому прогрессу. Джавахарлал сомневался, что богачи в Индии достаточно мудры, чтобы избежать их⁴⁵. Такая решительная демонстрация его интеллектуальной и эмоциональной приверженности социализму, естественно, вызывала недовольство. Бомбей являлся сердцем «большого бизнеса», и это сердце затрепетало, когда «буря коммунизма»⁴⁶ пронеслась над Бомбеем. Двадцать один видный бизнесмен опубликовал манифест, осуждающий «разрушительную и подрывную» программу Джавахарлала, которая, как они утверждали, вызовет беспорядки и помешает добиться самоуправления⁴⁷. Ответ Джавахарлала был весьма решительным:

«Я едва ли упоминал о социализме, разве только случайно, но обращал особое внимание на ужасающую нищету нашего народа, большую безработицу среди наших крестьян, рабочих и представителей среднего класса, на прогрессирующее ухудшение положения всех классов нашего общества, кроме горстки наверху. В этом я, с точки зрения этой горстки, и грешен. Но только таким мне представляется будущее Индии, когда я думаю о нем. Как бы я ни старался, я не могу избавиться от картины настоящего. Она не из приятных и мне не нравится и, возникая передо мной,

порой леденит кровь, а порой кровь закипает во мне от негодования, что подобное вообще возможно»⁴⁸.

Он обвинял индийских капиталистов в том, что они породили индийский фашизм, являющийся союзником британского империализма. Их наскоки на его социалистические взгляды — на деле всего лишь фасад, за которым скрывается выступление против Конгресса и националистического движения. По мере того как Конгресс все в большей мере становился организацией масс и низших слоев среднего класса, верхушка индийского общества все более сблизилась с чужеземными правителями. Когда борьба за свободу становилась более решительной, нужно было сделать выбор: «за» или «против». Среднего пути и третьей возможности не могло быть. Индийские капиталисты поддержали власти, стремившиеся подавить движение гражданского неповиновения и сорвать бойкот. Они защищали декреты властей, достигли договоренности с иностранными текстильными магнатами и посылали своих представителей на те заседания Конференции круглого стола, в которых Конгресс отказывался участвовать. Поэтому им говорить о своей роли в националистическом движении и о том, что он, Джавахарлал, ослабляет его, было просто наглостью⁴⁹.

Более сообразительные бизнесмены понимали, что затевать публичные дебаты с Джавахарлалом — значило бы просто напрашиваться на унижение. «Вы сослужили плохую службу вашей касте... Удивительно, как мы, деловые люди, оказались настолько близоруки. Когда человек, владеющий собственностью, заявляет, что он против ее экспроприации, исходя из интересов всей страны, это очень плохо выглядит»⁵⁰. Очевидно, гораздо более эффективной линией поведения было бы усиление оппозиции Джавахарлалу внутри Конгресса. Джавахарлал был несправедлив к индийским капиталистам, заклеив этот класс как пособников британского империализма. Хотя они и в очень большой мере зависели от англичан, индийские капиталисты никогда не играли роль их младших партнеров. С другой стороны, они поддерживали все нереволуционные правые элементы в антиимпериалистическом лагере⁵¹ и теперь ожидали, что те справятся с Джавахарлалом. Они предоставили Валлабхаю Пателю и другим напомнить председателю партии, что он выражает мнение очень ограниченного меньшинства и не имеет полномочий так яростно нападать на идеологическую гегемонию собственнических классов. Патель, Раджендра Прасад и Раджагопалачарья так же решительно выступали против речей Джавахарлала в Бомбее, как любой из капиталистов⁵², и обратились к великому учителю Ганди, который потребовал от Джавахарлала объяснений. Правые не могли открыто возражать против

его кампании в пользу социализма, но критиковали Джавахарлала за недооценку *кхаддара* и за его утверждение, будто ответственность за отсутствие женщин в составе Рабочего комитета лежит не на нем. Джавахарлал ответил, что, хотя формально он несет ответственность за это решение, Комитет в том виде, как он сложился, создан не им. Ганди возразил, что он неудовлетворен подобным ответом⁵³. Однако по главному вопросу Джавахарлал не проявил и следов раскаяния и объехал Пенджаб, с прежней убедительностью пропагандируя те же взгляды. На первом месте, говорил он, стоит политическая борьба за независимость, но, когда свобода будет завоевана, должна наступить эра социализма. «Рухнет вся экономическая структура, и наступят перемены, отвратить которые не в человеческих силах. Падет капиталистическая система, и вместе с ней уйдет со сцены Британская империя, именно так я представляю себе события ближайшего десятилетия»⁵⁴.

Общественность приняла это с энтузиазмом. «На меня нападают и критикуют,— писал Джавахарлал Кришне Менону⁵⁵,— множество разных людей — крупный капитал, либералы, те, кто готов на сотрудничество в обмен на незначительные уступки, кое-кто из конгрессистов и, разумеется, наше любимое правительство. И все же, несмотря на всю эту ложь, факт остается фактом: куда бы я ни поехал, мне оказывается удивительный прием, и реакция на мои выступления такова, что заставляет замолчать критиков. Очень утомительное дело вести войну на нескольких фронтах, при том, что помощников мало. Но я держусь, процесс этот к тому же не лишен своих радостей».

Но в Вардхе, где Рабочий комитет собрался в первую неделю июля, Ганди и другие открыто и резко критиковали Джавахарлала. Раджендра Прасад от имени правого крыла написал Джавахарлалу письмо, содержащее очень суровую критику, и Джавахарлал предложил подать в отставку, с тем чтобы перенести спор на обсуждение Всеиндийского комитета Конгресса. «Сегодня не существует духовного единства, которое связывало бы нашу группу. Эта группа связана чисто механически, и обе ее части ощущают некий гнет, что, как знает любой человек, знакомый с психологией, ведет ко всякого рода нежелательным комплексам, как в личном, так и в общественном плане». Но Ганди сделал ему выговор за высокомерие, нетерпимость и отсутствие чувства юмора. «Ты занимаешь этот пост по их единодушному выбору, но еще не стоишь у власти. Предоставление тебе этого поста было попыткой поставить тебя у власти скорее, чем ты мог бы прийти к ней иным путем». Поэтому Джавахарлалу следовало перестать спорить,

прекратить «трагикомедию», которую он разыгрывал, и не губить себя, открыто переходя в оппозицию⁵⁶.

Джавахарлал покорно согласился и публично признал свою ответственность за исключение женщин из Комитета⁵⁷. Были также высказаны возражения против назначения им молодых социалистов в аппарат Всеиндийского комитета Конгресса; его горячее стремление создать центральный аппарат тоже не встретило поддержки. После этого заседания тон всех выступлений Джавахарлала стал более умеренным; в них не хватало, как с ликованием сообщал Джаякар Сапру, «торжествующей свежести»⁵⁸ его более ранних речей. Он теперь делал больший упор на ту роль, которую сыграл Конгресс в привлечении крестьян в националистическое движение, и приписывал Конгрессу и его руководителю такие свершения и деяния, в которые всерьез не мог поверить сам. Конгресс, конечно, не стоял на социалистических позициях, но он больше не игнорировал проблем экономики; и, когда бы ни возникало столкновение интересов, Конгресс всегда был готов пожертвовать теми из них, которые противоречили интересам масс. Социалистические взгляды, характерные для Конгресса с того времени, как Ганди встал у его руководства, помогли в политической борьбе, внеся ясность в суть проблем и усилив роль народных масс. В них заложены могучие резервы для действий, они охвачены глубоким беспокойством, испытывают грызущий голод, требующий насыщения; именно потому, что Конгресс обещал утолить этот голод, люди собираются тысячами, чтобы послушать его руководителей. Не было социалиста, который бы воображал, что социализм в какой-либо мере возможен в Индии до политического освобождения. Фактически, не подчеркивая больше неизбежности социализма, Джавахарлал признавал, что после достижения независимости социализм может наступить только в том случае, если Индия созреет для него и если того пожелает большинство народа. Те, кто верит в социализм, не могут претендовать на то, что только они обладают знанием истины, иначе они могут выродиться в изолированную секту. Правильного понимания истории и необходимости социальных перемен еще недостаточно. Они должны доказать свою правоту другими путями и стремиться завоевать на свою сторону и привлечь к своему образу мыслей других как в Национальном конгрессе, так и в стране в целом⁵⁹.

Если Джавахарлал и уступил нажиму правого крыла, это никак не могло объясняться личными причинами, о которых говорил Ганди. К этому времени Джавахарлал стал так же необходим Национальному конгрессу, как Конгресс ему. Он пользовался поддержкой значительной части радикально настроенной молодежи

еще до того, как выступления в ходе избирательной кампании создали ему популярность в народе: если бы не он, эта молодежь перешла бы из Конгресса в левые партии. Даже конгресс-социалистическая партия могла бы выйти из Конгресса. Повсюду в Индии имелись люди, которые, помимо своих националистических убеждений, придавали большое значение и экономическим проблемам; они видели в Джавахарлале выразителя своих идей и благодаря ему шли за Конгрессом, даже если не являлись его членами. Он также был единственным индийским политическим деятелем, к которому прислушивалась международная общественность; именно он обеспечил Национальному конгрессу признание на мировой арене. И если бы летом 1936 года Джавахарлал настаивал на своем уходе с поста председателя, трудно поверить, что Ганди и его последователи оказались бы настолько близорукими, что позволили бы ему уйти в отставку. Дело заключалось не только в том, что не в характере Джавахарлала было обострять конфликт и сохранять свое политическое целомудрие ценой ослабления националистической организации. Психологическая потребность следовать за Ганди и вошедшая в плоть и кровь преданность партии только отчасти объясняют поведение Джавахарлала. Он знал, что на политической арене нет ни руководителя из среды рабочего класса, ни другого лидера, выдвинутого элитой; при подобных обстоятельствах ослабить Конгресс — значило бы обречь его на гибель. И, как всегда, коллеги Джавахарлала воспользовались сложившейся обстановкой.

Между тем с приближением выборов Джавахарлал уделял все больше внимания предвыборной борьбе. Избирательный манифест Конгресса, написанный в основном Джавахарлалом⁶⁰, отвергал закон 1935 года и общинный закон, принятый вместе с ним. Участие конгрессистов в законодательных собраниях преследовало только одну цель — воспрепятствовать проведению этого закона в жизнь. Но как именно это будет осуществлено и следует ли принимать посты в правительствах, предстояло решать после выборов. Экономической программой Национального конгресса оставалась, по сути дела, резолюция об основных правах, принятая в Карачи: земельная реформа, снижение арендной платы и земельного налога, справедливое распределение земли, облегчающее нагрузку на нее, приемлемый жизненный уровень и условия труда для промышленных рабочих. Джавахарлал исключил из манифеста всякий намек на социалистическое учение. Свою слабость он оправдывал перед собой тем, что разразилась гражданская война в Испании и быстро приближалась мировая война, повлекшая необходимость рассматривать индийскую проблему как часть мировых событий

и сосредоточиться на борьбе против империализма. Прежде чем критиковать Джавахарлала, следует помнить, что социалисты — члены Рабочего комитета тоже не возражали против манифеста и не стремились включить в него такие требования, как ликвидация помещичьего землевладения или национализация основных отраслей промышленности. С другой стороны, Нарендра Дева был очень доволен манифестом, который Джавахарлал отредактировал за одну ночь в желательном для него духе⁶¹, и рекомендовал манифест Всеиндийскому комитету Конгресса как революционный, а не как реформистский документ⁶².

Коллеги Джавахарлала, принадлежавшие к правому крылу, были, конечно, в восторге. «Я был очарован тем,— писал Раджагопалачарья Ганди, не присутствовавшему на заседании Рабочего комитета, который утвердил этот документ,— как Джавахарлал провел заседание комитета. Все было проделано очень хорошо, и все остались довольны». Валлабхай Патель тоже был вполне удовлетворен: «На этот раз все у нас шло очень хорошо. Согласие и отсутствие каких-либо шероховатостей в работе очень напоминают мне заседания Рабочего комитета до 1932 г. Наше заседание скорее походило на семейную встречу, чем на официальное заседание Комитета. Мы только что закончили работу, и через полчаса соберется Всеиндийский комитет. Подготовленный манифест был одобрен почти единогласно при участии всех, в духе максимального доверия. Мне трудно переоценить вклад Джавахарлала. Он проделал замечательную работу, не пожалев сил. Мы не испытали ни малейших затруднений, сотрудничая с ним и склоняясь к его взглядам по некоторым вопросам. Мне представляется, что он тоже удовлетворен»⁶³.

Был ли, как утверждает Патель, также удовлетворен Джавахарлал, вызывает сомнения. Но он не жаловался публично на то, что ему подрезали крылья. Если Джавахарлал и отдавал себе отчет в том, что, занимая пост председателя, постоянно вынужден продолжать отступление, начавшееся в Лакхнау, он не говорил об этом даже ближайшим друзьям, обратив всю свою энергию на то, чтобы победить на выборах. Это была для него первая из общенациональных избирательных кампаний, и он объездил сельские местности страны на поездах, самолетах, машинах, велосипеде, в повозках и на пароходах, верхом, на слонах и верблюдах, исходил их пешком. Однажды он даже пробежал целую милю до места, где собирался митинг, и большая толпа следовала за ним⁶⁴. В другой раз помещение было так набито, что ему пришлось пройти к трибуне по спинам, и он впоследствии вспоминал со стыдом, что даже не снял ботинок⁶⁵. Однако подобные случаи мало сказыва-

лись на его популярности. Он часто выходил из себя, но не злился и был очень отходчив⁶⁶. В его поведении ощущалась импульсивность и жизнеутверждающая сила, и это вместе с его «актерским умением держаться» приносило ему любовь народа.

День за днем его выступления начинались на рассвете и заканчивались поздно вечером, а однажды они продолжались без перерыва целые сутки. Он черпал силы в *bain de multitude**, впитывая впечатления и мысли многих тысяч людей, с которыми встречался, и знакомясь с условиями жизни в разных частях Индии; при этом он урывал час-другой, чтобы прочитать «Слепому в Газе» Хаксли и пожить некоторое время иной жизнью. «Это очень утомительное занятие, и все же я нахожу в нем некое странное отдохновение от политики комитетов и отдельных лиц. Мне кажется, что я чувствую себя немного ближе к реальной жизни; к тому же думаю, что энтузиазм народных масс действует на меня ободряюще»⁶⁷.

Его речи не касались личностей, в них мало говорилось об отдельных кандидатах. Джавахарлал говорил о проблемах, общих для всего индийского народа, — о бедности, долгах, иностранном владычестве, учил своих слушателей думать об Индии как о едином целом, разъяснял существо манифеста своей партии и не обещал ничего, кроме усиления борьбы вплоть до завоевания победы. Он говорил просто, но обращался к своим слушателям, как к зрелым собеседникам. Многие из них мало интересовались содержанием его речей. Они приходили просто для того, чтобы своими глазами увидеть богоподобное существо, о котором так много слышали. Ганди был одним из их же числа, а Джавахарлал — волшебным принцем. И все же в глазах некоторых слушателей загорался огонек понимания и сочувствия. Один из английских чиновников в своем докладе начальству дал живое описание выступлений Джавахарлала во время этой кампании:

«Несмотря на свою непритязательную одежду и головной убор — форму конгрессиста, пандит выглядел истинным джентльменом и весьма впечатляющей фигурой. Он, вероятно, единственный красивый индиец из тех, кого мне довелось видеть в конгрессистской шапочке, и выглядит крепким и энергичным. Он не пользовался никакими заметками в ходе выступления и не носил очков. У него красивый глубокий голос, и убедительность своих доводов он подчеркивает просто движением правой руки. Он не играет «интонацией», как это присуще столь многим индийским ораторам,

* В гуще толпы (фр.).

но в то же время говорит со слушателями в довольно суровом тоне. Ни в коей мере он не старается польстить им. Европейцу легко понять его хиндустани, отчасти потому, что он пользуется простыми словами и выражениями, а отчасти из-за того, что в его речи на этом языке чувствуется то, что я не могу назвать иначе, как английским акцентом... Пандит, несомненно, самый увлекающий публику оратор из всех услышанных мной в Индии. Его мужественность, откровенность и репутация человека, готового к самопожертвованию, несомненно, привлекают широкие аудитории»⁶⁸.

Было очевидно, что не имеет смысла менять председателя Конгресса в разгар избирательной кампании, и Джавахарлала снова переизбрали на этот пост на файзпурском съезде Конгресса в декабре 1936 года. Он вновь изложил в своем выступлении взгляды, которые были уже известны: вопросом первостепенной важности является политическая свобода; социализм помогает разобраться в обстановке и обеспечивает единственную возможность решить в будущем экономические вопросы; борьба Индии только часть титанической схватки, ведущейся в мире. Это последнее обстоятельство он ощущал еще острее, чем прежде, ибо война в Испании, которая разразилась после предыдущего съезда Конгресса, была для Джавахарлала, как и для столь многих представителей интеллигенции на Западе, делом личным. Но, с другой стороны, захваченный избирательной кампанией, он старался менее настойчиво говорить о социализме. Первостепенными задачами теперь были мир во всем мире и демократия в Индии⁶⁹. Но у его коллег по Конгрессу не хватало времени для подобных идей. Их занимали исключительно выборы и то, что за ними последует. Джавахарлал повторил, что Конгресс участвует в выборах для того, чтобы объединить массы, а не в поисках конституционного решения вопроса или бесплодного реформизма. Для него краеугольным камнем политики Конгресса все еще оставалось требование созыва Учредительного собрания. Он считал, что осуществление Закона об управлении Индией должно быть сорвано, чтобы можно было открыть новую чистую страницу, но что это осуществимо не столько путем действий внутри законодательных собраний, сколько в ходе борьбы масс.

Однако его аудитория не приняла всерьез длинную тираду в пользу отказа от постов. Джавахарлал был полезен как знаменосец, чья энергия, красноречие и популярность представляли ценность для победы на выборах. Эти его качества конгрессистские партийные боссы эксплуатировали, не обращая особого внимания на его идеи, с которыми можно было расправиться после выборов.

Символический протест в форме *хартала*, проведенного 1 апреля, когда должен был вступить в силу новый закон, имел небольшое значение. Более важным было решение созвать конференцию всех вновь избранных конгрессистов. Джавахарлал мог рассматривать это как подготовку к созыву Учредительного собрания⁷⁰, в то время как вице-король был убежден, что цель этой конференции — усилить внутривластную дисциплину в Конгрессе в качестве прелюдии к отказу от министерских постов и подготовки к кампании гражданского неповиновения⁷¹.

Оба были искренне убеждены в своей правоте. Хотя формально эта конференция созывалась, чтобы решить, как помешать проведению в жизнь Закона об управлении, от любого подобного совещания членов законодательных собраний можно было ожидать прежде всего стремления занять посты в правительствах, и созыв такой конференции мог привести только к принятию решения, удовлетворяющего это стремление. На деле внушительный триумф Конгресса на выборах, победа, для которой никто не сделал больше, чем Джавахарлал, укрепили силы, действовавшие против него. Конгресс боролся за 1161 из 1585 мест и получил 716. Он завоевал абсолютное большинство в шести из одиннадцати провинций и имел больше мест, чем любая другая партия, в трех других.

Джавахарлал думал, что со времени съезда в Лакхнау взгляды Конгресса изменились. Тогда принятие министерских постов было решенным делом. Теперь оно казалось очень сомнительной возможностью. «Постарайтесь представить себе,— писал он Кришне Менону⁷², который, живя в Лондоне, критически относился к неспособности Джавахарлала прекратить «игры с министерскими постами»,— каков человеческий материал в Индии. Как люди думают, как они действуют, что ими движет и что не влияет на них. Очень просто в теории занять правильную позицию, которая имеет совсем небольшое воздействие. Мы должны совершить нечто значительно более важное и трудное, а именно поднять огромные массы народа, заставить их действовать, и все это — не разрушая Конгресс. Должен сказать, что результаты последних шести месяцев просто необычны». Но к его огорчению, сразу же после оглашения результатов выборов многие конгрессисты только и делали, что думали и говорили об образовании правительств. О формально объявленной цели участия в выборах, а именно срыве проведения в жизнь закона 1935 года, едва помнили; она потонула в дискуссиях о выгодах министерских постов. Подобное поведение казалось ему не только отречением от поставленной цели, но просто такой глупостью, таким отсутствием уважения к себе и политического мышления, что он воспользовался дебатами в Соеди-

ненных провинциях и провел в провинциальном комитете Конгресса резолюцию против принятия министерских постов. Затем, поехав в Дели на решающие заседания Рабочего комитета и совещание конгрессистов, избранных в законодательные собрания, он утверждал, что избиратели, по существу, заявили: «К черту конституцию»⁷³. В председательской речи на этом совещании, составленной и обнародованной заблаговременно, он утверждал, что избиратели фактически вручили британскому империализму формальное предупреждение о необходимости уйти из страны и что поэтому Закон об управлении Индией должен быть «отменен целиком и полностью, чтобы освободить поле деятельности для нашего Учредительного собрания». Пока такое собрание не станет фактом, не остается ничего иного, кроме столкновений и борьбы, а мелкий вопрос о принятии постов вообще едва ли возникнет. Сотрудничество означало бы подчинение диктату империалистов и участие в позоре эксплуатации⁷⁴.

Ганди лично был склонен поддержать Джавахарлала, но он учитывал преобладающие в партии настроения. Рабочий комитет охарактеризовал результаты выборов как осуждение закона и отказ от него, разъяснял всем конгрессистам, что основной политической линией партии является борьба против закона и за его отмену, а затем, вопреки всякой логике и без тени смущения, одобрил занятие министерских постов в том случае, если руководители партии в законодательных собраниях получают уверенность в том, что, коль скоро правительства будут действовать в рамках конституции, губернаторы не станут вмешиваться в их деятельность. М. Н. Рой жил в то время по соседству с Джавахарлалом в Дели, и его рассказ о реакции Джавахарлала на это решение звучит вполне правдоподобно.

«На третий день, ближе к вечеру, он пришел и бросился на кровать — сломленный человек, почти готовый расплакаться. «Я должен уйти в отставку», — сказал он. Я спросил: «Почему, разве они отвергли Ваш проект?» «Нет, — воскликнул он в бессильной ярости, — они приняли целиком эту чертову резолюцию с добавлением короткого абзаца, продиктованного Гандиджи, который сводит ее всю на нет»⁷⁵.

Нет нужды говорить, что Джавахарлал не ушел в отставку; с присущей ему дисциплинированностью он смирился с поражением. Хотя он не изменил своих взглядов, он «как рядовой солдат» лояльно придерживался принятой резолюции. Наступит время, когда он решит уйти в отставку, ибо нет человека, способного вести за собой армию, если он не знает дороги; но такое время еще не наступило, а пока Конгресс должен был оставаться

единым, идти вперед, бороться и побеждать как единая партия⁷⁶.

Теоретически можно было принимать министерские посты не для того, чтобы сотрудничать с колониальной администрацией, а чтобы работать во имя революционных перемен. Джавахарлал все еще думал, что губернаторы не дадут требуемых от них гарантий и поэтому конгрессистские правительства не смогут быть образованы⁷⁷. Сначала так и случилось. Губернаторы игнорировали конгрессистское большинство и отдавали посты людям, потерпевшим поражение на выборах. Джавахарлал заклеил такие действия как кульминацию фашистских тенденций у английского правительства Индии⁷⁸, и вице-король серьезно рассматривал вопрос об его аресте⁷⁹. Джавахарлал не видел возможности для компромисса и был убежден, что даже умеренные элементы в Конгрессе будут вынуждены признать: заложенная в сути закона конфликтная ситуация вышла теперь на поверхность⁸⁰. Но резолюция Конгресса предоставила инициативу в получении гарантий руководителям провинциальных организаций партии. И Раджагопалачарья, руководитель организации Конгресса в Мадрасе, воспользовался этой возможностью.

Объявивший себя политическим отшельником, Раджагопалачарья еще в двадцатые годы возглавил оппозицию против Даса, Мотилала Неру и свараджистов, а теперь без шума начал добиваться поста главного министра в Мадрасе и твердо решил получить этот пост. Пользуясь доверием Ганди и игнорируя Джавахарлала, который сначала оказался не у дел из-за болезни — брюшного тифа в легкой форме, — а потом уехал в Бирму и Малайю, Раджагопалачарья договорился с губернатором Мадраса лордом Эрскином. Он преподнес создание конгрессистского правительства на заседании членов законодательного собрания как средство подорвать Закон об управлении⁸¹ и в то же время заверил Эрскина, что это «реальная возможность навсегда избавиться от идеи гражданского неповиновения и что было бы бесконечно жаль упустить такой шанс»⁸². Член кабинета министров в Лондоне Галифакс считал полезным какой-либо жест, который помог бы Раджагопалачарье и его единомышленникам⁸³, но Зетланд и Линлитгоу не видели в этом нужды. Они произносили речи будто бы в поддержку этой идеи, однако не уступая ничего по существу. Но встревоженные выступлениями Джавахарлала и за пределами Индии и после возвращения в страну, в которых тот неоднократно повторял, что основная борьба между национализмом и империализмом не должна прекращаться и что закон, защищающий интересы империалистов и привилегированных групп и увековечивающий нищету миллионов, должен быть отменен, власти держали наготове декрет на тот невероятный случай,

если Конгресс прервет переговоры и начнет кампанию гражданского неповиновения⁸⁴. Но оказалось, что они правильно оценили ситуацию. Рабочий комитет, отвергнув точку зрения Джавахарлала, решил, что, хотя гарантии и не были даны, Конгрессу следует сформировать правительства. Большинству так не терпелось немедленно принять такое решение, что оно не хотело даже выносить этот вопрос на рассмотрение Всеиндийского комитета Конгресса. Как с огорчением заметил Джавахарлал, его рассмотрение шло в обратном порядке: основания для принятия министерских постов не обсуждались, а говорилось, что посты должны быть приняты и, следовательно, надо найти для этого основания⁸⁵. Но поскольку в перспективе маячил желанный приз, подобные аргументы не могли свернуть с пути Раджагопалачарью и правых. Через несколько дней в шести провинциях были сформированы конгрессистские правительства.

И снова Джавахарлал подчинился. «Любое решение Рабочего комитета — правильное. Как не может поступить дурно король, так не может поступить дурно и Рабочий комитет»¹. Принятие постов, заявил он, по-видимому, больше для того, чтобы убедить себя самого, чем других, не означает принятия рабской конституции, а есть прежде всего средство борьбы против создания федерации. Если помнить об этом, то риск втянуться в мелочную реформистскую деятельность уменьшится. Поэтому, чтобы оставаться верными духу решения комитета, конгрессисты не должны терять чувства перспективы и продолжать с еще большей энергией работу вне законодательных собраний². Но подобная лояльность не могла скрыть того, что в душе Джавахарлал ненавидел все это. Конгресс отошел почти от всего, за что, с точки зрения Джавахарлала, стоял прежде, и превратился в соглашательскую конституционную организацию, падкую до земных благ, которые дают министерские должности. Поэтому Джавахарлал фактически отошел от дел. Хотя он и оставался председателем партии, он не входил в бюро парламентской фракции, которое имело целью направлять и координировать деятельность правительств. Он не проявлял серьезного интереса к формированию правительств, даже у себя в Соединенных провинциях. Об этом необходимо сказать, потому что через много лет Маулана Азад бросил Джавахарлалу обвинение, будто бы руководство Мусульманской лиги в Соединенных провинциях согласилось сотрудничать с Конгрессом в обмен на два места в правительстве, но Джавахарлал якобы сократил это число до одного и тем самым сорвал договоренность, достигнутую Азадом. «Действия Джавахарлала пошли Лиге на пользу. Всякий, кто интересовался проблемами индийской политики, знает, что реорганизация Лиги началась именно с Соединенных провинций. Г-н Джинна полностью воспользовался ситуацией и начал наступление, которое в конечном счете привело к созданию Пакистана»³.

От такой резкой критики, и притом из столь авторитетного источника, нельзя просто отмахнуться. Даже если Джавахарлал нес ответственность за решение исключить представителей Лиги

в 1937 году, было бы, очевидно, несерьезно объяснять растущее влияние мусульманского коммунизма этим единственным фактом. Но действительно ли Джавахарлал принял такое решение? Мемуары Азада, подготовленные по его указанию Хумаюном Кабиром, вышли в свет в 1959 г., после смерти автора. Рукопись показали Джавахарлалу, который попросил Кабира не вносить никаких изменений⁴. Он также коснулся этой критики на пресс-конференции, но в очень общей форме, просто заметив, что Азад иногда мыслил категориями личного характера без учета тенденций исторического развития⁵. Его лояльность к памяти покойного коллеги была слишком велика, чтобы позволить фактами опровергнуть обвинение. В результате этот миф укоренился и часто повторяется даже в научных работах о том периоде.

Однако факты выглядят совершенно иначе. Когда Джинна в 1936 г. снова возглавил Мусульманскую лигу, он все еще был националистом, который не хотел ни поддерживать колониальное правление, ни опираться на него. Его отчужденность, вспыльчивость и антиимперская настроенность вызывали к нему со стороны англичан такое же отрицательное отношение, как к любому конгрессисту. «Думаю, что из всех индийцев, с которыми я встречался, — писал Хор Уиллингдону, — Джинна не нравился мне больше всех. На протяжении всех заседаний Конференции круглого стола он неизменно вел какую-то «змеиную политику», и, по-моему, никто не доверял ему. Я очень надеюсь, что он не найдет поддержки среди мусульман»⁶. Но Джинне не нужна была политика, опирающаяся на массы. Его идея состояла в том, чтобы вернуться к догандистскому периоду и снова создать союз политической элиты, чьей целью будет вырвать уступки у англичан. Он был главным автором и вдохновителем Лакхнауского пакта 1916 года между Конгрессом и Лигой⁷ и надеялся теперь еще раз достигнуть подобного взаимопонимания. Поэтому он добился избрания на пост председателя Лиги не безоговорочно преданного Лиге претендента, а сэра Вазира Хасана, отставного судьи из Лакхнау, чья семья была тесно связана с руководством Национального конгресса в Соединенных провинциях. Предвыборный манифест Лиги, составленный Джинной, был очень похож на манифест Конгресса, а среди членов бюро парламентской фракции Лиги были представители таких мусульманских организаций, как Джамиат-уль-Улема, которые поддерживали Конгресс. Во всех своих речах в 1936 году Джинна подчеркивал свои националистические убеждения и преданность делу свободы⁸, а в августе он и Джавахарлал выступали с одной трибуны на Всеиндийской конференции студентов в духе взаимной сердечности.

Однако тактика Джинны никогда не имела шансов на успех. Конгресс и индийская политическая жизнь в целом ушли далеко вперед от первых своих шагов в 1916 году. Основное положение Лакхнауского пакта, что Конгресс и Лига являются двумя религиозно-общинными партиями с политическими целями и могут состоять в равном партнерстве, давно утратило силу. Разумеется, от Конгресса, уже мобилизовавшего массы на проведение ряда кампаний и утвердившегося как широкий националистический фронт, нельзя было ожидать, что он согласится быть прежде всего чисто индусской организацией и не станет стремиться привлекать в свои ряды мусульман и другие религиозные меньшинства Индии. Джавахарлалу, критиковавшему привилегированные группы и подчеркивавшего, что главными проблемами являются нищета и голод, от которых страдает огромное большинство индийцев независимо от их религиозной принадлежности, религиозная исключительность Джинны казалась средневековой и обскурантистской. На протяжении первых месяцев 1937 года он и Джинна резко критиковали один другого в прессе. Когда Джавахарлал утверждал, что существуют только две силы, имеющие значение в Индии, — британский империализм и национализм, представленный Конгрессом, — Джинна отвечал, что есть еще третья сила — мусульмане. Джавахарлал отметил это как религиозно-общинное мышление, возведенное в энную степень. Мусульман нельзя рассматривать как «особую нацию», а Мусульманская лига представляла собой небольшую группу, действовавшую в высших слоях средних классов мусульман, не имела никакой связи с мусульманскими массами и лишь незначительные контакты даже с низшими слоями мусульман из средних классов. Спор вскоре опустился до уровня перебранки. Джинна упоминал Питера Пэна, который не хочет стать взрослым, «хлопотливого председателя», который, по-видимому, «взвалил на свои плечи ответственность за весь мир и должен теперь совать свой нос повсюду, забыв про собственные дела»⁹. Со своей стороны Джавахарлал заявлял, что в Национальном конгрессе есть мусульмане, которые «могут служить вдохновляющим примером для тысячи таких, как Джинна»¹⁰. Ему не нужны секретные договоры с кем бы то ни было и меньше всего с Джинной¹¹. По-видимому, именно в этот период у Джинны возникла особенно сильная аллергия на Джавахарлала, к его бьющей через край энергии, к его социалистическим идеям. В поисках соглашения по вопросам индусско-мусульманских отношений он даже обратился через голову Джавахарлала к Ганди, но получил решительный отпор¹².

Результаты выборов явились уроком и для Джавахарлала и для Джинны. В то время как Конгресс добился впечатляющего преимущества в общих избирательных округах, на 482 места, отведенных для мусульманской курии, он выдвинул только 58 кандидатов и завоевал всего 26 мест. В восьми провинциях Конгресс вообще не выдвигал своих кандидатов на такие особые места и большинство побед в избирательных округах такого рода одержал в Северо-западной пограничной провинции, где решающую поддержку Конгрессу оказал Абдул Гаффар-хан. С другой стороны, Мусульманская лига выдвинула своих кандидатов не на все 482 места, отведенные мусульманской курии, и завоевала из них только 109. Она не сумела получить большинства мест даже в таких провинциях, как Пенджаб и Бенгалия, где преобладало мусульманское население. В Пенджабе большинство голосов получила Юнионистская партия — партия крупных землевладельцев, а в Бенгалии из всех партий больше всего мест оказалось у Конгресса и у крестьянской партии, руководимой Фазлулом Хаком. Для Джавахарлала эти результаты означали, что Конгресс не провел достаточной работы среди мусульман и что в новой программе «контакта с массами» должны быть приложены особые усилия, чтобы привлечь их на свою сторону.

В стране имели самое широкое распространение антиимпериалистические настроения, и, за исключением микроскопической верхушки, которая боялась социальных перемен, индийский народ в целом поддерживал Конгресс. Партия поэтому совершила ошибку, не выдвинув больше мусульманских кандидатов. Младшее поколение мусульман, так же как крестьяне и рабочие-мусульмане, покидали наезженную колею религиозно-общинных взглядов и начинали мыслить экономическими категориями, и Конгрессу следовало использовать это для расширения своей базы. «Конгресс пользуется теперь самым высшим авторитетом в массах и в низших слоях средних классов. Даже мусульманские массы ждут от него помощи. Еще никогда партия не занимала такого прочного положения»¹³. Выборы в некоторой мере спугнули призрак религиозно-общинной розни, и Конгресс должен был закрепить этот успех, работая среди мусульманской интеллигенции и масс, и освободить Индию от религиозно-общинных взглядов в любом их виде и форме. Всем провинциальным комитетам Конгресса следовало учредить специальные комиссии для расширения контактов с мусульманским населением и привлечения в ряды Конгресса большего числа мусульман. При центральном руководстве Конгресса тоже должен быть создан специальный отдел по этим вопросам. Информация должна выпускаться на языке урду, так же как на других местных языках страны; следовало широко

распространять новый журнал Конгресса, издающийся на урду¹⁴. Ганди не одобрил эту программу «контакта с массами» и отдал предпочтение осторожному продвижению вперед путем конструктивной работы среди мусульман, проводимой как мусульманскими, так и индусскими активистами. Однако Рабочий комитет предпочел план Джавахарлала, ибо признал, что конструктивная программа Ганди больше не вызывает энтузиазма, а мусульмане совершенно не доверяют Ганди и считают его своим врагом¹⁵.

Выводы Джинны были такими же, но урок он извлек совершенно иной. Мусульманская лига совершила ошибку, не организовавшись лучше для избирательной кампании и не выдвинув своих кандидатов на все места по мусульманской курии. Конгресс, по его мнению, все больше становился массовой партией и наносил удары в новых направлениях. Если бы его подходы к мусульманским массам оказались успешными, Джинна и Лига остались бы ни при чем. Поэтому, чтобы Конгресс принимал их всерьез, необходимо усилить религиозно-общинные настроения среди мусульман. Единственно возможный ответ на конгрессистскую программу «контакта с массами» состоит в том, чтобы убедить мусульман подчинить свои экономические интересы религиозному рвению. Тогда Конгресс будет вынужден иметь дело с Лигой. Необходимо усилить влияние ислама в мусульманских массах, чтобы получить поддержку для мусульманских высших и средних классов, требующих работы и уверенности в завтрашнем дне.

Именно в такой обстановке развивались события в Соединенных провинциях. На выборах главным соперником Конгресса была не Мусульманская лига, а Национальная земледельческая партия — организация помещиков, поддерживаемая правительством с целью подорвать влияние Конгресса среди арендаторов¹⁶. Англичане придавали более важное значение этой партии, чем Мусульманской лиге, и без колебаний принуждали *талукдаров*-мусульман отказываться от поддержки Джинны, этого «заклятого врага британского правления», и поддерживать лояльного к англичанам *наваба Чхатари*¹⁷. Поэтому Конгресс и Лига пришли к взаимопониманию в этой провинции, никак не оформленному официально, и, насколько возможно, избегали конфликта. Вопрос об индусско-мусульманских отношениях и о признании мусульман самостоятельной третьей стороной, поднятый Джинной на общенациональном уровне, не касался Соединенных провинций. Здесь главной проблемой были власть и господство помещиков и реакционеров, с одной стороны, и права арендаторов — с другой. В этом противоборстве Лига и Конгресс предприняли совместные усилия, чтобы нанести поражение правительству и его марионеткам. Бюро парла-

ментской фракции Лиги в Соединенных провинциях являло собой странный конгломерат реакционеров, лидеров «Джамиат», поддерживавших Конгресс, бывших конгрессистов, лично связанных с семьей Неру, вроде Чаудхури Кхаликуззамана, и многих других с неопределенными связями. Особенно энергично поддерживал избирательную кампанию Лиги руководитель «Джамиат» маулана Хусаин Ахмад, очень близкий к Конгрессу. Некоторые из кандидатов Лиги, если бы их об этом попросили, вероятно, баллотировались бы по спискам Конгресса, а Джавахарлал в ходе избирательной кампании поддерживал бы кандидатов Лиги, если они не были явными реакционерами и если Конгресс не боролся за эти места.

После выборов часть членов бюро парламентской фракции Лиги покинула его. Когда в марте Конгресс отказался сформировать кабинет министров и власти сами учредили послушное им «переходное» правительство, Кхаликуззамана пригласили принять в нем пост, но он отказался¹⁸. Однако другой деятель Лиги принял такое предложение, и, хотя был исключен из бюро парламентской фракции, некоторые ее члены, в том числе маулана Хусаин Ахмад, вышли из него. На этом этапе Говинд Баллабх Пант и Моханлал Саксена, ведущие деятели Конгресса в Соединенных провинциях, не ожидая, что их партия сформирует правительство в ближайшем будущем, убеждали Кхаликуззамана укрепиться в своем решении не принимать поста в «переходном» правительстве и уговаривали его вернуться в ряды Конгресса¹⁹. Возможно, хотя они в этом не признавались, Пант и Саксена пошли еще дальше и предложили заключить договор с Лигой. В тот период атмосфера, порожденная общей победой над властями, и попытки последних свести на нет результаты выборов наталкивали на такое решение. До Джавахарлала дошли слухи об этих шагах, и он предупредил Панта, что такое соглашение недопустимо. «Я лично убежден, что любой договор между нами и Мусульманской лигой, любая коалиция с ней принесут большой вред. Этот шаг повлек бы за собой и многие другие последствия, столь же нежелательные»²⁰. Стоит добавить, что Азад, который в то время жил у Джавахарлала, тоже был против подобного договора²¹.

Вследствие таких возражений Конгресс в Соединенных провинциях отказался от мысли, если она и была, заключить договор с Лигой. Но отношения между этими партиями оставались сердечными. Поскольку одно место, предназначенное для мусульман и полученное кандидатом Лиги, оказалось вакантным, руководство этой партии в Соединенных провинциях, несмотря на требование Джинны, чтобы оно осталось за Лигой и чтобы Конгресс не пре-

тендовал на него²², предложило это место одному из ведущих деятелей Конгресса — Рафи Ахмаду Кидваи. Однако и сам Джинна был за коалицию с Конгрессом, или, как он это называл, за «единый фронт». Теперь, когда Конгресс был готов принимать министерские посты при соблюдении некоторых условий, Джинне казалось, что между двумя партиями больше не существует значительных различий. Он был прав в том смысле, что Конгресс больше даже не претендовал на звание революционной организации, и в этом отношении между ним и Лигой действительно не было разницы. Но основное препятствие оставалось: любая коалиция с Лигой означала бы, что Конгресс признает индусскую ориентацию и отказывается от права говорить от имени всех индийцев. Из страха, что Кхаликуззаман может пойти еще дальше и предложить вместо коалиции включить Лигу в состав Конгресса, Джинна приехал в Лакхнау и санкционировал дальнейшие переговоры на основе сохранения самостоятельности каждой из организаций²³. Но на это Конгресс идти был не намерен. Когда к концу июня стало очевидно, что Конгресс сформирует правительство, Кхаликуззаман и наваб Исмаил-хан снова предложили создать коалицию. Кхаликуззаман, видимо, пошел еще дальше и сообщил Азаду, что Лига готова принять любые условия, если он и Исмаил-хан получат министерские посты²⁴. Джавахарлал отнесся к этому без энтузиазма, так как конгрессистскому правительству предстояло провести земельную реформу, и он не хотел, чтобы этому помешало какое-нибудь соглашение с Лигой, на которую оказывали влияние интересы *заминдаров*. Но Азада привлекала возможность прекратить существование Лиги в Соединенных провинциях в качестве самостоятельной организации. Он возглавлял переговоры, будучи уполномочен Рабочим комитетом заниматься как делами Конгресса в Соединенных провинциях и Бихаре, так и представительством мусульман во всех провинциальных правительствах. Он посоветовался с Джавахарлалом, Пантом, Крипалани и Нарендрой Девой, и они совместно приняли решение предложить министерские посты Кхаликуззаману и навабу Исмаил-хану в обмен на принятие программы Конгресса и свертывание отделения Мусульманской лиги и бюро ее парламентской фракции в Соединенных провинциях. Все депутаты законодательного собрания от Мусульманской лиги должны были стать членами Национального конгресса и подчиняться его дисциплине. Мусульманская лига не должна была выставлять своих кандидатов на дополнительных выборах, а уже избранные депутаты были обязаны уйти со своих постов или отказаться от депутатских мест, если Конгресс решит, что в этом есть необходимость²⁵.

Это были жесткие условия, которые, будучи приняты, значительно ослабили бы Мусульманскую лигу в Соединенных провинциях, хотя от Кхаликуззамана и других не требовали, чтобы они порвали все связи с центральным аппаратом Мусульманской лиги или принесли формальную присягу Конгрессу. Кхаликуззаман согласился на все условия, кроме двух: прекращения деятельности бюро парламентской фракции и запрета участвовать в дополнительных выборах. Он лично был готов принять даже эти условия, но не имел соответствующих полномочий. Однако, добавил он, вопрос может решиться в любой момент. Он в такой степени стремился достигнуть договоренности и получить пост, что предложил создать специальное заседание исполнительного комитета организации Мусульманской лиги Соединенных провинций, чтобы рассмотреть вопрос о дополнительных выборах. Он также предложил, чтобы членам Лиги было предоставлено право голосовать по религиозно-общинным вопросам по своему усмотрению. Но Джавахарлал и Азад настаивали на полном принятии первоначальных условий, и переговоры были прерваны. Ни тогда, ни даже позже на протяжении всей своей жизни Азад не высказывал по этому поводу никаких сожалений ни лично Джавахарлалу, ни публично²⁶.

Из сказанного выше явствует, что, хотя Джавахарлал никогда не испытывал удовлетворения от оппортунистических, беспринципных переговоров с Лигой, превратившейся теперь в Соединенных провинциях в узкую организацию высших классов, он позволил Азаду, Панту и Рафи Кидваи поступать так, как они сочтут нужным. Разумеется, переговоры прервались не из-за вопроса о том, один или два представителя Лиги получают посты в правительстве, и Джавахарлал не в одиночку решил, что их будет не два, а один. Выиграли бы в конечном счете Конгресс и страна в целом, если бы переговоры не были прерваны, вопрос спорный. Любое соглашение означало бы признание, что политика — это союзы между различными группами высших классов, предательство всех мусульман, не мыслящих религиозно-общинными категориями, и отказ от экономической программы, которой Джавахарлал все время придавал такое большое значение. Подобное соглашение не могло существовать долго, ибо Лига не имела долговременных экономических и социальных целей. Единственным стимулом, побуждавшим ее лидеров к действию, была надежда на министерские посты, и как только они были бы получены, расхождения продолжали бы углубляться. По сути, переговоры между Азадом и Кхаликуззаманом вообще были ненужным и нереальным делом, так как одновременно с ними в одном мусульманском из-

бирательном округе шла борьба на дополнительных выборах, в которой полностью осуществлялась новая стратегия Джинны. И Конгресс и Лига выставили своих кандидатов, превратив эти выборы в пробу сил. Джавахарлал провел полных два дня в этом избирательном округе, касаясь в своих выступлениях, как обычно, экономических и общенациональных проблем, в то время как Лига вопила: «Ислам в опасности». Джинна написал обращение, заклиная именем Аллаха и Кораном, а маулана Шаукат Али говорил о гражданской войне и призывал избирателей «разбить распухшую голову Джавахарлала»²⁷. Деньги и бородатые мауланы оказались в большом споре²⁸. Сторонники Лиги делали крупные вклады в мечети и медресе, а «переходное» правительство помогало Лиге, арестуя мусульманских активистов Конгресса²⁹. Кандидату Лиги содействовало и то обстоятельство, что он принадлежал к малканским раджпутам (секте раджпутов, принявших ислам), и их *панчayat* принял решение наказывать тех своих членов, которые будут голосовать против него. Это вместе с раздуваемым религиозным фанатизмом обеспечило поражение кандидата Конгресса. Так было положено начало новому этапу в индийской политической жизни; углубилась и распространилась религиозно-общинная рознь, отравившая взаимоотношения в стране. Впервые за всю карьеру Джавахарлал стал объектом враждебной демонстрации. По дороге на митинг в избирательном округе его машину забросали камнями³⁰. В таких условиях переговоры с Кхаликуззаманом теряли всякий смысл, и провал их не вызвал существенных последствий.

Через несколько месяцев после формирования первых конгрессистских правительств партия также создала кабинеты министров в Ассаме и в Северо-западной пограничной провинции, и все они функционировали более двух лет. Восемь правительств имели на своем счету немалые достижения. Была разработана согласительная процедура при трудовых конфликтах, хотя в Бомбее эта работа была сведена на нет запретом на забастовки и созданием препятствий на пути развития подлинного рабочего движения в результате поощрения союзов, создаваемых предпринимателями, и союзов по профессиям. В нескольких районах ввели запрет на продажу спиртных напитков, кое-что было сделано для улучшения положения *хариджанов*, проводились массовые кампании по ликвидации неграмотности и были предприняты шаги для распространения начального образования. Самый вид мужчин и женщин в *кхади*, наделенных властью, тоже содействовал поднятию духа не только среди членов партии, но и в простом народе. Особенно ободряющими были успехи в Северо-западной провинции, родной земле консервативных патанов, где большинство населе-

ния исповедовало ислам, земле, которую англичане долгое время пытались изолировать от остальной страны.

Но в целом деятельность правительств, как достаточно скоро понял Джавахарлал, была мало активной, если не сказать контрреволюционной³¹. Хуже всего дело обстояло в Бомбее и в Мадрасе. Теперь вопрос о том, что создание правительств имеет целью борьбу против Закона об управлении Индией³², даже не стоял. Правительства действовали в тесном сотрудничестве с губернаторами и, проводя мелкие реформы, упускали из виду главные проблемы. Вскоре после того, как правительства начали функционировать, Джавахарлал как председатель Конгресса дал им указание освободить всех политических заключенных³³. Говинд Баллабх Пант, как только он встал во главе кабинета министров в Соединенных провинциях, сразу же сел за свой письменный стол и написал приказ об освобождении этих заключенных. Но К. М. Мунши, министр внутренних дел в Бомбее, «большой роялист, чем сам король»³⁴, игнорировал эту директиву. Стремясь держать за решеткой коммунистов и левых деятелей, он попросил вице-короля, к удивлению последнего, объединить усилия департамента уголовных расследований Бенгалии с бомбейским с тем, чтобы справиться с коммунистами в самом Бомбее и вокруг него³⁵. Когда Джавахарлал упрекнул Мунши в излишнем рвении в этом вопросе («Вы уже превратились в полицейского»³⁶), Мунши воззвал к высшему авторитету Ганди и продолжал действовать, как и прежде. Джавахарлал выступил с протестом в Рабочем комитете, указав, что министров-конгрессистов больше беспокоит, какое впечатление их действия произведут на английское правительство, чем на их собственный народ³⁷. Но его протест остался безрезультатным. Опора, которую главный министр Б. Г. Кхер и Мунши искали в вице-короле и губернаторе, подробные отчеты, представляемые ими англичанам о спорах и разногласиях в Конгрессе, дали Линлитгоу основание поддерживать нежелание бомбейского правительства подчиняться центральному руководству Конгресса. «Мой Вам совет, и, надеюсь, он окажется полезным»³⁸, — писал он губернатору лорду Брейнборну, — здесь и повсюду старайтесь выиграть время и не упускайте случая внушить Кхеру и его коллегам мысль о их высоком предназначении и необходимости стоять на собственных ногах. Этот нажим центра не может продолжаться вечно». Но Кхер и Мунши были слабыми людьми, и поэтому, как бы они ни игнорировали Джавахарлала, они не осмеливались противостоять Пателю, который отвечал в Рабочем комитете за Бомбей. Если они вообще имели возможность придерживаться правой политики, то это объясняется тем, что она устраивала Пателя.

В Мадрасе, однако, Раджагопалачарья был сам себе закон. Он занимал слишком высокое положение в Конгрессе и был слишком близок с Ганди, чтобы нести ответственность перед кем бы то ни было. В его поведении сочетались презрение к коллегам по правительству и Рабочему комитету и неоправданное почтение к английскому губернатору — человеку весьма средних способностей и к высшим должностным лицам английской администрации. Результатом явился «отказ от основных принципов и политики Конгресса или их извращение»³⁹. Раджагопалачарья приказал полицейским следить за конгрессистами, арестовывал членов конгресс-социалистической партии, продлил запрет на Клятву в день независимости и потребовал денежный залог от социалистического журнала. Когда эти вопросы рассматривались в Рабочем комитете, Раджагопалачарья на заседание не явился и предоставил Ганди провалить предложение Джавахарлала о том, чтобы конгрессистские правительства, прежде чем произвести аресты или начать судебное преследование, обращались за одобрением своих действий в Рабочий комитет. Раджагопалачарья сослался на закон о поправке к уголовному законодательству, направленный против антииндусских пикетов, который в предшествующие годы Конгресс резко осудил, и сказал Эрскину, что в Индии результаты дают только решительные действия и что англичане проявляли излишнюю нерешительность во время кампаний гражданского неповиновения⁴⁰. Вместе с губернатором он интриговал против собственной партии, чтобы предотвратить создание провинции Андхра⁴¹, и, когда ушел в месячный отпуск, попросил губернатора взять на себя основную часть своей работы, поскольку доверял Эрскину больше, чем любому из своих коллег⁴². Он хотел рекомендовать некоторых из тех, кто поддерживал его, для получения дворянского звания и других титулов⁴³ и «переусердствовал» в защите прав государственных служб в Индии⁴⁴. Когда Джавахарлала спросили на пресс-конференции о предполагавшемся *дурбаре* в честь коронации, он ответил, что, если власти хотят избежать столкновений между конгрессистскими правительствами и губернаторами, королю лучше всего вообще не покидать Англию⁴⁵. Через несколько недель Раджагопалачарья заверил англичан, что никакого бойкота приема королевской особы со стороны Конгресса не будет, как и вообще никаких беспорядков⁴⁶. Короче говоря, поведение Раджагопалачарья явилось воплощением всего, чего в свое время опасался Джавахарлал в связи с согласием на образование правительств.

«По сути дела,— писал Эрскин, сам твердолобый тори,— он слишком тори даже для меня; если я, возможно, желал бы вер-

нутья на двадцать лет назад, он хочет возвратиться на две тысячи лет назад и править Индией, как ею управляли во времена царя Ашоки»⁴⁷.

К великому разочарованию левых⁴⁸, общая позиция Джавахарлала заключалась в лояльной публичной поддержке правительств и в защите их от мелочной и необоснованной критики: «Мы не можем вести агитацию против самих себя»⁴⁹. Но хотя он настойчиво пытался создать атмосферу дружелюбия по отношению к правительствам, в частном порядке он давал им ясно понять, насколько он не одобряет их конформизма⁵⁰. «Очень похвально не позволять закапывать в землю своих врагов, но альтернатива быть похороненным самому столь же неприятна»⁵¹. В самих Соединенных провинциях он помогал Панту разобраться с трудовыми конфликтами в Канпуре, держать под контролем студенческие выступления и отражать критику со стороны провинциального комитета Конгресса, заявлявшего, что Пант становится «вторым Чхатари»⁵². Такая активная поддержка со стороны Джавахарлала породила у Ганди и английских властей надежду, что со временем он примет на себя вместо Панта обязанности главного министра. Это лишь показывает, как плохо они понимали его умонастроения и чувства. Вся атмосфера в Индии была чужда ему — полуверноподданническое поведение правительств, свары из-за постов, нежелание смело решать аграрные проблемы, утверждение, что английские войска могут оказаться необходимыми для поддержания внутренней безопасности⁵³, оправдание конгрессистами — членами центрального законодательного собрания отправки индийских войск в Китай⁵⁴.

Его главное возражение против федерации, как она предусматривалась законом 1935 года, состояло в том, что предполагалось вхождение в ее состав феодальных и авторитарных властителей индийских княжеств, а он хотел, чтобы Конгресс поддерживал народное движение в этих княжествах. Но сам Ганди возражал против этого и резко публично укорял Джавахарлала за то, что тот позволил Всеиндийскому комитету Конгресса принять резолюцию, критикующую правительство Майсура. Джавахарлал написал резкий ответ, но воздержался от его опубликования. Все это, однако, действовало ему на нервы, и он фактически отошел от повседневной политической деятельности в своей провинции и чувствовал себя счастливее, посещая отдаленный Ассам или Пограничную провинцию, работая над длинным трактатом по проблеме языка или самовлюбленно предаваясь *jeu d'esprit**, поистине достойной

* Игре ума (фр.).

Нарцисса. Он, не называя имени, разоблачал якобы дремлющие в нем самом диктаторские склонности⁵⁵. «Это,— писал он другу, убеждая его продлить свое пребывание в Европе,— унылая страна»⁵⁶.

Джавахарлал чувствовал себя свободнее и собраннее при соприкосновении с событиями вне Индии. Растущая в мире напряженность еще более отточила его взгляды. Фашизм и империализм — кровные братья, и борьба за свободу в Индии — часть конфронтации, происходящей в мире, считал он. Свобода, как и мир, неделима. «Границы нашей борьбы проходят не только по нашей стране, но также в Испании и Китае»⁵⁷. Даже в период напряженной избирательной кампании он не забывал о международном аспекте индийской проблемы. В конечном счете неважно, куда именно судьба забросит тебя. Его лично судьба связала с Индией, и он мог работать наиболее плодотворно именно здесь. Но он всегда мыслил категориями более крупных мировых проблем, старался определить, какое место займет Индия в их решении, и учил своих слушателей поступать таким же образом. Подобный интерес к международным проблемам и связь с ними, говорил он, также дадут возможность индийскому народу играть свою роль, пусть небольшую, в мировых делах и право голоса в международных организациях. Когда Италия напала на Эфиопию, он призвал народ провести демонстрации по всей стране, чтобы выразить поддержку эфиопам и солидарность с ними. Народ Индии не может оказать значительной помощи, но он должен по крайней мере продемонстрировать свою решимость стоять на стороне жертв империализма в другой стране, в особенности в связи с тем, что Англия открыто поддерживает Муссолини⁵⁸. Точно так же, несмотря на все свое сочувствие евреям, он считал, что в Палестине против британского империализма борются арабы. Евреи не должны рассчитывать на поддержку Англии; им следует стремиться достигнуть соглашения с арабами, чтобы сохранить свое самостоятельное положение в независимой арабской стране. Джавахарлал считал, что англичане играют на противоречиях между евреями и арабами так же, как они поощряют религиозно-общинную рознь в Индии⁵⁹. Но против империализма нужно бороться, где бы он ни проявлялся, и Джавахарлал организовал бойкот японских товаров, Фонд помощи Китаю и медицинский отряд для работы в этой стране.

Но главное его внимание привлекала гражданская война в Испании. Он, как любой другой отзывчивый либерал того времени, ощущал личную причастность к этой борьбе. «Изо дня в день я наблюдаю с почти физической болью, как нарастают бедствия в Испании»⁶⁰. Для него это было не просто сражение между ис-

панским правительством и какими-то мятежными генералами или даже между фашизмом и демократией в Европе; это был значительно более широкий конфликт, — конфликт между силами прогресса и реакции во всем мире, и его исход не мог не повлечь за собой огромные последствия для людей на всей земле. Ворота Мадрида стали «символом человеческой свободы»⁶¹, и Джавахарлал организовал сбор средств, чтобы послать из Индии зерно и отряд санитарных машин.

При таком активном интересе Джавахарлала к международным проблемам было естественно, что он думал о поездке за границу летом 1938 г. Мать его после долгой болезни скончалась в январе 1938 года, дочь училась в Оксфорде, и у него поэтому не было глубоких семейных привязанностей, которые задерживали бы его в Индии. Националистическое движение пошло на убыль, и в Харипуре Субхас Бос сменил Джавахарлала на посту председателя Конгресса. Несмотря на большой нажим, Джавахарлал отказался от должности генерального секретаря. Он хотел даже выйти из состава Рабочего комитета. Его убедили не делать этого, но интересы его лежали в другой сфере, и в июне он с радостью покинул Индию и отплыл в Европу, где, с его точки зрения, находились жизненно важные центры активности. «Это странный, полный загадок мир, но я в известной мере нахожу с ним общий язык, потому что мне нравится, когда происходят необычные вещи, и я, пожалуй, получаю удовольствие, принимая в них участие»⁶².

Его собственное отношение к европейскому кризису было вполне определенным. Он считал, что диктаторов необходимо заставить прекратить агрессию и что мировая война неизбежна, но что Индия ни в коем случае не вмешается в такую войну даже против фашистских держав. Политика умиротворения явилась меньшей неожиданностью для него, чем для его заграничных друзей, ибо Индия видела главным образом империалистическое лицо правительства Англии, а не его демократический лик. Хотя, как любой симпатизирующий левым человек, он был озадачен и озабочен происходившими в России судебными процессами⁶³, он отказался поставить свое имя под призывом к расследованию этих событий. В Англии он был тесно связан со Стаффордом Криппсом и его Социалистической лигой и с «Лефт бук клуб», одобрял их программу народных фронтов и союза с Россией. Коллективная безопасность — вот что требовалось в этот момент, хотя, по-видимому, чтобы умиротворить сторонников метода ненасилия, которых он поддерживал в Индии, Джавахарлал заявил, что агрессоров можно обуздать даже одними экономическими санкциями⁶⁴. Когда в феврале 1937 года на митинге в защиту мира, созванном «Лефт бук

клуб» в Альберт-холле, Виктор Голланц неожиданно зачитал полученную от Джавахарлала телеграмму, раздались оглушительные несмолкаемые аплодисменты⁶⁵. Хотя индийское правительство запретило ввоз книг «Лефт бук клуб» в страну, некоторые из них все же проникали в Индию и читались с жадностью. Джавахарлал думал обойти этот запрет, перепечатав несколько таких изданий в Индии, но из этого ничего не вышло⁶⁶. В этих условиях кажется невероятным, хотя и весьма для него характерным, письмо лорда Лоузиена Ага-хану, того самого Лоузиена, который долгое время находился в переписке с Джавахарлалом и рецензировал его «Автобиографию». Летом 1937 г. лорд Лоузиен писал Ага-хану, что Германию необходимо умиротворить, иначе она попытается заключить союз с Италией и Японией, направленный против Британской империи, «что как раз вполне устроит Джавахарлала Неру»⁶⁷. Но ни один человек в здравом уме не мог сомневаться в безусловной приверженности Джавахарлала борьбе против фашизма. Для него левое движение означало борьбу за освобождение Индии, преданность традициям и чаяниям своего народа, сопротивление нацизму и фашизму и веру в русскую революцию, несмотря на все ее «прегрешения» и несовершенства. Он был противником тоталитаризма так же, как и фашизма, и надеялся соединить гражданские свободы и парламентскую систему с экономическим прогрессом, достигнутым Россией.

По пути в Европу Джавахарлал встретился в Александрии с Нахас-пашой и руководителями партии «Вафд», а затем, прибыв в Италию, немедленно отправился в Испанию в качестве гостя республиканского правительства. Он провел пять дней в Барселоне накануне битвы на Эбро. Там он впервые пережил воздушные налеты, побывал на фронте и был очарован обаянием генерала Листера и его спокойной уверенностью в себе. Джавахарлал полагал, что успех не может не прийти к армиям республики, созданным в ходе войны, чуждым формальностей и объединенным чувством товарищества и преданностью общему делу. Они, считал он, должны одержать верх над мятежниками с их профессиональной армией и военными специалистами, несмотря на их превосходство в тяжелом вооружении и авиации и на поддержку Германии и Италии, если только английское и французское правительства не откажут республике в боеприпасах и продовольствии. День, проведенный в английском и американском батальонах интернациональной бригады, вызвал у него горячее желание вступить в ее ряды. «Что-то во мне вызывало стремление остаться на этих негостеприимных с виду склонах, давших приют столь безграничному мужеству, всему тому, ради чего стоит жить»⁶⁸. Встре-

чи с президентом Асаньей, министром иностранных дел Альваресом дель Вайо и Пассионарией завершили эту поездку. Под влиянием своих взглядов на решение проблем Индии он был огорчен тем, что политическая революция сочеталась в Испании с крутыми мерами в области социальных перемен⁶⁹; однако это не мешало ему горячо желать победы республиканскому правительству. Джавахарлал вернулся из Испании с твердым убеждением, что ответственность за ход войны лежит не на мятежниках и даже не на диктаторах, а на английском правительстве и что французы действуют полностью под его влиянием⁷⁰. После беседы с Джавахарлалом на эту тему Зетланд с огорчением сообщает: «Когда я сказал, что конфликт в Испании — это гражданская война, он не согласился и ответил, что, по его мнению, поддержка Франко исходит почти целиком от иностранных держав, а в Испании у него последователей очень мало. Его пристрастность в отношении современного положения в Европе совершенно очевидна, и я не думаю, что даже самые настойчивые попытки переубедить его смогут изменить эту точку зрения»⁷¹.

К этому времени Джавахарлал, благодаря своей «Автобиографии» и успеху Конгресса на выборах, стал в Англии еще более известной фигурой, чем прежде. Он относил рост интереса к себе за счет того важного значения, которое придавалось возможным действиям Индии в период мирового кризиса. Она играла огромную роль, как будоражащий фактор⁷². Безусловно, ее престиж в мире значительно вырос. Джавахарлала считали истинным представителем индийского народа, он находился в русле мирового общественного мнения: выступал в Альберт-холле и на Трафальгарской площади на митингах, созданных Комитетом помощи Испании, на собрании, организованном «Лефт бук клубом» специально в его честь. Он побывал на ленчах, устроенных в редакции «Нью стейтсмен» (где присутствовал и Эттли, оставшийся незамеченным)⁷³, и в палате общин; имел долгие беседы с Робертом Ванситтартом и Томом Джонсом и провел полдня с супругами Вэбб.

«Являя собой решительный контраст (гостившему американскому профессору), руководитель Индийского конгресса Неру и его прелестная дочь провели здесь в субботу несколько часов и встречались с Понсонби⁷⁴. Я читала его «Автобиографию» и восхищалась ею и была рада оказать ему теплый прием. Он представляет собой последнее слово аристократической утонченности и культуры, но посвятил себя делу защиты угнетенных, будь то в расовом или классовом отношении; я, однако, сомневаюсь, что он сделан из того твердого материала, из которого получают революционные вожди. В теории он — коммунист, но не уверен в возможности использовать

сложную советскую систему в условиях разнообразия рас, населяющих Индийский континент. Он пламенно верит, что новая Индия может родиться, на деле уже рождается, главным образом благодаря учению Ганди, чью силу святого и проповедника он полностью сознает и высоко ценит, но чьи экономические теории отвергает как романтические пережитки прошлого. Неру убежден, что свобода личности, проявляющаяся при возможности хороших условий жизни, не может быть обеспечена без организации основных служб и главных отраслей промышленности специально для всеобщего потребления, а не ради получения прибыли. Сегодня индийский народ слишком примитивен для советского коммунизма. Но его пробудили к действию не только внутренние условия в Индии, но и ужас вторжения Японии в Китай и сочувствие другим угнетенным народам»⁷⁵.

И, вспоминая эту встречу через два года, Беатриса Вэбб записывает в своем дневнике, что ее и мужа больше «поразило его обаяние, чем сила,— он казался слишком ультрарафинированным для того, чтобы суметь оказать влияние на английских должностных лиц или политиков! Он тонко мыслит, он агностик в плане отношения человека к вселенной и, в результате изучения капиталистической системы, новообращенный сторонник коммунизма для Индии и западного мира...»⁷⁶.

Джавахарлал также встречался с функционерами лейбористской и коммунистической партий и Национального совета борьбы за гражданские права. Он даже провел уик-энд с Лоузиеном и «кливденской кликой» и молча выслушал филиппику Нэнси Астор против социализма. Джордж Пэдмор встретился с ним, чтобы проанализировать для него проблемы Африки. Руководители еврейской общины посетили Джавахарлала, чтобы поговорить о своих проблемах, и Джавахарлал договорился о поселении в Индии некоторых еврейских беженцев из Германии. Главную трудность в этом деле представляло отношение правительства Индии, которое настаивало на гарантиях постоянной работы для этих беженцев, но ни одно провинциальное правительство или промышленная фирма не могли дать таких гарантий.

В этот раз, в отличие от своего предыдущего посещения Англии, Джавахарлал хотел встретиться с членами правительства. Помимо бесед с Галифксом и Зетландом, он встретился с Линлитгоу, находившимся в отпуске в Англии. Вице-король и раньше стремился установить контакт с Джавахарлалом, в особенности после того, как Конгресс сформировал свои правительства, и Ганди пытался организовать эту встречу. Но Джавахарлал не желал никаких контактов с главной фигурой британского империализма в Индии, тем бо-

лее в период, когда объявили голодовку узники Андаманских островов⁷⁷. Теперь голодовка закончилась, и Джавахарлал не видел никаких препятствий к беседе с вице-королем, находившимся в отпуске вне пределов Индии. Разговор носил общий характер и не содержал подробного обсуждения вопросов индийской политики⁷⁸. Но как писал Джавахарлал позже, он сказал тогда Линлитгоу: «Я даю Англии самое большее десять лет до дня, когда Индия станет независимой. Я не namного ошибся»⁷⁹. Вице-король, когда они расставались, мог лишь ответить, что их разделяет пропасть и они будут смотреть друг на друга, только стоя каждый на своем краю⁸⁰.

Из Лондона Джавахарлал поехал в Париж, чтобы выступить на международной конференции протеста против бомбардировок мирного населения. Получив слово после лорда Сесилия, который упомянул недавний визит во Францию английского короля с королевой, Джавахарлал сказал, что говорит не от имени королей, королев и принцев, а от имени сотен миллионов угнетенных индийцев. Фашизм — недавнее новообразование на Западе, но Индии он известен давно под другим именем — империализм. Чтобы остановить сегодняшних агрессоров, нужно призвать к ответу также и агрессоров вчерашних. В Индии вызвали глубокое огорчение бомбардировки в Испании и Китае, но по существу они не отличались от английских бомбежек Северо-западной пограничной провинции⁸¹.

Организаторы конференции запретили выступить Пассионарии на том основании, что она коммунистка. Когда делегаты стали требовать, чтобы ей было дано слово, председатель закрыл собрание. Элен Уилкинсон неофициально снова открыла собрание и пригласила Пассионарию выступить. Она поднялась на трибуну, но два служителя схватили ее и увели.

«Затем поднялся Неру. Никто не посмел коснуться его. Он являл собой само достоинство Востока — оливковая кожа, задумчивый взгляд, редкие седые волосы. Но он был в ярости. Виконт Сесиль хотел показать, что коммунисты не играют главенствующей роли в движении за мир. Неру же хотел утвердить право на свободу слова для коммунистов, борющихся против фашизма... Неру — не коммунист, но за долгие годы, проведенные мною в России и в Европе, я редко встречал столь истинного революционера»⁸².

Нацистские власти искали неофициальные подходы в надежде побудить Джавахарлала посетить Германию в качестве гостя правительства⁸³. Джавахарлал действительно провел два дня в Мюнхене, но частным образом, как турист, и отказался от встречи с нацистскими должностными лицами. Затем он поехал в Прагу, встретился с д-ром Рипкой, с одним из руководителей коммунистов и побывал в пограничных районах. Он был полностью на стороне чешского

правительства в его сопротивлении Гитлеру; и поощрение Гитлера английским правительством, собственные классовые интересы английского правящего класса и склонность его к фашизму вызывали у Джавахарлала чувство отвращения. «Кто-то очень точно и выразительно описал происходящие события. Германия насильствовала Чехословакию, а Англия и Франция удерживали ее на месте, не давая вырваться»⁸⁴. Джавахарлал дал ясно понять, что когда начнется война, а она неминуемо должна была начаться, индийский народ не позволит правительству Англии, которому он совершенно не доверяет, принимать за него решения. Индия охотно использует все свое влияние в пользу демократии и свободы, но сначала Англия должна доказать честность своих намерений, покинув Индию⁸⁵. Чтобы сделать свое мнение более весомым, он побуждал Рабочий комитет принять резолюцию, осуждающую агрессивные действия нацистов и безоговорочно заявляющую, что в случае войны Индия может вступить в нее только по решению своего народа⁸⁶.

В сентябре, когда кризис достиг высшей точки, Джавахарлал находился в Женеве и оказался втянутым в напряженный ритм европейских событий. Пока Лига Наций мирно заседала, обсуждая всевозможные вопросы, кроме вопросов войны и мира, атмосфера была буквально наэлектризована слухами. Джавахарлала бросало по всему городу; он оказывался то в кафе, то на пресс-конференции, оставаясь на ногах иногда до поздней ночи. «Алло, Прага! Алло, Париж! Алло, Лондон! Мир или война?»⁸⁷ Когда он возвратился в Лондон, ему выдали противогаз, который он впоследствии подарил муниципальному музею в Аллахабаде. В Лондоне он с отвращением прослушал выступление Невилля Чемберлена по радио и присутствовал в палате общин, когда Чемберлен объявил, что на следующий день вылетает в Мюнхен для встречи с Гитлером и Муссолини. Джавахарлал разделял всеобщее чувство облегчения, что война отсрочена, но он не имел иллюзий относительно позиции английского правительства, его стремления бросить Чехословакию на произвол судьбы и изолировать Россию, его страха не перед поражением, а перед победой, ибо это была бы победа подлинной демократии.

Слабость Англии и Франции состояла в их империалистической политике, поэтому положить конец их империализму было необходимо даже с более широкой международной точки зрения. Коллективная безопасность не могла стать эффективной до тех пор, пока она опиралась на империалистическую основу, и это делало освобождение Индии важнейшим фактором мировой политики.

Не сумев вовремя получить визу для поездки в Россию, что дало бы ему возможность осуществить свое желание вернуться домой по суше через среднеазиатские республики, он возвратился в Индию

к концу года и вновь был втянут в политику. В Англии никто, даже при обсуждении индийских проблем, не касался индусско-мусульманских отношений и не придавал им большого значения. Но в Индии эти вопросы игнорировать было невозможно. Отказ Конгресса вступить в коалицию с Лигой казался Джинне предательством, порожденным высокомерием, и с этого времени его политика стала совершенно однозначной. Принятие Конгрессом министерских постов сделало его открытой мишенью для нападок. Джинна клеймил Конгресс как индусскую фашистскую организацию, поставившую своей целью с помощью горстки мусульманских «предателей» уничтожить мусульманское меньшинство. Джавахарлал и другие руководители Конгресса неоднократно требовали от Джинны, чтобы он привел конкретные примеры подобных действий. Джинна, однако, быстро овладевая мастерством в проведении обструкций и в тактике уверток, которым предстояло господствовать в индийской политике в последующее десятилетие, постоянно отказывался сделать это. Он говорил о запрещении урду, хотя урду не был языком одних только мусульман, и Джавахарлал неоднократно подчеркивал, что политика Конгресса предусматривает использование хиндустани в качестве общенационального языка с письменностью как урду, так и деванагари⁸⁸. Джинна возражал против пения «*Банде матарам*», игнорируя тот факт, что эта песня давно перестала быть чисто индусской и что Конгресс, по инициативе Ганди, принял решение на публичных собраниях исполнять только первые два куплета, в которых отсутствует религиозная окраска⁸⁹. Но в остальном Джинна не приводил никаких конкретных фактов в подтверждение своих обвинений. Да ему и трудно было найти такие факты, поскольку даже вице-король и губернаторы признавали, что конгрессистские правительства обращали особое внимание на то, чтобы не задевать интересов мусульман. Документальный перечень жалоб, позже опубликованный Лигой, был мало убедителен и делает понятным, почему Лига не согласилась на предложение Конгресса провести беспристрастное расследование. Премьер Пенджаба сэра Сикандар Хайат-хан, один из самых хладнокровных и разумно мыслящих руководителей Лиги, позже свел обвинение в «зверствах», якобы творимых конгрессистскими правительствами, к упоминанию о произволе, допущенном религиозным большинством в некоторых управляемых Конгрессом провинциях⁹⁰.

Когда Линлитгоу сообщил Джинне, что изучил положение вещей и не смог обнаружить конкретных фактов угнетения, Джинна в ответ сумел сказать всего лишь, что индусы имеют «коварное намерение» подорвать позиции мусульман⁹¹. Но все это не означает, что усилия Джинны в создании мифа, будто индусы подавляют му-

сульманскую общину, ни к чему не привели. Поскольку большинство индийцев — индусы, ничего не стоило подтасовать факты таким образом, что получалось, будто конгрессистские правительства, представлявшие большинство избирателей, на самом деле представляли индусское большинство. То обстоятельство, что Конгресс возглавлял правительства, вынуждало его занимать оборонительную позицию, и успех Лиги в создании упомянутого мифа был одним из немаловажных печальных последствий согласия Конгресса на образование правительств. Джинна объезжал страну, обвиняя Конгресс в антиисламской политике и призывая к созданию организаций Лиги на уровне округов и провинций. На бумаге Лига была такой же сторонницей экономических и социальных реформ, как и Конгресс, и объявила своей целью полную независимость в форме федерации свободных демократических штатов. Однако решение превратить Лигу в массовую партию и раздражение, которое вызывала у ее руководителей кампания «контактов с массами», проводимая Конгрессом, не означали отказа Лиги от опоры на высшие классы. Реформы аренды, предложенные Конгрессом, побудили многих *талукдаров*-мусульман в Соединенных провинциях перейти из Национальной земледельческой партии в ряды Лиги, а в Пенджабе связь между Лигой и Юнионистской партией была облегчена поддержкой, оказанной ею крупным землевладельцам⁹². В 1938 году Сикандар Хайатхан как-то сказал Джавахарлалу (театральным жестом указуя на него): «Что у меня общего с Джинной? Ничего, кроме общих разногласий с Вами»⁹³.

Джинна фактически был готов использовать любые влиятельные круги и любые настроения, чтобы усилить мусульманские религиозно-общинные позиции. Он пугал богачей, предсказывая, что результатом политики Конгресса будут классовые неурядицы⁹⁴. С другой стороны, он поощрял Фазлул Хака в Бенгалии поддерживать выступления крестьян этой провинции против *заминдаров* не на экономической, а на религиозно-общинной основе. И Фазлул Хак, после того как не сумел договориться о коалиции с Конгрессом, согласился на это. Джинна также искал подходы к английским властям, предупреждая их, что, если они не обратят больше внимания на мусульман, возникнет реальная опасность, что те окажутся в объятиях Конгресса. Если же англичане «защитят» мусульман в управляемых Конгрессом провинциях, мусульмане в ответ «защитят» англичан в центре⁹⁵. Но в тот период у английских властей был своеобразный «полумедовый» месяц с правым крылом Конгресса, и они мало обращали внимания на Джинну. Линлитгоу, в частности, был низкого мнения о Джинне как о руководителе⁹⁶. Беседы Джавахарлала в Лондоне с Зетландом и Линлитгоу породили у Лиги подозре-

ния⁹⁷, и Джинна в отчаянии в 1939 году послал А. Р. Сиддики и Кхаликуззамана в Европу для установления контактов с правительствами Германии и Италии⁹⁸.

Правительство Индии не обращало внимания на эти усилия и пока что игнорировало настроение безнадежности, царившее среди мусульман, имея в виду использовать его в случае изменения обстановки. Но Конгресс был обеспокоен. Джавахарлал был готов пойти настолько далеко, что собирался при любом перераспределении провинций предоставить территории влиятельным группам и меньшинствам, где бы они имели полную возможность для своего развития, без чего невозможна творческая жизнь⁹⁹. Он не признавал термина «религиозно-общинные провинции», но в его плане тем не менее заключалась в зародыше мысль о перераспределении территорий по религиозному признаку. Однако о том, чтобы удовлетворить главное требование Джинны — отказаться от контактов Конгресса с мусульманскими массами и признать Лигу единственным представителем мусульманского общественного мнения, — не могло быть и речи. Тем не менее, пока существовали конгрессистские правительства, Конгресс не мог игнорировать даже необоснованные обвинения в пристрастности. Один из способов разрешить создавшуюся дилемму состоял в том, чтобы предложить крестьянам мусульманского вероисповедания программу экономических реформ через голову руководства Лиги, но Джавахарлал обнаружил, что, поскольку конгрессистские правительства действуют недостаточно быстро, религиозно-общинный подход, сколь он ни «истеричен» и ни «отдает средневековьем»¹⁰⁰, успешно препятствует вовлечению мусульманских масс в Конгресс. Существовал и другой путь: воспользоваться решением Лиги расширить свою базу, чтобы как можно скорее показать мусульманским массам, что реакционные взгляды руководителей Лиги противоречат нуждам этих масс. Поэтому Джавахарлал поощрял организацию митингов мусульман с требованиями освобождения от уплаты налогов и ликвидации системы *талукдаров* в интересах крестьян-мусульман¹⁰¹. Но это были долгосрочные проекты, которые практически почти не осуществлялись в условиях крайне активной пропаганды религиозно-общинных идей и насилия. Лига, которая поощряла такие выступления, разумеется, отвергала любые предложения Конгресса о консультациях для достижения межобщинной гармонии. Английская полиция и судьи также зачастую делали очень мало для подавления волнений на религиозной почве, очевидно, для того чтобы дискредитировать конгрессистские правительства. Если такова была их цель, они добились значительного успеха, потому что распри между индусами и мусульманами усиливали антиконгрессистские настроения в мусуль-

манских массах. Джавахарлал отдавал себе отчет в том, к чему это могло в конечном итоге привести.

«Как вы знаете, я охвачен предчувствием надвигающейся катастрофы. Вижу, что лишь немногие даже из наших руководящих политических деятелей ощущают эту напряженность и предчувствуют приближающееся бедствие. Боюсь, что мы быстро движемся к тому, что можно назвать гражданской войной в том конкретном смысле, какой имеют эти слова в применении к Индии. В будущем наши конфликты никогда не явятся прямым результатом столкновения индийского национализма с британским империализмом. Британский империализм впоследствии, безусловно, будет играть важную роль в противодействии нам. Но делать это он будет главным образом за кулисами, используя для этой цели всякого рода другие группы»¹⁰².

Ослабленный тем, что ему пришлось возглавлять правительства, находясь постоянно под ударами врага, которого он не мог схватить за руку, Конгресс теперь к тому же страдал от внутренней борьбы в своей руководящей верхушке. Субхас Бос, благодаря долгим годам тюремного заключения и изгнания, заслужил в 1938 году право сменить Джавахарлала на посту председателя Конгресса. Но в течение года, когда он возглавлял Конгресс, он почти не интересовался организационными вопросами и не выдвигал четких руководящих идей по многим проблемам, которые вставали перед Рабочим комитетом. Что еще более важно, он не сумел найти общий язык с Ганди. Речь здесь шла не просто о различии точек зрения. Джавахарлал в не меньшей степени расходился с Ганди во взглядах, но «мы знаем,— писал Ганди,— что ни один из нас не может обходиться без другого, ибо между нами существуют сердечные узы, которые не в силах разорвать никакие идейные разногласия»¹⁰³. С Босом такого «родства душ» не было, и, когда в начале 1939 года он объявил, что будет добиваться переизбрания, Ганди предложил правому крылу Конгресса выдвинуть своего кандидата. Бос, однако, одержал верх значительным большинством, и Ганди признал это своим собственным поражением.

Но все это было лишь началом кризиса. После своего переизбрания Бос уверовал в то, что пришел его час в качестве богоданного лидера Конгресса. Нетерпеливый, своевольный и безмерно честолюбивый, он решил выжать все из своей победы. Он игнорировал тот факт, что в его избрании сыграло роль множество факторов как местного, так и более широкого значения, которые он не мог ставить себе в заслугу. Он постоянно подчеркивал только существование распространенного недовольства старыми руководителями и был убежден, что его избрали, чтобы сменить их. Лишен-

ный широкого кругозора, он рассматривал большинство событий лишь в связи с собственной карьерой. Преданный идее и в то же время эгоистичный, сложный, обреченный на злую долю, он прожил выдуманную им самим жизнь, которая завершилась ранней смертью. И проглядывалось нечто неизбежное и естественное в том, что он погиб в воздушной катастрофе. В судьбе Боса всегда присутствовало трагическое начало. А сейчас, в 1939 г., находясь на гребне волны, Бос начал яростную борьбу амбиций. Он распространял инсинуации, будто «старая гвардия» вступила в заговор с правительством, чтобы создать федерацию, говорил о противоборстве «правых» и «левых» и требовал немедленного ультиматума властям и начала борьбы. Это были опрометчивые шаги, но Бос, хотя и борец по натуре, не владел искусством маневра и недооценил Ганди и его последователей. Они приветствовали разрыв и добились его в том виде, как он их устраивал. Понимая это, большинство в Конгрессе, несмотря на победу Боса на выборах, все же предпочитало руководство Ганди с его умеренностью; двенадцать ведущих сторонников Ганди вышли из состава Рабочего комитета и затем на съезде Конгресса в Трипури провели резолюцию, обязывающую Боса назначить новый состав Рабочего комитета при консультации с Ганди и по его совету. Ганди, однако, отказался сотрудничать с Босом, в результате чего тому пришлось уйти с поста председателя. За этим, шаг за шагом, последовал его остракизм, создание Босом новой партии, его разрыв с Конгрессом и изоляция во время войны.

Во всей этой истории Джавахарлал вел себя как индивидуалист, что не устраивало обе стороны. Он не одобрял травли, в результате которой Бос был изгнан из Рабочего комитета после того, как победил на выборах, но не мог заставить себя поддержать Боса. Поэтому он отказался подписать коллективное заявление об отставке 12 членов Рабочего комитета и подал в отставку самостоятельно. Хотя в некоторых его выступлениях содержалась критика Боса, в Трипури он практически хранил молчание, пытался в частных беседах найти возможность компромисса и убеждал Боса не уходить в отставку. Когда Бос настоял на своем, Джавахарлал, ясно заявив, что не одобряет поступка Боса, отказался войти в состав реорганизованного Рабочего комитета, пока начавшаяся война не изменила положение вещей. Такую двойственность Бос был не в состоянии понять и никак не мог простить больше чем прямую враждебность Ганди и других, отлучивших его от Конгресса. «Никто не причинил больше вреда мне лично и нашему делу в момент кризиса, чем пандит Неру. Если бы он был с нами, мы бы оказались в большинстве. Даже его нейтралитет, возможно,

«обеспечил бы нам большинство. Но в Трипури он был со «старой гвардией». Его открытые выступления против меня тоже принесли больше вреда, чем действия двенадцати твердокаменных. Какая жалость!»¹⁰⁴

Предполагать, что Джавахарлал позволил уничтожить Боса, несомненно, абсурдное преувеличение. В действительности Бос сам уничтожил себя. Сама логика его поведения требовала его исключения из движения, и пути назад не было. Но, разумеется, непоследовательное по видимости поведение Джавахарлала требует разъяснения. Некоторые намекали, что ответ прост: все дело в личном мелком и вполне последовательном оппортунизме. «Джавахарлал,— говорил Раджагопалачарья много позже описываемых событий,— всегда поклонялся успеху»¹⁰⁵. Если воспользоваться этим критерием, то его поведение в момент кризиса легко объяснимо: Босу было на роду написано проигрывать. В гандистской Индии руководящий пост можно было получить лишь как дар, но никогда нельзя было захватить его. Поэтому Джавахарлал якобы предпочел остаться в рядах Конгресса и рядом с Ганди. Он — «нерискующий» активист, занимавший как можно более видное положение в центре событий в ожидании того, что принесет ему судьба. Двигаясь, по счастью, по внутренней колее, он позволил столкнуться с рельсов своего единственного соперника, двигавшегося по колее внешней.

Это объяснение чересчур просто. Переход на личности запутывает и искажает суть дела. Ссора между Босом и Ганди не была, как пытался доказать Бос¹⁰⁶, прямым столкновением между левыми и правыми. Бос не спешил осудить Германию, Италию и Японию и в декабре 1938 года встречался в Бомбее с германским консулом¹⁰⁷. Он критиковал Джавахарлала за поддержку обреченной на поражение борьбы в Китае и в Испании и не проявлял энтузиазма по поводу приезда в Индию еврейских беженцев из Европы. Хотя в его стремлении использовать положение в мире в интересах Индии не было ничего дурного, он не обладал, несмотря на долгие годы пребывания в Европе, необходимым чутьем, чтобы правильно оценить международную ситуацию. В Индии, призывая к борьбе против англичан и осуждая принятие министерских постов, он попытался создать коалиционное правительство в Бенгалии и для этого прибег к помощи губернатора¹⁰⁸. Это снова можно оправдать с прагматической точки зрения, как попытку увеличить шансы на успех кампании *сатьяграхи*¹⁰⁹, однако все это ослабляло идеологические позиции Боса. По существу, Джавахарлал был прав, подозревая непрочность его приверженности чему-либо, выходящему за рамки национализма. Босу до конца нельзя

было верить даже и в этой узкой сфере: он рассматривал большинство проблем слишком прямолинейно, однозначно и ограниченно. Недоверие со стороны Джавахарлала к позиции Боса усиливалось, несомненно, существовавшим различием в их темпераментах. Автобиографии обоих, напечатанные с промежутком в несколько месяцев, делают совершенно очевидным это несходство. Книге Боса¹¹⁰ недостает интеллектуального изящества и нравственной высоты, присущих «Автобиографии» Джавахарлала. Идеи в ней плоски, а стиль — бесцветен. Книга свидетельствует о сухом и прозаическом уме, о моторном темпераменте сангвиника, резко отличающемся от тонко организованной чуткой природы Джавахарлала, постоянно обуреваемой стремлением к самоанализу.

Поэтому нельзя было ожидать, что Джавахарлал поддержит Боса, когда началась борьба. Его особенно оттолкнуло то обстоятельство, что Бос добивался переизбрания и обращался даже к Рабиндранату Тагору с просьбой ходатайствовать в его пользу¹¹¹. Настойчивость, с которой Бос после выборов стремился ускорить конфликт, также вызывала отрицательную реакцию у Джавахарлала. В условиях, когда мир стоял на грани войны, а в Индии надвигался кризис, было глупо добиваться раскола Конгресса. Левые силы в Конгрессе не были достаточно сильны, чтобы действовать самостоятельно, и партия все еще нуждалась в руководстве Ганди. Социалисты и коммунисты, вначале поддерживавшие линию Боса, скоро с огорчением обнаружили, что вступили в союз с авантюристическими элементами, делающими ставку на достижение личных целей. А сам Бос свел все разногласия к якобы существовавшему заговору против Бенгалии. «В данный момент Субхас стал своего рода символом Бенгалии, а о символах и с самими символами спорить невозможно»¹¹². Джавахарлал, представлявший себе Конгресс как широкий антиимпериалистический фронт, никогда не был сторонником комитетов, совершенно однородных по составу, другими словами, сектантских. Он представлял себе Рабочий комитет как собрание людей различных взглядов, сотрудничающих в обстановке взаимного доверия. Поэтому его возмущали клеветнические выпады Боса против его коллег, но ему также не нравились попытки сместить Боса. В результате он отказался принять чью-либо сторону. До самого конца он оставался вне интриг обеих групп и пытался достигнуть урегулирования, рассматривая существовавший кризис как разногласия между товарищами в рамках единого движения. Он пытался объяснить Босу, что любой мятеж, подобный тому, который поднимает он, может быть успешным только в рамках дисциплины, он убеждал Ганди найти дружеский

подход к Босу¹¹³. Но Ганди был более несговорчив, чем Джавахарлал, а Бос — менее уступчив.

В этой безрадостной обстановке два обстоятельства несколько ободряли Джавахарлала. В индийской политике выдвинулась на первый план проблема индийских княжеств, и Конгресс решил поддержать растущее там движение за гражданские свободы и ответственное правительство. Ганди сам поехал в Раджкот и добился уступок и вмешательства англичан, объявив голодовку. Джавахарлал был избран на этот год председателем Всеиндийской конференции народов княжеств и намеревался координировать движение в различных княжествах и вовлечь в них также остальную Индию. Это должно было стать главным моментом в борьбе против англичан, снять разногласия внутри Конгресса и споры с Лигой, подчеркнуть полную неприемлемость федерации в том виде, как она предполагалась законом 1935 года, и, возможно, даже привести к прекращению деятельности конгрессистских правительств¹¹⁴. Хотя этому сильно препятствовал совершенно иной подход Ганди, считавшего необходимым обсудить вопрос с правителями княжеств и пригласить англичан в роли арбитров, все же Джавахарлал оставался сторонником такого направления в деятельности Конгресса.

Второй близкой ему задачей было планирование в общенациональном масштабе. Идея плановой экономики в конце тридцатых годов оставалась весьма неясной и расплывчатой даже в Европе. Но все понимали, что в подлинном смысле слова государственное планирование существовало только в Советской России, где вся экономика была поставлена на службу создания изобилия ради благосостояния людей, а не во имя стремления к прибыли или к военному превосходству. Другими словами, планирование было составной частью социализма¹¹⁵, Джавахарлал был согласен с этим. Как бы критически он ни относился к политическим аспектам сталинского режима, на него производил глубокое впечатление прогресс, достигнутый Советским Союзом в сфере экономики.

«Спор об успехе или неуспехе пятилетнего плана лишен смысла. Ответ на деле дает нынешнее положение Советского Союза. И еще одним ответом является тот факт, что этот план поразил воображение всего мира — теперь все говорят о «планировании», о пятилетних, десятилетних и трехлетних планах. Советы сделали это слово магическим»¹¹⁶.

Он считал, что Индия тоже должна извлечь серьезные уроки из советского примера. Но применять эти уроки в условиях колониальной экономики и думать о планировании в стране, еще не обретшей свободу, мог лишь человек, обладавший смелым и ини-

циативным умом. Его вдохновляла эта работа, рассчитанная на годы вперед, требовавшая готовности идти на риск и ведущая к социализму. Тот факт, что Конгресс возглавлял многие провинциальные правительства, каковы бы ни были его просчеты, мог быть использован для планирования. Джавахарлал посоветовал правительствам в Соединенных провинциях и в Бихаре, где его влияние было особенно велико, пригласить специалистов из Европы, установить контакты с Лигой Наций и с Международной организацией труда, чтобы получить от них такую же помощь, какая была оказана Китаю¹¹⁷. В то же время на заседании министров промышленности провинций, управляемых Конгрессом, было решено создать Национальную плановую комиссию во главе с Джавахарлалом в качестве председателя. Джавахарлал взялся за эту работу с энтузиазмом и создал комиссию, в которую входили не только члены Конгресса, но также ученые, экономисты, деловые люди и промышленники. В комиссии были представлены конгрессистские правительства. Кроме того, прислать своих представителей согласились Пенджаб, Барода и Майсур, были также установлены контакты с соответствующими департаментами правительства Индии. Был составлен длинный вопросник, широко разосланный по стране, и создано около тридцати подкомиссий для представления рекомендаций по конкретным проблемам.

Вклад Джавахарлала, помимо превращения разнородного контингента членов комиссии в единый орган, состоял в четком изложении общих целей планирования в Индии. Для него планирование было неразрывно связано с социалистической экономикой в рамках демократической структуры, но он не хотел отпугивать людей, делая акцент на социалистическом аспекте планирования. Конгресс занялся вопросами планирования потому, что всякое живое националистическое движение обязано интересоваться всеми аспектами жизни страны, но сам Конгресс не был привержен социализму. Таким образом, идея Джавахарлала состояла в том, что он надеялся привести свою партию и вообще средние классы страны к социализму так, чтобы они об этом даже не подозревали. Любая попытка обойтись без средних классов и вызвать преждевременный классовый конфликт привела бы к хаосу и, вероятно, на долгое время сделала бы невозможным вообще что-либо создать. «Разрушительные силы в стране, по-видимому активизируются, и мы, кажется, идем почти по пути Китая»¹¹⁸. Джавахарлал ушел еще дальше от доктринерской позиции левых и предпочел ей прагматический, лишенный догматизма подход.

Он поэтому был сознательно неточен в формулировке цели планирования. «Идеалом Конгресса является создание в Индии

свободного и демократического государства. Такое свободное демократическое государство предполагает общество равноправия, в котором каждый его гражданин имеет равные возможности для самовыражения и полного развития личности и где каждому обеспечен минимум, необходимый для цивилизованного образа жизни, чтобы эти равные возможности стали реальностью. Это должно быть становым хребтом или основой нашего плана»¹¹⁹. Годом позже он высказался более откровенно и признал, что конечной целью является социализация жизни страны во всех ее многочисленных аспектах¹²⁰. Для того чтобы начать планирование в социалистическом направлении, можно опереться на резолюцию Конгресса от мая 1929 года, гласящую, что для Индии необходимы революционные перемены, как экономические, так и социальные, а также на один из пунктов резолюции 1931 года об основных правах, где говорится, что ключевые отрасли промышленности и услуги должны находиться в руках государства или под его контролем. Частное предпринимательство не исключается, но оно должно быть поставлено под строгий контроль и координироваться в соответствии с общим планом. Особое значение, которое Конгресс придавал кустарному производству, не исключало крупной промышленности, и любой план должен был предусматривать их сосуществование. Постепенно Конгресс все в большей степени осознает важность крупной промышленности. Джавахарлал отвергал точку зрения Ганди, что машинная техника как таковая — зло, и вышел из исполнительного комитета Всеиндийской ассоциации прядильщиков¹²¹. Страна, отворачивающаяся от индустриализации, сама превращает себя в добычу промышленных государств, продолжал он. Даже развитие кустарной промышленности требует политического и экономического контроля, а такой контроль не может существовать у народа, целиком зависящего только от кустарного производства. Несправедливость и насилие приносит не сама крупная промышленность, а капиталисты, которые используют ее в своих интересах. Частная собственность и общество стяжателей содействовали росту насилия в ходе конкурентной борьбы; когда же на смену им придет социалистическое общество, можно будет реализовать преимущества крупной промышленности, ее развития и координации с промышленностью кустарной. Конгресс уделял большое внимание мелкому производству не только потому, что все его члены разделяли точку зрения Ганди. Крупная промышленность достаточно сильна, чтобы позаботиться о себе, к тому же она часто находится в руках иностранных предпринимателей. *Чакра* и *кхаддар*, с другой стороны, создавали уверенность в своих силах и помогали использовать свободные рабочие руки

Индии¹²². Все это имело смысл, пока Конгресс оставался борющейся партией, но совершенно очевидно, что ему придется изменить свой подход, когда речь пойдет о планировании экономики в свободной Индии.

Отсутствие суверенной власти служило еще одним препятствием, причем на первый взгляд непреодолимым, ибо планирование предполагало независимость и свободу от империалистического господства. Так, к примеру, была остро необходима земельная реформа, но ни передача земли в собственность крестьян, ни организация в деревне кооперативных или коллективных хозяйств не были возможны, пока существовало английское господство. Однако, хотя планирование в его полном объеме имелось в виду для свободной Индии, можно было уже сейчас предпринять шаги для развития национальных ресурсов, увеличения национального богатства в два-три раза в течение десяти лет, поднять уровень жизни индийского народа и помешать созданию новых привилегированных групп. Особое внимание к конкретным мерам, осуществимым в ближайшее время, т. е. в течение десяти лет, а именно к вопросам улучшения питания, жилищных условий и обеспечения одеждой каждого индийца, имело еще и то преимущество, что позволяло обходить теоретические и идеологические разногласия среди специалистов, занятых планированием. Ближайшей задачей страны объявлялась самообеспеченность, которая, помимо других своих положительных сторон, могла содействовать ослаблению экономического империализма даже до ухода англичан из Индии.

Деятельность Национальной плановой комиссии вызывала тревогу не столько у английских властей, сколько у правого крыла самого Конгресса. Подробные разъяснения Джавахарлала, что планирование вовсе не означает отказа от *кхаддара* и уничтожения кустарной промышленности¹²³, едва ли казались убедительными. Постепенно достигнутое в самой Плановой комиссии согласие по вопросу о необходимости хотя бы государственного контроля над промышленностью и сельским хозяйством тоже вызвало противодействие. Сам Ганди призвал своих последователей держаться в стороне от комиссии. «Я сообщил вам о приглашении Джавахарлала. С моей точки зрения, все его планирование — напрасная трата сил. Но он не может довольствоваться ничем, что недостаточно широко по размаху»¹²⁴. Он также высказал свое недовольство в письме Джавахарлалу. «Я никогда не мог понять и оценить деятельность этой комиссии. Мне неизвестно, работает ли она в пределах резолюции, ее создавшей. Мне неизвестно, получает ли Рабочий комитет информацию о ее деятельности. Я не понял, зачем нужны многочисленные подкомиссии. Мне представляется,

что много денег и труда тратится впустую ради дела, которое даст незначительные результаты или окажется вовсе безрезультатным. Таковы мои сомнения. Я жду разъяснений»¹²⁵.

Начало войны спасло Джавахарлала от необходимости биться до конца. Сокращение импорта тканей и бойкот английских и японских товаров увеличили спрос на домотканые материи. Война также дала толчок промышленному и экономическому развитию и еще раз доказала необходимость планирования. «Если бы у нас уже не было Плановой комиссии, нам пришлось бы ее создать»¹²⁶. Была учреждена специальная подкомиссия для рассмотрения обстановки, созданной войной, и ее влияния на индийскую экономику. Теперь появилась широкая возможность, даже с точки зрения военного производства, активно развивать промышленность, а воздействие войны на сельское хозяйство отчетливо выявило необходимость в планировании и государственном контроле в масштабах всей страны. Джавахарлал, к примеру, считал, что вопрос об избытке сахарного тростника в Соединенных провинциях может быть решен в духе рузвельтовского Нового курса: английские власти должны стабилизировать цены и скупить излишки урожая для бесплатной раздачи беднякам¹²⁷. Но правительство Индии отказывалось учитывать изменяющуюся обстановку. Оно по-прежнему стремилось защищать интересы иностранных предпринимателей и оставило проблемы сельского хозяйства на произвол разбойничьей конкуренции при невмешательстве государства.

К лету 1940 года, несмотря на громадные трудности, связанные с отсутствием общей точки зрения у специалистов, бедность статистического материала и других данных и малую вероятность немедленного осуществления планов, семнадцать подкомиссий представили окончательные или промежуточные доклады. Они охватывали не только технические программы производства, но и более широкие проблемы распределения, социальной справедливости и народного благосостояния. Подкомиссия, которой Джавахарлал, возможно, придавал особое значение, занималась положением и правами женщин. Теперь была достигнута вторая стадия планирования. Обретал форму всеобъемлющий доклад, основанный на предложениях различных подкомиссий. Комиссия под председательством Джавахарлала собиралась ежедневно в течение двух недель в мае 1940 года и затем в июне и одобрила общую структуру доклада. Хотя в нем встречались непоследовательность и нередко нечеткие формулировки, в целом он содержал рекомендации в пользу государственной собственности, или государственного контроля, или сочетания того и другого. Однако теперь на первый план вышли политические события. Конгрессистские пра-

вительства, которые обеспечивали Плановой комиссии государственную поддержку, прекратили свое существование, сам Джавахарлал был устранен со сцены в октябре 1940 года, и английские власти запретили ему заниматься делами, связанными с Плановой комиссией, пока он находился в тюрьме. Для того чтобы идея планирования не ускользала от внимания общественности, Джавахарлал предложил опубликовать доклады подкомиссий, но некоторые члены комиссии не поддержали его. Вопрос был передан на усмотрение Ганди, который наложил вето на публикацию¹²⁸.

Таким образом, вклад Джавахарлала в планирование до 1947 г. следует рассматривать всего лишь как создание «туловища» плана без головы и конечностей. Но даже при этом он проложил новые пути. Изобилие планов, составлявшихся в различных кругах во время войны, и создание в составе правительства Индии, в порядке соперничества, департамента планирования во главе с бомбейским промышленником — все это берет начало в деятельности Национальной плановой комиссии. Благодаря Джавахарлалу Индия осознала значение планирования.

Когда разразилась война, Джавахарлал находился в Китае. Очень немногие в Индии одобряли его поездку в период, когда в Европе вновь назревал кризис, да и сам он не очень хотел покидать Индию в этот момент. Но планы были уже давно намечены, и отступить было сложно. Итак, он поехал в Куньмин, Чунцин и Чэнду, но, не успев доехать до Северо-Запада для встречи с Мао Цзэдуном и коммунистами, должен был прервать свою поездку и срочно возвратиться в Индию. Ему нравились китайцы, которые поразили его как «удивительно зрелый народ», у него возникли добрые отношения с Чан Кайши и его женой. Его очень тронула сама идея поездки в другую азиатскую страну с древней цивилизацией, с которой Индия имела уже многовековые связи. В результате этого визита «Китай стал мне очень близок, и все мои мысли связаны с ним»¹. Джавахарлал твердо решил, что в зарождающемся новом мировом порядке Индия и Китай должны действовать вместе, и эта идея не покидала его вплоть до 1962 года. По существу, он мыслил себе некую восточную федерацию, в которой Индия и Китай были бы старшими партнерами, и призывал своих соотечественников иметь в виду эту цель и трудиться ради ее осуществления².

Однако на протяжении двухнедельного пребывания в Китае он не терял чувства юмора и ощущения меры вещей. От него не ускользнуло, что Гоминьдан — не очень демократичная организация, хотя он и называл себя таковой; на него произвело неблагоприятное впечатление то обстоятельство, что при каждом упоминании имени Чан Кайши на публичном собрании аудитория должна была вставать, чтобы выразить свое уважение к нему³. Но проблемы, стоявшие перед Индией и Китаем, были настолько схожи, поскольку обе страны стремились сплотить силы народа для завоевания национальной независимости, что Джавахарлал, уезжая, оставил Чан Кайши письмо, в котором предлагал установить более тесные связи между двумя националистическими движениями и разработать общую точку зрения и политическую линию по важнейшим международным вопросам⁴.

Вернувшись из Китая 9 сентября, Джавахарлал обнаружил, что

непосредственной реакцией Ганди на войну, помимо отвращения к ней как к торжеству насилия, явилось искреннее желание поддержать Англию. Ганди сказал вице-королю, что, когда речь идет о войне, «в его груди бьется английское сердце» и, хотя он не может говорить от имени своих коллег, он лично стоит за полное и безусловное сотрудничество. Его буквально потрясла мысль о возможном разрушении палат парламента и Вестминстерского аббатства. «Меня не могли не тронуть до глубины души,— сообщал вице-король,— чувства, которые он проявил на протяжении значительной части (беседы)... Он отнесся к происходящему наилучшим образом и в течение нашего разговора проявил ту же широту взглядов и нежелание обращать внимание на мелочи и второстепенные вопросы, какие я всегда замечал у него»⁵. В Соединенных провинциях министры были готовы оказать полное содействие в ведении войны, а в Мадрасе губернатору пришлось сдерживать Раджагопалачарью, который, когда начались военные действия, хотел интернировать всех немцев и арестовать их банковские счета; «при этом он заявил, что англичане, по-видимому, собираются воевать в соответствии с правилами, установленными их Верховным судом»⁶.

Однако отношение Конгресса к войне определялось не Ганди и Раджагопалачарьей, а Джавахарлалом, а его подход к этому вопросу был не столь окрашен эмоциями. Этого следовало ожидать, и такая позиция не могла явиться неожиданностью для правительства Индии. В течение многих лет Джавахарлал высказывал свою точку зрения на европейский кризис и в принимавшихся время от времени резолюциях добивался того, что Конгресс разделял ее. И один тот факт, что Англия оказалась воюющей стороной, не мог изменить его взглядов. Он являлся убежденным противником фашизма и нацизма и считал, что обуздать продолжающуюся агрессию может какая-то форма коллективной безопасности. Если бы другие державы сотрудничали с Советским Союзом, политика мира стала бы неуязвима. Поэтому политика умиротворения, проводимая Невилем Чемберленом, вызывала у него отвращение, и он возлагал на Англию основную ответственность за поражение Испании и крах Чехословакии. Индия не будет участвовать в подобных действиях, и это был еще один аргумент, притом неоспоримый, в пользу полной независимости. Его выступления в печати и речи на эту тему в Англии в 1938 году, по-видимому, вызвали одобрение Черчилля, и хотя Джавахарлал не встречался с ним, Черчилль через год, накануне отъезда Джавахарлала в Китай, направил ему с одним общим другом послание доброй воли⁷.

Анализируя политику умиротворения, Джавахарлал считал, что британским правительством руководили классовые интересы и что оно относится более враждебно к Советскому Союзу, чем к нацистской Германии. Несмотря на ведущую роль Англии в установлении политической демократии, она отстает в социальном отношении, и напряженность социальных конфликтов ей удастся смягчать только за счет эксплуатации колоний. Она стремится защитить собственную империю и с этой целью потворствует нацистским территориальным захватам. Даже когда диктаторы угрожали имперским интересам Великобритании и внешняя политика правительства подвергалась все более острой критике, это правительство, самое реакционное за многие десятилетия, продолжало поддерживать Гитлера и Муссолини, ибо его ненависть к демократии и социализму была даже сильнее преданности империи. И в самой Англии также формировались фашистские взгляды, и Джавахарлал считал, что Чемберлен идет по пути внутреннего фашизма под прикрытием подготовки к войне⁸. Что касается оппозиции, то лейбористская партия сама не знала, чего она хочет, и не играла существенной роли, пацифисты в своем стремлении избежать войны поддерживали Гитлера, а Независимая рабочая партия вела себя хуже всех и восхваляла Чемберлена как миротворца.

Надежды правительства Чемберлена защитить интересы имущих классов на родине и за границей, когда Германия нападет на Россию, рухнули в результате соглашения между Россией и Германией. Даже несмотря на то, что Джавахарлал осуждал циничный оппортунизм, лежавший в основе этого соглашения, он признавал, что у Сталина были дипломатические причины для изменения курса своей политики. Однако тот факт, что Германия и Англия находились в состоянии войны, а Россия оставалась в стороне, не изменил общей оценки обстановки и укрепил точку зрения Джавахарлала относительно неучастия Индии в войне. Он не питал доверия к той Англии, которая имела в качестве премьер-министра Невилля Чемберлена. Фашизм и империализм являлись составными частями одного и того же империалистического комплекса, и Индия отвергала и тот и другой. Точка зрения Джавахарлала по этому вопросу никогда не вызывала сомнений. В Лондоне в 1938 году он подчеркивал, что индийский народ сам решит вопрос об участии в любой войне и, пока он не обрел независимость, будет рассматривать всякую войну, в которой участвует Англия, как войну империалистическую, войну, дающую возможность усилить собственную борьбу за национальное освобождение. Тот факт, что английской лейбористской партии было трудно это понять, говорил

лишь о том, что подспудно империализм наличествовал даже в ее мировоззрении⁹.

Несколько месяцев спустя Джавахарлал писал:

«Мы хотим бороться против фашизма. Но мы не позволим империализму эксплуатировать себя, мы не разрешим внешней силе навязать нам войну, мы не станем приносить жертвы, чтобы сохранить существующую несправедливость или поддержать порядок, который опирается на нее. Мы не откажемся и не можем отказаться от нашей собственной борьбы за свободу во имя лозунгов, которые, возможно, ласкают слух, но не опираются на реальность, или ради туманных обещаний, которые столь часто не выполняются»¹⁰.

Он считал, что Индия сама должна решить, вступит ли она в войну. Вице-король единолично, без консультации с представительным общественным мнением, принял такое решение. Но было бы нелепостью, чтобы Индия, сама подвергающаяся угнетению, сражалась за свободу Польши. Если хотят, чтобы Индия с энтузиазмом участвовала в войне, ей надо дать свободу. Для того чтобы сражаться за свободу и демократию, нужно самому быть свободным и пользоваться благами демократии. Если Англия борется за демократию, ее первостепенная задача — покончить с владычеством Британской империи в Индии. Индийский народ не станет торговаться или играть на трудностях Англии, но, что бы он ни предпринял, это должно быть в интересах свободы и достоинства Индии.

Резолюция Рабочего комитета была сформулирована именно в таком духе. В поезде на пути в Вардху Джавахарлал подготовил два проекта, и комитет принял вариант, в котором объединялись оба, смягчив лишь критику Англии и сделав текст более сжатым и энергичным. Комитет отверг как совет Ганди не включать требования четко сформулировать цели войны, так и предложение Субхаса Боса немедленно начать кампанию гражданского неповиновения. Осуждая нападение нацистов на Польшу, комитет вновь подтвердил, что Индия не может принимать участие в войне, объявленная цель которой — защита демократических свобод, когда ей самой отказывают в освобождении и лишают ее даже той ограниченной свободы, которой она уже пользовалась. Одних только словесных заверений правительств Англии и Франции, что они сражаются за свободу, недостаточно. Если Англия действительно сражается за демократию, она обязательно должна положить конец власти империализма в собственных владениях и установить полную демократию в Индии. Свободная демократическая Индия с радостью встанет рядом с другими свободными государствами

для совместной обороны против агрессии и экономического сотрудничества. Английскому правительству поэтому следует со всей ясностью заявить, каковы его цели в войне, и разъяснить, что они означают для Индии и каким образом они будут немедленно же осуществлены, с тем чтобы Индия могла занять подобающее ей место в создании нового мирового порядка.

Автор этой резолюции, комментировал Ганди¹¹, художественная натура, пламенный патриот и к тому же гуманист и интернационалист. Джавахарлал ясно сказал об антифашистской позиции Конгресса и его приверженности идее национального освобождения в более широком мировом масштабе. Он считал, что основной причиной войны является непрекращающаяся агрессия нацизма в Европе, и эту его точку зрения никогда не замутняла ненависть, которую он испытывал к британскому империализму. Даже после того, как правительство отвергло предложение Конгресса, он осудил редактора «Нэшнл гералд» за прогерманские заголовки, дал указание уволить ответственного за это сотрудника редакции¹². Он писал Эдуарду Томпсону¹³: «Кое-кто из конгрессистов говорит вам, что невозможно привлечь Индию на вашу сторону. Но я уверен, что они ошибаются,— гарантирую, что я сам бы этого добился. В последней войне правота дела, за которое вы сражались, вызвала сомнения, и каждый раз после проигранного вами сражения на базарах ликовали. В этой войне у вас, несомненно, будут неудачи, и некоторые из них серьезные, и возникнет прежний соблазн радоваться им. Но сейчас все знают, что дело, за которое вы воюете, справедливо».

Тем не менее Джавахарлал не хотел, подобно Ганди, поддаваться эмоциям. Было ясно, что война предстоит долгая и, возможно, со временем выйдет за пределы Европы и захватит Соединенные Штаты. Таким образом, от Конгресса требовалось сформулировать общую точку зрения не только индийского националистического движения, но и всех колониальных народов и ждать, когда английское правительство разъяснит свои цели в этой войне соответствующим образом. Следует иметь в виду, что недоверие Джавахарлала к правительству Невилля Чемберлена разделяли очень многие и в Англии. «Манчестер гардиан» одобрила резолюцию Конгресса. «Неру,— записала Беатриса Вэбб в своем дневнике¹⁴,— разоблачил обман Англии, делающей вид, что она борется за политическую демократию и за права человека». Стаффорд Криппс убеждал Джавахарлала не соглашаться ни на что меньшее, чем окончательное решение, и проследить за тем, чтобы Конгресс оставался тверд как скала¹⁵, а Эттли советовал британскому кабинету министров ответить на требования Конгресса, проявив

«способность проникать в суть вещей»¹⁶. Даже многие консерваторы-заднескамеечники настойчиво убеждали Зетланда достигнуть договоренности с Конгрессом¹⁷. Но вице-король твердо решил, что его долг в данных обстоятельствах не идти даже черепашью шагом по пути конституционного развития, но и не искать возможности обуздать энтузиазм Индии в отношении демократических принципов. Он не чувствовал никаких обязательств перед народом Индии, и даже страшный голод в Бенгалии не вызвал у него ни малейшего беспокойства. Он стал теперь военным вице-королем¹⁸, чьей первоочередной задачей было превратить Индию в надежную базу для беспрепятственного ведения войны и обеспечения живой силы и денег. Любое решение следовало оценивать исключительно с точки зрения того, в какой мере оно содействовало победе союзников. Линлитгоу не хватало воображения, чтобы понять, что войны выигрываются не одними лишь солдатами и оружием. В его концепции для Конгресса, руководимого «таким доктринером, как Неру, с его дилетантским знанием внешней политики и международной обстановки», места не было¹⁹. С другой стороны, он считал нужным придавать большее значение Мусульманской лиге, и при этом полагал, что это даст еще и дополнительное преимущество, а именно успокоит армию, состоявшую в основном из мусульман, и племена в Северо-западной пограничной провинции. Линлитгоу решил поэтому игнорировать Джавахарлала и не иметь дела с Конгрессом. «Сейчас существуют для этого наиболее благоприятные условия, которые, возможно, не возникнут в дальнейшем»²⁰. Сикандар Хайат-хан, являвшийся формально членом Лиги, не хотел, чтобы Джинна развалил Юнионистскую партию в Пенджабе, бывшую в основном партией крупных землевладельцев, объединенных экономическими, а не религиозно-общинными интересами. Он поэтому посоветовал вице-королю не делать ничего, что повысило бы авторитет Джинны или создало бы дополнительные трудности в отношениях с ним²¹. Но несмотря на это предупреждение, Линлитгоу послал за Джинной, и Джинна потребовал роспуска конгрессистских правительств²².

Конгресс же на этом этапе, несмотря на свою резолюцию, где он настаивал, чтобы правительство продемонстрировало свою добрую волю, дал понять вице-королю, что удовлетворится заявлением о том, что после войны Индия получит право свободно определять свою судьбу. На этот раз Джавахарлал вел себя не так импульсивно, как Ганди, но он столь же активно стоял на стороне союзников. Он дал понять, хотя и косвенным образом, что он стремится оказывать всю возможную помощь военным усилиям и хотел бы, чтобы люди, выражающие общест-

венное мнение и разделяющие его взгляды, получили возможность участвовать в деятельности какого-либо органа вроде национального военного совета. Если Индия и Англия будут вести войну вместе, как равные партнеры без формальных законодательных изменений, но при условии, что индийским руководителям будет оказано полное доверие и дана возможность участвовать в принятии решений по таким вопросам, как масштабы военных усилий Индии, набор в армию и мобилизация промышленности, это само по себе устранил большинство конституционных сложностей к тому времени, когда война будет победоносно завершена. Но намекалось также, что Джавахарлал не будет настаивать даже на этом²³.

Министр по делам Индии Зетланд одобрил предложения Джавахарлала²⁴, но слишком поздно. Редактор газеты «Пайонир» Десмонд Янг поспешил в Дели с посланием Джавахарлала; Линлитгоу наполовину согласился с его предложениями, но сэр Гильберт Лейтуэйт, личный секретарь вице-короля, отменил их²⁵.

Как это ни невероятно, но самому Ганди сказали, что правительство Англии ни в коем случае не желало бы на данном этапе объявлять о своих целях в этой войне и никогда ни в какой мере не брало на себя обязательства сражаться за демократию²⁶. Джавахарлал начал терять надежду на какую-либо разумную договоренность, и его беседа вместе с Раджендрой Прасадом с вице-королем 3 октября подтвердила эти опасения. Вице-король не делал секрета из своих «довольно негативных» выводов. Английское правительство не может игнорировать мусульман и князей и не в состоянии брать на себя никаких конкретных обязательств относительно статуса доминиона, пока не создана федерация. Значительное расширение состава Исполнительного совета невозможно, так же как привлечение политических партий к участию в центральном правительстве. Единственное, на что вице-король готов пойти,— это создание группы, состоящей из нескольких членов обеих палат центрального законодательного собрания, с которой правительство будет поддерживать контакты по вопросам обороны²⁷.

И все же Джавахарлал продолжал мечтать о действии, которое дало бы Индии возможность покончить со столетней враждой с Англией и «присоединиться к ней в борьбе за свободу»²⁸. Он даже сделал необычный для него шаг, если учесть, что как частное лицо никогда не вмешивался в события. Он обратился к Линлитгоу с личным письмом. Предав забвению разочаровывающую беседу с ним, Джавахарлал воспользовался предложением Ганди разъяснить обстановку в Соединенных провинциях для того, чтобы коснуться более широких проблем.

«Это письмо, написанное в поезде по дороге в Вардху, получилось длинным. Но я хочу добавить к нему еще несколько слов для того, чтобы сказать Вам, как сильно я стремлюсь к прекращению давнего конфликта между Индией и Англией и к их сотрудничеству. Я считаю, что эта война, как она ни ужасна, дала такую возможность каждой из наших стран, и не воспользоваться ею было бы прискорбной и трагической ошибкой. Никто из нас ни в Индии, ни в Англии не имеет права идти по старой колее и мыслить категориями прошлого. Но события развиваются так стремительно, что порой я опасаюсь, что они обгонят наше малоподвижное мышление. Ситуация в мире сейчас содержит все элементы греческой трагедии: нас толкают к неизбежному и заранее предопределенному финалу. Вы сказали мне, что мне слишком свойственно витать в эмпиреях. Вероятно, Вы правы. Но нередко легче рассмотреть контуры ландшафта с горы, чем из долины. Что до меня, то я достаточно походил по твердой земле Индии и встречался с людьми, которые трудятся на этой земле, чтобы представлять себе Индию в земных категориях.

Я хотел бы сказать, как высоко ценю Ваше дружеское и любезное отношение ко мне. Я получил большое удовольствие от нашей второй встречи, и, когда бы ни представился случай для новой беседы, я им непременно воспользуюсь. Но независимо от того, встретимся ли мы, или, как Вы сказали, будем смотреть друг на друга издали через реку, где еще не построен мост, мы будем общаться, я искренне надеюсь, без намека на недружелюбие и с пониманием тех трудностей, которые стоят перед нами и вынуждают каждого из нас идти своим путем»²⁹.

Эти два абзаца достойны быть приведены полностью, ибо сообщают о единственном случае со времени амритсарской трагедии 1919 года и до прибытия в Индию в 1947 году лорда Маунтбэттена, когда Джавахарлал позволил себе не официальное, а чисто человеческое обращение к английскому должностному лицу. Любопытно, что адресатом такого теплого послания по воле случая оказался Линлитгоу, самый неэмоциональный человек, как позже с горечью писал о нем Джавахарлал, «с неповоротливым телом и медлительным умом, твердый, как скала, и почти так же, как скала, безразличный к окружающему...»³⁰. Дело не в том, что у Линлитгоу вдруг обнаружились скрытые черты душевной тонкости, нашедшие отклик у Джавахарлала, а в настойчивых усилиях Джавахарлала найти возможности для сотрудничества Конгресса с правительством. И поэтому, вопреки разуму, он попытался «достучаться» до сердца вице-короля. Ожидая ответа, он, к неудоволь-

ствию социалистов, провел на заседании Всеиндийского комитета Конгресса резолюцию, одобряющую позицию, занятую Рабочим комитетом. В ней говорилось, что Индия должна пока оставаться в стороне, но, если ей будет предоставлена такая возможность, вступит в войну. Война является империалистической, но может перестать быть таковой; она, безусловно, приведет к возникновению нового мирового порядка, и, если Индия пойдет в правильном направлении, она сможет оказать влияние на эту перемену к лучшему. Если же ответ не будет получен в ближайшее время, не останется иной альтернативы, кроме конфликта с англичанами. «В ближайшие несколько недель положение в Индии может резко измениться в том или ином направлении»³¹.

Однако не через несколько недель, а через несколько дней пришел оскорбительный ответ от английских властей. Линлитгоу прислал дружеское, но ни к чему не обязывающее письмо Джавахарлалу³², а в своем официальном заявлении не оставил сомнений в том, что правительство не пересмотрело свою политику в условиях военной обстановки. Вице-король подчеркивал разногласия между индийскими политическими партиями, утверждал, что пока нет практической необходимости точно формулировать цели войны, и был готов заявить лишь, что Англия оказывает военное сопротивление агрессии. Что касается будущего Индии, то вице-король привлек серьезное внимание к преамбуле к закону 1919 года, к заявлению 1929 года о статусе доминиона и к достоинствам закона 1935 года. В конце войны английское правительство охотно проведет консультации относительно любых изменений этого закона, которые могут быть внесены, но с согласия всех имущих слоев в Индии, а пока возможна организация консультативной группы по военным вопросам³³.

Хотя Джавахарлал знал, что его надежды иллюзорны, разочарование его было горьким. Было ясно, что Англия держится за свои империалистические интересы и сражается за то, чтобы сохранить их. Индийцев призывали проливать кровь, чтобы сделать еще крепче их оковы. Заявление вице-короля продемонстрировало поразительное незнание Индии и настроений индийского народа. Конгресс в свою очередь мог лишь сказать решительное «нет» этому заявлению и снова готовиться к тому, чтобы потерять имевшуюся у него политическую власть. Если одна дверь, дверь сотрудничества, закрылась перед ним, он откроет другие двери³⁴. Джавахарлал стоял за то, чтобы Конгресс отказался помогать военным усилиям, и готовился к уходу в отставку или к роспуску провинциальных правительств, но Рабочий комитет пошел дальше и предписал конгрессиистским правительствам уйти в отставку в качестве

первого же шага³⁵. Никогда прежде не было такого полного единства во всех конгрессиистских кругах³⁶. Но правительство все еще было неспособно оценить последствия своей бессмысленной неуступчивости и пыталось избежать конфликта, рассчитывая на предпочтение, которое отдавал Ганди сотрудничеству без всяких условий. Оно было не в состоянии понять все тонкости мотивов Ганди и того, что эта позиция укладывалась в рамки его идеи абсолютного ненасилия. Руководителей Конгресса снова вызвали в Дели и предложили им достигнуть соглашения с Лигой в провинциях. В этом случае правительство готово было предоставить индийцам еще два или три места в Центральном исполнительном совете. Для того чтобы Ганди принял предложение об этом не блещущем новизной изменении и был им удовлетворен, правительство постаралось, чтобы в Дели приехал Раджагопалачарья с целью дать Ганди соответствующий совет³⁷. Но Ганди, не удивив никого, кроме правительства Индии, отказался выступить против Рабочего комитета и лишь заверил вице-короля, что стремится избежать кампании гражданского неповиновения. То место в официальном письме Раджендры Прасада вице-королю от 3 ноября, в котором говорилось, что до тех пор, пока не будет принято решение «по главному, нравственному вопросу» о целях войны, Конгресс не может рассматривать никаких второстепенных предложений, было фактически сформулировано Ганди³⁸.

С самого начала войны Конгресс надеялся на совместные действия с Лигой в отношении английского правительства. В сентябре Джинне было послано приглашение на заседание Рабочего комитета, но он отказался участвовать в нем. Однако Конгресс считал, что идею совместных действий стоит развивать. Лига тоже стояла за независимость, а именно это требование правительство решительно отвергло. Конгресс поэтому мог бы использовать напряженность обстановки для того, чтобы добиться преобладания политических вопросов над религиозно-общинными разногласиями. Джавахарлал неофициально встретился с Джинной в начале октября и пришел к выводу, что тот не совсем безразличен к сделанному Лиге предложению. Чтобы удовлетворить тщеславие Джинны, Азад не принял участия в переговорах с вице-королем³⁹. Сикандар Хайат-хан позвонил Азаду и сказал, что компромисс может быть достигнут, если Конгресс признает Лигу в качестве пусть не единственной, но «важной» организации, представляющей мусульманскую общественность⁴⁰. Это не вызвало возражений, и соглашение казалось возможным. На другой день после заявления Линлитгоу Джавахарлал написал дружеское письмо Джинне, предлагая ему снова встретиться в удобном для него месте, что-

бы внимательнее разобраться в существующих разногласиях.

«Я совершенно согласен с Вами: то обстоятельство, что индусско-мусульманские проблемы до сих пор не решены в дружеском духе, весьма трагично. Я чрезвычайно огорчен этим и стыжусь, что до сих пор сам лично не сумел сделать ничего существенного для их решения... Имея в виду Вашу добрую волю и высокое положение, которое Вы занимаете в Лиге, найти решение будет совсем не так трудно, как воображают... Поразительная декларация вице-короля представляет собой вызов, брошенный империализмом всем нам... Я глубоко надеюсь, что Вы тоже выскажете решительное неодобрение этого заявления и откажетесь сотрудничать с вице-королем на предложенных им условиях. Я совершенно убежден, что английское правительство оскорбило наше достоинство и чувство самоуважения как индийцев. Оно считает само собой разумеющимся, что мы всего лишь слуги, которым можно отдавать приказания, когда и где вздумается»⁴¹.

В конце месяца Ганди, Джавахарлал и Раджендра Прасад снова встретились с Джинной. Его заверили, что Учредительное собрание будет избрано на основе самых широких выборов и в результате соглашения о представительстве религиозных общин и что оно разработает положения, обеспечивающие полную защиту прав и интересов всех меньшинств. Джавахарлал думал, что это удовлетворило Джинну. «И таким образом, все здание религиозно-общинной розни, задуманное вице-королем в качестве препятствия для прогресса Индии, рассыпается в прах и исчезает при одном лишь соприкосновении с разумом и реальностью»⁴². Позже он говорил⁴³, что обнаружил между собой и Джинной много общего в вопросе о цели борьбы, и это сблизило их больше, чем когда-либо раньше. Это вызвало беспокойство правительства, которое рассчитывало на антагонизм между Лигой и Конгрессом. Националистическая закуска должна была оказать свое действие, в особенности среди молодых членов Лиги⁴⁴. Однако сам Джинна был непредрасказуем, «и я пережил два два довольно сильно беспокойство, когда он, Джавахарлал и Ганди вместе обсуждали сложившуюся обстановку»⁴⁵. Но опасения вице-короля оказались недолговечными. Идея Учредительного собрания, избранного голосованием всего взрослого населения, чтобы разработать конституцию после ухода англичан, не привлекала Джинну, потому что это могло в результате приглушить религиозно-общинные настроения у мусульманских масс, даже при проведении выборов по раздельным куриям. Тот факт, что во время их бесед Джинна согласился с идеей Собрания, привел Джавахарлала к мысли о простом отсутствии у руководителя Лиги истинного интереса к этой пробле-

ме. Джинна все еще мыслил не категориями будущего, а лишь сиюминутными интересами и пытался вынудить Конгресс создать правительства в коалиции с Лигой. В ходе бесед он поднимал вопросы межобщинных отношений только изредка, но проявлял острую заинтересованность в том, чтобы Конгресс повернул вспять в своей общей политической линии и снова стал либеральной и умеренной партией⁴⁶. Возможно, что Джавахарлал и Конгресс на время упустили из виду, что главная забота Лиги — обеспечить должности для высших классов, и были убеждены, что Лига не станет противодействовать освободительному движению. Но на протяжении всех переговоров Джинна исходил из невозможности какого-либо союза с политически прогрессивной партией. Поэтому, когда Конгресс объявил, что его правительства прекратят свою деятельность, Джинна утратил всякий интерес к этим переговорам. Он не имел желаний быть втянутым в выступления, которые собирался проводить Конгресс, и был готов действовать по указке английских властей, чтобы добиться от них уступок. Членам Лиги в провинциальных собраниях была дана директива вносить в резолюции Конгресса об отношении Индии к войне поправки в том духе, что демократия не годится для Индии. Премьер Бенгалии Фазлул Хак, человек весьма неустойчивых взглядов, в то время поддерживавший Лигу, предложил Джавахарлалу провести вместе с ним расследование зверств, якобы совершенных Конгрессом по отношению к мусульманам. Сам Джинна отказался подписать коммюнике, составленное Джавахарлалом, в котором отмечалась общность взглядов Конгресса и Лиги на многие политические вопросы и конечные цели. Вскоре после того, как в первую неделю ноября были распущены конгрессистские правительства, Джинна призвал всех мусульман отпраздновать «день избавления». Предложение Фазлул Хака, которое Джавахарлал незамедлительно принял, было затем дезавуировано требованием создать королевскую комиссию, на что Конгресс, разумеется, не мог согласиться, поскольку это означало бы примирение с английским вмешательством в чисто индийские дела. Предложение Конгресса передать вопрос на рассмотрение председателю федерального суда сэру Морису Гвайеру не представило интереса для Джинны.

Стало ясно, что почвы для переговоров с Джинной больше не существует, и Джавахарлал прервал их. Хотя в первом приступе гнева, вызванном поведением англичан, он вступил в контакт с Джинной, провал этих усилий не вызвал у него особого огорчения. Празднование «дня избавления» прошло без большого успеха, и позиции Лиги слабели на глазах. Мусульманское крестьянство, особенно в Соединенных провинциях, и промышленные рабочие не под-

держивали ее, и Джинна искал опору у феодалов и верхушки среднего класса⁴⁷. Не было также условий для дальнейших переговоров с властями. Определение Конгресса как чисто индусской организации, данное Зетландом, и его утверждение, что в таком качестве Конгресс должен достигнуть соглашения с Мусульманской лигой, сделали невозможными любые переговоры⁴⁸. «Лорд Зетланд и его правительство поставили последнюю печать на этот документ о разводе, и теперь пропасть, разделяющая нас, шире, чем многие океаны, лежащие между его собственной страной и нашей»⁴⁹. Конгресс пойдет собственным путем без оглядки назад и без сожалений. Но путь этот еще был неясен. Роспуск правительств положил начало «частичному несотрудничеству»⁵⁰. Однако следующий шаг не был еще определен. Ганди твердо стоял на том, что, хотя Конгресс не может сотрудничать с англичанами, он не должен препятствовать им в ведении войны. Кампанию гражданского неповиновения следует начать, только если она станет неизбежной в результате каких-либо агрессивных действий со стороны английских властей и когда народ будет достаточно силен и готов к борьбе. При существовавшем положении, имея в виду враждебное отношение Лиги, любая такая кампания почти неминуемо выродилась бы в религиозно-общинные столкновения. Рабочий комитет решил, что политика несотрудничества должна продолжаться до тех пор, пока английские власти не откажутся от своего империалистического господства в союзе с реакционными элементами в самой Индии. Но после некоторых колебаний Конгресс вернулся на путь, предложенный Ганди. Был сделан упор на ненасилие и на конструктивную программу как на единственные средства подготовки страны к гражданскому сопротивлению, причем комитет подтвердил, что любая форма *сатьяграхи* предполагает продолжение усилий всеми способами добиваться достойного соглашения⁵¹.

В настоящий момент, писал Джавахарлал, «все мы должны пройти через долину теней»⁵². Но в некотором смысле для него лично тьма была особенно непроглядной. Он никогда не был в восторге от союза Сталина с Гитлером и не ожидал, что этот союз продлится долго. Он в некоторой мере был оправдан необходимостью для России защитить свои интересы. Этот союз усилил позиции России в Европе, дал ей возможность не быть втянутой в войну в тот период и остановил продвижение Германии на восток. Однако раздел Польши был достаточно прискорбен, а теперь Россия ввязалась в войну с Финляндией. Это, с точки зрения Джавахарлала, тоже можно было объяснить попыткой предотвратить использование Финляндии другими державами в качестве плацдарма для нападения на Россию⁵³. Тем не менее он не скрывал, что эта война явилась для него

большим ударом⁵⁴. Значение России для внешнего мира заключалось в ее принципах и идеалах. Принципы, насколько он понимал, остались прежними, но идеалы пострадали. Россия, бывшая для всех прогрессивных сил символом надежды и свершений, сошла с пьедестала, на который ее горячие приверженцы вознесли ее. В подписанной им статье, имевшей целью внести коррективы в просоветский уклон некоторых редакционных статей в «Нэшнл гералд», Джавахарлал писал о том мрачном настроении, в которое его повергли чистки в России и оппортунизм в советской внешней политике. Встав в один ряд с агрессивными странами и ввязавшись в войну с маленькой демократической страной, Россия платит за это дорогой ценой, причем купюрами, которые не поддаются счету, ибо в них — мечты и идеалы бесчисленных людей. Правительство Сталина нанесло себе более тяжелый удар, чем могли нанести ему сонмы его врагов, и при этом причинило ущерб самому делу социализма⁵⁵.

В этих условиях Джавахарлал обратил свой взор на Соединенные Штаты. Он был восхищен отношением Рузвельта к чехословацкому кризису, а теперь его обнадеживало убеждение, что будущее в конечном итоге будет определяться Соединенными Штатами. «Индия далеко от Соединенных Штатов, — писал он, — но наши мысли все чаще обращаются к этой великой демократической стране, которая, пожалуй, почти в одиночку продолжает нести факел демократической свободы в мире, попавшем под власть империализма и фашизма, насилия и агрессии и самого дурного сорта приспособленчества»⁵⁶. Но советская политика и действия Советского Союза укрепили Джавахарлала в его приверженности методам Ганди. Именно неспособность России действовать безупречными средствами привела к тому, что цели ее были извращены, чтобы оправдать средства. Этот пример того, как насилие и приспособленчество могут извратить высокие цели, обусловил признание Джавахарлалом необходимости опираться на ненасилие и этические нормы для достижения независимости Индии. Иначе было бы трудно понять его смиренное принятие конструктивной программы как следующего шага после отказа возглавлять правительства в провинциях. После четырехлетнего перерыва он вновь начал заниматься прядением.

Итак, если Джавахарлал как руководитель Конгресса определил его политику как политику несотрудничества, воплотить ее в жизнь предстояло Ганди. Он мысленно готовился к борьбе и настойчиво подчеркивал необходимость дисциплины и ненасилия. Но он не видел дальнейшей перспективы. Заявив «никаких действий»⁵⁷, Конгресс мало что мог предпринять. Не могло быть и речи о каком-нибудь компромиссе или маневрировании, но и намерения вызвать конфликт также не существовало. Джавахарлал, по-видимому, не ожи-

дал каких-либо событий в ближайшее время и поэтому несколько расслабился. Чтобы отвлечься, он ездил по округе на местных поездах и подумывал о поездке летом сначала к дочери в Швейцарию, а потом, возможно, в Соединенные Штаты⁵⁸.

«В мире царит невероятная неразбериха, и мы в Индии тоже запутались в многочисленных трудностях. Но нет нужды слишком беспокоиться ни о своих личных делах, ни относительно проблем страны. Когда столько плохого происходит в мире, нам легче нести выпавшее на нашу долю бремя, которое не так уж тяжело»⁵⁹.

Власти считали, что находятся в лучшем положении. Они не имели намерения ликвидировать тупик, который сами создали, но надеялись — быть может, потому, что Ганди снова возглавил Конгресс и не проявлял желаний прибегнуть к гражданскому неповиновению, — что соглашение на их условиях практически реально. Линлитгоу считал, что, несмотря на непримиримое отношение Джавахарлала, общая атмосфера в гораздо большей степени предрасполагала к соглашению, чем можно было надеяться, а Гарольд Ласки, имевший связи в официальных кругах, сообщал, что Индия «теперь более приятное место. Считаю, что есть верные шансы на то, что Конгресс пойдет на соглашение при условии получения Индией статуса доминиона после окончания войны плюс представительства в совете при вице-короле немедленно. За всем этим — долгая история, но я сейчас смотрю на перспективы в Индии с большим оптимизмом, чем в течение многих предшествующих лет»⁶⁰. Вице-король возобновил свои бесплодные попытки поссорить Ганди с Джавахарлатом. Встретившись с Ганди в начале февраля, он старался польстить ему, утверждая, что Джавахарлалу не хватает опыта, которым обладает Ганди, его ясного видения, его сдержанности в высказываниях, и заявил, что не сможет взять на себя свою долю ответственности за какое-либо соглашение, если не получит твердых заверений, что Ганди возглавит Конгресс⁶¹. Эта смехотворная попытка добиться своего с помощью примитивной хитрости, разумеется, ни к чему не привела, ибо за учтивостью Ганди и его дружелюбием к Англии стояла железная решимость добиваться независимости Индии. В резолюции Рабочего комитета от 1 марта акцент был перенесен с формулировки о важности подготовки кампании гражданского неповиновения на утверждение неизбежности этой акции, как только она станет возможной с организационной точки зрения или если обстоятельства потребуют ее. Для того чтобы не затемнять другие проблемы, абзац, осуждающий советские военные действия в Финляндии, содержащийся в проекте Джавахарлала, был опущен. Сам Джавахарлал, очевидно, согласился с точкой зрения, что ошибка России, ввязавшейся в войну с Финляндией, не должна отвлекать

внимания от действий Англии и Франции, которые использовали финскую войну для того, чтобы ослабить Россию, пытаясь втянуть ее в военные действия в Западной Азии и превратить войну в Европе всего лишь в прелюдию к настоящей войне против России, являющейся единственным непримиримым противником империализма в любой его форме⁶². Вопрос о выборе ограниченной или массовой кампании гражданского неповиновения, также поставленный Джавахарлалом в этом проекте, тоже был исключен Комитетом из резолюции, а для того, чтобы рассеять предположения, что Конгресс готов на компромисс, Комитет вновь заявил, что не приемлет ничего, кроме полной независимости и созыва Учредительного собрания, — даже статуса доминиона. Только тогда станет возможно решение религиозно-общинных проблем, и перестанут существовать трудности в вопросе о княжествах, искусственно созданные англичанами⁶³. Ганди и Джавахарлал выступили за принятие еще одной резолюции, определяющей смысл *свараджа* и углубляющей, по существу, резолюцию об основных правах, принятую в Карачи. Они полагают, что такая резолюция укрепит позиции Конгресса в предстоящей борьбе, но поскольку Патель, Азад и Раджендра Прасад возражали против нее, от этой идеи отказались.

Джавахарлал при поддержке Азада был за скорое и даже немедленное начало кампании гражданского неповиновения. Вопрос о времени на подготовку не вставал, так как речь шла не о начале наступления Конгресса, а об отпоре наступлению правительства. Нельзя было избежать борьбы, сидя сложа руки. В Бенгалии голос печати пытались заглушить с помощью цензуры и ссылаясь на требования безопасности; в разных концах страны бросили в тюрьмы многих активистов Конгресса. Власти, казалось, хотели выяснить, какова мера терпения Конгресса. Возможная враждебность Мусульманской лиги не должна была служить препятствием для массовых действий. Резолюция Лиги о Пакистане — «безумный план», который не проживет и дня и не нуждается в обсуждении. Рассматривать его всерьез — значило бы поощрять различные сепаратистские и разрушительные силы. Решение религиозно-общинных проблем лучше отложить до времени, когда англичане уйдут из Индии, потому что тогда прекратится разжигание англичанами этой розни, но и в случае гражданской войны Джавахарлал не мог помыслить об использовании англичан для подавления мусульман⁶⁴.

Ганди убедить не удалось. Он не осмеливается, сказал он, начать движение гражданского неповиновения, потому что неповиновение останется, но перестанет быть гражданским. Даже в Пограничной провинции дисциплина дала сбой. Конгресс должен организовать комитеты для проведения *сатьяграхи* и готовить к ней народ, но не

надо спешить с началом кампании. Как только она начнется, правительство, возможно, ничего само не предпримет, но предоставит возможность осложнить обстановку Лиге и другим антиконгрессистским силам. Патель согласился с этими доводами, но предложил индивидуальное гражданское неповиновение, чтобы избежать утраты боевого духа, и Ганди был готов рассмотреть это предложение и решить, проводить ли индивидуальное неповиновение в широком масштабе или среди узкого круга или ограничить его им самим⁶⁵.

Будучи в курсе общего направления этих дискуссий, правительство не проявляло озабоченности. Оно не приняло всерьез требование о создании Пакистана, но не видело причины слишком охлаждать пыл его авторов, поскольку он ослаблял позиции Конгресса. Узнав, что Сикандар Хайат-хан пытается установить контакт с умеренной частью руководства Конгресса, чтобы добиться сближения Конгресса с Лигой, Линлитгоу одернул его и приказал прекратить эти усилия⁶⁶. Благодаря расколу между двумя партиями англичане получили возможность прекратить все попытки достигнуть соглашения. Казалось, что не требовалось ничего, кроме подготовки к быстрому и решительному противодействию любой форме гражданского неповиновения⁶⁷. «Я вовсе не тороплюсь,— заметил вице-король⁶⁸,— начать переговоры о том периоде, который наступит с окончанием британского правления в Индии. Полагаю, что день этот очень далек, и считаю, что чем меньше мы говорим об этом, тем, очевидно, лучше». Трудно найти более разоблачительный комментарий ко всем декларациям, сделанным английскими властями за долгие годы относительно их намерения уйти из Индии.

В отличие от вице-короля, Джавахарлал считал, что Британская империя обречена, чему в немалой степени способствовала война. Но рыцарские чувства взяли верх над готовностью действовать. События в Европе определили развитие обстановки в Индии. Нацистский блицкриг привел Джавахарлала на позиции Ганди. Он пришел к выводу, что этот этап, который называют «странной войной», не может продолжаться долго, и продвижение германских войск не очень пугало его. Председатель Конгресса Раджендра Прасад и член Рабочего комитета Асаф Али поспешили опубликовать заявления о поддержке Англии, но Джавахарлал полагал, что с индийской точки зрения не произошло реальных перемен. Кабинет Невилля Чемберлена ушел в отставку, однако новый кабинет, куда входили Уинстон Черчилль и Леопольд Эмери, вряд ли проявит большее понимание точки зрения националистов⁶⁹, от лейбористской партии, несмотря на ее прежнюю позицию, тоже трудно было чего-либо ожидать. Поэтому, хотя Индия вовсе не желала победы нацизма, нельзя было требовать, чтобы она поддержала дело гибнущего империа-

лизма, обращавшегося с ней с высокомерием господина. Признать, что правление Англии лучше, чем нацистское господство, — значило бы признать, что индийцы — беспомощный народ, который имеет право только на один выбор — выбор хозяина. Конгресс, по мнению Джавахарлала, должен был по-прежнему придерживаться своей политики и готовиться к *сатьяграхе*, но не предпринимать никаких действий, пока Англия находится в опасности⁷⁰.

Чтобы продемонстрировать сдержанность, было решено не созывать чрезвычайного заседания Рабочего комитета, однако его политическая линия была сформулирована в резолюции комитета организации Конгресса Соединенных провинций, подготовленной Джавахарлалом в духе политики, которая была разработана им совместно с Ганди. Поскольку английское правительство все еще мыслит имперскими категориями и обстановка в Индии по-прежнему представляет собой британский империализм в действии, постольку, что бы ни произошло в Европе и как бы ни было велико сочувствие Индии жертвам агрессии, никакие изменения в отношении Индии к Англии невозможны⁷¹. Однако Джавахарлал выступил против поправки, содержащей предложение немедленно начать кампанию гражданского неповиновения. Он мотивировал свое возражение тем, что недостойно Конгресса играть на трудностях, переживаемых Англией.

«Это заявление звучит ободряюще в такой трудный момент, — писала «Манчестер гардиан»⁷², — но, поскольку подобную реакцию вызвала общая опасность, английское правительство Индии должно воспользоваться этим обстоятельством». Однако английским властям был недоступен такой уровень порядочности. Эмери писал о возможном партнерстве с Джавахарлалом: «Новый военный кабинет, кажется, работает хорошо, и весь государственный механизм неузнаваемо ускорил свою деятельность. Бевин превращается в прекрасного погонщика рабочих. Думаю, нет никаких шансов привлечь Неру в качестве главного вербовщика»⁷³. Однако первая речь Эмери, излагавшая политическую линию, все же была выдержана в духе возможного пересмотра закона 1935 года. Правительство было неспособно на великодушие, которое проявил Конгресс, с каждым новым поражением англичан демонстрировавший все большее благородство и готовность к сотрудничеству. В июне Рабочий комитет заявил о своей несогласии с упором Ганди на ненасилие в любых обстоятельствах. Хотя борьба за освобождение должна была по-прежнему оставаться ненасильственной, Комитет считал невозможным применять это учение, когда речь шла о национальной обороне, и освободил Ганди от ответственности за программу и практическую деятельность Конгресса. Другими словами, если бы англичане пре-

доставили ему такую возможность, Конгресс был готов принять участие в оборонных усилиях Индии. На своем следующем заседании в первую неделю июля Рабочий комитет пошел еще дальше. Игнорируя в данном случае мнение не только Ганди, но и Джавахарлала, большинство Комитета не стало настаивать на том, чтобы англичане заявили о предоставлении независимости, и предложило помощь в обороне, если будет сформировано полностью национальное правительство. Джавахарлал возражал, считая, что низвести требование о передаче власти до простого создания правительства и стараться любым путем войти в него, — значило бы действовать в рамках конституции. Истинная власть — это авторитет у народа, а он может упасть в результате получения «правительственных полномочий». Эта форма власти, полученная на условиях, отличных от тех, которые были изложены в более ранних резолюциях, окажется гибельной. Но автор новой резолюции Раджагопалачарья привлек на свою сторону Пателя и Азада, и Джавахарлал согласился с ее принятием. Он не был убежден, что это лучший способ служить Индии, но озабоченность судьбой Англии заставила его согласиться⁷⁴.

Джавахарлалу было нелегко не поддаваться эмоциям, все время проводить различие между английским народом и британским империализмом и не упускать из виду собственные проблемы Индии. Он всегда рассматривал их в свете международной обстановки и утверждал, что признание независимости Индии не только правомерно и справедливо само по себе, но также в огромной мере усилит позиции союзников. Но даже в этих условиях падение одной за другой стран Европы под ударами германской военной машины приводило его в глубокое уныние. После поражения Франции он написал одну из своих самых взволнованных статей, видя, помимо Петена и Лавалея, другую Францию: «... такая Франция должна существовать, ибо тысячелетнее наследие не может исчезнуть в одну ночь. Эта другая Франция поднимется вновь и возродит непобедимый дух свободы, который сделал ее великой... Отдадим же дань уважения Франции, стране великой революции, той, что сокрушила Бастилию и разорвала цепи, сковывавшие тело и дух ее народа»⁷⁵.

Хотя он считал, что его коллеги слишком торопятся, он был готов не настаивать на своем несогласии. На заседании Рабочего комитета он заявил, что, учитывая умонастроение английского правительства, предпочтет хаос, если альтернативой ему будет сотрудничество с правителями; но в Пуне в конце месяца, представляя резолюцию на утверждение Всеиндийского комитета Конгресса, он признал достоинства заключавшегося в ней предложения. «Может случиться, что из хаоса родится сияющая звезда независимости,

но может также стать, что из хаоса не возникнет ничего, кроме черных туч»⁷⁶.

Конгресс, предложивший выход из тупика, не сдавая своих принципиальных позиций, ожидал официального ответа. Ход событий обострил обстановку: либо правительство должно было принять предложение о сотрудничестве, либо конфликт углубится. В стремлении добиться решения Азад и Раджагопалачарья превысили свои полномочия и толковали резолюцию расширительно, как предложение не только помогать в обороне, но и вообще участвовать в военных усилиях. Однако правительство упорно отказывалось воспользоваться предоставленной ему возможностью. Печально, как писал Джавахарлал, видеть, что великий народ слеп ко всему, кроме узких классовых интересов, и, рискуя всем, не делает все же шага, который принес бы ему уважение всего мира и ускорил процесс его исторического развития. Даже теперь независимость Индии стоит поперек горла у английского правительства, и оно продолжает в своей прежней хозяйской манере грозить наказаниями и читать нотации⁷⁷. Оно все еще рассчитывает на Мусульманскую лигу как на опору империи. Часть органов печати, выходявшая на урду и контролирувавшаяся Лигой, создавала у мусульманского населения извращенное и оскорбительное представление о Конгрессе⁷⁸. Такая пропаганда давала англичанам возможность опираться на религиозно-общинные разногласия и обвинять Конгресс в том, что он не представляет индийского общественного мнения. Поэтому ответ правительства, когда он наконец был получен, представлял собой обычный уход от честного решения вопроса. Правительство предложило включить нескольких «индийцев, представляющих общественное мнение», в Исполнительный совет и учредить Военный консультативный совет. Будущая конституция Индии должна была быть разработана небольшой группой «представителей основных слоев индийского общества», и эти слои включали князей и английские коммерческие круги. Любое решение этой группы будет рассматриваться с точки зрения его соответствия задачам выполнения обязательств Англии в Индии. «Все это в целом,— комментировал Джавахарлал⁷⁹,— просто фантастика и абсурд, не говоря уже об отсутствии хотя бы нормальной манеры изложения».

Это «предложение», сделанное почти одновременно с декретом о запрещении всех организаций добровольцев, не оставляло сомнений в том, что позиция англичан не изменилась. В результате с резолюциями Конгресса было покончено, и не было больше нужды в дискуссиях о том, когда теоретически насилие обязательно, а когда оно практически неосуществимо. Конгресс был сорван с якорей эмоциональной реакцией на трудности, переживае-

мые Англией, и на победы нацистов в Европе. Но английское правительство восстановило прежнее положение вещей. Смятение духа и конфликт в умах пришли к концу.

«Некоторые опасались, что у английского правительства хватит ума, чтобы воспользоваться обстановкой. Но они приписали ему наличие интеллекта, который в данном случае полностью отсутствует... Нет ничего более поразительного, чем проявленная английским правящим классом неспособность оценить положение, ничего более поразительного, за одним примечательным исключением. Это исключение — поведение правительства Индии»⁸⁰.

Несмотря на сопротивление и подозрительность, которые накапливались в течение многих лет, Конгресс стремился сотрудничать с англичанами в период, когда речь шла о самом существовании Англии. Его предложение о сотрудничестве было с презрением отвергнуто. «Это был окончательный разрыв даже тех слабых уз, какие объединяли нас. Он означает конец всякой надежды, что мы когда-нибудь будем шагать в одних рядах»⁸¹.

Таким образом, Конгресс толкнули вновь на позиции гражданского неповиновения. Он снова признал руководство Ганди и стал готовиться к борьбе. Правительство Индии со своей стороны решило нанести немедленный, притом сильный удар, если Конгресс бросит ему вызов, и уничтожить его как политическую партию. В тот самый день, когда были объявлены предложения, касающиеся конституции, вице-король написал губернаторам, что, по его глубокому убеждению, единственным ответом на «объявление войны» любой из организаций Конгресса должно быть заявление о решимости уничтожить эту партию как таковую⁸². Англичане думали, что Конгресс теряет влияние и пользуется незначительной поддержкой среди мусульман. Правительство Англии считало более предпочтительными немедленные действия, которые парализуют Конгресс, чем политику выжидания, которая покажет, как будет развиваться конгрессистское движение. Оно хотело лишь, чтобы с ним проконсультровались до того, как будут предприняты какие-либо действия⁸³. Лейбористская партия, входившая теперь в коалиционное правительство, поддержала эту линию и высказала неодобрение позиции Конгресса⁸⁴. Поэтому власти продолжали аресты конгрессистов, и Джавахарлал ожидал, что в любой момент может снова оказаться в тюрьме. Как он телеграфировал дочери в Швейцарию⁸⁵, похоже, что скоро придется повторить прежнее паломничество. Он даже стремился ускорить арест, разъезжая по Соединенным провинциям в форме добровольца Конгресса и рекомендуя добровольцам продолжать свою деятельность. Но Ганди снова ушел от прямого столкновения, потому что не

в его характере было оказывать нажим на правительство Англии, когда ей самой грозила опасность. Все, на что он поднял Конгресс, сводилось к ненасилию и требованию свободы слова, чтобы проповедовать идею отказа от участия в войне. Добровольное самоограничение не могло быть доведено до степени добровольного самоуничтожения. Требования надлежало поддерживать индивидуальным гражданским неповиновением. Первым должен был спровоцировать свой арест публичным выступлением против поддержки войны Виноба Бхаве, вторым — Джавахарлал. Даже правительство Индии не могло сослаться на то, что индивидуальное гражданское неповиновение для утверждения права на свободу слова дает ему основания для решительных действий. Но оно задумало арестовать Джавахарлала еще до того, как он начал *сатьяграху*. Считалось, что он действует решительнее Ганди и на шаг обгоняет его. Ганди, по-видимому, решил проводить гражданское неповиновение, не придавая ему большого размаха, а Джавахарлал явно стремился к крайностям. Он объезжал Соединенные провинции, снова привлекая внимание к аграрным проблемам. Его арест мог сорвать любые долговременные планы, которые наметил Ганди. Военный кабинет одобрил арест и от себя предложил, чтобы Джавахарлала не просто подвергли тюремному заключению, а предъявили бы ему какое-нибудь серьезное обвинение⁸⁶.

Джавахарлал, возможно, и сам предпочел бы такой ход событий, ибо, хотя он лояльно подчинился решению Ганди о порядке и цели гражданского неповиновения, его не могла особенно вдохновлять индивидуальная *сатьяграха*. Проблема оставалась той же: Индия и война, а целью по-прежнему была независимость, но в тот момент борьба велась на ограниченном участке фронта. Джавахарлал ощущал некое подобие умиротворения. Жизнь его была целиком посвящена общественной деятельности, частной жизни он практически не имел. Он был лично очень привлекателен и поэтому имел широкий круг друзей, к тому же, когда он давал себе труд быть обаятельным, обаяние его буквально «сбивало с ног». Но на протяжении всей его жизни дружеские отношения, будь то с мужчинами или с женщинами, не задевали его глубоко, и жизнь его была наполнена одиночеством. Как мы уже видели, он мог проявлять большую эмоциональность, но, по-видимому, был неспособен на отношения, основанные на равенстве. Возможно, это объясняет, почему в те годы люди, с которыми он был близок, такие, скажем, как Сайед Махмуд и Шри Пракаса, ничего дать ему не могли. Единственной его глубокой привязанностью была дочь, а для нее он являл образец совершенства. Он называл ее «Инду-мальчуган», что, безусловно, было попыткой восполнить отсутствие сына.

Возможно, он надеялся, что она продолжит его дело. Но он никогда не навязывал ей ни свою любовь, ни свою волю и, будучи всегда готов дать совет, если она о нем просила, никогда не давал указаний. Поэтому мысль об уходе от дел навсегда или по крайней мере на годы не пугала его⁸⁷. Для него в мире не существовало не связанных между собой проблем, поскольку все они вытекали одна за другой, но главным для него было служение делу освобождения Индии, и здесь он не желал идти на компромиссы. Его речи перед крестьянами родной провинции были ясными и спокойными.

«Он явно был тронут. Чувствовалось, что речь идет о важных проблемах, о великих решениях, о призыве, который может в любую минуту быть обращен к каждому. Слушавшая его масса людей, казалось, была настроена на одну волну с ним и на это время будто возвысилась над собой. Царила атмосфера торжественности и тишина... И тут он заговорил с дрожью в голосе о своей мечте, о мечте, которая придала смысл всей его жизни, об Индии будущего. Он подробно раскрывал эту тему, и картина становилась живой и светлой. И вдруг внезапно он погрузился. Уже двадцать лет, сказал он, перед ним стояло это видение, и он старался превратить его в реальность. И все же, когда он видел, в каких условиях живут люди вокруг него, видел их ужасающую нищету, жалкую обстановку, которая их окружает, сердце его сжималось от отчаяния. Что же, неужели это результат, которого они добились за двадцать лет труда и борьбы? Затем снова настроение его изменилось, и он заговорил с торжеством о тех огромных внутренних переменах, которые произошли в душах людей. Они все еще бедны и гнутся под бременем забот и печалей, но они освободились от подавлявшего их страха и безнадежности, преследовавших их с рождения и до смерти. Это огромная перемена, приблизившая их к *свараджу*. А теперь они стоят на пороге будущего,— будущего, которое изменит мир и создаст новую Индию. Какой она будет, он еще не может сказать. Это будет зависеть от их верных сердец и сильных рук. «Судьба, Удел, Карма! Мы не собираемся стать их рабами, мы подчиним их своей воле и сделаем Индию такой, какую носим в наших сердцах»⁸⁸.

По дороге в Вардху, куда он спешил, чтобы отговорить Ганди от голодовки до смертельного исхода в знак протеста против упрямого англичан⁸⁹, Джавахарлал 30 октября был арестован на станции Чеоки на обратном пути в Аллахабад и отвезен в Горакхпур, где должен был состояться суд. Он отказался ответить на вопрос о своей виновности и лишь заявил, что считает своей задачей и почетным правом распространять враждебность к англий-

скому правительству Индии⁹⁰. Он, однако, зачитал длинное заявление, которое и более двадцати лет спустя приносило ему удовлетворение⁹¹. Он подчеркнул, что отчеты о его выступлениях в Горакхпуре в начале месяца отрывочны, неполны и часто искажены, но это не имеет значения. Он придерживается политики Конгресса в отношении войны и фактически был избран для того, чтобы выражать ее. Чудовищно втягивать индийский народ в войну без его согласия. Однако Конгресс нашел выход, приемлемый для всех заинтересованных сторон. В Индии очень мало людей, и индийцев и англичан, которые бы постоянно выступали, как это делает он, против фашизма и нацизма. Но действия английского правительства вынудили индийский народ сопротивляться до последнего. Народ Индии поэтому решил не участвовать в войне и заявить об этом всему миру.

«Не меня вы пытаетесь здесь судить и признать виновным, а, скорее, сотни миллионов индийцев, а это трудная задача даже для гордой империи. И хотя именно я стою перед вашим судом, на самом деле, быть может, сама Британская империя стоит перед судом всего мира... Отдельные люди значат мало, они приходят и уходят, как уйду я, когда настанет мой черед. Семь раз я был судим и осужден британскими властями в Индии, и многие годы моей жизни похоронены за тюремными стенами. Восьмой или девятый раз, еще несколько лет имеют мало значения. Но вовсе не маловажно, что будет с Индией и миллионами ее сынов и дочерей. Вот какой вопрос стоит передо мной и в конечном счете перед вами, сэр»⁹².

Окружной судья приговорил Джавахарлала к четырем годам заключения, рассматривая этот приговор как меру устрашения. Суровость наказания удивила Уайтхолл и Нью-Дели, да и в Лакхнау губернатора сэра Мориса Хэллета. Хэллет, однако, наложил вето на какое-либо изменение приговора. Все же Черчилль дал указание Эмери немедленно телеграфировать вице-королю и выразить надежду, что на деле суровость приговора будет смягчена и с Джавахарлалом не станут обращаться как с обыкновенным преступником⁹³. Но даже это обращение осталось безрезультатным. После недели пребывания в горакхпурской тюрьме Джавахарлала тайно, под покровом ночи, перевезли в железнодорожном вагоне со спущенными шторами и в машине с задернутыми занавесками в его прежнюю камеру в тюрьме в Дехрадуне. Там он оставался, за исключением недели в лакхнауской тюрьме в апреле 1941 года, до своего освобождения в конце этого года. На этот раз правительство не собиралось ни в коей мере облегчать тяготы тюремной жизни. Вице-король даже сделал замечание начальнику

полиции в Чеоки за то, что тот накормил Джавахарлала обедом в своем доме, прежде чем отвезти его в Горакхпур. Было ясно указано, что не следует проявлять никакого личного дружелюбия или устанавливать с ним какие-либо отношения⁹⁴. В тюрьме Джавахарлалу было разрешено получать одну еженедельную газету и по шесть книг одновременно. Он имел право на одно свидание, получение одного письма и отправку одного письма без вложений раз в две недели. Было еще множество мелких ущемлений. В течение некоторого времени ему не разрешали вызывать банщика и парикмахера. Надзиратель, разрешивший освободившемуся заключенному попроситься с Джавахарлалом, был оштрафован, а самому заключенному запретили брать у Джавахарлала десять рупий, которые тот хотел дать ему на дорогу домой. Другим было запрещено посылать Джавахарлалу продукты для обеда, и он имел право принимать только фрукты, если знал, кто их послал. Однажды фрукты, посланные неизвестным доброжелателем из Равалпинди, были отправлены обратно за счет Джавахарлала. Когда Джавахарлал письменно попросил своего секретаря публично объявить, чтобы ему не посылали писем или посылок, этот абзац был вымаран тюремным цензором. Поскольку все необходимое ему приходилось покупать через служащих тюрьмы (отнюдь не славившихся исполнительностью) и он не мог ничего получать из дому, у него порой не было даже зубной пасты. Впервые за весь его тюремный стаж от него потребовали отпечатки пальцев, и он отказался их дать. Через некоторое время ему были вручены все письма от дочери, полученные из-за границы, но письма других неделями собирались в тюремной конторе, прежде чем Джавахарлалу сообщали о них и позволяли брать по одному. В разрешении заняться делами Национальной плановой комиссии ему было отказано. Через много месяцев был снят запрет с документов, связанных с больницей имени Камалы Неру, но эта проволочка настолько задержала работу, что Джавахарлал отказался от председательства в совете попечителей больницы⁹⁵. Его намерение разобрать письма отца не осуществилось из-за требования властей, которые настаивали на том, что должны ознакомиться с этими письмами, прежде чем переслать их ему. Поскольку было очевидно, что власти неспособны понять смысл писем, Джавахарлал отказался от своей идеи. Позже были сняты ограничения с количества писем, которые он имел право отправлять, но с условием, что ни одно из них не будет опубликовано в печати. Это было нелепо, ибо, не говоря уже о свойственном Джавахарлалу отвращении к принятию на себя каких-либо обязательств, он, естественно, не мог ручаться за поведение адресатов своих писем. Джа-

вахарлал фактически отказался от переписки и для связи с внешним миром использовал свидания. Индира, в мае вернувшаяся в Индию, сняла домик близ Массури, что само по себе делало жизнь Джавахарлала немного приятнее.

Он не добивался поблажек. С другой стороны, получив сведения о жестоком обращении с политическими заключенными в тюремном лагере в Лакхнау, он написал тюремным властям, что даже те немногие привилегии, какими он пользуется, стали ему ненавистны, и он может пойти на нарушение тюремного режима и готов принять последствия этого шага⁹⁶. Менее значительный человек мог бы озлобиться. Но Джавахарлал принимал происходящее как часть своей жизни и работы и не тревожился по этому поводу. Фраза, которую он записал в своем блокноте в то время и любил цитировать, гласила, что человек может полностью наслаждаться жизнью лишь в том случае, если он решится не думать о цене. То, что под этим подразумевалось, было очень близко к учению «Гиты»: нужно принимать риск и опасности, которые влечет приключение, называемое жизнью, не подсчитывая, во что они обходятся и каковы могут быть их последствия. Под наслаждением жизнью он понимал нечто большее, чем просто еду, сон и развлечения. Наслаждение заключалось в том, чтобы делать то, что надлежало делать. «Все, что мы можем,— писал он дочери⁹⁷,— это браться за свою работу, делать ее как можно лучше в меру наших сил и оставаться спокойными, несмотря на потрясения и несчастья». Моральные и этические ценности, которые он считал безусловными, придавали ему силу и безмятежность. И неудивительно, что, хотя он уже давно ушел от примитивной религиозности двадцатых годов и не имел теперь опоры в священных книгах или светских догмах, он носил с собой миниатюрное издание «Гиты».

Следуя этому настрою, как только он снова оказался в тюрьме, Джавахарлал будто задвинул различные ящички в своем мозгу, относящиеся к его деятельности на воле, и стал жить в ритме тюремных порядков. Он поставил перед собой цель подготовиться телом и духом к работе после освобождения и накопить энергию, чтобы тратить ее не жалея позже. Прядение, чтение, регулярные физические упражнения и долгий сон — из этого складывалось его существование в тюрьме. Он тратил много времени на уборку и мытье посуды и даже, хотя еда никогда особенно его не интересовала, помогал ее готовить. Но главным физическим упражнением была работа в саду. По прибытии в Дехрадун в течение целой недели он ничего не делал, лишь целый день вскапывал довольно каменистую землю⁹⁸. Затем высадил рассаду, но,

но-видимому, слишком сильно полил ее, так как результаты оказались не очень удачными. Но с января с ним в камере находился Ранджит Пандит, более искушенный в этом деле, и вскоре, несмотря на высокие стены и недостаток солнечного света, садик при бараке мог уже похвалиться несколькими георгинами и подсолнухами.

Однако было непросто забыть о событиях в мире и только возделывать свой сад. Джавахарлал мог не обращать внимания на мало обнадеживающие успехи индивидуального гражданского неповиновения, но он не мог закрывать глаза на войну в Европе, которая уничтожала старые порядки. После нападения нацистов на Советский Союз он был буквально в ярости от нелепого поведения англичан, которое не давало ему и его соотечественникам возможности принять участие в происходящих событиях. Хотя он был почти лишен частной переписки, он посылал своим знакомым в Англии письма, бывшие, по существу, длинными статьями, и таким образом давал выход накопившейся горечи. Беатриса Вэбб, обладавшая пронизательным умом, не поддающимся мимолетным веяниям момента, смогла оценить главные качества индийских руководителей.

«В деятельности Ганди и Неру как руководителей поражает прежде всего острота и отточенность интеллекта, глубина и утонченность эмоциональной жизни этих двух людей по сравнению не только с грубостью и ультравульгарностью Муссолини и Гитлера, но даже с обычным умственным и эмоциональным багажом Черчилля и Рузвельта»⁹⁹.

Но даже большинство англичан и организаций в Англии, симпатизировавших Индии, считали, что Конгресс поддался раздражению и, руководствуясь узким национализмом, забыл о более важных проблемах войны. Они не проявили подлинного понимания стоявших перед Индией проблем и, разумеется, не имели влияния на политику своего правительства. Но Джавахарлал никогда не был так уверен в правильности принятого решения и, хотя он не разделял полного пацифизма Ганди, был целиком согласен с ним в вопросе о политических решениях, связанных с войной¹⁰⁰.

Несколько отстраненный от реальности и все же негодующий, решивший не беспокоиться ни о чем и все же доведенный до высшей степени раздражения своим бездействием в ситуации, чреватой катаклизмами, Джавахарлал часто уходил от настоящего в мысли о будущем. Но еще чаще он обращался к прошлому. Именно во время этого пребывания в тюрьме он начал свое путешествие через пять тысячелетий индийской истории. «Мы совершили много путешествий во времени и в пространстве, а также

поездили по стране в наши дни, чтобы открыть Индию»¹⁰¹. Его поездки во время избирательной кампании открыли ему глаза на мириады аспектов разнообразия Индии, слитого в единство; к этому добавилось все растущее восхищение индийской философией и культурой. Раньше он хотел изменить свою страну, поднять ее на уровень двадцатого века. Это стремление никогда не покидало его, но теперь оно сочеталось с гордостью за достижения Индии и глубоким чувством своей исконной принадлежности к индийскому народу. «Это долг, который я никогда не смогу выплатить, но это и обязательство, о котором я не могу забыть и выполнить которое я буду стремиться до конца моих дней»¹⁰².

Другой стороной его духовных исканий было усиление на него интеллектуального влияния Ганди и Тагора. Ужасы войны заставили его принять ненасилие не просто как политическое оружие для Индии, но, возможно, и как единственную надежду на будущее для людей вообще. В этом вопросе он вернулся к своей точке зрения начала двадцатых годов. Тагор, скончавшийся в августе того года, был очень несхож с Ганди, но в своей основе тоже являлся порождением Индии, наследником и выразителем ее мудрости. «И снова я думаю о богатстве многовекового культурного гения Индии, который может вызвать к жизни в одном поколении двух таких мастеров, типичных для нее во всех отношениях и все же представляющих различные стороны ее многогранного облика»¹⁰³.

Результат этих различных и все же совпадающих влияний можно было увидеть, когда Джавахарлал во второй половине 1941 года снова вернулся к литературной работе. В 1940 году он послал американскому издателю своей «Автобиографии» поспешно написанный постскрипtum к ней — «Пять лет спустя». Теперь он взялся за написание более полного варианта второго тома своей «Автобиографии». Он набросал несколько глав, но отверг их, используя часть материала в большой работе, которую закончил, когда снова оказался в тюрьме. Но его больше интересовало формирование Индии, чем события собственной жизни. Даже в первой работе прошлое часто надолго отвлекало его от рассказа о себе, и он возвращался к истории и к тем факторам, которые сформировали Индию. Эта тенденция еще сильнее проявилась во второй, более крупной работе, которая была опубликована под названием «Открытие Индии».

К концу года английские власти в Индии пришли к выводу, что можно освободить всех находящихся в тюрьмах конгрессистов, в том числе Джавахарлала. Губернатор Соединенных провинций Хэллет возражал против освобождения Джавахарлала, так как

считал, что оно деморализует учреждения администрации и Мусульманскую лигу, а Черчилль полагал, что такое всеобщее освобождение из тюрем явится «капитуляцией в момент успеха». Но военный кабинет поддержал правительство Индии, причем Черчилль пробормотал что-то вроде: «Когда вы потеряете Индию, меня не вините»¹⁰⁴.

Таким образом, 4 декабря Джавахарлал снова очутился на свободе. Его личное возмущение английской политикой было, очевидно, лишь отражением ужесточения по отношению к ней индийского общественного мнения. Существовало широко распространенное убеждение, что англичане — не только чужеземные угнетатели, но и самая разрушительная сила в Индии и главная опора всех реакционных групп в стране. Посетивший в тот период Индию профессор Купленд полагал, что один конкретный факт, а именно категоричное заявление Черчилля в сентябре 1941 года, что Атлантическая хартия неприменима к Индии, привел к распространению, даже вне националистических кругов, новых, и притом неприятных, подозрений относительно намерений Англии¹⁰⁵. С другой стороны, участие в войне России и Соединенных Штатов и распространение ее на Азию изменили характер конфликта. Джавахарлал не колеблясь заявил публично о своей надежде на то, что прогрессивные силы, представленные Россией и Соединенными Штатами, Великобританией и Китаем, одержат победу в войне. Но политика правительства продолжала напоминать действия Рип Ван Винкля. «Думающим людям, — говорил с досадой Джавахарлал, — очень трудно подчиняться решениям людей, неспособных думать»¹⁰⁶. Для того чтобы дать возможность Индии поступить так, как она стремилась, — с охотой принять участие в военных действиях на стороне союзников, — требовался «приятный психологический шок»¹⁰⁷, демонстрирующий, что старый порядок в Индии тоже изменился. Но английское правительство Индии было совершенно неспособно на такой требующий полета мысли шаг. Оно представляло собой азиатский вариант правительства Виши, жило в прошлом, смотрело только назад, цеплялось за свои интересы и боялось народа.

Джавахарлал поэтому зорко следил за тем, чтобы Конгресс не проявлял колебаний, отказываясь изменить свою политику до тех пор, пока англичане не пойдут дальше расплывчатых заверений. Так же, как лейбористская партия в Англии, заявив о своей поддержке военных усилий, отказалась войти в кабинет Чемберлена, Конгресс, выражая свою поддержку союзникам, не должен идти на прямое сотрудничество. Не следует возвращаться к предложениям 1940 года о помощи военным усилиям на определенных условиях.

«Я не сторонник возрождения старины ни в религии, ни в политике»¹⁰⁸. Партия должна сплотиться под руководством Ганди и выступать единым фронтом против англичан, в то же время не упуская из виду международную обстановку¹⁰⁹. Но на рождество в Бардоли Раджагопалачарья снова убедил Рабочий комитет не принимать во внимание Ганди, игнорировать мнение Джавахарлала и предложить участие свободной Индии в обороне страны на национальной основе. Раджагопалачарья считал, что гражданское неповиновение уже сыграло свою роль, народ устал, и, если Конгресс не предпримет позитивных действий в этот кризисный момент, дело его пострадает. Здравый смысл, говорил он, требует добиться максимального политического прогресса, пока идет война¹¹⁰.

Джавахарлал не придавал почти никакого значения этой резолюции. Поскольку англичане не проявляли ни малейшего намерения удовлетворить требования Конгресса, эта резолюция оставалась не более чем теоретическим построением. Между империализмом и социализмом компромисс невозможен, и настойчивые предложения Раджагопалачарьи договориться с англичанами создают только сумятицу. Ганди, не желавший даже рассматривать вопрос об освобождении ценой отказа от ненасилия, официально вышел из Конгресса. Но он передал резолюцию Всеиндийскому комитету Конгресса и воспользовался этим для того, чтобы назвать Джавахарлала своим преемником.

«Кто-то сказал, что мы с пандитом Джавахарлалом разошлись. Для того чтобы это случилось, нужно много больше, чем разница во мнениях. У нас были разногласия с самого начала нашего сотрудничества, и все же я много лет говорил и повторяю сейчас, что не Раджаджи (Раджагопалачарья), а Джавахарлал будет моим преемником. Он утверждает, что не понимает моего языка, и сам говорит на чуждом мне языке. Это, может быть, правда, а может быть, нет. Но язык — не преграда для союза сердец. И я твердо знаю — когда меня не станет, он будет говорить моим языком»¹¹¹.

Вице-королю, не желавшему сотрудничать с Конгрессом, не правилась резолюция, принятая в Бардоли. Поэтому он принял меры, чтобы агентство Рейтер передало полный текст заявления Джинны, критиковавшего эту резолюцию, и убеждал Эмери отнестись к ней как можно серьезнее в Англии и использовать ее в Соединенных Штатах. «Если под давлением либеральных кругов в Соединенном Королевстве Раджагопалачарья и его друзья были бы готовы задушить меня в своих объятьях, я уверен, что Махатма появился бы на сцене, чтобы нанести *coup de grâces** английскому влиянию в Индии»¹. Между тем японское наступление приближалось к берегам Индии. В начале года Рузвельт полагал, что Индию можно считать фактически потерянной². В феврале Уинстон Черчилль сказал королю, что Бирма, Цейлон, Калькутта и Мадрас, а также часть Австралии могут попасть в руки врага³. Джавахарлал тоже понимал, что отказ Англии расстаться с властью не учитывает реального положения — надвигающегося крушения колониальной империи в Индии. Что бы ни случилось, британский империализм обречен на гибель. Поэтому важнее было подготовиться к грядущим событиям, чем добиваться переговоров с англичанами. «Эта война — наша война. Но Вы не понимаете, что в этой войне Англия воюет на другой стороне»⁴. *Сатьяграха* была прекращена, чтобы не создавать лишних затруднений для Англии, союзниками которой являлись Россия и Соединенные Штаты, но не могло быть и речи о том, чтобы оставаться пассивными, если бы японцы вторглись в Индию. Активистам Конгресса надлежало немедленно разъехаться по стране и подготовить города и деревни к возможному событию. Надо было создать небольшие блоки, примерно из пятидесяти домов, мобилизовать жителей, чтобы противодействовать возможной панике, принимать необходимые меры в случае воздушных налетов и поддерживать законность и порядок, когда Англия потеряет власть.

* Последний удар, которым добивают, чтобы прекратить страдания (*фр.*).

Следовало организовать местные кооперативы, чтобы наладить снабжение продовольствием, поощрять *кхад*, кустарную промышленность и ремесла в деревнях, что позволило бы добиться самообеспеченности на местах и наилучшим образом организовать сопротивление японцам. Джавахарлал, по-видимому, имел в виду партизанскую войну на изматывание противника, подобную той, какая велась в Китае. Англичане с презрением отвергли предложение Конгресса о сотрудничестве в войне, но Конгресс ни в коем случае не покорится иностранному захватчику. Индийцы, возможно, не сумеют остановить армию врага, но этой армии придется пройти по трупам. Индия никогда не согласится на судьбу, постигшую Францию.

Правительство Соединенных провинций, глухое ко всему происходящему, рассматривало вопрос об аресте Джавахарлала за его резкую критику слепоты и некомпетентности *раджа** и предсказания, что власть империи в Индии может рухнуть в течение шести месяцев⁵. Однако даже Линлитгоу понимал, что нельзя найти более неподходящий момент для такого шага⁶. На сей раз японцы угрожали престижу Англии, и вряд ли следовало возмущаться постоянными призывами Джавахарлала оказать сопротивление любому вторжению. В Калькутте он старался рассеять страхи и остановить беженцев, в Аллахабаде перестал ездить в машине и сменил ее на велосипед, чтобы быть ближе к народу. Сложные меры по организации затемнения и предосторожности в связи с возможными воздушными налетами, предписанные английскими властями, не только устарели, но к тому же могли лишь вызвать панику. «Одними страхами делу не поможешь — вот урок, который должен быть преподан нашему народу»⁷. Маршал Чан Кайши с женой приехали в Индию, встретились с Джавахарлалом и Ганди и, будучи не в состоянии изменить точку зрения Джавахарлала, очевидно, сумели умерить его враждебность к английским властям. Лучше всех прокомментировал этот визит Ганди:

«Он (Чан Кайши) приехал и уехал, не произведя никакого впечатления, но все получили удовольствие. Я бы не сказал, что чему-нибудь научился, и мы тоже ничему не могли научить его. Вот все, что он мог сказать: что бы ни случилось, помогайте англичанам. Они лучше других и теперь станут еще лучше»⁸. Всеобщая недоброжелательность к английским чиновникам еще больше усилилась после того, как 7 марта пал Рангун и начали поступать сообщения о дискриминации, которой подвергались индий-

* Английское правление в Индии.

ские беженцы на долгом пути из Бирмы. Наконец английский кабинет министров осознал остроту положения. В течение долгого времени, невзирая на то, что враг стоял у ворот, Черчилль, Эмери и Линлитгоу, как того и ожидал Джавахарлал, не имели намерения что-нибудь предпринять, чтобы добиться всенародной поддержки индийцами военных усилий. Даже сама опасность, казалось, служила для них доводом в пользу бездействия, ибо утверждалось, что не время для решения долговременных проблем и что включение враждебных политических элементов в органы, ведающие обороной, парализует последние⁹. Но действовали и другие силы. Рузвельт сказал своей жене, что ему придется заставить англичан предоставить Индии статус доминиона¹⁰, и тактично уговаривал Черчилля сделать это. Чан Кайши, вернувшись из Индии, сообщил Рузвельту, что, если англичане коренным образом не изменят свою политику, можно считать, что они просто подарят Индию врагу¹¹. В самой Англии кризис вызвал внезапный интерес заднескамеечников в парламенте к Индии, и Эттли, осуждая «грубый империализм» вице-короля, призвал к немедленному акту государственной мудрости. «Выждать — значит потерять Индию»¹². Военный кабинет больше прислушивался к Эттли, чем к Эмери, и Черчилль, что было весьма для него характерно, пусть временно, но правильно оценил обстановку и, выдвинув план расширения Совета обороны в Индии, предложил выступить с ним по радио для Индии и даже собирался вылететь в Дели. Его пыл был охлажден Эмери и Линлитгоу, которые заявили, что этот план создает перевес в пользу Конгресса за счет Лиги. Однако сама идея добиться урегулирования в Индии была принята. Черчилль так комментировал это решение: «Мы примирились с необходимостью сделать все возможное для обороны Индии ради того, чтобы, если мы ее отстоим, нас вышвырнули оттуда»¹³. Эттли, чьи позиции усилились, когда 19 февраля в военный кабинет вошел Стаффорд Криппс, составил проект английских предложений. В них предусматривались: созыв после войны Учредительного собрания, избранного на основании пропорционального представительства вновь избранными провинциальными законодательными собраниями; признание возможности создания Пакистана в результате предоставления права любой провинции, не пожелавшей признать новый статус доминиона, сохранить существующее конституционное устройство, и содержалась просьба о сотрудничестве индийских партий с английским правительством, пока идет война, с тем чтобы оно продолжало нести полную ответственность за оборону Индии.

Вооруженный этой декларацией, Криппс вылетел в Индию, чтобы получить согласие на нее индийских руководителей. Это было, как объяснил Эмери менее сообразительному вице-королю¹⁴, по сути своей консервативное, реакционное и весьма ограниченное предложение. Пока предполагалось только сотрудничество в области обороны, а в будущем — статус и конституция доминиона с возможным расчленением Индии. Криппс также не имел полномочий изменять текст декларации, одобренной кабинетом министров, и все же он надеялся на успех. В декларации не было ничего, что устраивало бы Конгресс. Сама идея доминиона вызывала у людей, подобных Джавахарлалу, «легкий приступ морской болезни»¹⁵. В то же время в ней таилась опасность образования Пакистана. Но Криппс рассчитывал на свое умение убеждать, свое всем известное доброжелательное отношение к идее освобождения Индии и, кроме того, на свою близкую дружбу с Джавахарлалом. В 1939 году он приезжал в Индию как «самозванный посол для переговоров с Конгрессом»¹⁶ и был тогда гостем Джавахарлала. Теперь в качестве эmissара военного кабинета он был уверен, что достигнет договоренности. Он не понимал, что Джавахарлал хорошо к нему относился, но был невысокого мнения о его суждениях¹⁷, что судьба Индии — не тот вопрос, который Джавахарлал хотел бы решать на уровне личных отношений.

С самого начала переговоры Криппса в Дели сосредоточились на немедленных временных договоренностях, пока идет война, поскольку декларация, как говорилось в окружении вице-короля, «была лишь оберткой для фунтовой пачки чая», которой являлась власть правительства Индии. Вице-король настаивал, что детали этого вопроса должен решать только он один, и не был намерен менять состав Исполнительного совета, если в него согласится войти только одна партия (то есть Конгресс). Он опасался, что, если Конгресс получит право на официальное влияние, это оттолкнет мусульман и другие меньшинства, будет препятствовать военным усилиям и создаст почву для «петеновской политики» Ганди и других деятелей Конгресса¹⁸. Однако Джинна, удивленный тем, что реально допускалась возможность создания Пакистана, был готов принять эти предложения и не видел больших трудностей для достижения промежуточных соглашений¹⁹. В течение всего пребывания Криппса в Индии вопрос о том, сколько представителей от каждой из партий получают места в совете, не обсуждался. Джинна столько раз подвергался критике на страницах этой книги, что приятно засвидетельствовать — в этот критический момент им руководили патриотические чувства.

Конгресс был недоволен тем, что вместо полной независимости предлагался статус доминиона, что индийские княжества будут представлены в Учредительном собрании не избранниками народа, а их правителями, и больше всего — предполагаемым расчленением Индии. Именно по этой, последней причине Ганди выступил против декларации и настаивал, чтобы Рабочий комитет отказался от этого «просроченного чека»²⁰. В недатированном письме Джавахарлалу, дату которого мы все же можем установить потому, что оно написано на обороте счета зубного врача от 27 марта 1942 года, Ганди высказывал убеждение, что предложение не может быть принято: «Оно погубит страну. Если ты того же мнения, поговори с Раджаджи и примите окончательное решение. Если вы с Раджаджи будете одного мнения, давайте действовать соответственно». Сами формулировки письма говорят о том, насколько неприемлемыми были предложения для Ганди, но также показывают, что он не считал свое слово последним. И до и после марта 1942 года Конгресс, часто не колеблясь, не принимал во внимание точку зрения Ганди, и в этом случае поступил бы так же, если бы этого потребовали обстоятельства. Раджагопалачарья выступал за принятие предложения. Он полагал, что Конгресс должен принять правительственные посты, даже не входя в подробности декларации. Джавахарлал находился в Аллахабаде на свадьбе дочери, состоявшейся 26 марта, но Азад, выступая от имени Конгресса, подчеркнул важность установления контроля индийских представителей над вопросами обороны. Он заявил, что эта проблема гораздо более важна, чем пункт о неприсоединении провинций²¹. Из этого явствует, что, как бы ни был Конгресс разочарован предложениями долговременного характера и что бы ни думал Ганди, внимание партии было сосредоточено на необходимости мобилизовать все силы индийского народа для преодоления надвигающейся опасности.

Однако, как сказал Раджагопалачарья Криппсу²², все зависело от Джавахарлала. Последний стремился к сотрудничеству в деле обороны Индии, и, если бы он был убежден, что декларация дает такую возможность, Ганди не сумел бы настоять на своих возражениях. Поэтому накануне встречи с Джавахарлалом Криппс добился у Черчилля разрешения несколько изменить формулировку пункта, касающегося вопросов обороны; теперь в нем говорилось, что за оборону Индии должно отвечать правительство Индии совместно с ее народами. Однако при встрече с Криппсом Джавахарлал не взял никаких обязательств, и Криппс сделал вывод, что Джавахарлал хотел бы принять декларацию, но его

сбивает с толку Ганди, который готов на все, чтобы не допустить участия Индии в войне.

Такая трактовка положения вещей была совершенно неправильной. Много раз на протяжении войны Конгресс, вопреки мнению Ганди, предлагал свое сотрудничество в организации обороны. Даже самый факт продолжения переговоров с Криппсом, после того как Ганди ясно выразил свое к ним отношение, несомненно, свидетельствует о *bona fides** Конгресса. 4 апреля Ганди покинул Дели чуть ли не с чувством обиды²³. Если бы пункты, касающиеся обороны, удовлетворяли Конгресс, соглашение с Криппсом было бы достигнуто. Но тут вмешался вице-король и свел все сотрудничество в военных усилиях к назначению индийца на одну из должностей, связанных с ответственностью правительства Индии за оборону, без какого-либо ущемления обязанностей и функций главнокомандующего²⁴. Этого, совершенно очевидно, было недостаточно, и Криппс счел, что его миссия потерпела неудачу. В качестве последней попытки он предложил, чтобы Азад и Джавахарлал встретились с главнокомандующим Уэйвеллом²⁵. Конгресс уже принял решение отказаться от предложений не только из-за неприемлемости долговременных мер, но также из-за того, что они не предусматривали передачи Индии ответственности за оборону, чему Рабочий комитет придавал самое большое значение. Тем не менее Азад согласился вместе с Джавахарлалом встретиться с Уэйвеллом, и Конгресс пока воздержался от опубликования своей резолюции.

Переговоры, таким образом, продолжались. Военный кабинет был против того, чтобы допускать члена Конгресса к делам, связанным с обороной, но готов был рассмотреть вопрос о более точном толковании идеи участия индийца в оборонной деятельности, если на этом настаивает Конгресс и если вице-король сможет подобрать какую-нибудь «подходящую кандидатуру», разумеется из числа лояльных²⁶. Криппс, стремившийся к соглашению и понимавший теперь, что, если он сумеет найти решение в вопросе обороны, которое удовлетворит Джавахарлала, Азада и Раджагопалачарью, отрицательная точка зрения Ганди не возобладает, пытался интерпретировать декларацию таким образом, чтобы она удовлетворяла Конгресс. Он лично предпочитал передать министерство обороны в ведение индийца, при условии письменного обязательства, что его деятельность не будет противоречить политике правительства. Однако, зная, какие возраже-

* Добросовестность, искренность (лат.).

ния это вызвало бы в Дели и в Лондоне, он предложил передать в ведение индийца ту часть функций министерства обороны, которая, с точки зрения главнокомандующего, могла быть передана реально и без всякого ущерба. Еще одна предлагаемая мера безопасности состояла в том, что «при новом положении, дающем Исполнительному совету права кабинета министров», все важные вопросы будут решаться советом в целом, а не отдельными его членами²⁷. Из этого письма явствует, что Криппс полагал решенным вопрос о создании в Индии кабинета министров. Очевидно, имея это в виду, он и беседовал с индийскими руководителями. Нет оснований сомневаться в правильности заявлений Азада, что во время первой же беседы с Криппсом тот говорил о национальном правительстве, действующем как кабинет министров, при котором положение вице-короля станет аналогичным положению короля в самой Англии²⁸. Криппс никогда не опровергал это утверждение Азада. Фактически на своей первой пресс-конференции он признал, что Исполнительный совет может быть преобразован в кабинет министров²⁹. Это было 20 марта, а 4 апреля Азад написал Криппсу, что «действенный контроль в вопросах обороны должен находиться в руках индийского национального правительства»³⁰; этот термин тогда впервые был упомянут в переписке. Линлитгоу снова увидел возможность вмешаться. Он получил право писать непосредственно правительству Англии и договорился о Уэйвеллом, что тот займет твердую позицию³¹. Уэйвелл утверждал, что занят разработкой деталей в духе предложений Криппса³². В опубликованных английских документах нет ничего, дающего возможность судить о том, что произошло во время встречи Уэйвелла с Джавахарлалом и Азадом, а руководители Конгресса тоже воздержались от разговора об этой встрече, но по существу это была катастрофа.

«Когда после чая убрали со стола, Уэйвелл попросил индийских руководителей приступить к делу, и пандит Неру стал говорить первым. Вкратце смысл его слов сводился к тому, что членом совета, ответственным за оборону, должен быть индиец, а не главнокомандующий, которому следует стать советником исполнителем. Неру потребовал стопроцентной ответственности за оборону. Когда он закончил, я полагал, что начнется какое-либо обсуждение или, может быть, попытка договориться: Уэйвелл что-нибудь предложит, Неру кое в чем уступит, и будет достигнут компромисс, который послужит основой для дальнейшего обсуждения на более высоком уровне. Как далеко пойдет Уэйвелл, я не знал. К моему величайшему изумлению, Уэйвелл сказал: «Если таково ваше требование, больше говорить не о чем». Во-

царилась мертвая тишина. После некоторого молчания Уэйвелл поднялся с места и вслед за ним встали, чтобы уйти, индийские руководители»³³.

После этого миссию Криппса уже ничто не могло спасти, и Конгресс не имел ни малейшего отношения к ее провалу. Криппс увяз слишком глубоко, и Черчилль, Эмери, Линлитгоу и Уэйвелл приняли все меры, чтобы он не смог выбраться. Военный кабинет известил его, что характер совета при вице-короле не может быть изменен, и Криппсу пришлось согласиться с Линлитгоу и Уэйвеллом, что невозможно предпринять что-либо другое, кроме передачи некоторых малосущественных функций главнокомандующего члену совета — индийцу³⁴. Но в своем письме Конгрессу, перечисляя весьма неопределенные функции в сфере обороны, которые будут переданы индийцу, Криппс употребил выражение «национальное правительство»³⁵. Поскольку к этому времени он уже знал об отказе кабинета министров в Лондоне произвести какие-нибудь перемены в этом направлении, можно только сделать вывод, что он рассчитывал на такой ход событий: после того как Конгресс согласится на урегулирование, настаивая на своей формулировке понятия «национальное правительство», он, Криппс, сможет использовать свое влияние в Англии, чтобы обеспечить разрешение Исполнительному совету действовать в качестве кабинета министров, и, если возникнет такая необходимость, добиться даже смены вице-короля. Криппс имел в этот период большой вес в Англии, на него смотрели даже как на второго премьер-министра. Располагая соглашением об урегулировании в Индии, он мог бы преодолеть любое сопротивление его проведению в жизнь. Он хотел урегулирования потому, что Индия всегда была дорога ему: Индия была его второй родиной, и даже на смертном одре он думал о ней³⁶. В этом случае его совесть и интересы его карьеры не вступали в противоречие³⁷. И все же он был наивен в своей самоуверенности, и блеск ума сочетался у него с простодушием. Это позволило противникам Криппса перехитрить его.

Последний акт драмы затянулся из-за стремления Конгресса все-таки найти какой-нибудь путь к соглашению, а также из-за приезда личного представителя Рузвельта Луиса Джонсона. Джонсон, очевидно с одобрения Криппса, попросил Рузвельта ходатайствовать перед Черчиллем и, когда Рузвельт отклонил эту просьбу, выступил в качестве посредника сам³⁸. Был составлен проект организации руководства обороной, в котором функции распределялись между членом совета — индийцем и главнокомандующим. Уэйвелл сначала отказался даже рассматривать

этот проект, «ибо устал, упал духом, подавлен, ненавидит Неру и не доверяет ему»³⁹. Потом Уэйвелл и Линлитгоу согласились на разграничение функций, которое предоставило бы главнокомандующему право юрисдикции по не изъятым из его компетенции вопросам. По предложению Джавахарлала Джонсон и Криппс пересмотрели эту формулировку с тем, чтобы такая юрисдикция передавалась индийскому члену совета и чтобы не вице-король, а правительство Англии решало вопрос о любых дополнительных функциях и разрешало могущие возникнуть в связи с этим разногласия⁴⁰. Такой подход означал, что национальное правительство будет ответственно за управление страной в целом, включая ее оборону, но в условиях войны передаст полный контроль над военными действиями главнокомандующему. Линлитгоу возражал против того, чтобы американец знакомил Конгресс с проектами предложений, с которыми он сам был незнаком, и рассматривал действия правительства Англии в качестве арбитра как серьезное ущемление своих прерогатив⁴¹. Криппс оправдывался тем, что обстановка накалилась и необходимо что-то предпринять, а Джонсон полагал, что при таких незначительных поправках Конгресс пойдет на урегулирование. Рабочий комитет действительно затребовал перечень, наглядно демонстрирующий функции министра обороны и главнокомандующего, и, чтобы избежать проволочек, уполномочил Джавахарлала и Азада обсудить этот вопрос с Криппсом⁴². Теперь все ожидали, что урегулирование состоится⁴³. Позже сам Джавахарлал говорил, что считал дело на 75% успешно решенным⁴⁴.

Если бы Черчилль и военный кабинет поддержали Криппса, можно было бы не обращать внимания на раздраженную реакцию вице-короля. Но военный кабинет, ободренный тем, что Гопкинс фактически дезавуировал Джонсона и заверил Черчилля, что Рузвельт не станет вмешиваться⁴⁵, дал указание Криппсу вернуться к первоначальному тексту декларации только с теми добавлениями, на которые он дал согласие, и потребовал точного определения термина «национальное правительство»⁴⁶. Военный кабинет не имел намерения, как это предлагал Криппс в одном из своих писем Азаду, передавать департамент внутренних дел в руки индийцев. Когда Криппс, вскоре после своего приезда, сказал должностным лицам в Дели, что кабинет окончательно решил предоставить Индии статус доминиона де-факто и провести полную индианизацию Исполнительного совета, за исключением вопросов обороны⁴⁷, он был повинен либо в ошибочном понимании положения, либо, что более вероятно, в самообмане. Его угроза отказаться от своей миссии, если ему не оказывают до-

верия, была резко отвергнута Черчиллем, и Линлитгоу получил прямое заверение, что не может быть и речи о каком-либо соглашении, ограничивающем его власть, предусмотренную существующей конституцией⁴⁸.

Неудачливый Криппс теперь прибегнул к софистике. Он разграничил понятия «национальное правительство» и «кабинет министров», заверяя военный кабинет, что все время подчеркивал необходимость никак не менять существующее правовое и конституционное положение, и туманно описал национальное правительство как орган, состоящий из авторитетных индийцев, вице-короля и главнокомандующего⁴⁹. С другой стороны, он информировал Конгресс, что вице-король, несомненно, предпримет все, что в его силах, путем соответствующих соглашений. Это могло бы произойти, если бы речь шла о сговорчивом вице-короле. Джавахарлал действительно думал, что, если бы Линлитгоу в свое время поговорил с руководителями Конгресса и обсудил с ними деятельность Исполнительного совета, можно было бы достигнуть урегулирования⁵⁰. Но Литлингоу не желал, чтобы миссия Криппса достигла успеха.

В отчаянии Криппс обратился к Джавахарлалу как к старому другу с просьбой о спасении:

«Лично и конфиденциально.

Дорогой Джавахарлал!

Позвольте мне воззвать к Вам как к человеку, на котором лежит тяжкое бремя окончательного решения, имеющего настолько далеко идущие последствия и такое значение для судеб будущих отношений между нашими народами, что важность его поистине огромна. Мы должны и можем привести наши народы к дружбе и сотрудничеству — я в своей сфере, Вы — в своей.

Шанс, который представился нам теперь, не повторится. Могут появиться другие возможности, если мы им не воспользуемся, но никогда больше не будет такого счастливого случая скрепить дружбу наших народов.

Право на руководство, такое, каким располагаете Вы, одно может обеспечить успех. Настал момент, требующий величайшего мужества от большого руководителя, чтобы посмотреть в лицо трудностям и, не боясь никакого риска — а я знаю, что он есть, — пройти весь путь до желанного конца.

Я знаю, каковы Ваши качества и способности, и прошу Вас сейчас применить их в деле.

Всегда любящий Вас
Стаффорд»⁵¹.

Но руки у Джахаварлала были связаны не Ганди и его коллегами по Рабочему комитету, а самим Криппсом, непрестанно менявшим свою позицию. Он сказал Криппсу, что есть границы, дальше которых он не может повести Конгресс, а Конгресс не может повести страну. Но Криппс не поверил ему⁵². На этом этапе более слабый человек подал бы в отставку, но Криппса никак не дискредитирует то, что он этого не сделал. Он был министром в правительстве военного времени, когда его страна переживала чрезвычайно критический момент. Бирма и Андаманские острова были потеряны, Индийский океан оказался в руках врага; существовала вероятность потери района Калькутты и побережья Ориссы; нельзя было исключить возможность высадки японцев в Южной Индии с целью взять в клещи Цейлон. В этой обстановке поведение Криппса не отличалось от линии другого видного английского социалиста — Роберта Блетчфорда. «Когда Англия воюет, я — англичанин. У меня нет политической линии, нет партийной принадлежности. Я — англичанин»⁵³. Таким образом, именно патриотические мотивы, несомненно, побудили Криппса остаться на своем посту и пересмотреть свои обязательства. С чувством неловкости он сообщил Джонсону, что должен вернуться к первоначальному тексту декларации, а Джавахарлал и Азад с изумлением узнали во время последней встречи с Криппсом 9 апреля, что все поиски новой формулы урегулирования были пустой тратой времени и что термин «национальное правительство» теперь ровно ничего не означает. Вообще не было речи ни о независимом правительстве, ни о национальном кабинете министров⁵⁴. Игнорируя все свои ранее сделанные предложения о национальном правительстве и конституционных порядках, Криппс теперь заявлял, что не может быть никакой совместной ответственности и никаких гарантий того, что вице-король не использует своего права на вмешательство или на вето. Все его предложения теперь сводились к слегка измененным условиям предложений, сделанных в августе 1940 года: несколько авторитетных индийцев могут быть включены в состав Исполнительного совета, и, если кому-нибудь из его членов не понравится политика вице-короля, они всегда вправе выйти из совета.

Провал миссии Криппса не вызывает удивления. Ни военный кабинет, за исключением Эттли, ни правительство Линлитгоу не хотели ее успеха. Метод ведения переговоров, к которому прибегнул Криппс, тоже не соответствовал обстановке. Он вел себя как юрист, убедительно излагающий свои доводы и доказательства и уверенный, что они будут приняты во внимание. В данном случае, вручив декларацию, он мог лишь убеждать Конгресс со-

гласиться с ней. Ни избранный им образ действий, ни полученные им инструкции не оставляли места для маневрирования. Все это оттолкнуло от него его друзей в Конгрессе. «Несмотря на улыбки, которые он публично расточал, я был поражен его негибкостью и отсутствием чутья. Все время он оставался официальным представителем военного кабинета и фактически был этим самым военным кабинетом, обращавшимся к нам с позиций «хотите — берите, хотите — нет». Он все время старался внушить нам, что знает индийский вопрос вдоль и поперек и нашел единственно возможное его решение. Всякий, кто с этим не согласен, по меньшей мере глубоко заблуждается»⁵⁵.

С другой стороны, склонность Криппса сглаживать разногласия, порожденная стремлением привлечь на свою сторону Конгресс, использовалась его противниками. Ясно одно — Рабочий комитет, несмотря на мнение Ганди и собственное несогласие с предложениями о будущем Индии, принял точку зрения, что сейчас важно настоящее, и был готов сотрудничать в обороне Индии, если бы ему была предоставлена для этого полная возможность. Однако Криппс, глубоко расстроенный ударом, нанесенным его надеждам и его карьере, совершенно неоправданно сделал Конгресс козлом отпущения. Именно в этом его главная вина. Он обвинил Конгресс в том, что тот впервые предложил внести изменения в конституцию почти через три недели после того, как ему были вручены предложения, и назвал передачу назначенному кабинету функций конституционного правительства, чего требовал Конгресс, «неограниченной диктатурой большинства». Это был первый намек на существование разногласий по данному вопросу между Конгрессом и Лигой, поскольку на протяжении всех переговоров никто из участников даже не упоминал о наличии подобного рода препятствий. И когда Криппс заявил в конце обсуждения, что в силу глубоких межобщинных разногласий «безответственное правительство большинства» будет отвергнуто всеми меньшинствами и поэтому не может быть создано, это заявление показалось злонамеренным и даже невероятным⁵⁶. После возвращения из Индии Криппс доложил военному кабинету, что Ганди полон решимости любой ценой не допустить урегулирования не только в силу своей приверженности идее ненасилия, но и потому, что опасается потерять руководящее положение и уступить его Джавахарлалу или какому-нибудь другому стороннику поддержки военных усилий. Поэтому тот в двухчасовом телефонном разговоре из Вардхи днем 9 апреля приказал руководителям Конгресса прервать переговоры, и Джавахарлал вместе с Азадом в тот же вечер пришли к Криппсу

и вместо проблем обороны, которые были раньше успешно решены, выбрали вопрос о национальном правительстве в качестве предлога, более подходящего, чтобы выполнить указание Ганди⁵⁷. Некоторые фразы из текста его радиопередачи на Соединенные Штаты 27 июля, которые Криппс сначала написал в своем черновике, а потом опустил, свидетельствуют о том, как глубоко он убедил себя, что справедливые предложения были отвергнуты зарвавшимся Конгрессом. Ганди, как он считал, «руководствуется своими призрачными видениями, а не реальными фактами международного положения» и угрожает самым сильным давлением не только Англии, но и меньшинствам в самой Индии, чтобы заполнить для своей партии политическую власть. Что касается Конгресса, то это — «религиозная партия», представляющая не политическое, а стабильное религиозное и расовое большинство, которому меньшинства не имеют желания подчиняться⁵⁸. «Если бы Конгресс принял наши предложения,— писал Криппс позже одному своему китайскому другу⁵⁹,— что он и сделал бы, не помешай этому г-н Ганди, индийский вопрос был бы сейчас на верном пути к решению». Благодаря Криппсу такое толкование вошло в историю как общепринятое⁶⁰. Именно это столь не соответствующее ни остроте его ума, ни характеру в целом стремление приписать Ганди низменные мотивы и доказать, как выразился Джавахарлал, «что Конгресс не просто не прав, а чертовски не прав»⁶¹, на долгое время отравило личные отношения Криппса с Джавахарлалом и — что, возможно, важнее — в последующие месяцы создало для Джавахарлала дополнительные трудности в предотвращении прямого столкновения между Конгрессом и правительством Индии.

Поскольку ему было отказано в возможности создать представительное правительство, которое, по его словам, зажгло бы искру в миллионах сердец и послужило бы делу организации непоколебимого сопротивления японцам, Джавахарлал взялся за решение второй по значению задачи — за проведение неофициальных мероприятий по воспитанию в народе стремления опираться на свои силы. Надежд на дальнейшие переговоры с англичанами не было. На пути обеих сторон лежали обломки миссии Криппса, и ни одна из них не была готова предпринять новые шаги. Но Джавахарлал заявил, что Конгресс останется верен своей линии и не будет создавать трудностей для англичан. Не следует мешать военному производству, считал он; Азад отговорил его от выступления по всеиндийскому радио на эту тему¹, но он обещал Джонсону, что поедет в Калькутту и добьется там прекращения забастовок промышленных рабочих. «Он окажет мне всю возможную помощь,— сообщал Джонсон.— Он — наша надежда. Я доверяю ему»².

С другой стороны, если японцы вторгнутся в Индию, они столкнутся не только с ненасильственным несотрудничеством, но и с партизанской войной и тактикой выжженной земли. Джавахарлал выдвинул такие планы, зная, что Ганди их не одобрит и что значительная часть участников националистического движения настолько ожесточена поведением англичан, что будет бездействовать, если японцы вторгнутся в Индию.

«Некоторые говорят, что Джавахарлал — глупец. Он без нужды антагонизирует японцев и немцев. Японцы станут мстить ему, когда они придут в страну. Если он не может хорошо отзываться о японцах, разумнее для него молчать. Я хочу сказать тем, кто дает мне подобные советы, что Джавахарлал — не тот человек, который станет молчать, когда должен говорить. С другой стороны, я могу лишь с презрением отвергнуть такого рода советы, порожденные главным образом страхом»³.

Джавахарлал же пошел еще дальше: он не только требовал оказать сопротивление японцам, но также заявил, что выступит

даже против Субхаса Боса, который перешел на сторону стран «оси», и индийской армии, организованной Босом, потому что «эта армия не более чем марионетка в руках японцев»⁴.

Ганди предупреждал Джавахарлала, что его позиция может привести к расколу в руководстве Конгресса. «Если твоя политическая линия будет принята, состав комитета не может оставаться таким, как сегодня»⁵. Ганди даже заставил Джавахарлала снять свое предложение о партизанских действиях и публично торжествовал по этому поводу⁶. Не имея возможности присутствовать на заседании Конгресса в конце месяца, он послал ему проект резолюции и угрожал вместе со своими сторонниками выйти из состава руководства, если эта резолюция не будет принята. «Настало время, когда каждый из нас должен избрать свой собственный путь»⁷. Сам факт провала миссии Криппса восстановил влияние Ганди в руководстве Конгресса, и теперь он был убежден, что ближайшим шагом должен быть уход англичан из Индии. Бесцельно даже проводить обсуждения с правительством, которое допускает мысль о расчленении Индии, считал он. В его резолюции говорилось, что Япония враждует не с Индией, а с Британской империей. Англия не в состоянии защитить Индию и должна уйти. Индия тогда сама сможет защитить себя от Японии или любого другого агрессора, но первым шагом свободной Индии, возможно, будут переговоры с Японией. Японцев надо будет заверить, что Индия не питает вражды к Японии или к любой другой стране. Но если Япония нападет на Индию прежде, чем англичане уйдут из страны, индийский народ должен оказать захватчикам ненасильственное сопротивление путем несотрудничества и не создавать препятствий для британских вооруженных сил. Однако тактика выжженной земли не должна выходить за пределы уничтожения военных материалов.

Проект резолюции явно отходил от всей политической линии сочувствия союзникам, которой Конгресс следовал с начала войны; он превращал индийский народ в пассивного партнера держав «оси». Явное неприятие Ганди декларации Криппса помешало ему увидеть главные замыслы японского империализма. Он предполагал, что страны «оси» выиграют войну и победоносная Япония ничего не потребует от Индии. Это было уже слишком для Джавахарлала, и он открыто заявил об этом. Даже несколько смягченный вариант проекта резолюции Ганди, подготовленный его сторонниками, был неприемлем для Джавахарлала, возражавшего не против отдельных деталей или утверждений, а против настроений пораженчества и симпатий к Японии, которыми была проникнута резолюция. В его собственном проекте, в духе ранее

принятой позиции Конгресса, утверждалось, что, хотя Индия не испытывает вражды ни к одному народу, она выступает против нацизма и фашизма так же, как против империализма. Будь Индия свободной, она, быть может, и не участвовала бы в войне, но ее сочувствие было бы на стороне жертв агрессии. Англия должна отказать от власти в Индии, но Конгресс отвергает мысль о возможности получения Индией свободы в результате иностранного вмешательства или вторжения. Любому нападению на Индию должно быть оказано сопротивление в форме ненасильственного несотрудничества, поскольку Англия помешала народу организовать национальную оборону каким-либо иным путем. «Если он (враг) захочет захватить наши дома и поля, мы откажемся отдать их, даже если для этого нам придется погибнуть». О тактике выжженной земли прямо не говорилось, но она подразумевалась в намерении бороться до последнего.

Рабочий комитет одиннадцатью голосами против шести поддержал пересмотренную резолюцию Ганди; однако через несколько часов, благодаря нелогичности поведения, присущей большинству демократических организаций, Комитет единогласно принял проект Джавахарлала⁸. Таким образом, Джавахарлал добился своего. Возможно, он убедил своих коллег дать еще один шанс его политике поддержки союзников. Непосредственно от англичан ничего нельзя было ожидать, но Джавахарлал возлагал надежды на Соединенные Штаты и Китай. В феврале 1942 года Рузвельт через Эдгара Сноу направил Джавахарлалу дружеское послание и просил написать ему⁹. Когда сорвались переговоры с Криппсом, Джавахарлал обратился с письмом непосредственно к Рузвельту, надеясь привлечь его к решению индийской проблемы, и сообщил, что «в настоящее время» дальнейшие переговоры с англичанами невозможны¹⁰. Тем самым он намекнул, что двери для урегулирования закрыты не окончательно. Позиции Джавахарлала, телеграфировав Джонсон Рузвельту накануне заседаний Конгресса¹¹, в огромной степени укрепились бы, если бы Англия, Китай и Соединенные Штаты выступили с совместным заявлением о целях войны на Тихом океане, имеющих в виду свободу и самоопределение Индии и решение оборонять ее любой ценой. Двумя днями позже г-жа Чан Кайши передала президенту мнение Джавахарлала о важном значении подлинного единства государства и народа для дела обороны¹². После того как Рабочий комитет принял резолюцию, внесенную Джавахарлалом, Джонсон предложил еще одну формулировку, согласно которой вице-король, прежде чем воспользоваться своим правом вето, должен сделать все возможное, чтобы изменить точку зрения Исполнительного

совета методом убеждения. Джонсон просил свое правительство добиться принятия этой формулировки англичанами¹³.

Рузвельт, однако, отказался вмешиваться¹⁴. По мнению общественности Соединенных Штатов, правительство Англии сделало все возможное для того, чтобы обеспечить поддержку Индией военных усилий, и это именно индийские политические деятели проявляют неуступчивость¹⁵. Такой подход придал уверенность английскому колониальному правительству Индии, и оно повело себя еще более агрессивно. Газетам было запрещено печатать резолюции Конгресса по поводу срочной эвакуации некоторых районов, факты, связанные с бесчинствами солдат и с паническими и дискриминационными действиями должностных лиц в Бирме и кое-где в Индии. Все эти меры укрепляли позицию Ганди, и он мог с большим основанием утверждать в своих постоянных долгих и весьма острых спорах наедине с Джавахарлалом, что поддержка, оказываемая Джавахарлалом союзникам, ни у кого не вызывает отклика и ведет только к тому, что индийский народ становится мишенью для нападков англичан. В условиях, когда военные действия приближались к берегам Индии, а английская администрация была не в состоянии защитить Индию и предпочитала потерять ее, чем мобилизовать на оборону народ, требования об уходе англичан из страны стали еще более обоснованными. Когда Джавахарлал после двухнедельного пребывания в горах вернулся, он обнаружил, что обстановка настолько ухудшилась, что стало трудно говорить о необходимости подчинить антибританские настроения более важной задаче поддержки союзников и сопротивления Японии. Программа Ганди отражала широко распространенное в индийском народе ожесточение против англичан, и то обстоятельство, что Ганди выдвинул именно такую программу, уже само по себе явилось объективным фактором, который нельзя было игнорировать. Как признавал даже вице-король, «Ганди — самая крупная величина в Индии»¹⁶. В условиях, когда Соединенные Штаты не пожелали прямо заниматься проблемами Индии, Китай был бессилён, а англичане развернули новое наступление не против японцев, а против индийского национализма, у Джавахарлала для оправдания резолюции, которую он провел через Рабочий комитет, остались только его собственные взгляды. Его поддерживали лишь те, без кого он, пожалуй, предпочел бы обойтись, — коммунисты, ставшие теперь полулоялистской партией и выступавшие за «народную войну», и Раджагопалачарья, укреплявший позиции Мусульманской лиги своей готовностью в принципе согласиться на создание Пакистана и ослаблявший

Конгресс попытками создать провинциальное правительство в Мадрасе.

Поэтому, когда в конце мая он встретился с Ганди, Джавахарлал не мог противостоять политике, которая не вызывала у него энтузиазма. Разумеется, ему было по-прежнему важно не нанести ущерба делу, за которое сражались Россия, Китай и Соединенные Штаты, и он настаивал на этом, как позже сказал Ганди вице-королю, «с пылом, для описания которого не нахожу слов»¹⁷. Но он не мог привести аргументов более убедительных, чем свой пыл. Поскольку Ганди отказался от прояпонской позиции и согласился на то, чтобы после ухода английского правительства союзные армии остались в Индии и чтобы первым актом национального правительства стало заключение с союзниками пакта о совместной обороне, у Джавахарлала не оставалось причин для неприятия политики Ганди. Даже с международной точки зрения в интересах помощи Китаю и содействия союзникам был необходим окончательный уход англичан из Индии, ибо только тогда индийский народ смог бы избавиться от своей пассивности и полностью включиться в военные усилия. При существовавшем положении вещей индийцы были слишком безразличны к поражениям Англии, чтобы оказать единодушное сопротивление японцам в случае их вторжения. Нельзя было также рассчитывать, что англичане окажутся в состоянии в одиночку задержать наступление агрессора. Было известно, что существуют планы отхода из Бенгалии и Мадраса. Уход англичан из Индии до предполагаемого вторжения японцев был единственной возможностью поднять народ на сопротивление и не дать Индии пойти по пути Бирмы. Джавахарлал больше, чем многие другие члены Конгресса, относился с неприязнью к нацистской Германии, Японии и фашизму и симпатизировал России и Китаю. Однако даже его поведение в конечном счете было продиктовано глубоким сознанием необходимости сделать все для того, чтобы Индия выжила.

«Невыносимо думать, что после пятилетней войны Китай может потерпеть поражение; невыносимо думать, что Россия, представляющая человеческие ценности, столь много значащие для цивилизации, может потерпеть поражение. Но в конечном счете я, естественно, должен рассматривать любой вопрос с индийской точки зрения. Если Индия погибнет, должен сказать — и можно назвать это, если хотите, эгоизмом, — мне будет не легче от того, что другие народы выживут»¹⁸.

Присутствие англичан предполагало не столько серьезную оборону против Японии, сколько укрепление сил, добывающихся раздела Индии. Джавахарлал с неохотой все же пришел к выводу,

что конец английского правления в Индии — главный вопрос. Если Конгресс будет продолжать свою политику и не создавать для англичан затруднений, то стремление народа противодействовать английскому правлению будет ослаблено, и в результате окажется сломленной воля к сопротивлению японцам. С другой стороны, если в народе укрепится дух сопротивления английскому господству, он может быть затем повернут против японцев. «Лично мне,— сказал Джавахарлал комитету организации Конгресса своей провинции,— настолько надоело рабство, что я даже готов пойти на риск анархии»¹⁹. Ганди не мог бы сказать лучше.

Ганди, как всегда, не имел ясного представления, каким образом англичан можно заставить уйти из Индии. Джавахарлал был против массового движения гражданского неповиновения, но Ганди имел в виду начать такое движение после того, как народ будет к нему подготовлен, и в такой форме, которая не могла бы содействовать японцам. Сообщалось, что Ганди заявил Джавахарлалу: «Если ты не присоединишься к нам, я буду действовать без тебя». Существовала также возможность, что противодействие притеснениям властей на местах может перерасти в серьезный конфликт. Но Ганди не хотел спешить и надеялся встретиться с вице-королем до принятия окончательного решения²⁰. В письме к Чан Кайши, составленном Джавахарлалом, Ганди писал²¹, что план, имеющий целью добиться ухода англичан, направлен на то, чтобы дать возможность Индии самой решать за себя и в максимальной степени помочь Китаю. Благодаря Джавахарлалу, «чья любовь к Китаю превосходит, если это вообще возможно, только его любовь к родине», индийский народ глубоко чтит дело, за которое борется Китай, и независимая Индия незамедлительно подпишет договор о союзе с союзниками. Копию этого письма Джавахарлал направил Соединенным Штатам. Он добавил к нему:

«Моим горячим желанием всегда было, чтобы Индия в максимальной мере сотрудничала с Китаем и Америкой. Мне невыносима мысль, что Азия или другая большая часть света может оказаться под пятой фашизма или нацизма, и я хотел бы, чтобы Индия сделала все, что в ее силах, чтобы не допустить этого. Но слепота и упрямство британского правительства создали чрезвычайно серьезную ситуацию в Индии, и я не надеюсь на прозрение англичан в ближайшем будущем. По-видимому, они твердо решили вызвать конфликт с Конгрессом и националистическими силами в Индии. Многие из моих ближайших коллег уже арестованы, а аресты продолжаются. Возможно, арестуют и меня. Возможно также, что Конгресс будет временно выведен из строя в результате сокрушительных репрессий. Но индийский народ этими мето-

дами не заставишь замолчать и тем более не привлечешь на свою сторону, и цена, которую придется заплатить всем, будет очень высока. Я всеми силами пытался избежать этого конфликта и необходимости платить такую цену. Но будущее представляется мрачным»²².

Однако, возможно под влиянием послания Чан Кайши²³, который не допустил публикации адресованного ему письма Ганди и теперь обратился к Конгрессу с просьбой воздержаться от решительных действий в связи с неудачами союзников в Ливии, Рабочий комитет принял резолюцию, удивившую английские власти своей мягкостью. Конгресс просил англичан отказаться от политической власти в Индии, так как ее освобождение имеет важное значение не только для самой Индии, но и для международной безопасности. Сопrotивление агрессии в Индии может быть организовано лишь в том случае, если ее народ увидит зарю свободы. Если уход англичан из страны совершится добровольно, может быть создано стабильное временное правительство, которое позволит разместить в Индии союзные войска и будет сотрудничать с союзниками в отражении агрессии. Конгресс не хочет предпринимать поспешных шагов и ни в коей мере не желает создавать затруднений для союзников. Однако, чтобы избежать большего риска, необходимо пойти на меньший, и, если Англия отвергнет это обращение, Конгрессу придется прибегнуть к ненасильственной борьбе под руководством Ганди. Очевидно, чтобы дать английскому правительству время для ответа, Всеиндийский комитет Конгресса был создан для принятия окончательного решения только через три недели — 7 августа 1942 года.

И Ганди и Джавахарлал публично заявили, что для дальнейших переговоров не осталось места. Предложения Криппса устарели, и англичане должны признать независимость Индии и передать ей всю полноту власти. Вице-король и некоторые высокопоставленные должностные лица должны покинуть страну, но временное индийское правительство готово сотрудничать с союзниками и предоставить главнокомандующему полную свободу решений в вопросах военной стратегии и дислокации войск²⁴. Но в отличие от официально объявленной позиции, в частном порядке, лидеры Конгресса все еще надеялись на вмешательство Рузвельта. Заявление Джавахарлала в письме к Рузвельту, что переговоры с Англией невозможны именно «в настоящее время», оставалось в силе, и, если бы Рузвельт попросил Конгресс возобновить эти переговоры, Конгресс, несомненно, пошел бы на это. Джавахарлал информировал одного китайского дипломата, что он согласится на принятие статуса доминиона при условии китайско-американских га-

рантий²⁵. Председатель партии маулана Азад предложил в том случае, если все союзники признают право Индии на независимость, обсудить вопросы ее положения на период, пока длится война, с участием Рузвельта в качестве арбитра²⁶. Все это было очень далеко от декларированной непреклонности Ганди и Джавахарлала и являлось фактически предложением возобновить переговоры, положив в их основу обсуждения, проведенные Криппсом. Ганди в этот период был недоволен Азадом²⁷, по-видимому, из-за такой его позиции и хотел, чтобы его отстранили от должности председателя Конгресса. Но если бы предложение Азада ни к чему не привело, Джавахарлал вопреки Ганди, несомненно, продолжал бы действовать в том же духе²⁸. Участники миссии Соединенных Штатов в Дели были настолько полны надежд, что возглавлявший их в отсутствие Джонсона сотрудник составил проект декларации, которая, после одобрения ее Рузвельтом, должна была гарантировать независимость Индии «без ущерба для основных элементов национальной жизни страны». Декларация также содержала предложения о подготовке проекта создания «переходного» правительства²⁹. Однако из этого ничего не вышло, и поэтому Конгрессу пришлось, по выражению Джавахарлала, сознательно броситься в бушующий океан. Британская империя — это карточный домик, сказал он, но ее правители скорее согласятся, чтобы их разгромили, как в Бирме, чем позволят народам самим бороться за свою свободу и свободу других. Индия не желает, чтобы ею помыкала та или другая империалистическая держава, будь то Англия или Япония. Чтобы успешно справиться с последней, надо сначала избавиться от первой³⁰. Всеиндийский комитет Конгресса, собравшийся в Бомбей, снова обратился к Англии и Объединенным Нациям с призывом положить конец английскому правлению в Индии и твердо обещал предоставить все ресурсы свободной Индии для ведения войны. Освобождение Индии должно стать прелюдией к освобождению всех зависимых народов, и страны, оккупированные Японией, не должны быть возвращены прежним хозяевам. Ганди получил полномочия начать широкую ненасильственную массовую кампанию борьбы, борьбы до самого конца, однако его просили воздержаться от немедленного ее развертывания. Он заявил, что приложит все усилия, чтобы сначала встретиться с вице-королем.

Военный кабинет еще в июне уполномочил вице-короля предпринимать быстрые и решительные действия всякий раз, когда это окажется необходимым³¹, и в июле Эмери хотел арестовать Ганди и Рабочий комитет сразу после того, как он принял свою резолюцию³². Однако правительство Индии сочло, что лучше всего

нанести удар после того, как резолюция будет утверждена Всеиндийским комитетом Конгресса³³. Конгресс тогда можно будет обезглавить путем арестов его руководителей и отказа их преемникам в свиданиях с ними. Кабинет министров в Англии намеревался выслать Ганди в Аден, а Рабочий комитет — в Ньясаленд. Для этой цели у причалов Бомбея стоял военный корабль. Но в Индии возобладало более разумное мнение. Высылка послужила бы ненужной провокацией индийской общественности; достаточно интернировать Ганди во дворце Ага-хана в Пуне, а Рабочий комитет — в форте Ахмаднагар. Он использовался и раньше как место заключения государственных преступников, в него можно было попасть только через подъемный мост, и он был окружен рвом.

В пять часов утра 9 августа полиция захватила руководителей Конгресса в их домах. Специальным поездом они были сначала доставлены на станцию близ Пуны, где Ганди и его окружению предложили высадиться. Как раз в тот момент, когда члены Рабочего комитета пришли к общему мнению, что англичане умеют хорошо организовывать подобные мероприятия³⁴, произошла заминка. В самой Пуне, где поезд остановился вопреки расписанию из-за того, что был закрыт семафор, толпа на перроне узнала Джавахарлала и ринулась к нему. Когда полиция попыталась остановить толпу, угрожая палками, Джавахарлал с «удивительной ловкостью» выпрыгнул из коридора через окно на перрон. Потребовалось по крайней мере четверо полицейских, чтобы одолеть его и водворить обратно в вагон. Когда они доехали до Ахмаднагара, полицейский офицер извинился за происшествие и выразил надежду, что, поскольку он лишь выполнял приказ, Джавахарлал не питает к нему личной вражды. Джавахарлал заверил его в этом, но был очень возмущен тем, что полиция пустила в ход палки³⁵.

Этот срок заключения был для Джавахарлала самым длинным из всех. Он провел в тюрьме тысячу сорок дней, или тридцать четыре месяца, — с 9 августа 1942 года по 15 июня 1945 года. Двенадцать членов Рабочего комитета находились вместе до марта 1945 г., после чего их разлучили и разослали по тюрьмам в их родные провинции. Джавахарлала, Панта и Нарендру Деву перевезли сначала в Наини, затем в Барейли и снова в Алмору. В течение нескольких дней после ареста Ганди и Рабочий комитет были полностью отрезаны от внешнего мира. Им было запрещено получать письма и газеты, не разрешили свиданий, и народ даже не знал, где именно содержатся в заключении эти руководители Конгресса. Затем было сделано некоторое послабление: разрешили получать газеты и четыре письма в неделю от членов

семьи, а также направлять им два письма, и те и другие исключительно по личным вопросам. Уступка, касающаяся писем, вначале была бесполезна для Джавахарлала, так как его дочь и сестра Виджаялакшми находились в тюрьме в Соединенных провинциях и тамошние власти, в течение месяцев действовавшие вразнобой с центральным правительством, отказывались передавать прошедшие цензуру письма Джавахарлала и пересылать ему корреспонденцию, которую он имел право получать³⁶. Позже заключенным разрешили получать книги, но из опасения, что таким путем к ним могут поступить, помимо цензуры, какие-нибудь сведения, тюремная администрация проверяла книги в поисках тайнописи³⁷. После более чем двухлетнего пребывания Джавахарлала и его коллег в тюрьме в октябре 1944 года правительство Индии собирались разрешить свидания, но узники Ахмаднагара наотрез отказались от них. После долгих месяцев изоляции свидание на несколько минут ничего не давало, к тому же здесь еще была задета гордость.

«Я не желаю, чтобы со мной обращались как с диким зверем в клетке, иногда давая мне свободу передвигаться на пространстве в несколько футов, если я себя хорошо веду. Я не люблю быть игрушкой в чужих руках, не люблю, когда моими поступками и чувствами распоряжаются другие. Когда силой мне мешают поступать по своему желанию, я вынужден подчиниться, но предпочитаю сохранить свободу мыслей и действий, которая у меня осталась. Если сочли правильным и допустимым лишить нас возможности видеть тех, кто нам дорог, в течение этих двух с четвертью лет, что ж, хорошо. В любом случае я волей-неволей вынужден был привыкнуть к этому. Но я не вижу причины приспособляться ко всем выходкам тех, кто держит нас в тюрьме, или привыкать к новым порядкам»³⁸.

Таким образом, они не встречались ни с кем, кроме служащих тюрьмы. «На днях, читая некоторые старые письма Чарльза Лэма... я наткнулся на пару строк. Мы все еще можем видеть

«весь год солнце, луну и звезду,
мужчину и женщину», — пишет он.

Да, подумал я, мы все еще можем видеть солнце, луну и звезды, а вчера был *шарад пурнима*. Рано на рассвете, когда просыпаюсь, я вижу Юпитер, который заглядывает ко мне из-за крыши какого-то строения. Еще темно, но это сигнал, что пора вставать. Вечером появляется Венера — вечерняя звезда. Ночное небо постепенно меняется и приобретает свой зимний вид. Все это мы можем видеть, и зрелище это никогда не теряет своей новизны. Но круг

мужчин, которых мы видим, весьма ограничен, и, боюсь, в нас остается все меньше нового друг для друга. А женщины? Я внезапно осознал странное и удивительное обстоятельство: почти 26 месяцев, а точнее, 785 дней, я не видел женщин даже издалека. Прежде так не бывало — даже в тюрьме мы время от времени получали свидания. И я начал раздумывать, какие они, женщины? Как они разговаривают, сидят, ходят?»³⁹

Было почти нечего делать и нечего ожидать. Записи в дневнике Джавахарлала избобилуют тривиальными мелочами:

«11 января 1943 года	Чувствовал себя больным.
30 января 1943 года	Посеял в ящике семена гвоздики.
12 апреля 1943 года	Новые парусиновые туфли.
13 апреля 1943 года	Дождь... дождь.. нескончаемый дождь, муссон.
5 мая 1944 года	Кошачья трагедия — беднягу Чандо случайно ударил по голове повар. Сотрясение мозга. Кот — между жизнью и смертью.
14 мая 1944 года	Кот Чандо умер в больнице.
20 июня 1944 года	Новые парусиновые туфли».

Вынужденные тесно общаться, руководители Конгресса, не имевшие ничего общего, кроме преданности своему делу и признания руководства Ганди, часто доходили до ссор, и ко времени освобождения некоторые едва разговаривали друг с другом. Такая длительная изоляция, нередко сопровождаемая сообщениями о смерти дорогих и близких людей — Ранджита Пандита, жены Азада, — усугубляла обычные тяготы тюремного заключения. Для того чтобы смягчить трения и избежать нервного напряжения, Джавахарлал организовал упорядоченный быт. У каждого были свои обязанности, которые еженедельно менялись. Сам он делал больше, чем ему полагалось: наблюдал за приготовлением пищи, готовил салаты, ухаживал за больными, устраивал спортивные игры — волейбол и бадминтон, — руководил работами в саду. Этой последней обязанности он уделял наибольшее внимание и время, в особенности в первые месяцы заключения. Она давала ему некоторое психологическое удовлетворение, занимая руки и тело, в то время как его мозг по необходимости бездействовал. «Еще до того, как все вставали, он был уже в саду — сеял, копал, сажал и подрезал кустарник, поливал, выпалывал сорняки. В шляпе на солнцепеке или в плаще под проливным дождем, он был здесь и там и повсюду»⁴⁰. К концу тюремного срока Патель собрал

семена цветов, и Джавахарлал рассортировал их и вручил коробку с пакетиками семян каждому из заключенных.

Из тех, кто находился с ним в заключении в Ахмаднагаре, Джавахарлал более всего сблизился с Азадом, Асаф Али, Сайедом Махмудом и Нарендрой Девой, но даже от них он держался на расстоянии. С Махмудом он некоторое время находился в одной камере и ухаживал за ним, когда тот болел. Джавахарлал, как и все остальные, был поражен, когда Махмуд добился освобождения, написав вице-королю, что отказывается от поддержки резолюции Конгресса. Это заставило Джавахарлала еще больше замкнуться в себе, но с внутренним одиночеством пришло спокойствие. Нудная рутина тюремной жизни потеряла всякое значение, лишения, хотя и ощущались, рассматривались как нечто несущественное. Когда было разрешено получать книги и журналы, у него появился новый источник душевного спокойствия, и 13 апреля 1944 года он возобновил работу над книгой, которую начал писать в 1941 году в тюрьме Дехрадун. Менее чем через пять месяцев, 7 сентября 1944 года, рукопись «Открытия Индии» объемом более тысячи написанных от руки страниц была закончена.

Это беспорядочно написанная книга, носящая следы торопливости и внутреннего напряжения. В ней много повторов, много длинных цитат, и, может быть, если бы Джавахарлал имел время отредактировать ее до выхода в свет, она была бы почти вдвое короче. В книге несколько автобиографических глав, написанных главным образом в 1941 году. Рассказ о смерти Камалы трогателен и передает глубокое, хоть и приглушенное чувство потери, но в целом этот раздел не поднимается до уровня «Автобиографии», хотя бы потому, что он более безличен и в малой мере обладает тем мастерством выражения, которое присуще более ранней книге. Главы, посвященные войне, представляют собой едкую характеристику английского правления в Индии. Резкую критику не назовешь несправедливой, но она совершенно не соответствует духовному складу Джавахарлала. Однако, как он сам признавал, он не мог, по крайней мере в то время, отрешенно писать о британском империализме и был преисполнен отвращения к Англии.

«Время от времени я следил за ходом своих мыслей и изучал свою почти невольную реакцию на события. В прошлом меня никогда не оставляло желание совершить поездку в Англию, так как у меня там много друзей, и воспоминания о давно прошедших днях влекли меня туда. Но теперь я обнаружил, что у меня нет такого желания, и мысль о поездке вызывала у меня отвращение. Хотелось держаться как можно дальше от Англии, и не было

никакого желания обсуждать проблемы Индии с англичанами. Затем я вспомнил о некоторых друзьях, немного смягчился и подумал о том, что так нельзя судить о народе в целом. Я подумал также об ужасных испытаниях, которые пришлось пережить английскому народу в этой войне, о постоянном напряжении, в котором он жил, о гибели столь многих. Все это смягчило мои чувства, но настроение в основном оставалось прежним»⁴¹.

Однако основной стержень книги — это пространный обзор индийской культуры до прихода англичан. Поражает контраст со «Взглядом на всемирную историю». Социально-экономические перемены, деятельность великих людей, марксистский анализ классовой борьбы больше не представляли для Джавахарлала первостепенного интереса. «Я стал более склонен к размышлениям. Появилась, пожалуй, несколько большая уравновешенность, некоторое чувство отрешенности и большее душевное спокойствие»⁴². Он не отошел целиком от марксизма, но теперь в его мировоззрении важное место заняла *веданта*, ее идеалы и этические ценности. Особенно Джавахарлала увлекала культура Индии. Он был очарован преемственностью ее традиций, ее живучестью и жизнестойкостью. Ему казалось, что, начиная с Мохенджо-даро, существует неразрывная цепь событий, разорвать которую не смогли превратности политических судеб. И в результате сложился индийский характер, мягкий и добрый, появилось желание и умение жить и давать жить другим, способность каждый раз воспринимать влияние все новых инородных элементов, чтобы создавать новый синтез, цельность и стойкость, осмыслить которые можно, лишь поняв всю «глубину души Индии». Так в духе паразитически узкой националистической традиции он представил версию истории индийской культуры, взятую из вторых рук, с вкраплениями отдельных свидетельств европейских наблюдателей. Не только торпливость и обстановка, в которой создавалась книга, привели к неуклюжести стиля и неясности мысли, но и сама ее тема. В частности, идеи Джавахарлала по вопросу рас были просто лишены смысла⁴³:

«Мы являемся древней расой, вернее, причудливой смесью многих рас, и наша расовая память уходит к истокам истории»⁴⁴ — это одна из многих бессмысленных фраз, которых Джавахарлал сам впоследствии стыдился бы.

И тем не менее, если книге и не хватает анализа, изящества стиля и ясности мысли, она имела определенную цель. Автор стремился запечатлеть эмоциональный аспект индийского национализма и подчеркнуть необходимость пробудить к жизни индийский народ. Раскрытие прошлого Индии мыслилось как урок

на будущее. Преемственность ее традиций можно было объяснить только тем, что, хотя форма часто оставалась прежней, внутреннее содержание постоянно менялось. Однако такие социальные формы, как касты, имели пределы своего распространения, и в результате возникла усиливающаяся, удушающая атмосфера. Социальный консерватизм и нищета усугублялись иноземным правлением и представляли собой главные характерные черты Индии тех лет, когда писалась книга. Но если бы Индия стала свободной и при этом осталась верна себе, не было бы причин отчаиваться. «Открытие Индии» — книга, написанная в мрачные для индийского национализма годы, представляла собой не убедительный научный аргумент, а вдохновляющий призыв.

Хотя руководители Конгресса благодаря утечке информации из официальных источников¹ знали, что правительство собирается арестовать их сразу же после того, как в Бомбее будет принята резолюция, они ничего не предприняли, чтобы обеспечить продолжение деятельности Конгресса после того, как их уберут со сцены. Ганди предварительно думал о проведении однодневной всеобщей забастовки, при этом имелось в виду, что любой подобный *хартал* не затронет государственных учреждений и предприятий, чтобы не ослаблять военных усилий². Однако никакого решения принято не было. Создавалось впечатление, что Рабочий комитет хочет укрыться в тюрьме, чтобы избежать необходимости принимать решения в период, ответственный для всего мира. Лишенные руководства и организующего влияния сторонники Конгресса подняли мятеж в разных концах страны. События 1942 года показали всю глубину устремлений народа. Коммуникации, в особенности в Соединенных провинциях и в Бихаре, были нарушены, и это серьезно препятствовало военным усилиям. Правительство Индии нанесло сильный ответный удар, чтобы подавить сопротивление. В августе и в сентябре на это были брошены пятьдесят семь с половиной батальонов, и количество убитых в Бихаре и на востоке Соединенных провинций превзошло даже число жертв в Пенджабе в 1919 году³. В других частях страны тоже были случаи зверств со стороны полиции и солдат. Правительство вновь ввело в действие закон о порке, и 5 тыс. человек было брошено в тюрьмы без суда. Даже с теми, кто только подозревался в симпатиях к Конгрессу, расправлялись без всякой жалости. Выступления рассматривались как самая серьезная угроза английскому правлению после восстания 1858 года и подавлялись с такой же беспощадностью. Правительство пыталось возложить ответственность за эти беспорядки на Конгресс, и в частности на Ганди, и соответствующие материалы широко публиковались в печати. Однако в действительности ничего такого доказать оно не смогло. Хэллет считал, что существовал заранее составленный план, исходящий из центра, и что были даны устные инструкции;

органы разведки якобы просто оказались не в состоянии обнаружить этот план кампании, задуманный Конгрессом⁴. Но на самом деле ничего не было найдено, потому что нечего было находить. В частном порядке Линлитгоу сам признал это.

«Мое личное мнение состоит в том, что в этой стране есть вещи, которые для нее являются очень важными. Речь идет о том, должны ли мы показать Индии и всему миру, что за мятеж несет ответственность Конгресс. Доказательства становятся все более убедительными, хотя верно, что мы еще не установили связи между кампанией насильственных действий и Рабочим комитетом, хотя это нам почти удалось в отношении Пателя. Я совершенно убежден, что внешнему миру неизвестны факты и что нам необходимо предпринять шаги, чтобы представить самый убедительный обвинительный акт, какой нам только удастся составить...»⁵

Ни отсутствие доказательств, ни заявления Ганди и Азада⁶, отрицавших обвинения, не могли положить конец грязной кампании клеветы, которую вело правительство.

К октябрю 1943 года власти подавили народные волнения. Ганди был освобожден следующим летом по состоянию здоровья, но Джавахарлал и другие члены Рабочего комитета оставались в заключении до окончания войны, как предложил Эмери накануне их ареста⁷. А пока что англичане укрепили свое положение в Индии. Эмери мыслил расистскими категориями, которые сделали бы честь Геббельсу и Розенбергу.

«Если предположить, что Индия сможет в будущем стать самостоятельной без непосредственного контроля, осуществляемого Англией извне, я не уверен, что ей не потребуется во все большей степени вливание более сильной нордической крови путем переселений, смешанных браков или каким-либо иным путем. Возможно, мы совершили серьезную ошибку, не поощряя индийских князей жениться на англичанках в течение ряда поколений, и не вывели таким образом более мужественный тип туземного правителя. Быть может, все это со временем еще произойдет»⁸.

Это было слишком даже для Линлитгоу, который предпочитал добиваться продолжения британского господства еще на много лет путем усиления Мусульманской лиги. Попытки внутри самой этой партии ослабить руководящую роль Джинны по-прежнему не поощрялись. В 1941 году вице-король предложил губернатору Пенджаба отговорить Сикандара Хайат-хана от выхода из Лиги и отверг совет Зафрулла-хана расколоть Лигу, назначив в Исполнительный совет мусульман, неугодных Джинне⁹, а при такой поддержке и при отсутствии на его пути с 1942 года Конгресса Джинна сумел укрепить свое положение в Лиге и влияние Лиги

в мусульманских массах. Ему также помогли Раджагопалачарья, агитировавший за соглашение между Конгрессом и Лигой, и Ганди, который после своего освобождения официально признал Джинну и вел с ним переговоры на равных. Их переговоры ни к чему не привели, но увеличили престиж Джинны.

Большее беспокойство, чем близорукость этих руководителей Конгресса, вызывала позиция коммунистической партии. Начиная с 1941 года она, вопреки подъему националистического движения, поддерживала военные усилия, а теперь была готова согласиться на создание Пакистана. В отличие от того истолкования, которое давал растущему влиянию Лиги Джавахарлал, считавший его следствием отсталости мусульманских масс, идущих на поводу у феодального руководства, коммунисты рассматривали религиозно-общинную проблему как проявление многонационального сознания. Они полагали, что по своей сути это прежде всего свидетельство пробуждения многочисленных национальностей Индии «в ходе продолжающегося буржуазного развития», и узрели демократическое зерно в требовании создать Пакистан¹⁰.

В связи с этим Джавахарлал и его товарищи по заключению после освобождения из тюрьмы в июне 1945 года были настроены весьма мрачно. Индия почти три года жила фактически в условиях военного положения. Коллаборационисты, лоялисты, сторонники религиозно-общинных и левых взглядов переживали период расцвета в ущерб националистическому движению. Сильный голод в Бенгалии рассматривался как второстепенный вопрос. Уэйвелл, сменивший в октябре 1943 года Линлитгоу на посту вице-короля, сам отмечал, что отношение английского правительства к Индии характеризуется «пренебрежением, враждебностью и презрением в такой мере, какой я даже не ожидал»¹¹. Командующий английскими войсками в Юго-Восточной Азии лорд Маунтбэттен выделил 10% находившихся в его распоряжении судов для доставки зерна в Индию, однако Черчилль, рассматривавший, по-видимому, помощь голодающим как «умиротворение» Конгресса, наложил вето на решение Маунтбэттена и снизил объем перевозок на 10%. Маунтбэттен по собственной воле все же использовал 10% сокращенного объема для доставки пищевых продуктов¹². Коррупция и «черный рынок» разоряли страну. Все это приводило Джавахарлала в ярость, и его речи по выходе из тюрьмы отражали это его состояние. На его взгляд, Индию можно было сравнить с европейскими странами, освобожденными от ига нацизма, когда силы Сопротивления вышли из подполья¹³. Хотя волнения 1942 года не были организованы Конгрессом, Джавахарлал был рад, что народ безвольно не подчинился репрессиям и по собст-

ненной инициативе нанес ответный удар. Он требовал суровых мер против спекулянтов и открытых судов над теми, кто был виновен в жестоком обращении с населением¹⁴. Обвинение в коррупции и взяточничестве, выдвинутое им в октябре 1945 года против членов Исполнительного совета, побудило правительство Индии рассмотреть вопрос о его судебном преследовании, и лишь осторожность их советника по юридическим вопросам остановила англичан¹⁵. Это произошло после того, как Эттли вступил на пост премьер-министра, но Джавахарлала не удивило бы, если бы правительство Индии не обратило никакого внимания на объявленные лейбористской партией цели английской политики в Индии. В 1942 году войну против Конгресса одобрял почти весь английский народ, и Джавахарлал не видел никакой разницы между правительствами Черчилля и его преемника.

«В наши дни руководители английской лейбористской партии — эта своеобразная группа, не имеющая ни установившихся норм, ни принципов, ни больших познаний о внешнем мире, — являются обычно самыми упорными защитниками существующего порядка в Индии. Иногда их охватывает какое-то неясное чувство беспокойства при мысли о проявляющемся противоречии между внутренней и колониальной политикой Англии, между их заявлениями и действиями, но, считая себя прежде всего практичными людьми со здравым смыслом, они решительно подавляют все, что таким образом тревожит их совесть»¹⁶.

В особенности он не мог простить Криппса, и его поздравительная телеграмма, посланная Джавахарлалу после его освобождения, осталась без ответа.

Ганди в этот момент обдумывал новую кампанию гражданского неповиновения¹⁷. Однако Рабочий комитет решил, что его представителям следует принять участие в конференции, которую Уэйвелл созвал в Симле для рассмотрения вопроса о переходном правительстве. Джавахарлал не был в числе приглашенных, но часть времени находился в Симле, в городе, который ненавидел за царившую там атмосферу бюрократической официальности. Ниже следует пронизательное описание его пребывания в резиденции вице-короля.

«Я чувствовал, что его гложет какая-то тоска. Он показался мне человеком с ищущей душой, готовым с радостью двинуться по пути, подсказанному совестью, а теперь судьба или, может быть, наше недружелюбие заставили его встать в оппозицию, и наша ссора должна еще больше усугубить положение. Он ни на минуту не переставал быть настороже»¹⁸.

Исход конференции подтвердил подозрения Джавахарлала от-

носителю намерений англичан, ибо Уэйвелл выступил с безоговорочной поддержкой Мусульманской лиги. Конгресс, хотя ему и не нравился предложенный вице-королем паритет между «кастовыми индусами», с одной стороны, и мусульманами — с другой, принял его в качестве временной формулы для образования переходного правительства в центре. Конгресс предложил список из 15 имен, как конгрессистов, так и нечленов Конгресса, включавший также трех членов Лиги. Из этого списка вице-король имел возможность выбрать будущих членов Исполнительного совета. Но Конгресс не мог ожидать от Уэйвелла честной игры, ибо тот никогда не скрывал своего пристрастного отношения к Лиге. По словам А. В. Александера, Уэйвелл позже говорил ему, что «сознательно не считал себя сторонником Лиги, но я понял, что, будучи главнокомандующим в Индии в 1942 году, он обязан был помнить, что, хотя Мусульманская лига активно не выступала в его поддержку на политической арене, она, в отличие от Конгресса, не занималась организацией саботажа и уничтожением коммуникаций, когда он прилагал усилия, чтобы не допустить японцев в Индию. Конгресс фактически действовал как наш враг»¹⁹. Поэтому, когда в 1945 году ближайшие перспективы Лиги не были многообещающими и она не смогла возглавить правительство ни в одной из провинций с мусульманским большинством — ни в Пенджабе, ни в Северо-западной пограничной провинции, ни в Синде, ни в Бенгалии, ни в Ассаме, — Уэйвелл совершил первый из своих многочисленных актов, говоривших о его пристрастном отношении к Лиге, и помог ей. Он не только признал паритет между «кастовыми индусами» и мусульманами и между Конгрессом и Лигой, но и, отступив от слова, данного им Ганди²⁰, согласился не назначать в совет мусульман, являющихся членами Конгресса. Он предложил Джинне, чтобы из пяти мусульман, которые будут назначены в совет, четверо представляли Лигу и один — Юнионистскую партию Пенджаба²¹. Это был очевидный отказ рассматривать Конгресс как светскую, а не как чисто индусскую организацию и признание утверждения Джинны, что Конгресс такая же религиозно-общинная партия, как Лига. Но Уэйвелл не хотел предавать интересы лояльных мусульман, не входивших в Лигу, в особенности тех, кто оказал такую большую помощь в вербовке солдат в Пенджабе.

Это, однако, оказалось неприемлемым для Джинны, который настаивал, чтобы все мусульмане, входившие в состав совета, были членами Лиги и чтобы в таком совете они имели право вето в отношении всех важных решений. Подобные требования не мог принять даже Уэйвелл, и, если бы захотел, он имел возможность

на этом этапе поставить Лигу на место и сделать ее послушной. Джинна понимал это. «Я исчерпал свои возможности,— сказал он вице-королю²²,— прошу Вас, не уничтожайте Лигу». Уэйвелл вместо того, чтобы восстановить равновесие в индийской политике, предоставил Джинне возможность в полной мере пожать плоды своего упрямства, сразу же отказавшись от собственных предложений и распустив конференцию. Предложение Конгресса войти в состав Исполнительного совета, с тем чтобы Лига могла присоединиться к нему позже²³, было оставлено без внимания. Трудно было яснее показать, что первостепенное значение имеют именно требования Джинны.

Лига извлекла максимальную пользу из такого положения вещей на выборах в центральное и провинциальные законодательные собрания, состоявшихся в конце года. Конгресс был плохо подготовлен к этим выборам. Его популярность в массах была больше, чем когда бы то ни было, но партийный аппарат давал сбои, многие его сторонники среди избирателей, а право голоса имели немногие — около 30% взрослого населения, не были зарегистрированы, руководящие деятели всех уровней устали, утратили энтузиазм и тянули в разные стороны. Джавахарлал принял небольшое участие в избирательной кампании, но оно не имело ничего общего с теми усилиями, которые он приложил в ходе выборов за десять лет до этого. Его действия являли полный контраст той энергии и активности, которые он проявил в кампании 1936—1937 годов. По сути дела, выборы 1945 года были в каком-то смысле далеки от реальной обстановки в стране, так как не могли отразить чувство безнадежности и сильное недовольство правительством, которое испытывал народ. С другой стороны, Лига улучшила свое положение в результате упорной работы по образованию отдельных курий в годы, когда Конгресс находился вне закона, а также неверной тактики Раджагопалачарьи и Ганди, пристрастных действий Линлитгоу и Уэйвелла и поддержки коммунистической партии. Последнее обстоятельство особенно огорчало Джавахарлала.

«Вы должны понять, что мне больно видеть, какая пропасть образовалась между Конгрессом и коммунистами в Индии. Сегодня эта пропасть глубока и широка и поддерживается противоборством страстей, которое тянется уже три года. Это не имеет никакого отношения к коммунизму и социализму, в пользу которых существуют довольно широко распространенные, хотя и несколько неопределенные настроения. Еще меньшее отношение она имеет к России, которая вызывает большое восхищение, хотя отчасти приглушаемое во многих кругах некоторыми страхами в

отношении настоящей и будущей ее политики. Пропасть возникла из-за внутренней политики в Индии и из-за того, что коммунисты недоброжелательно отзывались о популярных индийских руководителях. И это было в период острого конфликта между национализмом и империализмом. Коммунисты выглядели в глазах народа как люди, действовавшие на стороне последнего. Каковы бы ни были их внутренние побуждения и причины, такую реакцию в народе легко понять. С точки зрения политической им особенно ставилось в вину и вызывало наибольшее недовольство их отношение к религиозно-общинной проблеме. Коммунисты полностью поддерживали требования Джинны (пусть нечеткие и расплывчатые) и во имя единства Конгресса и Лиги требовали полной капитуляции Конгресса перед Джинной. Я не сомневаюсь, что подобным отношением они только усугубили религиозно-общинную проблему. Коммунисты, блокируясь с Мусульманской лигой, кажутся более твердыми сторонниками Лиги, чем кто-либо другой. Все это вызвало сильное негодование. Надеюсь, что с изменившимися обстоятельствами постепенно смягчатся и эти разногласия»²⁴.

В провинциях, где превалировало мусульманское население, Лига не получила большинства голосов. Так, например, в Пенджабе за Лигу голосовало 46,56% избирателей, принявших участие в голосовании, в Синде — 45,75% и в Северо-западной пограничной провинции — 37,19%. Однако количество мест, полученных Лигой, намного превосходило число, полагавшееся ей по результатам голосования. За исключением Северо-западной пограничной провинции, где Конгресс располагал безусловным большинством в 30 мест, включая 19 мусульман, а Лига только 17, в остальных провинциях Лига получила все или большинство мест по мусульманской курии. При голосовании в центральное законодательное собрание Лига одержала верх во всех мусульманских избирательных округах, получив 86,6% голосов. Особенно поразительным был успех Лиги в таких провинциях, как Бомбей и Мадрас, которые до того времени были относительно мало затронуты религиозно-общинной рознью, но где теперь Лига захватила все отведенные мусульманам места. Но Лига потерпела неудачу в тактическом отношении — ни в одной из провинций с мусульманским большинством она не смогла создать правительства с безусловной поддержкой в законодательном собрании. В Ассаме, так же как и в Северо-западной пограничной провинции, к присяге было приведено конгрессистское правительство; в Пенджабе к власти пришла коалиция Конгресса, Юнионистской партии и *Акали*; в Бенгалии созданное Лигой правительство зависело от поддержки

европейцев, а в Синде большинство принадлежало Конгрессу и его сторонникам, и Лига сумела сформировать правительство только потому, что губернатор, не скрывая своего пристрастного отношения, предложил ей сделать это.

Однако у Лиги были основания торжествовать. Она продемонстрировала, что у нее немало сторонников, особенно в городах. Как бы нереален ни был план раздела Индии и расплывчата идея создания Пакистана, они нашли отклик у многих мусульман, принадлежавших к средним классам. Джавахарлал все еще держался взгляда, что Лига не обрела достаточной силы и являла собой создание престарелых английских губернаторов, принимавших желаемое за действительное. Когда придет время испытаний, считал он, все мусульмане устремятся назад в Конгресс. «Мы все пойдем вперед в одних рядах и вместе будем требовать независимости, Индия будет единой, и не останется никаких проблем»²⁵. Межобщинные проблемы нельзя решить, пока англичане остаются в Индии, но как только чужеземная власть и постороннее вмешательство будут устранены, обстоятельства потребуют согласия, ибо альтернативой является активная борьба. Но это был идеал, осуществлению которого не хотели помогать ни англичане, ни Мусульманская лига. Конгресс должен был учитывать успехи Лиги и на этой основе разработать свой план конституционного урегулирования. Больше не оставалось времени для «контактов с массами», и, если бы они даже были возможны, правительство Индии не позволило бы развернуть эту кампанию. Даже до выборов Уэйвелл никак не желал исключить возможность раздела Индии. Он просил Эттли в его предстоявшей радиопередаче 19 сентября 1945 года заменить фразу «Разработать конституцию, приемлемую для общин как большинства, так и меньшинства...» словами «Принять участие в урегулировании, приемлемом для общин как большинства, так и меньшинства...». Эттли отказался²⁶. Но результаты выборов в большой мере усилили аргументы в пользу потворствования Лиге. Поэтому, настаивая на уходе англичан и созыве Учредительного собрания для провозглашения независимости Индии, Конгресс, хоть и неохотно, признал право любой части страны отделиться, если такова будет ясно выраженная воля населения этой части и такое желание не явится результатом принуждения со стороны какой-либо его группы или общины. Джавахарлал надеялся, что, получив право на отделение, мусульмане не воспользуются им и оно просто поможет им избавиться от опасений за свое будущее²⁷. Почувствовав возможность обрести свободу, мусульманские массы, во всяком случае, поймут абсурдность идеи Пакистана. После того как анг-

лийские власти уйдут из Индии, нужно будет провести плебисцит, и мусульмане либо не пожелают отделяться, либо, если они это и захотят, быстро откажутся от своего намерения²⁸. Рассчитывать на такой исход, в особенности после выборов, было безнадежно. Возможно, что для самого Джинны Пакистан был лишь боевым лозунгом. Он не думал, что англичане когда-нибудь уйдут из Индии²⁹, и эксплуатировал требование о создании отдельного государства в качестве противовеса Конгрессу. Но его сторонники, рвавшиеся к власти и вдохновленные идеей собственного государства, уверовали, что могут получить его, если будут этого настойчиво добиваться, и не только не умерили своих требований, но, напротив, агитировали в пользу такого решения. Было невозможно образовать суверенный Пакистан, состоящий более чем из части Пенджаба и части Бенгалии, и даже такая возможность, по-видимому, исключалась соображениями обороны. Поэтому независимый Пакистан представлял собой фантазию, однако сама проблема, как неохотно признавал Джавахарлал, нуждалась не столько в логическом анализе, сколько в психологическом объяснении³⁰. К весне 1946 года в условиях, когда правительство Индии поддерживало Лигу, а Конгресс примирился с идеей раздела, все надежды на создание единой и независимой Индии стали казаться несбыточными.

Теперь, когда упор делался не на принципы, а на тактику, порядок и темпы развертывания борьбы, события начали развиваться быстро. Сам воздух, казалось, был пропитан ненавистью и страстями, переговоры являли собой продолжение гражданской войны иными средствами; убийства и бурные выступления стали теперь способами политического маневрирования. Таков был печальный финал националистического движения, гордившегося своими мирными методами борьбы, и, вероятно, был элемент эскапизма в том, что Джавахарлал в этот период сосредоточился на двух проблемах, лежавших вне руслу главных событий: проблеме Индийской национальной армии (ИНА) и на отношениях с соседними азиатскими странами.

Об истории ИНА рассказывалось много и подробно. Примерно 20 тыс. индийских офицеров и солдат, захваченных в плен японцами, откликнулись на призыв Субхаса Боса создать армию, чтобы сражаться рядом с японцами за освобождение Индии. Когда война закончилась, Субхас Бос погиб в авиационной катастрофе, и англичане намеревались судить захваченных ими солдат ИНА за государственную измену. Джавахарлал лично не сомневался, что поступок этих индийцев был результатом заблуждения. Свобода не может быть завоевана с помощью чужеземных госу-

дирств, и меньше всего, разумеется, с помощью Японии, печально прославившейся своей империалистической агрессией. Однако солдаты ИНА, с частью которых он встретился, показали ему цветом индийской армии; их, как он считал, вдохновляли самые благородные побуждения. Они поступили дурно, руководствуясь благими намерениями, и обвинение их англичанами в измене являлось абсурдом. Всегда можно найти доводы, чтобы не отдавать под суд солдат, сотрудничавших с противником³¹, подобные доводы особенно убедительны, если эти солдаты вербовались среди населения колонии, причем лучшие из них полагали, что им предоставляется возможность сражаться за национальное освобождение. Когда в приступе безрассудной злобы, которую можно объяснить только общей умственной деградацией, характерной для всякого имперского правительства в период его предсмертной агонии, правительство Индии решило устроить в Красном форте в Дели открытый суд над тремя офицерами ИНА, индийское общественное мнение было в такой степени возмущено, что это удивило даже Джавахарлала. Предполагавшийся процесс придал остроту извечному противостоянию Англии и Индии, и все крупные политические партии, в том числе Мусульманская лига, встали на сторону Национальной армии. Даже солдаты в индийской армии проявили большой интерес и сочувствие³². Как писал вскоре после событий генерал Тюкер, дело ИНА в самый свой острый момент «грозило обрушить все здание индийской армии»³³. Джавахарлал организовал фонд помощи военнослужащим ИНА и их семьям, побуждал известных в стране лиц, мужчин и женщин, обычно не интересовавшихся политикой, выражать свою озабоченность делом ИНА, учредил комитет защиты ИНА из юристов и сам, после более чем двадцатипятилетнего перерыва, снова надел адвокатскую мантию и выступил в суде.

Другим вопросом, всегда имевшим для Джавахарлала важное значение, причем интерес к нему не погасили годы, проведенные в тюрьме, и трагическая обстановка в его собственной стране, являлось положение в Азии. После поражения Японии исчезло давление на Китай, а в разгоревшейся там гражданской войне Джавахарлал, несмотря на старые дружеские связи, твердо придерживался нейтралитета. Более непосредственно его волновал вопрос, не смогут ли старые империалистические державы — Англия в Бирме и Малайе, Голландия — в Индонезии и Франция в Индокитае — восстановить свое прежнее господство. Эта проблема касалась всех, и Джавахарлал очень хотел, чтобы азиатские страны помогали друг другу. Он приветствовал идею созыва Азиатской конференции, выдвинутую Аунг Саном в Бирме³⁴, и пришел

в ярость, когда англичане использовали индийские войска для помощи французам и голландцам. Еще хуже повели себя Соединенные Штаты, которые, очевидно, в своих собственных целях поддерживали европейский империализм в Азии. Такая политика могла наверняка лишь привести к постоянным восстаниям миллионных масс, накал которых не смогла бы погасить даже атомная бомба, и — к третьей мировой войне³⁵.

Джавахарлал хотел сам побывать в Бирме, Малайе и Индонезии, чтобы встретиться с руководителями националистического движения в этих странах, составить план совместных действий и выяснить, в каких условиях живут осевшие там индийцы. В течение военных лет эти индийские общины были отрезаны от Индии, и теперь их многие руководящие деятели, связанные с Лигой независимости Индии и с ИНА, были брошены в тюрьмы. Индийский национальный конгресс хотел направить в эти страны своих представителей, чтобы получить информацию из первых рук, но английские власти отказали в разрешении на поездку. Власти в Бирме и на Яве не дали Джавахарлалу разрешения на въезд. Британская военная администрация проявила готовность пустить его в Малайю, но даже это разрешение было оговорено унижительными условиями. Джавахарлалу сообщили, что не будет возражений «против Вашего въезда в Малайю в том случае, если Ваш визит будет связан с оказанием помощи нуждающимся индийцам и не будет преследовать политические цели. Британская военная администрация ставит Вас в известность, что в Малайе создана официальная организация, имеющая целью оказание необходимой помощи представителям всех национальностей, и Вам предстоит координировать Ваши усилия в этой области с соответствующей деятельностью военной администрации. Просим также иметь в виду, что положение с транспортными средствами в Малайе в данный момент таково, что администрация лишена возможности предоставить Вам на период Вашего визита автомашину»³⁶. Как и следовало ожидать, Джавахарлал отказался от этой поездки, поскольку должен был действовать лишь в соответствии с пожеланиями военной администрации. Его главной целью было смягчить страдания и устранить чувство страха среди индийцев, живущих в Малайе, и он не был готов отказаться от своих намерений, если бы власти сочли их политическими³⁷. На этом этапе вмешался верховный главнокомандующий союзных войск лорд Маунтбэттен, ставка которого находилась в Сингапуре. Отменив предыдущую директиву, он договорился о всех необходимых условиях для визита Джавахарлала и выразил желание увидеться с ним в Сингапуре до начала поездки в Малайю³⁸. Джа-

Михарлал ответил согласием, но дал ясно понять, что программа его пребывания в Малайе будет организована пригласившими его индийцами. Он отказался пойти навстречу желанию правительства Индии о том, чтобы индийская община не встречала его в Сингапуре почетным караулом из бывших солдат ИНА; он лишь согласился просить не устраивать процессий и забастовок фабричных рабочих в период его пребывания в Малайе³⁹.

По прибытии в Сингапур Джавахарлал встретился с Маунтбэттен, который, проявив предвидение и в расчете на драматический эффект, организовал встречу Джавахарлала в аэропорту со всеми почестями, полагающимися будущему премьер-министру. Он принял Джавахарлала в правительственной резиденции и поехал вместе с ним в машине в столовую для индийских солдат, где Джавахарлал, к своему удивлению, неожиданно впервые встретился с леди Маунтбэттен.

«Мы приехали в столовую, и там я встретил леди Маунтбэттен. Мы прошли от входа или портика во внутреннее помещение, и тут вслед за нами ринулась толпа индийских солдат, очевидно хотевших увидеть меня. Когда мы оказались внутри, Эдвина Маунтбэттен куда-то исчезла. Помнится, я влез на стул, чтобы оглядеться. Вскоре леди Маунтбэттен выбралась из движущейся толпы. Ее, очевидно, сбили с ног ворвавшиеся солдаты. Наше первое знакомство оказалось, таким образом, весьма необычным»⁴⁰.

В Сингапуре солдаты ИНА на видном месте воздвигли небольшой мемориал своей армии. Английские власти его неоднократно сносили, и он неоднократно восстанавливался. Маунтбэттен очень не хотел, чтобы Джавахарлал побывал у этого мемориала, не только потому, что тем самым ИНА получила бы официальное признание, но также из опасения, что торжественная церемония, которая привлечет большое число людей, может вызвать известное недовольство среди китайского и остального населения. Утверждали, что Джавахарлал был в такой степени очарован Маунтбэттен во время их первой встречи, что вопреки своим принципам и убеждениям не стал возлагать венков к мемориалу⁴¹. В действительности же Джавахарлал не был согласен с Маунтбэттен, что китайцы будут недовольны любой данью уважения ИНА. Более того, он был приятно удивлен, узнав о существовании подпольных контактов между китайским сопротивлением и ИНА в военные годы, так как китайцы считали, что индийцы, подобно им самим, действовали во имя национального освобождения и что сотрудничество с японцами носило случайный характер⁴². Единственная уступка, которую Джавахарлал сделал Маунтбэттену,

состояла в том, что он уклонился от публичной церемонии: он побывал у мемориала, не объявляя об этом, и возложил у его подножия цветы⁴³, что немедленно стало известно местному населению.

Другая просьба Маунтбэттена состояла в том, что, когда Джавахарлал выступит перед военнослужащими ИНА — а их было около 3 тыс., — не должно создаваться впечатления, что это регулярная армейская часть, поэтому они не должны быть в форме и со знаками отличия. Кроме того, на встрече запрещалось присутствовать публике. Джавахарлал ответил, что с военной формой ничего не поделаешь, так как часто это единственная одежда, какую имеют военнослужащие. Что касается знаков отличия, их обычно не носят, но если наденут, никакими возражениями делу не помочь. Собрание, насколько это осуществимо, будет проводиться как неофициальное мероприятие, однако помешать посторонним присутствовать практически невозможно. На самом же деле почти все бывшие солдаты индийской армии репатриировались в Индию, поэтому присутствовали только вольнонаемные служащие ИНА, и проблема знаков отличия вообще не возникла, правда на встречу пришло значительное число посторонних.

В поездке по Малайе Джавахарлала сопровождали два старших офицера, прикомандированные к нему Маунтбэттенем. Джавахарлала не очень устраивало такое сопровождение, но он не желал оказаться невежливым, поэтому не отказался от этого эскорта. Он говорил местному индийскому населению, испытывавшему чувство привязанности к Индии и желавшему сохранить свое индийское подданство, что тем, кто решил постоянно жить в Малайе, следует принять малайское подданство и оставаться малайскими гражданами до тех пор, пока, как с оптимизмом верил Джавахарлал, не наступит время, когда Индия и все страны этой части Юго-Восточной Азии не будут иметь одно общее гражданство. Он считал, что его визит оказал благоприятное воздействие на настроения индийской общины, придав ей бодрости, улучшив ее организованность, теснее сблизив малайцев, индийцев и китайцев; он, кроме того, уменьшил возможность проведения какой-либо политической акции против индийцев и создал условия для улучшения их экономического положения в будущем.

Вернувшись в Индию после вынужденной остановки на ночь в Рангуне, где Джавахарлал встретился с Аунг Саном, он снова окупнулся в дискуссии о политическом будущем. Тактика «ни с места»⁴⁴, которой придерживалось английское правительство, его отказ договориться с Конгрессом о предоставлении Индии независимости в расчете на неуступчивость Джинны и тот факт, что

Лига в свою очередь оправдывала эту неуступчивость прочностью британского правления в Индии — все это взлетело на воздух в результате громовых раскатов, потрясших изнутри военную базу империализма. В начале 1946 года начался мятеж военнослужащих королевских ВВС на нескольких базах в Индии. Они отказались выполнять приказы из-за недовольства темпами демобилизации и денежным содержанием. За этим последовали голодовки некоторых служащих королевских индийских ВВС. Еще более серьезным событием стало восстание военных моряков в Бомбее. 19 февраля 1946 года около 3 тыс. моряков королевского индийского военно-морского флота подняли индийские национальные флаги на мачтах своих кораблей и затем промаршировали по улицам Бомбея. После этого многие промышленные рабочие объявили забастовку солидарности. Между английскими войсками и восставшими произошла перестрелка и возникли беспорядки, подобных которым, согласно официальному донесению, не знала история Бомбея⁴⁵. В то время как коммунисты и конгресс-социалисты призывали восставших продолжать сопротивление, Патель и «старая гвардия» конгрессистов в Бомбее, действуя заодно с английскими властями, пытались убедить моряков сложить оружие. Джавахарлал приехал в Бомбей. Существовало мнение, что его приезд не обрадовал Пателя, однако правительство отменило запрет на собрания, чтобы дать Пателю и Джавахарлалу возможность выступить с осуждением этой вспышки насилия. Оба руководителя убеждали моряков прекратить мятеж потому, что они не могли надеяться на победу, и в течение недели восстание закончилось⁴⁶.

Как ни кратковременны были мятежи 1946 года, они наконец убедили английское правительство, что весна империи прошла безвозвратно. *Сатьяграха*, возможно, тревожила совесть англичан, лейбористское правительство, может быть из моральных побуждений, считало, что Англия должна уйти из Индии, но именно события начала 1946 года, не носившие политического характера, ясно показали, что конец британского правления близок. Именно необратимость потери имперской власти лежала в основе решения правительства Эттли направить в Индию специальную миссию из трех министров — членов кабинета, чтобы договориться о конституции. Насколько тесно решение о направлении миссии было связано с вопросом о военной мощи и обороне, свидетельствует тот факт, что на встрече премьер-министра с членами этой миссии накануне ее отъезда в Индию было решено поставить в качестве условия предоставления независимости Индии не только ее усилия по обороне собственной страны, но и помощь в обороне «всего района Юго-Восточной Азии»⁴⁷.

МИССИЯ АНГЛИЙСКОГО КАБИНЕТА

24 марта миссия английского кабинета прибыла в Дели. Состав ее был не очень удачен. Криппс, безусловно, наиболее квалифицированный из троих, длительное время занимался индийской проблемой и вопросом будущего Индии, в то время как Петик-Лоуренс, далеко не молодой человек, являл собой, даже по словам Уэйвелла, «нечто вроде святого»¹, отношение которого к Индии было прежде всего сентиментальным. Но третий член миссии — А. В. Александер — оказался в затруднительном положении. Он мыслил империалистическими категориями, решительно отвергал возможность потери Индии и испытывал постоянное раздражение от того, что, как он считал, Криппс его игнорирует, а индийская общественность не принимает всерьез². Вследствие всего этого он держался в оппозиции по отношению к обоим своим коллегам и обычно поддерживал вице-короля Уэйвелла, чье отрицательное отношение к Конгрессу стало еще более явным после конференции в Симле. Вице-король ожидал, что Конгресс начнет еще одну массовую кампанию, и готовился жестоко подавить ее. Он не любил Ганди и не верил ему, ибо был не в состоянии понять его. Вопреки всему Джавахарлал ему нравился, но он не мог найти с ним взаимопонимания.

Вначале миссия обнаружила, что руководители Мусульманской лиги, настаивая на создании Пакистана, не имели ясного представления, что это означает на практике. М. А. Испагани и раджа Махмудабада, первыми встретившиеся с миссией, не выдержали перекрестного допроса, который им устроил Криппс, и не смогли объяснить, как они сумеют справиться без центрального правительства хотя бы с таким небольшим кругом вопросов, как внешняя политика, оборона, связь и таможенные проблемы. Двумя днями позже сам Джинна не сумел дать точного ответа на вопрос, что он понимает под Пакистаном³, а его сторонники в Бомбее, Соединенных провинциях, Центральных провинциях и Мадрасе, где мусульмане составляли меньшинство, могли сказать в пользу Пакистана только то, что, если он будет создан, к ним будут

лучше относиться в Индии из боязни ответных репрессий против индусского меньшинства в Пакистане⁴. Поэтому на миссию не производили впечатления постоянные публичные заявления Джинны, что в вопросе о суверенном Пакистане невозможен никакой компромисс. Миссия выдвинула встречное предложение: либо суверенный Пакистан с сокращенной территорией, либо суверенная федерация шести провинций в составе Индийского союза. И даже Александер, положительно относившийся к точке зрения Лиги, заметил, что реакция Джинны была уклончивой.

«Я никогда не встречал человека с подобным складом ума, способного изворачиваться и выкручиваться, чтобы максимально возможно избежать прямых ответов. Я пришел к выводу, что он ведет игру, где на карту поставлены жизнь и смерть миллионов людей, главным образом ради победы на переговорах по юридическим вопросам, сначала выдвигая большие требования, а потом настаивая, что не станет предлагать ничего иного, а будет ждать, пока другая сторона не скажет, в какой мере она готова пойти на встречу его требованиям»⁵.

Однако если Джинна и его последователи не имели четкой точки зрения, то руководители Конгресса избегали смотреть в лицо фактам. Миссия пригласила Ганди приехать из Пуны и встретиться с ней и попросила Конгресс прислать на встречу своих представителей. Азад, в качестве председателя, предложил лично встретиться с миссией и в случае необходимости созвать заседание Рабочего комитета. Это привело в замешательство Пателя, который считал, что Ганди не в курсе политики Конгресса, а Азаду нельзя доверить изложение позиции Конгресса. Поэтому все надежды возлагались на Джавахарлала, только что вернувшегося из Малайи. «Боюсь, что дело кончится плохо, если Вы не найдете способа своевременно встретиться хотя бы с Криппсом и представить все в должном свете»⁶.

Сам Джавахарлал ясно видел конечную цель. Основой переговоров с миссией кабинета должна быть независимость Индии. Эти переговоры не являлись продолжением обсуждений с Криппсом в апреле 1942 года, и Конгресс также не намеревался согласиться на статус доминиона с правом на последующий выход из империи. Вопрос о деталях взаимоотношений между Индией и Англией можно было пока отложить на будущее, но должно было быть совершенно ясно, что все проблемы могут обсуждаться только на основе немедленного предоставления независимости. По существу, правительство Англии должно принять какой-либо закон об отречении от власти. Окончательно вопрос о конституции надлежит решить Учредительному собранию, состоящему из делегатов,

избранных провинциальными законодательными собраниями на основе пропорционального представительства. Если какая-нибудь из провинций откажется участвовать или избирать делегатов, ей пока можно предоставить такую возможность: не должно быть никакого принуждения. Учредительное собрание должно составить проект общеиндийской конституции, но такие вопросы, как создание Пакистана, следует решать либо путем договоренности заинтересованных сторон, либо путем плебисцита по точно сформулированной проблеме с участием всего населения соответствующей территории. «Нужно заявить совершенно ясно, что вопрос о Пакистане (что бы ни входило в это понятие) не будет решаться просто большинством голосов в Учредительном собрании». Но все сейчас решает время, и не должно быть никаких проволочек в союзе Учредительного собрания и формировании временного центрального правительства на правах кабинета министров, действующего свободно, без всяких препятствий со стороны вице-короля или министерства по делам Индии. Конгресс не должен дать себя втянуть в долгие дискуссии, касающиеся отдельных деталей⁷.

Когда Ганди встретился с членами миссии, он, чтобы удостовериться в искренности их намерений, потребовал освобождения всех политических заключенных и немедленной отмены налога на соль; он также предложил пригласить Джинну участвовать во временном правительстве⁸. Эти предложения, не имевшие непосредственного отношения к рассматривавшимся проблемам, были вполне в духе Ганди; более удивительным оказалось другое: Раджагопалачарья потребовал, чтобы миссия настаивала на принятии демократических конституций индийскими княжествами, и посоветовал правительству Англии не навязывать вопросы урегулирования индийским партиям, а передать решение о создании Пакистана Постоянной палате третейского суда, в которой был бы представлен и Советский Союз⁹. Ни Ганди, ни Раджагопалачарья не претендовали на то, что представляют Конгресс. Но даже Азад в своих переговорах с миссией делал упор не на разработке конституции, а на передаче реальной власти переходному правительству¹⁰.

Отказ Конгресса обсуждать какие-либо долговременные планы был, вероятно, преднамеренным. Раджагопалачарья высказал мнение, что сразу же после выборов было бы разумно передать инициативу провинциям. В каждом из одиннадцати провинциальных законодательных собраний должна быть внесена резолюция, гласящая, что данная провинция желает войти в состав Индийской федерации на определенных условиях и при минимальном

количестве функций у федерального правительства. Положительное решение Северо-западной пограничной провинции и Ассамы подорвало бы позиции Лиги, а если выразит согласие также и Бенгалия, то битва будет выиграна¹¹. Джавахарлал придерживался того же мнения. Он сказал Криппсу, что и Учредительное собрание, и временное центральное правительство должны быть сформированы в соответствии с предложениями избранных провинциальных правительств¹². Он дал указание конгрессистским премьер-министрам собраться и назначить небольшую комиссию экспертов по конституционным вопросам для разработки общих принципов постоянной конституции. Эта же или другая комиссия должна заняться общей проблемой пересмотра границ провинций. Путем отделения от Пенджаба областей, где большинство населения составляют индусы и сикхи, а от Бенгалии — Бурдвана и районов, входящих в президентство, должны быть созданы четыре провинции — Северо-западная пограничная провинция, Западный Пенджаб, Синд и Восточная Бенгалия, где мусульмане будут составлять безусловное большинство. Это может в значительной мере умиротворить мусульман¹³.

Поскольку обе ведущие партии проявили неспособность или нежелание внести конструктивные предложения относительно будущего Индии, миссия английского кабинета выдвинула собственные предложения. План Криппса предложить мусульманам — членам законодательных собраний Синда, Северо-Западной пограничной провинции, Пенджаба и Бенгалии провести голосование по вопросу об отделении был отвергнут и Джинной и Джавахарлалом. Однако 26 апреля Джинна заявил, что предпочитает трехступенчатый федеральный союз суверенному Пакистану с урезанной территорией¹⁴, а Азад неоднократно намекал, что некоторые провинции могут объединиться по ряду вопросов, если не будет нарушена обязательная связь с центром¹⁵. Это побудило миссию предложить свой план, имевший в виду создание союзного правительства, в ведении которого будут находиться внешние сношения, оборона и связь, и двух групп провинций — одну по преимуществу индусскую, а вторую — мусульманскую, в юрисдикцию которых войдут те вопросы, какие они сочтут общими для всех них. Третий пункт плана предполагал передачу провинциям всех остальных полномочий¹⁶. Для рассмотрения этого плана в Симле было созвано совещание руководителей обеих партий. Когда д-р Амбедкар, руководитель Федерации низших каст, получившей на выборах только 2 из 151 места, выразил протест по поводу того, что его не пригласили, Александр посоветовал ему принять христианство¹⁷. Однако миссия оставила для передачи Учредительному собранию

меморандум, авторы которого должны были остаться неназванными, где предлагалось, чтобы из шести представителей низших каст в собрании двое были членами федерации Амбедкара¹⁸.

Работа совещания не заладилась с самого начала. Джинна, все еще твердивший о создании Пакистана («вне всяких сомнений, бедные магометане имеют право на четверть Индии»)¹⁹, присутствовал на нем. Он пожал руки Джавахарлалу и Пателю, но презрительно отвернулся от протянутых ему для пожатия рук Азада и Абдул Гаффар-хана. Однако вскоре все прояснилось. Из выступлений Джинны явствовало, что он не имеет в виду суверенное государство. Он признал, что правительство Индийского союза может заниматься большинством вопросов, переданных ему, но считал ненужным союзное законодательное собрание. Он задал вопрос, будет ли конституция союза постоянной или в ней будет содержаться положение о возможности ее пересмотра через определенный срок. Еще до начала конференции Конгресс возражал против принудительного создания групп или субфедераций и выразил мнение, что совершенно неправильно заставлять ту или иную провинцию поступать против ее воли²⁰. В Ассаме и Северо-западной пограничной провинции действовали конгрессистские правительства, и Конгресс вряд ли мог согласиться на то, чтобы одна из них была привязана к Бенгалии, а другая — к Синду. Такое положение было бы равнозначно тому, чтобы оставить сторонников Конгресса на произвол судьбы и передать эти провинции Лиге. Но на конференции Джавахарлал заявил об обязательстве Конгресса не принуждать отдельные государственные единицы оставаться во всеиндийской федерации. Джинна заявил, что, если Конгресс согласится на группирование провинций, Лига будет согласна на союз. Джавахарлал возразил, что, хотя его точка зрения близка к позиции Джинны, любой союз окажется бесполезным без законодательного собрания, и провинции должны сами решать вопрос о своем вхождении в ту или иную группу. На это Джинна ответил, что он боролся за свободу так же, как Джавахарлал, и будет очень рад обсудить с ним все возникшие вопросы.

Ободренная всем этим миссия английского кабинета составила 8 мая «Предложения относительно соглашения» между двумя партиями. В них предусматривалось образование общеиндийского центрального правительства и центрального законодательного собрания с равным представительством провинций с индусским и мусульманским большинством. В их ведении оставались внешние сношения, оборона, коммуникации, обеспечение основных прав.

Все остальные вопросы передавались в ведение провинций. «Допускается образование групп провинций», и такие группы смогут определять касающиеся провинций проблемы, которые они хотели бы решать совместно; они могут также создавать собственные органы исполнительной власти и законодательные собрания. Любая провинция получит право через десять лет потребовать пересмотра конституции союза в целом и отдельных групп. Учредительное собрание будет избираться законодательными собраниями провинций и «будет состоять из трех секций», представляющих соответственно провинции с индусским и мусульманским большинством и княжества. Первые две секции будут заседать по отдельности, чтобы выработать конституции провинций своей группы и, если они того пожелают — конституцию группы в целом. В дальнейшем за любой провинцией остается право перейти в другую группу или остаться вне групп. Три секции затем соберутся вместе, чтобы разработать конституцию союза, но любое важное положение, касающееся религиозно-общинных отношений, может быть принято лишь при одобрении его большинством депутатов каждой из двух общин.

Было ясно, что миссия больше не настаивала на создании групп провинций. Она считала, что Учредительное собрание должно подразделяться на секции, но провинции могут объединяться в группы. Вице-король признал, что это была уступка Конгрессу²¹. Джинна тоже сразу это понял и немедленно заявил протест. «В новых “предложениях” вопрос о группировании провинций поставлен в точности так, как этого хотели представители Конгресса во время проходивших до сих пор переговоров, и полностью отличается от вашей первоначальной формулировки»²². Петик-Лоуренс не согласился с этим толкованием и утверждал, что миссия всего лишь несколько упростила первоначальную формулировку в порядке разумного компромисса²³. Это была увертка; в действительности же миссия, стремясь достигнуть соглашения, пошла на уступки Конгрессу, уверяя при этом Лигу, что ничего подобного не произошло. Это увиливание привело только к неприятностям в будущем.

Конгресс, разумеется, повторил свои требования. Любая группа должна создаваться по свободному выбору, и этот вопрос должен оставаться открытым для решения его Учредительным собранием. Разработку конституции следует начать с конституции союза. Если невозможно достигнуть с Лигой соглашения, благоприятного для создания свободной и единой Индии, нужно немедленно сформировать переходное правительство, а спорные вопросы передать на рассмотрение независимого трибунала²⁴. Джавахар-

лал сразу же предложил обратиться к третейскому судье и уединился с Джинной для обсуждения этого предложения. Криппс был полон энтузиазма:

«Вчера днем я был особенно горд своей дружбой с Вами и поздравляю Вас и Ваших коллег от души с их поистине государственным подходом. Молюсь за то, чтобы Ваши труды завершились успехом и чтобы Вас обоих приветствовали как спасителей Индии, каковыми Вы и станете, если сумеете достигнуть согласия»²⁵.

Конгресс предложил список возможных арбитров, не являющихся ни англичанами, ни индийцами; Криппс тоже внес несколько предложений: пусть третейский судья будет индеец, избираемый двумя арбитрами, по одному от каждой из сторон; или же можно обратиться к Соединенным Штатам, Канаде, Австралии, Эйре, Швеции, Китаю, Советскому Союзу, южноамериканским государствам, к Международному суду в Гааге или Организации Объединенных Наций. Но Джинна вскоре стал отрицать, что когда-либо соглашался с принципом арбитража²⁶.

После этого обе стороны снова заняли жесткие позиции. Джинна заявил, что вопрос о разделе был решен голосованием мусульман во время выборов, но был готов согласиться на то, чтобы суверенитет Пакистана в трех областях был «делегирован» союзу при условии, если он будет носить характер суверенитета группы. Даже коммуникации в настоящий момент ограничены требованиями обороны, говорил он. На это Джавахарлал возразил, что Конгресс и Лига открыто противостоят друг другу в вопросе о разделе страны и необходим сильный центр для осуществления руководства во многих других областях, помимо трех основных. Александр и Уэйвелл встали на сторону Джинны, но, чтобы не обнаружить разногласий внутри миссии, Петик-Лоуренс и Криппс наложили вето на предложение Александра повидаться с Джавахарлалом один на один²⁷. Но на следующий день, когда Конгресс изложил свою позицию в письменном виде, даже Александр был вынужден признать, что она дает больше возможностей для урегулирования, чем можно было надеяться. Выступая за облеченную широкими полномочиями центральную власть, Конгресс принимал без всяких оговорок предложение миссии, предусматривавшее возможность «образования групп провинций, которые могут определять, какими вопросами провинциального управления они хотят ведать совместно»²⁸.

Совещание, однако, топталось на месте, и миссия решила обновить свой собственный план. После одобрения этого плана английским кабинетом, которое задержалось на такой долгий срок,

что Петик-Лоуренс даже думал подать в отставку²⁹, миссия 16 мая опубликовала свой план. Раздел страны и создание большого или малого Пакистана отвергались. В ведение Индийского союза войдут внешняя политика, оборона и коммуникации, и он будет обладать полномочиями, необходимыми для финансового обеспечения этой деятельности. Идея о паритете в центре была отброшена, но для решения любого крупного религиозно-общинного вопроса в центральном законодательном собрании требовалось большинство голосов депутатов каждой из общин, так же как большинство голосов депутатов собрания в целом.

Все другие вопросы и полномочия передавались в ведение провинций, которым предоставлялось право объединяться в группы, причем каждая группа могла решать, какие вопросы, касающиеся провинций, она хотела бы рассматривать совместно. Любая провинция получала право периодически, каждые десять лет, по решению, принятому большинством голосов в ее законодательном собрании, требовать пересмотра конституции всего союза и отдельных групп. Предусматривалось, что Учредительное собрание избирается провинциальными законодательными собраниями, причем каждой провинции предоставляется количество мест пропорционально ее населению, и они делятся между общинами в соответствии с их численностью. Избранные таким образом депутаты будут поделены «на три секции»: секцию А, включающую Мадрас, Бомбей, Соединенные провинции, Бихар, Центральные провинции и Ориссу; секцию Б — Пенджаб, Северо-западная пограничная провинция и Синд — и секцию В — Бенгалия и Ассам. Каждая из секций разработает провинциальные конституции и, если того пожелает, конституцию группы. Любая провинция по своему выбору может выйти из группы, в которую была определена, после первых всеобщих выборов в соответствии с новой конституцией. Разработка конституции, безусловно, потребует времени, однако временное правительство, поддержанное главными политическими партиями, в котором все министерские посты будут заняты индийцами, будет образовано немедленно³⁰.

План миссии был задуман как компромиссный, содержащий некоторые уступки одновременно и Конгрессу и Лиге с тем, чтобы обе партии приняли его в целом, даже если в деталях он их не удовлетворит. Идея Пакистана как суверенного государства в плане отвергалась, и объяснялось, что на уровне Индийского союза не должно быть перевеса в пользу мусульман. Даже на выборах в Учредительное собрание мусульмане не могли иметь больше мест, чем в то время определялось их численностью. Все это были уступки Конгрессу. Но чтобы план выглядел привлекательным для

Лиги, в Учредительном собрании предусматривались секции Б и В, охватывающие пять провинций с большинством мусульманского населения. Однако в плане миссии имелось одно существенное внутреннее противоречие, которое должно было привести к катастрофе и не могло остаться незамеченным, во всяком случае для Криппса. Создание групп провинций было добровольным, а заседания депутатов Учредительного собрания по секциям — обязательными. Если на заседании секции принималась конституция группы, провинция могла выйти из этой группы только после первых всеобщих выборов, проведенных в соответствии с новой конституцией. Другими словами, образование групп на практике становилось вовсе не добровольным, если только положение о свободном их создании не получило бы перевеса над положением об обязательности секций. В действительности же, согласно заверениям, данным Лиге, о которых Конгресс ничего не знал³¹, решения в секциях должны были приниматься большинством голосов депутатов провинций, и в результате именно положение о добровольном образовании групп теряло смысл, так как представители Северо-западной пограничной провинции в секции Б и Ассам в секции В всегда оказывались бы в меньшинстве. Конгресс в то время и позже критиковали за то, что он «цепляется за букву закона» и поднимает такие вопросы, как обязательный характер документа, приоритет тех или иных положений и интерпретация плана в целом. Но для Конгресса все это имело самое непосредственное практическое значение, ибо Северо-западная пограничная провинция в секции Б вовсе не хотела, чтобы ее насильно поместили в одну группу с другими провинциями этой секции даже на десять лет, а Ассам не желал объединяться с Бенгалией.

Ганди толковал этот план как рекомендацию Учредительному собранию, которое может изменить, улучшить или отвергнуть его. Он считал, что ни одну из провинций нельзя принуждать присоединяться к той или иной группе³². Азад тоже написал миссии в том же духе и сообщил, что Конгресс попытается добиться того, чтобы Учредительное собрание, которое явится суверенным органом, устранило недостатки плана, предложенного миссией. Единственное ограничение, на которое Конгресс согласился, было признание, что решения, «касающиеся некоторых важнейших религиозно-общинных вопросов, должны приниматься большинством голосов депутатов каждой из двух общин»³³. Александр и Уэйвелл пришли к выводу, что Ганди ведет хитрую игру и что истинная цель Конгресса — захватить в свои руки переходное правительство, лишить Англию влияния и затем подавить мусульман

и сместить князей еще до того, как будет разработана конституция. Англичане, заявил Александер со свойственной ему напыщенностью, не поддались панике при Дюнкерке, не поддадутся панике и теперь³⁴. Он и вице-король убедили Петик-Лоуренса не позволять Криппсу встречаться с Ганди наедине и без записи их бесед. Но миссии пришлось дать разъяснения, что именно имеет в виду ее план. Поэтому Петик-Лоуренс написал Азаду, что создание групп является важной стороной плана и это положение может быть изменено только с согласия обеих партий. Что касается Учредительного собрания, то, когда оно будет создано и начнет действовать на основе уже сформулированных положений, никакого вмешательства в его деятельность не будет³⁵. Другими словами, суверенитет Учредительного собрания будет ограничен положениями предложенного миссией плана.

Все это приводило Джавахарлала в уныние. Надежды на урегулирование на основе независимости, предоставляемой не в будущем, а немедленно, увязли в трясине толкований. Несмотря ни на что, прежний дух и прежний подход англичан, видимо, не претерпели серьезных изменений. Даже в то время, когда миссия кабинета вела переговоры в Индии, английские власти решили провести новые суды над офицерами ИНА.

«Гражданские и военные органы правительства Индии действуют необъяснимым образом. Таков, полагаю, их метод подготовки Индии к предстоящему освобождению. Что бы они ни имели в виду, им очень хорошо удастся вызывать возмущение общественного мнения и делать сложную ситуацию еще более сложной»³⁶.

В действительности же суды вскоре были отменены, и Джавахарлал написал личное благодарственное письмо главнокомандующему³⁷. Но такой ход событий свидетельствовал скорее о предусмотрительности генерала Окинлека, чем об общем изменении официальной точки зрения. В вопросе о формировании временного правительства вице-король делал упор на конечной ответственности английского парламента и прерогативах генерал-губернатора, а упоминания о независимости опутывались юридическими сложностями³⁸. Уэйвелл не делал секрета из того, что относится к Конгрессу с подозрением, и считал, что Конгресс намерен обеспечить себе контроль в центральных органах и устранить английское влияние для того, чтобы разделиться с мусульманами и князьями³⁹. «Не теряйте надежды,— писал Джавахарлалу Петик-Лоуренс,— на создание независимой Индии Учредительным собранием. Думаю, что очень многое будет зависеть от Вашего мужества и Вашей помощи ее рождению и руководства ее судьба-

ми, когда она станет реальностью»⁴⁰. Но каковы бы ни были будущие перспективы, политика вице-короля и правительства Индии в настоящем отнюдь не вызвала доверия.

Существовала также сложная проблема индийских княжеств, особенно интересовавшая Джавахарлала, в то время председателя Всеиндийской федерации народов княжеств. Трудно было поверить, что многочисленные факты репрессий в княжествах возможны без поддержки политического департамента, ибо махараджи и навабы являлись всего лишь тенью высшей власти. Джавахарлал выступал за дружелюбный подход, за убеждение правителей отказаться от самодержавной власти и включение их в состав соседней провинции там, где нежизнеспособность их княжеств была очевидной. Тогда осталось бы примерно двадцать больших княжеств, автономных государственных единиц в составе федерации, руководимых демократическими правительствами с князьями в качестве их номинальных глав⁴¹.

Однако спесивые самодержцы, все еще уверенные в поддержке англичан, игнорировали эти предложения. Из различных княжеств продолжали поступать известия о многочисленных расстрелах, произвольных арестах, жестоком обращении с заключенными и запрещении общественных организаций. Все это делало в чем-то нереальными переговоры об уходе англичан из Индии. Когда Джавахарлал заявил протест против запрещения его въезда в княжество Фаридкот, местные власти быстро урегулировали этот вопрос. Но вскоре после этого кризисная ситуация возникла в Кашмире. Там шейх Абдулла и другие деятели — мусульмане по вероисповеданию, но избегавшие связей с Мусульманской лигой и входившие в Конгресс, создали сильную политическую организацию Национальная конференция, не имевшую религиозно-общинной окраски. Даже политический департамент был вынужден признать, что за период с 1937 по 1943 год шейх Абдулла встал на позиции сочувствия индийскому националистическому движению и завоевал поддержку не только большого числа мусульман — представителей рабочего класса Кашмира, но также индусов и сикхов, придерживающихся националистических взглядов⁴². То обстоятельство, что в княжестве с мусульманским большинством и правителем-индусом симпатии народа склонялись к Конгрессу, чрезвычайно раздражало Джинну, и он настойчиво убеждал вице-короля назначить в качестве премьер-министра Кашмира «сильного мусульманина» — другими словами, мусульманина с религиозно-общинными взглядами, а если это не получится — англичанина⁴³. Политический департамент не испытывал симпатий к Национальной конференции, но не хотел причинять неприят-

ностей махарадже, настаивая на премьер-мусульманине. Англичане предоставили самому махарадже справиться с Национальной конференцией, которая, хотя и не являлась революционной организацией, мешала ему самим фактом своего существования и требовала сформирования ответственного правительства и гражданских свобод. После неудачи тайных попыток в марте 1946 года слить Национальную конференцию с религиозно-общинной Мусульманской конференцией и затем присоединить их вместе к Мусульманской лиге кашмирское правительство арестовало шейха Абдуллу и других руководителей Национальной конференции. Эти репрессивные действия являлись особенно провокационными по отношению к Джавахарлалу, поскольку в момент своего ареста шейх Абдулла направлялся в Дели для встречи с Джавахарлалом по его просьбе. Правительство Кашмира, жаловался Джавахарлал, по-видимому, «решило сломить и подавить дух народа и использует армию, как если бы оно оккупировало только что захваченную вражескую территорию»⁴⁴. Первым его порывом было уехать из Симлы в Кашмир и поддержать там своих друзей, но он обуздал свои чувства, чтобы дать возможность вмешаться вице-королю и не усложнять положения, нарушая какое-нибудь ограничительное предписание, которое могло быть ему предъявлено. Но он ясно заявил, что, если положение не изменится к лучшему, он не сможет, чем бы он ни был занят, не поехать в Кашмир.

К середине июня Джавахарлал считал, что ждал достаточно долго, и решил поехать в княжество вместе с несколькими другими адвокатами, чтобы помочь в защите шейха Абдуллы в суде. «Я лично не имею привычки отказываться от дела, которое взял на себя, или оставлять товарища в беде»⁴⁵. 15 июня он сообщил махарадже, что через четыре дня прибудет в Кашмир. Уэйвелл попросил Азада отговорить Джавахарлала и сам убеждал его отказаться от поездки, но безрезультатно. Вице-король тогда уведомил правительство Кашмира, что, если с Джавахарлалом произойдет какой-нибудь неблагоприятный инцидент в течение ближайших десяти дней, это вызовет серьезные затруднения с точки зрения Индии в целом, и предложил отложить суд над шейхом Абдуллой, ибо тогда Джавахарлал, возможно, тоже отложит свой приезд. Но кашмирские власти отказались последовать этому совету и готовились арестовать Джавахарлала на границе. Махараджа предложил отречься от престола, а премьер-министр — подать в отставку, если правительство Индии обяжет их не предпринимать никаких действий против Джавахарлала. Уэйвелл и политический департамент поспешили ответить, что не намерены

оказывать подобного давления⁴⁶. С другой стороны, они уведомили миссию кабинета, что в сложившихся чрезвычайно неловких и затруднительных обстоятельствах ничего невозможно предпринять и надо предоставить событиям идти своим чередом. Трудно было найти более убедительное доказательство того, что произвол властей в княжествах был возможен только в результате попустительства правительства Индии и что последнее было готово жертвовать ради них общенациональными интересами страны.

Джавахарлал выполнил свое намерение и 19 июня был задержан кашмирскими властями на границе княжества. Ему предъявили ордер о запрещении въезда на территорию Кашмира и организовали демонстрации с черными флагами. Джавахарлал пришел в ярость. Он резко осудил проявленную властями крайнюю невежливость в отношении себя лично и Конгресса и высказал свое возмущение официальными лицами и военными — подручными махараджи. Джавахарлал прождал пять часов, чтобы дать правительству княжества возможность отменить свое решение, а после этого уведомил судью, что въезжает в пределы Кашмира.

«В течение двадцати пяти лет я ни разу не подчинился приказу английского правительства Индии или какого-либо махараджи, если этот приказ противоречил моим намерениям... Избрав какой-либо курс, Джавахарлал никогда не пьтится назад, он идет вперед; если вы думаете иначе, значит, вы не знаете Джавахарлала. Нет силы на земле, которая помешала бы мне побывать в любой части Индии, если только меня не арестуют или не вывезут отсюда насильно»⁴⁷.

Как только Джавахарлал пересек границу, его арестовали. Предложение правительства Кашмира передать его английским властям Индии было отвергнуто вице-королем и политическим департаментом, которые не хотели быть открыто замешанными в этом деле. Правительство Индии не предприняло ничего для предотвращения случившегося, тем самым поставив под угрозу переговоры с миссией кабинета. Не воспользовались своей властью и министр по делам Индии и его коллеги для того, чтобы одернуть правительство Кашмира. В конечном итоге, поскольку суд над шейхом Абдуллой был отложен и Рабочий комитет настаивал на возвращении, Джавахарлал вернулся в Дели, дав ясно понять, что снова приедет в Кашмир.

Между тем переговоры с миссией продолжались. Вопрос о формировании временного правительства беспокоил главным образом вице-короля, который к этому времени вывел из терпения не только Криппса, но и Петик-Лоуренса, так как все время пытался

взять под контроль его встречи⁴⁸. У Азада создалось впечатление, что вице-король обещал остаться конституционным главой государства. Уэйвелл это отрицал, но просил Конгресс доверять ему и не беспокоиться о гарантиях. Фактически он дал ясно понять миссии, что скорее уйдет в отставку, чем останется чисто фиктивно. Он сказал Александеру, что «в ходе проводимых им многочисленных частных встреч сэр Стаффорд Криппс мог связать себя обещаниями в гораздо большей степени, чем того желал бы вице-король, и, если от него ожидают дальнейшего пребывания на его посту, он должен обладать какой-то властью, а при известных обстоятельствах ему придется просить миссию найти на его место кого-нибудь другого»⁴⁹.

По вопросу о составе временного правительства Уэйвелл в своих беседах с Джинной обязался соблюдать паритет между Конгрессом и Лигой, причем не просто паритет между «кастовыми индусами», с одной стороны, и мусульманами — с другой, как в 1945 г., а просто между индусами и мусульманами. Более того, вице-король теперь не собирался включать в правительство других мусульман, кроме тех, которые будут выдвинуты Лигой. В Симле в мае и еще раз в Дели 3 июня он уведомил Джинну, что временное правительство будет состоять из 12 человек — 5 представителей Конгресса, 5 представителей Лиги, одного сикха и одного индийца христианского вероисповедания или англо-индийца⁵⁰. Конгресс отверг такой состав и настаивал на включении в правительство 8 индусов, в том числе одного, не являющегося членом Конгресса, и 5 мусульман, из которых один не должен быть членом Лиги. Несмотря на протесты Александра, который даже угрожал уехать в Лондон на следующий день, если кто-нибудь из членов миссии встретится с Ганди наедине⁵¹, Петик-Лоуренс увиделся с Ганди, который дал дружеский совет просить каждую из сторон представить свой список с тем, чтобы миссия выбрала один из них.

Вице-король теперь предложил новый состав: 6 конгрессистов (включая представителя низших каст), 5 членов Лиги и 2 представителя меньшинств. Криппс выступил за принятие этого предложения, но Уэйвелл и Александер настаивали на паритете между кастовыми индусами, с одной стороны, и мусульманами — с другой. 16 июня миссия обнародовала список из 14 имен — 6 индусов-конгрессистов, включая представителя низших каст, 5 мусульман — членов Лиги и 3 представителя меньшинств. В том случае, если одна из партий или обе они откажутся принять этот план, вице-король сформирует временное правительство, представляющее тех, кто согласился с планом миссии.

6 июня Мусульманская лига объявила о своем согласии с этим планом, «поскольку в нем заложена основа для создания Пакистана и он предусматривает обязательное создание групп». Теперь миссии предстояло завоевать на свою сторону Конгресс. Уэйвелл разъяснил Азаду, что образование групп не является обязательным и что вопрос о том, создавать ли группы, будет решаться представителями провинций на их заседаниях по секциям⁵². Несколько дней спустя, когда Ганди поднял вопрос об Ассаме, он получил еще более конкретные заверения, что создание групп не является важной частью плана⁵³. Конгресс поэтому имел все основания придерживаться своего истолкования этого плана и был теперь более всего озабочен включением в состав временного правительства одного мусульманина-конгрессиста. Миссия, введенная Азадом и Раджагопалачарьей в заблуждение, считала, что Конгресс не будет настаивать на таком требовании, сочла его происками Ганди и отвергла. Джинна теперь ожидал, что его пригласят войти в состав временного правительства; более того, он сказал Криппсу, что хотел бы занять пост министра обороны⁵⁴. Надежда, что согласие Джинны на пост в правительстве без получения гарантий создания Пакистана явится поворотным моментом в ходе переговоров, не оправдалась из-за нежелания Криппса допустить, чтобы только одна Лига вошла в правительство. Криппс понимал опасный характер политики Лиги и хотел, чтобы в данных обстоятельствах миссия спросила Джинну, на каких условиях он войдет в правительство. Уэйвелл и Александер возражали против этого, ибо, зная Джинну, считали, что такое обращение к нему было бы равнозначно предложению выдвинуть неприемлемые условия. Криппс ответил, что, если так случится, придется снова обратиться к Конгрессу, а если это его предложение будет отвергнуто без консультации с английским кабинетом министров, он готов уйти в отставку. Мнение Криппса одержало верх, и Лигу вообще не пригласили войти в состав правительства, но, с другой стороны, Александер и Уэйвелл не позволили Петик-Лоуренсу пойти навстречу Конгрессу и включить в список мусульманина, не являющегося членом Лиги. Уэйвелл в письме к Джинне тоже, по существу, согласился на требование последнего, чтобы низшие касты рассматривались как одно из меньшинств и чтобы при выборе его представителей консультировались с Лигой. По-видимому, вице-король поступил так по собственной инициативе, но в результате изменилась предложенная им ранее формула: 6 конгрессистов (включая представителя низших каст) и 5 представителей Лиги. Тогда соотношение представителей составило бы пять к пяти, т. е. паритет «кастовых индусов», с одной стороны, с му-

Джавахарлал и М. А. Джинна,
1946 год.

С лордом Маунтбэттенем в Сингапуре,
1946 год.

Восстание военных моряков, 1946 год.

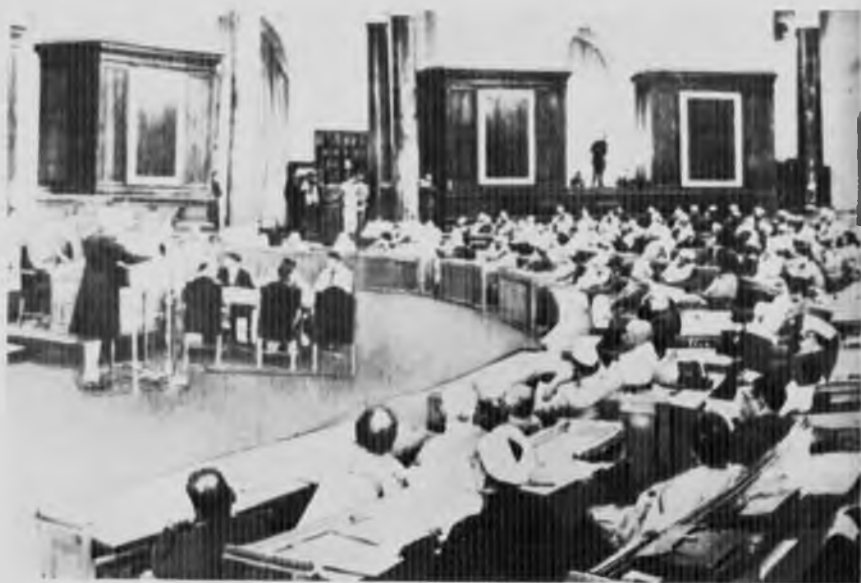

Джавахарлал — защитник руководителей Индийской национальной армии, 1946 год.

С лордом Петик-Лоуренсом,
1946 год.

С лордом Уэйвеллом, 1946 год.

Учредительное собрание, Нью-Дели, 8 февраля 1947 года. Джавахарлал вносит резолюцию о провозглашении Индии независимой суверенной республикой.

Празднование Дня независимости у Красного форта в Дели, 15 августа 1947 год.

сульманами — с другой. Для Ганди было еще более важно, что тем самым признавалось, что низшие касты являются меньшинством, а не индусами. Содержание письма Уэйвелла к Джинне просочилось в печать⁵⁵, и теперь его нужно было опубликовать полностью. Когда читаешь его вместе с письмом Уэйвелла к Азаду, в котором сказано, что Конгресс не получит права назначить мусульманина, никак не удивляет позиция Конгресса, который отказался войти в переходное правительство, соглашаясь, однако, с предложениями, касавшимися будущего, как он их понимал⁵⁶.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Миссия, по-видимому удовлетворенная реакцией Конгресса, 29 июня отбыла из Индии, предоставив вице-королю вести переговоры о формировании временного правительства на основе своего одобренного обеими главными партиями плана. Вскоре Джавахарлал был избран вместо Азада председателем Конгресса. Линия Азада при отстаивании позиции Конгресса в ходе переговоров с миссией подорвала доверие к нему, и, по общему мнению, он должен был уступить место Джавахарлалу. Много позже, рассматривая его избрание в ретроспективе, некоторые вкладывали в него особый смысл, видя в нем один из тактических маневров Ганди, якобы имевших целью облегчить получение Джавахарлалом поста премьер-министра, который уже вырисовывался впереди, и лишить этого поста Пателя, хотя он принадлежал ему по праву, как человеку, руководившему деятельностью партийного аппарата. Но в то время никто не рассматривал это событие в таком свете. Летом 1946 года пост председателя Конгресса скорее предполагал непосредственную ответственность, чем возможную в будущем должность.

Новый председатель созвал заседание Всеиндийского комитета Конгресса в Бомбее и получил одобрение на проведение его руководителями переговоров с правительством Англии. И на этом заседании, и через несколько дней на пресс-конференции Джавахарлал резко и недвусмысленно повторил толкование Рабочим комитетом плана миссии кабинета. «Нас не связывают никакие обязательства, мы лишь решили принять участие в Учредительном собрании»¹. Джавахарлал хотел этим сказать, что Учредительное собрание будет суверенным органом и что после того, как оно будет избрано, английское правительство не сможет вмешиваться в его деятельность и решения. Учредительное собрание будет заседать по секциям, но это не означает создания групп.

«Секция А, конечно, примет решение против создания групп. Пользуясь терминологией, принятой при заключении пари, можно сказать, что шансы на то, что Северо-западная пограничная провинция откажется от групп, составляют четыре против одного.

Тогда группа Б разваливается. Велика вероятность того, что Ассам будет против объединения в одну группу с Бенгалией, хотя я не решаюсь говорить, каким может быть первоначальное решение, поскольку шансы сейчас равны. Но я уверен и глубоко убежден, что в конечном итоге там не будет создана группа, потому что Ассам ни при каких условиях не пойдет на это. Таким образом, вы видите, что, с какой стороны ни подойдешь, эта затея с группами неосуществима»².

Джинна ухватился за эти заявления, чтобы отказаться от ранее данного Лигой согласия на план миссии. Его никогда не устраивали эти обязательства³, из которых он не смог извлечь всех ожидаемых им выгод; теперь же он обвинил Конгресс в том, что тот оговорил свое собственное согласие таким количеством условий, что это освобождало его, Джинну, от обязательств, данных им. Тот факт, что впервые в истории своих негативных действий Лига взяла на себя обязательство сотрудничать, вызвал изумление и кривотолки, а Джавахарлала очень резко критиковали за то, что он помог Джинне вернуться на обычный для него путь обструкций. «И вот,— писал Азад в своих мемуарах⁴,— произошло одно из тех злосчастных событий, которые меняют ход истории... он (Джавахарлал) временами способен бесконтрольно поддаваться чувствам. Мало того, иногда его настолько захватывают теоретические соображения, что он не в состоянии оценить реальную ситуацию». Еще более показательны в этом отношении взгляды Пателя, высказанные во время происходивших событий. В тот день, когда Джинна заявил об отказе от плана миссии, Патель подверг Джавахарлала критике за то, что тот нередко действует «с ребяческой наивностью, которая совершенно неожиданно ставит нас всех в очень трудное положение... совершает поступки, подсказанные эмоциональной неуравновешенностью, в результате от нас требуются невероятные усилия, чтобы наладить дело. Его мозг истощен от постоянного напряжения и непосильной работы. Он чувствует себя одиноким и действует, поддаваясь эмоциям, и нам приходится в этих условиях проявлять терпение. Противодействие порой приводит его в бешенство, настолько он нетерпелив»⁵.

Однако было бы несправедливо возлагать вину на Джавахарлала только из-за того, что Джинна воспользовался его выступлением, чтобы отказаться от связывавшего его согласия. Джавахарлал вовсе не действовал в состоянии раздражения. Чтобы стало ясно, что заявления его не случайны, он повторял их и в последующие недели⁶. Его заявления были преднамеренными и соответствовали политической линии Конгресса. Джавахарлал и Конгресс считали, что опорой Лиги служит поддержка англичан и без

нее, каковы бы ни были успехи Лиги на выборах, ее сплоченность ослабнет. Миссия кабинета лишила Джинну такой поддержки, и Джинна это понимал. Важнейшая задача состояла в том, чтобы англичане уяснили себе, что Конгресс хочет видеть Индию совершенно независимым, суверенным государством. Справедливая политика в отношении меньшинств — обязанность свободной Индии, не зависящая от указаний англичан. Эту мысль Джавахарлал сформулировал в своей речи на заседании Всеиндийского комитета Конгресса и на пресс-конференции. Когда после пресс-конференции один из присутствующих сказал ему: «Вы изменили самую основу договоренности с Англией», он улыбнулся и ответил: «Я полностью отдаю себе в этом отчет»⁷. В его заявлениях, касавшихся групп и секций, не было ничего нового. Конгресс, сказал Джавахарлал, согласен на создание секций, но создание групп — дело добровольное; так это и сформулировано в плане миссии. Трудности возникли в результате тайных заверений, необоснованно данных миссией Джинне в том, что решение, принимаемое большинством голосов в секции, гарантирует обязательное создание групп. Утверждение же Джавахарлала, что суверенное Учредительное собрание само определит порядок принятия своих решений, все ставило на место, хотя об этих заверениях и не было известно. Тот факт, что Конгресс принял план миссии в том духе, как он его истолковал, неоднократно подчеркивался Рабочим комитетом до и после выступлений Джавахарлала в Бомбее в июле. Точно так же поступила и Лига, заявившая, что приняла план, чтобы иметь лучшие возможности действовать ради создания Пакистана. Можно, конечно, утверждать, что, поскольку Лига приняла план, с тактической точки зрения разумнее было бы, чтобы Конгресс не поднимал острых вопросов и не давал таким образом повода Джинне отказаться от участия в Учредительном собрании. Но трудно себе представить план миссии как орудие обращения Джинны в новую веру, якобы сведенного к нулю действиями Джавахарлала. Как позже сказал сам Джавахарлал, комментируя книгу Азада, думать так — значило бы слишком много приписывать личности, а не действующим историческим силам⁸. Создание Пакистана не стало неизбежным в результате двух заявлений Джавахарлала. В лучшем случае они предоставили Джинне возможность маневра.

Из Бомбея Джавахарлал снова направился в Кашмир. В отличие от первой, эта поездка прошла спокойно. Патель и Азад убедили вице-короля обеспечить снятие запрета на въезд Джавахарлала, который обещал не поднимать никаких принципиальных вопросов и не выступать на митингах⁹. Он присутствовал на суде

над Абдуллой и имел с ним четыре долгие беседы, но не смог повидаться с махараджей, который сослался на болезнь¹⁰. Теперь самоелюбие Джавахарлала было удовлетворено, и Кашмир, по крайней мере на время, отошел на задний план. Первостепенного внимания требовали от Джавахарлала как председателя Конгресса общенациональные проблемы.

На пути в Сринагар он встретился в Дели с Уэйвеллом, и это, по-видимому, был один из тех редких случаев, когда вице-король и Джавахарлал достигли какой-то степени взаимопонимания. Джавахарлал сказал, что не собирается настаивать на широком расследовании поведения официальных лиц в 1942-м и в последующие годы и удовлетворится отставкой некоторых из них. Уэйвелл ответил, что, если требование широкого расследования снимается, он предпишет губернаторам рассмотреть отдельные дела, по которым есть убедительные доказательства. В духе этой договоренности Джавахарлал обратился с письмами к премьерам конгрессистских провинций, и правительство, ознакомившись с этими письмами в почте, было удовлетворено¹¹.

Джавахарлал поднял некоторые другие вопросы — пристрастные действия губернатора Синда, участие европейцев в выборах в Учредительное собрание, назначение судей в Соединенных провинциях, будущее сикхов — и обнаружил, что вице-король готов выслушивать, обсуждать и давать объяснения¹². Уэйвелл со своей стороны добился от Джавахарлала согласия на публичное обращение к служащим почтового ведомства с призывом прекратить забастовку¹³. Они, видимо, достигли некоторого понимания и по важнейшим конституционным вопросам, ибо в тот же день Джавахарлал написал премьеру Ассама, чтобы тот не смешивал секции с группами и не бойкотировал их, а вице-король письменно предложил Джавахарлалу и Джинне сформировать переходное правительство из шести членов Конгресса (включая одного представителя «низших каст»), пяти членов Лиги и трех представителей меньшинств. 31 июля, через два дня после того, как Лига отказалась от своего ранее данного согласия на план миссии, Джинна заявил, что Лига не принимает предложения занять пять мест в переходном правительстве. Конгресс в свою очередь не хотел входить в правительство до тех пор, пока не будет окончательно прояснен его статус и полномочия и обеспечена «независимость его действий»¹⁴. Уэйвелл посчитал это заявление фактическим ультиматумом, почти объявлением войны и приготовился померяться силами с Конгрессом, но его удержал английский кабинет министров¹⁵. Горячность Джинны и угроза прямых действий со стороны Лиги заставили и англичан и Конгресс действовать

быстрее и более решительно. Вице-король предложил Джавахарлалу как председателю Конгресса внести свои предложения о формировании переходного правительства, повторил свои заверения, что будет действовать в рамках конституции, и попросил Джавахарлала подумать о том, чтобы связаться с Джинной до передачи ему, вице-королю, своих предложений¹⁶. Конгресс принял это предложение, но настаивал на публичном объявлении о том, что оно является инициативой вице-короля, до того, как Конгресс станет добиваться сотрудничества Джинны. «Мы будем приветствовать такое сотрудничество, но, если нам в нем откажут, мы обойдемся без него»¹⁷.

Такое публичное объявление было сделано, и после него, вооруженный резолюцией Рабочего комитета о принятии им плана миссии полностью, но в собственном истолковании для устранения внутренних противоречий и внесения необходимых дополнений, Джавахарлал встретился с Джинной. Как и ожидалось, переговоры потерпели неудачу, ибо Джинна, естественно, не желал принимать от Конгресса то, что он отверг как предложение англичан. Казалось, что англичане действительно готовы игнорировать Лигу и сотрудничать с Конгрессом, исходя из того, что, как однажды заявил Эттли, они не могут позволить меньшинству наложить запрет на прогресс большинства. «Я только что узнал,— писал Криппс Раджагопалачарье,— о речи Джинны и его действиях и надеюсь, что «не всякая собака кусает, что лает». Не знаю, будет ли теперь создано Учредительное собрание, но очень надеюсь, что будет, и верю, что уход Джинны, если он действительно уйдет, не остановит деятельности других. И конечно, я не теряю надежды, что мусульмане еще вернуться, когда придет время»¹⁸.

Союз правительства с Конгрессом, однако, был Уэйвеллу не по душе, и в дни убийств в Калькутте в середине августа он поспешил вернуться к политике умиротворения Лиги. Джинна назначил 16 августа днем действий, и Х. С. Сухраварди, главный министр правительства Лиги в Бенгалии, объявил этот день народным праздником провинции. Группы вооруженных фанатиков-мусульман грабили и убивали, а правительство провинции смотрело на это со стороны, и губернатор не отдал армии приказа вмешаться. И только через три дня, когда закон стали вершить индусы и сикхи, обрушившие на мусульман жестокие ответные удары, армия вмешалась, но даже тогда правительство Бенгалии не предприняло никаких действий. Как позже отметил британский командующий, «ни в то время (в августе 1946 года), ни впоследствии ни один из членов правительства провинции не оказал мне реальной помощи в прекращении бесчинств и наведении поряд-

ка»¹⁹. Логичным ответом на подобные действия должен был стать роспуск правительства, и Криппс в свое время обещал Конгрессу, что такая мера будет осуществляться при обстоятельствах, подобных августовским²⁰. Но реакция Уэйвелла была обратной. Он сказал Джавахарлалу, требовавшему решительных действий против бандитизма, что хочет послать за Джинной, и только угроза Конгресса отказаться от формирования переходного правительства, если он это сделает, удержала Уэйвелла от такого шага²¹. Джавахарлал хотел, чтобы в состав правительства вошло 15 человек — 5 «кастовых индусов», пять мусульман, один представитель «низших каст» и четыре представителя меньшинств, но Уэйвелл настаивал на правительстве из 14 человек, и поэтому представитель англоиндийцев был исключен²².

Джавахарлал настаивал на том, что это правительство должно действовать как сильное и стабильное, а не просто как паллиатив, пока Лига пожелает войти в его состав. Конгресс очень хотел коалиционного правительства, но это не значило, что он готов подчиниться Лиге. Джинна может назвать своих пятерых представителей, но не должен вмешиваться в выбор представителей Конгресса, в том числе и мусульманина-националиста. Джавахарлал повторял, что единственно правильный подход к делу — это ясно заявить, что, хотя Конгресс всегда будет приветствовать сотрудничество, он готов править самостоятельно, если в таком сотрудничестве ему будет отказано.

«Калькутта явилась страшным потрясением для Вас и для всех нас. И тем не менее я могу сказать, что для нас она имеет личное значение, какого не может иметь даже для Вас. Эти кровавые убийства затрагивают наших друзей и родных, наши дети и близкие могут в любую минуту оказаться под угрозой ножа убийцы. Перед нами суровая реальность. Мы встретим ее, разумеется, без криков отчаяния, но и не станем мириться с убийствами и не позволим, чтобы они определяли политику страны. Мы будем, как и раньше, стараться воздействовать на разум индусов, мусульман, сикхов и всех других и привести их на путь дружеского сотрудничества, ибо нет другого пути для прогресса Индии. Но мы не считаем, что сотрудничество может родиться из примиренчества со злом»²³.

Такая твердая позиция на время несколько умерила пыл вице-короля. Он объявил список министров и в выступлении по радио поддержал предложение Конгресса передать все вопросы толкования плана миссии на рассмотрение федерального суда. Но поездка в Калькутту и разговоры с представителями Лиги возродили упорное желание Уэйвелла сделать все возможное, чтобы Лига

вошла в переходное правительство. Он послал за Ганди и Джавахарлалом, вручил им проект, обязывающий Конгресс согласиться не только на секции, но и на группы, и заявил, что не созвет Учредительного собрания, если Конгресс не сделает официального заявления в духе этого проекта. Он теперь отменил предложение обратиться в федеральный суд, заявив, что вопрос носит не юридический, а практический характер. Рабочий комитет отверг эту новую попытку, представлявшуюся ему шантажом, и Ганди обратился по этому вопросу в Лондон²⁴.

Уэйвелл между тем должен был продолжать формирование правительства, и 2 сентября правительство, которое Конгресс хотел рассматривать как временное национальное правительство страны, было приведено к присяге. Джавахарлал стал вице-председателем Исполнительного совета, министром иностранных дел и по делам Содружества. Казалось, что он, наконец, пришел к концу долгого и трудного пути и может перейти от конфликтов и борьбы к конструктивной деятельности. «Слишком долго мы были пассивными наблюдателями событий, игрушкой в руках других. Теперь инициатива переходит к нашему народу, и мы сделаем историю такой, какой хотим ее видеть»²⁵. Джавахарлал организовал своих коллег таким образом, чтобы они являли собой кабинет, представляющий народ. Раджагопалачарья получил замечание за то, что информировал вице-короля, а не Джавахарлала о дне, когда принимает на себя обязанности члена правительства²⁶. Уэйвеллу пришлось согласиться на то, чтобы не принимать у себя глав департаментов, как это было заведено раньше, а иметь дело только с членами своего совета. Попыткам вице-короля управлять теми департаментами, главы которых не могли немедленно приступить к работе, был решительно положен конец, так же как и попыткам политического департамента регламентировать поездки Джавахарлала и его коллег в княжества²⁷. Члены правительства собирались неофициально каждый вечер без Уэйвелла для принятия решений по важнейшим вопросам и договорились ни в коем случае не передавать эти вопросы на рассмотрение вице-короля. Когда, до того как Балдев Сингх вступил на пост министра обороны, правительство Англии при консультации с вице-королем предприняло шаги, чтобы задержать в Индии английские войска, в то время как индийские войска демобилизовывались, Джавахарлал, которому это стало известно из случайно увиденной телеграммы, выразил резкий протест. Это могло привести к серьезному кризису, поскольку Уэйвелл настаивал, что размещение английских войск непосредственно затрагивает его ответственность перед парламентом Англии, но выход был найден: Балдеву Сингху

предложили рассмотреть этот вопрос с помощью главнокомандующего²⁸.

Более серьезные трения между вице-королем и временным правительством вызывало поведение губернаторов и правительств, сформированных Лигой в Синде и в Бенгалии. В Синде губернатор делал все возможное, чтобы препятствовать Конгрессу и сохранить Лигу у власти, а в Бенгалии правительство Сухраварди при пассивном попустительстве губернатора вело себя, «по существу, как правительство Гитлера в Германии в первые свои годы у власти... Люди, приезжающие из Бенгалии, сильно напоминают мне беженцев от гитлеровского террора. Я никогда не видел ничего подобного в Индии прежде»²⁹. Власти обеих провинций пользовались поддержкой вице-короля, и он препятствовал всякому вмешательству центрального правительства на том основании, что оно не имеет права нарушать автономию провинций, которая находится в личной компетенции генерал-губернатора³⁰. Джавахарлал требовал, чтобы точка зрения его правительства была передана министру по делам Индии, и резко осуждал слабые попытки Уэйвелла оправдать действия губернатора Синда. «Если то, что я считаю бесчинством и публичным скандалом, находит у Вас одобрение, значит, наши нравственные нормы и представления о ценностях совершенно не совпадают. Отсюда явствует, что и цели наши различны»³¹. Что касается Бенгалии, то там насилие охватывало все округа, а правительство не могло или не желало препятствовать ему.

«Я начал серьезно думать о том, служит ли какой-либо важной цели мое участие во временном правительстве, если значительная часть Индии погружается в варварство или в нечто значительно худшее... Какой смысл в создании нами переходного правительства, если мы можем всего лишь беспомощно наблюдать и ничего не предпринимать, когда людей убивают тысячами или подвергают бесконечно жестокому обращению»³².

В Северо-западной пограничной провинции положение было иным. Там Конгресс имел безусловное большинство: из всех голосов, отданных по мусульманской курии, кандидаты-конгрессисты и мусульмане-националисты получили 208 896, а кандидаты Лиги — 147 880. Но поскольку Пограничная провинция, где немусульманское население составляло лишь около 3%, находилась вне сферы влияния Лиги, Джинна не мог претендовать на то, чтобы представлять всю мусульманскую Индию, и создание Пакистана становилось всего лишь мечтой. Поэтому английские чиновники сами взялись за подрыв популярности Конгресса, чтобы выправить «это ублюбочное положение»³³. Первая возможность им представи-

лась, когда Джавахарлал решил поехать в Северо-западную пограничную провинцию. Проблемы отношений племен являлись частью его министерских обязанностей, и он хотел лично ознакомиться с положением на месте. Было также важно, чтобы ведущий руководитель Конгресса совершил официальную поездку по этой территории, которая к тому же давно привлекала его. Как он сказал губернатору сэру Олафу Кэроу, многие его друзья считают его по характеру более чем наполовину патаном. Кэроу приехал в Дели, чтобы отговорить Джавахарлала от поездки в провинцию до того, как Лига войдет в переходное правительство, но Джавахарлал отказался отложить свой отъезд и посетил провинцию и районы, населенные племенами, в середине октября. Лига организовала демонстрации против него и послала с этой целью к племенам муллу Манки. Такие действия против вице-председателя Исполнительного совета вице-короля должны были, конечно, вызвать серьезную реакцию, но Кэроу не пожелал остановить муллу и его людей. Забавно, как он оправдывает подобную линию поведения! «Полагаю, что при данных обстоятельствах и учитывая тот факт, что поездка Неру, безусловно, имела целью агитировать за Конгресс, было бы неверно активно мешать пропагандистам Лиги въезжать на территорию племен. Подобная попытка, несомненно, привела бы только к беспорядкам»³⁴.

В результате на протяжении всей поездки Джавахарлалу оказывался враждебный прием, его забрасывали камнями, что, как не сомневался Кэроу, было организовано Лигой. В синяках, но, к счастью, живой, Джавахарлал мужественно завершил ее. Но должностным лицам удалось использовать эту поездку Джавахарлала для кампании подрыва авторитета Конгресса в Северо-западной пограничной провинции. Как впоследствии, сам не очень в это веря, сообщал Кэроу, «большинство наших несчастий началось, когда Неру взял под свое крылышко дела племен и затем совершил свою злополучную поездку. До этого дела в провинции в целом шли очень хорошо, но было совершенно немыслимо поставить над племенами пандита. Практически все наши трения и вся напряженность начались именно с этого времени»³⁵.

Не было ничего удивительного в том, что Уэйвелл и его губернаторы пытались препятствовать деятельности правительства, которое было фактически конгрессистским, в центре. «Почти повсюду в Индии было очевидно, что губернаторы и другие официальные лица отдают предпочтение Лиге перед Конгрессом. Некоторые из них поступают таким образом неумышленно и почти бессознательно; другие делают это преднамеренно и открыто и порой с этой целью даже нарушают закон»³⁶. Наряду с такой политикой созда-

ния препятствий Конгрессу продолжались лихорадочные попытки включить Лигу во временное правительство. В этом вопросе Уэйвелл пользовался полной поддержкой Лондона. Криппс убеждал Конгресс пойти как можно дальше по пути умиротворения Лиги.

«Вы знаете, как добросовестно, пусть иногда и совершая ошибки, я трудился во имя независимости Индии, зарю которой я уже вижу, если только Конгресс проявит государственное мышление и великодушие и поступит как сильный, уступающий слабому. Все в Ваших руках, и будущие поколения будут приветствовать сегодняшние действия Конгресса как великий и решающий шаг ради свободы Индии и ее самоуправления.

Я убежден, что сейчас дело не в попытках одержать верх в споре — это никуда нас не приведет; речь идет о государственном мышлении, и Вы один в состоянии решить его на данном этапе.

Джавахарлал, всем сердцем, всеми своими мыслями я прошу и молю бога, чтобы он направил Вас по верному пути в эту тяжелую минуту»³⁷,

Уэйвелл действовал, исходя из того, что созыв Учредительного собрания — прерогатива вице-короля, а не правительства Индии, и не хотел ничего предпринимать, пока не будет достигнуто соглашение с Джинной как в отношении долговременных планов, так и о коалиционном правительстве³⁸. И вот снова обнаружилось, сколь уместны были заявления Джавахарлала в Бомбее в июле относительно суверенного характера Учредительного собрания и, следовательно, гарантий минимального вмешательства в его деятельность со стороны. Вице-король начал переговоры с Джинной, который, не желая, чтобы Лига осталась без министерских постов, был готов их вести. Единственный пункт, на котором он теперь настаивал, — это лишение Конгресса права назначать мусульманина в качестве члена правительства, и Уэйвелл обратился к Ганди и Джавахарлалу с просьбой отказаться от этого права ради достижения соглашения. К этому обращению была добавлена угроза: если Конгресс отклонит просьбу, вице-король сомневается, сможет ли он разрешить временному правительству действовать в том виде, как оно существует³⁹. Петик-Лоуренс поддержал Уэйвелла и добавил, что Лига должна быть представлена в Учредительном собрании, если от этого органа ждут полезных действий⁴⁰.

Руководители Конгресса, как бы ни были они недовольны подобной тактикой нажима, понимали, что участие Лиги в Учредительном собрании имеет некоторые преимущества. Если ока-

жется, что Лига обязана обеспечить нормальную деятельность коалиционного правительства и самого собрания, то это может смягчить напряженность в стране и стабилизировать обстановку. Поэтому Джавахарлал побывал у Джинны 5 октября и обнаружил, что тот значительно сбавил тон. Хотя Джавахарлал отказался от формулы, необдуманно принятой Ганди, согласно которой Лига имела безусловное право представлять всех мусульман, Джинна не прервал переговоры. Напротив, он заверил Джавахарлала, что никогда не примет сторону англичан и ни при каких условиях не допустит, чтобы вице-король выступал в качестве третейского судьи в любом коалиционном правительстве. В ответ Джавахарлал предложил, чтобы все новые назначения представителей меньшинств рассматривались всем составом кабинета, чтобы крупные религиозно-общинные проблемы в случае необходимости передавались на рассмотрение арбитров и чтобы вместо поочередного замещения поста вице-президента была дополнительно учреждена должность вице-председателя координационного комитета кабинета⁴¹. Эти уступки, по-видимому, удовлетворили Джинну, но уже через несколько часов он вернулся к своей обычной позиции отказа от какого бы то ни было соглашения с Конгрессом и опоры на англичан. Он настаивал на формуле, предложенной Ганди, и на исключении из состава правительства мусульманина-националиста. Конгресс ответил, что не может пойти дальше, чем предложил Джавахарлал, который от себя добавил, что никогда не согласится отлучить мусульман от Конгресса. Для него это был вопрос личной и национальной чести⁴². Но переговоры с Джинной были возобновлены Уэйвеллом. Он согласился на то, чтобы Джинна назначил пять членов правительства, включая одного представителя «низших каст», но не добился от Лиги заявления, что она полностью принимает план миссии и отказывается от прямых действий, а также обязательства сотрудничать в правительстве. На практике преднамеренное назначение в состав правительства второстепенных консервативных членов Лиги (за исключением Лиаката Али-хана) и никого не представлявшего *хариджанина*, не оставили сомнений в том, что единственной целью Джинны было разделить власть и подорвать временное правительство изнутри. Но Уэйвелл в такой мере стремился устранить контроль Конгресса над уже созданным органом власти, что включил Лигу в его состав без всяких условий, несмотря на неоднократные протесты Джавахарлала⁴³. Это была одна из самых серьезных акций среди многих, совершенных Уэйвеллом во вред Индии.

Как только Лига согласилась войти в правительство, Уэйвелл

потребовал, чтобы Конгресс передал ее представителям один из трех портфелей — внешних сношений, внутренних дел или обороны. Когда Конгресс отказался передать один из этих постов и предложил только пост министра финансов или торговли, Уэйвелл самолично принял решение отобрать портфель министра внутренних дел у Пателя и передать его Лиге. В этих обстоятельствах все члены временного правительства решили подать в отставку⁴⁴, но кризис был предотвращен только потому, что Лига согласилась на пост министра финансов. На этой основе пять назначенных Лигой членов правительства были 26 октября приведены к присяге.

Деятельность коалиционного правительства Конгресса и Лиги, очевидно, является уникальной в анналах современного государственного управления. Каждая из групп собиралась отдельно до заседания кабинета, а в ходе его выступала против другой. Это устраивало Уэйвелла. Он забыл свое обещание Конгрессу препятствовать любым попыткам превратить временное правительство из инструмента управления страной в поле боя, где сталкиваются силы межобщинной розни⁴⁵. Он поощрял обструкционистские действия Лиги, передавая все важные вопросы на рассмотрение каждой из сторон в отдельности, вместо того чтобы настаивать на коллективных действиях всего правительства, а затем сам выступал в качестве арбитра.

Внешнеполитическая линия Джавахарлала стала одной из главных мишеней нападков Лиги. В качестве первого шага в формировании самостоятельной внешней политики, не зависящей ни от какой державы, Джавахарлал предпочитал развивать неофициальные контакты вместо того, чтобы использовать английские дипломатические представительства. Действуя как личный представитель Джавахарлала, Кришна Менон встретился с Молотовым, сообщил ему о стремлении нового правительства установить дружеские отношения с Советским Союзом и попросил помощи зерном⁴⁶. Он также, превысив свои полномочия, обсудил с Молотовым возможность посещения Индии советскими военными экспертами. Это обеспокоило не только английское министерство иностранных дел и индийский департамент внешних сношений, но и некоторых коллег Джавахарлала в Конгрессе. Кришна Менон получил первое из многих за долгие годы, впрочем очень мягких, замечаний от своего шефа.

«Хочу, чтобы Вы знали, что я Вам полностью доверяю и вполне уверен, что любой предпринятый Вами шаг будет сделан только после тщательного его обдумывания, с тем чтобы не вызвать никаких затруднений. Что касается меня, то я ничего не имею

против. Но следует иметь в виду и тех, кто не знает Вас так хорошо; поэтому я и предложил Вам, чтобы Вы помнили и о них тоже»⁴⁷.

Когда Лига вошла в правительство, Джавахарлалу пришлось оставить мысль послать Менона в Москву или назначить его верховным комиссаром Индии в Лондоне, так как формально этот пост находился в ведении департамента торговли, возглавлявшегося одним из представителей Лиги. Менону предложили войти в состав индийской делегации в Организации Объединенных Наций. Когда Лига высказала желание иметь своего представителя в этой делегации, Джавахарлал ответил, что слишком поздно менять ее состав. Однако Лига с помощью вице-короля и министерства по делам Индии послала двух представителей в Соединенные Штаты, которые всячески поносили Конгресс, индийскую делегацию в Организации Объединенных Наций и переходное правительство. В самом кабинете и вне его Лига не высказывала никаких взглядов по вопросам внешней политики, а лишь осуждала действия Джавахарлала и сделанные им назначения и требовала создания Пакистана, а Уэйвелл настойчиво призывал Джавахарлала обсуждать с Лиакатом Али-ханом даже вопросы, входившие в компетенцию его собственного министерства.

Более важное значение имели, конечно, события, происходившие в разных частях Индии, где, по довольно точному выражению очевидцев, все время возникали очаги самовозгорания. «Убийство шагает по улицам, толпа и отдельные люди творят самые невероятные жестокости. Поразительно, какими воинственными и кровожадными стали наши миролюбивые сограждане. Словом «бунт» этого не выразишь. Это просто садистское желание убивать»⁴⁸. Известия о кровавом избиении индусов в Бенгалии просочились в Бихар, где местные крестьяне поднялись против мусульман. Ганди и Джавахарлал настаивали, чтобы конгрессистское правительство сурово наказало виновных, и в этом их активно поддержали и вице-король и Лига, чья забота о неприкосновенности провинциальной автономии, очевидно, ограничивалась только Бенгалией и Синдом. Джавахарлал вместе с одним из министров центрального правительства, представлявшим Лигу, совершил поездку по Бихару и содействовал наведению там порядка. Была вызвана армия, бесчинствующие толпы разогнаны с помощью огнестрельного оружия и, в отдельных случаях, бомбежек с воздуха. Такие твердые и решительные действия стали возможны только благодаря инициативе Джавахарлала.

Однако его вмешательство носило личный характер. Временное правительство могло сделать и фактически сделало очень

мало. Его раздирали споры, и оно было бессильным. Положение обострилось до предела, когда встал вопрос о созыве Учредительного собрания. Он был намечен на декабрь, но вице-король и его советники, «все более открыто действуя так, будто состоят в союзе с Мусульманской лигой»⁴⁹, вместо того, чтобы потребовать от Джинны скорейшего решения, пожелали отложить его, мотивируя тем, что Лига еще не приняла долговременный план⁵⁰. Джавахарлал утверждал, что, поскольку Лига ясно заявляет о своем неприятии плана миссии, она не должна продолжать участвовать в переходном правительстве⁵¹. На этом этапе решил вмешаться Эттли. Он потребовал, чтобы Конгресс, Лига и сикхи прислали своих представителей в Лондон. Конгресс отказался от этого, поскольку такая поездка была бы равнозначна новому обсуждению вопроса с самого начала. Кроме того, Джавахарлал не очень доверял Эттли, который, как сообщил Кришна Менон, не только не проявил «теплого отношения к новому правительству и к Вам лично», но и «не ответил на послание доброй воли» и уж ни в какой мере «не выказал желаний или готовности проявлять братские чувства»⁵². Но Эттли направил Джавахарлалу личное послание, убеждая его приехать и заверяя, что не существует намерения отказаться от плана миссии или от созыва Учредительного собрания, и Конгресс поручил Джавахарлалу поехать в Лондон, хотя бы потому, что продолжать отказываться было просто невежливо.

Переговоры в Лондоне в декабре подтвердили опасения Конгресса и привели к усилению позиции Джинны. Английское правительство объявило, что в соответствии с планом кабинета решения в секциях будут приниматься простым большинством голосов. Конгресс убеждали согласиться на это и предложили в порядке компенсации, чтобы этот вопрос вместе с другими, касающимися толкования плана, был передан Учредительным собранием на рассмотрение федерального суда. Джинна был в восторге. С помощью англичан он в значительной мере восстановил положение Лиги. После неудачи вначале, она затем вошла в правительство и практически лишила его возможности действовать, так и не взяв на себя никаких обязательств в отношении плана миссии. Теперь же Конгресс подвергается нажиму, от него требуют отказаться от принятой позиции и принять неблагоприятное для него толкование плана с тем, чтобы упротить Лигу участвовать в Учредительном собрании. Создание Пакистана выдвинулось уже в обозримом будущем, и, чтобы сделать его большим и могучим государством, Джинна добивался сотрудничества сикхов. В частной беседе с Балдевом Сингхом, представлявшим

сикхов на переговорах в Лондоне, Джинна обещал сикхам любые гарантии, каких они могут потребовать. «Балдев Сингх, видите этот спичечный коробок? Даже если мне предложат Пакистан такого размера, я с радостью приму его, но для этого я нуждаюсь в Вашем сотрудничестве. Если Вы убедите сикхов идти рука об руку с Мусульманской лигой, мы получим замечательный Пакистан, ворота которого будут почти у стен Дели, если не в самом Дели»⁵³.

Учредительное собрание открылось, как и было запланировано, 9 декабря, но часто прерывало свои заседания, не принимая никаких спорных решений и не делясь на секции с тем, чтобы Лига могла решить для себя вопрос об участии. Чтобы не давать Лиге убедительных аргументов против участия в работе собрания, Конгресс, выразив неодобрение тому, как английский кабинет разработал свой план, чтобы угодить Лиге, принял этот вариант плана и снял свое предложение о передаче его на рассмотрение федерального суда. Все, на чем он теперь настаивал, сводилось к требованию не применять принуждения к провинциям и не ставить под удар права сикхов. Если будут предприниматься попытки принуждать какую-нибудь провинцию, она или ее часть должна иметь право прибегать к любым действиям, которые потребуются для удовлетворения пожеланий ее населения⁵⁴. Но Джинна все еще был во власти мании величия. Рабочий комитет Лиги отказался пересмотреть свое решение и потребовал, чтобы английское правительство объявило о неудаче плана миссии кабинета и распустило Учредительное собрание⁵⁵.

Таким образом, к концу января 1947 года стало совершенно ясно, что никакие дальнейшие переговоры или компромиссы невозможны, и все попытки Конгресса в этом направлении только приводили в замешательство его сторонников и вызывали разногласия в руководстве. При непреклонной позиции Лиги, когда князья, опираясь на нее, уклонялись от решения участвовать в Учредительном собрании, когда вирус религиозно-общинных распрей распространился по всей Северной Индии, а переходное правительство оказалось бессильным, не было больше смысла на что-то надеяться и вести переговоры. «Резолюция Лиги даже хуже, чем можно было ожидать. Возможно, ее достоинство в том, что она делает положение совершенно ясным»⁵⁶. Конгресс занял позицию, что, коль скоро Лига отвергла план миссии, ей следует предложить выйти из состава временного правительства. Лига просто использовала его для придинок и нападок на Конгресс и с помощью вице-короля каждый раз поднимала вопросы, связанные с межобщинными отношениями. Даже назначение послов

было задержано, потому что Лига требовала каждый второй пост для своего представителя, независимо от его способности занимать его, а Уэйвелл поддерживал Лигу, предложив, чтобы все назначения в самой Индии и за границей рассматривались в комиссиях кабинета⁵⁷. Такая атмосфера вряд ли могла способствовать осуществлению многочисленных идей Джавахарлала, таких, например, как проведение внешней политики, которая показала бы всему миру, что новая Индия имеет стальной хребет и не позволит не принимать себя всерьез или относиться к себе покровительственно, или таких, как создание собственных вооруженных сил в целях обороны без какого-либо иностранного вмешательства, развертывание научных исследований, возобновление работы по планированию и быстрая индустриализация страны.

5 февраля девять членов временного правительства — все, за исключением пяти представителей Лиги, — обратились с письмом к вице-королю, в котором высказали мнение, что Лига не может продолжать участвовать в правительстве. Через восемь дней последовало заявление Джавахарлала, что, если решение не будет принято достаточно быстро, он и его коллеги выйдут из состава правительства. Лига, разумеется, не имела намерения выйти из правительства, а Уэйвелл вместо того, чтобы указать Джинне, что он имеет все, чего может желать, все еще стремился заставить Конгресс пойти на новые — и бесполезные — уступки. Но английское правительство решило иначе. Эттли заявил, что англичане уйдут из Индии не позже чем в июне 1948 года и передадут власть, если к этому времени не будет правительства, сформированного по-настоящему представительным законодательным собранием, центральному правительству, а в некоторых районах уже существующим провинциальным правительствам. Он также добавил, что Уэйвелла сменил Маунтбэттен.

Джавахарлал и Конгресс приветствовали это заявление, поскольку, несмотря на явный намек, что Учредительное собрание без представителей Лиги не будет признано законным, оно все же предлагало какой-то выход из тупика. Учредительное собрание могло продолжать свою деятельность в отношении представленных в нем частей страны и без ограничений, предусмотренных планом миссии. Заявление также предполагало раздел Пенджаба и Бенгалии, поскольку Восточный Пенджаб и Западная Бенгалия были представлены в собрании и не желали быть исключенными из Индийского союза. «Остающийся урезанный Пакистан едва ли будет подарком, которого стоит добиваться»⁵⁸. С экономической и оборонной точки зрения существование такого государства было практически нереально, и возникла воз-

возможность, что Джинна предпочтет на определенных условиях присоединиться к Индийскому союзу. Поэтому Рабочий комитет принял резолюции в таком духе и предложил Лиге совместно рассмотреть все эти проблемы. Конгресс решил также не настаивать на выходе представителей Лиги из состава центрального правительства до прояснения общей обстановки. Джавахарлал лично обратился к Лиакату Али-хану. «Англичане исчезают из поля зрения, и бремя решений ложится на всех нас. Желательно, как мне кажется, чтобы мы прямо смотрели в лицо происходящему, а не разговаривали друг с другом издалека»⁵⁹. Но Лига не откликнулась на эти обращения. Лиакат Али-хан ничего не ответил на неофициальное письмо Джавахарлала, но представил всеобъемлющий проект бюджета, не обсудив с коллегами или по крайней мере с Джавахарлалом свои предложения, хотя бы в общем виде.

Лига также не имела намерения обсуждать с Конгрессом конституционные вопросы, даже вопрос о разделе страны. Джинна отправился в поездку по Аравийскому морю, а его подручные продолжали требовать прямых действий, свергли правительство в Пенджабе и вызвали волнения в Пограничной провинции. Джавахарлал решил побывать в этих провинциях. Но когда он находился в Лахоре, туда прибыло письмо от Уэйвелла, который просил его не продолжать поездки. Джавахарлал объяснил это вмешательством сэра Олафа Кэроу и потребовал его отставки. «Позволительно ли мешать мне выполнять свой долг и возложенные на меня обязанности из-за того, что я кому-то не нравлюсь или кто-то не одобряет мою поездку в Пограничную провинцию? ...Поразительное положение вещей! Почти любой может поехать в Пешавар, а мне нельзя побывать там даже с коротким неофициальным визитом»⁶⁰. Но ничего не было предпринято в связи с его требованием об отставке Кэроу до отъезда Уэйвелла, состоявшегося несколько дней спустя.

ПЕРЕДАЧА ВЛАСТИ

24 марта 1947 года Маунтбэттен был приведен к присяге в качестве вице-короля. Вокруг его короткого пребывания на этом посту, не без чьей-то подсказки, был создан романтический миф. Были написаны книги, рисующие образ волшебного принца, появившегося на сцене в последнем акте индийской драмы, подчинившего себе английский кабинет и навязавшего свою волю индийским политическим деятелям. «Я правил обаянием своей личности»¹. Взяв твердо в руки, как нам говорят, критическую ситуацию, он принял решение разделить страну и сделал это ровно за четыре с половиной месяца, решив таким образом проблему, над которой государственные деятели Англии и Индии бились годами.

Маунтбэттен обладал, конечно, незаурядными личными качествами — привлекательной внешностью, связями с королевской фамилией, блестящей военной репутацией и к тому же очаровательной и умной женой. Но было бы ребячеством предполагать, что все это даже в малой мере помогло решить индийский вопрос, ошеломив тех, от кого это зависело, и заставив их принять предложенное им решение. В действительности же еще до прибытия Маунтбэттена в Индию и английское правительство и Конгресс пришли к убеждению, что нет альтернативы принятию в той или иной форме требования Джинны. Официальная точка зрения не только в Дели, но и в Лондоне уже строилась на аксиоме, что Конгресс представляет индусов, а Лига — мусульман. Так, например, Криппс, комментируя выборы 1946 года, сказал: «Впервые после начала войны степень соперничества религиозных общин стала очевидна, и выяснилось, что индийцы разделились преимущественно на религиозно-общинной основе и пошли соответственно за Конгрессом и Мусульманской лигой»². В своем заявлении от 20 февраля Эттли признал, что план миссии кабинета фактически потерял силу и что англичане передадут власть, если возникнет такая необходимость, не центральному правительству, а правительствам на местах. Даже определение даты ухода англичан из страны, по-видимому, было делом Эттли, и поэтому

Маунтбэттен не может приписывать главную заслугу себе. Была создана хитроумная легенда, что именно Маунтбэттен решительнее всех настаивал на установлении твердого срока передачи власти и решил, что добиться этого лучше всего, приписав эту идею премьер-министру³. Но, вероятно, правильнее будет положиться в этом вопросе на свидетельство лорда Исмэя, работавшего в аппарате Маунтбэттена в Индии, хорошо информированного, и если пристрастного, то к Маунтбэттену. Поздравив Эттли с исходом конференции премьер-министров стран Содружества, в результате которого Индия, хотя и объявленная республикой, могла оставаться членом Содружества, Исмэй писал:

«Это был Ваш личный замечательный триумф, точно так же как первоначальное решение назначить определенную дату передачи власти в Индии и направить туда Дикки (Маунтбэттена) в качестве вице-короля. Если мне будет позволено так сказать, Вы с самого начала проводили последовательную и дальновидную линию в отношении Индии... Как бы то ни было, Вы замечательно и всесторонне решили вопрос, и история этого, конечно, не забудет»⁴.

Рабочий комитет Конгресса в начале марта тоже примирился с мыслью о разделе Пенджаба и признал, что тот же принцип применим и к Бенгалии. Для Ганди единство Индии все еще имело большое значение, но сам он уже находился в тени. Его роль в Конгрессе была подобна роли главы какого-нибудь Оксбриджского колледжа, который пользуется там большим уважением, но имеет мало влияния на его руководящий орган. Джавахарлал и Патель пришли к выводу, что иной альтернативы, кроме хотя бы временного раздела, нет. Индийский народ был во власти психологического напряжения, и это особенно относилось к мусульманской части населения; напряженность не могла быть снята ни путем убеждения, ни силой. Настаивать на сохранении Индийского союза — значило бы только продолжать и усиливать кризисное положение. Даже союз с очень свободными внутренними связями казался в этот момент невозможным, и все усилия сохранить его могли привести только к ослаблению страны и прекращению ее социально-экономического прогресса. Полная неспособность временного правительства прийти к решению любого важного вопроса являлась убедительным свидетельством в пользу раздела. Поэтому Джавахарлал и Конгресс, отвергая теорию двух государств, все же согласились на отделение тех частей страны, которые желали отделиться. Ведь такой исход мог в конечном итоге все же облегчить торжество разума и логики. Существовали некоторые проблемы, такие, как оборона, которые и после разде-

ла, не по свободному выбору, а по необходимости, должны были решаться совместно, и это могло постепенно привести к обратному воссоединению Индии. «У меня нет никаких сомнений, что рано или поздно Индия должна будет действовать как единая страна. Быть может, лучший способ достигнуть этого — пройти сейчас через какого-то рода раздел»⁵. Разум требовал представить событиям идти своим чередом, чтобы положение само собой пришло в равновесие. «Но в одном я уверен, что в конце концов Индия будет единой и сильной. Нам часто приходится проходить через долину теней, чтобы подняться на освещенные солнцем горные вершины»⁶.

Таким образом, задача Маунтбэттена состояла в том, чтобы разработать детали и произвести раздел, которого требовала Лига и на который согласились и английское правительство и Конгресс. И за это новый вице-король взялся привычными ему командирскими методами. До приезда Маунтбэттена Джавахарлал был обеспокоен включением в число должностных лиц Исмэя и сэра Эрика Мьевилля, которые в последний раз были в Индии при Уиллингдоне, но вскоре доброжелательность Маунтбэттена, его здравый смысл и прямота и присущее ему понимание необходимости немедленных действий произвели на него благоприятное впечатление — все это составляло резкий контраст с постоянными колебаниями и предвзятостью Уэйвелла. В первые несколько недель пребывания на посту вице-короля Маунтбэттен усердно делал вид, что проводит консультации и ищет пути возрождения к жизни плана миссии кабинета, и Джавахарлал довольствовался ролью наблюдателя.

Сейчас он посвятил себя целиком Межазиатской конференции. Идея такой конференции зародилась у Джавахарлала еще в декабре 1945 года, и после предварительных организационных мероприятий в сентябре 1946 года были разосланы приглашения. Конференция предполагалась как неофициальное собрание представителей всех взглядов и убеждений из стран Азии (плюс Египет). Каждой стране было предложено направить делегацию из шестнадцати человек, избранных заинтересованными в проблемах международной политики учреждениями (там, где они имелись). В дополнение к этим делегациям правительству страны-участницы предлагалось назначить четырех наблюдателей; кроме того, имелось в виду пригласить как частных лиц видных ученых из этих стран. Созванная до освобождения Индии, в период, когда Джавахарлал не был связан политическими ограничениями как официальное лицо, эта конференция имела возможность выслушать представителей Гоминьдана и коммунистов, Арабской

лиги и Еврейского университета. Были представлены и советские среднеазиатские республики. Кроме того, Советский Союз, а также Австралия, Новая Зеландия и Соединенные Штаты прислали наблюдателей.

На конференции царил атмосфера эйфории. Главной ее целью было дать возможность азиатским руководителям собраться вместе на пороге новой эры. Из повестки дня были исключены не только спорные вопросы, касающиеся этих стран, но также такие проблемы, как оборона и безопасность, затрагивающие государства за пределами Азии; рассматривались только такие безобидные вопросы, как национальные освободительные движения, миграция и расовые проблемы, экономическое развитие и положение женщин. Но повестка дня была наименее важной частью конференции. В течение десяти дней, с 23 марта по 2 апреля, Дели ощущал себя естественным центром возрождающегося континента, сознавая значение своего замечательного прошлого и создавая связи для будущего.

«Стоя у водораздела двух эпох человеческой истории и устремлений, мы можем оглянуться на наше долгое прошлое и посмотреть вперед на будущее, которое обретает форму на наших глазах... Индеец, куда бы он ни поехал в Азии, всегда чувствует родство со страной, где находится, и с людьми, которых там встречает... Слишком долго мы, народы Азии, были просителями при дворах и канцлерствах Запада. Это все должно теперь уйти в прошлое. Мы собираемся стоять на собственных ногах и сотрудничать со всеми, кто готов сотрудничать с нами. Мы не намерены быть игрушкой в чужих руках»⁷.

Из межазиатской организации, созданной конференцией, ничего не получилось, и ни одна из стран-участниц не провела в жизнь резолюцию о создании национальных отделений этой организации или академий по изучению проблем Азии. Не состоялась даже вторая сессия Межазиатской конференции, хотя многие прослеживают ее влияние в созыве Бандунгской конференции стран Азии и Африки в 1955 году. Джавахарлал, однако, был доволен Делийской конференцией как выражением своих собственных глубоких чувств. Для него конференция была «поражительным успехом со всех точек зрения. Полагаю, что мы, безусловно, можем ее назвать началом новой эры в истории Азии. Все, кто приехал со всех концов Азии, ощутили важность и значение этого события и разъехались под большим его впечатлением. Пребывание в Дели пошло им на пользу. Индия в целом внезапно осознала, что у нее есть не только ближайшие соседи, но существует еще вся Азия. Все мы ощущаем себя сейчас частью Азии»⁸.

Даже после окончания конференции Джавахарлал не принимал активного участия в обсуждении вопросов конституции. «Он очень устал умственно и физически, — комментировал Исмэй после встречи с ним⁹, — и в опасной степени поддается эмоциям. Но он обладает мужеством и своеобразным государственным мышлением». Будучи убежден в добросовестности Маунтбэттена, Джавахарлал считал в то время своей главной задачей просто расчищать путь вице-королю, откладывая в сторону или решая мелкие вопросы, чтобы тот мог сосредоточиться на главных. Он не настаивал на отставке Кэроу. Он разрешил кризисную ситуацию, которая возникла накануне отъезда Уэйвелла по вопросу об освобождении военнослужащих Индийской национальной армии, все еще находившихся в тюрьме. Это был единственный вопрос, по которому члены временного правительства имели единое мнение; его поддержало и Законодательное собрание. Однако Уэйвелл с одобрения английского правительства использовал свое право вето. В подобных условиях любое нормальное правительство, очевидно, должно было уйти в отставку, но временное правительство не было нормальным. Чрезвычайно сомнительно, что представители Лиги, несмотря на единую точку зрения, пошли бы вместе с Конгрессом на такой шаг. Возможно, и это обстоятельство побудило Джавахарлала уступить нажиму Маунтбэттена и предложить передать эти дела в федеральный суд, чтобы получить там совет. Он был возмущен настойчивостью Джинны, который заявил, что подпишет воззвание о прекращении межобщинных беспорядков только наряду с Ганди, но без Дж. Б. Крипалани, сменившего Джавахарлала на посту председателя Конгресса. Намерение Джинны было совершенно ясно: он хотел подчеркнуть, что Ганди представляет индуистскую Индию, а он, Джинна, — мусульманскую; это было несправедливо по отношению к Ганди и противоречило политической линии Конгресса. И все же Джавахарлал согласился подчиниться решению Маунтбэттена, и воззвание было подписано только Ганди и Джинной¹⁰.

Таким образом, Джавахарлал, даже в ущерб собственной партии, предоставил вице-королю самую широкую возможность разработать наилучший план раздела страны. Маунтбэттен и его советники составили так называемый «Балканский план», согласно которому власть передавалась провинциям и им предоставлялось право решать, хотят ли они объединяться в группы¹¹. Лидеров Конгресса подробно не ознакомили с планом, и Джавахарлал знал его только в общих чертах. Как видно, он не предполагал, что власть передается провинциям, и считал, что раздел будет означать не более чем деление Пенджаба и Бенгалии. Утвержда-

лось, что Мьевиль показывал проект предложений Джавахарлалу и имел с ним встречу, удовлетворившую обе стороны¹². Но факты свидетельствуют об обратном. «Ни я, ни мои коллеги по временному правительству, присутствовавшие при нашей встрече,— писал Джавахарлал Маунтбэттену 1 мая,— не знаем во всей полноте предложений, которые лорд Исмэй везет в Лондон. Однако Вы любезно ознакомили меня в общих чертах с этими предложениями, и я изложил их (Рабочему) комитету... В этом письме я не вдаюсь в детальное обсуждение всех Ваших предложений, поскольку мы не располагаем ими в окончательном их виде». Таким образом, помимо того, что он снова заявил о согласии Конгресса с принципом раздела на основе самоопределения конкретно перечисленных территорий, Джавахарлал лишь подчеркнул неправомерность попыток сместить конгрессистское правительство в Пограничной провинции, чтобы сделать практически возможным создание Пакистана. Уступить требованиям Лиги, поддержанным террором и бесчинствами погромщиков, о проведении новых выборов — значило бы капитулировать и тем самым вызвать далеко идущие последствия не только для Пограничной провинции, но и для всей Индии¹³. Но вместо того, чтобы положить конец насилиям и провоцирующей их политике, губернатор и некоторые его советники поощряли подобные действия Лиги. Теперь Джавахарлал намекнул об отставке, если не будет удален Кэроу. «Мне чрезвычайно трудно продолжать возглавлять государственный орган, который в известной мере ответствен за деятельность должностных лиц, поступающих неправильно и находящихся целиком вне моего контроля»¹⁴. У Маунтбэттена не могло быть сомнений по поводу того, что Кэроу злоупотребляет своим служебным положением. Губернатор откровенно действовал, исходя из предпосылки, что «Конгресс здесь инородное тело» и будет только справедливо, если провинция, зажата между Пенджабом и территориями племен, получит правительство, сформированное Лигой. Поскольку Лиге в этой провинции не хватало руководителей такого калибра, как Абдул Гаффар-хан и его брат, конгрессистский премьер д-р Хан Сахиб, Кэроу настойчиво убеждал последнего изгнать конгрессистов из своего правительства и порвать все связи с Конгрессом¹⁵. Совет этот вряд ли соответствовал конституционному положению губернатора. Но Маунтбэттен не был готов, по крайней мере в тот момент, удалить Кэроу. Уэйвелл решительно не советовал предпринимать такой шаг, и вообще на смещение такого высокопоставленного лица индийской гражданской службы, как губернатор, по требованию половины членов правительства нелегко было пойти. Кроме того, Маунт-

бэттен посещал Пограничную провинцию, на него, по-видимому, произвели впечатление массовые демонстрации, организованные для того, чтобы показать растущую силу Лиги. С другой стороны, вице-король возражал против кампании, которую вел Конгресс в разных городах в пользу смещения Кэроу и против публичной критики действий губернатора Гаффар-ханом, рассматривая это как попытку заставить его поддаться нажиму¹⁶. В действительности же Маунтбэттен решил следовать политике Кэроу и сделать ее приемлемой для Конгресса, освободившись, когда придет время, от Кэроу. Он сказал Хану Сахибу, что сможет удалить Кэроу, только если Конгресс согласится на референдум, и предоставляет Конгрессу сделать этот выбор¹⁷.

Даже после того, как Исмэй получил у английского кабинета одобрение «Балканского плана» Маунтбэттена с незначительными поправками, Джавахарлал и вице-король продолжали обсуждать его применение прежде всего в Пограничной провинции. 10 мая Джавахарлал был гостем Маунтбэттена в Симле. Там вице-король написал ему, что вместо губернаторского правления или новых выборов в Северо-западной пограничной провинции надо провести референдум по вопросу о разделе под контролем организации, подчиненной не губернатору, а вице-королю. «Я скажу Кэроу, чтобы он сообщил д-ру Хану Сахибу, что в целом Вы согласны с предложенной процедурой». Джавахарлал немедленно отверг это предположение и отказался действовать под нажимом. По этому вопросу у Рабочего комитета была очень твердая позиция, и он специально поручил Джавахарлалу довести ее до вице-короля. Джавахарлал согласился только на то, что перед принятием окончательного решения необходимо посоветоваться с населением провинции, но очень важно, когда именно это будет сделано и в каком контексте; что касается любого референдума, то для его проведения потребуется согласие всего правительства провинции¹⁸.

Вечером 10 мая Маунтбэттен, действуя «абсолютно по наитию», передал Джавахарлалу полный текст «Балканского плана» с поправками английского кабинета. «Этот момент,— пишет историк периода пребывания Маунтбэттена в Индии,— явился водоразделом в истории трех народов»¹⁹. Если бы Джавахарлалу просто снова показали текст, который он уже видел, но с мелкими изменениями, значение этого акта было бы невелико. На самом деле он видел полный текст впервые и был настолько потрясен, что ворвался в комнату Кришны Менона в два часа ночи, утратив от негодования дар речи²⁰. Необходимо подчеркнуть, что некоторые моменты плана явились для Джавахарлала полной неожиданностью, ибо без этого не понять его реакции. Сам Джавахар-

лал с несомненностью подтверждает это в записи, сделанной им в то время.

«Симла.

Вечером 10 мая мне дали некоторое представление о проекте предложений в том виде, как они были направлены в Лондон. Я продумал их в течение ночи и рано утром продиктовал длинную записку. Поскольку перепечатка этой записки требовала времени, а события развивались быстро, я направил лорду Маунтбэттену короткую записку, написанную от руки. Я не оставил себе ее копии. Это мое письмо произвело немедленное впечатление, и состоялась беседа. Позже я вручил Маунтбэттену записку от 11.5, напечатанную на машинке.

Днем 11-го было решено отложить совещание, назначенное на 17 мая, до 2 июня. Дж. Н.»

Наспех написанное письмо Маунтбэттену носит следы возбуждения и местами бессвязно. Но в нем ясно сказано, что Конгресс не допустит расчленения Индийского союза и передачи суверенной власти провинциям. Любой план должен исходить из наличия союза и из возможности выхода из него по желанию отдельных областей, а не из создания отдельных суверенных государственных образований и их объединения, если они того пожелают. Выбросить за борт основную идею Индии как единого государства и лишить Учредительное собрание его важной роли — значило бы сделать все уступки Лиге и игнорировать взгляды и мнения всех других слоев индийской общественности. «Абсурдное» предложение определить будущее Белуджистана в соответствии с пожеланиями нескольких назначенных *сирдаров*, настойчивое требование дать Северо-западной пограничной провинции новую возможность пересмотреть свое решение оставаться частью Индии и отказ применить в Синде формулу, навязанную Ассаму, в соответствии с которой часть его, где мусульманское население находится в большинстве, должна быть присоединена к соседней откальвающейся территории, — все это — политика особого благопритствования Лиге. Неизбежным следствием ее явилась бы балканизация Индии, провоцирование гражданской войны, рост насилия и беспорядков; это вызвало бы дальнейший распад центральной власти, деморализацию армии, полиции и гражданской службы. Княжества тоже станут объявлять себя независимыми королевствами, возможно, в качестве подданных и союзников Англии, и все это создаст пропасть между народами Индии и Англии, через которую почти невозможно будет навести мост. Заверения, публично данные пограничным племенам, что они могут заключать союзы, с кем хотят, откроют перед ними возможно-

сти использовать в своих интересах внутренние трудности Индии.

Реакция Джавахарлала удивила Маунтбэттена. Он отнес ее, как позже и Исмэй, к застарелой подозрительности по отношению к английскому правительству и подумал, что Джавахарлал недоволен самым фактом пересмотра плана в Лондоне²¹. Более позднее истолкование такой реакции носит психологический характер. Говорилось, что Джавахарлал был подвержен амнезии; даже в момент обсуждения раздела он был захвачен видением единой Индии, и столкновение с истинным положением вещей вызвало столь бурную реакцию. События в Симле рассматриваются прежде всего как внутренний кризис в душе эмоционального мечтателя. Джавахарлал подсознательно балансировал между двумя линиями поведения, переживая один из тех периодов, когда перемены его настроения были непредсказуемы; в разладе с собой и с другими, он бунтовал против того, что он, революционер, отдает себя в руки вице-короля и английского правительства²². Но подобная интерпретация предполагает, что Джавахарлал видел полный текст предложений, который Исмэй повез в Лондон, а он, безусловно, его не видел. В своем стремлении довести дело до конца Маунтбэттен был склонен верить, что желаемое и есть действительное. «Он замечательный парень в бесконечном множестве отношений, но ясность мыслей и четкость их изложения в письменном виде не принадлежат к сильным его сторонам»²³. Маунтбэттен убедил себя, что заранее получил одобрение Джавахарлала «Балканскому плану» и истолковал личное сердечное отношение к себе Джавахарлала как полное одобрение своего плана. Но, безусловно, где-то в глубине души он ощущал грызущее чувство сомнения в реальности этого одобрения, что объясняет его «наитие». Джавахарлал, потрясенный идеей раздробления страны, слишком верил в порядочность Маунтбэттена, чтобы подумать, что именно он вставил эти пункты в план, что он сознательно не сообщил ему о них. Поэтому Джавахарлал предположил, что эти формулировки были вставлены английским кабинетом, и резко осуждал его за это. Именно этим, а не предположением, что он был достаточно мелочен, чтобы выразить свое недовольство даже незначительными поправками, сделанными в Лондоне, объясняется характер и язык его письма вице-королю.

«Относительно простые предложения, которые мы прежде осуждали, теперь в совершенно ином виде появились в облачении, в которое нарядило их правительство Его Величества, что придало им зловещий смысл... Возникшая в них картина Индии испугала меня... Правительство Его Величества, по-видимому, действует

в построенной им для себя башне из слоновой кости, совершенно отрезанной от реальностей Индии...»²⁴

Нельзя сказать, что опасения Джавахарлала были вовсе не реальными или чисто теоретическими. Весьма мощные силы были приведены в действие в стремлении раздробить Индию на отдельные государственные единицы. Сухраварди встал во главе движения за создание независимой Бенгалии и заручился поддержкой некоторых влиятельных конгрессистов. В Северо-западной пограничной провинции многие конгрессисты тоже свободно обсуждали вопрос о предпочтительности независимости насильственному присоединению к Пакистану. В свете предстоящего отсутствия центральной власти политический департамент, который не находился под контролем временного правительства, убеждал ведущих князей, как подозревал Конгресс, объявить себя независимыми правителями²⁵. Было известно, что о независимости подумывали наваб Бхопала и низам Хайдарабада, а диван Траванкура объявил, что его княжество станет суверенным государством. Если бы английский кабинет признал «Балканский план» своей политической линией, раздел мог бы превратиться в раздробленность и Индия как таковая перестала бы существовать.

После того как Джавахарлал отверг этот план, Маунтбэттен, торопясь восстановить подорванное доверие к себе, отложил встречу с индийскими руководителями, намеченную на 17 мая, и поручил своим советникам переработать план, чтобы снять основное возражение Джавахарлала. Предусматривалось, что Учредительное собрание будет продолжать свою работу, а кроме того, будет создано второе Учредительное собрание для тех областей, которые откажутся от представительства в существующем собрании. Пенджаб и Бенгалия будут разделены в том случае, если того пожелают либо округа с преобладающим мусульманским населением, либо остальная часть этих провинций. Впоследствии намечалось создание комиссий для демаркации границ с учетом соседствующих областей, имеющих соответствующее большинство населения, и других факторов. Однако создание отдельного государства сикхов не представлялось возможным. Хотя Сильхет является частью Ассама, но, поскольку он населен преимущественно мусульманами и граничит с Бенгалией, имелось в виду провести референдум о том, должен ли он тоже подвергнуться разделу. К какому государству присоединится Синд, решит его законодательное собрание; будет также создан соответствующий механизм, который позволит британскому Белуджистану тоже сделать свой выбор. Особо серьезную проблему представляла Северо-западная пограничная провинция, большинство представителей

которой уже заседали в Учредительном собрании. В этом случае откровенно отбросили демократические принципы для того, чтобы Пакистан мог стать реальностью. «Но в свете географических и других соображений совершенно ясно, что если весь Пенджаб или часть его решат не участвовать в существующем Учредительном собрании, появится необходимость предоставить Северо-западной пограничной провинции возможность пересмотреть свое положение». Поэтому, если Пенджаб примет решение о разделе, в Северо-западной пограничной провинции будет проведен референдум под эгидой генерал-губернатора и при консультации с правительством провинции. Соглашения с приграничными племенами будут разработаны соответствующими органами, которые придут к власти. Политика Англии в отношении индийских княжеств останется прежней, и план не будет их касаться.

Этот план в целом был приемлем для Конгресса, поскольку он исходил из того, что Индия останется единым государством при отделении тех областей, большинство населения которых этого пожелает. Джавахарлал и его коллеги тоже стремились к быстрым и окончательным решениям. Лахор постепенно превращался в руины, а Калькутта готовилась к новой серии убийств. Но администрация делала очень мало для того, чтобы приостановить распространение и усиление религиозно-общинных столкновений. «Мы сейчас живем в обстановке кризисов, как на вулкане. Единственным утешением в этих условиях служит мысль, что решение вскоре будет найдено. Мы имеем дело с очень тяжелой обстановкой, и время расплывчатых резолюций прошло. Нужно сделать твердый выбор, и очень часто такой шаг весьма труден»²⁶. Первое, что нужно было сделать,— это немедленно отобрать власть у англичан, так как английские должностные лица, по-видимому, не хотели и не были в состоянии справиться с ситуацией. Зная, что они скоро уйдут, многие из них проявляли мало интереса к делам, а другие получали очевидное удовольствие от мысли, что Индия разваливается на части. «Положение стало нетерпимым, и проявляемая Маунтбэттенем добрая воля не делает его более терпимым»²⁷. Никто не хотел брать на себя ответственность, и обстановка с каждым днем становилась все хуже. Как сказал Пател Маунтбэттену, «Вы не правите сами и не даете править нам»²⁸.

Воспользовавшись подавленным настроением Джавахарлала, Маунтбэттен убедил его, несмотря на все прежние сомнения, не только согласиться на референдум в Северо-западной пограничной провинции, но и на статус доминиона для Индии. С самого начала вице-король имел целью добиться решения, которое удержало бы все стороны, определяющие будущее Индии в рамках

Содружества, и Джинна на одном из этапов переговоров пытался увеличить шансы на создание Пакистана, заявив, что Пакистан согласится на статус доминиона. Но, конечно, первостепенное значение придавалось позиции Конгресса. Патель со своими консервативными тенденциями и Кришна Менон со своими англофильскими взглядами в этом вопросе были единомышленниками. Но Джавахарлал, занимавший промежуточную позицию, был непреклонен. Его взгляды не изменились с того времени, когда в 1927 году он предложил резолюцию о независимости в Мадрасе и в 1929 году председательствовал на съезде Конгресса в Лахоре, где было принято решение о гражданском неповиновении, если стране не будет предоставлена независимость. С того времени ежегодно отмечался День независимости, а в декабре 1946 года Джавахарлал внес в Учредительном собрании проект резолюции, объявляющей Индию независимой суверенной республикой. Его речь по этому случаю отражала возмущение английскими властями в связи с тем, что они отвергли истолкование плана миссии кабинета, предложенное Конгрессом. В последующие месяцы личная дружба с Маунтбэттенем сделала Джавахарлала менее резким, но не изменила его взглядов на этот вопрос.

«Ни при каких мыслимых обстоятельствах Индия не останется в Британском содружестве, каковы бы ни были последствия этого шага. Это не тот вопрос, который могут решать несколько человек или я один. Любая попытка остаться в Содружестве сметет тех, кто это предложит, и может принести большое несчастье Индии, мы поэтому должны исходить из предположения, какое практически не вызывает сомнений, что Индия выйдет из Содружества к середине будущего года».

Дружеские договоренности с Англией могут быть заключены по многим вопросам, в том числе по вопросу обороны, но только на основе независимости. Если офицеры английской армии станут угрожать уходом, «это не вызовет у меня бессонницы»²⁹. Их уход может сразу привести к ослаблению высшего командного состава, но в конечном итоге он научит Индию надеяться на себя и сделает ее независимость реальностью. Выход из Содружества в известном смысле также укрепит безопасность Индии, ибо Англия показала, что не в состоянии оборонять Индию, а главным результатом пребывания в Содружестве будет то, что Индия окажется втянутой во все английские обязательства перед другими странами и в ее враждебные отношения с некоторыми из них, в то время как самой Индии не угрожает ни одна крупная держава³⁰.

Однако в мае стремление Джавахарлала к быстрой передаче власти было использовано как довод в пользу статуса доминиона. В своей записке от 11 мая он предложил, чтобы еще до ухода англичан временное правительство рассматривалось как кабинет министров с совместной ответственностью, основанной «на полной автономии доминиона»; в том случае, если Лига откажется принять эту формулу, ее представителям следует уйти в отставку. Маунтбэттен сначала согласился на это при условии, что за вице-королем останется решающее слово в вопросе о защите интересов меньшинств. Однако позже, очевидно в связи с возражениями Джинны, он отказался от данного согласия. Конгресс резко выступил против этого, и возник довольно горячий спор. «Маунтбэттен почти впервые встал на совершенно противоположную нашей точку зрения и заявил, что считает нашу настойчивость, доходящую до готовности к разрыву, неразумной, когда дело идет всего о двух или трех месяцах». Джавахарлал и Патель ответили, что это — жизненно важный вопрос и что, если от них потребуют еще раз уступить Джинне, они предпочтут уйти в отставку. Но Маунтбэттен отказался пойти на уступки и обвинил Конгресс в стремлении в ближайшие месяцы подчинить себе Лигу и, возможно, вмешаться в дела областей с мусульманским большинством во вред Лиге. В конце концов Конгрессу пришлось уступить³¹. В конечном итоге было принято решение, что, поскольку вопрос о разделе страны решен, для ускорения передачи власти нужно сформировать правительства двух доминионов с общим генерал-губернатором или двумя разными генерал-губернаторами. Вооруженные силы также будут поделены в соответствии с территорией, откуда они набирались в армию.

На этом этапе у Конгресса было не много возражений против главных положений майского плана, за исключением того, что он хотел, чтобы некоторым районам Синда с большинством индусского населения было предоставлено право отделиться от этой провинции; Конгресс также предлагал исключить из текста все ссылки на сикхов, если только не может быть сказано, что комиссия по демаркации границ учтет их пожелание, чтобы большинство сикхской общины по возможности было включено в Восточный Пенджаб. Маунтбэттен отклонил первое предложение на том основании, что оно дало бы Лиге повод в свою очередь требовать небольших «карманов» в других местах³², — довод, который с таким же успехом можно было отнести к Силхету. И здесь опять Конгресс, почти теряющий надежду на то, что наконец будет принято окончательное решение, не настоял на своем. О сикхах было решено вообще не упоминать.

Видя, что Конгресс постоянно идет на уступки и что Маунтбэттен, несмотря на всю свою личную симпатию к Джавахарлалу, не стоит на стороне Конгресса, Джинна продолжал настойчиво повторять свои требования. Несмотря на свое устное заявление Маунтбэттену, что план в том виде, как он существует, устраивает Лигу, он продолжал, по крайней мере для внесения в протокол, требовать большего. Он добивался роспуска Учредительного собрания и созыва двух новых — одного для Индии и другого для Пакистана. Пенджаб и Бенгалия не должны подвергаться разделу, Калькутта не должна быть отдана Индии, и в крайнем случае ей следует стать открытым портом; кроме того, не надо консультироваться с конгрессистским правительством Северо-западной пограничной провинции по поводу проведения там референдума. Затем, когда Маунтбэттен находился в Лондоне для консультаций с английским кабинетом, Джинна публично потребовал создания коридора между Западным и Восточным Пакистаном. Маловероятно, что он на этом этапе рассчитывал на большие уступки, чем те, что предусматривались планом Маунтбэттена. Но, продолжая эту войну нервов, он ничего не терял. Как заметил Мьевиль, «все это вызвало у меня сильное разочарование, но в то же время не было полной неожиданностью»³³. В ответ на эти требования Джавахарлал заявил, что Джинна, очевидно, не хочет урегулирования и поэтому от плана Маунтбэттена следует отказаться, осуществить план миссии кабинета и считать временное правительство правительством доминиона³⁴.

Оставив требования обеих сторон без внимания, кабинет одобрил план в том виде, в каком он был представлен, с одним лишь важным добвлением: дата передачи власти может быть передвинута с июня 1948 года даже на более ранний период — 1947 год — в случае предоставления статуса доминиона одной или двум вновь созданным государственным единицам. Маунтбэттен передал этот план Конгрессу и Лиге, получил их согласие на его осуществление и попросил Джавахарлала, Джинну и Балдева Сингха вместе с ним выступить по всеиндийскому радио вечером 3 июня. Речь Джавахарлала была одним из выдающихся его выступлений. В обычных условиях он не был хорошим оратором, но умел, когда того требовали обстоятельства, быстро собраться и говорить искренне. Он «спотыкался» на равнинах, но чувствовал себя как дома на горных вершинах. Он никогда не прибегал к цветистой риторике, красноречие его всегда было спокойным. Он говорил о прошедших девяти месяцах, когда Конгресс возглавлял правительство в центре, о месяцах горьких испытаний и трудностей,

о тревогах и порой душераздирающих треволнениях. Было в это время и много хорошего, потому что Индия двинулась вперед и в своих внутренних и в международных делах. Но его одолевают тяжелые думы о трагедии и страданиях, которые пережил индийский народ. Без всякой радости он сейчас рекомендует предложение о разделе, хотя не сомневается, что этот путь является правильным. Именно во имя Индии, единой не по принуждению, но по свободному и охотному выбору ее свободного народа, они трудились, и, возможно, эти предложения дадут им возможность построить такую единую Индию быстрее, чем иным путем, и на более крепком фундаменте.

«Мы — маленькие люди, служащие великому делу, но от того, что дело это такое великое, что-то от его величия озаряет и нас. Могучие силы действуют сейчас в мире и в Индии, и я не сомневаюсь, что мы вступаем в эпоху величия Индии. Индия географическая, историческая, Индия наших традиций, наших мыслей и наших сердец не может измениться».

Именно с верой в это нужно похоронить дурное прошлое и положить начало новому будущему.

В этой речи слились печаль и глубокая преданность, мужество и великодушие, и даже такой закаленный солдат, как Исмайл, был тронут.

«Мне неловко добавлять еще одну бумагу ко многим, которые Вам приходится читать, но я прошу позволить мне выразить самые теплые поздравления в связи с Вашим блестящим выступлением по радио вчера вечером. Если мне будет позволено так выразиться, это была мужественная, великодушная и глубоко волнующая речь. Не могу себе представить иных слов, которые в большей мере могли бы вдохновить всех нас делать все, что в наших силах, в предстоящие дни. Мне особенно понравилось Ваше упоминание о «маленьких людях» и «великих делах». Оно в точности передает то чувство, которое я испытываю к себе, недостойному, с тех пор как я взялся за выполнение своей задачи.

Прошу Вас верить в искренность моей признательности.

С уважением, Ваш Исмайл»³⁵.

Теперь оставалось только провести план в жизнь, выяснить пожелания населения территорий, которых это касалось, и провозвести раздел, если того пожелает большинство. Любопытно, что Джавахарлал не ожидал больших трудностей. Он рассматривал религиозно-общинное безумие как лихорадку, которая пройдет, коль скоро решение о Пакистане уже принято. У него

было слишком благородное представление о своих соотечественниках, и он не мог думать, что желание убивать и мучить, порожденное религиозным рвением, может глубоко корениться в их натуре. Он ошибался, но так же ошибались в то время все другие, на ком лежала ответственность. Все они были поражены и застигнуты врасплох получившими широкое распространение зверскими убийствами, уродовавшими облик Индии до и после раздела. После 2 июня Джавахарлал, будучи уверен, что настоящее Индии решено, думал главным образом о будущем. Сейчас трудные времена, но Индия, пусть ошибаясь, переживет их, а когда установится новый порядок, пойдет быстро вперед. В эти летние месяцы Джавахарлал впервые со времени своего освобождения в 1945 году не был втянут в водоворот событий. Потеря некоторых частей Индии казалась ему временным явлением, которое скоро придет в норму. Эту точку зрения разделял даже Криппс. Он тоже не рассматривал июньский план как полное отделение отходящих территорий и посоветовал профессору Моррис-Джонсу, отправлявшемуся в Индию в конце мая в качестве советника Маунтбэттена по конституционным вопросам, изучить такие объединенные образования, как Австро-Венгерская империя и Международный почтовый союз³⁶.

Джавахарлал также не думал, что раздел произойдет очень скоро. Поскольку вопрос о разделе был решен, Маунтбэттен считал, что, если он не будет быстро осуществлен, «эта бомба взорвется у меня в руках»³⁷. Поэтому без всякой консультации с Конгрессом или с Лигой он объявил, что раздел будет произведен, и оба доминиона начнут свое существование к 15 августа. Но Джавахарлал, по-видимому, не обратил на это внимания. Он все еще исходил из того, что англичане уйдут в июне 1948 года, когда Индия обретет полную независимость. Статус доминиона — не более чем временное решение, «подарок *ex gratia*»* от англичан, дающий им в конечном итоге известные преимущества, поскольку он увеличивал их престиж и помогал создать атмосферу доброй воли³⁸. Маунтбэттен пытался прояснить это недоразумение³⁹, но, очевидно, тщетно, ибо даже позже Джавахарлал писал, что «с 15 августа и впредь наше правительство будет в основном свободным правительством». Контроль англичан над индийской армией в известной мере сохранится, и уже к 1 апреля 1948 года индийское правительство рассчитывало получить «значительный», но, по-видимому, неполный контроль над

* Милостивый (лат.).

армией⁴⁰. Статус доминиона никогда не означал для Джавахарлала полной независимости, и теперь он тоже не изменил своих взглядов. До тех пор пока Индия останется доминионом, он не считал переходную фазу завершенной. Только когда Индия станет республикой, она сможет считаться полностью свободной.

Рассматривая пункты плана, касающиеся создания Пакистана, Конгресс был более всего озабочен предательством интересов Северо-западной пограничной провинции. На заседании Рабочего комитета, на котором был принят план, Ганди и Абдул Гаффар-хан, единственные из его постоянных членов, выступили против раздела, и Гаффар-хан просил своих коллег в порядке личного одолжения выяснить, не может ли плебисцит в этой провинции проводиться и по третьему вопросу, а именно — независимости⁴¹. Председатель партии обратился с соответствующим письмом к вице-королю, и Ганди вместе с Гаффар-ханом направились на встречу с Маунтбэттенем. Но вице-король отказался рассматривать это предложение, и Конгрессу пришлось замолчать, когда Маунтбэттен сказал, что именно сам Джавахарлал решительно выступал против предоставления независимости любой отдельной провинции. Джавахарлал согласился на референдум в Северо-западной пограничной провинции, также и в Силхете, рассматривая его как часть более широкого плана консультаций с населением заинтересованных областей, и Конгресс не мог отказаться от этого решения. Если бы он это сделал, то, как сказал Джавахарлалу Маунтбэттен, им обоим нечем было бы оправдаться⁴². Еще одна сложность возникла в связи с отсутствием ясности в определении самого понятия независимости. Руководители Конгресса в Северо-западной провинции, очевидно, имели в виду только полную автономию патанов, как провинции, входящей в состав Индии⁴³, но это была бы довольно путаная форма требования присоединения к Индии, и подобная путаница повлекла бы за собой внешнеполитические проблемы и поощрила бы ирредентистские устремления афганцев. Самой поразительной чертой переговоров о разделе и передаче власти летом 1947 года была неясность по основным жизненно важным вопросам. Будет ли отделение полным или частичным, будет ли власть передана англичанами целиком или с ограничениями, каковы будут выводы из референдума в Пограничной провинции? Ни по одному из этих вопросов не было полной ясности. Конгресс в своем стремлении к окончательному решению потерял уверенность, и за это он мог в большой степени возложить вину на Маунтбэттена и на его тактику чрезмерного ускорения хода событий. Только два человека ясно видели, что происходит. Ганди вла-

дело непреодолимое ощущение катастрофы, а Джинна точно знал, чего он хочет и куда идет. Джавахарлал убеждал братьев Хан отказаться от идеи независимости и объединить свои усилия, чтобы добиться большинства голосов по основному вопросу о присоединении к Индии или к Пакистану. Целый ряд должностных лиц с губернатором во главе, являвшихся противниками Конгресса, высказывали мнение, что он все еще имеет равные шансы и что партия должна решиться проверить свое положение. И если даже Конгресс проиграет, получив немного меньше голосов, он сможет позже возобновить борьбу.

«Другой фактор, который следует иметь в виду,— это личность теперешнего вице-короля лорда Маунтбэттена. Он, безусловно, играет и будет играть важную роль в различных событиях. Я не сомневаюсь в его искренности, добросовестности и желании поступать правильно. В известной мере он, конечно, связан прошлым и существующим положением, но старается сделать все, что может, чтобы идти вперед в верном направлении. Он отдает себе отчет в трудностях, связанных с проблемой Пограничной провинции, и хочет сделать все, что в его силах, чтобы преодолеть их. Я думаю, он еще окажется полезен. Он, однако, убежден, что в конкретных условиях, возникающих сейчас в Индии в связи с возможным отделением некоторых ее частей, нужно дать возможность самому населению Пограничной провинции принять решение путем референдума. Он недвусмысленно высказался за это и не может отступить без серьезного ущерба своему престижу и репутации беспристрастного деятеля. Он, вероятно, предпочел бы уйти в отставку, чем столкнуться с подобной ситуацией»⁴⁴.

Единственной уступкой Конгрессу, на которую Маунтбэттен пошел, была замена Кэроу генералом Локхартом. Это гарантировало справедливый референдум, и существует вероятность, что, если бы Конгресс принял бой, он мог бы получить много голосов. Но на деле организация Конгресса в провинции решила воздержаться от участия в голосовании, что свидетельствовало о ее робости и даже о некотором отсутствии принципиальности. Несмотря на это, из 572 798 голосовавших только 289 244 (50,49%) подали голоса за Пакистан. Это ничтожное большинство оправдывает согласие Джавахарлала на референдум, ибо Конгресс мог победить или в худшем случае проиграть с очень незначительным перевесом голосов у противной стороны. Это бы взорвало саму идею Пакистана. Фактически Лиге дали одержать очень легкую победу.

Были разрешены, хотя и не без острых споров, и другие проблемы, возникшие в связи с передачей власти и процессом

раздела. Были учреждены комиссия по разделу, представляющая обе партии, и комиссии по демаркации границ, возглавляемые сэром Сирилом Рэдклиффом в качестве председателя с правом решающего голоса. Однако взаимоотношения между комиссией по разделу и временным правительством и вопрос о роли переходного правительства после принятия решения о разделе вызвали разногласия. Джавахарлал предложил, чтобы правительство разделилось на два комитета, один из которых будет заниматься всеми вопросами, касающимися Индии, другой — вопросами, касающимися будущего Пакистана. Маунтбэттен был готов действовать в соответствии с этим разумным предложением, но Джинна высказал несогласие, а так как буква закона была на его стороне, оказалось невозможным что-либо предпринять, и правительство продолжало бездействовать. Джавахарлал счел себя вынужденным подать в отставку, и кризис был предотвращен лишь благодаря Маунтбэттену, который разделил кабинет министров, как только был принят закон о независимости Индии. Формулировки этого закона также вызвали озабоченность, в особенности у Ганди, который опасался, что он легализует теорию двух наций. Поэтому было предпринято его тщательное рассмотрение до принятия индийскими руководителями.

Маунтбэттена в отношении будущего прежде всего интересовала в то время возможность продолжать оставаться на посту генерал-губернатора обоих доминионов. Джавахарлал согласился на это еще 17 мая. Помимо желания пойти навстречу Маунтбэттену, он видел в таком решении возможность, хотя и слабую, как-то объединить прежнюю Индию и создать вероятность установления и других связей. Но теперь, уже после того как план был принят, Джинна отказался от общего генерал-губернатора и выдвинул свою кандидатуру на пост генерал-губернатора Пакистана, предложив Маунтбэттену остаться арбитром между двумя странами. Маунтбэттен рвал и метал, но безрезультатно⁴⁵. Ему пришлось удовольствоваться генерал-губернаторством Индии и постом председателя объединенного совета обороны. Даже на это Джинна дал согласие в характерной для него манере: «Я рассмотрел Ваше предложение и хочу заявить, что если Вы решите принять пост генерал-губернатора «Доминиона Индия» и если Ваше будущее правительство разрешит Вам действовать в качестве независимого и беспристрастного председателя объединенного совета обороны, я буду рад от имени «Доминиона Пакистан» дать согласие на Вашу службу в этом качестве». Это едва ли можно назвать приглашением на пост председателя. «Обратите внимание,— сообщал Маунтбэттен министру по делам Ин-

дии,— что Джинна постоянно воздерживается от того, чтобы связать себя письменно каким-либо поручением. Он лишь соглашается в такой форме, из которой явствует, что я просил его согласия»⁴⁶.

Решение Индии оставить Маунтбэттена на посту генерал-губернатора поэтому не принесло той пользы, которую ожидал Джавахарлал; однако в другом отношении оно дало быстрые дивиденды. В Лахоре продолжали дымиться развалины, и ходили слухи, что Калькутта будет подожжена, как только будет объявлено, что она передается Индии. И в Пенджабе, и в Бенгалии были предприняты некоторые меры предосторожности, хотя далеко не достаточные в свете тех ужасных событий, которые впоследствии охватили эти две провинции. Но полный размах зверств и массовое переселение жителей все еще предстояли в неведомом будущем. Конгресс в этот момент больше всего беспокоило поведение индийских княжеств. Политический департамент всегда и особенно активно после формирования временного правительства поддерживал самодержавные претензии князей и их стремление к суверенной власти, и Джавахарлалу приходилось неоднократно жаловаться на это Уэйвеллу и Маунтбэттену. Но Уэйвелл отказывался вмешиваться. Политический департамент начал жечь документы, закрывать резидентства и политические агентства и раздавать железные дороги, военные городки и другую государственную собственность. Хайдарабаду, большому княжеству в центре Индии, стремившемуся с тридцатых годов усилить свою жизнеспособность, получив выход к морю⁴⁷, было теперь предложено приобрести финансовые и промышленные концессии в соседних княжествах, таких, как Бастар. Ободренные всем этим, многие князья открыто готовились к независимости, увеличению своих армий и приобретению современного оружия. Одно из княжеств, Траванкур, руководимое диваном, человеком необузданного честолюбия и тщеславия, объявило, что становится суверенным государством с 15 августа, и назначило своего представителя в Дели и агента в Пакистан.

Джавахарлал придерживался твердых взглядов в отношении княжеств. Он ненавидел феодальное самодержавие, его возмущало пренебрежение настроениями народа, и перспектива того, что эти марионеточные князья при поддержке политического департамента станут независимыми монархами, доводила его до бешенства. Вся политика политического департамента являла собой «операцию бегство» и имела обдуманную цель разрушить единство Индии и втащить анархию с черного хода. Джавахарлал был намерен сорвать эти планы, даже, как он намекнул Маунт-

бэттену, если придется применить силу. «Следует также помнить, что право на защиту, которым пользуются княжества, исчезнет вместе с верховной властью»⁴⁸. В этом вопросе даже Маунтбэттен имел на него небольшое влияние. Однажды в споре о том, что верховная власть не исчезает, а переходит к правительству — преемнику англичан, Джавахарлал потребовал, чтобы политический советник вице-короля был отдан под суд за злоупотребление своим служебным положением. «Он,— писал Маунтбэттен⁴⁹,— как это с ним обычно бывает, полностью потерял власть над собой».

Для Джавахарлала пробным камнем стал Кашмир. У него были не только тесные личные связи с этим княжеством и Национальной конференцией, руководимой Абдуллой; его еще возмущало, что, несмотря на два его приезда в Кашмир в 1946 году, Абдулла и многие его коллеги по-прежнему оставались в тюрьме. Поэтому он планировал снова поехать в Кашмир, и попытки Маунтбэттена отговорить его только укрепляли его решимость. «В течение многих месяцев,— писал Джавахарлал Ганди⁵⁰,— с тех пор как приехал Маунтбэттен, этот вопрос о Вашей или моей поездке обсуждался и вновь откладывался. С меня достаточно. Не в моих привычках решать вопросы таким образом. Мне трудно вспомнить какое-нибудь другое дело, которое вызвало бы у меня подобное чувство горечи, как это... Я намерен осуществить свои планы. Если выбор стоит между поездкой в Кашмир, где мой народ нуждается во мне, и пребыванием на посту премьер-министра, я предпочитаю первую». Но он не поехал, а вместо него поехали Ганди и Маунтбэттен, а махараджа сумел уйти от решения вопроса о присоединении к Индии или к Пакистану.

Однако, помимо Кашмира, Хайдарабада и Джунагадха, остальные княжества к 15 августа присоединились к одному из двух доминионов. Маунтбэттен сослужил Индии хорошую службу, прогнав со сцены призрак независимости княжеств. В связи с предстоящими конституционными изменениями он издал декрет, в соответствии с которым политический департамент должен был умереть естественной смертью и на смену ему должны были прийти прямые отношения между княжествами и правительствами новых доминионов. Патель получил портфель министра по делам княжеств. Он был в основном администратором, не стесненным теоретическими соображениями. Хотя Маунтбэттену в личном плане больше нравился Джавахарлал, ясно, что ему было проще работать с Пателем. Они понимали друг друга с первого дня. Сначала, по словам Маунтбэттена, Патель пытался нажать на

него и требовал, чтобы он уволил главного комиссара Дели. Вице-король ответил, что вместо этого он телеграфирует в Лондон о своей отставке и уедет на следующее же утро, объявив публично о причине своего отъезда⁵¹. Патель не стал настаивать, и после этого их сотрудничество проходило гладко.

Готовность Пателя достигать договоренности с правителями и придавать меньше значения народному представительству облегчили Маунтбэттену задачу присоединения княжеств по трем важным сферам государственной деятельности: обороны, внешних сношений и коммуникаций. Князья и их советники были недовольны Джавахарлалом и его образом мыслей, и, отстранив его от занятия этими проблемами, Маунтбэттен облегчил князьям возможность присоединения. Ему даже удалось убедить дивана Траванкура пойти на попятную, сурово предложив ему «не вести себя как мальчишка»⁵² и действовать в согласии с общеиндийскими настроениями и единодушным желанием народа Траванкура. Поступая вопреки декларации английского правительства и игнорируя его директиву не оказывать давления на княжества⁵³, отменяя советы политического департамента, противодействуя стремлению князей если не к суверенной власти, то по крайней мере к большим привилегиям и не обращая внимания на желание Джавахарлала привлечь к принятию решений население княжеств, Маунтбэттен обеспечил существование единой Индии, но в ходе этого усилил правые элементы в индийской политике.

Казалось, что дело уже сделано. Остались только крики радости и церемонии. Этим последним Маунтбэттен уделял значительное внимание и в своей озабоченности такими деталями являл собой истинного последователя Керзона. Он пригласил Джавахарлала и Пателя в день великого события ехать с ним и с его женой в парадной карете или следовать самостоятельно в полупарадной карете, но добавил к этому от себя лично, что принятие этого приглашения может ослабить их политические позиции. Джавахарлал дал характерный для него ответ. Он сказал, что «ему было бы чрезвычайно неприятно не получить приглашения, но было бы столь же чрезвычайно неприятно, если бы пришлось его принять»⁵⁴.

4 августа Джавахарлал направил Маунтбэттену список тех, кто должен был стать членами первого кабинета министров свободной Индии. Хотя кабинет был сформирован Конгрессом, ему была придана видимость коалиционного кабинета всех партий включением в его состав лоялиста, руководителя Хинду махасабхи и Амбедкара — экстремистского лидера Федерации низ-

ших каст. В списке с самого начала числился Патель — об этом не было бы нужды упоминать, если бы не история о том, что Джавахарлал якобы решил не включать его, но Маунтбэттен убедил его не делать этого⁵⁵. Будь это так на самом деле, это означало бы, что Джавахарлалу недоставало не только порядочности и лояльности, но и здравого смысла. Однако дело обстояло совершенно иначе. 1 августа Джавахарлал написал Пателю, официально приглашая его войти в состав кабинета министров. «Это письмо в какой-то мере излишне, потому что Вы и без того самая сильная опора кабинета». Патель ответил в очень теплых выражениях: «Мои услуги в Вашем распоряжении, как я надеюсь, до конца моих дней; я обещаю Вам безусловную лояльность и преданность делу, во имя которого никто в Индии не пожертвовал столь многим, как Вы. Наш союз нерушим, и в этом наша сила»⁵⁶. Джавахарлал также воспользовался помощью Пателя для привлечения других членов кабинета⁵⁷. Эта абсурдная история возникла в результате того, что Маунтбэттену передали непроверенный слух такого рода, но он даже не сказал о нем Джавахарлалу, когда увидел, что тот не только включает Пателя в состав кабинета, но и назначает его заместителем премьер-министра⁵⁸.

В полночь 14 августа Учредительное собрание собралось для того, чтобы возвестить зарю свободы. Джавахарлал снова выступил с одной из своих самых волнующих речей, в которой произнес слова, ставшие бессмертными.

«Много лет назад мы встретились с судьбой, и вот пришло время выполнить свою клятву, хоть и не до конца и не в полной, но весьма большой мере. Когда часы пробьют полночь и весь мир будет погружен в сон, Индия пробудится к жизни и свободе. Наступает тот редкий в истории миг, когда мы от старого делаем шаг в новое, когда кончается целая эпоха и душа народа, долго угнетаемая, обретает себя. Пришло время в этот торжественный час дать клятву посвятить себя служению Индии, ее народу и общему делу всего человечества».

На следующее утро — в «назначенный день», как записал Джавахарлал в своем карманном дневнике,— Маунтбэттену было предложено остаться в Индии в качестве генерал-губернатора и он, в свою очередь, привел к присяге Джавахарлала как первого премьер-министра свободной Индии. В течение нескольких дней Индия кипела радостным возбуждением. Только Ганди отпраздновал независимость в Калькутте голодовкой и не был удивлен, когда вскоре страну охватило разочарование.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог

1. Gladstone to Northbrook, 15 October 1872, Northbrook papers, India Office Library (далее I.O.L.), Mss. Eur. C. 144, vol. 20, part I, p. 74.

Глава I

1. Urmila Haksar, *The Future That Was* (Delhi, 1972), p. 24.

2. T. N. Madan, *Family and Kinship, a study of the Pandits of rural Kashmir* (London, 1965), p. 18.

3. Такова была теория Мотилала, о которой Джавахарлал писал в «Автобиографии», но следует помнить, что Неру встречались даже в Кашмире.

4. Уже в 1888 году в списке делегатов съезда Конгресса в Аллахабаде числился не Мотилал Неру, а «пандит Мотилал, индус, брамин, адвокат высшего суда, Северо-западные провинции».

5. Частица «джи» служит выражением уважения.

6. См. главу „The Frustration of Legal Remedy” in E. Whitcombe, *Agrarian Conditions in Northern India*, Vol. I (Los Angeles, 1972), pp. 205 ff.

7. P. J. Musgrave, „Landlords and Lords of the Land”, *Modern Asian Studies*, July 1972, p. 269.

8. Jawaharlal's message on the death of Amaranatha Jha, 19 September 1955.

9. *Theosophy in India* (1912), p. 61.

10. Motilal to Jawaharlal, 7 December, 1905.

11. Dr Joseph Wood to Motilal, 19 March 1906, Motilal Nehru papers, Nehru Memorial Museum and Library, New Delhi (далее N. M. M. L.).

12. Беседа с автором 30 мая 1969 г.

13. Беседа с автором 16 февраля 1969 г.

14. Название песни бенгальских националистов «Славься, отчизна».

15. Letter to Jawaharlal, 16 November 1905.

16. Принадлежавшая англичанам газета, выходявшая в Лакхнау.

17. Letter to Jawaharlal, 4 January 1906.

18. Message on Tilak, 18 June 1956.

19. Letter, 20 December 1907, *Selected Works of Jawaharlal Nehru* (далее S. W.), vol. 1, (Delhi, 1972), p. 39.

20. Letter, 30 January 1908, S. W., vol. 1, p. 44.

21. Minutes of the Magpie and Stump Debating Society, Trinity College Library.

22. Syed Mahmud, „Jawaharlal Nehru as I knew him”, Islamic Institute files.

Я обязан этой ссылкой Дэвиду Пейджу.

23. Беседа с автором 20 ноября 1969 г.

24. Letter, 18 October 1907.

25. Lord Brockway in a B.B.C. broadcast. *Personality and Power* (B. B. C. publication, 1971), p. 55.
26. To S. S. Dhavan, 15 July 1950. Nehru papers.
27. К сожалению, документов Фабианского общества Кембриджского университета за эти годы не имеется.
28. *Call Back Yesterday* (London, 1953), p. 52.
29. Letter to E. P. Thompson; written in 1955. Nehru papers.
30. *Autobiography* (Indian edition, 1962), p. 20.
31. Trinity Boat Club minutes. Trinity College Library.
32. To his nephew Harsha Hutheesing, 26 August 1959. Nehru papers.
33. Letter, 29 October 1908, S. W., vol. 1, p. 59.
34. Motilal to his brother, 30 January 1910. Motilal Nehru papers.
35. Motilal to Jawaharlal, 1 September 1910 and 6 January 1911.
36. Motilal to Jawaharlal, 13 October 1910. Motilal Nehru papers.
37. Джавахарлал не помнил точное место. Letter to Judge Andren, 11 October 1954. Nehru papers.
38. Brockway, op. cit., p. 55.
39. Letter to father, 11 April 1912.
40. Motilal to Jawaharlal, 15 June 1911.
41. Idem, 6 June 1912.
42. Idem, p. 26.
43. 20 October 1911.
44. 26 April 1912.
45. S. W. vol. 1, pp. 252—3.
46. Address to the Tilak Vidyalaya, Allahabad, 2 April 1922, U. P. Government Intelligence Reports for 1922.

Г л а в а 2

1. Motilal to Jawaharlal, 21 October 1912.
2. To Harsha Hutheesing, 26 August 1959. Nehru papers.
3. "The Mind of a Judge", *Modern Review*, September 1935, reprinted in *India and the World* (London, 1936), pp. 130—45.
4. Letters to Jawaharlal, 1 March 1906 and 1 September 1910.
5. Jawaharlal to his father, 30 September 1910.
6. Letter to his mother, 14 March 1912 (оригинал на хинди) S. W. vol. 1, p. 97.
7. Letter to his father, 21 December 1906.
8. Motilal to Jawaharlal, 21 February 1907.
9. Idem. 9 December 1910.
10. Letter to his father, 7 October 1910.
11. Cf. Urmila Naksar о конце двадцатых годов: «Впервые в Аллахабаде я узнала, что мы — кашмирцы и что это выделяет нас из остальных индийцев. «Мы» были кашмирцами, а все остальные были «они». op. cit. pp. 45—5.
12. Motilal to his brother, 11 February (1911 ?). Motilal Nehru papers.
13. Letters to Jawaharlal, 1 September and 28 October 1910.
14. Letter to his father, 26 April 1912.
15. Diary entries from 24 August to 7 September 1916; letter to S. S. Khera, 1 July 1958, Nehru papers.
16. Notice signed among others by Motilal, Jawaharlal and T. B. Sapru, 13 June 1917, *The Leader*, 22 June 1917.
17. См.: H. F. Owen, „The Home Rule Leagues 1915—18” in D. A. Low (ed.),

Soundings in Modern South Asian History (London, 1968), pp. 159—95.

18. Report in *The Leader*, 23 June 1916.

19. Motilal to Jawaharlal, 27 June 1916.

20. Letter to the editor, 20 June 1917. *The Leader*, 22 June 1917.

21. Letter to the editor, *The Leader*, 21 June 1917.

22. B. Inglis, *Roger Casement* (London, 1973), p. 346.

23. Account of Kapil Deva Malaviya, *Pandit Motilal Nehru*, cited in B. R. Nanda, *The Nehrus* (London, 1962), p. 139.

24. Eye-witness account of Sachidananda Sinha in his article on Motilal Nehru. Sachidananda Sinha papers at Pathna.

25. Letter to A. M. Khwaja, 12 December 1917.

26. Resolution moved by Jawaharlal at the U. P. Political Conference, *The Leader*, 16 October 1918.

27. Motilal to Jawaharlal, 16 February 1919.

28. Narendra Deva, „Favourite of Fortune” in *Nehru Abhinandan Granth* (New Delhi, 1949), p. 108.

Глава 3

1. To Padmaja Naidu, 22 February 1919.

2. *The Leader*, 3 April 1919. Сатьяграха — «упорство в истине». Так Ганди называл свой метод ненасильственного сопротивления.

3. *Notes on the Occurrences in the Punjab*, April-June 1919. S. W. vol. 1, pp. 130—40.

В Амритсаре генерал Двайер, подавляя гражданские беспорядки, открыл без предупреждения огонь по большой толпе, которой некуда было разбежаться, приказал, чтобы индийцы проползли на животе по улице, где было совершено нападение на англичанку, и несколько человек, которых он подозревал в неподчинении его приказу, распорядился выпороть.

4. Report on the political and economic situation in the Punjab for the fortnight ending 15 September 1919. Home Dept. Political Deposit, October 1919, Proceeding 59.

5. Note of the U. P. Criminal Investigation Dept., 18 December 1919. Home Dept. Pol. A., June 1921, Proceedings 248—62.

6. Парк в Амритсаре, где произошел расстрел.

7. *Autobiography*, pp. 43—4.

8. Letter to the editor, 28 September 1919. *The Bombay Chronicle*, 2 October 1919.

9. 1 October 1919. *The Bombay Chronicle*, 6 October 1919.

10. *The Leader*, 22 October 1919 and *The Independent*, 24 October 1919.

11. Статья о землетрясении в Кветте, написанная в августе 1935 г. и перепечатанная в *India and the World* (London, 1936), p. 147.

12. *The Independent*, 12 October 1919.

13. 1 December 1919. Home Dept. Pol. Deposit, June 1920, no. 44.

14. Motilal to Gandhi, 25 April 1920. Gandhi papers. Gandhi Smarak Sangrahalaya, Serial No. 7163.

15. Motilal to Jawaharlal, 13 June 1920.

16. Idem. 5 July 1920.

17. Letter to the editor, 1 September 1920. *The Leader*, 4 September 1920.

18. Rajendra Prasad's article in S. P. and P. Chabiani (eds.), *Motilal Nehru* (Delhi, 1961), p. 7.

19. Motilal to Jawaharlal, 16 September 1920.

20. Idem, 19 September 1920.

21. Motilal to Jawaharlal, 27 June 1921.
22. *The Independent*, 1 October 1920.
23. *Ibid.*, 14 November 1920.
24. 14 May 1920. S. W., vol. 1, p. 161.
25. Weekly Reports of the Special Bureau of Information, 1920, cited in Z. Imam, *Colonialism in East-West Relations* (New Delhi, 1969), p. 70.
26. Note of the Home Dept.; C. I. D. report from Mussoorie, 28 April; Home Secretary to Chief Secretary U. P., telegram 1 May 1920. Home Dept. Pol. B. Confidential, June 1920 nos. 165—6.
27. Motilal to Jawaharlal, 3 June 1920. J. Nehru, *A Bunch of Old Letters* (Delhi, 1958), p. 12.
28. *The Independent*, 19 May 1920.

Г л а в а 4

1. Circular No. 3 of the Criminal Investigation Department, United Provinces, Home Dept. Pol. Deposit, January 1920, no. 49.
2. В то время в рупии было 16 анн.
3. Report of V. N. Mehta, Deputy Commissioner, Pratabgarh, November 1920. Revenue Department, File 753 of 1920. U. P. Archives at Lucknow.
4. Musgrave, *op. cit.*, p. 275.
5. Report by a C. I. D. officer on the *kisan sabha* in Allahabad, January 1921. Home Dept. Pol. February 1921, no. 13.
6. H. R. C. Hailey to M. Keane, 26 November 1920. Revenue Dept. File 753 of 1920. U. P. archives.
7. M. H. Siddiqi, „The Peasant Movement in Pratabgarh, 1920”, *Indian Economic and Social History Review*, September 1972, pp. 316—17.
8. Commissioner, Fyzabad division to Chief Secretary U. P., 25 November 1920. Revenue Dept. File 753 of 1920. U. P. archives.
9. „The Rae Bareli Tragedy”, *The Independent*, 22 January 1921.
10. Letter to the Editor, 27 June 1920, published in *The Independent*, 3 July 1920.
11. Hailey to Keane, 26 November 1920, Revenue Dept. File 753 of 1920. U. P. archives.
12. Report of V. N. Mehta, *ibid.*
13. Letter to the Editor, 22 September, *The Leader*, 25 September 1920.
14. Report in *The Independent*, 27 October 1920; P. D. Reeves, „The Politics of Order”, *Journal of Asian Studies*, February 1966, p. 263.
15. *The Leader*, 28 October 1920, quoted in Reeves, *op. cit.*; letter of. I. N. Dwivedi in *The Leader*, 21 February 1921.
16. Много лет спустя он рассказал о случае, который произошел в это время. Однажды, выступая, он заметил, что его слушатели, не вставая с мест, пустили в ход локти и толкают друг друга. Их поведение рассердило его, и он спросил, что их беспокоит. Они ответили: «Здесь змея, но мы боимся встать, потому что организаторы приказали нам сидеть, пока Вы говорите».
- Speech at Calcutta, reported in the *Free Press Journal* (Bombay), 12 November 1956.
17. Weekly Report of Director, Intelligence Bureau, 11 January 1921. Home Dept. Pol. Deposit, January 1921. Proceeding no. 75.
18. C. A. Bayly. „The Development of Political Organisation in the Allahabad Locality 1880—1925”, Oxford D. Phil. thesis, 1970, pp. 369—70.
19. Report by a C. I. D. officer on the *kisan sabha* in Allahabad, January 1921. Home Dept. Pol., February 1921, no. 13.

20. Ibid.
21. Report of the Director, Intelligence Bureau, 11 January 1921. Home Dept. Pol. Deposit, January 1921, no. 75. Sir H. Butler's speech to U. P. Legislative Council. *The Leader*, 24 January, 1921. Это обычная черта крестьянских бунтов. Энгельс указывал, что русские крестьяне часто восставали против дворянства, но никогда против царя. Китайские историки говорят о «крестьянском монархизме», поскольку крестьяне не в состоянии найти иной выход, кроме обращения за милостью к императору. См. J. P. Harrison, *The Communists and Chinese Peasant Rebellions* (New York, 1969), pp. 184—5.
22. Chief Secretary U. P. to Home Secretary, 2 January 1921. Home Dept. Pol. Deposit, February 1921, no. 77.
23. Butler to Vincent, Home Member, 10 March 1921. Home Dept. Pol., July 1921, no. 3 (confidential) and K. W.
24. Report of A. C. Shirreff, 29 January 1921. Home Dept. General File 50 of 1921. U. P. archives.
25. Report of J. A. Farron, I. C. S. Home Dept. General File 50/1921, K. W. S., U. P. archives.
26. *The Independent*, 12 January 1921.
27. Quoted in *The Bombay Chronicle*, 14 January 1921. Лейтенант-губернатор в стремлении снять с талукдаров ответственность за тяжелое положение крестьян и с правительства за его неумелые действия поощрял подобные рассуждения. «Против аграрных беспорядков, вызванных в значительной мере местными агитаторами, выступающими в роли участников движения несотрудничества, приняты решительные меры, и порядок восстановлен».
- Butler's Minute 9 March 1921, Home Dept. Pol., July 1921, No. 3 (confidential) and K. W.
28. "The Rae Bareli Tragedy", *The Independent*, 22 January 1921.
29. Jawaharlal's article in *The Independent*, 23 January 1921.
30. Report of Shirreff, 29 January 1921. Home Dept. General File 50 of 1921, U. P. archives; evidence of Jawaharlal in *Pratap* defamation case. *The Independent*, 6 July 1921.
31. Report of J. A. St John Farnon, 19 January 1921. General Dept. File 50/1921., K. W., U. P. archives. Бегари — принудительный труд.
32. Report of S. R. Mayers, District Superintendent of Police, 25 February 1921. Ibid.
33. *The Independent*, 11 January 1921.
34. *The Independent*, 18 January 1921.
35. Commissioner, Fyzabad to Chief Secretary, 14 January 1921. General Administration Dept. File 50/1921. K. W. S. U. P. archives.
36. General Dept. File 50/3/1921. U. P. archives.
37. *The Independent*, 26 January 1921.
38. Report of Akbarpur conference enclosed with Commissioner's letter to Chief Secretary, 27 January 1921. General Dept. File 50/1921. K. W. S. U. P. archives.
39. *The Independent*, 26 January 1921.
40. Speech at Tanda, 5 March 1923.
41. Speech at Pratabgarh, 22 April 1923. Cf. Fanon: «Националистические партии не предпринимают попыток отдавать точные распоряжения сельским жителям, хотя последние действительно готовы слушаться их... националистические партии никак не используют представившуюся им возможность сплотить людей в деревне, вести среди них политическую работу и поднять уровень их борьбы». *The Wretched of the Earth* (Penguin edition), 1967, pp. 92—3.
42. См. его брошюру на хинди „Where are You?“, напечатанную в 1922 г.
43. Incomplete review of Russell's *Roads to Freedom* written sometime after April

1919 and letter to Sir Sita Ram, 11 May 1920, S. W., vol. 1, pp. 140—44 and 160, respectively.

44. Administration Report of the United Provinces, 1920—21, supplementary chapter.
45. General Dept. File 50—3/1921, U. P. archives.
46. Sri Prakasa's article in *1921 Movement: Reminiscences* (Delhi, 1971), p. 199.
47. Note of Commissioner, Fyzabad Division, 1 February 1921. General Dept. File 450—3/1921. U. P. archives.
48. Report of Collector, Sultanpur District, 1 April 1921. Ibid.
49. Note of Butler, 2 April 1921. Ibid.
50. Chief Secretary, U. P. to Home Secretary, 7 May 1921. Home Dept. Pol. Deposit, June 1921, no. 13.
51. "Kisanon ka sandesa". Английский перевод в *The Independent*, 3 May 1921.
52. *The Independent*, 30 April 1921.
53. 18 May 1921.
54. Report of Lt-Col. J. C. Faunthorpe on the Eka Movement, 8 April 1922. U. P. Government Gazette, 13 May 1922.

Глава 5

1. Extracts from the weekly report of the DIB, 17 January 1921.
2. To Syed Mahmud, 9 April 1921.
3. G. B. Lambert, Chief Secretary U. P. to Home Dept., 11 February 1921; minute of Butler, 9 March 1921; Butler to Vincent, Home Member, 10 March 1921. Home Dept. Pol. Deposit, July 1921, Proceeding no. 3 (Confidential).
4. *The Independent*, 30 March 1921.
5. Ibid, 1 April 1921.
6. Letter to the Editor, *The Leader*, 25 April 1921.
7. *The Independent*, 13 May 1921.
8. Report of speech in Allahabad, *The Independent*, 7 May 1921.
9. Jawaharlal to *The Independent*, 25 May 1921.
10. Jawaharlal in Bhai Parmanand, 26 November 1933.
11. Report of the Secretaries U. P. C. C. on progress of non-cooperation 20 March—20 July 1921. *The Independent*, 26 and 27 July 1921; Jawaharlal to Secretary, Aligarh District Congress Committee, 10 August 1921, Khwaja papers, N. M. M. L.
12. Report of the U. P. Congress on Government repression in U. P. *The Independent*, 27 November 1921.
13. Oral testimony of his brother-in-law Kailas Kaul, N. M. M. L.
14. Padmaja Naidu's account of her conversation with Jawaharlal at Mussoorie in 1918, беседа с автором 24 декабря 1969 г.
15. Report of U. P. Congress Committee, *The Independent*, 26 November 1921.
16. Speech at Agra, 11 September 1921, *The Independent*, 13 September 1921.
17. *The Independent*, 12 August 1921.
18. *The Leader*, 26 October 1921.
19. *The Leader*, 26 November 1921.
20. *The Independent*, 25 September 1921.
21. Chief Secretary U. P. to Home Secretary, Government of India, No. 1543, dated 9 July 1921. Home Dept. Pol. 1922, File 112, nos. 1—8.
22. Telegrams exchanged between Jawaharlal and Motilal, Jawaharlal's letter to Collector, Allahabad, 30 June 1921, and Motilal's telegram to Collector.
23. Motilal to Jawaharlal, 27 and 30 June 1921.
24. Sapru to Motilal, 5 June 1921. Sapru papers, National Library, Calcutta.
25. Motilal to Sapru, 24 June 1921. Ibid.

26. Motilal's note on Jawaharlal's drafts.
27. Jawaharlal to Chief Secretary U. P., 4 July 1921.
28. Notes of H. D. Craik, 13 July 1921. Home Dept. Pol. 1922, File 112, nos. 1—8.
29. Butler to Reading 3 August 1921. Butler papers. India Office Library, Mss. Eur. F. 116/57.
30. Home Dept. circular to local governments, 24 November 1921. Home Dept. Pol. 1921, File 303, nos. 1—48; R. D. Mathur, "British policy towards the volunteer movement in India during the non-cooperation campaign", *Indian History Congress Proceedings*, 1970, pp. 214—25.
31. Reading to Montagu, 23 February 1922. Reading papers, I. O. L., Mss. Eur. E. 238, vol. 4.
32. Report of the U. P. Congress Committee, 26 November 1921; resolutions of U. P. Congress committee, 3 December 1921. *The Independent*, 6 December 1921.
33. Viceroy's telegram to Secretary of State, 6 December 1921; Home Dept. Pol. 1921, File 18.
34. Letter, 27 December 1921, reprinted in *Young India* 19 January 1922.
35. Pandit Gaurishankar Bhargava, reported in *The Bombay Chronicle*, 15 December 1921.
36. Note traced by C. I. D. Утверждалось, что он написал ее в тюрьме между 9 и 12 декабря 1921 г. Home Dept. Pol. 1922, File 767.
37. Chief Secretary U. P. to Home Secretary, No. 366, dated 15 February 1922. Home Dept. Pol. 1922, File 18.
38. Chief Secretary U. P. to Home Secretary, No. 4444, dated 24 February 1922. Home Dept. Pol. 1922, File 327, Part III nos 1—10.
39. Message on release from prison, *Aaj*, 10 March 1922.
40. Motilal to Jawaharlal, sometime in April 1922. Речь идет о происшествии в деревне Чаури-Чаура в Соединенных провинциях, где толпа подожгла полицейский участок и 22 полицейских погибли. Это побудило Ганди прекратить кампанию гражданского неповиновения.
41. Jawaharlal to Syed Mahmud, 4 April 1922.
42. Chief Secretary U. P. to Home Secretary, 3 May 1922. Home Dept. Pol. 1922, File 18.
43. Inquiry report of Jawaharlal and M. Saxena, 27 April 1922, S. W. vol. 1, pp. 242—7.
44. Speech at Lucknow, 26 April 1922.
45. Circular letter of U. P. provincial Congress committee, 25 April 1922.
46. Circular, 5 May 1922.
47. Chief Secretary U. P. to Home Dept., 4 June 1922. Home Dept. Pol. 1922, File 18.
48. Motilal to Jawaharlal, 22 July 1922.
49. Motilal to Jawaharlal, 24 May, 1922.
50. Circular, 5 May 1922, and statement in court, 17 May 1922.
51. Jawaharlal to Motilal, 1 September 1922.
52. Report of interview in October, reprinted in *The Bombay Chronicle*, 26 December 1922.
53. To his father, 15 November 1922.
54. Home Dept. Pol. 1923, File 56.
55. 31 January 1923.
56. Sir G. Mears to Motilal, 28 January 1923.
57. *Autobiography*, pp. 101—2.
58. To Montagu, 6 July 1922. Reading papers, vol. 5.
59. M. R. Jayakar, *The Story of My Life*, vol. 2, 1922—1925 (Bombay, 1959), pp. 81, 84—5.

60. Speech at Allahabad, 1 February 1923, reported in *The Leader*, 4 February 1923.
61. Jawaharlal's telegram to "Swarajiya", Madras, *The Bombay Chronicle*, 24 February 1923.
62. См., например, U. P. intelligence reports on his speeches at Sitapur, 18 March, and Gorakhpur towards the end of March 1923.
63. Chief Secretary to Home Secretary, 19 April 1923, Home Dept. Pol. 1923, File 25.
64. An intercepted letter to Sampurnanand dated April 1923, quoted in C. Kaye's confidential publication *Communism in India* (Delhi, 1926).
65. *The Leader*, 13 May 1923.
66. Circular letter of Jawaharlal, Dr. M. A. Ansari and others, 11 May 1923.
67. Reading to Peel, 10 May 1923. Reading papers, vol. 6.
68. *The Leader*, 16 May 1923.
69. Jawaharlal to A. M. Khwaja, 6 June 1923. S. W., vol. 1, pp. 358—60.
70. "Simplex" in *The Bombay Chronicle*, 30 May 1923.
71. Interview in *Aaj*, 19 June 1923.
72. 24 June 1923.
73. *The Leader*, 14 July 1923.
74. Sri Prakasa's oral testimony. N. M. M. L.

Г л а в а 6

1. Report in *The Bombay Chronicle*, 10 July 1923.
2. Interview in *Aaj*, 19 June 1923.
3. To Mahadeva Desai.
4. «Почти ежедневно кто-то, скажем Рам Чанд, входил к нам и уходил от нас уже как завербованный сикх Рам Сингх». H. L. O. Garrett in *Census Report of 1921*, quoted in B. R. Nayar, *Minority Politics in the Punjab* (Princeton, 1966), p. 65.
5. Sardar Didar Singh's telegram to Ramsay MacDonald, 15 February 1924. AICC File 4(1) 1924, N. M. M. L.
6. Hailey to E. Howard, 15 July 1924, Hailey papers, I. O. L. Mss. Eur. E. 220, vol. 6.
7. Report of Jawaharlal's speech in *The Tribune*, 4 July 1923.
8. Home Dept. Pol. 1924, File 1. K. W.
9. Home Dept. Pol. File 401 of 1924.
10. Note of Special Commissioner on conditions in Nabha jails, 14 June 1923. Home Dept. Pol. File 401 of 1924.
11. 24 September 1923. Ibid.
12. Administrator Nabha State to Agent, Governor-General Punjab, 22 September 1923. Ibid.
13. 25 September 1923.
14. *The Bombay Chronicle*, 24 September 1923.
15. Telegram of Administrator, 23 September and telegram of Home Dept., 24 September, Home Dept. Pol. 1924, File 401.
16. To Reading, 20 March and 26 June 1924. Reading papers, vol. 7.
17. *The Bombay Chronicle*, 27 September 1923.
18. Administrator to Agent, Gov.-Gen. Punjab, 27 September 1923. Home Dept. Pol. File 401 of 1924.
19. Motilal to Jawaharlal, 28 September 1923.
20. Jawaharlal to Motilal from Nabha jail, 30 September 1923.
21. Jawaharlal to Kapil Deva Malaviya and Mahadeva Desai, undated but clearly written from Nabha jail.

22. Draft statement, 25 September 1923. *Sat Sri Akal* — «Сат шри акал» — сикхское приветствие, означающее «Истинен бессмертный бог».

23. Home Dept. to Administrator Nabha, 25 September 1923; Administrator Nabha to Agent, Gov.-Gen., 25 September 1923; Home Dept. to Administrator Nabha, 26 September 1923. Home Dept. Pol. 1924, File 401.

24. Jawaharlal's letter in *The Tribune*, 11 October 1923.

25. Jawaharlal's letters to the Administrator, 24 May and 19 June 1924, reprinted in *The Leader*, 29 May and 23 June 1924, respectively.

26. Administrator Nabha to Jawaharlal, 25 June, and his reply, reproduced in *The Leader*, 27 July 1924.

27. *Autobiography*, p. 116.

28. To Sri Prakasa, 7 October 1923.

29. Gandhi to Jawaharlal, 6 September 1924, *Collected Works*, vol. 25 (Delhi, 1967) p. 98; Jawaharlal's speech at Allahabad, 20 September 1924.

30. Motilal to Jawaharlal, 29 August 1925.

31. Olivier to Reading, 20 March 1924. Reading papers, vol. 7.

32. Home Dept. to Administrator Nabha, 9 October 1923. Home Dept. Pol. 1924, File 401.

Глава 7

1. To A. M. Khwaja, 6 June 1923. S. W., vol. 1, p. 359.

2. Jawaharlal to A. T. Gidwani, 25 January 1924, AICC File 4(1) of 1924.

3. Jawaharlal to Rajagopalachari, 12 March 1924, AICC File 4(1) KW(II) of 1924.

4. To Gidwani, 25 January 1924; to Panikkar, 27 March 1924, AICC File 4 of 1924.

5. Speech at a public meeting in Delhi, 27 February 1924.

6. Jawaharlal to Panikkar, 2 April and to Dr Kitchlew 27 April 1924, AICC File 4 of 1924.

7. Panikkar to Mahatma Gandhi, 1 April 1924, Home Dept. Pol. 1924, File 67, Part B.

8. Jawaharlal's note, 15 January 1924. Allahabad Municipality File 17.

9. To Gidwani, 25 January 1924.

10. 6 June 1924.

11. To Shankarlal Banker, 14 June 1924, S. W. vol. 2 (Delhi, 1972), p. 106. В действительности это сказал Ганди.

12. Motilal to Das, 27 July 1924. Motilal Nehru papers.

13. 29 January 1925. Reading papers, vol. 8.

14. Letter to the Editor, *The Leader*, 22 September 1924.

15. 19 September 1924. Facsimile in Tendulkar, *Mahatma* (1961 edition), vol. 2, between pp. 160—61.

16. *The Leader*, 6 November 1924.

17. To Syed Mahmud, 3 February 1925.

18. Letter to Shankarlal Banker, 28 July 1925. AICC File G. 60/1925, Part II.

19. Letter to Jawaharlal, 12 November 1924.

20. Report on the political situation in the U. P. for the first half of September 1925. Home Dept. Pol. 1925, File 112.

21. To Gidwani, 3 November 1925, AICC File G 21(ii) of 1925.

22. To Motilal, 2 September 1924, *Collected Works*, vol. 25, p. 65. Манзар Али Сокхта — конгрессист из Соединенных провинций, друг семьи Неру.

23. Letter to Jawaharlal, 15 September 1924. *Collected Works*, vol. 25, pp. 148—9.

24. Idem, 30 September 1925.

25. Motilal to Jawaharlal, 9 November 1925.

26. Account in *The Leader*, 6 April 1923, and Jawaharlal's letter in the same issue.

27. Circular letter of Jawaharlal as secretary, prov. Cong. committee to all district,

- town and *tehsil* Congress committees and members of prov. Cong. committee, 5 April 1923.
28. To Collector of Allahabad, 4 April 1923, Allahabad Municipality File 13.
 29. Letter to the Executive Officer, Allahabad Municipality, written from Nabha jail, 26 September, 1926. *The Leader*, 6 October, 1923.
 30. См., например, его письма председателю Аллахабадского муниципального управления от 24 сентября 1936 г. и 11 июля 1939 г.
 31. Meeting of 26 April 1923, reported in *The Leader*, 28 April 1923.
 32. *The Leader*, 16 June 1923.
 33. Chairman's circular, 13 April 1923, Allahabad Municipality File 4, Serial 1.
 34. *The Leader*, 16 November 1923.
 35. *The Leader*, 13 June 1923.
 36. Proceedings of 29 April 1924, reported in *The Allahabad Municipal Gazette*, 1 May 1924.
 37. Note, 19 July 1924. Allahabad Municipality File 6.
 38. Proceedings of the Board, 23, 24, 25, 28 and 31 July 1924.
 39. Report in *The Leader*, 3 May 1923.
 40. Report in *The Leader*, 7 July 1923; *The Allahabad Municipal Gazette*, 16 December 1923.
 41. Proceedings of the Board, 9 October 1923.
 42. Note of 24 July 1923, Allahabad Municipality File 26.
 43. Speech at Ballia, 9 April, reported in *The Leader*, 11 April 1924.
 44. Note on interview with Collector, 6 April 1923, Allahabad Municipality File 13.
 45. Jawaharlal's note on municipal work, April-May 1923, dated 10 June 1923. *The Leader*, 16 June 1923.
 46. Note to Executive Officer, 6 April 1923. Allahabad Municipality File 13.
 47. 17 December 1923. *The Allahabad Municipal Gazette Extraordinary*, 21 December 1923.
 48. Proceedings of the meeting of the Board, 16 January 1925.
 49. Note on the Water-Works Dept., *The Leader*, 30 April 1923.
 50. Jawaharlal's letter to the editor, 18 April, published in *The Leader*, 21 April 1924.
 51. Note, 4 April 1924. Allahabad Municipality File 16.
 52. Proceedings, 29 June 1923, reported in *The Leader*, 2 July 1923.
 53. Proceedings, 3 July 1923, reported in *The Leader*, 7 July 1923.
 54. Note, 10 May 1923, Allahabad Municipality File 5.
 55. *The Leader*, 29 June 1923.
 56. *The Leader*, 2 July and 10 September 1923.
 57. *The Bombay Chronicle*, 27 October 1923.
 58. *The Tribune*, 27 August 1924.
 59. A note on municipal work during December 1923 and January and February 1924. *Allahabad Municipal Gazette*, 1 April 1924.
 60. Proceedings of Board meeting, 28 May 1924, *The Leader*, 2 June 1924.
 61. Jawaharlal's note on municipal work, June-August 1923. *Allahabad Municipal Gazette Extraordinary*, 15 September 1923.
 62. Note on municipal work, December 1923 — February 1924, *Allahabad Municipal Gazette*, 1 April 1924; Jawaharlal's note on taxation, 28 August 1924, *The Leader*, 6 September 1924.
 63. *The Leader*, 7 July 1923.
 64. Annual Administration Report of the Allahabad Municipal Board, 30 May 1924.
 65. Jawaharlal's notes on municipal work, June-August 1923 and September-November 1923, *Allahabad Municipal Gazette Extraordinary*, 15 September and 21 December 1923, respectively.

66. Proceedings of the meeting, 25 October 1923, reported in *The Leader*, 27 October 1923.
67. Jawaharlal's note on municipal work, June-August 1923, op. cit.
68. Allahabad Municipality File 22.
69. Mahadeva Desai, *Day to Day with Gandhi* (Banaras, 1970), vol. 4, p. 22.
70. «Я убежден, что нельзя сочетать общендийскую деятельность с хорошей муниципальной работой». Gandhi to Jawaharlal, 28 November 1928.
71. *The Leader*, 20 and 21 December 1928.
72. *The Tribune*, 24 August 1924.
73. Fortnightly report on the political situation in the United Provinces for the second half of March 1925. Home Dept. Pol. 1925, File 112.

Глава 8

1. Letter of Chief Secretary to Government, United Provinces, to Home Secretary, Government of India, 6 February 1926. Home Dept. Pol. File 23 of 1926.
2. 17 February, 1926, *Collected Works*, vol. 30 (Delhi, 1968), p. 20.
3. To Padmaja Naidu, 29 January 1926, S. W., vol. 2, p. 226. В декабре 1925 г. председателем Конгресса стала Сароджини Найду.
4. 6 October 1926, S. W., vol. 2, p. 244.
5. To Syed Mahmud, 22 March 1927, S. W., vol. 2, p. 314.
6. Idem, 12 September 1926, S. W., vol. 2, p. 242.
7. Idem, 11 August 1926, S. W., vol. 2, p. 241.
8. Idem, 24 May, 15 July and 11 August 1926 and 14 July 1927, S. W. vol. 2, pp. 232—6, 240—41 and 328—9.
9. Mrs Gandhi's broadcast reported in the *Hindustan Times*, 24 July 1969.
10. Letter to his father, 16 November 1926, and "Victory over the Air", article in *Aaj*, 28 September 1927, S. W. vol. 2, pp. 250—51 and 364—7, respectively.
11. 3 August 1926, S. W., vol. 2, pp. 236—40.
12. Article in *Pratap*, December 1926.
13. 13 January 1927.
14. To A. Rangaswamy Iyengar, general secretary of the Congress, 25 January 1927. S. W., vol. 2, pp. 258—9.
15. Hugh Thomas, *The Spanish Civil War* (Pelican edition, 1968), footnote on pp. 285—6.
16. Confidential report to the Working Committee, 19 February 1927, S. W., vol. 2, pp. 278—97.
17. To his father, 16 November 1926, S. W., vol. 2, pp. 250—51.
18. To A. Rangaswamy Iyengar, 16 February 1927, S. W., vol. 2, p. 277.
19. Letter to N. S. Hardikar, 8 March 1927, S. W., vol. 2, p. 304. See also his article in the *Volunteer*, April 1927, on "The Situation in China and India's Duty", *ibid*, p. 326—8.
20. Confidential report to the Working Committee, 19 February 1927, S. W., vol. 2, p. 281.
21. Roger Baldwin's recollections recorded in 1967, N. M. M. L.
22. Confidential report to the Working Committee, S. W., vol. 2, p. 289.
23. Note for the Working Committee on a proposal to prepare a Parliamentary bill for India, 10 March 1927, S. W., vol. 2, p. 306—7.
24. Gandhi to Motilal, 14 May 1927, *Collected Works*, vol. 33 (New Delhi, 1969), p. 321.
25. 22 April 1927, S. W., vol. 2, p. 326.

26. A Note on Foreign Policy for India, 13 September 1927, S. W., vol. 2, pp. 348—64.
27. Nehru to Amal Home, 20 October 1959, Nehru papers.
28. D. N. Druhe, *Soviet Russia and Indian Communism* (New York, 1959), p. 93.
29. *New York Times*, 30 June 1927.
30. *Soviet Russia, some random sketches and impressions* (Allahabad, 1928).
31. *Ibid.*
32. 10 November 1927. S. W., vol. 2, p. 369.
33. A. Nove, *An Economic History of the U. S. S. R.* (London, 1969), p. 106.

Г л а в а 9

1. Motilal to Gandhi, 6 May 1927. Gandhi Smarak Sangrahalaya, vol. 32, no 12 576.
2. Speech at the All-Parties Conference, 29 August 1928. S. W., vol. 3 (Delhi, 1972), p. 59.
3. 11 January 1928.
4. *Autobiography*, p. 167.
5. 5 January 1928.
6. 4 January 1928. *A Bunch of Old Letters*, pp. 55—6.
7. 11 January 1928.
8. 17 January 1928. *Collected Works*, vol. 32 (New Delhi, 1969), pp. 468—9.
9. 23 January 1928.
10. To Gandhi, 30 June 1928.
11. Note, 8 March 1928, Report of the Committee to the All-Parties Conference.
12. Note, 7 July 1928.
13. Interview to the press, 4 September. *The Tribune*, 9 September 1928.
14. *The Bombay Chronicle*, 4 September 1928.
15. Presidential address at the first session of the Republican Congress, *The Hindu*, 29 September 1927.
16. Programme of the Independence for India League, U. P. Branch, April 1929, S. W., vol. 3, p. 287.
17. Circular letter to Congressmen, 5 April 1928, S. W., vol. 3, p. 184.
18. Speech at Banaras, 17 January, *The Bombay Chronicle*, 18 January 1928.
19. To Jawaharlal, 1 April 1928, *Collected Works*, vol. 36, p. 174.
20. Presidential address to the U. P. Provincial Conference, 27 October 1928, S. W., vol. 3, pp. 255—63; Programme of the Independence of India League, U. P. Branch, *op. cit.*
21. Addresses to Punjab Provincial Conference, 11 April, *The Tribune*, 18 April 1928, and to Delhi Political conference, 15 October, *The Bombay Chronicle*, 20 October 1928.
22. Address to the Bengal Students Conference, 22 September 1928, S. W., vol. 3, p. 193.
23. Letter to the press, 20 March 1928.
24. Jawaharlal's letter to G. S. Vidyarthi, 2 October 1928.
25. «Что касается пандита Джавахарлала Неру, то есть мало людей, кого я так любил бы и кем так восхищался бы, как им, но я считаю, что он начинает очень уж увлекаться дешевыми эффектами, слишком стремится слышать восхищенные отзывы о себе от окружающих. Эта слабость, очевидно, появилась у него недавно. Старый друг семьи Капил Дева Малавия в *The Leader*, 30 November 1928.
26. Letters of Home Dept. to India Office, 13 January and 2 June 1927. Home Dept. Pol. File 6 of 1927.

27. Crerar to Hailey, 14 November and Hailey to Frank Brown, 14 December 1927. Hailey papers, vol. 11.
28. Gandhi to Motilal, 29 February 1928, *Collected Works*, vol. 36, pp. 67—8.
29. Motilal to Jawaharlal, 22 March, and to Gandhi, 27 June 1928. Motilal Nehru papers.
30. Speech at Allahabad, 10 January, *The Leader*, 12 January 1928.
31. Message to the press, *The Bombay Chronicle*, 25 January 1928.
32. Speech at Lucknow, 25 January, *The Leader*, 27 January 1928.
33. Speech at Allahabad, 19 January, *The Leader*, 21 January 1928.
34. Letter to the editor, 3 February, *The Leader*, 6 February 1928, and interview at Bombay, *The Bombay Chronicle*, 7 February 1928.
35. To M. Saxena, 14 November 1928, AICC File G 73 of 1928.
36. Circular "They have dared", *ibid.*
37. Report of Deputy Commr. Lucknow, 5 December 1928. Home Dept. Pol., file 130 of 1929.
38. *Ibid.*
39. Report in *The Tribune*, 1 December 1928; press statements of Jawaharlal, 1 and 4 December 1928, S. W., vol. 3, pp. 108—15 and 119.
40. Press statements of Jawaharlal, 30 November and 1 December 1928; report in *The Tribune*, 2 December 1928; Gandhi in Navajivan, 9 December 1928. *Collected Works*, vol. 38, p. 184.
41. Jawaharlal's letter to Gandhi, quoted by him in *Young India*, 13 December 1928. *Collected Works*, vol. 38, p. 209.
42. Home Dept. Pol. File No. 130 of 1929.
43. Annual Report of the General Secretaries of the Congress (drafted by Jawaharlal). AICC File G 80 of 1929.
44. 3 December 1928, *A Bunch of Old Letters*, p. 68.
45. Statement of Maulana Zafar Ali, *The Tribune*, 12 September 1928.
46. To Syed Mahmud, 14 September 1928.
47. Note of Home Secretary, 18 October 1928, Home Dept. File 179/29 Pol. of 1929.
48. Note, 15 December 1928, *ibid.*
49. Note of Home Secretary, 27 December 1928, *ibid.*
50. Telegram to Bombay Government, 29 December 1928 and Bombay Government's reply, 11 January 1929, *ibid.*
51. G. Chattopadhyay, *Communism and Bengal's Freedom Movement*, vol. 1 (Delhi, 1970), pp. 115—16 and 141.
52. To Ansari, 21 September 1928.
53. Speech, 27 December 1928, S. W., vol. 3, pp. 270—74.
54. To B. G. Horniman, 28 August 1928, *Collected Works*, vol. 37, p. 212. Рама-раджья — индуистское представление о золотом веке. В Бардоли (Гуджарат) в 1928 г. крестьянами велась кампания неуплаты налогов.
55. 28 December 1928, *Collected Works*, vol. 38, pp. 284—5.
56. Gandhi to Motilal, 1 February 1929, *Collected Works*, vol. 38, p. 426.
57. 12 January and 1 February 1929, *Ibid.*, pp. 337 and 423—4.
58. To Lala Shankarlal, 2 May 1929.
59. Sri Prakasa's article in R. Zakaria, *A Study of Nehru* (Bombay, 1959), pp. 328—9.
60. Speeches at Delhi, 5 February, and at Lahore, 8 February 1929, S. W., vol. 4 (Delhi, 1973), pp. 1—4.
61. Home Secretary to all Local Govts., 21 February 1929. Home Dept. Pol. File No. 168 of 1929.
62. *Ibid.*

63. Note of H. G. Haig, Home Secretary, and J. Crerar, Home Member, 4 January 1929, Home Dept. File 18/XVI Pol. and K. W. of 1928.
64. Note of Haig, 4 January 1929, Home Dept. Pol. File 179/29 of 1929.
65. Haig to J. W. A. Langford James, chief prosecution counsel, 29 April 1929, Home Dept. 10/IV/29 Pol. of 1929.
66. Jawaharlal to A. C. N. Nambiar, 11 July 1929, AICC File FD 20, part II, 1929.
67. Home Dept. Pol. File 20/XI of 1929.
68. Home Dept. Pol. File 18/VII/28, Appendix III to Notes.
69. J. P. Mitter, junior prosecution counsel in the Meerut case, in *The Sunday Standard*, 21 December 1969.
70. Motilal to Gandhi, 4 September 1929, Motilal Nehru papers.
71. Motilal to K. C. Chakravarty, 10 September 1929, Motilal Nehru papers.
72. *The Bombay Chronicle*, 13 November 1929.
73. To Motilal, 17 January 1929, *Collected Works*, vol. 38, p. 361.
74. Muzaffar Ahmad's introduction in *Communists Challenge Imperialism from the Dock* (Calcutta, 1967).
75. Muzaffar Ahmad to P. C. Joshi, 9 March 1929, Meerut Conspiracy Case, Exhibit No. P. 304.
76. *Communist International*, May 1929.
77. R. Page Arnot. *How Britain Rules India* (London, 1929), pp. 29, 30.
78. Gandhi to Motilal, 19 June 1927, *Collected Works*, vol. 34, p. 31.
79. To Syed Mahmud, 30 June 1928.
80. AICC File G 100 for 1929—30.
81. Jawaharlal to Gandhi, 13 July 1929.
82. Article in *Young India*, 1 August 1929, reprinted in *Collected Works*, vol. 41, pp. 239—41.
83. Telegram to Gandhi, 21 August 1929, Gandhi Smarak Sangrahalaya P. S. 15 496.
84. 21 August 1929. *Collected Works*, vol. 41, p. 305 n.
85. To S. A. Brelvi, 7 October 1929, AICC File G 40(ii), part III, 1929.
86. V. Chattopadhyaya to Jawaharlal, 28 August 1929. AICC File F. D. 1 (ii), Part I, 1929.
87. To Shivprasad Gupta, 1 October 1929, AICC File F. D. 1(ii), Part III, 1929.
88. To Master Tara Singh, 10 October 1929, AICC File G 93 of 1929.
89. Article in *Young India*, 7 November 1929.
90. To Mrs C. R. Das, 5 November 1929, S. C. Bose, *Correspondence 1924—32* (Calcutta, 1967), p. 403.
91. To President AICC, 4 November 1929, AICC File G—117 of 1929.
92. To Gandhi, 4 November 1929, reprinted in *Collected Works*, vol. 42, Appendix II, p. 516.
93. Gandhi's telegram, 6 November and letter, 18 November 1929, *Collected Works*, vol. 42, pp. 101 and 181, respectively; Ansari to Jawaharlal, 7 November 1929, Ansari papers, Jamia Millia; Motilal to Jawaharlal, 7 November 1929, Motilal Nehru papers.
94. *The Leader* 20 November 1929.
95. To S. Srinivasa Iyengar, 20 November 1929, AICC File G 117 of 1929.
96. Sapru to Irwin, 25 November (после встречи с Ганди) and Hailey to Irwin 4 December 1929, Halifax papers, I. O. L. Mss, Eur. C 152, vol. 23.
97. Hailey to Irwin, 4 December 1929. Halifax papers, vol. 23.
98. Letter to Ramanand Chatterjee, 16 December 1929, *Collected Works*, vol. 42, p. 285.
99. Minutes of conversations drafted by Private Secretary to Viceroy, Sapru papers, I 19.
100. Hailey to O'Dwyer, 4 October and 15 December and to Irwin, 7 October and 18 November 1929, Hailey papers, vol. 16.

101. V. Chattopadhyaya to Jawaharlal, 4 December 1929.
102. Jawaharlal to C. B. Johri, 12 July 1929, AICC File P/20 of 1929.
103. To Johri, 25 August 1929, AICC File G 40, Part III of 1929 and to D. B. Kulkarni, 10 September 1929, AICC File 16 of 1929.
104. Article in *G. I. P. Railwayman*, Jawaharlal's letter to Kulkarni, 10 September 1929.
105. Statement, 20 September 1929. S. W., vol. 3, pp. 41—2.
106. To Bakhale, 24 September 1929, AICC File 16 of 1929.
107. A. Campbell Johnson, *Viscount Halifax* (London, 1941), p. 241.
108. Report of Emily Kinnaird, 8 January 1930, enclosure to Wedgwood Benn's letter, 5 March 1930. Halifax papers, vol. 6.
109. J. L. Morison from Labore to Dr Norman Leys, 11 January 1930. T. Jones, *Whitehall Diary*, vol. 2 (London, 1969), pp. 238—40.
110. Letters to Dr Gopichand, 6, 10 and 14 December 1929, AICC File G 100 of 1929—30.
111. *Young India*, 9 January 1930.

Г л а в а 10

1. To A. C. Bombwal, 5 June 1963, Nehru papers.
2. Chief Secretary Punjab Government to Home Secretary, 3 January 1930, and Home Secretary to all Local Governments, 30 January 1930. Home Dept. Pol. File 98 of 1930; Note of Home Secretary, 27 January 1930, and Home Secretary to Chief Secretary, Punjab, 30 January 1930. Home Dept. Pol. File 65 of 1930.
3. Statement, 6 January, *The Tribune*, 8 January 1930.
4. Gandhi to Jawaharlal, 12 January 1930, AICC File 26 of 1930.
5. Statement of Jawaharlal, 28 January, *The Tribune*, 30 January 1930; Home Department's telegram to Secretary of State, 5 February 1930, cited in S. Gopal, *The Viceroyalty of Lord Irwin*, (Oxford, 1957), p. 55.
6. To Edo Fimmen, 4 March 1930.
7. To Secretaries, League against Imperialism, 30 January 1930.
8. Ansari to Sherwani, 6 January, and to Gandhi, 10 and 13 February 1930; Khaliquzzaman to Ansari, 1 March 1930; and Sherwani to Ansari, 3 March 1930, Ansari papers; M. Desai, *Maulana Abul Kalam Azad* (Indian edition, 1945), p. 60.
9. Mahmud to Ansari, без даты, но написано после заседания Рабочего комитета. Ansari papers.
10. Gandhi to Ansari, 16 February, and Motilal to Ansari, 17 February 1930, Ansari papers.
11. "The Problem of Minorities", 14 March 1930, reprinted in *Young India*, 15 May 1930.
12. Resolution at meeting of U. P. Congress Committee, 26 February 1930, *The Leader*, 1 March 1930.
13. Jawaharlal to Gandhi, 7 March 1930.
14. 30 June 1951. Foreword to Tendulkar, *Mahatma*, vol. 1 (Bombay, 1951).
15. "Inquilab Zindabad", 24 March 1930, published in *Young India*, 3 April 1930; "The AICC", 23 March 1930, published in *Young India* 27 March 1930.
16. *The Leader*, 19 March 1930.
17. To Roger Baldwin, 4 April 1930.
18. To Sitla Sahai, 11 April 1930.

19. Home Department telegram to Governor U. P., 4 April 1930, Home Dept. Pol. File 249 and KW of 1930.
20. To Syed Mahmud, 11 April 1930.
21. Hailey to Hirtzel, 8 May 1930, Hailey papers, vol. 19.
22. Entry 16 April 1930.
23. 4 May 1930.
24. To his father, 28 May 1930.
25. To Vijayalakshmi Pandit, 25 June 1930.
26. За эти полгода пребывания в тюрьме он изготовил более 30 тысяч ярдов пряжи на чакре и почти 750 ярдов на такли (ручном веретене).
27. *Letters from a Father to his Daughter* (Allahabad, 1929).
28. Preface to second edition, October 1931.
29. Speech to the Foreign Press Association, New Delhi, 20 March 1956.
30. Diary entry, 2 May 1930.
31. Diary entry, 5 May 1930.
32. 31 May 1930.
33. Gandhi to Motilal, 23 July 1930. *The Bombay Chronicle*, 6 September 1930.
34. Ганди называли «Бапу» — «отец» Джавахарлал и многие другие.
35. Diary entry, 1 August 1930. Фазл-и-Хусаин — глава Юнионистской партии в Пенджабе и в то время член Совета при вице-короле был откровенным сторонником мусульманского коммунизма.
36. 28 July 1930, Sapru papers I 47.
37. 28 July 1930.
38. Sapru to Jayakar, 8 August 1930, Sapru papers J 16.
39. Jayakar to Sapru, 4 August 1930, Sapru papers J 15.
40. Hailey to General Shea, 15 August 1930, Hailey papers, vol. 19.
41. Wedgwood Benn to Irwin, 3 September 1930, Halifax papers, vol. 6.
42. Hailey, Governor, to Crerar, Home Member, 2 October 1930, Home Dept. Pol. File 257/III of 1930.
43. Circular to provincial Congress committees, 14 October 1930.
44. Speech at Allahabad, 12 October 1930.
45. Speech at Lucknow, 18 October 1930. *The Tribune*, 21 October 1930.
46. Letter to Dhan Gopal Mukherji, 17 October 1930.
47. Diary entry, 16 November 1930.
48. Notes probably written in October-November 1930.
49. To his father, 28 December 1930.
50. Letter to his editor, 12 September 1930, *The History of the Times, 1912—1948*, pt. ii (New York, 1952), p. 877.
51. Irwin to Wedgwood Benn, 5 September and 3 November 1930, Halifax papers, vol. 6.
52. Two undated letters to his father, clearly written in January 1931.
53. For an analysis of this see Bipan Chandra, "Elements of Continuity and Change in Early Nationalist Activity", paper read at the Indian History Congress, December 1972.
54. Op. cit., p. 52.
55. Comments to a Journalist, 18 February, *The Tribune*, 22 February 1931.
56. «Длительные переговоры, наконец, подходят к своему завершению, и нам надо снова готовиться к тюрьме или чему-то еще похуже. Все это к лучшему!» — писал Джавахарлал Виджаялакшми Пандит 28 февраля 1931 г.
57. См. его записку без даты, явно написанную в это время. AICC File G 6 (KW) (i) 1931.
58. Ibid.

59. Prison diary, 4 March 1932.
60. J. P. Haithcox, *Communism and Nationalism in India* (Princeton, 1971), pp. 190—91.
61. To Onkar Nath Verma, 2 December 1933.
62. Gandhi's handwritten note to Jawaharlal, AICC File G 6 (KW) (i) 1931.
63. Undated note, AICC File G 6 (KW) (i) 1931.
64. Lord Butler, *The Art of the Possible* (London, 1971), p. 41.
65. Wedgwood Benn to Irwin, 25 March 1931, Halifax papers, vol. 6.
66. To Anjani Kumar, 21 July 1931. AICC File G 59 of 1931.

Г л а в а 1 1

1. Viceroy's record of interview with Gandhi, 19 March 1931. *Collected Works*, vol. 45 (Delhi, 1971), p. 315.
2. Speeches at Lucknow, 8 March. *The Leader*, 11 March 1931; Allahabad, 9 March, *The Leader*, 12 March 1931; Bombay, 15 March, *The Bombay Chronicle*, 16 March 1931.
3. Jawaharlal to Jagdish Prasad, Chief Secretary U. P., 11 March and to Maharaj Singh, Commissioner, Allahabad division, 9 April 1931. Home Dept. Pol. File 33/XVI and K. W. of 1931.
4. *Autobiography*, p. 299.
5. Letter to Emerson, Home Secretary, 23 March 1931, *Collected Works*, vol. 45, pp. 334—5.
6. *Agrarian Distress in the United Provinces*, report of the U. P. Congress Sub-Committee (Lucknow, 1931), p. 46.
7. To Sir Findlater Stewart of the Indian Office, 25 April 1931, Hailey papers, vol. 20.
8. Emerson's report of his interview with Gandhi, 19 March 1931, *Collected Works*, vol. 45, Appendix IX.
9. Emerson's report of his interview with Gandhi, 6 April 1931, Home Dept. Pol. File 33/XI of 1931.
10. Crerar, Home Member, to Hailey, 6 May 1931, Hailey papers, vol. 20.
11. Это высказывание принадлежало новому вице-королю Уиллингдону; letter to Hailey, 29 April 1931, Hailey papers, vol. 20.
12. Hailey to Crerar, 8 May 1931, Home Dept. Pol. File 33/XI of 1931.
13. Chief Secretary's circular to Commissioners, 7 May 1931, *ibid.*
14. Emerson's note of discussions with Gandhi, 13, 14, 15 and 16 May 1931, Home Dept. Pol. 33/IX of 1931; Hailey's note of discussions, 20 May 1931, Home Dept. Pol. File 33/XI of 1931.
15. Manifesto, 23 May 1931.
16. Hailey to Haig, 10 October 1931, Hailey papers, vol. 22.
17. 20 and 24 June 1931.
18. To Mohanlal Saxena, 15 June 1931, *Collected Works*, vol. 46 (Delhi, 1971), p. 384.
19. Speeches at Delhi, 22 June, *The Bombay Chronicle*, 29 June 1931 and at Lucknow 26 June 1931.
20. Speeches at Rae Bareli, 25 June, *The Leader*, 3 July and Soram, 5 July, *The Pioneer*, 8 July 1931.
21. Chief Secretary U. P. to Home Secretary, 30 June and 2 July, and Governor's telegram to Home Member, 20 July 1931, Home Dept. Pol. 33/XVI and K. W. 1931.
22. Hailey to Dawson, 7 June, and to Findlater Stewart, 15 June 1931, Hailey papers, vol. 21.

23. To Hailey, 22 July 1931, Hailey papers, vol. 21. То, что Уиллингдон часто, а не только в этом случае неправильно писал имя Джавахарлала, служит еще одним доказательством его безответственности и невнимательности в государственных делах.
24. Emerson's note on discussions with Jawaharlal, 19 and 20 July 1931. Home Dept. Pol. 33/23 of 1931. Рассказ о них Джавахарлала, хотя и без упоминания фамилий, дается в *Autobiography*, pp. 284 and 305.
25. Jawaharlal's letters to Jagdish Prasad, 29 and 30 July and 1 August 1931. AICC File G. 118 of 1931 and 31 July 1931, AICC File G 40 (KW) (iii) of 1931; report of U. P. Government for the second half of July 1931. Home Dept. Pol. 18/7/31.
26. Purshottam Das Tandon's comments on the Working Committee meeting. *The Leader*, 9 August 1931.
27. Jawaharlal's speech at Allahabad, 20 August, *The Leader*, 22 August 1931.
28. Jawaharlal's telegram to Gandhi and Gandhi's reply, 15 August 1931.
29. Letter of Revenue Secretary U. P. to district officers, 24 August 1931, *The Leader*, 12 October 1931.
30. Jawaharlal to Gandhi, 1 September 1931.
31. См. таблицу на стр. 170 enclosure to letter from Chief Secretary, U. P. to Home Secretary, Government of India, 26 October 1931, Home Dept. Pol. File 33/36 of 1931.
32. Jawaharlal to Jagdish Prasad, 5 September 1931.
33. Fortnightly report of the U. P. Government for the second half of August 1931, Home Dept. Pol. 18/8/31.
34. Jawaharlal's interview in *The Bombay Chronicle*, 31 August 1931, and circular to provincial Congress committees, 31 August 1931, AICC File P-1/1931.
35. E. C. Miéville, Private Secretary to Viceroy, to Jawaharlal, 28 August 1931; AICC File G-7/1931.
36. Letter. 28 August 1931.
37. Hailey to Frank Brown, 9 August, and to Gen. Shea, 29 August 1931, Hailey papers, vol. 21.
38. Patel to Emerson, 15 September 1931, Home Dept. Pol. File 33/36 of 1931.
39. Jawaharlal to V. N. Mehta, Commissioner, Allahabad Division, 23 September 1931, AICC File G 40 (KW) (iii)/1931.
40. *The Leader*, 23 September 1931.
41. *Agrarian Distress in the United Provinces*, pp. 49—50.
42. Fortnightly report of U. P. Government for the first half of October 1931, Home Dept. Pol. 18/10/31.
43. Jawaharlal to Gandhi, 16 October 1931.
44. *The Leader*, 14 October 1931.
45. Хотя правительство Соединенных провинций разрешило на 1930 г. снижение на 1230 тыс. рупий, начальник округа утвердил лишь 1100 тыс.
46. Press interview of Collector of Allahabad, 14 October, *The Leader*, 16 October 1931; Jawaharlal to Jagdish Prasad, 15 October 1931 (two letters), AICC File 54, Part III/1931.
47. Пай — одна двенадцатая анны.
48. Jawaharlal to Jagdish Prasad, 15 October 1931. AICC File 54, Part III/1931.
49. Jawaharlal to E. C. Miéville, P.S.V., 16 October 1931 and Emerson to Jagdish Prasad, 21 October 1931. Home Dept. Pol. 33/36 of 1931; Jawaharlal's cable to Gandhi, 16 October 1931, and Gandhi's reply, 19 October 1931.
50. *The Leader*, 19 and 25 October 1931.
51. *The Tribune*, 25 October 1931.
52. Willingdon to Hailey, 22 October 1931, Hailey papers, vol. 22.
53. Hailey to Crerar, 24 October, and to Stewart, 28 October 1931, Hailey papers,

- vol. 22; Jagdish Prasad to Emerson, 26 October 1931 Home Dept. Pol. 33/36 of 1931.
 54. 29 October 1931, *The Leader*, 31 October 1931.
55. Jawaharlal to Jagdish Prasad, 3 November 1931. AICC File G/25 of 1931; Hailey to Crerar, 9 November 1931, Home Dept. Pol. File 33/36 of 1931.
56. T.A.K. Sherwani to Chief Secretary, 3 November 1931, Home Dept. Pol. File 33/36 of 1931.
57. Hailey to Crerar, 9 November 1931, *ibid.*
58. *The Leader*, 18 November 1931.
59. To de Montmorency, 3 December 1931, Hailey papers, vol. 22.
60. Crerar to Hailey, 16 November 1931, Home Dept. Pol. File 33/36 of 1931.
61. Speech at Calcutta, 17 November, *The Tribune*, 19 November 1931.
62. *Autobiography*, p. 309.
63. Speech at the *kisan* conference at Allahabad, 25 November, *The Leader*, 27 November 1931.
64. To Patel, 26 November 1931, AICC File G 60 of 1931; to Syed Mahmud, 27 November 1931.
65. 27 November 1931.
66. Willingdon to Sir Samuel Hoare, Secretary of State, 13 December 1931, Templewood papers, I.O.L. Mss. Eur. E. 240, vol. 5.
67. *The Bombay Chronicle*, 7 December 1931.
68. Fortnightly report of U.P. Government for the first half of December 1931, Home Dept. Pol. 18/12/31.
69. U.P. Government's telegram and reply of Government of India, 7 December 1931, Home Dept. Pol. File 33/36 of 1931.
70. To de Montmorency, 3 December 1931, Hailey papers, vol. 22.
71. Fortnightly report of U.P. Government for the second half of November 1931, Home Dept. Pol. File 18/11/31.
72. Hailey to Verney Lovett, 14 December 1931, and to Irwin, 2 January 1932, Hailey papers, vols. 22 and 23, respectively.
73. Hailey to Emerson, 11 December 1931, Home Dept. Pol. File 33/36 of 1931.
74. Statement issued by the U. P. Government, 14 December 1931.
75. Hoare to Willingdon, telegram, 7 December and letter, 10 December 1931, Templewood papers, Box 11 and vol. 1, respectively.
76. Speeches at Bombay, 15 December, *The Bombay Chronicle*, 16 December 1931.
77. *The Leader*, 25 December 1931.
78. Fortnightly report of the U.P. Government for the second half of December 1931, Home Dept. File No. 18/12/31 Poll.
79. Willingdon to Hoare, 10 January 1932, Templewood papers, vol. 5.
80. Hailey to de Montmorency, 17 January 1932, Hailey papers, vol. 23. Как ни удивительно, но даже такой благожелатель Конгресса, как Эдвард Томпсон, в это время поддерживал политику правительства. «В декабре прошлого года Конгресс представлял собой нахальную и нетерпимую организацию». A. *Letter from India* (London, 1932), p. 41.
81. Hoare to Willingdon, 31 December 1931 and 8 January 1932, Templewood papers vol. 1.
82. Willingdon to Hoare, 26 December 1931, Templewood papers, vol. 5.
83. Note of H. C. Haig, Home Member, 28 December 1932, Home Dept. Pol. File 31/97/32.
84. Hailey to Hoare, 28 February, and to C.S. Newham, 20 October 1932. Hailey papers, vols. 23 and 25, respectively.
85. Haig, *op. cit.*

1. Letter, 26 March 1932, *Glimpses of World History* (Bombay, 1967), p. 58.
2. Diary entry, 4 March 1932.
3. Letter (in Hindi) to Jawaharlal, 16 April 1932.
4. To the Superintendent, District Jail, Dehra Dun, 11 July 1932.
5. Letter to Indira, New Year's Day 1933. *Glimpses*, p. 491.
6. Letter to the Superintendent, District Jail, Dehra Dun, 16 November 1932.
7. Letter, 1 January 1933, *Glimpses*, p. 491.
8. Letter, 9 August 1933, *Glimpses*, p. 985.
9. E. Thompson's letter to Jawaharlal, 3 May 1937, *A Bunch of Old Letters*, pp. 233—40.
10. Letter, 14 December 1932, *Glimpses*, p. 457.
11. *Letters from a Father to his Daughter* (1972 ed.), p. 80.
12. Jail diary, 10 March 1933.
13. Letter, 15 September 1932, *Glimpses*, pp. 337—8.
14. Diary entry, 4 March 1932.
15. Diary entry, 18 August 1932.
16. Telegrams, 8 May 1933.
17. Diary entry, 18 July 1933.
18. Miéville, P.S.V., to Hailey, 29 June 1933, Blunt, Finance Member, to Hailey, 13 August 1933, Nawab of Chhatari, acting Governor, to Hailey, 26 August 1933, Hailey papers, vol. 26.
19. Statement at Kanpur, 1 September, *The Leader*, 3 September 1933; interview in the *Pioneer*, 1 September 1933; statement to the press, 4 September, *The Leader*, 6 September 1933; report of Banaras correspondent, 11 September, *The Leader*, 13 September 1933.
20. Очевидно, так думал не один Джавахарлал. «Полагаю,— писал Хор Уиллингдону об Уинстоне Черчилле,— что в глубине души он считает, что Англия идет к фашизму и что он или кто-нибудь вроде него в конечном счете сумеет править Индией так же, как Муссолини правит Северной Африкой», 6 апреля 1933 г. Templewood papers, vol. 3.
21. To J. T. Gwinn, 2 November and 27 December 1933; statement to the press, 17 December 1933.
22. *Whither India?* Эти три статьи, написанные в октябре 1933 г., содержат самое четкое изложение взглядов Джавахарлала того времени.
23. Jawaharlal's statement to the press, 11 September, *The Leader*, 16 September 1933; Jawaharlal' letter, 13 September and Gandhi's reply, 14 September 1933.
24. Interview in the *Madras Mail*, 22 December 1933.
25. Interview in *The Bombay Chronicle*, 18 September 1933.
26. Editorial, "Save the Congress", in *The Bombay Chronicle*, 19 September 1933.
27. Letter to Kapil Deva Malaviya, 10 September 1933.
28. To Abdur Rahim, 30 October and C. Mascarenas, 10 November 1933; to M. R. Masani, 19 December 1933. Maharashtra Government file of intercepted letters.
29. To Aldous Huxley, 3 September 1933.
30. „Earthquakes — natural and political”, statement to the Press, 31 January 1934.
31. To Sri Prakasa, 11 January 1934, Sri Prakasa papers, N.M.M.L.
32. To H.K. Hales, M.P., 9 November 1933.
33. Statement to the press, 12 January 1934.
34. Interview in *The Leader*, 21 November 1933; to S. A. Brelvi, 3. December 1933.
35. To Jawaharlal, 27 November 1933.

36. Speech at Banaras, 13 November, *The Hindu*, 14 November 1933; statement at Allahabad, 22 November, *The Tribune*, 24 November 1933.
37. Interview in the *Pioneer*, 18 November 1933.
38. Interview, 29 November, *The Bombay Chronicle*, 2 December 1933.
39. Willingdon to Hoare, 18, 24 and 29 September 1933, Templewood papers, vol. 6; Hailey to Chhatari, 26 September and to Clay, 29 September 1933, Hailey papers, vol. 26; notes of Home Department in Home Dept. Pol. File 4/8/33; note of D.I.B., 16 February 1934, Home Dept. Pol. File 4/4/34, Appendix to Notes I, *India and Communism* (compiled in the I.B., 1933), pp. 218—19.
40. Bengal Administration report for 1934—5.
41. Haig's record of interview with Andrews, 26 October 1933, Home Dept. Pol. File 169 of 1933.
42. Ellen Wilkinson to Jawaharlal, January 1936.
43. 9 January 1936.
44. Haig's note, 15 November 1933, Home Dept. Pol. File 169 of 1933.
45. Home Secretary to all Local Governments, 26 September 1933, reprinted in *The Civil Disobedience Movement 1930—1934* (Govt. of India confidential publication, 1936), pp. 88—9.
46. Willingdon to Hoare, 29 September 1933, Templewood papers, vol. 6.
47. Hailey to J. T. Gwinn, 6 November 1933, Hailey papers, vol. 26.
48. Gandhi's interview in *Madras Mail*, 22 December 1933; Hailey to Irwin, 19 January 1934, Hailey papers, vol. 27.
49. Statement at Allahabad, 26 December, *The Tribune*, 29 December 1933.
50. Willingdon to Hoare; 30 January 1934, Templewood papers, vol. 7.
51. Notes of Home Secretary and Home Member, 15 December 1933 and letter of Chief Commissioner, 18 December 1933, Home Dept. Pol. 4/1/34.
52. Home Secretary to all Local Governments, 22 December 1933, *ibid.*
53. Home Secretary to Chief Secretary U. P., 19 January and Home Member to Governor U. P., 21 January 1934, *ibid.*
54. Telegrams to Gandhi and to his daughter, 13 February 1934.
55. To Vijayalakshmi Pandit, 1 March 1934.
56. Diary entry, 13 April 1934.
57. To Hoare, 24 September 1934, Templewood papers, vol. 7.
58. To Gandhi, 13 August 1934. В резолюции осуждались конфискация собственности и классовая борьба как противоречащие принципу ненасилия. В ней Конгрессу предписывалось только «более мудрое и справедливое пользование частной собственностью» и «установление здоровых отношений между капиталом и трудом».
59. «Бурное выступление Джавахарлала не столь опасно, как кажется. Он лишь воспользовался своим правом «выпустить пар». Думаю, он сейчас успокоился». Gandhi to Patel, 19 August 1934, quoted in K. Dwarkadas, *India's Fight for Freedom* (Bombay, 1966), p. 444.
60. Acharya Narendra Deva's presidential address at the first session of the Socialist Party Conference, reprinted in *Socialism and the National Revolution* (Bombay, 1946), pp. 5—29.
61. To Sampurnanand, 22 August 1934. Sampurnanand papers, National Archives of India.
62. Jayaprakash Narayan to Rajendra Prasad, 25 July 1934, U.P.C.I.D. File PPF-J 25.
63. Subhas Bose, *The Indian Struggle* (Calcutta, 1964), p. 336.
64. Sampurnanand, *Memories and Reflections* (Bombay, 1962), p. 72. Следует добавить, что М. Н. Рой также был против образования отдельной социалистической

партии внутри Конгресса, потому что это не дало бы возможности левому крылу руководить партией и обеспечило бы господство в ней консерваторов.

65. Note of the U.P.C.I.D. on revolutionary affairs in the province 1934, U.P. C.I.D. File No. PPF N 26.

66. U.P. Government publicity pamphlet "Communist Likes and Dislikes", Home Dept. Pol. File 7/13/34.

67. Answer of Secretary of State in House of Commons, 16 July 1934. Хор хотел сказать, что «в настоящее время» не может быть никакого сокращения срока, но по настоянию правительства Индии вычеркнул это место. Home Dept. Pol. File 27/19/34.

68. 9 April 1934.

69. Letter to District Magistrate, 12 August 1934.

70. To Jagdish Prasad, Home Member, U.P., 5 November 1934.

71. Diary entry, 30 April 1935.

72. Note on income and expenditure, 14 May 1935.

73. Letter to U.N. Dhebar, 7 June 1957, Nehru papers.

74. Telegram to Secretary of State, 10 November 1934, Home Dept. Pol. File 38/7/34.

75. Willingdon to Hoare, 22 October 1934 and 5 May 1935. Templewood papers, volumes 7 and 8, respectively.

76. Draft Second Volume of Autobiography (далее DSWA) written in Dehra Dun jail 1941. Этот черновик он впоследствии забраковал как непригодный для публикации, но отдельные его части были включены в «Открытие Индии».

77. Diary entry, 19 March 1935.

78. Sir William Duke to Motilal, quoted in Motilal to Jawaharlal, 18 March 1928, Motilal Nehru papers.

79. 30 April 1935.

80. Diary entry, 17 April 1935.

81. Diary entry, 28 August 1935.

82. 9 June 1935.

Глава 13

1. Press statement, *The Bombay Chronicle*, 5 September 1935.

2. To Jayaprakash Narayan, 28 July 1952, Nehru papers.

3. To Rajendra Prasad, 23 January 1936, AICC file G 43 (KW) (i) 1935.

4. Факты о здоровье Камалы Неру взяты из записки, составленной Джавахарлалом для врачей в мае 1935 г.

5. To Syed Mahmud from Geneva, 4 November 1926, original in Urdu.

6. To Syed Mahmud from Brighton, June 1927, original in Urdu.

7. P. Kalhan, *Kamala Nehru* (Delhi, 1973), p. 85.

8. Беседа с автором 20 ноября 1969 г.

9. Note of H. Williamson, Director, Intelligence Bureau, 27 September 1935, Home Dept. Pol. 4/7/35.

10. Note for John Gunther, 16 March 1938.

11. В этом вопросе она была достаточно проницательна, даже когда речь шла о позиции Ганди: «... В мире нет другого человека, подобного Ганди, но что касается прав женщин, тут он не лучше других мужчин». Letter to Jawaharlal (in Hindi), 9 October, 1932.

12. His statement to the press, 17 March 1936; *The Discovery of India* (Calcutta, 1946), p. 40.

13. 11 July 1936.

14. *The Spectator*, 15 May 1936.
15. 28 April 1936.
16. Вскоре после ликвидации издательство перешло в другие руки, и с того времени на счет Неру регулярно переводились авторские отчисления.
17. *The Statesman* (Calcutta), 10 May 1936.
18. Mahadeva Desai to Jawaharlal, 11 December 1935.
19. 21 May 1936, Sapru papers.
20. *The Hindu*, 21 June 1936.
21. Letter to Krishna Menon, quoted in Marie Seton, *Panditji* (London, 1967), p. 88.
22. AICC letter No. 40, dated 12 March 1936.
23. To Keith Marvin, New York, 24 February 1962, Nehru papers.
24. Сохранилось трогательное описание Джавахарлала в конце съезда Конгресса в Лакхнау в апреле 1936 г., которое дает некоторое представление о состоянии стресса, в котором он находился: «Пандит Джавахарлал говорил на хинди, и тут вдруг слезы выступили у него на глазах. Он немедленно сел и вытер слезы, но цвет лица у него еще несколько минут оставался прежним. Он не сознавал, что два или три делегата обращаются к нему; казалось, он даже не замечал, что отвечает на вопросы, которые ему задавали. Затем он поспешил в свою палатку и через несколько секунд заснул». *The Bombay Chronicle*, 15 April 1936.

Г л а в а 1 4

1. Gandhi to Jawaharlal, 3 October 1935.
2. Gandhi to Jawaharlal, 22 September and 15 October 1935; Mahadeva Desai to Jawaharlal, 6 September 1935.
3. Letter to Agatha Harrison, 25 September 1935.
4. Gandhi to Jawaharlal, early in 1936.
5. Однако и здесь были исключения. А. Г. Фрейзер, директор Ачимота-колледжа в тогдашнем Золотом Берегу, пригласил Джавахарлала на обед в свой клуб. Секретарь клуба возразил против присутствия Джавахарлала в общей столовой клуба. Тогда Фрейзер отказался от членства в клубе и устроил обед в номере одного из отелей. Jawaharlal's note to Secretary General, Ministry of External Affairs, 29 May 1954, Nehru papers.
6. 16 November 1935.
7. Note on a visit to England, 22 February 1936.
8. *Downhill All the Way* (London, 1967), pp. 230—32.
9. To Rajendra Prasad, 22 November 1935, Home Dept. Pol. File 1/2/36.
10. Foreword to M. R. Masani's book *Soviet Sidelights*, 25 February 1936.
11. Talk to the Indian Conciliation Group in London, 4 February 1936, reprinted in *India and the World* (London, 1936), p. 259.
12. Беседа Палм Датта с автором 20 ноября 1969 г.
13. Saperov in the *Bolshevik* in 1930, quoted in Druhe, op. cit., p. 305.
14. "The Background in India", *Labour Monthly*, March 1934.
15. International Press Correspondence, 4 January 1936.
16. Palme Dutt and Bradley, "The Anti-Imperialist People's Front in India", *Labour Monthly*, March 1936.
17. Note on a Constituent Assembly for India, 25 February 1936.
18. Adhikari's thesis, February 1934, *Imprecor*, vol. 14, No. 40, 20 July 1934.
19. Беседа с автором 20 ноября 1969 г.
20. Letters to Lord Lothian, 9 December 1935 and 17 January 1936.
21. *Mahatma Gandhi*, 20 January 1936.
22. To Jawaharlal, 22 September 1935.

23. To Rajendra Prasad, 20 November 1935, Home Dept. Pol. 1/2/36.
24. To Syed Mahmud, 5 May 1936.
25. Resolutions to be placed before the Lucknow Congress, *The Bombay Chronicle*, 26 March and 8 April 1936.
26. DSVa, pp. 40—41.
27. Message to the All-India Socialist Conference at Meerut, *The Bombay Chronicle*, 16 January 1936.
28. Report of the viewpoint of socialist leaders at Lucknow, *The Bombay Chronicle*, 6 April 1936.
29. *The Bombay Chronicle*, 11 and 14 April 1936.
30. *The Tribune*, 12 April 1936.
31. Speech at Allahabad, 11 May, *The Bombay Chronicle*, 12 May and talk in Bombay, *The Bombay Chronicle*, 18 May 1936.
32. Statement of the Politbureau of the Central Committee of the Communist Party of India, 24 July 1936.
33. Speech at Bombay, *The Bombay Chronicle*, 19 May 1936.
34. Letter to M. M. Malaviya, 20 April, and statement to the press, 22 June 1936.
35. Circular to prov. cong. Committees, 14 May 1936.
36. *The Bombay Chronicle*, 16 April 1936.
37. To Purushottamdas Thakurdas, 20 April 1936. Purushottamdas Thakurdas papers, File 177, N. M. M. L.
38. To Agatha Harrison, 30 April 1936.
39. Беседа автора с Ачютом Патвардханом, 3 апреля 1970 г.
40. Statement of the executive committee of the Congress Socialist Party, 16 April, *The Bombay Chronicle*, 17 April 1936.
41. To Ellen Wilkinson, 15 June 1936.
42. Home Secretary to all Local Govts., 19 August 1936, Home Dept. Pol. File 4/15/36.
43. Home Dept. Pol. Files 4/4, 4/6, 4/14, 4/15, 4/23, 4/32 and 4/34 to 4/38 of 1936.
44. Governor of Madras to Home Member, 20 April 1936, Home Dept. Pol. File 4/6/36.
45. Speeches and statements at Bombay, *The Bombay Chronicle*, 16 and 18 May 1936.
46. Sir Cowasji Jehangir in *The Bombay Chronicle*, 28 May 1936.
47. "Manifesto of the 21", *The Tribune*, 20 May 1936.
48. "Reply to Critics", *The Tribune*, 9 June 1936.
49. Speeches and interviews, *The Bombay Chronicle*, 19, 20, 21 and 23 May 1936.
50. G. D. Birla to Walchand Hirachand, one of the signatories of the manifesto, 26 May 1936. Purushottamdas Thakurdas papers, File, 177.
51. Bipan Chandra "The Indian capitalist class and imperialism before 1947", (1972).
52. Vallabhbai Patel to Rajendra Prasad, 29 May 1936, Maharashtra Govt. records — intercepted letters.
53. Jawaharlal to Gandhi, 25 May and Gandhi to Jawaharlal, 29 May 1936.
54. Speech at Lahore, 2 June. *The Tribune*, 3 June 1936.
55. 18 June 1936.
56. Jawaharlal to Gandhi, 5 July 1936; Gandhi to Jawaharlal, 8 July, 15 July and 30 July 1936.
57. *The Bombay Chronicle*, 7 July 1936.
58. 8 July 1936, Sapru papers.
59. Articles on "Congress and Socialism", *The Bombay Chronicle*, 20 and 31 July

- 1936; statement on the Punjab peasantry, 12 August, *The Tribune*, 13 August 1936.
60. AICC File G 71 of 1936.
61. "Favourite of Fortune" in *Nehru Abhinandan Granth*, pp. 108—9.
62. *The Tribune*, 23 August 1936.
63. Letters to Gandhi communicated to Jawaharlal by Mahadeva Desai, 26 August 1936, AICC File G 85 (1) of 1936.
64. *The Bombay Chronicle*, 26 January 1937.
65. Lal Bahadur Shastri's article in Zakaria, *A Study of Nehru*, pp. 150—51.
66. Фрэнсис Уотсон рассказывает о подобном случае, очевидцем которого он был на съезде Конгресса в 1939 году. «Будто специально, чтобы я не пропустил этот эпизод, мой сосед на одном из предварительных заседаний, сидевший в третьем или в четвертом ряду, буквально засыпал трибуну градом все более резких вопросов, направленных против Пандитджи, пока тот со скоростью ракеты не сорвался с трибуны и, почти упав мне на колени, не испепелил обидчика гневным окриком, потребовав у него пропуск и разорвав его в клочки, чем в одно мгновение вызвал бурю в аудитории. Когда я выполз из-под края упавшего полотнища навеса, одетые в синие шорты добровольцы Конгресса все еще пытались утихомирить сцепившихся патриотов. Через несколько часов я получил возможность поговорить с Неру наедине и спросил, в чем была причина скандала. Он удивленно нахмурил брови и спросил: «Какого скандала?», и мы перешли к другим делам». *The Trial of Mr. Gandhi*, (London, 1969), p. 21.
67. To Agatha Harrison, 3 September 1936.
68. Report of the District Magistrate, Multan, after hearing Jawaharlal on 28 July 1936. Home Dept. Pol. File 4/14/36.
69. Presidential address at Faizpur, December 1936, reprinted in *Eighteen Months in India*, pp. 72—98.
70. President's circular to all provincial Congress committees, 2 January 1937.
71. Linlithgow to Zetland, 15 February 1937, Zetland papers, I. O. L. Mss. Eur. D 609, vol. 14.
72. 28 September 1936.
73. Speech at Delhi, *The Bombay Chronicle*, 15 March 1937.
74. Presidential address at All-India Congress legislators convention, March 1937, *Eighteen Months in India*, pp. 111—24.
75. M. N. Roy. "Jawaharlal Nehru", *Twentieth Century*, February 1952.
76. Speeches at the convention of legislators, 19 March, *The Bombay Chronicle*, 20 March 1937.
77. Letter to K. T. Shah, 27 March 1937.
78. Statement to the press, 28 March 1937.
79. Linlithgow to Zetland, 2 April 1937, Zetland papers, vol. 14.
80. To Agatha Harrison, 18 April, to H. G. Alexander, 21 April, to H. N. Brailsford, 22 April, and to Stafford Cripps, 28 April 1937.
81. *The Bombay Chronicle*, 20 March 1937.
82. Erskine's telegram to Viceroy, 11 June 1937, Erskine papers, I. O. L. Mss. Eur. D. 596, vol. 8.
83. Zetland to Linlithgow, 3 and 9 May 1937, reprinted in Zetland, *Essays* (London, 1956), pp. 220—22.
84. Zetland to Linlithgow, 5 July 1937, Zetland papers, vol. 8.
85. Proceedings of the Working Committee, 5 to 9 July 1937, AICC File 42 of 1936.

1. Message to the Associated Press, *The Bombay Chronicle*, 8 July 1937.
2. "The Decision to Accept Office", 10 and 20 July 1937, *Eighteen Months in India*, pp. 248—54.
3. Maulana Azad, *India Wins Freedom* (Calcutta, 1967 edition), pp. 143—5.
4. Letter to Humayun Kabir, 1 April 1958, Nehru papers.
5. Report of press conference, *The Hindu*, 8 February 1959.
6. 5 April 1934, Templewood papers, vol. 4.
7. H. F. Owen, "Negotiating the Lucknow Pact", *Journal of Asian Studies*, May 1972, pp. 561—87.
8. Вот пример: «Что бы я ни сделал, поверьте, я ни в чем ни в малейшей степени не переменялся с того самого дня, когда вступил в Индийский национальный конгресс. Возможно, случалось, что я ошибался, но это никогда не вызывалось какими-либо пристрастиями. Моей единственной целью всегда было благоденствие моей родины. Заверяю вас, что интересы Индии всегда были и будут для меня священны, и ничто не заставит меня ни на йоту отступить от этой позиции. Speech at Lahore, reported in the *Civil and Military Gazette*, 3 March 1936.
9. *The Bombay Chronicle*, 19 January and 26 July 1937.
10. *Ibid.*, 10 February 1937.
11. *Ibid.*, 16 February 1937.
12. Gandhi's letter to Jinnah, 22 May 1937, cited by Jinnah, *The Bombay Chronicle*, 26 July 1937.
13. Jawaharlal to Stafford Cripps, 22 February 1937.
14. Circulars to provincial Congress committees, 31 March and 10 July 1937.
15. Proceedings of the Working Committee, April 1937, AICC File 42 of 1936.
16. P. D. Reeves, "Landlordism and Party Politics in the United Provinces, 1934—7", in Low, *Soundings in Modern South Asian History*, pp. 261—82.
17. The Raja of Mahmudabad's account of his interview with the governor of U.P. in 1936, "Some Memories", in C. H. Philips and M. D. Wainwright (eds.), *The Partition of India* (London, 1970), p. 384.
18. C. Khaliqzaman, *Pathway to Pakistan* (Lahore, 1961), pp. 154—5.
19. Pant to Jawaharlal, 2 April 1937.
20. Jawaharlal to Pant, 30 March 1937.
21. Jawaharlal to Abdul Walli, 30 March 1937.
22. *The Bombay Chronicle*, 19 March 1937.
23. Z. H. Zaidi, "Aspects of Muslim League Policy 1937—47", *The Partition of India*, p. 256.
24. Jawaharlal to Rajendra Prasad, 21 July 1937. Кхаликуззаман в своем рассказе о встрече с Азадом утверждает, что беседа касалась только двух вопросов — выйдут ли Лига из правительства вместе с Конгрессом, если Конгресс когда-нибудь так поступит (с чем Кхаликуззаман согласился), и согласен ли он заменить наваба Исмаил-хана другим мусульманином (от чего он отказался). *Pathway to Pakistan*, p. 160.
25. Jawaharlal to Rajendra Prasad, 21 July 1937; Khaliqzaman, *op. cit.*, p. 161.
26. На самом деле он, видимо, выразил удовлетворение. Эдвард Томпсон передает разговор, состоявшийся в октябре 1939 года. «Мы не желаем иметь в составе кабинета,— сказал один из руководителей, который многое мог сообщить по поводу случившегося (он к тому же был мусульманином),— человека, бывшего в течение двадцати лет нашим товарищем и предавшего нас, когда он решил, что нам грозит поражение». *Enlist India for Freedom* (London, 1940), p. 56. Тут явно имеется в виду Азад, говоривший о Кхаликуззамане.

27. Fida Sherwani to Jawaharlal, 30 June 1937.
28. Assistant Secretary U.P.P.C.C. to Rafi Kidwai, 6 July 1937, AICC File G. 61/1937.
29. Jawaharlal's statement to the press, 10 July, *The Bombay Chronicle*, 11 July 1937.
30. *The Bombay Chronicle*, 14 July 1937.
31. To Govind Ballabh Pant, 25 November 1937, *A Bunch of Old Letters*, pp. 256—7.
32. K. M. Munshi, *Pilgrimage to Freedom* (Bombay, 1967), vol. 1, p. 44.
33. President's circular to Congress committees, 16 July 1937.
34. Note of R. M. Maxwell, Home Secretary, on Home Ministers Conference, 31 May 1939, forwarded to Governors by Viceroy, 15 June 1939, Erskine papers, vol. 16.
35. Linlithgow to Zetland, 16 December 1937, Zetland papers, vol. 14.
36. *Pilgrimage to Freedom*, vol. 1, p. 49.
37. Proceedings of the Working Committee, 14 to 17 August 1937, AICC File 42 of 1936.
38. 25 August 1937, Brabourne papers, I. O. L. Mss. Eur. F. 97, vol. 8.
39. Jawaharlal to P. Subbarayan, 21 November 1937.
40. Erskine to Brabourne, 23 June 1938, Erskine papers, vol. 13.
41. Erskine to Linlithgow, 4 April 1938, Erskine papers, vol. 13.
42. Erskine to Linlithgow, 24 April 1939, Erskine papers, vol. 13.
43. Lumley, Governor of Bombay, to Erskine, 4 October 1938, reporting Kher's account of conversation with Rajagopalachari, Erskine papers, vol. 13.
44. Brabourne, acting Viceroy, to Erskine, 2 July 1938, Erskine papers, vol. 13.
45. *The Bombay Chronicle*, 13 August 1937.
46. Erskine to Linlithgow, 25 September 1937, sent by Linlithgow to Zetland, 30 September 1937, Zetland papers, vol. 14.
47. Erskine to Sir Geoffrey Bracken, 30 January 1939, Erskine papers, vol. 21.
48. «Я должен, кроме того, признаться, что его роль в будущем не может иметь решающего революционного значения. События развиваются слишком быстро для него, и не удивляйтесь, если через год-два в Индии вместо единого фронта мы начнем готовиться к гражданской войне, и тогда, подобно многим либеральным интеллигентам, Неру исчезнет со сцены. Однако в настоящий момент даже салонные социалисты могут внести свой вклад. Добавлю, между прочим, что Неру — один из самых привлекательных представителей тех, кого мы называем джентльменами, с которыми доводится встречаться в любой стране. Его намерения благородны, и он хочет помочь всем нам». K. M. Ashraf to Phyllis Kemp, 9 August 1938, U. P. Govt. C.I.D. File P/M—83.
49. Note on The AICC and Congress Ministries, 4 November, *The Bombay Chronicle*, 11 November 1937.
50. Letters to Rajagopalachari, 1 October and 4 November, to Subbarayan, 21 November and to Pant, 25 November, 1937.
51. To Edward Thompson, 11 November 1937.
52. Report of the Governor, Sir Harry Haig, of conversation with Vijayalakshmi Pandit in letter to Linlithgow, 23 November 1938, Haig papers, I. O. L., Mss. Eur. F. 115, vol. 7.
53. Jawaharlal's letter to Asaf Ali, 5 August 1937.
54. Statement to the press, 25 August 1937; Jawaharlal to Bhulabhai Desai, 12 September 1937.
55. "The Rashtrapati" by Chanakya, *Modern Review*, November 1937.
56. To Jal Naoroji, 30 August 1937.
57. Article in *National Herald*, 24 January 1939. Эту газету Джавахарлал основал в Лакхнау летом 1938 г.
58. Statements to the press, 5 and 8 May, and speech at Allahabad, 9 May 1936.

59. Statement to the press, 21 September and speech at Allahabad, 27 September 1936; letter to A. E. Shohet, 26 August 1936.
60. To Ernst Toller, 10 August 1936.
61. Statement to the press, 20 February 1937.
62. To Rabindranath Tagore, 2 June 1938.
63. Letters to Krishna Menon, 22 May and 11 November 1937.
64. Foreword to *Foreign Policies of the Indian National Congress and the British Labour Party*, by R. M. Lohia (AICC, 1938).
65. V. Gollancz to Jawaharlal, 8 February 1937, *A Bunch of Old Letters* p. 25; John Lewis, *The Left Book Club*, (London, 1970), p. 40.
66. Lewis, op. cit., p. 75; correspondence between Mahmuduzzafar, secretary to Jawaharlal, and Gollancz, Home Dept. Pol. File 4/13/38.
67. Lothian to the Aga Khan, 19 May 1937, Lothian papers, Edinburgh.
68. Article in the *National Herald*, 7 July 1939, reprinted in *China, Spain and the War* (Allahabad, 1940), p. 78.
69. Lord Brockway's oral testimony, 24 July 1967, N. M. M. L.
70. Этот отчет о поездке Джавахарлала в Испанию основан на его конфиденциальной записке, составленной для Рабочего комитета, и статьях, написанных спустя год и перепечатанных в *China, Spain and the War*.
71. Zetland to Brabourne, acting Viceroy, 5 July 1938, Zetland papers vol. 10.
72. Note to the Working Committee, 30 July 1938.
73. Kingsley Martin, *Editor* (London, 1968), p. 10.
74. Артур, лорд Понсонби, министр в лейбористских правительствах и специалист по вопросам внешней политики.
75. Entry for 3 July 1938, Beatrice Webb's diaries. Passfield papers, London School of Economics Library, vol. 52, pp. 78—9.
76. 24 September 1940. Beatrice Webb's diaries, vol. 54, pp. 175—6.
77. Viceroy's report on interview with Gandhi, 4 August 1937, Haig papers, vol. 13; Gandhi to Jawaharlal, 4 August 1937, *A Bunch of Old Letters*, p. 240; proceedings of the Working Committee, 14—17 August 1937, AICC File 43 of 1936; Linlithgow to Zetland, 4 February 1938, Zetland papers, vol. 15.
78. Glendevon, *The Viceroy at Bay* (London, 1971), p. 101; Jawaharlal's note for the Working Committee, 30 July 1938.
79. Note written on 24 October 1955, Nehru papers.
80. Jawaharlal to J. B. Kripalani, 27 July 1938.
81. Report in *The Bombay Chronicle*, 8 August 1938.
82. Lois Fisher, *Men and Politics* (London, 1941), pp. 506—7.
83. Message of German Consul in Bombay conveyed through Shankar Rao Deo, see Jawaharlal to Shankar Rao Deo, 26 May 1938; J. G. Studnitz, German newspaper correspondent, to Jawaharlal, 25 June and 5 September 1938.
84. Article in *National Herald*, 5 October 1938.
85. Letter to the *Manchester Guardian*, 8 September 1938.
86. To J. B. Kripalani, Secretary, AICC, 30 August 1938; note for Working Committee, 7 September 1938; cable to Kripalani, 26 September 1938.
87. Article dated 21 September 1938 in the *National Herald*, reproduced in *China, Spain and the War*, p. 102.
88. *The Question of Language*, August 1937.
89. Statement of the Working Committee, 28 October, *The Bombay Chronicle*, 30 October 1937.
90. Letter to Jawaharlal, 14 February 1939.
91. Glendevon, op. cit., p. 157.

92. О заверениях Джинны мусульманским землевладельцам в Пенджабе см. K. B. Sayeed, *Pakistan, The Formative Phase* (London, 1968), p. 95.
93. DSVА, p. 164.
94. Presidential address at the Lucknow session of the Muslim League, October 1937.
95. Reports of Jinnah's interviews, with Linlithgow in Linlithgow to Zetland, 9 September 1937, Zetland papers, vol. 14, and with Brabourne in Brabourne to Zetland, 19 August 1938, Brabourne papers, vol. 61.
96. Linlithgow to Haig, 17 April 1939, Haig papers, vol. 3.
97. Brabourne to Zetland, 21 July 1938, Zetland papers, vol. 16.
98. Linlithgow to Zetland, 12 April 1939 and Zetland to Linlithgow, 2 May 1939, Zetland papers, vols. 17 and 11, respectively.
99. Draft concluding chapter written on 23 August 1937 for K. T. Shah's book *Federal Government*.
100. Jawaharlal's comments on the Muslim League session, October 1937, *The Bombay Chronicle*, 19 October 1937.
101. Jawaharlal's letter to Siddiq Ahmed Siddiqui, 8 September 1937.
102. To Sri Prakasa, 15 August 1939.
103. Gandhi in May 1939, quoted in Tendulkar, *Mahatma*, vol. 5, p. 95.
104. Bose to his nephew, 17 April 1939, quoted in N. G. Jog, *In Freedom's Quest* (Delhi, 1969), p. 158.
105. N. Majumdar, "C. R. The Unfinished Century", *The Statesman*, 27 December 1972.
106. Любопытно, что подобное представление все еще является преобладающим в среде левых авторов. Хирен Мукерджи называет неспособность Джавахарлала преодолеть разрыв «темным пятном в биографии Джавахарлала» и полагает, что история могла бы пойти иным, более прогрессивным путем, если бы на этом этапе Джавахарлал и Бос вместе руководили левыми силами (*The Gentle Colossus*, Calcutta, 1964, p. 80). Мохит Сен считает трагедией то обстоятельство, что «левые националисты» Джавахарлал и Бос не сумели объединиться (*The Indian Revolution*, New Delhi, 1970, p. 35).
107. Я обязан этой информацией д-ру М. Хаунеру, который обнаружил соответствующие данные в нацистских документах.
108. Brabourne to Linlithgow, 19 December 1938. Brabourne papers, vol. 56.
109. Bose to Gandhi, 21 December 1938.
110. *The Indian Struggle*, (London, 1935).
111. A. K. Chanda, Tagore's secretary, to Jawaharlal, 28 November 1938, *A Bunch of Old Letters*, pp. 299—300; Jawaharlal to Chanda, 1 December 1938.
112. To Krishna Menon, 4 April 1939.
113. Важный обмен письмами между Босом, Ганди и Джавахарлалом см. *A Bunch of Old Letters*, pp. 307—75; отношение Джавахарлала к кризисной ситуации разъясняется в его статьях в *National Herald*, позднее изданных в виде брошюры под названием *Where are we?* (April 1939).
114. Message to the "States People", 3 February, 1939; speech at Allahabad, 9 February, *The Bombay Chronicle*, 10 and 11 February 1939; presidential address at the All-India States Peoples Conference, 15 February 1939.
115. G. D. H. Cole, *Practical Economics* (Pelican, May 1937).
116. Letter to Indira, 9 July 1933, *Glimpses*, p. 887.
117. To Syed Mahmud and to G. B. Pant, 1 October 1938.
118. To K. T. Shah, secretary, National Planning Committee, 13 May 1939.
119. Memorandum to National Planning Committee, 4 June 1939.
120. Note to National Planning Committee, 30 August 1940.
121. To Shankarlal Banker, 24 February 1940.

122. To Krishna Kripalani, 29 September 1939.
123. Proceedings of the Working Committee reported in *The Bombay Chronicle*, 28 June 1939.
124. To Amrit Kaur, 29 June 1939, quoted in A. H. Hanson, *The Process of Planning* (Oxford, 1966), p. 28 n.
125. Gandhi to Jawaharlal, 11 August 1939. *A Bunch of Old Letters*, pp. 378—9.
126. Jawaharlal to K. T. Shah, 18 September 1939.
127. To Rajendra Prasad, 4 August 1940.
128. K. T. Shah to P. Thakurdas, 21 April, A. D. Shroff to K. T. Shah, 25 April, and K. T. Shah to P. Thakurdas, 30 April 1941. Purushottamdas Thakurdas papers, File 220/1938—1949.

Г л а в а 16

1. To Madam Chiang Kai-shek, 17 December 1940.
2. "The Eastern Federation", article in *National Herald*, 28 October 1940.
3. "Diary of a Journey", reprinted in *China, Spain and the War*.
4. A note on the development of contacts between India and China, written in Chungking, 29 August 1939.
5. Glendevon, op. cit., p. 136; Linlithgow to Zetland, 5 September 1939, Zetland papers, vol. 18; Tendulkar, *Mahatma*, vol. 5, p. 197.
6. Haig's telegram to Viceroy, 17 September 1939, Haig papers, vol. 7; Erskine's telegram to Viceroy, 3 September 1939, Erskine papers, vol. 17.
7. *The Discovery of India*, p. 439.
8. Articles "The Hoax" and "England's Dilemma", in the *National Herald*, 25 October 1938 and 31 May 1939, respectively.
9. F. Brockway, "A Talk with Jawaharlal Nehru", *The New Leader*, 1 July 1938.
10. "The Choice Before Us", article in the *National Herald*, 5 October 1938.
11. Tendulkar, *Mahatma*, vol. 5, p. 204.
12. Private letter to the editor, *National Herald*, 27 October 1939.
13. Cited in E. Thompson, *Enlist India for Freedom*, p. 48.
14. 5 October 1939, Beatrice Webb diaries, vol. 53, p. 143.
15. Letter to Jawaharlal, 11 October 1939.
16. Zetland to Linlithgow, 16 October 1939, Zetland papers, vol. 11.
17. Idem, 20 December 1939, Zetland papers, vol. 11.
18. Linlithgow's report of his conversation with W. Phillips, President Roosevelt's personal representative, 19 February 1943. *Transfer of Power* (H. M. S. O. 1971), vol. 3, p. 689.
19. Linlithgow to Zetland, 18 September 1939, Zetland papers, vol. 18.
20. Idem, 21 September 1939, Zetland papers, vol. 18.
21. Linlithgow to Zetland, 5 September 1939, Zetland papers, vol. 18.
22. Linlithgow's record of interview with Jinnah, 4 September 1939, Zetland papers, vol. 18.
23. Haig's telegram to Viceroy reporting conversations with Mrs Pandit, 19 September, and Desmond Young's report of conversation with Jawaharlal, 21 September 1939, Haig papers, vol. 7; Viceroy's note on interview with Gandhi, 26 September 1939, Zetland papers, vol. 18.
24. Zetland to Linlithgow, 9 October 1939, Zetland papers, vol. 11.
25. D. Young, *Try Anything Twice* (London, 1963), pp. 245—6.
26. Viceroy's note on interview with Gandhi, 26 September 1939, Zetland papers, vol. 18.

27. Jawaharlal's note on interview with Viceroy, 3 October 1939,
28. Message to the *News Chronicle*, 5 October 1939.
29. To Linlithgow, 6 October 1939.
30. *The Discovery of India*, p. 437.
31. To Frances Gunther, 13 October 1939.
32. 15 October 1939.
33. Speech, 17 October 1929, *Indian Annual Register*, 1939, vol. 2, pp. 384—9.
34. "The Answer", "What Britain Fights For" and "Twenty Years", articles written for the *National Herald* 17, 18 and 19 October 1939; message to the *News Chronicle*, 18 October 1939.
35. Jawaharlal's draft resolution, 21 October and Working Committee's resolution, 22 October 1939.
36. To Krishna Menon, 21 October 1939.
37. Viceroy's telegram to Erskine, 28 October, and Erskine's telegram to Viceroy, 29 October, and telephone message, 31 October 1939, Erskine papers, vol. 17.
38. The draft of the letter in Rajendra Prasad papers, National Archives of India.
39. Linlithgow to Zetland, 4 October 1939, Zetland papers, vol. 18.
40. Jawaharlal to Rajendra Prasad, 17 October 1939,
41. Jawaharlal to Jinnah, 18 October 1939.
42. "The Right and the Wrong of It", editorial in the *National Herald*, written by Jawaharlal, 6 November 1939.
43. Statement to the press, 6 November, *The Bombay Chronicle*, 7 November 1939.
44. Linlithgow to Zetland, 23 October 1939, Zetland papers, vol. 18.
45. Idem, 18 November 1939, Zetland papers, vol. 18.
46. Note on Jinnah's talks with Viceroy, 13 January 1940, Linlithgow to Zetland, 16 January 1940, Zetland papers, vol. 19; Jawaharlal to Zakir Hussain, 25 November 1939.
47. To Stafford Cripps, 17 January 1940.
48. Jawaharlal to Gandhi, 8 November 1939, on Zetland's speech of 2 November.
49. "Lord Zetland's Apologia" editorial in the *National Herald*, written by Jawaharlal, 19 November 1939.
50. Jawaharlal to E. M. S. Namboodripad, 22 December 1939.
51. Working Committee resolutions, 23 November and 22 December 1939.
52. To Madame Chiang Kai-shek, 25 December 1939.
53. His editorials in the *National Herald*, "What is Stalin aiming at?" and "Russia and Finland", 14 November and 3 December 1939, respectively.
54. Press conference at Bombay, 15 December, reported in *The Bombay Chronicle*, 16 December 1939.
55. "What of Russia now?", article written on 16 January 1940 for the *National Herald*.
56. "India's Demand and England's Answer", article written on 6 January 1940 and published in the *Atlantic Monthly*, April 1940.
57. Jawaharlal to the press at Bombay, 10 February, *The Hindustan Times*, 11 February 1940.
58. To Madame Chiang Kai-shek, 20 February 1940.
59. To Syed Mahmud, 21 February 1940.
60. Linlithgow to Erskine, 21 January 1940, Erskine papers, vol. 16; Laski to Felix Frankfurter, 30 January 1940, Laski papers.
61. Linlithgow to Zetland, 24 January, and note of conversation with Gandhi, 5 February 1940, Zetland papers, vol. 19.
62. "On the Eve of Ramgarh", editorial written by Jawaharlal for the *National Herald*, 11 March, and published 14 March 1940.

63. Jawaharlal's two drafts of 29 February 1940, and final resolutions of 1 March 1940.

64. Discussions in the Working Committee, 16 to 19 March 1940, Anand Bhavan papers, and 16—19 April 1940, AICC File G 32 of 1940; Jawaharlal's speeches at Allahabad, 13 April and at Poona 18 April 1940, *The Hindustan Times*, 15 and 20 April 1940, respectively.

65. Discussions in the Working Committee, op. cit., Jawaharlal's note of discussions, 15 April 1940, Anand Bhavan papers; Gandhi's article in *Harijan* cited in Tendulkar, *Mahatma*, vol. 5, p. 341.

66. P. Moon. "May God be with you always", *The Round Table*, July 1971, p. 418.

67. Linlithgow to Zetland, 5 April, 26 April and 3 May 1940, Zetland papers, vol. 19;

Zetland's report to War Cabinet, 14 April 1940, Glendevon, op. cit., pp. 168—9.

68. To Zetland, 5 April 1940, Zetland papers, vol. 19.

69. «Уже в 1940 году, когда я настойчиво пытался убедить Л. С. Эмери, только что занявшего пост министра по делам Индии, назначить, в качестве доказательства искренности наших намерений, окончательный срок нашего ухода из Индии — сам я предложил сделать это через год или два после окончания войны,— он отказался даже обсуждать этот вопрос».

70. Statement to the press, 10 May, *The Hindustan Times*, 11 May 1940; letters to Rajendra Prasad and Maulana Azad, 16 May 1940.

71. Resolution, 19 May 1940, U. P. P. C. C. papers, Lucknow.

72. 22 May 1940.

73. To Linlithgow, 30 May 1940, Linlithgow papers, I. O. L. Mss. Eur. F 125, vol. 9.

74. Discussions in the Working Committee, July 1940, Anand Bhavan papers.

75. "Quatorze Juillet", article published in *National Herald*, 16 July 1940.

76. Report in *The Hindustan Times*, 29 July 1940.

77. "A Crumbling World" and "What of Us?", articles in *National Herald*, 17 and 18 July 1940.

78. Например, ежемесячник «Маули», выходящий на урду в Дели, писал (в июле 1940 года): «Атеисты вроде Пандита Джавахарлала Неру, не желающие даже клясться именем божьим, выходят на первый план, когда речь идет о строительстве бойни в Лахоре, но когда возникает вопрос, связанный с мандиром или с языком и обычаями индусов, тот же Пандит раскрывает свое истинное лицо стойкого индуса. Он, однако, ни в коем случае не допустит, чтобы мусульмане тоже оставались стойкими мусульманами. Именно такие люди с низменным образом мыслей скомпрометировали Конгресс и несут ответственность за то, что мусульмане отошли от него».

79. Press Conference in Bombay, 17 August, *The Hindustan Times*, 28 August 1940.

80. "India in Travail", Jawaharlal's article in *National Herald*, 9 August 1940.

81. "The parting of the ways", article written by Jawaharlal on 10 August 1940.

82. Letter of 8 August 1940, Home Dept. File 6/13/40. Pol. (I); History of the Civil Disobedience Movement 1940—1941, Home Dept. File 3/13/40—Pol. (I).

83. Viceroy's telegram to Secretary of State, 11 September 1940, and Secretary of State's telegrams 13 and 17 September 1940. Home Dept. File 3/13/40—Pol. (I).

84. Krishna Menon's telegram to Jawaharlal on interview with Attlee, *ibid*.

85. 10 September 1940.

86. Viceroy's telegrams to Secretary of State, 21 and 22 October 1940. Home Dept. Files 3/3/40 and 3/13/40—Pol. (I), respectively; Amery to Linlithgow, 23 October 1940, Linlithgow papers, vol. 9; Viceroy's telegram to Governor of U. P., 31 October 1940, Home Dept. File 3/18/40 Pol. (I).

87. To Syed Mahmud, 12 October 1940 and to Mrs Dorothy Enge, 27 October 1940.

88. "Jawaharlal reports himself", *National Herald*, 23 October 1940.

89. B. V. Keskar, "Alone with Gandhiji and Nehru", *Illustrated Weekly of India*, 30 May 1971.
90. Report of trial in *The Hindustan Times*, 4 November 1940.
91. Letter to Mrs Dorothy Norman, 19 January 1962, Nehru papers.
92. Statement of 4 November 1940, reprinted in J. Nehru, *The Unity of India* (London, 1941), pp. 395—400.
93. Amery to Linlithgow, 14 November 1940, Linlithgow papers, vol. 9.
94. P. S. V. to Home Member, 19 November 1940, Home Dept. File 3/16/40 Pol. (I).
95. Letters to the jail superintendent, 2 January, 4 February, 24 February, 19 March, 29 July and 5 August 1941; to the Inspector-General of Prisons, 16 February and 10 March 1941; Padmaja Naidu to Frances Gunther, 13 March 1941, Home Dept. File 3/31/40 Pol. (I).
96. To the Inspector-General of Prisons, 23 August 1941.
97. Letter, 18 November 1940.
98. H. C. Bajpai, "In the same cell with Jawaharlal Nehru", *National Herald*, 11 December 1940.
99. 24 September 1940, Beatrice Webb diaries, vol. 54, p. 176.
100. To Col. Wedgwood, 23 April and 21 November 1941; to Eleanor Rathbone, 22 June and 9 November 1941; and to Sir George Schuster. 2 December 1941.
101. To Col. Wedgwood, 23 April 1941.
102. To Eleanor Rathbone, 22 June 1941.
103. To Krishna Kripalani, 27 August 1941.
104. Glendevon, op. cit., pp. 208—12.
105. *The Cripps Mission* (Oxford, 1942), p. 22.
106. Press conference at Lucknow, *The Hindustan Times*, 10 December 1941.
107. Message to the *News Chronicle*, 11 Decembre 1941.
108. Statement at Bombay, 17 December 1941, *The Hindustan Times*, 18 December 1941.
109. To Sampurnanand, 14 December 1941.
110. Jawaharlal's notes of Working Committee meetings, 22 to 24 December.
111. 15 January 1942, Tendulkar, *Mahatma*, vol. 6, p. 43.

Г л а в а 17

1. Linlithgow to Amery, 30 December 1941, Linlithgow papers, vol. 10.
2. W. D. Hassett, *Off the Record with F. D. R.* (New Brunswick, 1958), p. 28.
3. J. W. Wheeler-Bennett, *King George VI* (London, 1958), p. 538.
4. To Eve Curie, 22 March 1942, quoted in E. Curie, *Journey among Warriors* (London, 1943), p. 440.
5. Hallett to Linlithgow, 17 February 1942, Home Dept. File 3/48/41. Pol. (I), vol. 5, and 21 February 1942; *Transfer of Power*, vol. 1 (H. M. S. O., 1970), pp. 219—22.
6. Linlithgow to Hallett, 24 February 1942, Home Dept. File 3/48/41-Pol. (I), vol. 5.
7. To G. P. Hutheesing, 28 February 1942.
8. To Vallabhbhai Patel, Tendulkar, *Mahatma*, vol. 6, p. 62.
9. Amery to Linlithgow, 7 January, Churchill to Attlee, 7 January and Linlithgow to Amery, 21 January 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 13, 14 and 46, respectively.
10. 26 December 1941, J. P. Lash, *Eleanor and Franklin* (London, 1972), p. 669.
11. 24 February 1942, *Foreign Relations of the United States*, 1942, vol. 1, pp. 605—06).
12. Memorandum to War Cabinet, 2 February 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 111.
13. To Mackenzie King, 18 March 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 440.

14. Amery's telegram and letter to Linlithgow, 10 March 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 396 and 403.
15. Jawaharlal quoted in Curie, op. cit., p. 441.
16. Laski to Mr and Mrs Frankfurter, 7 December 1939, Laski papers.
17. Jawaharlal to Mahadeva Desai, 9 December 1939, *A Bunch of Old Letters*, pp. 402—03.
18. Note by L. G. Pinnell, acting P. S. V., of conversation with F. F. Turnbull, an official who accompanied Cripps, on 23 March 1942. Linlithgow papers, vol. 141, diary of the Cripps Mission.
19. Cripps's account of interview with Jinnah, 15 March 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 480.
20. Эта фраза вошла в историю как «просроченный чек на прогоревший банк». Но теперь уже известно, что вторая ее половина — «на прогоревший банк» добавлена досужим журналистом. См. J. Hennessy's letter in *The Spectator*, 11 October 1969.
21. Cripps's account of interviews with Azad, 25 and 28 March 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 479 and 514.
22. Cripps's account of interview with Rajagopalachari, 28 March 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 512.
23. Ср. с его заявлением на пресс-конференции перед отъездом из Дели: «Я должен теперь делом подтвердить свой призыв к ненасилию. Какой смысл произносить слова, когда моих слабых сил не хватает на то, чтобы настоять на осуществлении этого призыва». Quoted by B. Shiva Rao, "India, 1935—47", in *The Partition of India*, p. 432.
24. Cripps to Azad, 30 March 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 563.
25. Idem, 1 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 598.
26. Minute of War Cabinet discussion and Churchill's draft telegram to Cripps, 2 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 612—14.
27. Cripps to Churchill, 4 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 636—9.
28. Azad to Cripps, 11 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 743—5.
29. *Transfer of Power*, vol. 1, p. 547.
30. Azad to Cripps, 4 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 640.
31. Viceroy's telegram to Amery and Amery's reply, 2 April, and note of Viceroy's Secretary, 3 April 1942. *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 614—15 and 623.
32. Telegram to Churchill, 6 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 655.
33. General G. N. Molesworth, *Curfew on Olympus* (London, 1965), p. 220.
34. Linlithgow to Amery, Amery memorandum, minute of India Committee, Cripps to Churchill and Amery to Cripps, all of 6 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 653—63.
35. Cripps to Azad, 7 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 683.
36. Dame Isobel Cripps to the author, 2 December 1969.
37. «Беда в том, что грудь его — клетка, в которой бьются две белки — его совесть и его карьера». Churchill to Stalin on Cripps, cited in Lord Moran, *Winston Churchill: The Struggle for Survival* (London, 1966), p. 74.
38. Johnson to State Department, 4 April, State Department to Johnson, 5 April and Johnson to Roosevelt, 7 April 1942, *Foreign relations of the U. S. 1942*, vol. 1, pp. 626—9.
39. Johnson to State Department, 9 April 1942, *ibid.*, p. 630.
40. *Ibid.* Текст предложенного проекта см. в *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 699—700.
41. Note by the Viceroy, 8 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 694—6.
42. Jawaharlal's note, AICC File G. 26 (Part 1) of 1942
43. *The Hindustan Times*, 9 April 1942.
44. Press Conference 12 April, *National Herald*, 13 April 1942.

45. R. E. Sherwood, *Roosevelt and Hopkins* (New York, 1950), vol. 2, p. 102.
46. Telegram, 9 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 707—08.
47. H. V. Hodson, *The Great Divide*, (London, 1969), p. 103.
48. Cripps to War Cabinet, War Cabinet to Viceroy and Churchill to Cripps, all of 10 April. *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 717, 720 and 721.
49. To War Cabinet, 10 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, p. 716.
50. Report of Sir E. Villiers of conversation with Jawaharlal, 5 July 1942. *Transfer of Power*, vol. 2 (H. M. S. O., 1971), p. 690.
51. *A Bunch of Old Letters*, p. 468.
52. Jawaharlal to Evelyn Wood, 5 June 1942.
53. Quoted in B. Semmel, *Imperialism and Social Reform* (London, 1960), p. 226.
54. Johnson to State Department, 11 April 1942, op. cit., p. 631; Azad to Cripps, 10 April 1942, *Transfer of Power*, vol. 1, pp. 726—30.
55. Jawaharlal to Evelyn Wood, 5 June 1942.
56. Cripps to Azad, 10 April 1942, op. cit.
57. Report to War Cabinet, 6 July 1942, *Transfer of Power*, vol. 2, p. 318.
58. First draft of his broadcast in the Cripps papers, Nuffield College Library, File 1143.
59. To Professor Tuan Sheng-chien, 19 February 1943, Cripps papers, File 690.
60. Вот пример. Рой Дженкинс писал: «Неру и даже Джинна готовы были уступить. Но Ганди, которого вовсе не беспокоила угроза вторжения новых завоевателей, вмешался и выхватил возможность договоренности из рук Криппса». *The Times*, 27 November 1972.
61. Press Conference, 12 April, *National Herald*, 13 April 1942.

Глава 18

1. Azad, op. cit., p. 58.
2. Johnson to State Department, 11 April 1942, *Foreign Relations of the United States, 1942*, vol. 1, p. 631.
3. Speech at Delhi, 7 April, *The Hindustan Times*, 8 April 1942.
4. Press Conference at Delhi, 12 April. *National Herald*, 13 April 1942.
5. Gandhi to Jawaharlal, 15 April 1942, *A Bunch of Old Letters*, pp. 470—71.
6. Jawaharlal's speech at Calcutta, 19 April, *The Hindustan Times*, 21 April 1942; Gandhi in *Harijan*, 16 April 1942.
7. Gandhi to Jawaharlal, 24 April, *A Bunch of Old Letters*, p. 474.
8. Various drafts and discussions in the Working Committee, see *Transfer of Power*, vol. 2, pp. 66—70, and 158—64.
9. «Когда Вы доберетесь туда и увидите Неру, передайте от меня привет. Я хотел бы, чтобы Вы попросили Неру написать мне письмо и сообщить в нем, что именно он желал бы, чтобы я сделал для Индии. Вы можете переслать его нашей дипломатической почтой». E. Snow, *Journey to the Beginning* (London, 1959), pp. 257.
10. 12 April 1942, *A Bunch of Old Letters*, pp. 469—70.
11. *Foreign Relations of the United States, 1942*, vol. 1, pp. 638—9.
12. *Ibid.*, vol. 1, p. 639.
13. *Ibid.*, vol. 1, pp. 649—50.
14. Cable to Johnson, 8 May 1942, *ibid.*, vol. 1, p. 650.
15. «Можно сказать, что, по мнению американской общественности, Криппс действовал наилучшим образом». S. K. Ratcliffe from New York to Kingsley Martin, 4 April 1942, Kingsley Martin papers; M. S. Venkatramani and B. K. Shrivastava, „The United States and the Cripps Mission“, *India Quarterly*, July-September 1963, pp. 258—9.

16. Author's note in L. Fisher, *A Week with Gandhi* (London, 1943).
17. Letter of 14 August 1942, *Transfer of Power*, vol. 2, p. 705.
18. Press conference, 12 April, *National Herald*, 13 April 1942.
19. *National Herald*, 2 June 1942.
20. Jawaharlal to Louis Johnson, 4 June 1942, *Foreign Relations of the United States, 1942*, vol. 1, pp. 667—9; Fisher, *A Week with Gandhi*, pp. 78—9, 105 and 109—10; Jawaharlal's confidential note on talks with Gandhi, June 1942.
21. 14 June 1942, *Transfer of Power*, vol. 2, p. 346.
22. To Lampton Berry of the U. S. Mission in Delhi, 14 June 1942.
23. S. H. Shen, Chinese Consul in Delhi, to Jawaharlal, 8 July 1942.
24. Report of Jawaharlal's interviews with Berry, 16 and 18 July 1942, *Foreign Relations of the United States, 1942*, vol. 1, pp. 685—9.
25. T. V. Soong's conversation in State Department, reported by Sir R. Campbell to Foreign Office, 12 August 1942, *Transfer of Power*, vol. 2, p. 674.
26. Report of the U. S. Mission in Delhi, 21 July 1942, *Foreign Relations of the United States, 1942*, vol. 1, p. 690.
27. Gandhi to Jawaharlal, 13 July 1942.
28. Letter to Sampurnanand, 28 July 1942, Sampurnanand papers.
29. 21 July 1942, *Foreign Relations of the United States, 1942*, vol. 1, pp. 690—94.
30. Speech at Bombay, 5 August, *The Hindustan Times*, 6 August 1942.
31. Discussion in War Cabinet, 15 June 1942, *Transfer of Power*, vol. 2, p. 208.
32. Amery to Churchill, 13 July 1942, *ibid.*, vol. 2, p. 376.
33. Telegram to Secretary of State, 16 July 1942, *ibid.*, vol. 2, pp. 394—5.
34. Mira Behn, *The Spirit's Pilgrimage*, (London, 1960), p. 240.
35. Report of F. E. Sharp, Dy. I. G. of Police, Bombay. 10 August 1942, Home Dept. Pol. (I) File 3/21/42, vol. 42.
36. Home Department Pol. (I) File 3/21/42, vol. 42.
37. Under Secretary, Home Dept. Govt. of India to Additional Home Secretary, Bombay Govt. 29/30, September 1943, Home Dept. Pol. 3/21/42 Pol. I, 1942—3, vol. 2.
38. To Vijayalakshmi Pandit, 23 October 1944.
39. To Krishna Hutheesing, 3 October 1944, K. N. Hutheesing, *Nehru's Letters to his Sister* (London, 1963), pp. 166—7. *Шарад пурнима* — ночь полнолуния в октябре.
40. B. P. Sitarmayya, *Feathers and Stones* (Bombay, 1946), p. 392—3. Ситарамаяя был одним из заключенных в Ахмеднагаре.
41. *The Discovery of India*, p. 495.
42. *Ibid.*, p. 24.
43. D. D. Kosambi's review in *Science and Society*, 1946, pp. 392—8.
44. *The Discovery of India*, p. 55.

Глава 19

1. F. G. Hutchins, *Spontaneous Revolution* (Delhi, 1971), pp. 269—70.
2. Confidential note (in Hindi) for Working Committee, 4 August 1942, Авторство записки не установлено.
3. D. A. Low, *Lion Rampant* (London, 1973), p. 164.
4. Hallett to Linlithgow, 9 September 1942, Hallett collection, I. O. L. Mss. Eur. E. 251, No. 38.
5. Linlithgow to Hallett, 24 January 1942, Linlithgow papers, vol. 106, quoted in *Transfer of Power*, vol. 3 (H. M. S. O., 1971), p. 547n.
6. Gandhi to Linlithgow, 29 January 1942, *Transfer to Power*, vol. 3, pp. 558—9; Azad to Linlithgow, 13 February 1943, Linlithgow papers, vol. 125.

7. To Linlithgow, 10 August 1942, *Transfer of Power*, vol. 2, p. 632.
8. Amery to Linlithgow, 1 October 1943, Linlithgow papers, vol. 12.
9. Linlithgow to Amery, 1 March and 15 May 1941, Linlithgow papers, vol. 10. Зафрулла-хан был в то время членом Исполнительного совета при вице-короле.
10. G. Adhikary, *Pakistan and Indian National Unity* (Bombay, 1942).
11. Entry for 20 October 1944, Wavell, *The Viceroy's Journal*, ed. P. Moon, (Oxford, 1973), p. 93.
12. Wavell, op. cit., p. 89; Беседа Маунтбэттена с автором 28 мая 1970 г.
13. Interview to the United Press of America, 21 June, *The Hindustan Times*, 23 June 1945.
14. Press conference, 23 June, *The Hindustan Times*, 24 June 1945.
15. Home Dept. File 33/26/45 — Pol. (1).
16. *The Discovery of India*, p. 293.
17. J. B. Kripalani, *Gandhi, His Life and Thought* (New Delhi, 1970), p. 224.
18. Freya Stark, *Dust in the Lion's Paw* (London, 1961), p. 248.
19. Alexander's diary of his visit to India, entry for 26 June 1946. A. V. Alexander papers, Churchill College Library, Cambridge.
20. Wavell's account of interview with Gandhi, 24 June 1945, Wavell, op. cit., p. 145.
21. V. P. Menon, *The Transfer of Power in India* (paperback, Madras, 1968), p. 206; Wavell, op. cit., p. 154.
22. Viceroy's account of interview with Jinnah, 9 July 1945, Wavell, op. cit., pp. 152—53.
23. Jawaharlal's interview to the press, 11 July, *The Hindustan Times*, 12 July 1945.
24. Jawaharlal to Palme Dutt from Gulmarg, 12 August 1945, Palme Dutt papers. В документах Неру нет копии этого рукописного письма, и я благодарен Палм Датту за разрешение ознакомиться с его документами.
25. Mr Woodrow Wyatt's account of a conversation with Jawaharlal in January 1946, recorded in his oral testimony, N. M. M. L.
26. Correspondence between Prime Minister and Viceroy in Attlee papers, University College Library, Oxford, Box 18.
27. Draft note written at Gulmarg, 17 August 1945.
28. Interviews to the press, *The Hindustan Times*, 4 and 7 April 1946.
29. Даже в январе 1946 г. Лиакат Али-хан говорил вице-королю, что англичанам придется оставаться в Индии еще много лет и что мусульмане вовсе не хотят, чтобы англичане ушли. Wavell, op. cit., pp. 206—7.
30. Jawaharlal to Stafford Cripps, 27 January 1946.
31. Ср. Бернард Левин об американских коллаборационистах во Вьетнаме: «Что, в конечном итоге, мы выиграем, отдав так называемых коллаборационистов под суд и, если они будут осуждены, наказав их? Требования формальной справедливости будут соблюдены, те, кто пострадал, смогут убедиться, что избежавшим своей доли страданий не удалось уйти от наказания, а те, кто может испытать соблазн поступить подобным же образом в будущем, получают должное предупреждение. Вынужден сказать, что этот перечень не впечатляет... Между тем, безусловно возможно и еще более безусловно правильно будет использовать эту возможность, избежать встречных обвинений, позора, страданий и реакции, которые вызовут предполагаемые суды». *The Times*, 31 May 1973.
32. Sir Claude Auchinleck, C-in-C, to Wavell, 26 November 1945., J. Connell, *Auchinleck* (London, 1959), p. 806.
33. Francis Toker, *While Memory Serves* (London, 1950), p. 43.
34. Letter from Aung San, 13 December 1945, and Jawaharlal's telegram, 26 December, and reply to Aung San, 27 December 1945.
35. Statement to the press, 15 October, *The Hindustan Times*, 16 October 1945; and

presidential address to the All-India States Peoples Conference, 31 December 1945, *National Herald*, 1 January 1946.

36. Letter from Secretary, External Affairs Department, to Jawaharlal, 25 January 1946.

37. Jawaharlal to Secretary, External Affairs Department, 31 January 1946.

38. Secretary, Commonwealth Relations Department, to Jawaharlal, 28 February 1946.

39. Sri Prakasa's telegram to Jawaharlal, 13 March 1946; Jawaharlal's telegrams to Sri Prakasa and N. Raghavan, 14 March 1946.

40. Jawaharlal to Dorothy Norman, 12 October 1963. D. Norman, *Nehru: the First Sixty Years* (London, 1965), vol. 2, p. 221.

41. Mountbatten, *Reflections on the Transfer of Power and Jawaharlal Nehru* (Cambridge, 1968), p. 5; Hodson, *op. cit.*, p. 205.

42. Statement to the press on return to India, 30 March, *National Herald*, 31 March 1946.

43. Jawaharlal's report to President AICC on visit to Malaya, 28 March 1946.

44. Jawaharlal to Krishna Menon, 2 December 1945.

45. Report of Home Dept. Bombay Govt., 6 March 1946. Home Dept. Pol. 18/2/46 — Pol. (I) of 1946.

46. Patel to Jawaharlal, 22 February 1946; report of Bombay police, 25 February 1946, Home Dept. Pol. 5/21/46, Pol. (I) of 1946; report of Home Dept. Bombay Govt., 6 March 1946, Home Dept. Pol. 18/2/46 — Pol. (I) of 1946.

47. Auchinleck to Wavell, 9 March 1946. Connell, *op. cit.*, pp. 830—32.

Глава 20

1. *Chips*, the diaries of Sir Henry Channon (Penguin edition, 1970), entry on 5 September 1945, p. 502.

2. Alexander diary, 2 April 1946.

3. *Ibid.*, 4 April 1946.

4. *Ibid.*, 8 April 1946.

5. *Ibid.*, 16 April 1946.

6. Patel to Jawaharlal, 27 March 1946.

7. Jawaharlal's confidential note on impending conversations with Cabinet Mission, 15 March 1946.

8. Alexander diary, 3 April 1946.

9. *Ibid.*, 12 April 1946.

10. *Ibid.*, 17 April 1946.

11. Rajagopalachari to Jawaharlal, 28 February 1946.

12. 27 January 1946.

13. Jawaharlal's note of instructions to Congress leaders in provinces, written sometime in April 1946.

14. Alexander diary, 26 April 1946.

15. Menon, *op. cit.*, pp. 238 and 254.

16. Pethick-Lawrence to Azad and Jinnah, 27 April 1946, *Papers relating to the Cabinet Mission to India* (New Delhi, 1946), p. 9

17. Alexander diary, 15 April 1946.

18. Note of India Office, 24 October 1946, Attlee papers, Box 4.

19. To Alexander, 29 April 1946, Alexander diary.

20. Azad to Pethick-Lawrence, 28 April 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, pp. 9—10.

21. «Я все равно лег спать расстроенный. Я более сочувствую мусульманам, чем Конгрессу, и вовсе не убежден, что принятый нами документ справедлив по отношению к ним». Diary entry, 7 May 1946, Wavell, op. cit., pp. 260—61.
22. Jinnah to Pethick-Lawrence, 8 May 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, pp. 15—16.
23. Pethick-Lawrence to Jinnah, 9 May 1946, *ibid.*, pp. 16—17.
24. Azad to Pethick-Lawrence, 8 May 1946, *ibid.*, pp. 17—19.
25. Cripps to Jawaharlal, 10 May 1946, with the enclosed note.
26. Jawaharlal-Jinnah correspondence, 10 and 11 May 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, pp. 19—20.
27. Alexander diary, 11 May 1946.
28. Congress proposals 12 May 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, pp. 21—2; Alexander diary, 12 May 1946.
29. Alexander diary, 15 May 1946.
30. Полный текст плана Миссии кабинета см.: M. Gwyer and A. Appadorai, *Speeches and Documents on the Indian Constitution 1921—47* (London, 1957), vol. 2, pp. 577—84.
31. Menon, op. cit., p. 311.
32. 19 May 1946, Tendulkar, *Mahatma*, vol. 7, p. 117.
33. Azad to Pethick-Lawrence, 20 May 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, pp. 33—4.
34. Alexander diary, 20 May 1946.
35. Pethick-Lawrence to Azad, 22 May 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, p. 34.
36. Jawaharlal's statement to the press, 24 April, *National Herald*, 25 April 1946.
37. 4 May 1946, Connell, op. cit., pp. 817—19.
38. Jawaharlal to Wavell, 21 May, Wavell to Jawaharlal, 22 May, and Jawaharlal to Wavell, 25 May 1946.
39. Viceroy's "Note for talk with Pandit Nehru", 26 May 1946, Wavell, op. cit., pp. 278—9.
40. Pethick-Lawrence's confidential and personal letter to Jawaharlal, 26 May 1946.
41. Jawaharlal's presidential address to the All-India States Peoples Conference, 31 December 1945.
42. A record of recent political events and tendencies in Kashmir prepared by the Political Department, 17 June 1947, Gov.-Gen. Sectt. File 295 (4) — G/43.
43. Jinnah to Linlithgow, 23 August and 20 September 1943, and to Wavell, 27 September 1943, Gov.-Gen. Sectt. File 295 (2) — G/43.
44. Jawaharlal to Wavell, 25 May 1946.
45. Statement to the press, 12 June 1946.
46. Pol. Dept.'s telegram to Resident Kashmir, 18 June, Resident's telegram to Pol. Dept., 19 June and Pol. Dept.'s telegram, 19 June 1946, Gov.-Gen. Sectt. File 295 (4) — G/43.
47. Note on Jawaharlal's visit to Kashmir, 1946, prepared by his assistant.
48. Alexander diary, 3 June 1946.
49. *Ibid.*
50. Jinnah to Wavell, 8 June 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, pp. 37—8. Уэйвелл позже понял, что, вероятно, совершил ошибку, предложив вначале такой состав, а также не настояв на том, чтобы Джинна согласился на назначение мусульманина-конгрессиста. См. его ретроспективные заметки о работе Миссии кабинета, написанные 1 июля 1946 года, Wavell, op. cit., p. 313.
51. Alexander diary, 11 June 1946.

52. Wavell to Azad, 15 June, *Papers relating to Cabinet Mission*, p. 42.
53. Wavell's diary entry for 24 June, and his note of 25 June 1946. Wavell, op. cit., p. 303 and appendix VII, respectively.
54. Alexander diary, 12 June 1946.
55. Wavell to Jinnah, 20 June 1946, *Papers relating to Cabinet Mission*, pp. 46—7.
56. Wavell to Azad, 22 June, and Azad to Wavell, 25 June, and Congress resolution, 25 June 1946, *ibid.*, pp. 48—52.

Г л а в а 2 1

1. Speech at the AICC, 7 July, *The Bombay Chronicle*, 8 July 1946.
2. Interview to the press, 10 July, *National Herald*, 11 July 1946.
3. Говорят, что Джинна начал нервничать и колебаться через несколько часов после того, как принял план Миссии кабинета. М. А. Н. Isphani, *Qaid-e-Azam Jinnah as I knew him* (Karachi, 1967), p. 209.
4. Azad, op. cit., pp. 138 and 143.
5. To D. P. Mishra, 29 July 1946, *Sardar Patel's Correspondence, 1945—50* Vol. 3 (Ahmadabad, 1972), pp. 153—4.
6. Speech at Delhi, 21 July, interview at Lahore, 30 July, and speech at Allahabad, 1 August, *The Hindustan Times*, 22 July, 31 July and 3 August 1946, respectively.
7. Louis Fisher's introduction to the American edition of Azad's book (1960), p. xvii.
8. Statement at press conference, 7 February 1959, *The Hindu*, 8 February 1959.
9. Patel to Wavell, 8 July, and Azad to Wavell, 9 July 1946. Gov.-Gen. Sectt. File 295 (4)—G/43; Wavell to Jawaharlal, 17 July, and Jawaharlal to Patel, 20 July 1946.
10. Jawaharlal's note on Kashmir, 12 August 1946.
11. Wavell's note of interview with Jawaharlal, 22 July 1946, Viceroy's Sectt. File 1252(2)GG/1943; Jawaharlal to Congress premiers 22 July 1946, AICC File 71/1946—47.
12. Jawaharlal's letters to Pant, Azad and Patel, 22 July 1946.
13. Wavell to Jawaharlal, 22 July, and Jawaharlal's statement to the press, 23 July, *The Hindustan Times*, 24 July 1946.
14. Jawaharlal to Wavell, 23 July 1946.
15. Wavell, op. cit., p. 322.
16. Wavell to Jawaharlal, 6 August 1946.
17. Jawaharlal to Wavell, 10 August 1946.
18. Cripps to Rajagopalachari, quoted in the latter's letter to Patel, 14 August, 1946, *Sardar Patel's Correspondence*, vol. 3, p. 38.
19. Sir Roy Bucher to Jawaharlal, 13 November 1954, Nehru papers.
20. Patel to Cripps, 19 October 1946, *Sardar Patel's Correspondence*, vol. 3, pp. 131—2.
21. Jawaharlal to Cripps, 18 August, and to Wavell, 19 August 1946; Wavell to Jawaharlal, 19 August 1946.
22. Jawaharlal to Wavell, 20 August, and Wavell to Jawaharlal, 22 August 1946.
23. Jawaharlal's personal letter to Wavell, 22 August 1946.
24. Letters of Jawaharlal and Gandhi to Wavell, 28 August 1946; Wavell to Jawaharlal, 29 August and Jawaharlal's reply, 29 August 1946.
25. Jawaharlal's broadcast, 7 September, *National Herald*, 8 September 1946.
26. Jawaharlal to Rajagopalachari, 30 August, and Rajagopalachari's reply, 3 September 1946.
27. Wavell to Jawaharlal, 3 September, Jawaharlal's two letters to Wavell, 4 September and Wavell to Jawaharlal, 5 September 1946.

28. Jawaharlal to Wavell, 18 September, and Wavell's reply, 19 September 1946.
29. Jawaharlal to Krishna Menon, 6 October 1946.
30. Wavell to Jawaharlal, 8 September 1946.
31. Jawaharlal to Wavell, 23 September 1946.
32. Jawaharlal to Wavell, 15 October 1946.
33. Выражение лорда Исмея. А. Cambell Johnson, *Mission with Mountbatten* (London, 1951), p. 54.
34. Caroe to Wavell, 23 October 1946, Caroe papers.
35. Caroe to Mountbatten, 23 June 1947, Caroe papers.
36. Jawaharlal to Caroe, 16 November 1946.
37. Cripps to Jawaharlal, 16 September 1946.
38. Wavell to Jawaharlal, 13 September 1946.
39. Gandhi to Wavell, 27 September 1946.
40. Krishna Menon to Jawaharlal, 26 September 1946.
41. Jawaharlal's notes of conversations with Jinnah, 5 October, and letter to Jinnah, 6 October 1946.
42. Jawaharlal to the Nawab of Bhopal, 10 October 1946.
43. Jawaharlal's letters to Wavell, 13, 14, 15 and 23 October 1946.
44. Jawaharlal to Wavell, 24 October 1946.
45. См. его собственную запись своей беседы с Пателем 12 июня 1946 г. Wavell, *op. cit.*, p. 291.
46. Jawaharlal's letters to Molotov, 21 September and to Krishna Menon, 25 September; note to the Viceroy, 24 September 1946.
47. To Krishna Menon, 13 October 1946.
48. Jawaharlal to Krishna Menon, 11 November 1946.
49. *Idem*, 17 November 1946.
50. Jawaharlal to P. S. V., 15 and 16 November and P. S. V.'s reply, 16 November 1946.
51. Jawaharlal to Wavell, 21 November 1946.
52. Krishna Menon to Jawaharlal, 18 October 1946.
53. Baldev Singh to Jawaharlal, 19 September 1955, Nehru papers.
54. Resolution of the AICC, 6 January 1947.
55. Resolution of the Muslim League, 29 January 1947.
56. Jawaharlal to Gandhi, 9 February 1947.
57. Jawaharlal to Wavell, 23 and 31 January 1947.
58. Jawaharlal to Krishna Menon, 23 February 1947.
59. Jawaharlal to Liakat Ali Khan, 9 March 1947.
60. Jawaharlal to Wavell, 19 March 1947.

Глава 22

1. Беседа Маунтбэттена с автором, 28 мая 1970 г.
2. 3 марта 1947 г. Курсив мой. В первоначальном проекте употреблялось слово «партии», но оно было заменено словом «общины», чтобы устранить сомнения относительно того, что именно подразумевалось. Cripps papers, File 13.
3. Hodson, *op. cit.*, p. 194.
4. Ismay to Attlee, 6 March 1949, Attlee papers, Box 6.
5. To K. P. S. Menon, 29 April 1947.
6. To Brigadier (later General) Cariappa, 29 April 1947.
7. Jawaharlal's inaugural address to the conference, 23 March 1947, reprinted in *Asian Relations* (report of the proceedings), New Delhi, 1948, pp. 20—27.

8. To Asaf Ali, 7 April 1947.
9. 6 April 1947, R. Wingate, *Lord Ismay* (London, 1970), p. 153.
10. Jawaharlal to Mountbatten, 14 April, and Mountbatten's reply, 15 April 1947.
11. Hodson, op. cit., pp. 229—30.
12. Ibid, p. 293.
13. Jawaharlal to Mountbatten, 17 and 26 April 1947.
14. Idem, 1 May 1947.
15. Caroe to Mountbatten, 22 March and 7 April 1947, Caroe papers.
16. Mountbatten to Jawaharlal, 6 May 1947.
17. Беседа с автором, 28 мая 1970 г.
18. Mountbatten to Jawaharlal, 10 May, and Jawaharlal's reply of the same date.
19. Hodson, op. cit., pp. 295—6.
20. Mountbatten's speech on the occasion of the third Jawaharlal Nehru Memorial Lecture, London, 12 November 1970.
21. Campbell Johnson, op. cit., p. 90; Hodson, op. cit., p. 297; Ismay, *Memoirs* (London, 1960), p. 421.
22. H. Tinker, *Experiment with Freedom* (Oxford, 1967), p. 112; and "Jawaharlal Nehru at Simla May 1947", *Modern Asian Studies*, October 1970, pp. 349—58.
23. Ismay on 23 April 1947, Wingate, op. cit., p. 153.
24. Эта выдержка из письма Джавахарлала от 11 мая, написанного от руки и не имеющего копии, взята из статьи Тинкера. Op. cit., p. 354.
25. Jawaharlal to Krishna Menon, 27 February 1947.
26. Jawaharlal to S. Radhakrishnan, 14 May 1947.
27. Jawaharlal to Vijayalakshmi Pandit, 22 May 1947.
28. Campbell Johnson, op. cit., p. 72.
29. To Baldev Singh, 14 April 1947.
30. Idem, 8 April 1947.
31. To Krishna Menon, 17 May 1947.
32. Jawaharlal to Mountbatten, 16 May and Mountbatten's reply of the same date.
33. To Jawaharlal, 22 May 1947.
34. Jawaharlal's press statement, 23 May, and letter to Miéville, 25 May 1947.
35. Ismay to Jawaharlal, 4 June 1947.
36. Professor W. H. Morris-Jones to the author, 11 March 1970.
37. Беседа с автором, 28 мая 1970 г.
38. To M. Chalapathi Rao, 6 June 1947.
39. Campbell Johnson, op. cit., pp. 116—17.
40. To Amir Sjarifoeddin, Prime Minister of Indonesia, 6 July 1947.
41. Proceedings of the Wkg. Ctee., 2 June 1947, AICC File G 43 (Part I) 1947; M. R. Lohia, *Guilty Men of India's Partition* (Hyderabad, 1970), p. 21.
42. Mountbatten to Jawaharlal, 17 June 1947.
43. Khan Sahib to Jawaharlal, 2 July 1947.
44. Jawaharlal's note on the position in the NFEP, 8 June 1947.
45. C. Muhammed Ali, *The Emergence of Pakistan* (New York, 1967), p. 177; Hodson, op. cit., pp. 330—31.
46. Both Jinnah's letter and Mountbatten's telegram are in Gov.-Gen. Sectt. File 38/19 GG 43.
47. Lord Birkenhead, *Walter Monckton* (London, 1969), pp. 116 and 221.
48. To Mountbatten, 4 June 1947.
49. 27 June 1947, quoted in Hodson, op. cit., p. 363.
50. 28 July 1947, quoted in Pyarelal, *Mahatma Gandhi, The Last Phase* (Ahmadabad, 1958), vol. 2, p. 354.
51. Mountbatten's interview with the author, 28 May 1970.

52. Idem.
53. Secretary of State's telegram, 1 August, and Viceroy's reply, 4 August 1947, Attlee papers, Box 7.
54. Mountbatten's report at his staff meeting, 28 July 1947, Gov.-Gen. Sectt. File 1446/33/GG 43.
55. Hodson, op. cit., p. 389.
56. Jawaharlal to Patel, 1 August, and Patel's reply, 3 August 1947. *Sardar Patel's Correspondence*, vol. 4 (Ahmadabad, 1972), p. 537.
57. Jawaharlal to Patel, 30 July 1947, *ibid.*, p. 536.
58. Mountbatten to the author, 28 May 1970, and Mr H. V. Hodson's letter to author, 5 June 1970.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Абдулла, Шейх Мохаммед (1905—1982). 1938 — основал партию Национальная конференция в Кашмире; 1948—1953 — премьер-министр Кашмира; 1948 — смещен с этого поста и арестован; вновь занял пост главного министра Кашмира в 1975 г.

Ага-хан (1875—1957). Духовный глава мусульман-исмаэлитов. До 1947 г. принимал активное участие в индийской политической жизни, был лояльным сторонником английского правления.

Азад, Маулана А. К. (1888—1967), ученый, участник националистического движения, прошедший много лет в тюрьмах; 1923 и 1940—1946 гг. — председатель Конгресса; 1947—1958 — министр просвещения Индии.

Александр, А. В. (1885—1965). 1946 — член миссии английского кабинета в Индии; 1947—1950 — министр обороны Великобритании.

Али, Асаф (1888—1953). 1934—1946 — адвокат, выступавший в судах Дели, и член центрального Законодательного собрания; 1947—1948 — посол Индии в США; 1948—1952 — губернатор Ориссы; 1952—1953 — посол Индии в Швейцарии.

Али, Маулана Мохаммед (1878—1931). 1915—1919 — интернирован; 1921—1923 — руководитель халифатистского движения, заключен в тюрьму по обвинению в подстрекательстве к бунту; 1923 — председатель Конгресса; впоследствии постепенно отошел от Конгресса.

Али, Маулана Шаукат (1873—1938). Старший брат Мауланы Мохаммеда Али, подобно которому провел многие годы в тюрьме; помогал в проведении халифатистской кампании, а затем отошел от Конгресса.

Амбедкар, В. Р. (1891—1956). Руководитель хариджанов, подписал соглашение 1932 г., отвергнувшее отдельные избирательные курии для хариджанов и давшее возможность Махатме Ганди прекратить голодовку; 1942—1946 — член Совета при вице-короле; 1947—1951 — министр юстиции в правительстве Дж. Неру, один из главных составителей конституции Индии.

Ансари, М. А. (1880—1936). Видный делийский врач; принимал участие в движении за гомруль и в халифатистском движении и организовал посылку санитарного отряда в Турцию; в декабре 1927 г. — председатель съезда Конгресса в Мадрасе.

Балдев Сингх (1902—1961). Сикхский деятель; 1942—1946 — министр правительства Пенджаба; 1947—1952 — министр обороны Индии.

Банерджи, С. Н. (1848—1925). 1895 и 1902 — председатель Конгресса; 1918 — вышел из Конгресса; 1921—1923 — министр правительства Бенгалии.

Батлер, сэр Харкорт (1869—1938). 1908—1910 — министр по делам Индии; 1928 — председатель комиссии по делам индийских княжеств.

Безант, Анни (1847—1933). Приехала в Индию в 1893 г., чтобы работать

в Теософском обществе, президентом которого впоследствии стала; во время первой мировой войны основала Лигу гомруля и была интернирована; 1917 — председатель Конгресса.

Биркенхед, Ф. Э. (1872—1930). 1924—1928 — министр по делам Индии.

Бирла, Г. Д. (р. 1894). Крупный промышленник, поддерживавший дружественные отношения с Махатмой Ганди и многими деятелями Конгресса.

Бос, Субхас Чандра (1897—1945). Долгое время находился в тюрьме или изгнании; 1938—1939 — председатель Конгресса; 1941 — бежал в Германию; создал в Юго-Восточной Азии Индийскую национальную армию; в августе 1945 г. погиб в авиационной катастрофе.

Брейборн (1895—1939). 1933—1937 — губернатор Бомбея; 1938 — и. о. вице-короля Индии.

Брокуэй, Феннер (р. 1888). В течение многих лет — секретарь Независимой рабочей партии; 1927 — присутствовал на съезде Конгресса в Мадрасе; 1946 — вернулся в лейбористскую партию.

Бхаве, Виноба (1895—1982). Последователь Махатмы Ганди, который в 1940 г. поручил ему возглавить кампанию гражданского неповиновения; после 1947 г. основал движение за передачу помещиками части своей земли беднякам.

Бхопала, наваб (1894—1960). 1931—1932 и 1944—1947 — канцлер палаты князей; 1949 — передал управление княжеством правительству Индии.

Вебб, Беатриса (1858—1943). Ведущий деятель Фабианского общества и английской лейбористской партии.

Веджвуд-Бенн, Уильям (1877—1960). 1929—1931 — министр по делам Индии.

Ганди, Махатма (М. К.) (1869—1948). Гуджаратский адвокат, обучавший индийцев в Южной Африке методам ненасильственной борьбы с несправедливостью; по возвращении в Индию в 1915 г. применил те же методы для сопротивления английскому господству; погиб от руки индуиста-фанатика.

Гидвани, А. Т. (1891—1935). Гуджаратский педагог; в 1923 г. вместе с Неру был арестован в Набхе.

Гокхале, Гопал Кришна (1866—1915). Видный умеренный деятель Конгресса; 1905 — председатель Конгресса; основатель «Общества слуг Индии».

Дас, Читта Ранджан (1870—1925). Калькуттский адвокат; 1906 — вступил в Конгресс; 1922 — вместе с Мотилалом Неру основал внутри Конгресса свараджистскую партию для участия в выборах; 1922 — председатель Конгресса.

Джаякар, М. Р. (1873—1959). Адвокат и судья; руководитель либеральной партии, тесно сотрудничавший с Сапру.

Джаяпракаш Нараян (р. 1902 г.). 1934 — один из основателей конгресс-социалистической партии; 1936 — член Рабочего комитета Конгресса; после 1947 г. какое-то время был видным деятелем социалистической партии.

Джинна, М. А. (1876—1948). Председатель Мусульманской лиги; националист, впоследствии выступивший за образование Пакистана, губернатором которого он был в 1947—1948 гг.

Зафрулла-хан, сэр Мохамед (р. 1893 г.). 1935—1941 — член Совета при вице-короле; 1941—1947 — член федерального суда; 1947—1954 — министр иностранных дел Пакистана; 1954—1961 — член Международного суда в Гааге.

Зетланд (1876—1961). 1917—1922 — губернатор Бенгалии, 1935—1940 — министр по делам Индии.

Икбал, сэр Мохамед (1876—1938), влиятельный мусульманский мыслитель и поэт, писавший на языках фарси и урду.

Ирвин (1881—1959). 1921—1922 — заместитель министра по делам колоний; 1926—1931 — вице-король Индии; 1938—1940 — министр иностранных дел Великобритании.

Исмэй (1887—1965). 1931—1933 — военный секретарь вице-короля Индии; март—ноябрь 1947 — начальник штаба лорда Маунтбэттена в Индии; 1951—1952 — министр по делам Содружества.

Испагани, М. А. Х. (р. 1902 г.) Калькуттский бизнесмен, член Рабочего комитета Мусульманской лиги; 1947—1952 — посол Пакистана в США.

Кидваи, Р. А. (1894—1954). Близкий соратник Джавахарлала Неру; 1937—1939 и 1946—1947 — главный министр Соединенных провинций; с 1947 г. и до смерти — министр центрального правительства Индии (с небольшими перерывами).

Крипалани, Дж. Б. (р. 1988 г.). 1934—1946 — генеральный секретарь Конгресса; позднее из Конгресса вышел.

Криппс, сэр Стаффорд (1889—1952). 1940—1942 — посол Великобритании в Москве; 1942 — член военного кабинета, который в 1946 г. направил его с миссией в Индию.

Крерар, сэр Джеймс (1877—1960). 1922—1927 — министр внутренних дел; 1927—1932 — начальник департамента внутренних дел английского правительства Индии.

Кхаджа, А. М. (1885—1962). Алигархский юрист, друг Джавахарлала Неру; 1915 — вступил в Конгресс; 1926 — отошел от политической жизни.

Кхаликуззаман, Чоудхури (1889—1973). Друг Джавахарлала Неру, видный член Конгресса в Соединенных провинциях до 1937 г., когда он вступил в Мусульманскую лигу.

Кхер, Б. Г. (1888—1957). 1937—1939 и 1946—1952 — главный министр Бомбея; 1952—1954 — верховный комиссар Индии в Лондоне; 1955—1956 — председатель комиссии по вопросам официального языка.

Кэроу, сэр Олаф. 1939—1945 — министр иностранных дел английского правительства Индии; 1946—1947 — губернатор Северо-западной пограничной провинции.

Ламли, сэр Роджер (1896—1969). 1937—1943 — губернатор Бомбея.

Линлитгоу (1887—1952). 1933 — председатель совместной комиссии по реформе конституции Индии; 1936—1943 — вице-король Индии.

Лоузиен (1882—1940). 1910—1916 — редактор «Раунд тейбл»; 1931—1932 — парламентский заместитель министра по делам Индии; 1932 — председатель комиссии по вопросам избирательного права в Индии.

Малавия, К. Д. Аллахабадский юрист, некоторое время работавший вместе с Мотилалом Неру.

Малавия, М. М. (1861—1946). 1909 и 1918 — председатель Конгресса; впоследствии занял проиндуистские позиции; основатель Бенаресского индуистского университета.

Маунтбэттен, (1900—1979). 1943—1946 — верховный командующий вооруженными силами союзников в Юго-Восточной Азии; март—август 1947 г. — вице-король Индии; август 1947 — июнь 1948 г. — генерал-губернатор Индии.

Махмуд, Сайед (1889—1971). Личный друг Неру и его жены; 1937—1939 и 1946—1952 — министр правительства Бихара.

Махмудабада, раджа (1914—1973). Член Рабочего комитета Мусульманской лиги.

Менон, В. К. Кришна (1896—1974). 1929—1947 — секретарь лондонской Индийской лиги; 1947—1952 — верховный комиссар Индии в Лондоне; 1956—1957 — министр без портфеля; 1957—1962 — министр обороны Индии.

Монтегю, Э. С. (1879—1924). 1917—1922 — министр по делам Индии; посетил Индию в 1918 г. и вместе с вице-королем лордом Челмсфордом разработал предложения, которые легли в основу реформ 1919 г.

Мунши, К. М. (1891—1971). 1937—1939 — министр внутренних дел Бомбея; 1950—1952 — министр продовольствия и сельского хозяйства Индии; 1952—1957 — губернатор штата Уттар-Прадеш; затем вступил в консервативную партию «Сватантра».

Мьевиль, сэр Эрик (1896—1971). 1931—1936 — личный секретарь вице-короля; 1947 — сотрудник аппарата лорда Маунтбэттена в Индии.

Найду, Сароджини (1879—1949). Поэтесса и политический деятель. 1925 — председатель Конгресса; 1947—1949 — губернатор штата Уттар-Прадеш.

Нарендра Дева (1889—1956). 1934 — первый председатель конгресс-социалистической партии; 1936 — член Рабочего комитета Конгресса; 1948 — вышел из Конгресса.

Неру, Мотилал (1861—1931). Алахабадский юрист; 1919 и 1928 — председатель Конгресса; 1924—1926 — совместно с Дасом основал свараджистскую партию в Конгрессе и был лидером ее фракции в центральном Законодательном собрании.

О'Двайер, сэр Майкл (1874—1940). 1913—1919 — лейтенант-губернатор Пенджаба; 1919 — разрешил ввести военное положение, создавшее условия для массовых убийств в Амритсаре.

Оливье, (1859—1943). 1924 — министр по делам Индии.

Пал, Б. Ч. (1858—1932). Один из руководителей экстремистов в кампании против раздела Бенгалии 1905 г.; 1920 — редактор газеты Мотилала Неру «Индепендент»; из-за несогласия с программой Ганди вышел из Конгресса.

Палм Датт, Р. (1896—1974). 1922—1965 — член Исполкома Коммунистической партии Англии; с 1921 г. — редактор журнала «Лейбор мансли».

Пандит, Р. С. (1893—1944). Муж сестры Джавахарлала Неру Виджаялакшми. Находясь в тюрьме во время кампании несотрудничества, занимался научной работой — переводами с санскрита на английский язык.

Паниккар, К. М. (1895—1963). Историк; недолгое время был членом Конгресса, после 1947 г. занимал пост посла.

Пант, Г. Б. (1887—1961). 1923—1930 — лидер фракции свараджистской партии в Совете Соединенных провинций; 1928 — был вместе с Джавахарлалом Неру жестоко избит в Лакхнау во время демонстрации против комиссии Саймона; 1937—1939 и 1946—1955 — главный министр правительства штата Уттар-Прадеш; 1955—1961 — министр центрального правительства.

Патвардхан, Ачют (р. 1905 г.). 1934 — член конгресс-социалистической партии; 1936 — член Рабочего комитета Конгресса.

Патель, Сардар Валлабххай (1875—1950). 1928 — организовал кампанию невнесения арендной платы в Бардоли; 1946—1947 — член временного правитель-

ства; 1947—1950 — заместитель премьер-министра и министр внутренних дел по делам штатов, информации и радиовещания.

Петик-Лоуренс, (1871—1961). 1945—1947 — министр по делам Индии; 1946 — член миссии английского кабинета в Индии.

Прасад, Раджендра (1884—1963). 1917 — стал последователем Махатмы Ганди; 1934, 1939 и 1948—1949 — председатель Конгресса; 1950—1962 — президент Индии.

Рай, Лала Ладжпат (1885—1928). В 1907 г. поддерживал экстремистов и на полгода был заключен в тюрьму в Мандалае; 1920 — председатель Конгресса; член свараджистской партии, выйдя из которой основал Националистическую партию; был избит полицией на демонстрации в Лахоре против комиссии Саймона и спустя несколько дней скончался.

Раджагопалачарья, Ч. (1878—1972). Мадрасский юрист. 1919 — участник движения несотрудничества; 1922—1942, 1946—1947 и 1951—1954 — член Рабочего комитета Конгресса; 1937—1939 и 1952—1954 — главный министр Мадраса; 1947—1948 — губернатор Западной Бенгалии; 1948—1950 — генерал-губернатор Индии; 1950—1951 — министр без портфеля и министр внутренних дел центрального правительства; основатель консервативной партии «Сватантра».

Рам Чандра, Баба (1875—1950). Организатор крестьянского движения в ряде округов Соединенных провинций.

Ридинг, Р. И. (1860—1935). 1921—1926 — вице-король Индии.

Рой, Б. Ч. (1882—1962). 1948 — до кончины — главный министр Западной Бенгалии.

Рой, М. Н. (1893—1954). Уехал из Индии в 1915 г. и принимал участие в революционном движении в Мексике и Европе; 1920 — присутствовал на Втором всемирном конгрессе Коминтерна; 1927 — представитель Коминтерна в Китае; 1928 — разошелся во взглядах с Коминтерном; 1930 — по возвращении в Индию арестован и приговорен к шести годам тюремного заключения; во время второй мировой войны поддерживал английское правительство.

Саксена, М. (1896—1965). 1924—1926 — главный парламентский организатор свараджистской партии в Совете Соединенных провинций; 1928 — помогал проводить бойкот комиссии Саймона в Лакхнау; 1928—1935 — секретарь комитета Конгресса Соединенных провинций; 1948—1950 — министр по делам устройства беженцев центрального правительства.

Сампурнананд (1891—1969). 1955—1960 — главный министр штата Уттар-Прадеш; 1962—1967 — губернатор штата Раджастан.

Сантанам, К. (р. 1885 г.). Мадрасский юрист; 1920 — участник движения несотрудничества; 1923 — вместе с Джавахарлалом Неру арестован в Набхе; 1943—1948 — один из редакторов газеты «Хиндустан таймс»; 1948—1952 — государственный министр в центральном правительстве Индии.

Сапру, сэра Т. Б. (1875—1949). 1920—1923 — член Совета при вице-короле; один из самых видных лидеров либеральной партии.

Сатьямурти, С. (1889—1943). 1923—1930 — член Совета Мадраса; 1935—1943 — член центрального Законодательного собрания, конгрессист, несколько раз заключался в тюрьмы во время кампаний несотрудничества.

Сиддики, А. Р. Видный деятель Мусульманской лиги в Бенгалии.

Ситарамаяй, Б. Паттабхи (1880—1959). Деятель Конгресса, занимавшийся вопросами движения народов княжеств; 1948 — председатель Конгресса; 1952 — 1957 — губернатор штата Мадхья-Прадеш.

Сухраварди, Х. С. (1893—1963). Руководитель Мусульманской лиги Бенга-

ли; 1943—1945 — министр; 1946—1947 — главный министр; 1956—1957 — премьер-министр Пакистана.

Тагор, Рабиндранат (1861—1941). Поэт, автор романов, эссе и пьес, главным образом на бенгальском языке, но также и на английском; лауреат Нобелевской премии по литературе 1913 г.; занимался политическими и социальными проблемами Индии и в знак протеста против жестокой расправы в Амритсаре отказался от дворянского титула.

Тандон, Пурушоттам Дас (1882—1962). Член Конгресса; 1937—1939 и 1946—1950 — спикер Законодательного собрания Соединенных провинций; 1950 — председатель Конгресса, ушел с этого поста из-за разногласий с Джавахарлалом Неру.

Тилак, Бал Гангадхар (1856—1920). Редактор журналов на английском языке и маратхи; считался главой экстремистов и был осужден на длительные сроки тюремного заключения; автор научных работ по индийской истории и философии.

Уэйвэлл, сэр Арчибальд (1883—1950), 1941—1943 — главнокомандующий вооруженными силами в Индии; 1943—1947 — вице-король Индии.

Уиллингдон (1866—1941). 1913—1919 — губернатор Бомбея; 1919—1924 — губернатор Мадраса; 1931—1936 — вице-король Индии.

Хак, Фазлуд (1873—1962). 1913—1920 — член Законодательного совета Бенгалии; 1916—1921 — председатель Мусульманской лиги; 1937—1943 — главный министр Бенгалии.

Хан, Абдул Гаффар (1891—1988). Руководитель Конгресса в Северо-западной пограничной провинции; 1929 — основал добровольную организацию «Кранные рубашки»; 1947—1955 — находился под арестом в Пакистане.

Хан, Лиакат Али (1895—1951). С 1936 г. — генеральный секретарь Мусульманской лиги; 1946—1947 — член временного правительства; с 1947 г. до убийства — премьер-министр Пакистана.

Хан, Сахиб (1882—1958). Брат Гаффар-хана и личный друг Джавахарлала Неру; 1937—1939 и 1945—1947 — главный министр Северо-западной пограничной провинции; убит в 1958 г.

Хан, сэр Сикандар Хайат (1892—1942). 1930—1935 — начальник налогового управления Пенджаба; 1935—1937 — заместитель управляющего Резервным банком Индии; 1937—1942 — главный министр Пенджаба и руководитель Юнионистской партии.

Хан, Хаким Аджмал (1865—1927). 1921 — председатель Конгресса.

Хейг, сэр Хэрри (1881—1956). 1925 — личный секретарь вице-короля Индии; 1926—1930 — министр внутренних дел английского правительства Индии; 1932—1934 — начальник департамента внутренних дел; 1934—1939 — губернатор Соединенных провинций.

Хейли, сэр Малькольм (1872—1969). 1919—1924 — член Совета при вице-короле; 1924—1928 — губернатор Пенджаба; 1928—1930 и 1931—1934 — губернатор Соединенных провинций.

Хор, сэр Сэмюэль (1880—1959). 1931—1935 — министр по делам Индии.

Хусаин, сэр Фазл-и (1877—1936). Один из основателей Юнионистской партии; 1930—1935 — член Совета при вице-короле.

Хэллет, сэр Морис (1883—1969). 1930—1932 — главный секретарь Бихара и Ориссы; 1932—1936 — министр внутренних дел английского правительства Индии; 1937—1939 — губернатор Бихара; 1939—1945 — губернатор Соединенных провинций.

Чхаттари, наваб (р. 1888). 1923—1925 — министр промышленности Соединенных провинций; 1926—1933 — начальник департамента внутренних дел Соединенных провинций; 1947 — премьер-министр Хайдарабада.

Шервани, Т. А. К. (умер в 1935 г.). 1931 — председатель комитета Конгресса Соединенных провинций.

Шри Пракаса (1890—1971). 1928—1934 — секретарь комитета Конгресса Соединенных провинций; 1927 и 1931 — секретарь Конгресса; после 1947 г. занимал посты верховного комиссара Индии в Пакистане, министра центрального правительства и губернатора Ассама, Мадраса и Махараштры.

Эмери, Л. С. М. С. (1873—1955). 1924—1929 — министр по делам колоний; 1940—1945 — министр по делам Индии.

Эмерсон, сэр Герберт (1881—1962). 1930—1933 — министр внутренних дел английского правительства Индии; 1933—1938 — губернатор Пенджаба.

Эндрюс, С. Ф. (1871—1940). Прибыл в Индию в 1904 г. в качестве члена «Кембриджского братства»; спустя десять лет покинул эту миссию; друг Ганди и Тагора, был тесно связан с националистическим движением.

Эрскин, лорд (1895—1953). 1934—1940 — губернатор Мадраса.

Эттли, К. Р. (1883—1967). 1927—1930 — член постоянной комиссии (Саймона) в Индии; 1945—1951 — премьер-министр Великобритании.

СЛОВАРЬ ИНДИЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

Анна	— одна шестнадцатая рупии
Ахимса	— ненасилие
Баба	— религиозный руководитель
Бапу	— отец, учитель
Бегари	— принудительный труд
Брамины	— высшая каста у индусов
Вакил	— адвокат, стряпчий
Гурдвара	— сикхский храм
Дал	— чечевица
Даршан	— человек, который, как считается, приносит удачу
Джатха	— отряд, команда
Джи	— частица, добавляемая к имени в знак уважения
Заминдар	— землевладелец, в частности в Бенгалии
Ид	— мусульманский праздник
Карма	— судьба
Кисан	— крестьянин
Кисан сабха	— крестьянский союз
Кумб мела	— праздник, отмечаемый один раз в двенадцать лет на берегу Ганга в районе г. Аллахабада
Кхади, кхаддар	— ткань, сотканная из ручной пряжи
Кшатрии	— вторая высокая, военная каста у индусов
Латхи	— палка, дубинка
Маджлис	— общество студентов-индийцев в Кембридже
Мадраса	— исламская школа, медресе
Маулана	— ученый мусульманин
Назарана	— незаконные подати
Невар	— широкая полоса хлопчатобумажной материи, используемая как постельное белье
Пай	— одна двенадцатая анны
Пандал	— навес
Пандит	— ученый
Панчаят	— деревенский совет
Панчаят радж	— система органов сельского управления
Пункха	— потолочный вентилятор, вращаемый шкивом
Раби	— весенний урожай
Рай бахадур	— титул, которым английское правительство награждало индийцев
Риши	— святой
Садху	— аскет

- Саньясини
Сатьяграха
- Сахаяк
Свадеш
- Сварадж
Сева самити
- Сир
Такли
Талукдар
Талукдари
Техсил
Техсилдар
Тилак сварадж фонд
- Тхана
Халифатистское движение
- Хариф
Хартал
Хиндустани сева дал
Чакра
Чapati
Шарад пурнима
Шикар
Экка
Эккавала
- женщина, ушедшая от мира
 - буквально «упорство в истине», тактика ненасильственного сопротивления, предложенная Ганди
 - помощь
 - движение за развитие национальной промышленности
 - свобода, независимость
 - ассоциация содействия общественному благосостоянию
 - земли, обрабатываемые лично
 - ручное веретено
 - землевладелец, в частности в Авадхе
 - система землевладения «талукдаров»
 - налоговый участок
 - чиновник, возглавляющий такой участок
 - фонд, учрежденный Конгрессом в память Тилака в 1920 г. для финансирования движений несотрудничества и национально-освободительной борьбы
 - полицейский участок
 - возникшее после первой мировой войны движение протеста против расчленения Турецкой империи
 - осенний урожай
 - забастовка
 - Индийский корпус добровольцев
 - прялка
 - плоский бездрожжевой хлеб, лепешка
 - ночь полнолуния в октябре
 - охота
 - конный экипаж
 - кучер такого экипажа

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Пролог	7
1. Ранние годы	10
2. Бесцельное существование	25
3. Погружение в политику	31
4. Среди крестьян	39
5. Умеренный последователь Ганди	54
6. В тюрьме Набхи	72
7. Уход в административную деятельность	79
8. В Европе. 1926—1927	97
9. Движение за независимость	111
10. Напряжение и спад	142
11. Аграрный кризис в Соединенных провинциях	160
12. То в тюрьме, то на свободе	179
13. Смерть Камалы Неру	202
14. Во главе партии	210
15. В разладе с Конгрессом	235
16. Военный кризис	267
17. Миссия Криппса	297
18. Курс на столкновение	310
19. Послевоенная прелюдия	324
20. Миссия английского кабинета	338
21. Временное правительство	354
22. Передача власти	371
Примечания	394
Биографические справки	437
Словарь индийских выражений	444

Сарвепалли Гопал
ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Биография Том I

1889—1947

В книге использованы архивные фотографии.

Редактор *И. С. Корнеева*
Художественный редактор *Г. Н. Губанов*
Технические редакторы *Г. В. Лазарева, М. Г. Акколаева, Д. Я. Белювская*
Корректоры *В. В. Евтюхина, И. В. Леонтьева*

ИБ № 17319

Сдано в набор 23.09.88. Подписано в печать 16.03.89. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Печ. л. 28 + 1,25 печ. л. вклеек Кр.-отт. 29,63. Уч.-изд. л. 30,31. Тираж 37 000 экз. Заказ № 1073. Цена 2 р. 10 к. Изд. № 43255.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.